This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

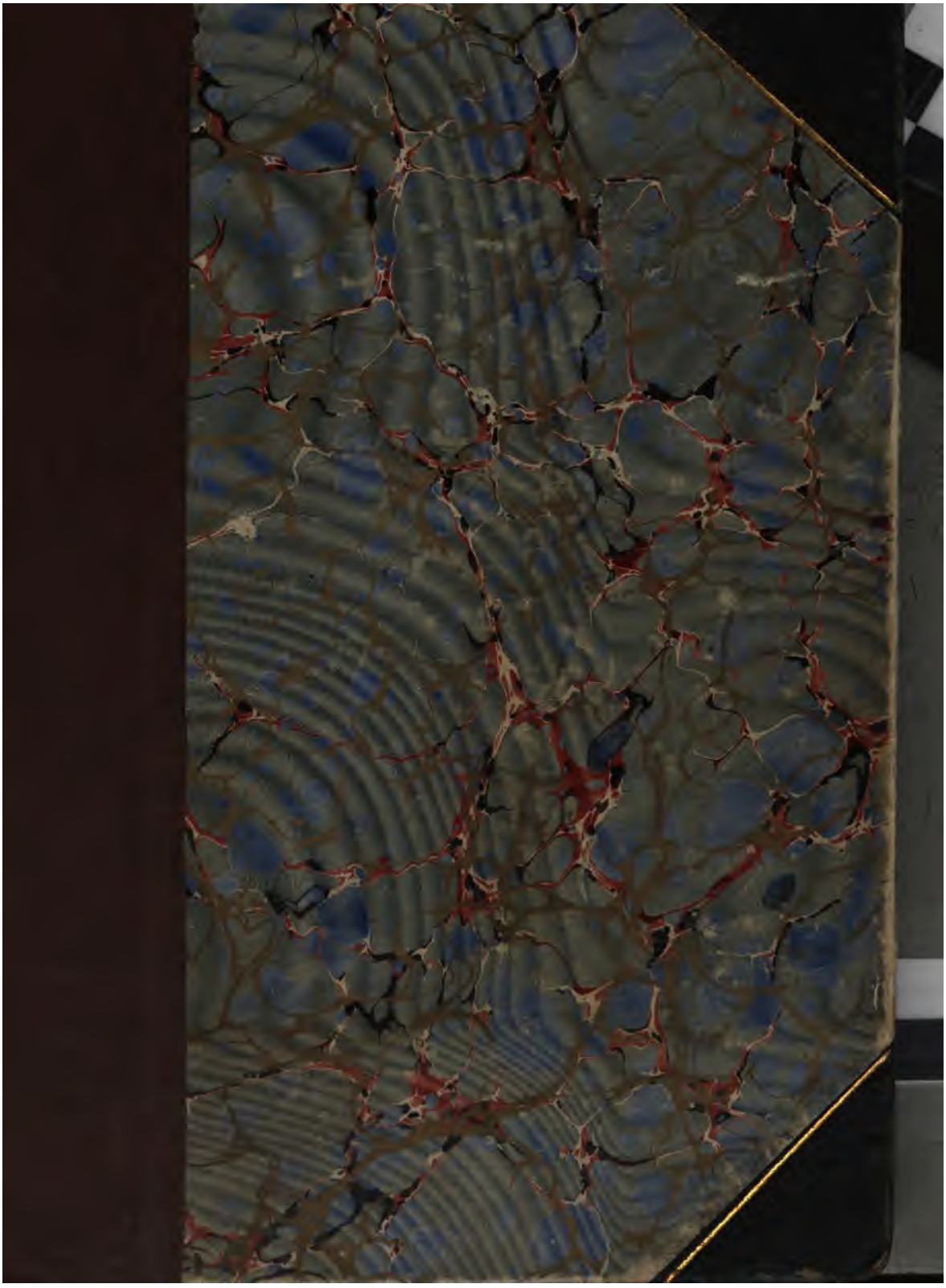
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

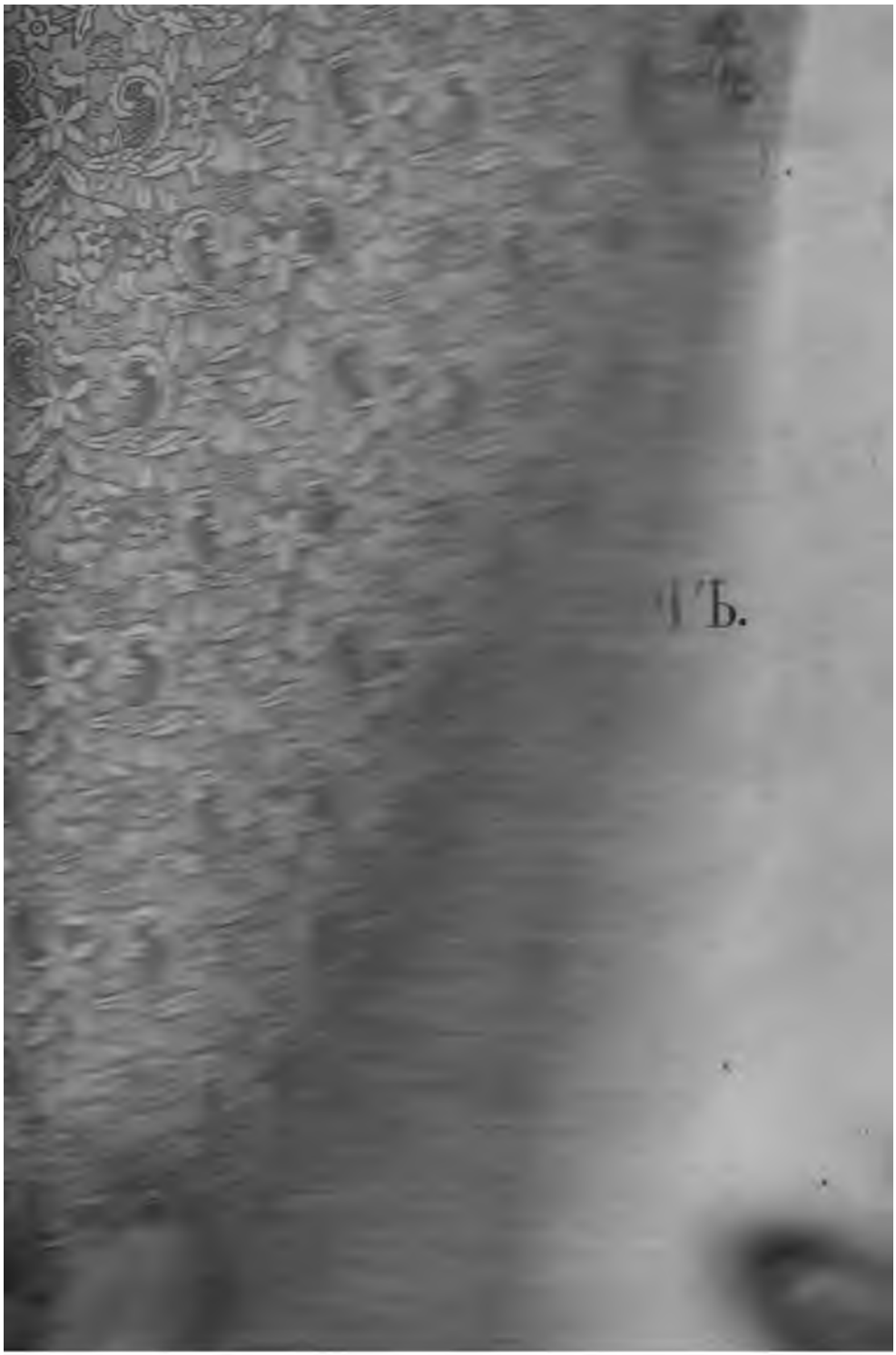
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES



179

0.

Б. М. МАРКЕВИЧЪ.

Markevich, B. M.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Б. М. МАРКЕВИЧА.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія (бывшая) А. М. Котомина, Фонтанка, д. № 93.
1885.

PG3467
M327
1885
v.7

FUMIGATED 5/80

Содержаніе

СЕДЬМАГО ТОМА:

	СТРАН.
Часть третья	1
Часть четвертая	277

ПЕРЕЛОМЪ.

ПЕРЕЛОМЪ.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРІЯ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Ветхая мимо идоша и вся быша нова.

I.

The right man in the right place.

Силушка въ немъ живчикомъ переливается.
Былина о Вольгѣ-богатырѣ.

Тишь да гладь. Родимая, русская природа съ ея тихо волнующимися линіями, съ ея не поразительною, но глубоко за сердце захватывающею, задумчивою прелестью... Вечеръ догораетъ. Пахнетъ аиромъ и дикою мятой. Чуть-чуть переливаясь золотыми струйками, рябитъ лоно заросшей камышами, запруженной рѣчки, обращенной въ прудъ. Издали несется глухой стукъ усердно работающей толчеи. За рѣкой синѣетъ высокоствольный, густолиственный лѣсъ, а надъ нею, словно тѣшась и играя, несется легкій паръ предвечерняго тумана. Болотныя птички довѣрчиво перепархиваютъ стаями, перебѣгаютъ на длинныхъ ножкахъ по желтому песку прибережья; онѣ будто знаютъ, что имъ не грозитъ здѣсь опасности, что хозяинъ этихъ мѣстъ бережетъ ихъ приволье, не дозволяетъ ни себѣ, ни другимъ охотиться на принадлежащихъ ему берегахъ...

Вотъ и самъ онъ сидитъ съ толстымъ янтарнымъ мундштукомъ крученой папиросы въ зубахъ, подъ кровомъ незатѣйливой деревянной бесѣдки, устроенной въ концѣ большаго тѣнистаго сада, на холмикѣ, выдающемся мысомъ надъ самою запрудой. Это уже сѣдой, но очень еще свѣжій, увѣченный, но крѣпкій человѣкъ, съ живыми голубыми глазами, глядящими съ какою-то нежданною привѣтливостью изъ-подъ низко-нависшихъ надъ ними густыхъ, словно угрожающихъ бровей. Пустой рукавъ болтается, пристегнутый къ одной изъ пуговицъ лѣваго борта его полотнянаго лѣтняго *кителя*. Недостающую въ немъ руку оторвала французская граната на одномъ изъ севастопольскихъ бастіоновъ. Это одинъ изъ уцѣлѣвшихъ изъ того разметаннаго такъ еще недавно орлинаго гнѣзна „Черноморцевъ", о которомъ въ кипени *преобразовательнаго* водоворота какъ бы поспѣшила тотчасъ же забыть Россія,—капитанъ 1-го ранга, Павелъ Григорьевичъ Юшковъ. Онъ вышелъ въ отставку вслѣдъ за заключеніемъ мира съ „союзниками" и, поселившись въ этихъ мѣстахъ въ небольшомъ, но хорошо устроенномъ жениномъ имѣніи, исправляетъ въ настоящую минуту, до новыхъ выборовъ, должность уѣзднаго предводителя дворянства, за внезапною смертью старика князя Тарханова, кандидатомъ котораго состоялъ онъ до тѣхъ поръ.

Онъ не одинъ. По другой сторонѣ простаго сколоченнаго изъ двухъ досокъ стола, крашенаго зеленою краской съ пузырящимися по немъ слѣдами небрежнаго мазка, сидитъ собесѣдникъ его, братъ, Василій Григорьевичъ Юшковъ.

Вы не забыли его, читатель? Мы разстались съ нимъ у смертнаго одра „неземнаго" существа, унесшаго въ иной міръ *все*, счастливѣйшее и горчайшее, что уже на склонѣ лѣтъ, въ теченіе двухъ-трехъ недѣль, дано было испытать ему въ жизни... Онъ долго не могъ притти въ себя послѣ „ея" кончины, долго не могъ справиться съ подрывавшею его тоской. „Блеснуло на мигъ райское видѣніе и—исчезло", повторялъ себѣ немолчно старый идеалистъ,—„исчезло *до новаго свиданія*. Когда же, когда?"... не договаривалъ онъ, боясь грѣховнымъ ропотомъ нарушить въ собственной душѣ то „дѣтское смире-

ніе предъ Высшимъ", котораго „*она*" была „чистѣйшимъ сосудомъ" и „животворнѣйшимъ образцомъ"... Такъ прошло много лѣтъ. Онъ давно успѣлъ выслужить пенсію, но все также продолжалъ *смотрительствовать* и преподавать во ввѣренномъ ему уѣздномъ училищѣ, находя при этой должности наиболѣе удобствъ для исполненія воли покойнаго князя Ларіона Васильевича Шастунова, оставившаго ему по завѣщанію, какъ извѣстно читателю *), довольно значительную сумму денегъ „для вспомоществованія, по его усмотрѣнію, дѣтямъ бѣдныхъ родителей, желающимъ получить образованіе". Всѣ помышленія старика все время посвящены были съ тѣхъ поръ заботамъ объ „этомъ павшемъ ему, недостойному, на долю святомъ дѣлѣ", какъ выражался онъ на своемъ вѣчно восторженномъ языкѣ. И сколько онъ въ теченіе минувшихъ теперь со смерти завѣщателя двѣнадцати лѣтъ успѣлъ отыскать молодыхъ способностей и силъ, поставить ихъ на ноги и провести черезъ всѣ ступени ученья, сколько сирыхъ вдовъ и обнищалыхъ отцовъ ставили за него свѣчи предъ иконами за „выведенныхъ имъ въ люди" дѣтей своихъ!...

Съ возвращеніемъ въ „родныя мѣста" брата, котораго онъ былъ старѣе на цѣлыя восемь лѣтъ и съ которымъ лѣтъ двадцать не видался до той минуты, розы какъ бы опять разцвѣли на душѣ Василія Григорьевича. Этотъ братъ, „герой и мученикъ за отечество", не вытѣснилъ,—нѣтъ, но помѣстился рядомъ, равноправнымъ хозяиномъ, съ „небеснымъ" образомъ усопшей княжны Лины въ этой младенчески-чувствительной душѣ. Онъ, какъ говорится, не могъ *надышаться* на этого брата, налюбоваться имъ, его „безтрепетною" рѣчью, его „отважнымъ" видомъ, и „этимъ, этимъ всѣмъ, что онъ *тамъ* дѣлалъ... Господи, отъ одного отца, отъ одной матери,—и вдругъ *такой* человѣкъ!" шепталъ онъ внутри себя, слушая его разсказы и признавая самого себя такимъ „мелкимъ, жалкимъ, ничтожнымъ" въ сравненіи съ нимъ, съ „Пашей",—съ „доблестнымъ командиромъ *Памяти Азова* **) и 4-го бастіона,

*) *Четверть вѣка назадъ*. Глава послѣдняя.

**) Такъ называлось одно изъ большихъ судовъ бывшаго Черноморскаго флота.

имя котораго на вѣки записано *на скрижаляхъ отечественной исторіи*"...

Онъ и въ эту минуту (онъ проводилъ все каникулярное время у брата въ деревнѣ,) слушалъ его съ замирающимъ дыханіемъ, со словно оробѣлыми отъ восторга глазами, хотя Павелъ Григорьевичъ разсказывалъ ему не про четвертый бастіонъ, ниже про трехдечную громаду, надъ палубою которой звучалъ когда-то его властный голосъ, а про нѣкую даму, „землевладѣлицу" *его* уѣзда, пріѣзжавшую къ нему нынѣшнимъ утромъ съ просьбой, удовлетвореніе которой представлялось ему очень затруднительнымъ.

— „Вы здѣшній предводитель, повторялъ онъ оживленнымъ, полуозабоченнымъ, полунасмѣшливымъ тономъ ея слова,—мнѣ не къ кому другому обратиться здѣсь. *Она* не принимаетъ никакихъ писемъ отъ меня, не пускаетъ меня къ себѣ. Мать моего мужа! Она мнѣ наконецъ должна, говоритъ, возвратить хотя то, что̀ я принесла ея сыну, мои собственныя деньги, сто тридцать пять тысячъ, которыя я за него заплатила, чтобы спасти его отъ тюрьмы въ Парижѣ. Она непроходимая дура, это всѣ знаютъ, но должна же она понимать, что она не можетъ, не смѣетъ пустить меня по̀-міру, что я не позволю ей этого, что мнѣ сто̀итъ только захотѣть,—и я такой подыму скандалъ на нихъ съ сыномъ... Вѣдь онъ всѣ мои бриллiанты, говоритъ, укралъ у меня изъ ящика и отдалъ своей любовницѣ, — и если я этого скандала не сдѣлала до сихъ поръ, то единственно изъ уваженіи къ ихъ имени, которое ношу и я и которое они кинули въ грязь"!...

Скорбное выраженіе разлилось мгновенно по всѣмъ чертамъ старика-смотрителя; онъ закачалъ головой:

— Въ грязь, въ грязь, да,—такое имя! какимъ-то стенящимъ звукомъ вырвалось у него изъ груди.

Павелъ Григорьевичъ быстро обернулся на него и, какъ бы сообразивъ тотчасъ, проговорилъ, участливо глядя ему въ лицо:

— Да вѣдь этотъ мужъ ея — родной, стало-быть, братъ твоей... княжны?

— Братъ, прошепталъ, уныло потупившись, тотъ,—такой

сестры братъ и такого человѣка, какъ покойный князь Ларіонъ Васильевичъ Шастуновъ, родной племянникъ... И такъ опустить себя!

Отставной морякъ пыхнулъ изъ своего мундштука и невесело усмѣхнулся:

— Да, братъ Василій, на этотъ счетъ я даже давно себѣ замѣчаніе сдѣлалъ: повѣтріе что-ли какое, чортъ его знаетъ, пошло нынче на большія-то имена наши, только чѣмъ знатнѣе и богаче родится теперь такой молодчикъ, тѣмъ дряннѣе человѣкомъ словно норовитъ онъ выйти.

— И что-жь хорошаго, Паша? робко замѣтилъ Василій Григорьевичъ: — имъ бы, напротивъ того, примѣръ показывать, вотъ какъ прежніе настоящіе вельможи были...

— Были... да сплыли, уронилъ его братъ:—видно не надо больше!...

— Государственныхъ-то людей не надо, Паша?

— На что? И верхоглядами обойдемся... Дай срокъ, свистуны настоящіе еще пойдутъ: къ тому идемъ!...

Онъ разомъ перемѣнилъ разговоръ:

— Да вѣдь ты, должно быть, и эту самую княгиню знаешь, — молодую? Она, говорятъ, бывшаго вашего исправника здѣшняго дочь? По виду не скажешь: такая grande dame!... Развѣ что ужь черезчуръ бойка и рѣчиста...

— Знаю, милый, знаю; какъ не знать! И батюшку-то ея покойнаго зналъ; въ одномъ городѣ шесть лѣтъ къ ряду прожили. Безъ правилъ безо всякихъ былъ человѣкъ, а только, повѣришь, — эстетикъ, къ прекрасному пламенемъ горѣлъ. Удивительно! Такъ, могу сказать, загадкой для меня и по сей часъ остался...

— Ну, а она что, дочь?... Особа недюжинная, сколько судить могу.

Василій Григорьевичъ осторожно обвелъ кругомъ глазами и заговорилъ шопотомъ, какъ бы боясь, чтобы кто нибудь не подслушалъ его словъ и не „смутился“ бы ими:

— По истинѣ скажу тебѣ, молоденькая еще очень она была, какъ увидалъ я эту особу у отца ея покойнаго, а такое съ самаго перваго раза произвела она на меня впечатлѣніе.—

гетера, ну, вотъ какъ есть аѳинская гетера, жрица наслажденія, не способная по натурѣ своей ни къ какому духовному стремленію, олицетворенное отрицаніе всего божественнаго на землѣ...

Морякъ усмѣхнулся.

— Да, она, надо думать, земной-то жизни вкусила всласть; пронзительная барыня по всѣмъ статьямъ, — глаза одни чего стоятъ!... Съ первымъ-то мужемъ она развелась?

— Какъ же! А человѣкъ какой хорошій, благородный!

— Знаю, Ранцовъ, Никаноръ Ильичъ, нашъ помѣщикъ, членъ губернскаго крестьянскаго присутствія. Человѣкъ отличный, дѣйствительно!.. Она вѣдь это мнѣ все съ полною откровенностью разсказывала, продолжалъ Павелъ Григорьевичъ.— Уморительная барыня! Играла она, видимо, въ Петербургѣ не послѣднюю роль, ко двору ѣздила и прочее... И полюбилъ ее тамъ не молодой ужь, но очень большой баринъ, первый чинъ придворный, а она его. „Единственный", увѣряетъ, „человѣкъ, котораго я любила въ жизни!" Вотъ она изъ-за любви изъ-за этой и рѣшилась съ мужемъ развестись, чтобы за того графа выйти. Ранцовъ все на себя принялъ, — она, надо ей справедливость отдать, съ большимъ одобреніемъ о немъ относится... Только пока у нихъ это дѣло шло по консисторіямъ по всякимъ, графъ-то ея возьми, да и умри отъ простуды. Тутъ она, говоритъ, чуть съ ума не сошла, заболѣла и шесть недѣль съ постели не вставала. И такъ надо понимать по ея словамъ, что она въ то время готова была опять съ мужемъ сойтись, что ей это даже совѣтовалъ этотъ ея графъ предъ смертью. Только тутъ къ ней подъѣхалъ ея теперешній князекъ безпутный...' Вѣдь мальчишка, сама говоритъ, на много моложе ея! Я ей прямо: „Какъ это вы, говорю, рѣшились за него итти, княгиня?" Даже расплакалась. „Я, говоритъ, всегда была сумасшедшая: онъ такъ безумно влюбленъ былъ въ меня, преслѣдовалъ, клялся, съ пистолетомъ прибѣжалъ разъ, грозилъ застрѣлиться тутъ же у моихъ ногъ"...

— Словамъ безумнымъ повѣрила! закачалъ головой смотритель.

— Ну, это *она* говоритъ! замѣтилъ на это братъ его съ новою улыбкой, — а такъ полагать надо, что именемъ да состояніемъ прельстилась: князь Шастуновъ, въ одномъ нашемъ уѣздѣ 3,500 душевыхъ надѣловъ, понынѣшнему говоря, а что еще въ другихъ губерніяхъ, — лестно для такой женщины!... Только все это оказалось не его, а матери, потому какія даже перешли ему лично имѣнія отъ отца и отъ дяди, — твоего князя Ларіона Васильевича покойнаго,—такъ и тѣ она перекупила у него, то-есть по-просту скупила векселя по надѣланнымъ имъ еще до женитьбы долгамъ въ Петербургѣ, да и заставила его перевести на нее все свое недвижимое. Баба эта—кулакъ, извѣстно; только и винить ее нельзя: сынокъ-то совсѣмъ лядящій выходитъ.

— И съ дѣтства не обѣщалъ, тихо вымолвилъ Василій Григорьевичъ, — ангелъ-то мой, Елена Михайловна, душой смущалась, видимо, какъ только бывало заговорятъ о немъ... А ужь про эту мать, про княгиню Аглаю Константиновну, лучше и не говорить. Паша, всклинкнулъ онъ, схватившись вдругъ обѣими руками за голову,—вѣдь она *ее* въ гробъ свела, одна она!...

— Знаю, Василій братъ, знаю! Только опять же скажу, что въ этомъ дѣлѣ женитьбы сына надо и въ ея положеніе войти. Сынъ—мальчишка, мотъ, едва совершеннолѣтній, безъ ея вѣдома вѣнчается на женщинѣ старѣе его, *разводкѣ*, сомнительной, самъ ты находишь, нравственности:—радоваться-то, по правдѣ, нечему!

— Да кто-жь про это, кто! жалобно проговорилъ старшій Юшковъ.

— Вѣдь сама же она мнѣ передавала, молодая-то княгиня, продолжалъ младшій:—онъ даже на бракъ дозволенія отъ начальства своего въ лейбъ-гусарскомъ полку не имѣлъ. Отпросился въ четырехмѣсячный отпускъ за границу, для излѣченія будто бы болѣзни, и гдѣ-то по пути въ деревушкѣ обвѣнчался съ нею, да прямо въ Парижъ, а оттуда въ полкъ просьбу объ отставкѣ, а матери:—„поздравьте меня, молъ, мамаша, я женатъ“! Ну, что изъ этого вышло—самъ можешь судить!... Старуха въ азартъ вошла неописанный,—въ Петер-

бургъ, въ III Отдѣленіе, съ письмомъ на Высочайшее имя... Только изъ этого ничего не вышло. Не развѣнчивать же ихъ! Да и притомъ не достать,—въ чужихъ краяхъ, не выдадутъ... Не прежнія времена, какъ бы невольно сорвалось съ устъ отставнаго Черноморца,—когда отъ одного манія бровей на берегахъ Невы трепетала вся Европа!... Мать, само собой, какъ ты знаешь, пуще озлилась, стала ему съ каждою почтой ругательныя письма слать, чтобъ онъ немедленно жену кинулъ и ѣхалъ къ ней на объясненіе, а въ противномъ случаѣ она-молъ его проклянетъ... Вѣдь она, кромѣ того что кулакъ, еще глупости непомѣрной, говорятъ, женщина?

— Ахъ, Господи, весь даже покраснѣлъ старикъ-смотритель,—коза рогатая въ кринолинѣ!

— Грошъ за мною, Василій, засмѣялся морякъ,—такъ и очертилъ разомъ!... Ну, а сынъ съ женой и въ усъ себѣ не дуютъ: все-молъ перемелется, мука будетъ; единственный сынъ, — рано-ли, поздно-ли, все-молъ его будетъ, да и старухѣ-то надоѣстъ злиться, положитъ гнѣвъ на милость. А пока деньги есть,—онъ привезъ съ собой, говоритъ она, просительница моя, тысячъ тридцать, 120,000 франковъ,—повеселиться на это въ Парижѣ можно!... Ну и пошли!... Коротко сказать, въ два года,—женился онъ на ней весной въ позапрошломъ 1860 году, а вернулись они въ Россію полтора мѣсяца назадъ, въ маѣ нынѣшняго 1862 года,—просадили они тамъ, кромѣ его денегъ, и весь ея капиталъ,—эти самыя сто тридцать пять тысячъ, которыя она теперь требуетъ отъ свекрови, и, какъ она разсказываетъ, три четверти этой кучищи денегъ пошли не на ихъ собственные расходы, а на одну тамошнюю... какъ бишь называешь ты это *подревнему*, — „гетера“? Ну, а ихъ понынѣшнему „лоретками“ зовутъ, подчеркнулъ смѣясь Павелъ Григорьевичъ:—такъ онъ вотъ на этакую госпожу промѣнялъ красавицу жену по прошествіи, говоритъ она, едва-ли года послѣ ихъ брака.

Старикъ молча и гадливо глянулъ въ сторону.

— Многое послѣ того можетъ ей прощено быть! словно сронилъ онъ съ губъ.

— Правильно, Василій!.. И пресмѣшно разказываетъ она, какъ онъ ее, жену свою, сначала обманывалъ, увѣрялъ, что онъ ходитъ на лекціи,—страсть къ ученію, вишь, обуяла,—какого-то знаменитаго профессора слушать.. Только она въ одинъ прекрасный вечеръ накрыла его-молодца съ этимъ „профессоромъ“ женскаго пола въ ложѣ какого-то небольшаго театра, куда сама пріѣхала невзначай со своими знакомыми. Она безъ церемоніи выражается, что онъ *послѣ этого* „очень подлымъ себя показалъ“, валялся у нея въ ногахъ, прощенія просилъ, а съ тою все-таки не разстался, занималъ на удовлетвореніе ея прихотей тайкомъ отъ жены деньги направо и налѣво, такъ какъ она ему своего капитала выдать не хотѣла,—пока, наконецъ, не явились агенты тащить его въ долговую тюрьму. Тогда, говоритъ, „я все отдала, все до послѣдняго гроша, чтобы спасти его отъ позора и отъ всѣхъ этихъ огорченій схватила горячку и слегла въ постель. А онъ въ это время выкралъ у меня изъ ящиковъ всѣ мои брилліанты и отдалъ ихъ своей Баруччи, или какъ тамъ ее звали?“.. Послушай, Василій, вскликнулъ вдругъ Черноморецъ, прерывая себя и сверкнувъ глазами,—вѣдь если это все правда, вѣдь это чортъ знаетъ, что за мерзавецъ!

— Я, Паша, даже и понять не могу, какъ могутъ доходить до такихъ низостей люди, взволнованнымъ голосомъ сказалъ на это смотритель, разводя руками.—Она съ нимъ, разумѣется, послѣ этого разсталась? спросилъ онъ черезъ мигъ.

— Вотъ это, признаюсь тебѣ, я изъ ея словъ разобрать не могъ. Она-ли его, онъ-ли ее оставилъ... дѣло только въ томъ, что она дѣйствительно въ очень скверномъ положеніи въ эту минуту. Какъ видно, натворилъ онъ тамъ того, что и посольство наше должно было, наконецъ, вмѣшаться и заставило его оставить Парижъ. Уѣхали они, какъ говоритъ она, не одновременно,—онъ раньше, она позднѣе двумя недѣлями. Пріѣзжаетъ въ Петербургъ и узнаетъ, что ея молодца, по просьбѣ матери и на основаніи того, что онъ, состоя еще въ офицерскомъ званіи, вступилъ въ бракъ безъ дозволенія начальства, повелѣно опредѣлить армейскимъ поручикомъ въ какой-то полкъ Оренбургскаго корпуса, и что его, раба Божья-

го, уже туда отправили „съ провожатымъ“... Въ маѣ это, какъ сказалъ я тебѣ, было. Какъ уѣхалъ онъ, такъ съ тѣхъ поръ, то-есть почти три мѣсяца, она отъ него не получила ни строчки. Она къ матери его письмо за письмомъ, — отвѣта никакого. А жить нечѣмъ. „Никому, говоритъ, въ Петербургѣ показаться не смѣю,—стыдно за мужа; знаю опричь того, что меня тамъ всѣ маменьки — пресмѣшная, говорю тебѣ, барыня!—поѣдомъ ѣдятъ за то, что я отбила у ихъ дочекъ это мое сокровище“... Словомъ, приткнуться некуда, и предпринять что не знаетъ. Характерная притомъ, балованная, видно, до мозга костей,—„на своемъ поставить хочу!“... Вотъ и вздумала она пріѣхать сюда, со свекровью лично объясниться. Остался у нея послѣ отца домишко въ нашемъ уѣздномъ городѣ.

— Отъ моего училища черезъ улицу, какже! подтвердилъ Василій Григорьевичъ.

— Вотъ она тамъ и поселилась...

— Давно-ли?

— Да, говорятъ, вторая недѣля пошла... Какъ только кое-какъ тамъ устроилась, наняла экипажъ, лошадей и маршъ прямо въ деревню къ старухѣ Шастуновой...

— Въ Сицкое? глубоко вздохнулъ смотритель.

— Да!... Пріѣзжаетъ. А тамъ рѣшетка кругомъ двора,— такъ?

— Такъ точно, Паша, желѣзная ограда и все прочее... Великолѣпно. Барское имѣніе настоящее!

Морякъ качнулъ головой:

— Значитъ, какъ разсказывала, вѣрно. Пріѣзжаетъ она къ этой оградѣ. Глядитъ,— ворота на запорѣ. Слуга ея стучать, звать... Никто не отзывается. А видитъ она сквозь рѣшетку, что на крыльцѣ дома люди стоятъ кучкой, глядятъ на ея экипажъ и съ мѣста не трогаются... Унизительно-то какъ, подумай!... Она, говоритъ, такъ разозлилась, что кричать стала... Наконецъ вышелъ къ ней изъ дома дворецкій, Италіянецъ какой-то, котораго, говоритъ, она давно знаетъ...

— Все тотъ же синьйоръ Витторіо, должно быть, уныло улыбнулся старшій Юшковъ:—знаю его.

— Она ему: „что-жь это меня, говоритъ, не пускаютъ? мнѣ надо видѣть княгиню, госпожу вашу“. А тотъ ей на это: „Извините, говоритъ, ихъ сіятельство не принимаютъ“.—„Да знаете-ли вы, съ кѣмъ теперь говорите“, начала было она:— „я жена молодаго князя, я то-то и то-то“... А тотъ, разсказываетъ она, стоитъ за рѣшеткой точно истуканъ каменный.— „Не приказано принимать“, да и только.—„Меня не принимать, меня, когда я здѣсь такая же хозяйка, какъ и сама княгиня!“ кричитъ.—„Я этого ничего не знаю, а только противъ даннаго мнѣ моею госпожей приказанія поступить не могу“... Такъ съ этимъ и вынуждена была она назадъ уѣхать. Можешь себѣ теперь представить положеніе!...

— Вотъ дѣла-то, Паша, вотъ дѣла! могъ только воскликнуть на это совершенно пораженный такими „людскими безобразіями“ старикъ-смотритель.

Женскій голосъ, громко звавшій по имени Павла Григорьевича, заставилъ обоихъ братьевъ обернуть голову.

— Тутъ мы, тутъ, Вѣра Ѳоминишна, что тебѣ? откликнулся морякъ, узнавая жену въ поспѣшно выходившей къ нимъ изъ большой аллеи сада невысокой, полной, лѣтъ 45, женщинѣ, съ добродушнымъ лицомъ и нѣсколько забавными по выраженію заплывшими щелочками глазъ, словно готовыми ежеминутно слипнуться сномъ, между тѣмъ какъ все остальное въ ея наружности дышало чрезвычайною подвижностью и оживленіемъ.

— Ну, ужь извѣстно, заговорила она, входя въ бесѣдку запыхавшимся и смѣющимся голосомъ,—какъ заберутся братцы *по надъ озеро*, такъ и до утра ихъ не дождешься!... А вы посмотрите, какая гостья дорогая къ намъ пожаловала!

Вслѣдъ за Вѣрой Ѳоминишной, изъ той же аллеи, съ накинутымъ на одну руку длиннымъ хвостомъ черной амазонки, съ хлыстикомъ въ другой, въ маленькой, твердой мужской шляпѣ на роскошныхъ темно-красноватыхъ волосахъ, слегка скрипя по песку длинными, породистыми ножками, обутыми въ высокіе ботинки, выходила стройная и тонкая молодая особа, со строгимъ выраженіемъ правильнаго лица и неулыбающимися зелеными глазами.

— Княжна Кира Никитична! вскрикнулъ хозяинъ, кидаясь съ мѣста ей навстрѣчу и протягивая ей свою единственную руку. — Добро пожаловать! Верхомъ по обыкновенію?... Вотъ ужь, дѣйствительно, настоящая наѣздница! Изъ Всесвятскаго прямо изволили примчаться? Что̀ Александра Павловна ка̀къ, милѣйшая? Здорова?

— Она хотѣла ѣхать къ вамъ вмѣстѣ со мной. Экипажъ ужь былъ готовъ, да у Васи зубки идутъ, расплакался вдругъ очень, она встревожилась и осталась, а меня отправила... Мы вѣдь съ ней встрѣчать у васъ Бориса Васильича собрались, примолвила черезъ мигъ и какъ бы принужденно княжна:— онъ намъ сказалъ предъ отъѣздомъ въ ***, что на возвратномъ пути такъ разсчитаетъ, чтобы попасть къ вамъ сегодня къ чаю, а отъ васъ уже домой.

— Ахъ, да вѣдь точно: онъ сегодня долженъ быть изъ нашей губернской резиденціи! У меня, признаюсь, изъ головы было вонъ... Отшибло!

Вѣра Ѳоминишна засмѣялась:

— Отшибло, батюшка, отшибло! Я-жь тебѣ за обѣдомъ говорила, что изъ Всесвятскаго лошади подъ ихъ экипажъ пришли и Скоробогатовъ даже ихъ верховую привелъ, „на случай, говоритъ, полковникъ проѣхаться вздумаетъ“...

— Ну, забылъ, матушка, забылъ, виноватъ! Княжна, присядьте, милости просимъ! Чѣмъ хата богата... Хоть бы на *семъ* первобытномъ сѣдалищѣ, смѣялся онъ, таща къ ней неуклюжій и тяжелый деревянный стулъ.

— Чай пить, значитъ, здѣсь желаете? спросила Юшкова.

— Само собою!

— Такъ я сейчасъ распоряжусь.

Она повернулась и ушла по направленію къ дому своею быстрою *съ развальцемъ* походкой.

— Что это у васъ отсюда за видъ, прелесть! молвила дѣвушка, оставшись одна съ братьями, задумчиво и сосредоточенно устремивъ глаза въ озаренную вечернимъ сіяніемъ даль.

— У васъ во Всесвятскомъ не [illegible] лъ снисходительно хозяинъ, во̀ внутре[illegible] между

тѣмъ никакая мѣстность въ мірѣ не могла сравниться красотой съ его *Углами*.

— Гладко слишкомъ, точно сукно на безконечномъ билліардѣ, усмѣхнулась она,—зацѣпиться не за что взгляду.

— Это точно! разсмѣялся морякъ, — ишь, вѣдь вы какая мастерица на сравненія!

— Вамъ, княжна, понятно, послѣ горъ Швейцаріи, молвилъ старшій Юшковъ,—не только что здѣшняя, но и самыя возвышенныя мѣстности въ нашемъ отечествѣ должны будутъ показаться плоскостями. А вотъ для степняка Русака, какъ я напримѣръ, въ жизнь свою не видавшаго ни моря, ни горъ...

— А Богъ съ ними! какъ бы вырвалось у княжны.

Старикъ нѣсколько растерянно глянулъ на нее.

— Это другая крайность, чуть-чуть усмѣхнулась еще разъ она, — подъ конецъ Швейцарія со своею колоссальною природой давила меня какъ кошмаръ.

— И отлично сдѣлала, воскликнулъ любезно Павелъ Григорьевичъ,—потому что заставила васъ этимъ распроститься съ нею и вернуться въ родныя палестины.

— Я вернулась по желанію Сашеньки, поспѣшила возразить она, какъ бы считая почему-то нужнымъ объяснить это обстоятельство: — на нее предъ рожденіемъ втораго ребенка нашло какое-то нервное состояніе постояннаго страха; ей представлялось все, что она непремѣнно должна умереть, что дѣти ея останутся безъ матери... Она звала меня къ себѣ въ такихъ отчаянныхъ выраженіяхъ, что я рѣшилась... Оказалось, что все это было послѣдствіе ея состоянія и что все обошлось самымъ счастливымъ образомъ...

— А долго изволили вы пребывать въ странахъ Запада въ послѣднее время, княжна? спросилъ, присаживаясь къ дѣвушкѣ, смотритель, которому въ его качествѣ „романтика“ эти „страны Запада“ представлялись чѣмъ-то въ родѣ царства небеснаго на землѣ.

Княжна передала ему, что она, послѣ смерти матери Александры Павловны Троекуровой, а ея тетки, г-жи Лукояновой, у которой она жила въ Москвѣ, то-есть въ началѣ прошлаго 1861 года, уѣхала за границу и вернулась оттуда.

во Всесвятское за три мѣсяца назадъ, въ первыхъ числахъ апрѣля...

— Снятаго или неснятаго вамъ молока? прервала ее вернувшаяся опять въ бесѣдку Вѣра Ѳоминишна въ сопровожденіи прислуги съ большимъ кипящимъ самоваромъ, чайниками и чашками.

Всѣ присѣли къ столу, оказавшемуся черезъ мигъ уставленнымъ всею тою молочною роскошью и вкусными домашними печеньями, какими въ недавнюю еще старину такъ умѣли угощать домовитыя русскія хозяйки.

— А Гриша что же? спросилъ вдругъ, вспомнивъ, хозяинъ, озираясь кругомъ, — онъ не знаетъ, что у насъ дорогая гостья?

— Нѣтъ... онъ скоро вернется, должно быть, отвѣтила ему жена, подставляя чайникъ подъ кранъ.

— А гдѣ онъ?

— Пошелъ товарища проводить, что пріѣзжалъ къ нему.

Павелъ Григорьевичъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ:

— Какого товарища! Когда?

— Да вотъ какъ вы послѣ обѣда ушли сюда съ Василіемъ Григорьичемъ, мы съ Гришей въ столовой остались за кофеемъ. Вбѣгаетъ моя Настя: „Какой-то, говоритъ, господинъ молодой спрашиваютъ Григорія Павлыча, письмо велѣли имъ отдать!“ Гриша взялъ письмо, прочелъ и говоритъ: „Ахъ, это нашъ юристъ“... Фамиліи я не разслышала, потому что онъ ужь изъ дверей уходилъ. И они все время сидѣли въ его комнатѣ.

— Откуда же тотъ пріѣхалъ?

— А ты спроси Гришу, я не знаю. Мнѣ только сказала Настя сейчасъ, что видѣла его, Гришу, когда онъ выходилъ за ворота съ какимъ-то „длинноволосымъ *бѣдокурымъ*“, подчеркнула смѣясь Юшкова,—а за ними парочкой повозка ѣхала, и что лошади Троженковскія, изъ Быкова.

Морякъ сжалъ свои грозныя брови:

— Троженковъ, вотъ еще сокровище завелось! пропустилъ онъ сквозь зубы, глядя на брата.

Тотъ покачалъ головой и сочувственно вздохнулъ.

Княжна, наклонившись къ своему стакану, медленно прихлебывала изъ него молоко, совершенно безучастная, повидимому, къ этому семейному разговору. Но вслѣдъ за передачею хозяйкой примѣтъ незнакомаго ей товарища ея сына глаза дѣвушки внезапно вскинулись, остановились на ней на мигъ и снова опустились, холодные и спокойные. Только въ чуть замѣтномъ трепетаніи ея прозрачныхъ ноздрей можно было бы прочесть какое-то не то гнѣвное, не то гадливое выраженіе.

Но вотъ какъ бы вдругъ еще ниже наклонилась голова ея надъ столомъ и зубы ея чуть-чуть звякнули по ободку стакана, нервно прижатаго ею къ губамъ. Чьи-то приближавшіеся мужскіе шаги вѣско раздавались по скрипучему песку у самой бесѣдки...

II.

Мыслящій Русскій—самый независимый человѣкъ въ свѣтѣ. Что̀ можетъ остановить его: уваженіе къ прошлому? Но что̀ служитъ исходною точкой новой Россіи, если не отрицаніе народности и преданія?
Герценъ. Сборн. посмертн. соч. 1874 г.

— А вотъ онъ и самъ, желанный! вскрикнулъ, быстро поднимаясь съ мѣста, хозяинъ съ радостнымъ привѣтомъ входившему.— А мы васъ всѣ тутъ ждемъ... И княжна вотъ прибыла... Здорово, Борисъ Васильичъ, здорово! Счастливо съѣздили?

— Спасибо, хорошо... All right! какъ говорятъ Англичане, оживленно отвѣчалъ Троекуровъ, пережавъ всѣмъ руки и садясь подлѣ хозяйки. Онъ снялъ дорожную фуражку и взъерошилъ примятыя кольца своихъ свѣтлорусыхъ волосъ.

— Дома все благополучно, княжна? спросилъ онъ, съ ласковою улыбкой и внимательными глазами глядя на нее черезъ столъ, раздѣлявшій ихъ мѣста.

Она неторопливо подняла въ свою очередь глаза на него:

— Саша прислала меня сказать вамъ, что она сама хотѣла быть...

— Да Васенькины зубки помѣшали, не давъ ей договорить, пояснилъ со смѣхомъ Павелъ Григорьевичъ: — молодая маменька, извѣстно!.. Ну что̀ наши губернскіе дѣятели? Столковались вы съ ними? спросилъ онъ, быстро переходя къ предмету, очевидно представлявшему для него большой интересъ.

— Видѣлся со всѣми... Дѣло о Крусановскихъ лугахъ отстоялъ, промолвилъ Борисъ Васильевичъ съ видимо довольнымъ выраженіемъ въ тонѣ.

— Да?... Впрочемъ я и не сомнѣвался. Вѣдь ясно какъ день, и вопроса никакого не могло бы быть, если бы не Сергѣй Михайловичъ Гундуровъ въ губернскомъ присутствіи со своимъ неизбѣжнымъ вѣчно демократизмомъ!

— Есть тотъ грѣхъ! подтвердилъ весело Троекуровъ. — Кстати, княжна, онъ просилъ меня передать вамъ самый сердечный поклонъ, а на будущей недѣлѣ хотѣлъ самъ побывать у насъ, во Всесвятскомъ.

Она молча повела головой въ знакъ признательности.

Онъ продолжалъ:

— Отличный человѣкъ этотъ Гундуровъ; но у него, знаете, вотъ какъ у иныхъ живописцевъ, которые видятъ все окружающее не иначе какъ *желто*, *зелёно* и такъ далѣе, — у него во всякомъ такомъ вопросѣ стоитъ во главѣ a priori, что крестьяне должны быть *непремѣнно* правы, а помѣщикъ— *непремѣнно* виноватъ... Онъ слишкомъ честенъ, разумѣется, чтобы не отказаться отъ своего мнѣнія въ данномъ случаѣ, когда ему докажутъ, что оно ошибочно, но за то это и труда стоитъ. Я два вечера сряду проспорилъ съ нимъ по дѣлу этихъ Блиновскихъ крестьянъ, пока убѣдилъ его... Стоитъ человѣкъ на томъ, что „плантаторы-помѣщики“ только и держатъ въ головѣ, какъ бы опять „закрѣпостить *несчастный*“ народъ подъ тою или другою формой...

— Ну, конечно! молвилъ морякъ Юшковъ съ замѣтною горечью:—это вѣдь камертонъ нынѣшней музыки: все старое омерзительно, все прежнее ненавистно... Одна мужичья сермяга достойна довѣрія, нѣжности и баловства... Мы, „отжившее свой вѣкъ“ дворянство, мы тунеядцы и крамольники, да-съ; это вѣдь про насъ говорится во всѣхъ петербургскихъ канцеляріяхъ,—мы преданные анаѳемѣ люди; отъ насъ надо охранять, какъ отъ чумы, новопроизведенные въ „гражданскій рангъ“ зипунъ и лапоть, чтобы, не дай Богъ, не осквернили мы какъ-нибудь своимъ дыханіемъ благонадежный запахъ его дегтя и навоза!...

Троекуровъ засмѣялся:

— Вѣдь вотъ послушать вашего брата, сказалъ онъ, обращаясь къ старшему Юшкову, — подумаешь: самый яростный крѣпостникъ. А въ губернскомъ комитетѣ зубами отстаивалъ освобожденіе крестьянъ съ землей, и тѣ же „сермяги", надъ которыми онъ теперь такъ злобно издѣвается, во всемъ уѣздѣ нашемъ не иначе его какъ „*отцомъ*" зовутъ.

Павелъ Григорьевичъ досадливо дернулъ плечомъ:

— Это что, батюшка! Меня и матросы на брамстенгѣ не хаяли, когда я ихъ туда отправлялъ... Потому будь, во-первыхъ, справедливъ; во-вторыхъ, пойми ты этотъ народъ, каковъ онъ есть, — что онъ и звѣрь, и плутъ, и душа-человѣкъ въ то же время,—и люби его...

— Во всѣхъ этихъ видахъ равно? добавилъ насмѣшливо его собесѣдникъ.

— Ну да, подтвердилъ серьезнымъ тономъ морякъ:—потому что ты такой же русскій человѣкъ, какъ онъ, тою же русскою водой крещенъ, тою же матушкою русскою землей взлелѣянъ и вспоенъ; потому что корни-то твои съ нимъ общіе, что ты его прирожденный руководитель. Онъ жилъ вѣка подъ...

— Подъ твоимъ произволомъ, добавилъ за него все тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ Троекуровъ.

Юшковъ не смутился.

— Да, но и подъ твоимъ учительствомъ и подъ твоими примѣрами! Съ этимъ, взросшимъ какъ и онъ на вольномъ воздухѣ родной деревни, *бариномъ* во главѣ привыкъ искони нашъ народъ, солдатъ или морякъ, отстаивать русскую землю отъ врага, полонить его арміи, жечь турецкіе флоты... Того же *барина*, давно-ли, въ кутузку, въ тюрьмы упрятывали, на каторгу ссылали за „несвоевременныя" мечтанія объ освобожденіи этого же народа?... А они тамъ, въ Петербургѣ, однимъ почеркомъ пера похерили и вырвали всѣ прежнія преданія и вѣковыя связи, всѣ старые корни, все воспитательное значеніе для народа родоваго помѣстнаго дворянства, все, что такъ необходимо въ правильной государственной машинѣ,— установившіеся обычаи, привычки іерархіи и дисциплины...

— „Привычка — душа державъ“, *вѣщалъ* намъ великій Пушкинъ! тихо проговорилъ смотритель, неотступно и нѣжно глядя во всѣ глаза на брата.

— Э, да что̀ тутъ говорить! махнулъ рукой тотъ,—имъ *тамъ* теперь ничего этого не нужно, ни корней, ни преданій, ни сильнаго государственнаго организма... какъ и никакой морской силы имъ не надо, вырвалось неудержимо изъ устъ отставнаго Черноморца.

Онъ оборвалъ и нахмурился, какъ бы сожалѣя объ этихъ словахъ, обнажавшихъ его сокровенную рану.

Старикъ-смотритель вскочилъ съ мѣста и съ полными слезъ глазами подбѣжалъ къ брату, обнялъ его за шею и прильнулъ губами къ его щекѣ.

Троекуровъ съ сочувственною улыбкой протянулъ ему руку въ свою очередь:

— Я вѣчно съ вами спорю, Павелъ Григорьевичъ, а въ сущности всегда съ вами согласенъ, хотя я, какъ вамъ извѣстно, скептикъ, а вы неисправимый идеалистъ.

Смотритель обернулся на него теперь весь сіяющій:

— Вотъ это точно, Борисъ Васильевичъ, вы замѣтили,— именно что „идеалистъ“ онъ прежде всего! Знаете, какъ въ *Донъ-Карлосѣ* великимъ Шиллеромъ сказано: „Хранить святое уваженіе къ золотымъ снамъ своей молодости“... *).

— Ну, братъ, засмѣялся морякъ, слегка отстраняя его рукой,—и въ жизнь, признаюсь, никакого *Донъ-Карлоса* не читалъ!... А, Гриша! перебилъ онъ себя внезапно, оборачиваясь на переступавшаго въ эту минуту черезъ порогъ бесѣдки сына,—вотъ онъ наконецъ!...

Въ голосѣ его зазвучала глубокая, видимо съ трудомъ сдерживаемая, нѣжность; все лицо его освѣтилось вдругъ какъ бы изъ внутри прорвавшимся лучомъ.

Вошедшій молодой человѣкъ, судя по его наружности, оправдывалъ, казалось, эту отцовскую къ нему *слабость*.

---

*) Sagen Sie
Ihm, dass er für die Träumen seiner Jugend
Soll Achtung tragen.

Don-Carlos. Act. IV, Sc. 21.

Свѣжее, открытое лицо, темные, какъ у матери, кудрявившіеся волосы при голубыхъ, Юшковскихъ, большихъ выразительныхъ глазахъ, что-то особенно мягкое въ рисункѣ губъ и нѣжнаго, едва опушеннаго подбородка,—все это производило очень симпатичное, располагавшее къ нему впечатлѣніе. Но внимательный наблюдатель могъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтить теперь въ общемъ выраженіи его облика какую-то смущенность и озабоченность.

Онъ учтиво поклонился гостямъ...

— Здравствуйте, юноша, привѣтствовалъ его, протягивая ему руку, Троекуровъ, очень благоволившій къ нему.

— Садись подлѣ княжны и старайся быть любезнымъ! весело сказалъ ему отецъ.

Онъ повиновался молча, еще разъ склонивъ голову предъ дѣвушкой:

— Къ тебѣ какой-то, говорятъ, товарищъ пріѣзжалъ?

— Д-да, какъ бы нехотя пропустилъ Гриша, принимая стаканъ чаю изъ рукъ матери.

— Какъ фамилія?

...Ѳедоровъ, отвѣчалъ онъ чуть-чуть дрогнувшимъ голосомъ.

Княжна быстро подняла глаза и вопросительно на мигъ остановила ихъ на немъ.

Лицо его внезапно заалѣло, и онъ поспѣшно потянулся рукой за кренделемъ изъ большой корзины съ печеньями, стоявшей на столѣ.

Но все это ускользнуло отъ вниманія Павла Григорьевича.

— Что же у него родные какіе въ нашихъ мѣстахъ, спросилъ онъ,—или репетиторомъ къ кому нибудь нанялся на каникулы?

— Онъ не надолго... въ Быково пріѣхалъ, уже нѣсколько нетерпѣливо промолвилъ Гриша, избѣгая взгляда отца.

— Къ Троженкову? молвилъ тотъ, поведя плечомъ:—не поздравляю его съ такимъ знакомствомъ!... Вотъ-съ этакой, напримѣръ, самоновѣйшій продуктецъ! обратился онъ снова къ Борису Васильевичу:—вѣдь все это несогласіе Блинов-

скихъ крестьянъ на уставную грамоту изъ-за Крусановскихъ луговъ—его дѣло; и прошеніе въ губернское присутствіе онъ же имъ писалъ,—достовѣрно это знаю. И одна вотъ пока только этакая паршивая овца завелась, а и то ничего не подѣлаешь... Вы вотъ говорите: народъ мнѣ здѣшній вѣритъ. И дѣйствительно, помните, какъ пришли къ намъ ихъ выборные въ мировой съѣздъ съ жалобою на помѣщика и на „посредственника",—то-есть на васъ,—ну, разъяснилъ я имъ, кажется, убѣдилъ. Почесали затылки, поохали. „Спасибо" все-таки говорятъ подъ конецъ, „мы, батюшка, Павелъ Григорьевичъ, видать, по простотѣ своей галдѣли зря; знамо, люди темные; хоша теперича со словъ твоихъ доподлинно знать будемъ, что отъ эвтаго отъ самаго дѣла отступиться намъ слѣдоваетъ".—Само собой отступиться, говорю, потому что толку никакого изъ вашихъ претензій не будетъ.—„Слушаемъ, батюшка, инно такъ и быть, какъ ты сказываешь". Порѣшено значитъ, кажется?... Нѣтъ, недѣли не прошло,—*ходаковъ* послали въ „губернію" съ прошеніемъ на насъ, на мировой съѣздъ!... А за это удовольствіе Троженковъ съ нихъ выговорилъ—вѣрно знаю!—по 25 десятинъ въ полѣ сжать ему, въ гумно свезти и вымолотить... Вотъ съ вамъ новые землевладѣльцы—воспитатели народа!

— Да въ чемъ дѣло-то самое, Паша? Любопытно! спросилъ смотритель.

— И ничего любопытнаго даже! Былъ тутъ помѣщикъ нѣкій Блиновъ, человѣкъ холостой, пожилой, аккуратный; и деньги у него водились, какъ всѣмъ извѣстно было. Крестьянъ онъ не прижималъ и имѣніе держалъ въ порядкѣ. И земля хорошая въ имѣніи, только въ лугахъ всегда недостача была, такъ что крестьяне искони кортомили траву верстъ за двѣнадцать, у графа Дѣднова. Только выпади этому Блинову счастливый случай купить за безцѣнокъ послѣ смерти сосѣда его одного, Крусанова, отъ одного изъ наслѣдниковъ десятинъ восемьдесятъ отличнаго луга по Окѣ, верстахъ въ трехъ отъ своей межи. И какъ, говорю, человѣкъ онъ былъ аккуратный и не стяжательный, онъ, разсчитавъ процентъ на истраченный капиталъ, собралъ своихъ крестьянъ и говоритъ: „Ну, вотъ, братцы, замѣсто чтобы вамъ у чужихъ брать траву,

берите теперь у меня",—и положилъ имъ за кругъ *) на десять рублей менѣе противъ того, что платили они Дѣднову, а ѣзды-то имъ туда втрое ближе. „Согласны, говоритъ, берите, и пользуйтесь, пока моего вѣка хватитъ!" Крестьяне ему, разумѣется, въ ноги, благодарить... Такъ и косили они эти „Крусановскіе", какъ и по нынѣ называются они, луга до самой „воли". Весной въ прошломъ году умираетъ Блиновъ. Достается имѣніе его племяннику, тоже Блинову, молодому человѣку, военному, — офицеръ онъ свитскій. Пріѣзжаетъ онъ сюда: первымъ дѣломъ разверстаться скорѣе съ крестьянами, уставную грамоту составить и уѣхать, потому хозяйничать самому ни времени, ни охоты нѣтъ. Имѣніе — вотъ у Бориса Васильича въ участкѣ. Онъ къ нему: такъ и такъ... Борисъ Васильичъ выѣзжаетъ на мѣсто, вызываетъ крестьянъ, помѣщика, предлагаетъ соглашеніе. Въ имѣніи крестьянская и помѣщичья земля перепутаны такъ, что для надѣленія крестьянъ къ одному мѣсту безъ промѣна обойтись нельзя. Блиновъ согласенъ на всякія уступки. Чтобы натянуть имъ до „полнаго надѣла", конопляники свои—и тѣ: берите-молъ, развяжемся только! До того сговорчивъ, что по нарѣзкѣ крестьянскія поля подъ самую усадьбу его подходятъ, а ему во владѣніе остается десятинъ 300 земли самой дрянной и неудобной...

— Это, Паша, очень великодушно! воскликнулъ старшій Юшковъ; — прекрасный человѣкъ, должно быть, этотъ господинъ Блиновъ?

— Практическій, усмѣхнулся его братъ;—„господинъ Блиновъ" разсудилъ, и совершенно правильно, что отъ пахоти въ этомъ своемъ имѣніи ему ни въ какомъ случаѣ большаго дохода ждать нельзя, но что прибыльную статью составятъ для него эти луга по Окѣ, за которые, едва онъ успѣлъ сюда пріѣхать, серпуховскій купецъ предлагалъ ему съ перваго слова по 80 рублей за кругъ. Но тутъ и начинается исторія. Крестьяне объявляютъ претензію на эти луга. „Намъ-молъ

*) „Кругомъ" въ этой мѣстности называется пространство луга въ пять десятинъ.

безъ травы, извѣстно, не жить, мы-молъ всегда пользовались“ и т. д.—„Я, говоритъ имъ Блиновъ, какія состоятъ въ планѣ имѣнія луговины, уступилъ вамъ все дочиста въ надѣлъ; готовъ предоставить вамъ косить и въ Крусановскихъ лугахъ, какъ прежде вы тамъ косили, только, само собой, не за прежнюю цѣну; мнѣ-молъ вотъ столько-то за эти луга теперь даютъ; согласны вы будете тò же платить, я вамъ предпочтеніе отдамъ“... Но тѣ будто не понимаютъ и начинаютъ ту же пѣсню: „Намъ, господинъ, ваше благородіе, извѣстно, коли безъ травы, значитъ не жить, а какъ мы слѣдственно всегда тѣми кругами пользовались“...—„Не пользовались, а *кортомили* у покойнаго дяди, въ аренду брали; Крусановскіе луга, сами знаете, въ планъ имѣнія не входятъ и всегда составляли отдѣльную оброчную статью. Вы же получили надѣлъ *полный* и на остающіяся затѣмъ во владѣніи моемъ угодья никакого права не имѣете“... А тѣ свое: „какъ покойный господинъ нашъ, извѣстно, отдалъ намъ, пока нашего вѣка хватитъ“... — „Не „вашего“, а *его* вѣка!“ доказываетъ Блиновъ, — „а я, его наслѣдникъ, вамъ ихъ не согласенъ теперь отдать за ту же цѣну!“ — „Воля милости вашей, а какъ, значитъ, безъ луговой земли мы надѣла принимать не могимъ и на грамоту не согласны“... Три мѣсяца бился съ ними Борисъ Васильичъ,—ничего подѣлать не могъ!..

— Д-да, научился я терпѣнію за это время! лѣниво проговорилъ Троекуровъ. Онъ сидѣлъ съ закинутою на спинку своего деревяннаго стула головой и съ полуприжмуренными глазами въ усталой или, вѣрнѣе, скучающей позѣ человѣка, которому тò, чтò онъ слышитъ, давно успѣло надоѣсть до смерти.

— Необразованіе все, именно „темный народъ“. Жалѣть его надо! вздохнулъ на это смотритель.

— Не скажите! усмѣхнулся въ отвѣтъ Борисъ Васильевичъ:—на повѣрку-то выходитъ, что они эти луга кортомили у старика Блинова по 40 рублей за кругъ, косили въ нихъ на свою потребу менѣе половины, а остальные отдавали въ аренду по 90 рублей тому же купцу, который теперь предлагаетъ Блинову-наслѣднику взять у него всѣ Крусановскіе луга

по 80 рублей. Афера, какъ видите, недурная, которой, пожалуй, и не „темный“ человѣкъ позавидуетъ!

Гриша Юшковъ, молча и сосредоточенно прислушивавшійся все время къ разговору, поднялъ вдругъ голову:

— А если господинъ Блиновъ согласится на это предложеніе, арендатель будетъ теперь съ этихъ же крестьянъ даже не по 80, а уже по 100 рублей за тотъ же кругъ луга брать!

— Натурально! отвѣтилъ хладнокровно Троекуровъ.

Глаза студента вспыхнули:

— Вы полагаете, что такъ и слѣдуетъ?

— Ничего не полагаю, а нахожу это совершенно естественнымъ.

— Право собственности, Гриша, словно подсказывая оробѣвшему ученику на экзаменѣ, шепнулъ ему дядя.

Молодой человѣкъ видимо готовился возразить, но какъ бы невольно повелъ взглядомъ въ сторону отца и проговорилъ только сквозь зубы:

— Да, я это вижу!...

— Что ты видишь? спросилъ, спокойно глядя на него, Павелъ Григорьевичъ.

Гриша поднялъ на него свои голубые глаза... Минутное колебаніе сказалось въ его чертахъ...

— Эксплуатацію бѣднаго богатымъ, произнесъ онъ, насколько могъ, твердымъ голосомъ.

Всѣ глаза обернулись на него. Какое-то скорбное ощущеніе сказалось на мигъ въ чертахъ его отца, но онъ все такъ же спокойно отвѣчалъ ему:

— А въ противномъ случаѣ, если бы наслѣдникъ Блиновъ оставилъ попрежнему крестьянъ платить по 40 за кругъ владѣльцу, а сдавать ее самимъ тому же купцу по 90, — какъ бы ты это назвалъ,—эксплуатаціей богатаго бѣднымъ?

Доводъ этотъ какъ бы смутилъ молодаго человѣка:

— Ужь не знаю, только...

Мягкая, юношеская улыбка словно прорвалась вдругъ и освѣтила на мигъ все его лицо:

— Ни ты, папа, ни Борисъ Васильевичъ, вѣдь этого сами дѣлать не стали бы!

— Очень спорно, но очень лестно! разсмѣялся Троекуровъ; — интересно во всякомъ случаѣ знать, изъ чего вы это заключаете, молодой человѣкъ? Не изъ того-ли, что мы съ вашимъ батюшкой старые „эстетики", какъ говорится теперь въ вашихъ журналахъ, не способные быть „реальными" *дѣятелями* „новой жизни"?

— Нѣтъ, съ потускнѣвшимъ снова взглядомъ отвѣтилъ студентъ,—а потому, что въ васъ настолько есть честности, чтобы понимать тѣ *реальныя* несправедливости нынѣшняго общественнаго строя, которыя опираются на *писанный законъ*, презрительнымъ тономъ промолвилъ онъ.

Павелъ Григорьевичъ досадливо взъерошилъ свои густые сѣдоватые волосы:

— Ну, „общественный строй" мы пока отложимъ въ сторону... А насчетъ того, что, по-твоему, мы съ Борисомъ Васильевичемъ не поступили бы такъ, какъ Блиновъ, то если бы, положимъ, ты и не ошибся, то, повѣрь, ужь никакъ не потому, чтобы мы это почитали „несправедливымъ"...

— А почему же тогда? быстро возразилъ Гриша.

— А потому, во-первыхъ, что̀ до Бориса Васильевича, то онъ, какъ очень богатый человѣкъ, изъ-за скуки изъ-за одной препираться съ крестьянами о какихъ нибудь пятистахъ рублей лишнихъ за эти луга, не сталъ бы подымать на нихъ цѣну. А во-вторыхъ, потому что у насъ съ нимъ... Старый морякъ какъ бы затруднялся выразить свою мысль,—потому что въ насъ лежитъ это старое... барское что-ли... чувство, которое сразу изъ себя не вырвешь, не охота руки марать... жидовствовать съ мужикомъ... Но перемѣна отношеній создаетъ и новыя понятія, да и разсчеты иные. Блиновъ, дядя, напримѣръ, не „идеалистъ" былъ, а практикъ, и всю нашу старую помѣщичью науку твердо зналъ; ему, само собой, очень хорошо было извѣстно, что крестьяне платятъ ему половину менѣе того, что̀ онъ получилъ бы съ купца за свои луга, но онъ оставлялъ ихъ за крестьянами, оставлялъ имъ и брать даже выгоду съ этого купца, потому что въ этомъ былъ его

хозяйственный разсчетъ, потому что это были *его* крестьяне, его рабочая сила, и что чѣмъ эта сила состоятельнѣе, тѣмъ для него, помѣщика, было это выгоднѣе. Онъ терялъ на арендѣ дешево доставшихся ему луговъ, но эти деньги съ лихвой возвращались ему тѣмъ, что онъ могъ теперь требовать отъ крестьянина, чтобъ онъ и лишнюю корову, и лишнюю лошадь держалъ, чтобъ онъ на нихъ корму не жалѣлъ, побольше навозу копилъ, да свое и господское дѣло аккуратнѣе и живѣе спорилъ. Онъ своего этимъ и достигалъ. Теперь спрашивается: изъ-за чего сталъ бы его наслѣдникъ дарить этимъ же крестьянамъ половину дохода съ единственной цѣнной недвижимости, остающейся ему послѣ разверстки съ ними угодій? Что это за люди для него теперь? Трудъ ихъ у него отнятъ, всякая нравственная съ ними связь порвана, всякое вліяніе его на нихъ тщательно устранено. И онъ, и они совершенно чужіе теперь другъ другу люди, всѣ отношенія ихъ выражаются грошомъ: кто у кого дороже запроситъ и кто кого дешевле найметъ... Блиновъ, племянникъ, поступаетъ совершенно такъ, какъ заставляетъ его дѣлать новый порядокъ вещей, созданный въ Россіи Положеніемъ 19 февраля, и его никакъ за это упрекнуть нельзя.

— Ну да, вырвалось на это у Гриши,—по буквѣ все того же писанаго закона, по кодексу той же эгоистичной, заѣдающей буржуазной соціологіи!..

Что-то желчное скривило губы Павла Григорьевича; онъ судорожно чиркнулъ спичкой по столу, приложилъ огонь къ потухшей своей папироскѣ:

— А то какъ же? нежданно отвѣтилъ онъ: — своего отъ корня ничего развить и поставить не съумѣли, такъ и учись русскій владѣлецъ обходиться теперь съ крестьяниномъ такъ, какъ обходятся *тамъ* между собой *пропріэтеры* и *пейзаны*... Чему другому, а этому научимся скоро... какъ-бишь ты называешь?—„буржуазному“ *заѣданію* что-ли...

Троекуровъ всталъ съ мѣста и слегка потянулся:

— Ну, этого намъ не занимать-стать! Изъ собственныхъ „корней“ такое взаимное „заѣданіе“ устроимъ, что, какъ въ этомъ шаржѣ о двухъ грызшихся львахъ, одни хвосты развѣ

останутся... А я все-таки очень радъ, перебилъ онъ себя, — что въ этой претензіи блиновскихъ крестьянъ губернское присутствіе положило наконецъ рѣшительно отказать имъ. Введу имъ теперь обязательно грамоту на основаніи подлежащей статьи Положенія—и дѣлу конецъ!

Гриша Юшковъ быстро взглянулъ на него, какъ бы желая что-то сказать ему, но не сказалъ и, наклонившись въ сторону сосѣдки своей, княжны, проговорилъ полушопотомъ:

— Напрасно это думаетъ Борисъ Васильевичъ: крестьяне положили ни за что не отступаться отъ своего *права*.

— Да-а? протянула она, словно просыпаясь отъ сна...

III.

Повѣрь, страданье нужно намъ:
Не испытавъ его, нельзя понять и счастья.
Баратынскій.

Кира Кубенская не мало измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ нею, читатель. „Общественные вопросы", которымъ отдавала она всю себя тому два года, какъ бы вовсе перестали занимать ее; она по крайней мѣрѣ замѣтно избѣгала говорить о нихъ. Да и вообще она какъ будто вся теперь опять ушла въ себя, въ какой-то внутренній тайникъ свой, куда не дозволяла проникнуть ни чьему нескромному взгляду. Но во внѣшемъ ея обиходѣ, въ отношеніяхъ къ людямъ,—къ лицамъ, среди которыхъ жила она теперь въ этомъ уголкѣ черноземной Россіи, — не было уже ничего похожаго на ту жесткость и раздражительность, съ которыми обращалась она бывало со своими и чужими въ Москвѣ, въ Арбатскомъ домѣ Марьи Яковлевны Лукояновой. Княжна смирилась... или казалась смирившеюся, — казалась прежде всего самой себѣ... Многое, дѣйствительно, измѣнилось въ ней, много для нея успѣло смолкнуть прежнихъ, увлекающихъ, но обманчивыхъ пѣсенъ... Иныя птицы заводили теперь свои колѣнца въ ея какъ бы вдругъ размягчившейся душѣ, и она съ какимъ-то ужасомъ прислушивалась къ ихъ подбирающимся, къ ихъ подкупающимъ голосамъ... О счастьи, *о личномъ счастьи* все настойчивѣе пѣли они ей, — ей, сектанткѣ, фанатичкѣ „общаго блага", которому—давно ли?—мечтала она пожертвовать „всю жизнь"... Что же то, „старое",—ужели совсѣмъ

отлюбила она его? тревожно спрашивала она себя подчасъ и не находила отвѣта. Отъ этого „стараго“ чувствовала она въ душѣ лишь какую-то ужасную усталость... Послѣ своихъ дворскихъ недочетовъ она, какъ мы знаемъ, уѣхала по совѣту Троекурова въ Москву, къ изнемогавшей отъ безпощадной болѣзни теткѣ, которой внезапный пріѣздъ ея принесъ нежданное и глубокое утѣшеніе. Марья Яковлевна изнывала отъ тоски въ разлукѣ съ дочерью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, упорно отказывалась ѣхать къ ней или вызвать ее къ себѣ въ Москву, боясь „жалкимъ видомъ своимъ“ гибельно повліять на ея роды. Она скрывала свое положеніе отъ Сашеньки, обманывала ее веселыми письмами, когда смерть уже стучалась въ ея двери. Въ вернувшейся къ ней „какимъ-то чудомъ“ племянницѣ она увидала ангела, ниспосланнаго милосердымъ Небомъ для того, „чтобы родная рука закрыла ей глаза“, и страстно привязалась къ ней вдругъ, на порогѣ могилы. Кира широко въ свою очередь отозвалась на это чувство. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ она не отходила отъ кресла или изголовья больной, ободряла ее въ невыносимые часы страданія, развлекала въ минуты удручавшихъ ее мрачныхъ мыслей. И, странное дѣло, сама она какъ бы развлекалась и отрѣшалась отъ томившей ее внутренней тоски въ этихъ нехитростныхъ, не забирающихся въ область „общаго“, простыхъ, практическихъ заботахъ о „страждущемъ ближнемъ“. Заботы эти раздѣляла съ нею старая знакомая наша, маленькая Лизавета Ивановна Стрѣтенская, не отходившая теперь, какъ и она, отъ постели „благодѣтельницы“, и княжна внимательно приглядывалась теперь къ ней, прислушивалась къ ея обыденнымъ, незатѣйливымъ рѣчамъ, стараясь угадать тайну того неотразимаго обаянія, которое (она почувствовала это только теперь, только теперь начинала объяснять себѣ пріязнь Сашеньки къ этой „поповнѣ“,) исходило вмѣстѣ съ тѣмъ какими-то проницающими лучами изъ этого робкаго, болѣзненнаго и недалекаго существа... Однажды позднимъ вечеромъ, утомленная и нервная, княжна вышла изъ покоя заснувшей послѣ припадка тетки и, пройдя въ сосѣднюю комнату, служившую ей самой спальнею, усѣлась за столъ и взяла лежавшую на немъ

книгу. Это былъ кѣмъ-то принесенный ей томикъ недавно изданныхъ стихотвореній Хомякова. Она развернула его на угадъ...

„Молю, да слово силы грянетъ,
Да скажешь: „Встань!“ душѣ моей:
И мертвая изъ гроба встанетъ,
И выйдетъ въ свѣтъ своихъ лучей!“ *).

прочла она. И вдругъ книга выпала изъ ея рукъ, и нежданныя, необъяснимыя для нея слезы полились неудержимымъ потокомъ изъ ея глазъ. И въ то же самое время чья-то легкая, едва чувствуемая рука обняла ея шею и дѣтски-тихій голосъ прошепталъ ей на ухо: „Плачьте, *анделъ* мой, плачьте: слезы—Божья роса, отъ нихъ цвѣтики алые на душѣ разцвѣтаютъ“... И въ первый разъ въ жизни не устыдилась она слезъ своихъ, не устыдилась *свидѣтельницы* этихъ „необъяснимыхъ“ слезъ...

Но „цвѣтикамъ алымъ“ еще не дано было разцвѣсть въ душѣ ея: „мертвая зыбь“, по выраженію моряковъ, не успѣла еще улечься въ ней. Княжна Кира могла наложить на себя добровольно желѣзныя вериги послушанія и вкушать отъ этого подвига тайную и горделивую отраду, но не въ силахъ была она обрѣсти этимъ ту голубиную ясность и радость отреченія, которыми такъ подкупала ее эта случайная ея подруга у ложа умирающей. Счеты ея съ прошлымъ не были еще окончательно сведены: съ какимъ-то внутреннимъ содраганіемъ сознавала она, что, рано или поздно, ее потянетъ опять „туда“, въ жизнь,—in's feindliche Leben, какъ сказалъ поэтъ.

По смерти Марьи Яковлевны она, все въ той же роли утѣшительницы, поѣхала во Всесвятское къ Александрѣ Павловнѣ Троекуровой. Молодая женщина, только что оправившаяся послѣ довольно трудныхъ родовъ, приняла ее съ тѣми же чувствами страстной благодарности, съ какою привѣтствовала пріѣздъ княжны изъ Петербурга ея покойная мать, и умоляла ее поселиться у нихъ, въ ихъ „гнѣздышкѣ“, какъ называла она свою роскошную и веселую усадьбу. „Проси и

*) *Воскресеніе Лазаря.*

ты!“ говорила она мужу, — „она тебя, можетъ быть, больше послушаетъ“.

— Не стану, сказалъ просто Троекуровъ:—княжна должна знать, что она здѣсь у *себя*, подчеркнулъ онъ:—захочетъ—останется, не захочетъ—уѣдетъ...

Кира сочла лучшимъ уѣхать...

У нея были старые друзья, бездѣтные мужъ и жена, возвращенные изъ Сибири въ числѣ другихъ политическихъ ссыльныхъ вслѣдъ за амнистіей, данною на зарѣ новаго царствованія. Она поселилась съ ними въ Женевѣ, откуда по временамъ совершались ими экскурсіи въ Италію или на воды, на берега Рейна... Тамъ однажды въ одномъ русскомъ семействѣ, съ которымъ она случайно познакомилась, встрѣтила она человѣка, имя и дѣла котораго служили въ то время въ Германіи—да и не въ ней одной,—предметомъ восторженныхъ сочувствій и яростныхъ недоброходствъ. Звали его—Фердинандъ Лассаль. Княжна знала о немъ по газетнымъ полемикамъ и по одной изъ брошюръ его, заинтересовавшихъ ее своимъ содержаніемъ. Она касалась того самаго мотива, которому она—„такъ ребячески“, сознавалась она теперь внутренно,—думала служить въ своемъ фрейлинскомъ званіи въ петербургскомъ дворцѣ. „Это геніальный человѣкъ“, говорили ей въ томъ знакомомъ ей русскомъ домѣ,—говорила въ этой семьѣ дѣвушка, умѣвшая, какъ оказывалось, внушить этому человѣку „всепожирающій пламень“ *),—„это самоотверженный, сильный, великій борецъ за народъ, за неимущаго, за обездоленнаго пролетарія“!... Замолкшія струны зазвенѣли еще разъ въ душѣ Киры. Она провела три вечера сряду съ „великимъ борцомъ“, жадно слушая его и добираясь до самыхъ мелкихъ подробностей излагаемыхъ имъ теорій. Онъ былъ польщенъ ея вниманіемъ и видимо старался показаться ей съ самой блестящей своей стороны. Онъ былъ замѣчательный діалектикъ, говорилъ горячо, смѣло, *патосно*, если можно такъ выразиться: держался *высокаго слога*, ухищренныхъ метафоръ и превыспреннихъ оборотовъ, съ употребленіемъ при этомъ тѣхъ

---

*) *Дневникъ г-жи С. С. Вѣстникъ Европы 1877*, кн. 11.

чувствительныхъ выраженій, которыми изобилуетъ нѣмецкая рѣчь и почти всегда оскорбляется русское ухо... Чѣмъ долѣе и внимательнѣе слушала его княжна, тѣмъ холоднѣе, чувствовала она, становилось у нея на душѣ. Страстность,—*показная*, *ударная* страстность его изложенія не будила въ ней ничего подобнаго тому *подымающему* чувству, съ которымъ внимала она когда-то простымъ рѣчамъ Гундурова и его единомышленниковъ... Прежде всего этотъ человѣкъ возбуждалъ въ ней какое-то физіологически-непріятное ощущеніе (она съ неудовольствіемъ даже подмѣтила въ себѣ въ первый разъ этотъ оттѣнокъ). Ея арійская и аристократическая кровь какъ-то инстинктивно возмущалась непомѣрною самоувѣренностью этого Семита, плебейскимъ тщеславіемъ, словно „прыскавшимъ" изъ каждаго изъ его сустава. Изъ-за каждаго его слова сквозило для княжны назойливое требованіе признанія этой его „геніальности", въ которой болѣе всѣхъ увѣренъ былъ онъ... а слова его между тѣмъ не расшевеливали въ ней никакого отвѣтнаго чувства. Въ его планахъ общественнаго переустройства, сказывалось ей, не лежало „высшаго духа",—все основывалось на какой-то чисто экономической растасовкѣ человѣческихъ существованій. „Все это, можетъ быть, такъ и нужно *здѣсь*, у васъ,—но у насъ, нѣтъ, нѣтъ, спаси насъ Боже отъ такого *матеріальнаго* и атеистическаго будущаго!" выговорила она ему прямо. Собесѣдникъ ея засмѣялся и возразилъ ей, что Россія своимъ общественнымъ устройствомъ гораздо еще болѣе подготовлена воспринять его ученіе, чѣмъ Германія со своими „еще упрямыми феодальными устоями",—и тутъ же, переходя опять къ своимъ планамъ и чаяніямъ рѣшительной побѣды надъ врагами, заключилъ звенящимъ отъ внутренняго торжества голосомъ, пожирая огненными черными глазами русскую дѣвушку, въ домѣ которой происходилъ этотъ разговоръ: „И близко уже то время, когда женщина, которая сумѣетъ полюбить меня всѣми силами своего существованія, тою непреодолимою, *гигантскою* любовью, что̀ единственно можетъ удовлетворить такого человѣка, какъ я,—когда эта женщина въѣдетъ рядомъ со мной въ золотой каретѣ, влекомой шестью бѣлыми лошадьми, въ Бранденбургскія ворота

Берлина, при кликахъ восторженнаго привѣта шестисотъ тысячъ голосовъ"... *) Онъ еще не договорилъ, какъ княжна встала, поклонилась и вышла.

Невыгодное впечатлѣніе, вынесенное ею изъ этой встрѣчи, повліяло—недаромъ заговорила въ ней въ первый разъ *женщина*,—на весь ея внутренній міръ. Ее какъ бы вдругъ теперь откинуло совсѣмъ отъ того, что̀ такъ долго составляло почти исключительный предметъ ея помысловъ. Вернувшись въ Швейцарію, она положила не читать газетъ и „вообще не заниматься современностью", удовлетворяя своей любознательности книгами историческаго, а также духовнаго содержанія, на которыя указывалъ ей одинъ очень умный французъ, прелатъ, часто наѣзжавшій въ Женеву изъ сосѣдняго Ліона для какихъ-то дѣлъ тамошней католической паствы, и съ которымъ она случайно познакомилась.

Такъ текли ея дни, такъ прошло полтора года. Люди, съ которыми жила она, были пожилые, усмиренные и *ясные* люди... Если не ясно, то тихо было и на душѣ Киры. Она сама съ тайною ироніей сравнивала себя иной разъ съ горнымъ потокомъ, вылившимся на гладь „ровной до приторности" долины. Но̀ въ глубь этихъ недвижныхъ теперь водъ она какъ бы боялась заглядывать. Подъ зеркаломъ ихъ, помимо ея воли, глухо клокотало и выносилось какое-то незримое теченіе. Куда?... Она упорно избѣгала отвѣчать себѣ на это...

Ей суждено было похоронить тамъ, на чужбинѣ, своихъ старыхъ друзей. И мужъ, и жена угасли въ недолгомъ другъ отъ друга теченіи времени. И снова, и еще мучительнѣе, чѣмъ прежде, заныло въ сердцѣ княжны сознаніе сиротства и безцѣльности ея жизни...

Мы уже знаемъ, силой какихъ доводовъ успѣла Александра Павловна Троекурова убѣдить ее вернуться въ Россію, къ ней, во Всесвятское. По полученіи письма, въ которомъ двоюродная ея сестра преднамѣренно преувеличивала опасеніе

*) *Воспоминанія о Лассалѣ* г-жи Раковичъ (урожденной Дённигесъ, изъ-за которой произошла дуэль между Лассалемъ и Раковичемъ, ея въ то время женихомъ, кончившаяся смертью перваго). Перев. въ *Нов. Врем.* 1878 года.

за исходъ вторыхъ своихъ родовъ, Кира цѣлый день провела въ сильномъ волненіи. Въ ней происходила какая-то тяжелая борьба между тѣмъ, что̀ представлялось ей „нравственнымъ ея долгомъ“, и чѣмъ-то другимъ—обаятельнымъ... и страшнымъ. „Что же, *уйти* всегда въ моей власти“, рѣшила она въ заключеніе, расширяя свои прозрачныя ноздри съ тѣмъ гордымъ выраженіемъ кровной арабской лошади, которое составляло отличительный смыслъ всей ея наружности, и уѣхала на другой же день.

И вотъ мы встрѣчаемъ ее въ настоящую минуту здѣсь, у Юшковыхъ, недалекихъ сосѣдей и близкихъ друзей хозяевъ Всесвятскаго, гдѣ гоститъ она уже третій мѣсяцъ. Мы видѣли, что она прибыла сюда, въ Углы, „по порученію Сашеньки“, сказать ея мужу, что та сама собиралась встрѣтить его, но не рѣшилась „изъ-за зубковъ Васеньки“... Она затѣмъ осталась тутъ чай пить, безмолвно и недвижно прислушиваясь къ переданнымъ нами читателю разговорамъ. Что̀ думала она въ это время,—свою-ли особую думу, или о томъ, что̀ составляло мотивъ этихъ разговоровъ, — мы не знаемъ, но то, что̀ нежданно прошепталъ ей сейчасъ молодой Юшковъ о Блиновскихъ крестьянахъ, какъ бы внезапно пробудило ее.

— Да? повторила она;—вы почемъ знаете?

Гриша покраснѣлъ еще разъ.

— Я знаю! коротко промолвилъ онъ, не глядя на нее.

А Троекуровъ, какъ бы вспомнивъ, говорилъ въ это время его отцу:

— Никаноръ Ильичъ Ранцовъ, само собой, оказалъ мнѣ въ губернскомъ присуствіи полное содѣйствіе по этому дѣлу.

— Еще бы! Почвенникъ, а не теоретикъ, засмѣялся Павелъ Григорьевичъ.—Ахъ, батюшка, вспомнилъ и онъ,—вѣдь у меня сегодня была его эксъ-супруга, молодая княгиня Шастунова!...

— Она здѣсь? спросилъ Борисъ Васильевичъ, слегка прижмуриваясь.

— Здѣсь, и чего вѣдь требуютъ отъ меня!...

Онъ передалъ ему то, что̀ уже извѣстно читателю.

— Что̀ же, скажите на милость, говорилъ онъ,—могу я

тутъ, какъ предводитель? Претензія ея о возвращеніи ей свекровью ея капитала, растраченнаго мужемъ, подлежитъ судебному разбирательству, — и та можетъ мнѣ просто указать дверь, если я явлюсь къ ней съ этимъ... Поѣхать я все-таки поѣду, потому что обѣщалъ, прибавилъ онъ тутъ же, — но ужь, право, не знаю, съ какой стороны къ ней приступить.

— А вы напугайте ее, предложилъ смѣясь Борисъ Васильевичъ,—скажите ей, что если она не покончитъ миролюбиво съ невѣсткой, вы увидите себя въ необходимости, какъ естественный защитникъ дворянства своего уѣзда, довести объ этомъ чрезъ губернатора до Высочайшаго свѣдѣнія.

— Попробую, отвѣтилъ съ такимъ же смѣхомъ Юшковъ:— но и безъ васъ не обойдется, предваряю. Красавица объявила мнѣ, что давно знакома съ Александрой Павловной и съ вами, и непремѣнно у васъ будетъ.

— Сашенька получила отъ нея записку сегодня, молвила княжна, зорко вдругъ устремивъ глаза свои на Троекурова,— въ которой она говоритъ, что хочетъ пріѣхать къ ней завтра во Всесвятское.

Онъ неопредѣленно поглядѣлъ на говорившую, потянулъ усъ и закусилъ губу.

— Однако поздно, пора домой, жена безпокоиться будетъ, быстро проговорилъ онъ черезъ мгновеніе... И, обращаясь къ Кирѣ съ шутливою церемонностью:

— Я къ вашимъ услугамъ, княжна! Какъ прикажете: въ экипажѣ или верхомъ? Скоробогатовъ, я видѣлъ, распорядился и тѣмъ, и другимъ.

— Я на моей *Миссъ*, какъ пріѣхала, коротко отвѣтила она.

— И прекрасно! Я очень радъ буду расправить на конѣ ноги послѣ экипажа. Такъ ѣдемте!

— А ночь-то вамъ какая дивная выдалась для проѣздки! сказалъ Павелъ Григорьевичъ, подымаясь съ женой провожать ихъ.

— Божественная! подтвердилъ братъ его, устремляя на выкатившійся изъ-за лѣса полный мѣсяцъ свои вѣчно-юные голубые глаза, и тутъ же процитовалъ изъ Козлова:

Ночь весенняя дышала
Свѣтло-южною красой,
Тихо Брента протекала
Серебримая луной...

— Гриша, пріѣзжайте въ воскресенье къ намъ, молвилъ по пути студенту Троекуровъ,—на бекасовъ поѣдемъ.

— Въ воскресенье? повторилъ тотъ какъ бы смущеннымъ голосомъ,—не могу, Борисъ Васильичъ...

— Почему такъ?

— Я обѣщалъ... въ другое мѣсто, проговорилъ онъ торопливо, пропуская Троекурова впередъ, видимо съ тѣмъ, чтобы болѣе не говорить объ этомъ...

Юшковы довели гостей черезъ садъ ко двору, гдѣ ждали ихъ лошади. Павелъ Григорьевичъ со своею нѣсколько старосвѣтскою галантерейностью пожелалъ непремѣнно подставить княжнѣ ладонь, опершись на которую одною ногой она другою легко и быстро вскочила на сѣдло и, ласково кивнувъ хозяевамъ, подобрала поводья и тронулась крупною рысью съ мѣста, не дожидаясь Троекурова. Онъ догналъ ее, когда она уже давно выѣхала изъ воротъ усадьбы и спускалась въ гати, придерживая свою *Миссъ*, вздрагивавшую ушами и безспокойно косившуюся на огромныя мельничныя колеса, шумно и пѣнисто вертѣвшіяся съ лѣвой стороны ея, всѣ облитыя серебромъ луннаго сіянія.

За ними шагомъ выѣхалъ со двора англійскій двухмѣстный шарабанъ, запряженный парой кровныхъ вороныхъ въ шорахъ, *доставленный* въ Углы, вмѣстѣ съ верховою лошадью Бориса Васильевича, всё тѣмъ же отставнымъ кавказскимъ служивымъ Скоробогатовымъ, состоявшимъ теперь у своего „полковника“ въ званіи главнаго конюха. Крещеный Татаринъ, онъ былъ знатокъ и страстный охотникъ лошадей, и берегъ ихъ пуще глаза. Сидя на заднемъ, жокейскомъ мѣстѣ экипажа, онъ зорко оглядывалъ дорогу своими узкими и живыми глазками и ласково улюлюкивалъ своихъ „арабчиковъ“, норовя держаться позади „полковника и барышни“ на такомъ разстояніи „чтобы только голосъ *ихній* услыхать въ какомъ случаѣ“...

IV.

Königin...
O, das Leben ist doch schön!
Schiller. *Don Carlos.*

А ночь въ самомъ дѣлѣ прелесть! сказалъ Троекуровъ, выѣзжая уже рядомъ съ Кирой въ чистое поле.

— Да, отвѣтила она не сейчасъ.

Онъ помолчалъ.

— Вы здоровы, княжна?

— Здорова, вдругъ встрепенулась она.—Почему вы спрашиваете?.. Я всегда здорова, промолвила она, какъ бы отвѣчая чему-то особенному, задѣтому въ ней его вопросомъ.

— И чудесно! А то мнѣ показалось...

— Что̀?

— Что вамъ, какъ говорится, *не по себѣ* сегодня... Вы просто, я вижу, устали отъ нашей тамъ болтовни съ Павломъ Григорьевичемъ.

— Н-нѣтъ, я слушала... И отчего вы называете это болтовней? спросила она чрезъ мигъ.

— У насъ вѣдь все болтовня, княжна, словно уронилъ онъ.

— Да, конечно, проронила она въ свою очередь,—вы объявили себя сейчасъ скептикомъ...

— И не правъ я развѣ? Развѣ изъ того потока словъ, который изливается въ настоящее время въ Россіи и устно, и печатно, выходитъ какой-нибудь прокъ?

— Вышло однако то дѣло, съ живостью возразила она,— которому вы служите теперь...

— Вы полагаете?.. А какому это дѣлу въ сущности „служимъ“ мы, перебилъ онъ себя: — можете-ли вы опредѣлить?

— Дѣлу *справедливости*, во всякомъ уже случаѣ, подчеркнула Кира.

— Положимъ такъ. Но вѣдь это опять-таки *слова*. Думаете-ли вы, что мы этою „справедливостью“ дадимъ счастье тѣмъ, о комъ мы теперь хлопочемъ, что ихъ жизнь отъ этого разцвѣтетъ розами и лиліями?

— Воспитайте ихъ, образуйте!

Троекуровъ усмѣхнулся не то пренебрежительною, не то унылою усмѣшкой.

— По нашему собственному образцу и подобію, не правда-ли? Отнять у этого народа послѣднее, что̀ ёсть въ немъ самобытнаго и здороваго, и наградить его вмѣсто этого нашимъ безличьемъ?.. Одолжили бы!..

— Но что̀ же тогда? молвила раздумчиво княжна, безсознательно укорачивая поводья своей лошади: — Чему-же вѣрить, Борисъ Васильевичъ?

— Чему?.. А вотъ этой вѣчной красотѣ земли и неба! вырвалось у него нежданнымъ порывомъ, и онъ быстрымъ движеніемъ поднявшейся руки указалъ на утопавшую въ лунномъ свѣтѣ окрестность...

— Въ такія ночи, заговорилъ онъ черезъ мигъ, — мнѣ всегда вспоминается Кавказъ и тамошняя природа...

— Вы жалѣете о нихъ?

— Случается... Человѣкъ вѣдь такъ ужь созданъ, что онъ непремѣнно о чемъ нибудь жалѣетъ, даже о тюрьмѣ, какъ Шильйонскій узникъ... Дѣйствительно, тамъ были дни лютой скуки, но минуты какія за-то!.. Тамъ *краски*, тамъ поэзія *неожиданности*.

— „Краски“, да; вы, кажется, прежде всего требуете *этого* отъ жизни? не громко промолвила княжна.

— Само собой!.. И какъ мало ужь ихъ остается въ мірѣ, какъ исчезаютъ они повсюду съ каждымъ днемъ! произнесъ Троекуровъ со вздохомъ.—Черезъ сто лѣтъ—думали-ли вы объ этомъ когда нибудь? — въ какую мерзость превратится нашъ міръ!.. Вотъ вы сейчасъ интересовались будущимъ. Представь-

те же себѣ: весь земной шаръ — одна огромная мастерская; всѣ племена и роды—въ однихъ и тѣхъ же пиджакахъ и цилидрахъ на головѣ; природа — черная и зловонная отъ дыма и гари паровыхъ машинъ, и банкирскій гросбухъ, замѣняющій всѣ вѣрованія, всѣ законы и всю литературу человѣческую... Ни страстей, ни поэзіи, ни искусства, — одинъ муравей—какъ всѣ, и всѣ—какъ одинъ! Красиво?.. А вѣдь къ этому неотвратимо, fatalement, ведетъ то, что̀ называютъ „общечеловѣческимъ прогрессомъ“... По мнѣ, въ каторгѣ, въ рудникахъ теперь лучше, чѣмъ въ этомъ будущемъ раю на землѣ!

Горячка этой выходки вырвала улыбку невольнаго сочувствія къ ней на уста Киры.

— Вы однако согласитесь, сочла она тѣмъ не менѣе нужнымъ возразить,—что этотъ „прогрессъ“, если онъ и стираетъ, какъ вы говорите, въ жизни людей *краски*, которыя вы такъ любите, то за-то и ведетъ къ улучшенію судьбы каждаго и всѣхъ, къ распредѣленію между всѣми равной доли земнаго счастія.

— Отрицаю самымъ рѣшительнымъ образомъ! воскликнулъ Троекуровъ: — теорія всеобщаго счастья *на землѣ* такой же пуфъ, какъ и знаменитая формула общаго равенства. Никакая религія, начиная съ Евангелія, ни исторія, ни самая физіологія не оправдываютъ этой претензіи. Здоровый, сильный, умный всегда будетъ счастливѣе больнаго, хилаго, тупаго и поработитъ его въ той или другой формѣ... Если бы можно было даже, для блага слабыхъ, уничтожить всѣхъ сильныхъ, то и тогда цѣль не была бы достигнута, потому что и тутъ остались бы градаціи, — кривой все-таки сталъ бы царемъ надъ слѣпыми... Что̀ бы люди ни дѣлали, чего бы ни придумывали,—въ мірѣ до конца вѣковъ будутъ *надѣленные* и *обездоленные*, владыки и рабы, радующіеся и плачущіе, и благо однихъ все такъ же, какъ и теперь, будетъ состоять въ прямой зависимости отъ страданія другихъ.

— Но это ужасно! воскликнула княжна:—у васъ какой то безпощадный фатализмъ, Борисъ Васильичъ...

— Не спорю, сказалъ онъ съ легкимъ пожатіемъ плечъ.— Всякій фатализмъ, между прочимъ, произнесъ онъ какъ бы

вскользь, — предполагаетъ за собою вѣру въ нѣкій, непонятный намъ, но непреложный высшій законъ, которому человѣкъ волей-неволей принужденъ повиноваться... Если тому инстинктивному требованію лучшей доли, счастья, которое прирождено самой натурѣ человѣка, мы будемъ искать удовлетворенія единственно здѣсь, въ предѣлахъ *этой* жизни, — то выходитъ, дѣйствительно, какъ вы говорите, „ужасно“,— какое-то безсмысленное стуканіе лбомъ о непрошибаемую стѣнку...

Онъ примолкъ вдругъ, какъ бы утомясь этимъ разсужденіемъ, но чрезъ мигъ продолжалъ, усмѣхаясь:

— А потому извините, княжна: если никакія человѣческія усилія не въ состояніи искоренить на землѣ несправедливость, насиліе, „эксплуатацію слабаго сильнымъ“, какъ проповѣдуетъ Гриша Юшковъ, то ужь позвольте мнѣ прямо предпочитать тѣ порядки, при которыхъ все это является на мой взглядъ живописнѣе и красивѣе... Красота—великая сила! Она облагороживаетъ и самое зло, и отношенія людей къ нему. Кровожадный Кабардинецъ-хищникъ, но гордецъ и аристократъ до конца ногтей,—поглядѣли бы вы на него въ его художественныхъ лохмотьяхъ!—и какой-нибудь прилизанный бухгалтеръ въ бѣломъ галстукѣ, удирающій въ Америку съ кассой своего патрона,— сравните, кто изъ нихъ болѣе оскорбляетъ въ васъ человѣческое чувство?... Нѣтъ, княжна, лучше самыя свирѣпыя, но *живописныя* по крайней мѣрѣ времена,— времена Нерона, Цезаря Борджіа, какого-нибудь Али-Паши Янинскаго, — чѣмъ то, что ждетъ людей въ ближайшемъ будущемъ, чѣмъ царство Жида надъ обезличеннымъ человѣческимъ муравейникомъ!...

— Такъ, по-вашему, красота, „эта великая сила“, все, или очень многое, по крайней мѣрѣ, должна извинять въ людяхъ?... И въ княгинѣ Шастуновой, бывшей Ранцовой,—тоже, Борисъ Васильевичъ? нежданно проговорила Кира.

Онъ былъ такъ пораженъ этимъ вопросомъ, что чуть не выпустилъ поводьевъ изъ рукъ. Горячій карабахскій конь его фыркнулъ, взвился и шарахнулся въ сторону, испуганный длинными тѣнями лѣса, въ который въѣзжали они.

Троекуровъ осадилъ его, повернулъ на дорогу и, оправившись самъ отъ неожиданности, спросилъ съ искусственнымъ смѣхомъ:

— Признаюсь, не ожидалъ! Что̀ это вамъ вздумалось заговорить объ... этой женщинѣ?

— Мы много говорили о ней сегодня съ Сашенькой, отвѣтила по нѣкоторомъ размышленіи княжна.

— По поводу ея записки?... Alexandrine желала бы отклонить это посѣщеніе?

— Да!

— Я самъ очень не радъ этому, промолвилъ онъ сквозь зубы.

Но она слышала:

— Вы тоже! Въ самомъ дѣлѣ?

— Васъ удивляетъ? невольно сказалъ онъ.

Она помолчала опять...

— Вы изъ-за нея дрались на дуэли, сосланы были въ армію? вырвалось у нея вдругъ.

— Кто вамъ сказалъ? вырвалось машинально и у него.

— Сережа Лукояновъ; у нихъ въ полку старшіе офицеры это помнятъ... Онъ мнѣ еще въ Петербургѣ разсказывалъ.

— И вы объ этомъ говорили съ Alexandrine? спросилъ онъ морщась.

— Д-да... Она очень...

— Что̀?

— Она... боится этой женщины...

— Ревнуетъ? Какой вздоръ! воскликнулъ Троекуровъ.

Княжна, еще разъ замедляя ходкій шагъ своей *Миссъ*, обернулась къ нему съ сѣдла:

— Развѣ.... скажите откровенно, Борисъ Васильевичъ, молвила она съ какимъ-то неудавшимся намѣреніемъ шутливости въ тонѣ, — развѣ можно такъ *совсѣмъ*, подчеркнула она,—выгнать изъ памяти... изъ души то, что̀ человѣкъ чувствовалъ такъ сильно прежде, изъ-за чего, вотъ какъ вы, онъ рисковалъ своею жизнью?...

— Другими словами: можетъ-ли человѣкъ разлюбить *начисто?*... Это зависитъ...

— Отъ чего?

— О, Боже мой, сколько на это причинъ! засмѣялся онъ:—прежде всего время, разлука...

Кира повела головой какъ бы безсознательно отрицательнымъ движеніемъ.

— Иногда разочарованіе и раскаяніе...

Она вся выпрямилась на своей лошади:

— Раскаяніе! Въ чемъ? Въ томъ, что любилъ?

— Въ томъ, *кого* любилъ, поправилъ онъ.

— Зачѣмъ же любить... недостойное?

— А! Зачѣмъ? Этотъ вопросъ, княжна, не разрѣшилъ еще ни одинъ философъ въ этомъ мірѣ. Любишь, вы знаете, wie der Vogel sint, *потому что*,—и все тутъ!...

— И потомъ въ одинъ прекрасный день, — прочь, не нужно! съ видимою горечью выговорила она. — Такъ могутъ любить одни мущины!

Онъ засмѣялся еще разъ:

— А женщины?

— Почемъ я знаю! отрѣзала она вдругъ и замолкла.

Они ѣхали такъ нѣкоторое время, и лишь звонъ подковъ и храпъ ихъ лошадей раздавались въ гулкомъ воздухѣ лѣса, чрезъ который шелъ ихъ путь. Они то въѣзжали въ густую темь, осторожно наклоняя головы подъ низко опустившимися вѣтвями, то выбирались на *рѣдину*, сквозь широкія прогалины которой мѣсяцъ обливалъ ихъ своимъ палевымъ мерцаніемъ. Троекуровъ съ художественнымъ удовольствіемъ слѣдилъ за этою перемѣнною игрой тѣней и свѣта, въ которой то исчезалъ, то какъ бы выплывалъ опять тонкій, стройный обликъ его спутницы надъ темно-гнѣдымъ туловищемъ ея лошади, съ надвинутою на лобъ шляпой и сосредоточеннымъ выраженіемъ изящнаго лица... „Ей удивительно присталъ верховой костюмъ“, говорилъ онъ себѣ, — „и сидитъ какъ красиво.... Породистая она вся такая!“...

— Княжна, заговорилъ онъ, словно кто толкнулъ его.

— Что? спросила она какъ бы неохотно.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, какъ вамъ нравится Гундуровъ?

Она въ свою очередь теперь поражена была нежданностью вопроса.

— На что это вамъ? проронила она будто съ безпокойствомъ.

— Я вамъ скажу, но вы должны обѣщать мнѣ не передавать этого Alexandrine, потому что я хочу выдать вамъ ея секретъ.

— Обѣщаю. Говорите!

— Она, надо вамъ сказать, положила въ головѣ своей, что Гундуровъ тотъ именно идеальный мужъ, о которомъ она давно мечтаетъ для васъ...

— И вы тоже? прервала она его ироническимъ вопросомъ.

— Я? сказалъ онъ, нѣсколько озадаченный,—я не имѣю мнѣнія на этотъ счетъ.

— Насчетъ чего?

— Насчетъ „идеальности"...

— Кого? Гундурова?

— Ни чьей вообще. Идеальныхъ людей вообще нѣтъ на свѣтѣ,—и слава Богу!... А мужъ онъ *подходящій*, какъ говорится, безспорно!

— Вы находите?

— Совершенно!

— И вы совѣтовали бы мнѣ выйти за него? проговорила съ разстановкой Кира: — вы бы совѣтовали это мнѣ, повторила она, — если-бъ это была не одна фантазія Сашеньки, если бы Сергѣй Михайловичъ вздумалъ въ самомъ дѣлѣ просить моей руки?

Ему вдругъ стало какъ-то непонятно жутко. Но онъ пересилилъ себя.

— Это, очень можетъ быть, не одна „фантазія" Alexandrine, сказалъ онъ, избѣгая отвѣчать на сущность ея вопроса: — Гундуровъ говорилъ мнѣ не далѣе какъ вчера о васъ въ такихъ сочувственныхъ выраженіяхъ, съ такою *нѣжностью*, — относительно, разумѣется; онъ, вы знаете, не расточителенъ на слова, — что я убѣжденъ, если вы только немножко его

поощрите, онъ вашъ на вѣки! договорилъ чуть-чуть насмѣшливо Троекуровъ.

— И мнѣ, по-вашему, слѣдуетъ „поощрить?“ спросила опять Кира не то печально, не то тревожно.

Онъ дернулъ нервно узду своего коня:

— Почему же нѣтъ, княжна, почему же нѣтъ! произнесъ онъ съ несвойственною ему торопливостью.

— А почему *да?* медленно вымолвила она.

— Потому что, говоря положительно, онъ честный и чистый во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, обезпеченный, равный вамъ по рожденію и образованію... потому еще, что ко всему этому, примолвилъ онъ, какъ бы вспомнивъ,—вы раздѣляете, сколько мнѣ извѣстно, всѣ его убѣжденія.

— Убѣжденія! повторила княжна упавшимъ голосомъ, поразившимъ его въ устахъ ея необычайною *женственностью* своего оттѣнка.—Понимаю-ли я даже теперь, что̀ такое „убѣжденіе!“... Вѣдь вотъ сейчасъ, когда вы излагали такія безотрадныя мысли, я не сумѣла.... не нашла ничего вамъ отвѣтить...

Глаза ея мгновенно блеснули какимъ-то фосфорическимъ блескомъ...

— Что же, въ самомъ дѣлѣ, Борисъ Васильевичъ, стремительно проговорила она, — неужели ничего не остается, кромѣ „этой вѣчной красоты земли и неба?“...

Что-то словно покоряющееся, сдающееся сказалось ему въ этихъ словахъ, въ выраженіи этого устремившагося на него съ лихорадочнымъ ожиданіемъ взгляда... Давно забытымъ, молодымъ, захватывающимъ ощущеніемъ забилось вдругъ сердце у Троекурова...

— Кира Никитична, началъ онъ... и оборвалъ, пристально уставившись глазами впередъ.

Прямо предъ ними, шагахъ въ двадцати, на узкомъ пространствѣ пролегавшей межъ молодою порослью дороги стояла только что выступившая изъ-за кустовъ мужская фигура въ какой-то вызывающей, чтобы не сказать угрожающей, позѣ, въ надвинутой на самые глаза широкополой шляпѣ и съ

толстой палкой въ рукѣ, отставленной въ бокъ во всю ея длину.

— Ей, кто ты, прочь съ дороги! крикнулъ повелительнымъ голосомъ Троекуровъ, выѣзжая на лошадиную голову впередъ княжны.

Фигура не двигалась.

Онъ далъ шенкель и прямо поскакалъ на нее.

Неизвѣстный прянулъ въ сторону и исчезъ въ ближайшихъ кустахъ.

И въ то же время раздался голосъ догонявшей Троекурова Киры:

— Борисъ Васильевичъ, оставьте!... Я знаю, кто это, скороговоркой промолвила она, выравниваясь съ нимъ:—ѣдемте!

И она пустила лошадь свою крупною рысью.

Онъ недоумѣло, со сжатыми отъ неостывшей досады бровями, понесся за нею... Они проѣхали такъ молча и рядомъ съ полверсты.

Кира перевела *Миссъ* на тихій шагъ и, не оборачиваясь на своего спутника:

— Это Иринархъ Овцынъ, сказала она.

— Иринархъ! воскликнулъ съ глубокимъ изумленіемъ Троекуровъ:—онъ здѣсь?...

— Да, и я боюсь—для какихъ-то нехорошихъ дѣлъ, поспѣшно заговорила она: — вы слышали у Юшковыхъ, отецъ спрашивалъ Гришу, кто такой товарищъ, который пріѣзжалъ къ нему отъ Троженкова, и тотъ назвалъ фамилію „Ѳедоровъ"... Это неправда, это былъ онъ, Иринархъ, я знаю!

— Да, я замѣтилъ, Гриша при этомъ казался сконфуженнымъ... И вздоръ тотъ опять, который онъ несъ послѣ... Неужели этотъ негодяй успѣлъ сбить съ толку нашего бѣднаго юношу!... Но какъ *вы* все это знаете, княжна, откуда?..

— Я получила отъ него письмо.

— Письмо! Что̀ ему отъ васъ надо? запальчиво спросилъ и тутъ же, сдерживаясь, закусилъ губу Троекуровъ.

— Онъ мнѣ писалъ еще въ Женеву изъ Лондона, узнавъ отъ кого-то, что я тамъ живу, насчетъ тѣхъ бумагъ, которыя онъ у меня оставилъ предъ отъѣздомъ своимъ изъ Петер-

бурга. Я ему тогда же отвѣтила, что принуждена была ихъ сжечь по такой-то причинѣ... Вы помните, вы въ самый этотъ день пріѣхали ко мнѣ во дворецъ вслѣдъ почти за графомъ Анисьевымъ... Но онъ не повѣрилъ мнѣ или... искалъ случая видѣть меня, — сдержанное неудовольствіе послышалось въ тонѣ княжны, — только онъ мнѣ на это отвѣчалъ, что сообщеніе мое не удовлетворяетъ его и что онъ будетъ ко мнѣ въ Женеву, для личныхъ объясненій. Я этого никакъ не желала и, чтобы не писать, скорѣе телеграфировала ему въ Лондонъ, что въ письмѣ моемъ заключалось все, что̀ ему требуется знать о его бумагахъ, а потому я ни малѣйшей надобности не вижу объясняться съ нимъ еще на словахъ. Чрезъ нѣсколько времени однако явился ко мнѣ какой-то его товарищъ съ новымъ письмомъ отъ него; я письма не приняла, но посланному передала подробно весь эпизодъ мой съ графомъ Анисьевымъ. Тотъ выслушалъ, простился и ушелъ. Этимъ кончилось, и я за границей уже болѣе не слышала объ Овцынѣ... Только вчера вечеромъ Анфиса говоритъ мнѣ вдругъ, очень взволнованная, что одинъ знакомый ей по Москвѣ человѣкъ, служащій у помѣщика Троженкова, принесъ на мое имя письмо отъ какого-то господина, который гоститъ у его барина, но что она умоляетъ меня это письмо сжечь не читая, потому что, говоритъ, „изъ этого Троженковскаго гнѣзда одна *язва* можетъ итти“... Я однако потребовала его. На конвертѣ стоялъ мой адресъ, писанный незнакомою мнѣ рукой, но когда я его вскрыла, я увидала руку Иринарха...

— Письмо это у васъ? отрывисто спросилъ Троекуровъ.

— Нѣтъ, я пробѣжала его... мнѣ было любопытно узнать, какъ онъ очутился здѣсь и для чего, — и затѣмъ приказала дѣйствительно Анфисѣ сжечь его... Она была права: лучше было не раскрывать! какъ бы про себя проговорила Кира.

— Что̀ же заключалось въ немъ? Не секретъ, надѣюсь?

— Нѣтъ, я вамъ скажу, отвѣчала она со сдерживаемымъ все также, но помимо ея воли прорывавшимся въ голосѣ волненіемъ,—потому что, я думаю, вамъ... вамъ это надо знать... Какіе-то намеки, угрозы...

— На что намеки, угрозы кому? воскликнулъ, весь запылавъ, Борисъ Васильевичъ.

— Онъ писалъ, что пріѣхалъ сюда для какого-то „предпріятія“ и долженъ поэтому скрываться отъ „алгвазиловъ“, вслѣдствіе чего явиться прямо во Всесвятское не можетъ, но что ему необходимо видѣться со мной, потому что „нѣкоторыя лица, преданныя дѣлу свободы“, захвачены правительствомъ и посажены въ тюрьму на основаніи данныхъ о нихъ, которыя будто могли бы сдѣлаться извѣстными только изъ бумагъ, которыя онъ отдалъ мнѣ на сохраненіе... Вѣдь это ложь и оскорбленіе! прорвалось наконецъ у Киры негодующимъ взрывомъ:—это все равно, что сказать мнѣ, что я солгала, не кинула, какъ сказала, бумаги эти въ огонь, а передала ихъ полиціи!...

— Разумѣется, ложь, и самая глупая, разсчитанная на то, что вы для своего оправданія согласитесь наконецъ объясниться съ нимъ лично... Онъ просилъ васъ конечно назначить ему время и мѣсто свиданія?

— Онъ самъ назначалъ его мнѣ, гадливо произнесла Кира:—онъ говорилъ въ письмѣ, что будетъ ждать меня три вечера сряду, въ полночь, въ концѣ сада, за рѣкой у калитки, выходящей въ поле... и что если я не приду ни разу, то онъ „возлагаетъ на меня самоё отвѣтственность за послѣдствія, которыя *могутъ отъ этого произойти*“, подчеркнула она съ презрительнымъ выраженіемъ въ задрожавшихъ ноздряхъ. — Сегодня, иронически прибавила она, — онъ вѣроятно разсчитывалъ на разговоръ со мной сверхъ абонемента и, узнавъ какъ-нибудь, что я поѣхала къ Юшковымъ, вышелъ сюда ко мнѣ навстрѣчу на дорогу...

— Къ счастію, что вы были не однѣ! воскликнулъ Троекуровъ.

Глаза ея мгновенно сверкнули:

— Я и одна съумѣла бы защититься, Борисъ Васильевичъ...

— Да, молвилъ онъ строго и рѣшительно, — но эта обязанность лежитъ теперь прямо на мнѣ. Вы живете въ моемъ домѣ, подъ моею кровлей... Я не могу допустить, чтобы какой-нибудь негодяй...

— Борисъ Васильевичъ, что̀ вы думаете дѣлать! вскрикнула она взволновано.

— Это мое дѣло!... Смѣю надѣяться, княжна, примолвилъ онъ по-французски съ шутливою напыщенностью выраженія,— что вы имѣете ко мнѣ настолько довѣрія, чтобъ оставить меня безпрепятственно поступить такъ, какъ я почитаю нужнымъ и приличнымъ?...

Она повела на него глазами и тотчасъ же опустила ихъ.

— Да, проговорила она дрогнувшимъ голосомъ, — вы знаете... я вамъ вѣрю!...

Они въѣзжали тѣмъ временемъ въ длинную и широкую кленовую аллею, въ самомъ концѣ которой весело сіялъ сквозь открытыя окна рядъ ярко освѣщенныхъ комнатъ одноэтажнаго дома Всесвятскаго.

— Проѣзжайте потихоньку ко двору, я васъ сейчасъ догоню, сказалъ Троекуровъ, осадивъ своего коня.

Княжна повиновалась.

Онъ остался на мѣстѣ, прислушиваясь къ гулу катившагося за ними въ нѣкоторомъ отдаленіи шарабана.

— Скоробогатовъ! кликнулъ онъ, между тѣмъ какъ тотъ, завидѣвъ издалека барина, погналъ къ нему уже на полныхъ рысяхъ.

— Чего изволите, ваше вскр...?

— Не повстрѣчался тебѣ сейчасъ у Никольской поросли какой-то человѣкъ въ круглой большой шляпѣ, съ палкой?

— Точно такъ-съ, встрѣлся... Вы на него изволили крикнуть?

— Да. Ты слышалъ?

— Я сейчасъ на голосъ вашъ *арабчиковъ* и погналъ... Только ужь вы съ барышней изволили проѣхать, а онъ, смотрю, изъ кустовъ вышелъ, палкой помахиваетъ, идетъ прямо на экипажъ... Я ажно испужался, думаю, ежели онъ теперича, не дай Богъ, за удила, такъ я аль его въ мякоть раздавлю, аль шарабанъ въ дребезги, потому лѣсъ, сами изволите знать... Только онъ ничего; бочкомъ прошелъ, свиститъ себѣ... Диву

я дался даже, откелева *шарлатанъ* *) такой проявился; по здѣшнимъ мѣстамъ и не слыхалъ было до сей поры...

— Ну, такъ вотъ что̀, прервалъ его Борисъ Васильевичъ:— надо будетъ выслѣдить, не явится-ли этотъ человѣкъ къ намъ во Всесвятское,—но такъ, чтобы ни единая душа въ усадьбѣ объ этомъ не знала, кромѣ тебя. Понялъ?

— Какъ не понять, ваше вскбла...

И старый служивый весь вытянулся вверхъ на своемъ сидѣньѣ.

— Ты каждую ночь, часамъ къ двѣнадцати, пока я не отмѣню этого, отправляйся въ садъ; знаешь, тамъ въ концѣ калитка есть?

— Какъ не знать, помилуйте!

— Я имѣю причину думать, что онъ захочетъ именно пробраться въ эту калитку. Ты гдѣ-нибудь подлѣ, въ кустахъ или за деревомъ, помѣстись такъ, чтобъ онъ тебя никакъ не замѣтилъ. Калитку не запирай и дай ему свободно войти въ садъ.

Скоробогатовъ вопросительно поглядѣлъ на своего „полковника“ и затѣмъ подмигнулъ ему, осклабившись широкою улыбкой:

— Точно такъ, ваше вскбл... волка въ капканъ, значитъ...

Троекуровъ невольно усмѣхнулся.

— Пусти его свободно войти, повторилъ онъ,—а тамъ... но только опять такъ, чтобъ онъ не увидалъ тебя,—бѣги немедля доложить мнѣ.

— Ваше-съ... а не сбѣжитъ онъ, покелева я до васъ добѣгу? спросилъ озадаченный Скоробогатовъ.

— Нѣтъ, усмѣхнулся еще разъ его баринъ,—онъ будетъ ждать.

— Слушаюсь! протянулъ, ничего уже не понимая, тотъ.

— Ну съ Богомъ!... И помни, языкъ за зубами держать! заключилъ Троекуровъ и поскакалъ по аллеѣ догонять княжну.

---

*) На югѣ Россіи мошенниковъ называютъ „шарлатанами“, какъ въ Петербургѣ „мазуриками“ и „жуликами“ въ Москвѣ.

V.

Въ этотъ мигъ всѣ движенья ея
Какъ невольникъ безмолвно слѣдилъ я,
И полно было сердце мое...

Щербина.

Il s'en faut bien que l'innocence trouve
autant de protection que le crime.

La Rochefoucauld.

На топотъ ихъ лошадей, изъ одного изъ открытыхъ оконъ дома стремительно высунулась до пояса молодая женщина въ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ и громко крикнула:

— Кира, ты! А Борисъ?

— Вотъ онъ, слѣзаетъ съ лошади, отвѣтила княжна.

— Борисъ, милый!...

И Александра Павловна Троекурова кинулась отъ окна чрезъ всѣ комнаты на лѣстницу и повисла на шеѣ подымавшагося по ступенькамъ мужа, между тѣмъ какъ княжна, которую онъ только-что спустилъ съ лошади, проходила, подобравъ хвостъ своей амазонки, за уголъ дома, направляясь къ одному изъ выходившихъ въ садъ павильоновъ, въ которомъ жила она.

— Хорошо ты съѣздилъ, милый? нѣжно лепетала молодая жена;—а у Васи второй зубокъ прорѣзался! Я непремѣнно хотѣла сама ѣхать къ Юшковымъ увидать тебя скорѣе, но онъ, бѣдненькій, такъ плакалъ... а потомъ взялъ грудь и такъ у меня на рукахъ и уснулъ... А у насъ гости, возгласила она торопливо...

— Кто такой?

— А вотъ увидишь... Пойдемте скорѣе!

Она продѣла руку подъ его локоть и, вся сіяющая и смѣющаяся, повлекла его за собой въ комнаты.

Въ пространной, со стеклянным надъ срединой ея куполомъ, гостиной, просѣкавшей домъ чрезъ всю его ширину, съ выходившими на дворъ окнами съ одной стороны и большими стекольчатыми дверями въ садъ съ другой, сидѣли двое пріѣзжихъ. Услыхавъ шаги хозяевъ, они проворно тронулись съ мѣста и пошли имъ на встрѣчу.

— Ахъ, Боже мой, вотъ не ожидалъ! воскликнулъ Троекуровъ, узнавая Ашанина и Ѳедора Ѳедоровича Овцына;— очень радъ, какими судьбами? говорилъ онъ, пожимая имъ руки съ привѣтливостью хорошо воспитаннаго человѣка и хозяина, и въ то же время объясняя себѣ мысленно: „Этотъ донъ-Жуанъ—понятно: *она* въ этихъ краяхъ; но для чего явился сюда этотъ старый „Ламартинъ", и именно теперь,—вотъ что̀ интересно"!

Старый Ламартинъ все также, на подобіе своему образцу застегнутый до галстука, сухой и длиный, какъ метла, но съ изгибающеюся ловкостью движеній какого нибудь патентованнаго гимнаста, поспѣшилъ объяснить, что онъ давно „сгоралъ желаніемъ воспользоваться дорогимъ ему приглашеніемъ прелестной племянницы"—онъ при этомъ со счастливою улыбкой на устахъ склонилъ галантерейно голову въ сторону Александры Павловны,—„и полюбоваться на ея счастье",—причемъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ краткимъ, но краснорѣчивымъ взглядомъ обвелъ кругомъ яркоосвѣщеннаго, цѣнноубраннаго покоя, въ которомъ они находились, и вздохнулъ. А вздохнувъ, перевелъ уже естественнымъ нюансомъ на таинственность и, понизивъ голосъ, передалъ скороговоркой, что „есть еще одно обстоятельство, заставившее его пріѣхать въ эти страны, но что онъ объ этомъ сообщитъ Борису Васильевичу послѣ, послѣ"...

— Онъ вытянулся опять весь въ струну, принялъ свой обычный *пріятный* видъ и, указывая на Ашанина:

— А тутъ еще такого безподобнаго compagnon de voyage

судьба послала, осклабился онъ во все лицо,—мы вотъ вмѣстѣ и прикатили.

— И, надѣюсь, на долго? промолвилъ любезно Троекуровъ.

— Вообрази, воскликнула Акександра Павловна,—хотятъ сегодня же ночью уѣхать!

— Что̀ это! Куда?

— Мнѣ необходимо, заторопился отвѣтить Ашанинъ;—если позволите, я пріѣду къ вамъ опять чрезъ нѣсколько дней, но я далъ слово быть завтра утромъ у одного тутъ двоюроднаго мнѣ брата, Блинова, недавняго вашего помѣщика.

— Въ Фатьяновѣ?

— Да.

— Конечно, отъ города это рукой подать, проговорилъ Троекуровъ самымъ серьезнымъ тономъ, глянувъ избока на московскаго донъ-Жуана.

Тотъ вскинулъ на него въ свою очередь свои лукавые большіе глаза и не выдержалъ: покраснѣлъ и засмѣялся.

— Помните, Владиміръ Петровичъ, бѣдную maman, со слышнымъ оттѣнкомъ печали заговорила Александра Павловна,—какъ она всегда смѣялась, что̀ вы будто бы „душу спасаете". Вы, кажется, все тотъ же шалунъ остались?

— Все тотъ же, Александра Павловна, подтвердилъ жалобнымъ голосомъ онъ.

— Вѣдь надо же когда нибудь и остепениться, промолвила наставительно молодая женщина;—теперь уже и годы ваши не такіе. Что̀ вы наконецъ не женитесь? Хотите, я вамъ въ нашихъ краяхъ невѣсту найду?

Ашанинъ закатилъ глаза къ потолку:

— На такой безчестный поступокъ я никогда не рѣшусь, Александра Павловна.

— Жениться—безчестный поступокъ! вся даже покраснѣла она.

— Такъ точно!

— Это почему?

— А потому что какъ только я женюсь на одной, такъ на другой же день стану думать о другой.

— Вы всегда будете безпутный человѣкъ! воскликнула она съ самымъ забавнымъ негодованіемъ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Овцынъ, ухмыляясь самымъ пріятнымъ образомъ, вмѣшался въ разговоръ и завелъ было длинный иносказательно-скабрезный разсказъ про какое-то новое любовное похожденіе Ашанина, когда Борисъ Васильевичъ прервалъ его вопросомъ:

— А вы, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, почему же не хотите здѣсь переночевать? Развѣ вы тоже къ Блинову?

Тотъ принялъ немедленно снова свой таинственный видъ, снова вздохнулъ и снова проговорилъ шепотливымъ баскомъ, что „съ господиномъ Блиновымъ онъ не имѣетъ чести быть знакомымъ, но что есть въ той же окрестности одно лицо, быть у котораго ставитъ его въ обязанность *то самое*, о чемъ онъ уже докладывалъ Борису Васильевичу... Но объ этомъ послѣ, послѣ“! повторилъ онъ, подмигивая.

— Это лицо не господинъ-ли Троженковъ? спокойно выговорилъ Троекуровъ.

„Ламартинъ“ даже подпрыгнулъ на стулѣ, на которомъ только-что усѣлся:

— Развѣ вамъ что нибудь извѣстно, Борисъ Васильевичъ? пролепеталъ онъ.

Троекуровъ вопросительно взглянулъ на него:

— О чемъ?

— О... о...

Онъ смолкъ тутъ же, машинально устремивъ глаза въ сторону, куда, видѣлъ онъ, мгновенно отвернувшись отъ него, направились глаза его собесѣдника.

Изъ сада въ раскрытую настежъ дверь входила, только-что перемѣнивъ костюмъ, княжна Кира Кубенская. Она была въ черномъ бареже̂вомъ платьѣ, съ большою палевою розой, приколотою художественнымъ пятномъ со всѣми своими листьями къ ея корсажу. Сквозь полупрозрачную ткань бѣлѣло очертаніе ея красивыхъ плечъ; волосы, еще чуть-чуть влажные отъ умыванія послѣ прогулки, подобраны были вверхъ какъ бы вѣнцомъ кругомъ головы... и вся она, стройная и легкая въ этой черной и свозной ткани, со сдержаннымъ сіяніемъ

зеленыхъ зрачковъ, походила въ эту минуту на какую-то неотразимую молодую фею средневѣковыхъ сказокъ.

Всѣ обернулись на нее. Ашанинъ чуть не крикнулъ отъ восхищенія; онъ въ оно время далеко не долюбливалъ княжны и проходилъ мимо нея, „не подозрѣвая, что она можетъ сдѣлаться вдругъ такъ хороша“, говорилъ онъ себѣ теперь, взирая на ея воздушный, на ея „будто по облакамъ скользящій обликъ“...

Она произвела не менѣе впечатлѣнія и на свою двоюродную сестру.

— Ахъ, Кира, comme tu es bien avec cette toilette! всплеснула даже руками Александра Павловна; — это у тебя новое платье?

Троекурова внутренно покоробило, словно отъ визга пальца по мокрому стеклу. Онъ вскинулъ глаза на жену и тотчасъ же приказалъ себѣ опустить ихъ, закусывая усъ и нервно поведя плечами.

Княжна не отвѣтила; только въ углахъ ея губъ дрогнула какая-то жалостливая усмѣшка...

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Овцымъ кинулся къ ней, постаринному, „къ ручкѣ“.

— Такъ и не удалось мнѣ, возгласилъ онъ, приложившись къ ней своими изсохшими губами,—встрѣтить васъ въ Москвѣ, княжна, въ пріѣздъ вашъ нынче изъ-за границы! Какъ изволите себя чувствовать?... Да что и спрашивать, разцвѣли вотъ какъ эта роза, которая такъ идетъ къ вашему туалету...

Онъ вдругъ вспомнилъ, что никакого подобнаго же комплимента не отпустилъ до сей минуты, „какъ требовала учтивость“, самой хозяйкѣ дома, и, обернувшись немедля къ ней, произнесъ съ паѳосомъ:

— Но какъ же не цвѣсть и не благоухать въ вашемъ благословенномъ воздухѣ, при вашей блаженной, свободной и, выражаясь по-медицински, раціонально-гигіенической жизни! Вы, напримѣръ, chère Alexandrine, олицетворяете поэзію здоровья.

И, для большой рельефности, онъ, растопыривъ руки ла-

донями вверхъ, встряхнулъ ими нѣсколько разъ, какъ бы держа въ нихъ что-то очень большое и очень тяжелое.

— Да, самымъ добродушнымъ образомъ засмѣялась на это Сашенька, — я ужасно пополнѣла, я знаю, и нисколько на это не сѣтую впрочемъ: — чѣмъ я здоровѣе, тѣмъ лучше для Васи.

— Идеалъ матери, das ewig Weibliche! развелъ въ отвѣтъ тѣ же руки вправо и влѣво Ѳедоръ Ѳедоровичъ, наклонивъ голову,—я всегда *это* предвидѣлъ въ васъ!...

Борисъ Васильевичъ поднялся съ мѣста, подошелъ къ снуру колокольчика, висѣвшему вдоль одной изъ стѣнъ гостиной и, проговоривъ коротко: „Ужинать!“ выбѣжавшему на звонъ дворецкому во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, направился ко двери, изъ которой только-что вошла Кира. Онъ переступилъ за порогъ ея и, сжавъ брови, вперилъ недвижный взглядъ вдаль, въ голубые переливы и тѣни ночи...

Такъ прошло нѣсколько времени. Онъ совершенно забылъ обо всемъ окружающемъ...

— Борисъ, пробудилъ его голосъ жены,—nous allons souper, mon ami!

Онъ быстро обернулся, вспомнивъ свои обязанности хозяина, и вернулся къ гостямъ.

Слуги тѣмъ временемъ выкатили изъ сосѣдней комнаты круглый большой столъ, накрытый на пять приборовъ и уставленный холодными и горячими блюдами въ серебряныхъ съ покрышками кострюляхъ, бутылками съ виномъ, хрустальными и фарфоровыми кружками со всякими прохладительными напитками... У Ѳедора Ѳедоровича Овцына даже посоловѣли глаза отъ предвкушенія сладости всѣхъ этихъ яствъ и влаги въ этой роскошной, подкупавшей его либеральную душу обстановкѣ:

— Да-съ, воскликнулъ онъ, комфортабельно усаживаясь въ кресло подлѣ хозяйки, — вы въ вашей деревенской пустынѣ, Борисъ Васильевичъ, умѣли осуществить блистательно мудрое наставленіе древняго поэта: мѣшать полезное съ пріятнымъ, utile dulci, и это въ такой гармоніи, въ такомъ изящномъ сочетаніи...

— Вотъ только рыбой бѣдствуемъ, молвилъ Троекуровъ со свойственною ему серіозностью ироніи, прерывая этимъ хвалебныя изліянія стараго пустозвона; — а вотъ это бургонское я вамъ рекомендую...

Онъ чувствовалъ себя внутренно до-нельзя нервнымъ и не зналъ, какъ совладать съ собой. „Поэзія здоровья“ такъ и стояла острымъ гвоздемъ у него въ головѣ. Онъ повелъ исподлобья взглядъ на жену...

Александра Павловна дѣйствительно находилась теперь въ полномъ разцвѣтѣ своей красоты... въ томъ разцвѣтѣ столиственной розы, когда лепестки ея, отогнувшись отъ сердцевинки, раскидываются пышною чашей въ ширь съ чуть-чуть уже подергивающеюся желтизной по краямъ своимъ, и опытный садовникъ не рѣшается срѣзать ее для наряднаго букета, въ опасеніи, что не продержится она до вечера цѣлою на своемъ стеблѣ... Деревенскій воздухъ, счастье, кормленіе ребенка облекли всю ея наружность въ ту полноту, въ ту зрѣлость формъ, которая, не оставляя прихотливому взору эстетика ничего желать сегодня, возбуждаетъ въ немъ невольно охлаждающее чувство боязни за то, что̀ изъ этого можетъ выйти завтра... Станъ ея, плечи, античная головка казались теперь изваянными изъ другаго, не столь уже нѣжнаго, не столь прозрачнаго мрамора; большіе и строгіе глаза прежнихъ лѣтъ словно размякли и съузились. „Волоокая Гера“, съ которою сравнивалъ ее Кавказецъ Троекуровъ изъ глубины ложи Петербургскаго театра, скорѣе могла бы напомнить въ настоящее время ту „добрую богиню“, *bona dea*, въ которой символизмъ древнихъ олицетворялъ преизобиліе благъ земныхъ...

Онъ подавилъ вздохъ, отвелъ отъ нея глаза... и какъ бы еще сильнѣе вдругъ заговорила въ немъ обнимавшая его досада...

Ашанинъ за это время успѣлъ совсѣмъ овладѣть вниманіемъ княжны Киры. Онъ сидѣлъ подлѣ нея и разсказывалъ ей что-то съ большимъ оживленіемъ; глаза его такъ и сверкали. Для Бориса Васильевича было очевидно, что московскій донъ-Жуанъ забывалъ въ эту минуту не только ту, изъ-за ко-

торой онъ пріѣхалъ въ эти страны, но и все остальное на свѣтѣ, отдаваясь одному изъ тѣхъ мгновенныхъ увлеченій, которыя были такъ же свойственны его природѣ, какъ птицѣ способность летать по воздуху... Но княжна улыбалась на его рѣчи и, повидимому, увлекалась въ свою очередь тѣмъ, что онъ ей „*мололъ*“, представилось Троекурову, — и это находилъ онъ не только несвойственнымъ „такой серіозной дѣвушкѣ“, какъ она, но и... и „не совсѣмъ даже приличнымъ“ съ ея стороны.

— Владиміръ Петровичъ, сказалъ онъ громко, — разъ вы не хотите подарить намъ и завтрашняго дня, не предоставляйте княжнѣ монополіи вашихъ столичныхъ вѣстей, — сообщите ихъ и остальнымъ провинціаламъ, здѣсь сидящимъ. Что новаго въ Москвѣ?

У Ашанина были слишкомъ тонко развиты чутье и слухъ, чтобы тотчасъ же не разслышать язвительной нотки, звучавшей въ этихъ шутливо и дружественно произнесенныхъ повидимому словахъ. Онъ обнялъ зоркимъ и быстрымъ общимъ взглядомъ и выраженіе лица говорившаго, и то странное, не то удивленное, не то довольное выраженіе, съ какимъ въ свою очередь скользнули по этому лицу глаза „дѣвушки“, и отвѣчалъ улыбаясь:

— Я передавалъ княжнѣ одинъ разсказъ Садовскаго... Что же до вѣстей, то я могу дѣйствительно сообщить вамъ нѣчто, совсѣмъ интересное, если только къ вамъ здѣсь, какъ къ сосѣдямъ, не дошло это еще раньше, чѣмъ до Москвы.

— Да, да, засмѣялся и закивалъ „Ламартинъ“,— чрезвычайно интересно, въ самомъ дѣлѣ!

— Что такое? молвила съ видимымъ любопытствомъ Александра Павловна.

— Ваша здѣшняя помѣщица и московская звѣзда—звѣзда, какъ извѣстно, по рожденію, уму и талантамъ,—княгиня Аглая Константиновна Шастунова однимъ словомъ...

Ашанинъ поднялъ свою вилку вверхъ и пріостановился.

— Что же, что дальше?

Онъ опустилъ вилку и произнесъ комически сдавленнымъ голосомъ:

— Перестаетъ вдовствовать!..

— Что̀ вы! Не можетъ быть! воскликнула Троекурова въ изумленіи:—выходитъ замужъ?

— Выходитъ-съ.

— За кого?

— Вы не угадываете?

— Ахъ, Боже мой, засмѣялась она,—неужели les vieilles amours, какъ говорила покойная maman? За Зяблина?

Ашанинъ поклонился:

— Печорина въ отставкѣ, добавилъ онъ,—точно такъ-съ!

— И вы не шутите, Владиміръ Петровичъ? Княгиня пріѣзжала къ намъ сюда изъ своего Сицкаго въ маѣ, я помню; я отдала ей визитъ чрезъ нѣсколько дней, и затѣмъ мы не видались. Но у насъ въ сосѣдствѣ и слуха никакого нѣтъ о томъ, чтобъ она... Я даже не видала monsieur Зяблина въ мой тогда пріѣздъ въ Сицкое.

— А третьяго дня онъ въ Москвѣ самъ объявилъ объ ихъ помолвкѣ.

— Что̀ же, сказала, подумавъ, Александра Павловна, — вѣдь это au fond хорошо, я нахожу. Если уже они такъ долго—молодая женщина не знала, какъ договорить, и слегка покраснѣла,—то этимъ... какъ христіанкѣ, ей надо было кончить!.. Зачѣмъ только она его такъ долго мучила бѣднаго, не соглашалась?..

— А занимателенъ въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Троекуровъ, — долженъ быть тотъ психическій процессъ, который могъ привести наконецъ эту барыню къ теперешнему ея рѣшенію!

— И что̀ же вы бы думали! молвилъ Ашанинъ:—въ основаніи его лежитъ очень почтенное по сущности своей чувство: уваженіе къ имени, которое она такъ долго носила и рѣшилась теперь перемѣнить на другое, потому что, говоритъ она, „оно теперь потеряло tout son lustre et tout son prestige“.

— Отчего же потеряло? спросила не понявъ Александра Павловна.

— Представитель этого имени, сынъ ея, дѣйствительно,

по всѣмъ статьямъ—животное, объяснилъ небрежнымъ тономъ ея мужъ,—но главная, въ глазахъ старухи, вина его состоитъ въ томъ, что вздумалъ онъ жениться противъ ея воли на особѣ, не пользующейся ея расположеніемъ.

— И не заслуживающей его! пылко возгласила молодая женщина:—эта „особа“ не заслуживаетъ ничьего расположенія, Борисъ! Мнѣ Сергѣй Михайловичъ Гундуровъ, когда онъ былъ здѣсь, разсказывалъ, какой чудесный человѣкъ ея первый, то есть *настоящій*, мужъ и какъ она съ нимъ поступила!.. Я отъ нея вчера получила изъ нашего города записку: она проситъ быть у насъ. Я ничего ей еще не отвѣчала, я ждала твоего пріѣзда, Борисъ; но я бы никакъ не хотѣла продолжать съ нею знакомства, проговорила она рѣшительно, глядя во всѣ глаза на мужа.

— Что̀ же, какъ желаешь, такъ и дѣлай! проговорилъ онъ равнодушно, поймавъ на-лету обращенный на него въ эту минуту вопросительный взглядъ княжны.

— Д-да, молвила, мгновенно стихая и уже раздумчиво, Александра Павловна, — но какъ это такъ сдѣлать, чтобы не вышло слишкомъ неучтиво?

— А ты вотъ попроси устроить это тебѣ Владиміра Петровича! Онъ такъ любезенъ, во-первыхъ, что не откажетъ *для тебя*, подчеркнулъ Троекуровъ,—съѣздитъ въ городъ нарочно для этого; а затѣмъ его извѣстная ловкость ручается тебѣ за остальное.

Ашанинъ, сдерживая разбиравшій его всегда въ такихъ оказіяхъ смѣхъ, принялъ свой невинный видъ и, обращаясь къ молодой женщинѣ:

— Извольте, Александра Павловна, проговорилъ онъ, и бровью не моргнувъ,—*для васъ* я готовъ посѣтить „эту особу“, единственно *для васъ*.

Она глянула ему въ лицо и покатилась неудержимымъ смѣхомъ.

— Понимаю, вы для нея и пріѣхали сюда!.. Этотъ Борисъ всегда такъ скажетъ... Такъ ужь пожалуйста, Владиміръ Петровичъ, вы это мнѣ такъ и обдѣлайте...

— Чтобъ и овцы цѣлы были, и волки сыты? договорилъ онъ за нее.

— Да, да, именно такъ!

— А кто же въ этомъ случаѣ волки? нежданно спросила, все время до сихъ поръ безмолвная, княжна Кира: — вѣдь это ты, пожалуй, выйдешь, Саша!

— Я? всклинула протестуя та.

— Потому что эта, продолжала княжна,—какъ бы о ней ни судили, — эта обобранная мужемъ женщина и которую свекровь ея—намъ сейчасъ съ Борисомъ Васильевичемъ Павелъ Григорьевичъ Юшковъ разсказывалъ,—на дворъ къ себѣ à la lettre не пустила, несомнѣнно похожа въ эту минуту гораздо болѣе на овцу, чѣмъ на волка.

Лицо Ашанина внезапно передернуло:

— Княжна, позвольте просить васъ передать подробнѣе то, что̀ вамъ извѣстно объ этомъ. Я видѣлъ княгиню Ольгу Елпидифоровну... какихъ-нибудь полчаса всего, прибавилъ онъ съ нѣсколько подозрительною поспѣшностью,—въ проѣздъ ея чрезъ Москву сюда, и ничего далѣе не знаю.

Кира сообщила отъ начала все, что̀ слышала отъ Юшкова.

— Ахъ, Боже мой, я вѣдь ничего объ этомъ не знала! пролепетала смущенно Сашенька; — ты сама знаешь, Кира, когда мы вчера объ этомъ говорили, мы ничего не знали...

— Она пріѣзжала къ Юшкову просить его, какъ предводителя, заступиться за нее, продолжала княжна,—и тебя желала видѣть вѣроятно въ такой же надеждѣ, что ты съ мужемъ можете ей помочь въ этомъ. Она желаетъ, чтобы свекровь возвратила ей хоть ея собственный капиталъ, которымъ она, говоритъ, пожертвовала на уплату долговъ ея мужа въ Парижѣ.

— Я видѣлъ въ клубѣ, въ Москвѣ, самого счастливаго жениха, господина Зяблина, заговорилъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Овцынъ: — онъ говорилъ, что Аглая Константиновна отрицаетъ, чтобъ ея невѣстка заплатила какіе-нибудь долги мужа въ Парижѣ, что у нея будто, у молодой княгини то-есть, никогда никакого своего капитала не было.

— Ну, ужь на счетъ этого, всклинула Александра Пав-

ловна, эта старая Аглая говоритъ неправду. Моя нынѣшняя и бывшая Кирина въ Петербургѣ горничная, Анфиса, была экономкой у отца молодой княгини Шастуновой, и знаетъ навѣрное, что ей по наслѣдству отъ этого отца досталось болѣе полутораста тысячъ, кромѣ дома въ Москвѣ и движимости... Да вотъ эти старинные шкафы, картины, — вспомнила она, — которые вы здѣсь у насъ видите, Борисъ ихъ вѣдь у нея купилъ, и даже, говоритъ, задаромъ...

— Я эту скаредную старуху нисколько не защищаю, поспѣшилъ заявить „Ламартинъ", прижимая руку ко груди, — я только констатирую фактъ... Фактъ печальный, потому что дѣло такимъ образомъ можетъ дойти до суда, а у насъ суды вы знаете какіе: на десять лѣтъ пойдетъ процессъ...

Троекуровъ глянулъ на жену,—ужинъ былъ конченъ; всѣ поднялись изъ-за стола.

— Владиміръ Петровичъ, робко заговорила Александра Павловна, проходя съ нимъ и княжной изъ гостиной въ садъ на террасу, — ее ужасно мучило теперь сознаніе своей „жестокости", — вы понимаете... теперь... Если вы, въ самомъ дѣлѣ, поѣдете къ *ней* въ городъ, вы скажите ей, что я, вмѣсто письменнаго отвѣта, просила васъ сказать, что... конечно, пусть она пріѣдетъ, если только что-нибудь нужно, что я... и Борисъ Васильевичъ готовы все сдѣлать...

Ашанинъ не далъ ей договорить, взялъ ее руку и молча поцѣловалъ ее...

Оставшись одинъ съ Овцынымъ, Троекуровъ взялъ его подъ руку и, отведя въ противоположный саду конецъ гостиной, указалъ ему на кресло, самъ сѣлъ, — и такъ и срѣзалъ его нежданнымъ вопросомъ:

— Вы видѣться съ сыномъ пріѣхали сюда, Ѳедоръ Ѳедоровичъ?

— Развѣ уже извѣстно, что онъ здѣсь? даже поблѣднѣлъ тотъ.

— *Мнѣ* извѣстно, дѣйствительно! подчеркнулъ Борисъ Васильевичъ.

Овцынъ развелъ руками:

— Я несчастный отецъ! завздыхалъ онъ, болѣе театраль-

но впрочемъ, чѣмъ задушевно;— я пріѣхалъ попытаться спасти моего сына отъ Сибири.

Троекуровъ холодно поглядѣлъ ему въ глаза:

— Для чего онъ тутъ и откуда? Изъ-за границы? И подъ чужимъ именемъ?

Ѳедоръ Ѳедоровичъ закачалъ утвердительно головой.

— Почемъ вы знали, что онъ здѣсь? Онъ къ вамъ писалъ?

— Нѣтъ, какъ бы испуганно воскликнулъ тотъ, — ни строчки я отъ него не получалъ съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ онъ... покинулъ Россію. Случайно, раза два, имѣлъ о немъ извѣстіе отъ лицъ, видѣвшихъ его за границей... Узналъ-съ я объ этомъ... Я буду съ вами совершенно откровененъ, Борисъ Васильевичъ, перебилъ себя онъ,—узналъ-съ я отъ нѣкоего жандармскаго полковника въ Москвѣ.

— Вотъ какъ! не могъ не усмѣхнуться Троекуровъ.

— Да-съ... Человѣкъ онъ впрочемъ совершенно образованный, либеральный... Пріятели мы съ нимъ по клубу; самъ онъ большой чтецъ и поклонникъ нашего даровитаго Александра Ивановича и его *Колокола*, весьма иронически, можно сказать, относящійся къ нынѣшней реакціи...

— А! А развѣ есть реакція? И въ чемъ же, съ чьей стороны?

— Помилуйте, послѣ этихъ пожаровъ въ Петербургѣ тамъ страшно перепугались, и начались такія гоненія, *алгвазильство*, такъ сказать... Заподозрили литературу, редакторовъ призывали къ начальству, нотаціи имъ грозныя читали, политическую подкладку непремѣнно хотѣли найти подъ простымъ фактомъ этихъ пожарныхъ явленій, причина которыхъ, какъ всѣмъ кажется давно извѣстно, лежитъ ни въ чемъ другомъ, какъ въ непроходимомъ варварствѣ нашего народа... „Эмиссаровъ“ какихъ-то стали искать, множество неповинной молодежи арестовали, допрашивали въ III Отдѣленіи. Иринархъ, къ счастью, успѣлъ этого избѣгнуть и улетучиться...

— А и онъ тамъ былъ?

— Повидимому-съ, вздохнулъ Овцынъ,—или, по крайней мѣрѣ, подозрѣвается, что былъ въ это время въ Петербургѣ... Съ цѣлымъ тюкомъ лондонскихъ изданій изловчился проѣхать

до Москвы, домолвилъ онъ тутъ же шопотомъ и какъ бы уже любуясь такою „ловкостью“ сына.

— И все это вы отъ пріятеля вашего жандарма узнали?

— Сообщилъ-съ, да, по дружбѣ... Гуманный вполнѣ, какъ докладывалъ я вамъ, человѣкъ!... Ужинаемъ это мы съ нимъ въ клубѣ послѣ партіи. Обыгралъ онъ меня, признаться, въ этотъ вечеръ въ лоскъ. Я ему и смѣюсь: дорого-молъ обошлись вы мнѣ сегодня. А онъ мнѣ вдругъ и говоритъ: „Хотите за это хорошій совѣтъ?“ Я гляжу на него: Сдѣлайте милость, говорю, — насчетъ чего? — „Насчетъ вашего сына“... А какъ мы въ эту минуту одни одинехоньки находились въ столовой, онъ мнѣ и передалъ про этотъ пріѣздъ Иринарха изъ Лондона съ тюкомъ, и что онъ изъ Петербурга скрылся.— „Теперь же, говоритъ, нами получено свѣдѣніе, что онъ проживаетъ тамъ-то, — губернію назвалъ, уѣздъ, — у нѣкоего отставнаго губернскаго секретаря Троженкова, который тоже намъ извѣстенъ какъ корресподентъ *Колокола*. Намъ слѣдовательно сына вашего арестовать надобно. А потому, если хотите спасти его, извѣстите его скорѣе вѣрнымъ путемъ, или, если можете сами, такъ еще лучше, чтобъ онъ не медля уѣзжалъ изъ тѣхъ мѣстъ, а я распоряженіе объ его арестѣ пока здѣсь попридержу“. — Куда же ему ѣхать, спрашиваю, какъ вы полагаете? „Ну, это его дѣло, говоритъ, за границу опять или куда хочетъ, только чтобы *намъ* мѣстопребываніе его неизвѣстно было,—понимаете?“—Понимаю, говорю ему, и ужь не знаю, какъ васъ благодарить. — А онъ мнѣ, повѣрите-ли, вотъ что на это отвѣчаетъ: — „Я, говоритъ, сочувствую вполнѣ благороднымъ стремленіямъ молодежи и на мѣстѣ вашего сына былъ бы, вѣроятно, такимъ же дѣятелемъ прогресса, какъ и онъ, и только, говоритъ, нужда заставляетъ меня служить въ инквизиторахъ“. И при этомъ изъ самой глубины души, какъ видно, вздохнулъ... То-есть до слезъ довелъ, прямо скажу вамъ, Борисъ Васильевичъ.

— Это дѣйствительно трогательно, сказалъ не моргнувъ Троекуровъ.—И вы по совѣту этого пріятеля вашего пріѣхали сюда?

— По отцовскому чувству своему и долгу, Борисъ Ва-

сильевичъ! счелъ нужнымъ съ паѳосомъ пояснить Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

— А по долгу *гражданина*, тѣмъ же холоднымъ тономъ продолжалъ тотъ,—передадите вашему сыну, какъ „дѣятелю прогресса", что даже жандармы восхищаются тѣмъ, что̀ онъ творитъ, и оказываютъ ему покровительство.

„Ламартинъ" опѣшилъ нѣсколько:

— Я предварю его... согласно тому, что̀ мнѣ было обязательно сообщено, пробормоталъ онъ.

— Прекрасно сдѣлаете!... А я ужъ кстати попрошу васъ посовѣтовать ему отъ *меня*, промолвилъ Троекуровъ дрогнувшимъ отъ вдругъ пронявшаго его раздраженія голосомъ, — поспѣшить скорѣй удалиться отсюда!... Онъ вскинулъ неудержимо на своего собесѣдника свои блѣдно-голубые, страшные въ эту минуту своимъ безпощаднымъ блескомъ, глаза; зубы его стиснулись: — Скажите ему, что я ни съ какой стороны на вашего жандарма не похожъ, — ни съ „инквизиторской", ни съ „либеральной". Онъ можетъ жечь и проповѣдывать, гдѣ и что̀ ему угодно,—это не мое дѣло; но если ему вздумается нарушать чей-либо покой въ моемъ домѣ... или мутить въ мѣстности, гдѣ я живу,—онъ столкнется со мной, а я... Я не мягокъ характеромъ, предваряю васъ...

Онъ поднялся на ноги, потянулъ усъ до боли, стараясь осилить припадокъ этого внезапнаго, прорвавшагося у него нежданно для него самого гнѣва, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ и вернулся опять на мѣсто.

Овцынъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ, что̀ говорится, ни живъ, ни мертвъ, машинально слѣдя за нимъ глазами и въ совершенномъ недоумѣніи.

— Я никакъ не понимаю, Борисъ Васильевичъ, заговорилъ онъ,—чѣмъ могъ подать вамъ поводъ Иринархъ...

— Вы только передайте ему мои слова, *онъ* пойметъ! перебилъ его Троекуровъ уже болѣе спокойнымъ голосомъ и съ насилованною улыбкой, — à bon entendeur salut!... И вы рѣшительно хотите ѣхать сегодня же въ ночь? спросилъ онъ чрезъ мигъ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ встрепенулся:

— Да-съ, мнѣ теперь, я вижу, болѣе чѣмъ когда-либо, слѣдуетъ торопиться...

— Такъ надо распорядиться лошадьми.

Борисъ Васильевичъ всталъ и дернулъ за снурокъ колокольчика.

— Alexandrine, еще до вашего возвращенія, была такъ добра приказать, чтобы къ полночи лошади были намъ готовы.

— Лошади готовы-съ, доложилъ вошедшій тѣмъ временемъ дворецкій.

— Такъ ужь позвольте съ вами проститься! вставая и протягивая руку, молвилъ Овцынъ.

— Надѣюсь, до свиданія! сказалъ на это Троекуровъ, подавая ему руку тоже и возвращаясь уже вполнѣ къ ласковому тону благовоспитаннаго хозяина.

— Если позволите,—и, *надѣюсь* въ свою очередь, по достиженіи результата, настолько же, повѣрьте, желаемаго мной, какъ и вами, любезно, но не безъ нѣкотораго тайнаго намѣренія язвительности произнесъ тотъ. — Надо проститься съ дамами, промолвилъ онъ, трогаясь съ мѣста, — и какъ бы вспомнивъ:—я не почелъ нужнымъ передавать Alexandrine о причинѣ моего пріѣзда сюда, и далъ ей понять, какъ и моему compagnon de voyage, что имѣю денежные разсчеты съ однимъ здѣшнимъ помѣщикомъ...

— И прекрасно сдѣлали! одобрительно кивнулъ Борисъ Васильевичъ:—она очень добра сердцемъ, сынъ вашъ—двоюродный ей братъ, но вы понимаете сами...

— Понимаю-съ, не давъ ему договорить вздохнулъ старый Ламартинъ: — въ нынѣшнее время политическія убѣжденія начинаютъ порывать самыя старыя и кровныя связи. Печально-съ,—но естественно!

Троекуровъ повелъ лишь на это утвердительно головой. Овцынъ, видимо довольный эффектнымъ оборотомъ произнесенной имъ сентенціи, поклонился еще разъ и отправился по направленію сада прощаться съ дамами.

Пока онъ разсыпался съ ними въ любезностяхъ, Ашанинъ вернулся съ террасы въ гостиную за своею дорожною шляпой.

— Два слова, Владиміръ Петровичъ! сказалъ шедшій ему навстрѣчу хозяинъ.

— Сдѣлайте милость, что̀ прикажете?

Они прошли вмѣстѣ нѣсколько шаговъ.

— Вотъ что̀, началъ Борисъ Васильевичъ, останавливаясь и слегка притрогиваясь къ рукаву Ашанина: — потрудитесь, во-первыхъ, передать господину Блинову, что въ губернскомъ крестьянскомъ присутствіи дѣло его съ крестьянами о лугахъ рѣшено въ его пользу. Не забудете?...

Онъ пріостановился.

— Не забуду... А *во-вторыхъ*? спросилъ Ашанинъ.

Троекуровъ повелъ на него какъ бы разсѣянно глазами:

— Вы, не правда-ли, говорили, что видѣли Ольгу Ел... молодую княгиню Шастунову въ Москвѣ?

— Очень не надолго... промямлилъ донъ-Жуанъ.

— Достаточно, чтобы заставить васъ пріѣхать въ наши мѣста, отрѣзалъ съ усмѣшкой Троекуровъ,—но не въ этомъ дѣло. Скажите, не говорила она вамъ... она нуждается? спросилъ онъ, понижая голосъ.

— Не говорила, но въ этомъ, кажется, не можетъ быть сомнѣнія. Мужъ дѣйствительно обобралъ все, что̀ у нея оставалось цѣннаго, послѣ того какъ и весь собственный капиталъ ея пошелъ на уплату его долговъ.

— А пока та старая дура не будетъ принуждена тѣмъ или другимъ путемъ возвратить ей деньги, пройдетъ время... Ей нечѣмъ жить!

— Вѣроятно. Она говорила мнѣ, что надѣется продать домикъ, принадлежащій ей въ вашемъ уѣздномъ городѣ, въ которомъ она думала жить, пока не устроятся ея дѣла со свекровью.

— Ее такъ оставить нельзя, проронилъ, не слушая и не глядя на него, Троекуровъ:—пройдемте на мою половину!

Ашанинъ безмолвно послѣдовалъ за нимъ.

Половина Троекурова состояла, кромѣ передней съ отдѣльнымъ входомъ со двора, изъ большой и длинной комнаты, библіотеки, служившей ему пріемной по его посреднической должности, квадратнаго кабинета en boiserie строгаго голланд-

скаго стиля и маленькой рядомъ спальни въ одно окно на дворъ. Окна и большая дверь въ кабинетѣ,—въ который теперь вошли они,—выходили въ садъ.

Пока Ашанинъ съ художественнымъ удовольствіемъ оглядывался на темныя, изящно рѣзанныя изъ чернаго дуба стѣны, по которымъ кое-гдѣ уголъ золоченой рамы картины выдѣлялся яркимъ бликомъ подъ падавшимъ на нее свѣтомъ большой одинокой лампы, стоявшей на огромномъ письменномъ столѣ посреди комнаты, хозяинъ, присѣвъ къ этому столу, писалъ что-то на листкѣ почтовой бумаги, лежавшемъ на его бюварѣ.

— Я васъ попрошу, Владиміръ Петровичъ, сказалъ онъ кончивъ, вкладывая написанное въ обложку и продолжая не глядѣть на него,—взять этотъ кредитивъ на мою московскую контору и пользоваться имъ, когда и насколько будетъ *тамъ* нужно.... Цифрой суммы прошу васъ не стѣсняться никакъ,—но вы должны мнѣ дать честное слово, что *ни въ какомъ случаѣ*, вѣско отчеканилъ онъ,—имя мое не будетъ вами произнесено... Вы сумѣете, конечно, объяснить княгинѣ, откуда черпаете возможность ссужать ее, пока дѣла не приведутся въ порядокъ, не называя меня, не правда-ли?

— Сумѣю, Борисъ Васильевичъ, произнесъ тронутымъ голосомъ Ашанинъ, вкладывая письмо въ свой портфель,—и понимаю вашу деликатность...

— Сдѣлайте милость, живо и съ улыбкой прервалъ его тотъ,—не приписывайте этого какимъ-нибудь высокимъ чувствамъ, а просто ненависти моей къ званію за-и-мо-давца. Я состоялъ *должникомъ* половину моей жизни и до того проникся духомъ этого амплуа, что возненавидѣлъ бы самого себя въ роли *кредитора*, а относительно женщины тѣмъ болѣе...

— Нѣтъ, я—ничего, вздохнулъ комически красавецъ,—промѣнялъ бы сейчасъ собственную мою на роль амплуа Жида моего, Зедербаума:—по два процентика въ мѣсяцъ плачу ему второй годъ.

— Я и по четыре платилъ, и неустойки, капиталъ на капиталъ, засмѣялся Троекуровъ.—Пойдемте однако; Ѳедоръ

Ѳедоровичъ Овцынъ успѣлъ, надо-быть, вычерпать съ дамами свою любезность до дна и ждетъ васъ...

Онъ остановился на-ходу:

— А на прощанье позволите-ли маленькій, дружескій совѣтъ? неожиданно проговорилъ онъ.

— Сдѣлайте милость! молвилъ удивленно Ашанинъ.

— Особа... о которой мы сейчасъ говорили, нуждается теперь не въ однихъ матеріальныхъ средствахъ, но и...

— Но и...? повторилъ вопросительно красавецъ.

— Здѣсь не столица; каждый шагъ ея здѣсь будетъ извѣстенъ; враги, эта злая дура свекровь ея, воспользуются малѣйшею ея неосторожностью для своихъ видовъ и вреда ей... Не *смущайте* ее, проговорилъ съ серьезною нотой въ голосѣ Борисъ Васильевичъ, наклоняясь къ его уху.

Ашанинъ покраснѣлъ до ушей:

— Но я васъ увѣряю... пролепеталъ онъ.

Троекуровъ остановилъ его:

— Къ чему? Я сказалъ; остальное—дѣло вашей совѣсти... Пойдемте!...

VI.

Съ отрадой тайною и тайнымъ содроганьемъ,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю.
Лермонтовъ. Ребенку.

Enfants, nous qui pensons, nous qui vivons,
nous sommes
Tristes, hargneux, mauvais...
Puis on a dans le coeur quelque remord.
Voilà
Ce qui nous rend méchants. Vous saurez
tout cela
Quand vous serez plus grands, c'est à dire
moins sages.
V. Hugo. A des oiseaux envolés.

Гости уѣхали.

Проводивъ ихъ любезно до самаго крыльца, Троекуровъ вернулся на террасу, гдѣ жена его и княжна Кира, сидя рядомъ на скамейкѣ у выходной изъ гостиной двери, съ закинутыми къ стѣнѣ головами, облитыя млѣющимъ сіяніемъ лунной ночи, вели негромкій межъ собой разговоръ.

Услыхавъ шаги подходившаго мужа, Александра Павловна, не перемѣняя положенія, быстро повела глазами въ его сторону, поймала на проходѣ его руку и неудержимымъ движеніемъ поднесла ее къ губамъ:

— *Цыпинька* мой! чуть слышно, дѣтскимъ лепетомъ прошептала она, взглянувъ ему въ лицо съ безконечною нѣжностью, и тутъ же опустила эту руку и слегка заалѣла, вспомнивъ, что онъ „не любитъ эти *нѣжности*, да еще при другихъ“...

— Кира говорила мнѣ, что ты видѣлъ Сергѣя Михайловича Гундурова, Борисъ, и что онъ обѣщалъ скоро быть къ намъ? поспѣшила она сказать громко и засмѣялась:—я сейчасъ ей говорила, что если-бъ онъ увидѣлъ ее сегодня въ этомъ ея черномъ туалетѣ,—она, не правда-ли, точно *la reine de la nuit*, какъ въ картинкѣ, сегодня?—конечно, онъ такъ бы и упалъ къ ея ногамъ...

— Никто не мѣшаетъ княжнѣ повторить эффектъ этого туалета, когда онъ будетъ здѣсь, проговорилъ на это небрежно насмѣшливымъ тономъ Троекуровъ.

— Саша, c'est une vraie scie, ma chère! недовольнымъ голосомъ молвила въ свою очередь Кира:—и что̀ всего смѣшнѣе, ты пилишь меня человѣкомъ, который такъ же мало думаетъ обо мнѣ, какъ я о немъ.

— Ты—я не знаю, воскликнула Александра Павловна,—ты, Богъ тебя знаетъ, какая ты льдина! Но онъ, ты меня не увѣришь,—онъ... Я видѣла, какими глазами онъ глядитъ на тебя всегда, и все его лицо точно вдругъ освѣтится, когда онъ замѣтитъ, что то, что̀ онъ говоритъ, нравится тебѣ; il n'y a que les amoureux, которые такъ смотрятъ...

— И люди, которые любятъ, чтобъ ихъ слушали, уронила съ холодною усмѣшкой княжна.

Троекуровъ обернулся на мигъ на говорившую, усмѣхнулся самымъ уголкомъ губъ и, опустивъ руки въ карманы своей жакетки, медленно зашагалъ по террасѣ, глядя себѣ подъ ноги не то разсѣянными, не то озабоченными глазами.

Но Александра Павловна не сдавалась:

— Онъ такъ много съ тобой говоритъ, горячо доказывала она,—потому что знаетъ, что это тебя интересуетъ; ты сама прежде ни о чемъ другомъ не думала, какъ о *политикѣ*... А ты если теперь придираешься къ нему за это, то единственно потому, что хочешь непремѣнно найти что-нибудь противъ него внутри себя,—и не находишь ничего, кромѣ этого же опять... Ты ужь просто скажи, что онъ тебѣ не нравится, короче будетъ!

— А если я это такъ и скажу тебѣ прямо,—ты отъ меня отстанешь?

Сашенька махнула сердито рукой:

— Ты свое счастье въ окно выкидываешь... И все это твоя вѣчная гордость дѣлаетъ!...

— Гордость! тихо и съ какою-то загадочною улыбкой повторила Кира:—это старая пѣсня!...

— Старая и все та же, да!... Tu ne veux pas de maître, развѣ это не такъ? Я давно поняла тебя,—ты не признаешь, чтобы кто-нибудь когда-нибудь могъ стать надъ тобой... Кира, милая, а если бы ты знала, прошептала она, внезапно ухватывая руку княжны и наклоняясь къ самому ея уху, — если бы ты знала, какъ сладко покориться тому, кого любишь!...

Княжна глянула ей вдругъ въ лицо, словно испуганная:

— Покоряться—такъ ужь Богу! вырвалось у нея нежданнымъ, невольнымъ возраженіемъ.

Александра Павловна въ свою очередь теперь испуганно вскинула на нее глаза:

— Что же это,—не хочешь-ли ужь ты въ монастырь, какъ *Лиза* въ *Дворянскомъ гнѣздѣ?*

— Да пожалуй, въ Италіи, поспѣшно отвѣтила Кира и такъ же поспѣшно засмѣялась:—тамъ въ Апеннинахъ есть одинъ древній монастырь. Я тамъ была. Что за видъ оттуда, прелесть!

— Ты сумасшедшая! воскликнула Троекурова:—съ тобой нельзя говорить серьезно.

— Тѣмъ болѣе, что спать пора, поздно, молвила на это съ тѣмъ же дѣланнымъ смѣхомъ княжна, быстро подымаясь съ мѣста:—прощайте!

Она кивнула и, чуть-чуть приподнявъ край своей юпки, побѣжала по ступенькамъ, спускавшимся съ террасы въ садъ.

— Кто же такъ прощается, княжна? молвилъ Троекуровъ, идя за ней:—дайте хоть руку на сонъ грядущій, а то можно подумать, что вы сердитесь.

Она на-ходу протянула ему снизу вверхъ эту—какъ ледъ холодную—руку и, не отвѣчая на его пожатіе, не глядя на него, исчезла чрезъ мигъ за клумбой розановъ въ цвѣту, раскинутою предъ павильономъ, въ которомъ она обитала.

— Вотъ она всегда такая! жалобно выговорила Алексан-

дра Павловна, обращаясь къ мужу:—и очень хотѣла бы я знать, чѣмъ такой человѣкъ, какъ Гундуровъ, можетъ ей не нравиться?

— Да какое тебѣ до этого дѣло въ сущности?

И Троекуровъ досадливо повелъ плечомъ. Она замѣтила это движеніе и встревожилась:

— Боже мой, Борисъ, какъ же ты можешь это говорить! Я ее люблю, я ей отъ всей души желаю счастья.

— Каждый понимаетъ счастье по-своему, произнесъ онъ мягко и стараясь улыбнуться,—и беретъ его, гдѣ знаетъ.

— Да гдѣ-жь она возьметъ его, гдѣ? протестовала молодая женщина:—пробовала она въ Петербургѣ *свое*... И съ чѣмъ оттуда уѣхала? Печальная, разочарованная... И тотъ самый человѣкъ, который тамъ,—она сама же говорила,—былъ болѣе всего ей симпатиченъ, она его теперь...

— Ну, милый другъ, вѣдь это у насъ сказка про бѣлаго бычка пойдетъ, прервалъ ее мужъ, скрывая внутреннее нетерпѣніе подъ ласковою шутливостью тона этихъ словъ,—а у меня на завтра къ 8 часамъ старшины изъ трехъ волостей вызваны. Разойдемся по постелямъ!

Онъ наклонился къ ней и поцѣловалъ ее въ лобъ на прощанье.

— Борисъ, промолвила Александра Павловна съ чуть-чуть слышавшимся робкимъ упрекомъ въ голосѣ,—развѣ ты не зайдешь къ дѣтямъ... Ты ихъ цѣлые пять дней не видалъ.

— Ахъ, конечно, конечно... сейчасъ! вскрикнулъ онъ, слегка смутившись:—я думалъ самъ... и вдругъ вспомнилъ объ этихъ старшинахъ...

Она продѣла подъ его руку свою, сама вся головой и грудью прижалась къ нему и, не чувствуя ногъ подъ собой отъ какого-то мгновеннаго, страстнаго прилива счастія, повела его чрезъ весь домъ въ дѣтскую.

На порогѣ ея Троекуровъ замедлилъ шаги... То, что только-что скребло и ныло въ его душѣ, было такъ далеко отъ *этого*, отъ этой свѣжести... отъ этой „святости“...

Высокая комната со свѣтлыми обоями, мерцающая лампадка въ углу предъ иконами въ старинныхъ золотыхъ окладахъ,

полуотворенныя окна въ садъ, со вставленными въ нихъ рамами, обтянутыми кисеей, сквозь которую льется ночной воздухъ, примѣшиваясь къ слабому запаху молока и ромашки, старая няня, повязанная платкомъ, вздремнувшая на покрытомъ ковромъ сундукѣ и рядомъ колыбель и кроватка съ падающими на нихъ кругомъ вплотную широкими складками бѣлоснѣжныхъ кисейныхъ занавѣсей... Миръ, благодать, еле слышное, ровное дѣтское дыханіе...

— Тсс... Маша, кажется, проснулась, прошептала Сашенька на ухо мужу, осторожно переступая съ нимъ по обитому на лѣто толстою парусиной полу дѣтской.

Она подвела его къ дѣвочкѣ, къ „старшей въ семьѣ", какъ говорилъ онъ въ веселыя минуты... Чуткая старушка няня мигомъ приподняла съ сундука свою сѣдую голову:

— Спятъ покойненько, молвила она, кивая съ мѣста и тутъ же подымаясь на ноги.

Александра Павловна такимъ же кивкомъ дала ей знакъ не безпокоиться, осторожною рукой отогнула полы занавѣсей и, наклонившись надъ кроваткой, пригласила движеніемъ глазъ мужа послѣдовать ея примѣру...

Бѣлокурая и кудрявая, какъ отецъ, съ черточкой длинныхъ, черныхъ, какъ у матери, рѣсницъ надъ разгорѣвшимися пухлыми щечками, спала полуторагодовая Маша, закинувъ за голову крохотную ручку, полураскрывъ влажныя розовыя губки... И вотъ, словно почуявъ устремленные на нее глаза родителей, она задвигалась, повернулась, открыла на мигъ большіе темноголубые глазки... „Ма̀-ма", съ улыбкой пролепетала она, закрыла ихъ опять и сладко вздохнула, уносимая снова неодолимыми чарами сна...

— Благослови ее! прошептала молодая мать.

Троекуровъ торопливо и неловко, какъ всегда это бывало съ нимъ въ подобныхъ случаяхъ, — съ какимъ-то смутнымъ ощущеніемъ своей „недостойности", — провелъ крестообразно пальцы надъ головой дочери...

— А вотъ и Василій Борисычъ голосъ *подаютъ*, проговорила, счастливо улыбаясь, Сашенька, быстро закидывая занавѣски кроватки и направляясь къ колыбелькѣ, изъ которой

раздался плачъ младенца;—это онъ не отъ зубковъ теперь, я знаю, успокоительно примолвила она, вынимая оттуда сына въ его пеленкахъ и кружевномъ чепчикѣ и поднося его лобикомъ къ губамъ мужа:—*они* кушать *просятъ*... Ты поцѣлуй его и иди себѣ теперь, Борисъ; доброй ночи! заключила она съ тою же блаженною улыбкой, отворачиваясь отъ него стыдливымъ движеніемъ, чтобы отстегнуть пуговицы своего корсажа...

Онъ направился къ двери, взялся за ручку, но прежде чѣмъ пожать ее, оглянулся, какъ бы съ тѣмъ, чтобъ унести съ собой всю полноту впечатлѣнія этого чистаго, таинственнаго и проницающаго дѣтскаго міра.

Вася пересталъ плакать. Молодая мать-кормилица, низко нагнувъ къ нему голову, стояла у колыбели, медленно и ровно, убаюкивающимъ ребенка движеніемъ, качаясь на мѣстѣ со стороны на сторону. Старая няня неслышными шагами проходила за чѣмъ-то къ комоду у окна, и лунное сіяніе, падая сквозь него, подстилало ей подъ ноги широкіе квадраты; а съ высоты, въ углу, освѣщенныя красноватымъ пламенемъ лампадки, строгія лица святыхъ словно сторожили изъ-за своихъ золотыхъ ризъ весь этотъ міръ дѣтства и чистоты...

Троекуровъ вышелъ и со сжатыми нервно бровями быстро направился чрезъ длинный рядъ комнатъ дома на свою половину.

Онъ отворилъ въ своемъ кабинетѣ дверь въ садъ, — но тутъ же отошелъ отъ нея и зашагалъ вдоль и поперекъ комнаты, покусывая усы и поводя плечами, словно въ лихорадочной дрожи.

Такъ прошло нѣсколько времени... Часы на каминѣ прозвонили часъ по полуночи.

Чьи-то шаги заскрипѣли по песку ближней садовой аллеи.

Борисъ Васильевичъ весь выпрямился, вскинулъ головой и спѣшно повернулъ къ двери.

За ея порогомъ глаза его первымъ, невольнымъ движеніемъ устремились на павильйонъ, обитаемый княжной Кирой. Изъ четырехъ, выходившихъ въ садъ и открытыхъ оконъ его,

два были еще освѣщены и въ одномъ изъ нихъ на опущенной, чуть-чуть колеблемой воздухомъ бѣлой сторѣ дрожала, показалось ему, чья-то неясная, тонкая тѣнь... „Не спитъ еще, читаетъ“, сказалъ онъ себѣ мысленно, съ какимъ-то словно страхомъ быть замѣченнымъ ею, откидываясь назадъ внутрь комнаты.

Выходя изъ аллеи, прямо противъ него, показался въ эту минуту Скоробогатовъ.

Троекуровъ торопливымъ движеніемъ руки указалъ ему свернуть вправо и пройти къ нему дворомъ на отдѣльное крыльцо, ведущее на его половину.

Самъ онъ пошелъ отворить ему дверь на это крыльцо, пропустилъ его, щелкнулъ за нимъ замкомъ и ввелъ его въ библіотеку, служившую пріемной.

— Ну, что̀? обрывисто спросилъ онъ.

— Въ акуратѣ тутъ, — самый, то-ись, этотъ человѣкъ, таинственно проговорилъ на это тотъ.

— Гдѣ?

— Какъ изволили сказывать, у калитки у самой проявился... Въ шляпѣ это, въ пальтѣ, здоровенная такая дубинища въ рукѣ,—самый онъ и есть, я хорошо призналъ.

— Вошелъ въ садъ?

— Вошелъ, ваше вск... а только, какъ замѣтно, съ опаской, усмѣхнулся Скоробогатовъ: — нерѣшительность видать... Извѣстно, къ чужимъ, въ ночное время... Черкесъ на что̀ проворенъ, а и тотъ боится!... Постоялъ онъ этто тамъ за оградой спервоначалу, сигару вынулъ, огня чиркнулъ, о калитку *обѣймя рукамъ* опёрся... а она и подалась сама внутрь-то, въ садъ, мало за ней не упалъ онъ съ-невзначаю, ругнулся даже: „чтобъ тебя, проклятая!...“ Одначе послѣ этого въ садъ вошелъ, прошелся таково шаговъ двадцать не болѣе, помахалъ дубинищей, и — назадъ... И Богъ его знаетъ, воръ онъ какой, али что?...

— Онъ негодяй, неудержимо вырвалось изъ устъ Троекурова.

Старый служивый поглядѣлъ ему въ глаза:

— Что-жь, ваше высокоблагородіе... его, значитъ, всегда сцапать можно! Онъ и по сю пору тамъ...

— Онъ тебя не видѣлъ? прервалъ его Борисъ Васильевичъ.

— Ему и не въ-догадъ, ваше... потому я въ малинникъ забрался, сижу смирно: мнѣ-то все оттуда видать, а ему въ кустахъ и въ *жистъ* меня не *подозрѣть*.

— Давно онъ тутъ?

— Съ полчаса, а можетъ болѣе... Кабы не приказъ вашъ, чтобъ притти доложить вамъ, такъ я-бъ его, *шарлатана*, давно скрутилъ, ваше вскбл... промолвилъ Скоробогатовъ, продолжая глядѣть въ глаза своему „полковнику", въ очевидномъ ожиданіи приказа съ его стороны привести въ исполненіе это благое намѣреніе.

Но къ немалому его удивленію „полковникъ" его, теребя усъ и видимо держа въ головѣ иное соображеніе, проговорилъ съ презрительною усмѣшкой:

— Оставь его тамъ гулять, а самъ спать ступай!... Завтра же, быстро и рѣшительно прибавилъ онъ, во избѣжаніе дальнѣйшаго разговора,—отправляйся опять въ то же время въ свой малинникъ, и если *онъ* явится, не жди ни минуты и бѣги тотчасъ же доложить мнѣ! Слышишь?

— Слушаю, ваше вскбл... пропустилъ озадаченно тотъ.

— Хорошо, ступай!...

Троекуровъ выпустилъ его на крыльцо, вернулся въ кабинетъ,—и долго еще среди ночной тишины слышался въ пространномъ покоѣ шумъ его то лихорадочно-спѣшныхъ, то странно-замедлявшихся шаговъ...

VII.

О прежнихъ дняхъ, о тѣхъ проказахъ
Поразвернитесь-ка въ разсказахъ!
Улыбочка и пара словъ,
А кто влюбленъ, на все готовъ.

Горе отъ ума.

— И вотъ въ какомъ galetas *) вы меня находите! говорила черезъ день послѣ того, что̀ передано нами читателю, княгиня Ольга Елпидифоровна Шастунова, выходя встрѣчать только-что подъѣхавшаго ко крыльцу ея домика гостя въ большую гостиную ея дѣвическихъ временъ, теперь почти совсѣмъ пустую комнату, съ полудюжиной искалѣченныхъ стульевъ и на половину оборванными, почернѣлыми отъ времени и табачной копоти обоями на стѣнахъ.

Она гадливо, но смѣющимися глазами указывала на эту жалкую обстановку, странно противорѣчившую безукоризненно изящному, по послѣдней парижской модѣ, утреннему туалету, въ который была она облечена, начиная съ атласныхъ туфель на шелковыхъ, chinés, чулкахъ couleur saumon, и кончая крохотнымъ чепцомъ изъ кружевъ, наколотымъ надъ ея роскошною, *собственною* косой.

— Пойдемте ко мнѣ въ *будуаръ*, насмѣшливо подчеркнула она,—тамъ найдется по крайней мѣрѣ на чемъ сѣсть.

— И вы меня оттуда не прогоните, какъ нѣкогда отсюда? отвѣтилъ лукаво Ашанинъ, стоя посреди комнаты, и, поведя глазами кругомъ нея, остановилъ ихъ на открытомъ окнѣ,

*) Нищенское жилище.

выходившемъ въ палисадникъ, изъ котораго нѣкогда онъ, весь трепетъ и желаніе, внималъ тайкомъ ея страстному пѣнію *).

Она вспомнила и расхохоталась:

— Какой вы злопамятный однако!... А теперь увидимъ, смотря по тому, какъ вы себя будете вести...

— О, на этотъ счетъ будьте покойны,—какъ сама добродѣтель! воскликнулъ торопливо московскій донъ-Жуанъ, и съ такимъ повидимому убѣжденнымъ выраженіемъ, что она подняла на него удивленные глаза... но тутъ же усмѣхнулась, чуть-чуть пожала плечомъ и безъ словъ прошла въ сосѣднюю комнату.

Ашанинъ на мигъ даже глаза прижмурилъ:

— ...И избави насъ отъ лукаваго! прошепталъ онъ мысленно кончикъ молитвы, слѣдуя за ней.

„Будуаръ" себѣ наша княгиня устроила въ бывшей своей дѣвической комнатѣ, собравъ туда все, что еще оставалось въ домѣ послѣ занимавшихъ его жильцовъ неполоманной мебели, которую покрыла, какъ на театральныхъ сценахъ, вплоть до низу чехлами изъ ситца, а на окна и двери навѣсила той же матеріи занавѣси. На столахъ разложены были кое-какія цѣнныя бездѣлушки, книжки французскихъ романовъ въ желтыхъ обложкахъ, привезенныя хозяйкой изъ-за границы, ея большой дорожный несессеръ, съ ея вензелемъ подъ княжескою короной на каждой изъ его серебряныхъ принадлежностей. Благодаря всему этому комната представляла если не роскошный, то довольно уютный видъ.

— C'est du moins quelque peu habitable ici, проговорила красивая барыня тѣмъ же презрительно веселымъ тономъ, усаживаясь на низкую кушетку и упираясь затылкомъ въ огромную подушку, покрытую наволочкой изъ тончайшаго батиста, обшитою кружевомъ и съ такимъ же вышитымъ на ней вензелемъ ея и короной, сквозь которые просвѣчивалъ малиновый цвѣтъ шелковой подъ нею ткани.

— Вы очень милы, что сдержали ваше слово побывать у

*) *Четверть века назадъ*. Часть 2, гл. XXVIII.

VII.

О прежнихъ дняхъ, о тѣхъ проказахъ
Поразвернитесь-ка въ разсказахъ!
Улыбочка и пара словъ,
А кто влюбленъ, на все готовъ.

Горе отъ ума.

— И вотъ въ какомъ galetas *) вы меня находите! говорила черезъ день послѣ того, что̀ передано нами читателю, княгиня Ольга Елпидифоровна Шастунова, выходя встрѣчать только-что подъѣхавшаго ко крыльцу ея домика гостя въ большую гостиную ея дѣвическихъ временъ, теперь почти совсѣмъ пустую комнату, съ полудюжиной искалѣченныхъ стульевъ и на половину оборванными, почернѣлыми отъ времени и табачной копоти обоями на стѣнахъ.

Она гадливо, но смѣющимися глазами указывала на эту жалкую обстановку, странно противорѣчившую безукоризненно изящному, по послѣдней парижской модѣ, утреннему туалету, въ который была она облечена, начиная съ атласныхъ туфель на шелковыхъ, chinés, чулкахъ couleur saumon, и кончая крохотнымъ чепцомъ изъ кружевъ, наколотымъ надъ ея роскошною, *собственною* косой.

— Пойдемте ко мнѣ въ *будуаръ*, насмѣшливо подчеркнула она,—тамъ найдется по крайней мѣрѣ на чемъ сѣсть.

— И вы меня оттуда не прогоните, какъ нѣкогда отсюда? отвѣтилъ лукаво Ашанинъ, стоя посреди комнаты, и, поведя глазами кругомъ нея, остановилъ ихъ на открытомъ окнѣ,

*) Нищенское жилище.

того, чтобы передать вамъ объ этомъ, отчеканилъ Ашанинъ, увѣряя себя самого въ эту минуту, что онъ единственно изъ-за этой причины сидѣлъ теперь напротивъ ея въ этомъ уѣздномъ домишкѣ;—я говорилъ съ пятью или шестью сенатскими доками, изъ которыхъ одинъ, мой бывшій товарищъ, исправляетъ даже должность оберъ-прокурора. Они всѣ говорятъ, что дѣла никакого начать нельзя, если у васъ не будетъ прежде всего письменнаго документа отъ мужа, что онъ взялъ у васъ для уплаты своихъ долговъ принадлежащій вамъ капиталъ.

— Ахъ Боже мой, горячо заговорила она, — я это очень хорошо знаю и писала къ нему объ этомъ, по крайней мѣрѣ, десять разъ съ тѣхъ поръ, какъ вернулась въ *карупатрію*, но онъ *нарочно* не отвѣчаетъ... Если-бъ я могла предвидѣть, до какой низости могутъ дойти эти маменька и сынокъ, я потребовала бы отъ него тогда же, въ Парижѣ, формальную расписку на мои деньги. Но я тогда только думала о томъ, какъ спасти ихъ же имя отъ стыда, отъ оглашенія въ газетахъ... Нашъ посолъ, онъ меня давно знаетъ, графъ Павелъ Дмитріевичъ, и всегда благоволилъ ко мнѣ, онъ ужасно спѣшилъ, боясь скандала, высылкой Базиля въ Россію, узнавъ отъ меня, что я готова заплатить всѣ его долги... Онъ такъ и уѣхалъ, а я осталась возиться съ его кредиторами. Я его едва видѣла въ тѣ два, три дня до его отъѣзда. Онъ тамъ сидѣлъ у своей Баруччи и ноги ей лизалъ, пока я бѣгала по банкирамъ и переводила свои бумаги на французскія деньги. Онъ уѣхалъ даже рано утромъ, не зайдя ко мнѣ проститься... Онъ мерзавецъ въ полномъ смыслѣ слова! воскликнула съ потемнѣвшимъ взглядомъ и дрогнувшими губами наша княгиня, — un digne fils de sa maman! Я вамъ говорю, я знаю его, онъ *нарочно* не отвѣчаетъ мнѣ теперь, онъ мститъ мнѣ за Парижъ, за то, что не удалось ему провести меня, что я прямо обличила его въ обманѣ и не скрывала послѣ того моего отвращенія къ нему: пусть себѣ, думаетъ онъ, мучается она и разбирается съ милою моею мамашей, а я, je ferai le mort, будто меня совсѣмъ нѣтъ на свѣтѣ!... А онъ очень хорошо знаетъ, я ему писала, что я изъ Петербурга выѣхала

съ единственною, *послѣднею* сторублевою бумажкой въ портмоне, докончила она и вся заалѣла.

— Княгиня, быстро началъ Ашанинъ, — будьте на этотъ счетъ совершенно покойны. Аглая Константиновна въ концѣ концовъ тѣмъ или другимъ образомъ принуждена будетъ возвратить вамъ ваши деньги; а пока вы можете быть увѣрены...

— Что старые друзья не оставятъ меня умереть съ голода, поспѣшно договорила за него она съ насилованнымъ, желчнымъ смѣхомъ,—ну да, конечно!... Вотъ только сейчасъ предъ вами былъ у меня здѣшній исправникъ, вы его знаете,— помните, тотъ студентъ Факирскій, который съ вами въ *Гамлетѣ* игралъ и все проповѣдывалъ о Жоржъ Сандѣ; *) — онъ приносилъ мнѣ двѣ тысячи рублей, полученные имъ на мое имя отъ нѣкоего таинственнаго незнакомца.... Je l'ai envoyé paître avec son argent! пылко воскликнула она еще разъ.

Ашанинъ, недоумѣвая, поглядѣлъ на нее.

— Вы не догадались, отъ кого эти деньги? взволнованно продолжала она, — а я тотчасъ же поняла: это все тотъ же великодушный господинъ Ранцовъ посылаетъ мнѣ... Ему надо пырнуть меня своею grandeur d'âme: на вотъ, новый твой мужъ—негодяй и мерзавецъ, а я...

Голосъ ея вдругъ оборвался, подвижное лицо преобразилось все:

— Не слушайте меня! произнесла она сквозь слезы, нежданно подступившія къ ея горлу:—я стала нервная, раздраженная, злая! Мнѣ грѣхъ такъ говорить, я не стою его подошвы. Онъ въ самомъ дѣлѣ благородный, рѣдко-великодушный человѣкъ... Онъ узналъ, что мнѣ трудно... и первымъ движеніемъ его было прислать мнѣ... чтобъ я не нуждалась, и скрылъ отъ кого деньги именно для того, чтобъ я не могла обидѣться... А я именно по этому самому и не могу, не хочу принять ихъ, вы это понимаете?

Пылающіе глаза ея устремились прямо въ лицо Ашанина.

---

*) *Четверть вѣка назадъ*. Часть I, гл. XXI.

— Вы понимаете, что я готова скорѣе протянуть руку на улицѣ первому встрѣчному, чѣмъ принять отъ *него теперь* милостыню!

— Къ чему волноваться, княгиня! молвилъ онъ на это насколько могъ успокоительно: — о „милостынѣ“ не можетъ быть тутъ рѣчи, я нашелъ для васъ, въ Москвѣ, кредитъ на столько и на такое время, какія только вамъ будутъ нужны...

Она его не слушала, ее уносилъ опять новый порывъ:

— Вѣдь это грабительство, то, что *они* со мной дѣлаютъ, восклицала она, вся пламенѣя отъ негодованія:—*они* хотѣли бы дѣйствительно видѣть меня нищею, похоронить меня живою въ какомъ-нибудь подвалѣ... *Она,* это „Раскаталовское отродье“, „кабацкая пава“, — всю жизнь такъ называли ее всѣ,—она смѣетъ гнушаться мной! Она меня еще не знаетъ, я такого еще надѣлаю, если доведутъ они меня до отчаянія, что сама она съ сынкомъ попрячутся въ углы отъ стыда за свое имя!... Имя это—*мое* теперь, они не могутъ отнять его у меня, я княгиня Шастунова, я вольна, если мнѣ вздумается, разславить его по всей Европѣ!...

Ашанинъ быстро наклонился съ мѣста, схватилъ ея обѣ руки:

— Княгиня... Ольга Елпидифоровна, ради Бога, перестаньте! вскликнулъ онъ, мгновенно прижимая ихъ къ своимъ губамъ, и тутъ же съ какимъ-то испугомъ выпустилъ ихъ и откинулся въ свое кресло: — къ чему это отчаяніе? Прежде всего, надо надѣяться, ее уговорятъ здѣсь,— но если-бъ она уперлась, все-таки вы имѣете возможность, даже помимо суда, обратиться къ высшей власти... Вы вѣдь, вѣрно, сохранили отношенія съ графомъ Анисьевымъ?

Она высокомѣрно качнула головой:

— Если бы мнѣ вздумалось только пальцемъ поманить его, думаете-ли вы, что я была бы теперь здѣсь, въ этой трущобѣ!... Но я не хотѣла... не хочу!... Брови ея сжались: — Вотъ видите-ли, Владиміръ Петровичъ, я много дѣлала въ жизни глупостей, непростительныхъ глупостей... вы сами знаете, какъ бы невольно подчеркнула она,— дѣлала, всегда увлекаясь, въ явный вредъ себѣ почти всегда. Но такъ, хо-

лодно, sans entraînement, я никогда, никогда не была на это способна... Этотъ человѣкъ, онъ преслѣдовалъ меня еще съ Сицкаго, съ тѣхъ дней, помните? — и ничего изъ этого для него не вышло: je l'ai tenu le bec dans l'eau pendant des années; онъ все надѣялся и—ни-че-го; онъ былъ мнѣ всегда противенъ своими іезуитскими *подходцами*... И потомъ, когда онъ, уже вдовый, вернулся въ Петербургъ и получилъ это свое теперешнее мѣсто, послѣ смерти *его*, моего незабвеннаго Леонида Александровича (и глаза ея при этомъ воспоминаніи также внезапно затуманились,), онъ началъ опять и опять то же, sans succès—и съ тѣхъ поръ онъ меня возненавидѣлъ. Онъ первый другъ злѣйшаго моего врага, княгини Андомской, дочери *его*, графа. Она тоже простить мнѣ не можетъ, что отецъ ея такъ любилъ меня... Они такъ устроили, съ новою горечью въ голосѣ и румянцемъ гнѣва на щекахъ произнесла Ольга Елпидифоровна,—что, когда я вернулась теперь изъ-за границы въ Петербургъ, половина знакомыхъ мнѣ домовъ была для меня закрыта!...

Выраженіе лица ея измѣнилось еще разъ. Знакомая Ашанину, побѣдная улыбка заиграла на ея пышныхъ губахъ.

— И все-таки, что̀ бы они ни дѣлали, воскликнула она,— я знаю, что еще *могу*, чего *крѣпко* захочу... *Искорки* въ глазахъ моихъ еще не потухли, Владиміръ Петровичъ, какъ вы находите?

— Господи, чуть не заплакалъ онъ въ отвѣтъ,—для чего это вы мнѣ говорите, къ чему *смущаете*?

— Вы боитесь? совершенно уже весело разсмѣялась она;— мнѣ это, самой собой, чрезвычайно лестно... А я, какъ бы нехотя вырвалось у нея чрезъ мигъ,—написала вчера письмо къ прелестной belle maman, послѣ котораго она очень призадумается, надо полагать...

— О чемъ оно? спросилъ машинально Ашанинъ.

— Объ одномъ... обстоятельствѣ, пролепетала она какимъ-то страннымъ, не то стыдливымъ, не то смущеннымъ тономъ,— о которомъ мнѣ не... приходилось говорить до сихъ поръ... Вы объ этомъ какъ нибудь узнаете... а теперь довольно о скучныхъ матеріяхъ, оборвала она разомъ.

Она опять откинулась затылкомъ въ свою подушку и взглянула ему въ лицо:

— Давно-ли-жь это стали вы меня бояться, Владиміръ Петровичъ? спросила она вдругъ à brûle pourpoint, какъ говорятъ Французы, прожигая его насквозь насмѣшливо-вызывающимъ взглядомъ.

Полымемъ весь запылалъ московскій донъ-Жуанъ отъ этихъ словъ, отъ этого взгляда... и тутъ же, къ немалому собственному своему удивленію, нашелъ въ себѣ силу оказать воздержность, которой могъ бы позавидовать самъ Спиціонъ Африканскій, стяжавшій себѣ въ древности такую славу по этой части.

— Съ тѣхъ поръ, княгиня, какъ это мнѣ предписываетъ боязнь подать врагамъ здѣсь поводъ къ злословію, отпустилъ онъ вѣско и медленно, поникая челомъ съ самымъ значительнымъ видомъ и въ то же время говоря себѣ мысленно: „Господи, послушался я этого Троекурова; а вѣдь никто, въ сущности, никто, начиная, разумѣется, съ нея первой, не скажетъ мнѣ спасиба за это мое донъ-кихотство!“

Она открыла большіе глаза; ноздри ея, вѣки дрогнули, готовыя, казалось, разразиться вотъ сейчасъ гомерическимъ смѣхомъ... но при свойственной ей необычайной измѣнчивости впечатлѣній разрѣшилось это самымъ неожиданнымъ образомъ тѣмъ, что слезы еще разъ выступили подъ ея длинными рѣсницами:

— Вы настоящій другъ, Владиміръ Петровичъ, проговорила она, протягивая ему руку и вздохнула,—вы правы: враги, сплетни, злословіе... Попробуй здѣсь только немножко пококетничать, тебя съѣдятъ!.. Да и время наше прошло, примолвила она черезъ мигъ уже съ улыбкой,—не правда-ли, состарѣлись мы оба?...

— Къ чему же на бѣдное время клеветать, комически вздохнулъ и онъ въ отвѣтъ,—время еще ничего, терпитъ. А уже такая видно доля моя несчастная съ вами...

Она глянула на него исподлобья:

— Не раскаивайтесь, не мало мы съ вами посумашествовали въ молодости!

— Такъ мало, воскликнулъ онъ,—что злость меня беретъ, какъ только подумаю объ этомъ!

Она вдругъ задумалась, словно опечалилась:

— Знаете, что̀ я вамъ скажу: — со мной съ нѣкоторыхъ поръ происходитъ что-то странное, чего никогда не было прежде. Мнѣ представляется, что жизнь уже вся, до дна отжита мной, что вотъ, какъ на театрѣ, еще нѣсколько словъ послѣдней сцены, и занавѣсъ опустится, огни погаснутъ...

Ашанинъ тревожно поднялъ на нее глаза.

Она замѣтила это и тотчасъ же перемѣнила разговоръ:

— Ахъ, кстати, я и забыла васъ спросить, молвила она:— слышали вы, чѣмъ вздумала belle-maman напугать своего сынка за то, что онъ осмѣлился жениться на мнѣ?

— Тѣмъ, что сама вздумала выходить за Зяблина? засмѣялся и онъ.

Она взяла со стола хрустальный флаконъ съ одеколономъ, открыла его, нюхнула и, взглянувъ на своего собесѣдника, иронически протянула:

— Вы этому вѣрите?

— Онъ, по крайней мѣрѣ, самъ нѣсколько дней тому назадъ объявилъ объ этомъ въ Москвѣ, въ англійскомъ клубѣ... Тамъ по этому случаю устроена ему была даже комическая овація. Monsieur Lecourt, извѣстный тамъ одинъ жуиръ, произнесъ ему поздравительную рѣчь, послѣ чего счастливаго жениха напоили шампанскимъ до положенія ризъ и отвезли къ Цыганамъ, гдѣ онъ и проспалъ до поздняго вечера слѣдующаго дня.

— Le pauvre homme! произнесла Ольга Елпидифоровна, подражая голосу Augustine Brohan въ этомъ мѣстѣ Мольеровскаго *Тартюфа*; — но belle-maman, это такая прелесть! Pour faire niche à „Basile mon fils“, она грозитъ ему миѳическимъ нарожденіемъ на свѣтъ маленькихъ Зяблиныхъ...

Ашанинъ расхохотался:

— Онъ ее надуетъ самымъ жестокимъ образомъ...

— Браку этому никогда не быть, сказала она, сжавъ брови.

— Вы думаете?

— Увѣрена.

— Изъ чего вы это заключаете?

— Изъ ея дурацкой натуры... Я вамъ говорила, что писала ей вчера...

— Да...

— Ну такъ вотъ!..

— Не понимаю, княгиня; о *чемъ* писали вы ей?

Она вдругъ заалѣла вся и махнула рукой:

— Ахъ, пожалуйста, не спрашивайте... Мнѣ гадко говорить объ этомъ!.. Узнаете!..

Грохотъ экипажа, подъѣхавшаго въ эту минуту ко крыльцу домика, заставилъ ихъ обоихъ обернуться на окно.

— Факирскій, промолвила княгиня,—и съ нимъ еще кто-то военный...

— Двоюродный мой братъ Блиновъ, съ которымъ мы пріѣхали сюда изъ его деревни... Это онъ отыскиваетъ меня по городу, засмѣялся Ашанинъ;— позволите-ли вы мнѣ его вамъ представить? Онъ очень не глупъ, начитанъ и либералъ первой руки.

— Пожалуйста! Попросите ихъ обоихъ войти!...

Ашанинъ побѣжалъ встрѣчать пріѣзжихъ въ переднюю.

VIII.

И счастливъ, *кто* невѣдомъ былъ
Въ сіе комическое время.
Щербина.

Sag mir, warum dich keine Zeitung freut?
— Ich liebe sie nicht, sie dienen der Zeit.
Göthe.

Подполковникъ Блиновъ былъ малый лѣтъ подъ тридцать, рослый, здоровый, съ густымъ лѣсомъ темныхъ волосъ, подчесанныхъ вверхъ à la huguenot, и пріятными чертами свѣжаго лица... Выраженіе его карихъ, нѣсколько на выкатѣ глазъ, его движенія и рѣчь исполнены были той нѣсколько наивной, но искреннѣйшей самоувѣренности, которая составляла въ эту эпоху какъ бы отличительную черту воспитанниковъ заведенія, въ которомъ онъ получилъ высшее военное образованіе. „Я — послѣднее слово науки, я — носитель высшихъ идей“, словно такъ и вѣяло ото всей его наружности, начиная съ зевсовыхъ бровей и кончая серебрянымъ аксельбантомъ.

Онъ бойко, съ ловкостью, вполнѣ соотвѣтствовавшею этой его глубокой вѣрѣ въ себя, раскланялся предъ хозяйкой, опустился на указанный ею стулъ и голосомъ, „шуму водъ подобнымъ“, отчеканивавшимъ будто молотомъ каждое изъ произносимыхъ имъ словъ, заявилъ ей о „своей благодарности *року*, доставившему ему случай быть представленнымъ ей, такъ какъ это составляло всегда предметъ его желанія еще въ Петербургѣ, гдѣ онъ въ театрахъ издали не разъ имѣлъ возможность *изучать* характеръ ея красоты“.

— „Изучать“ даже? насмѣшливо замѣтила она.

— Непремѣнно-съ! отрѣзалъ онъ и, строго взглянувъ на нее, отпустилъ съ-оника: — красота — необходимая функція и неизбѣжный ингредіентъ въ жизненномъ процессѣ человѣческихъ обществъ. Ее устранить нельзя; она имѣетъ неопровержимо воспитующее значеніе, и въ синтезѣ будущаго лучшаго общества, регулированнаго на началахъ чистаго разума, она уже на совершенно реальной почвѣ займетъ несомнѣнно то мѣсто утѣшительницы человѣческихъ скорбей, которое, — онъ презрительно усмѣхнулся, — въ теченіи восемнадцати вѣковъ темное человѣчество предоставляло сентиментально-буржуазнымъ баснямъ христіанства.

Онъ видимо повеселѣлъ, заявивъ свой такой рѣшительный символъ вѣры, тряхнулъ эполетомъ и взглянулъ ей прямо въ лицо:

— Я весь принадлежу убѣжденіями къ этому *близкому*, надѣюсь, будущему, княгиня, галантно отпустилъ онъ.

Онъ ей показался очень забавенъ:

— Это прелестно, расхохоталась она, — но какой же *вы* идеалистъ!

Блиновъ весь даже вспыхнулъ:

— Княгиня, чѣмъ я заслужилъ такой упрекъ? проговорилъ онъ, кисло улыбаясь.

— Упрекъ? Нисколько! Вы сейчасъ разбранили христіанство за его вѣру въ будущее, и тутъ же объявляете, что и сами вы живете будущимъ... Развѣ это не идеализмъ опять?

— Да-съ, но только тамъ — небо, то-есть — чистѣйшая ерунда, а я разумѣю все ту же, *земную*—иной не допускаю— жизнь человѣческихъ обществъ, просвѣтленную въ этомъ ближайшемъ будущемъ свободой и наукой, всемогущими владыками новыхъ временъ. Я стою на совершенно *реальной* почвѣ, повторилъ онъ съ видимымъ удовольствіемъ только-что пущенный въ тѣ дни новый терминъ, — и давно порѣшилъ съ миѳами, княгиня.

Она прикусила иронически губу:

— Такъ вы ждете царства... чего бишь?... ну да все равно!... А пока, что же вы дѣлаете?

— Какъ изволите видѣть, усмѣхнулся свысока подполковникъ и небрежнымъ движеніемъ руки показалъ на свой мундиръ, — ношу вотъ эту ливрею... а въ настоящую минуту, какъ бы нехотя промолвилъ онъ, — занимался весьма скучнымъ дѣломъ, а именно: урегулированіемъ моихъ отношеній съ сельскимъ людомъ, само собой весьма невѣжественнымъ, съ которымъ поставила меня въ юридическое столкновеніе одна наслѣдованная мной земля.

— „У-ре-гу-лированіе", какъ бы съ трудомъ произнося это слово,—это попросту какъ же сказать? спросила княгиня самымъ добродушнымъ тономъ.

— Офиціально это называется „уставною грамотой", уронилъ онъ.

Она повела головой: поняла-молъ.

— Вы здѣшній помѣщикъ?

— Земле-вла-дѣлецъ, протянулъ Блиновъ, поправляя ее, и снисходительно засмѣялся: — развитому человѣку въ наше время достаточно уже тяжело быть *собственникомъ*, чтобъ имѣть право по крайней мѣрѣ протестовать противъ клички, столь тѣсно связанной съ понятіемъ о рабовладѣніи... Я наслѣдовалъ кое-какимъ кускомъ земли отъ дяди, умершаго, на мое счастіе, уже послѣ упраздненія плантаторства въ нашемъ любезномъ отечествѣ.

— И пріѣхали сюда по этому случаю?... Долго думаете вы здѣсь остаться?

— Да вотъ-съ, какъ кажется, приходитъ къ концу. Я думалъ тотчасъ же и вернуться къ мѣсту моего служенія... Но теперь, чувствую, не буду имѣть духа спѣшить, заключилъ онъ уже съ самымъ убійственнымъ взглядомъ по ея адресу.

— Люблю, покрайней мѣрѣ откровенно! расхохоталась она на это изо всей мочи.

Онъ поглядѣлъ на нее съ видимымъ недоумѣніемъ: мысль о томъ, что онъ могъ кому-либо служить предметомъ забавы, и въ голову ему, разумѣется, притти не могла...

Ашанинъ между тѣмъ занимался Факирскимъ. Странно было ему видѣть бывшаго, какимъ онъ его зналъ, восторженнаго студента въ этомъ полицейскомъ мундирѣ. Онъ отвелъ

его въ сторону, къ окну, дружески пожимая ему руку и глядя ему въ лицо съ радушною улыбкой и невольно прорывавшимся вопросительнымъ выраженіемъ во взглядѣ.

Тотъ понялъ и слабо усмѣхнулся въ свою очередь. Они усѣлись.

— Да-съ, не правда-ли, не ждали вы встрѣтить меня въ *этомъ видѣ*? началъ прямо Факирскій:—*исправникъ*!... Чрезъ десять лѣтъ интервала преемникъ Елпидифора Павловича Акулина, помните его? прошепталъ онъ, наклоняясь къ собесѣднику, чтобы не быть слышаннымъ хозяйкой;—и даже не по нуждѣ, по собственной охотѣ. Служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ, назначался совѣтникомъ губернскаго правленія; не захотѣлъ и попросился сюда... Васъ удивляетъ, вѣроятно?

— Н-нѣтъ, но...

— Но все же странно вамъ кажется? А въ сущности просто очень: признаете вы, что освобожденному теперь народу надо всячески помогать встать на ноги?

Ашанинъ уже съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ поглядѣлъ на него теперь:

— Ну да, проговорилъ онъ машинально.

— Такъ вотъ-съ: въ мировые посредники не попалъ,— баръ туда все поназначали,—я и пошелъ въ исправники; сочувственники народу въ ближайшихъ къ нимъ полицейскихъ должностяхъ не менѣе, пожалуй, нужны теперь...

Собесѣдникъ его невольно усмѣхнулся.

— Смѣшно вамъ? И у Факирскаго блеснули глаза.

— Что̀ вы? возразилъ поспѣшно Ашанинъ, ласково пожавъ его за локоть:—а что вы тотъ же энтузіастъ остались, это, кажется, вѣрно.

Тотъ поглядѣлъ на него съ серіознымъ лицомъ:

— Бѣлинскій „все тѣмъ же энтузіастомъ“ въ могилу сошелъ: дурнаго въ этомъ я не вижу ничего-съ!

— Ни я, напротивъ... помните ваши, да и мои восторги Жоржъ Сандомъ?...

Факирскій какъ бы поморщился и дернулъ плечомъ:

— Да-съ, конечно, романтизмъ въ свое время... Только

теперь иное-съ, свое зачалось, подчеркнулъ онъ: — видѣли, какая силища-то изъ русскаго народа идетъ?

— Это что̀ же такое? спросилъ, не понимая, Ашанинъ.

— А Базаровъ-съ въ *Отцахъ и дѣтяхъ*. Вотъ оно куда и откуда настоящее-то движеніе пошло!

Ашанинъ засмѣялся:

— Базаровъ? Такъ это какой же „народъ"! Это, скажите, *семинаристъ* „пошелъ", я буду съ вами согласенъ.

— Отчего же „семинаристъ"-съ? пылко воскликнулъ тотъ:— это нигдѣ не сказано...

— И вездѣ насквозь видно...

— Позвольте однако, началъ было исправникъ и вдругъ вспомнилъ и оборвалъ:

— Извините, въ другой разъ, если придется встрѣтиться, мы съ вами можемъ возобновить этотъ разговоръ... А въ настоящую минуту мнѣ необходимо ѣхать по службѣ, и къ Ольгѣ Елпи...ко княгинѣ порученіе есть...

Онъ всталъ и подошелъ къ ней:

— Княгиня, вѣско промолвилъ онъ, останавливаясь за стуломъ Блинова и глядя на нее многозначительнымъ взглядомъ,—меня просили передать вамъ нѣсколько словъ...

Она тотчасъ же догадалась; по губамъ ея пробѣжала словно торжествующая усмѣшка.

— А, это изъ Сицкаго?... Письмо, или... не договорила она.

— Евгеній Владиміровичъ Зяблинъ пріѣхалъ и...

— И что̀ же? заторопила она его.

— Онъ желалъ бы лично повидаться съ вами... если вамъ только будетъ угодно принять его, счелъ нужнымъ прибавить отъ себя Факирскій.

— Когда?

— Онъ остановился у меня и ждетъ вашего отвѣта.

Блиновъ поднялся съ мѣста:

— Дальнѣйшее присутствіе наше здѣсь будетъ, кажется, лишнимъ, княгиня; у васъ дѣла...

— Да, дѣйствительно, озабоченно молвила она,—мнѣ нужно будетъ *переговорить* съ этимъ... господиномъ...

— Такъ позвольте мнѣ проститься и просить о дозволеніи посѣтить васъ когда-нибудь въ болѣе удобное время.

— Ахъ, пожалуйста, я очень рада буду; здѣсь такая невыносимая скука! И она любезно и съ улыбкой протянула ему руку на прощанье.

Онъ раскланялся.

— Мы ѣдемъ, Владиміръ? обернулся онъ на Ашанина.

— Ахъ нѣтъ, воскликнула нежданно для него хозяйка:— Владиміръ Петровичъ мнѣ нуженъ... Очень прошу васъ извинить меня, но у меня будетъ сейчасъ объясненіе, при которомъ я желала бы имѣть свидѣтелей... Я бы васъ тоже попросила, Семенъ Петровичъ, обратилась она къ Факирскому,— передать, во-первыхъ, господину Зяблину, что я его жду, а, во-вторыхъ, присутствовать тоже при моемъ разговорѣ съ нимъ.

— Не взыщите, ради Бога, княгиня, возразилъ живо исправникъ,—мнѣ это совершенно невозможно. Я только заѣхалъ извѣстить васъ, а меня лошади ждутъ на квартирѣ. Мнѣ сейчасъ же надо скакать въ уѣздъ: получилъ только-что извѣстіе, что тамъ на сѣнокосѣ, на Окѣ, произошла между крестьянами какая-то драка; двумъ человѣкамъ головы прошибли и одному изъ нихъ чуть не до смерти...

Блиновъ, насторожившій уши при первомъ словѣ о „дракѣ", быстро подошелъ къ нему:

— Не изволите знать, изъ-за чего вышла эта баталія и въ какой именно мѣстности?

— Тамъ луга чьи-то въ спорѣ, такъ сошлись косцы съ двухъ сторонъ...

— Не *Крусановскіе*-ли луга по названію?

— Кажется такъ... Я не успѣлъ еще хорошенько распросить...

Блиновъ съ нѣсколько разстроеннымъ лицомъ повелъ глазами на двоюроднаго брата, какъ бы призывая на него вниманіе исправника:

— Луга эти, сказалъ онъ Факирскому,—вотъ какъ можетъ онъ вамъ засвидѣтельствовать со словъ мироваго посредника Троекурова,—утверждены окончательно за мной губернскимъ

по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, и я сдалъ ихъ въ аренду купцу, который, какъ мнѣ извѣстно, сегодня, дѣйствительно, долженъ былъ начать косить ихъ. Со стороны претендовавшихъ на луга крестьянъ оказано было, вѣроятно, ему сопротивленіе... Позвольте мнѣ поѣхать туда съ вами для разъясненія этого... беззаконія... Терпѣть такое самоуправство, вы согласитесь, нельзя-съ! воскликнулъ онъ уже весь красный.

— Что же дѣлать, monsieur Блиновъ, разсмѣялась внезапно Ольга Елпидифоровна, взглянувъ на него,— видно еще не близко до той счастливой минуты, когда все въ природѣ будетъ „у-ре-гу-лировано"—такъ я говорю?—„на началахъ чистаго разума"...

— Княгиня, вы, я вижу, злы! съ худо скрытою досадой попытался улыбнуться на это ученый офицеръ.

Онъ отвѣсилъ ей довольно сухой поклонъ и, какъ бы встрепенувшись весь и вскинувъ голову вверхъ, вышелъ изъ комнаты вмѣстѣ съ исправникомъ.

— За что это вы его, бѣднаго, сквозь строй прогнали? спросилъ ее Ашанинъ, какъ только остались они одни:—не понравился онъ вамъ?

По губамъ ея пробѣжала гримаска:

— Нѣтъ, ничего... Онъ смѣшной со своими выраженіями, точно русскій журналъ читаешь, un peu mauvais genre... Впрочемъ эти всѣ *новые* такіе! Вы ему пожалуйста скажите, чтобъ онъ не сердился. Вы меня знаете, я всегда говорила tout ce qui me passe par la tête...

Она протянула ему вдругъ черезъ столъ руку:

— Троньте, вся холодная! Нервы у меня разыгрались, ужасъ!...

— Это въ ожиданіи этого стараго Печорина? понялъ онъ и неодобрительно закачалъ головой:—вѣдь вы изъ него, только бы охота явилась, веревки станете вить, какъ говорится.

— Я боюсь, что наговорю ему дерзостей!... И красивая барыня наша вся перемѣнилась въ лицѣ.—Когда я вспомню, вырвалось у нея неудержимо,—мое положеніе тому два года... И вдругъ теперь!... Объясняться съ этимъ отставнымъ „бригантомъ", входить съ *ними* въ какую-то сдѣлку... ждать ми-

лости... когда я требовать могу!... я вся изъ себя выхожу при одной этой мысли!... Вотъ что̀, Владиміръ Петровичъ, такъ же быстро стихая, молвила она:—пожалуйста слѣдите за мной, и если вы найдете, что я уже слишкомъ неприлично кричу на него, сдѣлайте мнѣ знакъ головой: я пойму и стихну... право, стихну! повторила она съ какимъ-то очень милымъ, напомнившимъ ему вдругъ все прошлое движеніемъ головы и рукъ, невольно усмѣхаясь въ отвѣтъ на его недовѣрчивую улыбку.

— Экая вы прелесть! воскликнулъ въ свою очередь неудержимо Ашанинъ съ загорѣвшимися пожаромъ глазами;—да будь тутъ не только этотъ старый балбесъ...

— Ссс! Вотъ онъ идетъ, зашукала ему, грозя пальцемъ, княгиня, указывая на окно, мимо котораго спѣшными шагами проходилъ дѣйствительно кто-то;—да закройте это окно, съ улицы могутъ услышать все... Амалія!

Знакомая намъ чухонка-субретка вышла изъ комнаты, служившей ея барынѣ спальней.

— Пойдите, отворите дверь одному тутъ господину, а потомъ уже никого не пускайте и сами не входите сюда!

Амалія небрежно кивнула головой и не торопясь направилась къ передней. „До того мы доигрались, что я у нея и за камердинера, и за швейцара теперь состою!“ такъ и говорила, казалось, вся ея бѣлобрысая кислая фигура.

IX.

Les vieux fous sont plus fous que les jeunes.
La Bruyère.

Зяблинъ вошелъ, ужасно важный и ужасно учтивый. Онъ расшаркался предъ хозяйкой и ея гостемъ, будто встрѣчался съ ними въ первый разъ въ жизни. Онъ видимо старался изобразить изъ себя грансеніора, изысканною благовоспитанностью своей ограждающаго себя заранѣе отъ возможности какихъ-либо непріятныхъ столкновеній. Я-молъ, прежде всего, такъ учтивъ, чтобы вы и думать не посмѣли фамиліарничать со мной... Но вѣчно наблюдательный Ашанинъ тотчасъ же замѣтилъ за этимъ грансеніорскимъ видомъ что-то тревожное въ выраженіи его слегка подергивавшихся губъ и разбѣгавшагося по сторонамъ взгляда.

Покойная Марья Яковлевна Лукоянова, выражаясь на своемъ образномъ языкѣ, что знакомаго намъ „Калабрскаго бриганта“ давно всего *моль съѣла*, была не совсѣмъ права: въ дѣйствительности онъ былъ только какъ бы кое-гдѣ, мѣстами подточенъ ею, но въ общемъ обликѣ производилъ какую-то еще иллюзію былаго *бель-омства*. Волосокъ къ волоску, приглаженная прическа, подвитые и подкрашеные усы, подтянутый, какъ увѣряли злые языки, корсетомъ животъ, щегольство туалета хорошаго вкуса давали ему, особенно въ сидячемъ положеніи (на-ходу ножки не всегда ужь охотно повиновались ему,), тотъ нѣкоторый faux air de jeunesse, котораго такъ добиваются иные пятидесятилѣтніе холостяки и который для него, „бриганта“, въ той спеціальной роли, на

какую обреченъ онъ былъ судьбой, былъ даже въ извѣстной степени обязателенъ. И онъ тщательно сохранялъ въ себѣ этотъ *air* замороженной молодости со всѣми особенными аллюрами непонятнаго уже въ наши дни щегольства свѣтскаго пошиба и „разочарованности“ временъ *Героя нашего времени*, словно драгоцѣнныя буквы стараго чекана на давно истертой монетѣ.

Онъ былъ въ лѣтнемъ костюмѣ безукоризненнаго покроя и голубомъ галстучкѣ подъ отложными, à l'enfant, воротничками тончайшей сорочки, въ ботинкахъ съ лакированными носками и съ легкою сѣрою шляпой въ рукѣ, плотно охваченной лиловою перчаткой, будто прямо соскочилъ съ послѣдней картинки мужскихъ модъ; запахъ jockey-club'а несся отъ него тонко-проницающею струей.

Княгиня наша обняла всего его однимъ зоркимъ взглядомъ,—и нервное возбужденіе, только-что выразившееся желчною вспышкой въ разговорѣ ея съ Ашанинымъ, сказалось теперь вновь неодолимымъ желаніемъ разсмѣяться. И дѣйствительно, послѣ Блинова—Зяблинъ... „послѣ Базарова — Печоринъ“, могъ бы сказать мыслитель и исправникъ, Семенъ Петровичъ Факирскій...

— Какъ мы давно не видались съ вами, monsieur Зяблинъ, молвила она, протягивая ему руку съ кушетки,—а вы все тотъ же... Toujours jeune et superbe... Въ самомъ дѣлѣ, удивительно comme vous êtes toujours jeune! Хорошо жить, не правда-ли?

И она, какъ бы по этому случаю, дала полную волю теперь пронимавшему ее внутренно смѣху.

Опустившійся на мѣсто противъ нея Зяблинъ въ свою очередь недоумѣло улыбался, весьма польщенный съ одной стороны ея фразой насчетъ его вѣчной молодости, нѣсколько тревожно, съ другой, стараясь объяснить себѣ причину ея нежданнаго хохота.

— Вы изъ Сицкаго? спросила она.

Онъ наклонилъ голову.

— Да-съ... и...

— И привезли мнѣ, не дала она ему заговорить,—письмо

съ букетомъ, если не цвѣтовъ, то любезностей, de la part de belle-maman?

Лицо „бриганта“ внезапно омрачилось: тонъ этотъ показался ему грѣшащимъ именно тою *фамиліарностью*, которой онъ пуще всего не хотѣлъ допустить въ отношеніяхъ къ нему „этой женщины“.

— Ни букета, ни письма я не привезъ-съ, mille pardons, проговорилъ онъ съ самой высоты своего величія, — а имѣю порученіе отъ княгини Аглаи Константиновны переговорить съ вами по... по нѣкоторому предмету, уже нѣсколько промямлилъ онъ.

У нея сверкнули глаза:

— А-а! протянула она,—вамъ дано порученіе объясниться со мной объ этомъ „предметѣ“ на словахъ? И какъ же именно: какъ простому повѣренному, или уже въ качествѣ beau-père'а, мужа матери de mon noble époux. Ваша помолвка съ ней, говорятъ, объявлена?

Странное будто смущеніе произвелъ этотъ вопросъ на „бриганта“: онъ кашлянулъ, заерзалъ на своемъ стулѣ, повелъ неопредѣленно взглядомъ на вопрошавшую, на Ашанина:

— Княгиня дѣйствительно сдѣлала мнѣ честь принять мое предложеніе, выговорилъ онъ наконецъ не совсѣмъ твердо.

— Съ чѣмъ и позвольте мнѣ поздравить васъ ото всего сердца, подхватила Ольга Елпидифоровна самымъ серіознымъ тономъ, сквозь который иронія пробивалась тысячью безпощадныхъ иголокъ.—Какое же „порученіе“ имѣете вы ко мнѣ отъ вашей будущей супруги?

Онъ поднялъ на нее глаза, стараясь придать какъ можно болѣе строгости ихъ выраженію:

— Разговоръ объ этомъ, vous comprenez, madame, съ нѣкототорымъ даже шипѣніемъ произнесъ онъ,—долженъ быть совершенно... интименъ, такъ сказать.

— Ахъ, вамъ мѣшаетъ присутствіе Владиміра Петровича? Я его нарочно пригласила остаться, и вотъ, жалко, Факирскій долженъ былъ уѣхать, я его тоже приглашала... Ника-

кого „порученія“ отъ belle-maman я слушать не стану безъ свидѣтелей, предваряю васъ.

— Почему-жь однако такое... недовѣріе? пробормоталъ, видимо пѣтушась и краснѣя, Зяблинъ.

— Потому что я ее знаю такъ же давно, какъ вы, знаю, что ей лгать ни почемъ, ни почемъ отказаться отъ своихъ словъ, что для нея нѣтъ ни Бога, ни совѣсти!...

Ашанинъ, продолжавшій стоять и слѣдившій, не отрываясь, за каждымъ ея словомъ и движеніемъ, заморгалъ ей въ эту минуту глазами: „сдержитесь-молъ, потише!“...

Она видѣла это, но съ новымъ порывомъ — и обращаясь теперь уже къ нему:

— Знаете-ли вы, воскликнула она съ нервнымъ хохотомъ,—что эта самая женщина, обкрадывающая меня теперь со своимъ сынкомъ изъ злобы на то, что я имѣла глупость выйти за него замужъ, пріѣзжала ко мнѣ въ Петербургъ за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ уговаривать меня сдѣлаться la maîtresse того же ея Базиля, такъ какъ я une femme du monde и не стала бы обирать его, какъ его Француженки!...

„Бригантъ“ поднялся съ мѣста:

— Madame!... Позвольте мнѣ удалиться, проговорилъ онъ съ театральнымъ движеніемъ руки, имѣвшимъ очевидно изобразить чувство самого высокопробнаго достоинства,—вы такъ... возбуждены, и такъ выражаетесь про... особу, которую я... *чту*, точно зацѣпившись обѣими руками за этотъ глаголъ, какъ утопающій за кустъ, произнесъ онъ,—что я считаю долгомъ дать вамъ... такъ сказать, время... успокоиться.

Она тутъ же неожиданно вся стихла вдругъ, поднесла свой флаконъ къ ноздрямъ и, приподнявъ глаза, взглянула ему пристально въ лицо:

— Оно и лучше, по-моему, вымолвила она самымъ невозмутимымъ тономъ: — насъ съ будущею madame Zaibline разсудитъ Государь.

— Это какъ же... вы понимаете? озадаченно пролепеталъ онъ.

— Я уѣду завтра въ Петербургъ и подамъ лично Его Величеству прошеніе, въ которомъ будетъ сказано все то, о чемъ

я писала вчера въ Сицкое... Вамъ, не сомнѣваюсь, показано было это мое письмо?

— Показано, подтвердилъ Зяблинъ совершенно безсознательно. Онъ чувствовалъ себя сбитымъ со своей высокой позиціи и не зналъ, какъ держаться далѣе.

Онъ медленно, точно собираясь присѣдать, опустился снова на свое мѣсто.

— Мнѣ именно о томъ, что̀ заключается въ этомъ письмѣ, поручено было... переговорить съ вами... *княгиня*, въ первый разъ съ начала разговора называя ее ея титуломъ, проговорилъ онъ.

— Говорите, я буду слушать, со всей высоты своего величія въ свою очередь теперь промолвила она: — но говорю заранѣе: прежде всего требую, чтобы возвращено мнѣ было то, что̀ мнѣ принадлежитъ, мой капиталъ и цѣнность украденныхъ у меня *ея* Базилемъ брилліантовъ. Только принимая это за основаніе, согласна я трактовать объ остальномъ.

Зяблинъ опять заерзалъ на своемъ стулѣ.

— Кня... Аглая Константиновна не прочь... не отвергаетъ, такъ сказать, мысли удовлетворить вашимъ желаніямъ...

— То-есть, отдать мнѣ мои деньги? отрѣзала она.

— Конечно... хотя нѣтъ документовъ... Но я, повѣрьте,— „бригантъ“ прижалъ руку ко груди, — я со своей стороны вполнѣ вѣрю и... въ этомъ смыслѣ утверждалъ... Аглая Константиновна сама согласна... въ принципѣ... но она полагаетъ, что необходимы, такъ сказать, нѣкоторыя... *условія*.

— Какія условія?

— Вы изволили извѣщать Аглаю Константиновну въ этомъ письмѣ... объ одномъ обстоятельствѣ... не договорилъ онъ и покосился въ сторону Ашанина, а затѣмъ на нее, какъ бы спрашивая: „та̀къ и говорить при немъ?“

Вся она вспыхнула. Но гнѣвомъ гораздо болѣе, чѣмъ смущеніемъ заалѣлось лицо ея:

— Да, извѣщала... должна была извѣстить, — должна теперь говорить объ этомъ съ вами, — чужимъ и при чужомъ, потому что я къ этому вынуждена, потому что вы меня съ нею приперли къ стѣнѣ!...

Зяблинъ ужасно заволновался:

— Позвольте, княгиня, моя роль здѣсь, такъ сказать, пассивная.. Я единственно только какъ... довѣренное, такъ-сказать, лицо. Я, напротивъ, можно сказать, съ удовольствіемъ!.. И сама Аглая Константиновна, — во рту становилось у него сухо, и непривычный къ такому расходу словъ языкъ ворочался у него съ видимымъ усиліемъ въ гортани, — она даже удивляется, почему вы... ранѣе не извѣстили ее объ этомъ...

У Ольги Елпидифоровны задрожали губы.

— *Она* „удивляется", и вы тоже, какъ вижу... вамъ не понятно это чувство!... Такъ я вамъ скажу: я не писала до этого, не писала до послѣдней минуты потому... потому что это мнѣ слишкомъ тяжело и гадко,— что я ношу подъ сердцемъ ребенка отъ человѣка, котораго я всѣмъ существомъ своимъ презираю... и что необходимость признаться въ этомъ возмущаетъ всю мою душу!...

И, судорожно всхлипнувъ, она откинулась назадъ въ подушку, закрывая глаза себѣ платкомъ.

Впечатлительный Ашанинъ—у него все время отъ полноты сочувствія къ рѣчамъ прекрасной женщины чесались руки побить неповиннаго „бриганта",—кинулся къ ней.

— Княгиня, успокойтесь... выкушайте воды, я сейчасъ принесу вамъ!...

— У кого спросить, я пойду... предложилъ со своей стороны Зяблинъ, вставая со стула съ нѣкоторымъ впрочемъ опасеніемъ за благонадежность своихъ задрожавшихъ отъ волненія ножекъ.

— Ничего, нѣтъ, ne vous dérangez pas! остановила ихъ, разомъ пріосанясь, княгиня,—я не легко падаю въ обморокъ. Вы теперь знаете le fond de la question, съ насилованною усмѣшкой обернулась она къ Ашанину,—а затѣмъ, monsieur Ziabline, продолжайте: чѣмъ же разрѣшилась княгиня Аглая Констаниновна dans sa haute sagesse относительно этого „предмета", какъ вы выражаетесь?

Бѣдный Зяблинъ! Никогда еще въ жизни не приходилось ему говорить такъ много и на столь выходившій изъ области его печоринства мотивъ...

— Аглая Константиновна, началъ онъ своимъ сдобнымъ голосомъ, покачиваясь на стулѣ и разводя двумя пальцами по тщательно пробритому своему подбородку,—была совершенно поражена этимъ извѣстіемъ... которое,—лицо его омрачилось вдругъ,—имѣло такое вліяніе на нее, что... даже всѣмъ ея мыслямъ дало, такъ сказать, другое теченіе...

„А!“ И Ашанинъ прикусилъ себѣ губу, чтобы не засмѣяться громко тому заключенію, которое изъ этихъ словъ тотчасъ же сложилось въ его сообразительной головѣ: „имѣется надежда на внука, — значитъ, мужа не нужно... Умница-то Ольга Елпидифоровна это предвидѣла,—молодецъ!“

Онъ мелькомъ взглянулъ на нее,—она чуть-чуть улыбалась...

— Аглая Константиновна, продолжалъ между тѣмъ „бригантъ“,—имѣла такъ много... основаній быть недовольною Базилемъ... что даже совсѣмъ, такъ сказать, отказалась отъ него... Но какъ теперь ожидается отъ него... по вашимъ словамъ... потомство...

Онъ, словно поперхнувшись, кашлянулъ и поднялъ ко рту свою облеченную въ лиловую перчатку руку.

— Она этому не вѣритъ? всклинкнула, вся зардѣвшись, вновь княгиня,—она смѣетъ думать, что я...

„Ради Бога, не волнуйтесь, дайте ему договорить!“ прочла она въ устремившихся на нее глазахъ Ашанина и смолкла разомъ.

— Я этого не сказалъ, княгиня, поспѣшно забормоталъ Зяблинъ,—и Аглая Константиновна со своей стороны... Она только бы желала—чтобы, такъ сказать, ни для кого сомнѣнія не могло быть—чтобы... *событіе*, такъ сказать, прошепталъ уже онъ, цѣломудренно опуская глаза,—произошло у нея... въ Сицкомъ... Изъ Москвы будутъ, разумѣется, выписаны для этого извѣстнѣйшій... практикантъ и... *спеціалистка*...

— Барабаны и трубы et tout le tremblement! нервно засмѣялась на это Ольга Елпидифоровна.—Что же далѣе?

— Далѣе, повторилъ онъ, съ новымъ, видимо, замѣшательствомъ,—Аглая Константиновна желала бы, чтобы вы

этого будущаго... внука ея, такъ сказать, или внучку... предоставили ей воспитывать...

— То-есть, чтобъ я, другими словами, отказалась отъ своего ребенка, прервалъ его негодующій возгласъ молодой женщины,—и отдала бы его ей, чтобъ она уморила его, какъ свою дочь, или сдѣлала изъ него мерзавца, какъ ея Базиль!.. И за это удовольствіе какая предлагается мнѣ цѣна? спросила она вдругъ тономъ глубочайшаго презрѣнія.

„Бригантъ“ окончательно сконфузился:

— У васъ, право, такія... можно сказать, ошеломляющія выраженія, княгиня... отвѣчать даже не возможно... Аглая Константиновна предлагаетъ только... въ качествѣ, такъ сказать, будущей бабушки... А для обезпеченія собственно васъ, промолвилъ онъ, пристально упираясь взглядомъ на носки своихъ ботинокъ,—она... въ вашихъ же интересахъ, для избѣжанія еще разъ растраты вашего капитала, готова вамъ платить проценты съ той суммы, которую, какъ изволите вы показывать, заплатили за Базиля въ Парижѣ...

— Господинъ Зяблинъ, произнесла неожиданно Ольга Елпидифоровна тономъ, заставившимъ его вздрогнуть,—неужели вы не понимаете сами, какого букета мерзостей являетесь вы ко мнѣ доставщикомъ?

Онъ растерянно поднялъ глаза, поймалъ на-лету нелестное выраженіе остановившихся на немъ большихъ, говорящихъ глазъ Ашанина, холодно презрительный взглядъ, съ какимъ смотрѣла на него „эта бойкая барыня“, и вдругъ размякъ и распустился всѣмъ дряблымъ существомъ своимъ:

— Княгиня, чуть не плакала теперь его разбойническая физіономія, — я привыкъ быть непонятымъ... и насколько люди вообще безчеловѣчны въ своихъ поспѣшныхъ приговорахъ ближнему. Но вы меня жестоко, можно сказать, раните вашими словами!... Повѣрьте, Провидѣніе и совѣсть лишь моя знаютъ, какъ тяжело мнѣ быть этимъ, какъ вы называете, „доставщикомъ“. Я *понимаю* все, совершенно понимаю-съ, повѣрьте... Но вѣдь я—крѣпостной! совсѣмъ уже нежданно для слушавшихъ вырвалось у него словно воплемъ изъ груди,—крестьянамъ вотъ волю дали-съ, а я... я попрежнему въ

рабствѣ... и конца ему не вижу, могу сказать... Самое положеніе мое теперь—посудите! — насчетъ брака нашего все было рѣшено и подписано, такъ сказать, и *сама* уполномочила меня объявить объ этомъ въ Москвѣ... и вотъ-съ съ полученія вашего письма совершенная революція въ чувствахъ, истерики, слезы... упреки на меня, повѣрите-ли, что „слабость ко мнѣ", уже иронически цитовалъ Зяблинъ,—„не должна prédominer надъ devoirs intimes", и что все эта же слабость будто бы m'a fait, говоритъ, oublier de prévoir le cas, что я могу сдѣлаться бабушкой, et que cela change complétement la question"... Помилуйте, скажите, что-же тутъ „change", говорю, что вы сдѣлаетесь бабушкой. „Mon devoir, говоритъ, посвятить себя теперь à l'éducation de la postérité de mon fils, le prince Шастуновъ, puisque lui-même est si peu digne du nom qu'il porte". И вѣдь съ этого не собьешь ея, и для этого самаго меня послали къ вамъ, на жертву, такъ сказать, вашему неудовольствію... Во всемъ этомъ, княгиня, воскликнулъ въ заключеніе злополучный „бригантъ",—я узнаю руку все той же злой мачихи-судьбы, издѣвавшейся надо мною съ самыхъ, такъ сказать, юныхъ лѣтъ: добиваетъ-съ меня она теперь!...

Онъ опустилъ глаза и голову и махнулъ рукой отчаяннымъ движеніемъ.

— Мнѣ васъ очень жаль, monsieur Зяблинъ, сказала Ольга Елпидифоровна, которую эти его *жалкія* слова чуть не заставили расхохотаться опять, — но вы можете успокоиться: то „обстоятельство", по которому я имѣю теперь удовольствіе видѣть васъ у себя, нисколько не должно разстраивать ваши планы. Пославшей васъ я прошу васъ сказать, что „postérité" ее сынка, то-есть *моего* ребенка, я скорѣе въ воду брошу, чѣмъ дозволю *ей* „воспитывать" его, и чтобъ она это впередъ знала и распорядилась en conséquence, потому что она меня ничѣмъ не въ состояніи подкупить, ни склонить на уступку. Ни мнѣ, ни *моему* потомству не нужно ея денегъ... Эти ея деньги—прокляты: каждаго, кто къ нимъ коснется, ждетъ позоръ или гибель. Такъ и скажите ей!.. Я требую отъ нея одного, и такъ ей писала, чтобъ она вернула мнѣ мой капиталъ, растраченный ея сыномъ; мнѣ будетъ его достаточно, чтобы

воспитать на собственныя средства будущее человѣческое существо... воспитать такъ, чтобъ оно, Боже сохрани, ничего похожаго нравственно не имѣло ни съ своимъ папашей, ни съ бабушкой... да и ни со своею сумасшедшею матерью тоже! воскликнула она неудержимо въ уносившемъ ее горячемъ порывѣ.

„Бригантъ“ растерянно глядѣлъ на нее; онъ видимо съ трудомъ соображалъ въ головѣ, должно-ли было то рѣшеніе, которое сейчасъ выражено было ею, послужить къ утвержденію его „плановъ“ или, напротивъ, къ ихъ окончательному разстройству. Положительнаго пока онъ предвидѣлъ въ ближайшемъ одно: „та же опять канитель гнусная и дурацкія рѣчи!..

— Аглая Константиновна никакъ не ожидаетъ такого отвѣта, жалобно проговорилъ онъ, вздыхая изъ самой глубины груди.

— Я полагаю, презрительно усмѣхнулась въ отвѣтъ на это его собесѣдница.

Онъ молчалъ, пожевалъ машинально губами, продолжая недоумѣло поглядывать на нее.

— А какъ же, княгиня, насчетъ... предложенія, чтобы вы пожаловали въ Сицкое?.. не договорилъ онъ.

— Pour que j'y vienne faire mes couches? твердо и спокойно досказала за него она: — я не прочь... чтобъ *она* съ компаніею „никакого сомнѣнія“ дѣйствительно не могла имѣть... А относительно того, что вы мнѣ говорили о какихъ-то процентахъ, которые разсчитываетъ она мнѣ платить, то объявите ей, что я никакихъ ни денежныхъ, ни иныхъ дѣлъ съ нею имѣть не желаю, а капиталомъ моимъ распоряжусь сама, какъ знаю. Прошу васъ передать это ей категорически и сказать, что если я отъ нея до завтрашняго числа вечеромъ не получу удовлетворяющаго меня отвѣта, я въ ночь же выѣзжаю отсюда въ Петербургъ... А теперь довольно, je n'en puis plus!..

Она встала съ мѣста, выпрямилась... Онъ вскочилъ въ свою очередь.

— *Pardon, Monsieur* Зяблинъ, мнѣ нечего вамъ болѣе ска-

зать... и я ужасно устала, laissez-moi me retirer. До свиданія! Она протянула ему руку и обернулась къ Ашанину:

— Я васъ заставила прослушать очень скучныя объясненія, Владиміръ Петровичъ, но ваша старая дружба проститъ меня за это, надѣюсь; вы понимаете, какъ важно для меня, что вы можете быть свидѣтелемъ всего, что̀ мнѣ передано со стороны моей belle-mère... Я впрочемъ не сомнѣваюсь, что самъ monsieur Зяблинъ повторитъ это, если его спросятъ...

Она обвела обоихъ мущинъ общимъ поклономъ, прошла въ свою спальню и заперла за собой дверь.

— Что-жь, пойдемте, Евгеній Владиміровичъ, сказалъ помолчавъ и нѣсколько озадаченно московскій донъ-Жуанъ, — онъ никакъ не предвидѣлъ этотъ внезапный и общій „абшидъ", между тѣмъ какъ товарищъ его, все еще не успѣвъ собрать свои мысли, теръ себѣ машинально пальцами подбородовъ, упершись глазами въ полъ:— къ этакой барынѣ въ перемолъ попасть, косточки живой не останется,—какъ вы полагаете?

„Бригантъ" встрепенулся вдругъ:

— Дорожка-то въ жизни намъ одна съ вами вышла, Владиміръ Петровичъ, обидчиво вымолвилъ онъ:—только вамъ на ней одни розанчики да ягодки попадались, а мнѣ на каждомъ шагу шипы и колючки,— такъ что̀-жь ужь вамъ мнѣ счастіемъ-то своимъ глаза колоть?

Ашанинъ засмѣялся:

— А знаете-ли вы, что̀ Суворовъ говорилъ про *счастье!*

— А что̀-съ?

— „Сегодня—счастье, завтра—счастье; надобно же когда-нибудь и иное что̀".

Зяблинъ не понялъ и, не отвѣчая, тронулся съ мѣста. Они вышли вмѣстѣ на улицу.

— Вы куда теперь: домой, въ Сицкое? спросилъ Ашанинъ.

— Да-съ...

Они дошли до квартиры, занимаемой исправникомъ. Тамъ на дворѣ стояла привезшая Зяблина изъ Сицкаго четверня подъ коляской и распряженный тарантасъ Блинова. Самъ онъ уѣхалъ съ исправникомъ на слѣдствіе, а слугѣ этого послѣдняго поручилъ сказать Ашанину, чтобы тотъ подождалъ его

возвращенія часовъ до 7 вечера; если же къ тому времени его не будетъ,—значитъ, что онъ съ луговъ нашелъ возможность прямо проѣхать къ себѣ въ деревню, и чтобы тогда Ашанинъ ѣхалъ туда со своей стороны на его, Блинова, лошадяхъ.

Все такъ же озабоченный и темный какъ туча, „бригантъ", не теряя времени и разсѣянно пожавъ руку своему спутнику, сѣлъ въ свой экипажъ и уѣхалъ. Красавецъ остался одинъ.

Онъ поглядѣлъ на часы: они показывали $3^1/_4$ часа. Часа четыре такимъ образомъ оставалось ему до отъѣзда. На что̀ употребить ихъ?

Онъ вошелъ въ домъ. Обязательный слуга ввелъ его въ кабинетъ барина, предложилъ ему папиросъ и свѣжую книжку *Современника*, — журнала, которымъ зачитывался „прогрессистъ"-исправникъ.

Онъ взялъ папиросу, отказался отъ *Современника* и погрузился въ думу.

„Что̀ *игры*, что̀ *грани* въ этой женщинѣ!" разсуждалъ онъ, вспоминая только-что проведенные у нея часы:—„умъ, блескъ, независимость, чувство... И вся огонь, вся нервы, сверкаетъ, манитъ, колетъ, плачетъ и смѣется, и все это равно искренно, равно горячо увлекаясь. Это самая пространная по объему и ровная по звуку женская гамма, какую мнѣ только случалось встрѣтить"...

Онъ улыбнулся своему сравненію и тутъ же сжалъ брови. „А я, вдругъ кинулось ему въ голову, — я, благодаря этому Троекурову, рѣшительно въ дурака сыгралъ... Отпустить ей, что я боюсь ее компрометтировать, какая пошлость! Будто эта женщина, какъ другія? развѣ она боится пошлыхъ толковъ, развѣ ее что-нибудь можетъ испугать, развѣ она въ концѣ концовъ не возьметъ всегда свое, не выйдетъ побѣдительницей изъ теперешняго, сквернаго своего положенія! Она очень мило благодарила меня за мое *рыцарство*, но вотъ послѣдствіе: отпустила меня сейчасъ съ Зяблинымъ заодно... и ни слова, ни взгляда! Зачѣмъ же я пріѣхалъ сюда?" явилось въ заключеніе размышленій нашего донъ-Жуана,—и, не найдя

въ мысли никакого удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, онъ уронилъ голову въ подушку довольно покойнаго дивана, находившагося въ кабинетѣ, и зажмурилъ съ досады вѣки.

Онъ тутъ же заснулъ, какъ убитый.

Когда онъ открылъ глаза, солнце заходило по ту сторону дома, а въ открытое противъ него окно врывалась вечерняя свѣжесть вмѣстѣ съ длинными тѣнями лѣтнихъ сумерковъ.

— Не прикажете-ли покушать? спросилъ его все тотъ же предупредительный слуга, входя въ комнату:—баринъ не приказывали себя ждать, а обѣдъ у насъ готовъ.

Онъ согласился, пообѣдалъ, привелъ себя въ порядокъ, и хотя восьмой часъ былъ уже на исходѣ и онъ былъ теперь въ правѣ ѣхать на лошадяхъ Блинова въ его деревню, онъ закладывать не велѣлъ, а, сказавъ слугѣ, что онъ пойдетъ „ноги немножко поразмять", накрылъ низенькою сѣрою шляпой свои кудрявые черные волосы и вышелъ со двора...

Онъ очутился чрезъ нѣсколько минутъ на улицѣ, на которую выходилъ домикъ молодой княгини Шастуновой.

Улица была пуста. Только какой-то старый гарнизонный солдатъ, замѣтно подвыпившій и въ дырявыхъ сапогахъ, плелся, пошатываясь, по ней, жалобно повздохивая и причитывая себѣ что-то подъ носъ.

Ашанинъ, какъ бы боясь натолкнуться на него, спѣшно перебѣжалъ на сторону противоположную домику, оперся о какой-то заборъ и жадно вперилъ оттуда глаза черезъ улицу.

Въ свѣже-вымытыхъ по пріѣздѣ Ольги Елпидифоровны оконныхъ стеклахъ ея обиталища отражались сверкавшіе лучи заходящаго солнца; словно рядъ горящихъ свѣчъ билъ огнемъ изнутри комнатъ... Оба окна ея будуара были открыты настежь, и у одного изъ нихъ, откинувшись затылкомъ въ спинку стараго, прикрытаго пледомъ *вольтера*, вся облитая этимъ косымъ свѣтомъ заката, сидѣла сама она въ какомъ-то глубокомъ раздумьѣ, полузакрывъ глаза и придерживая кончиками пальцевъ только-что видимо опущенную развернутую книгу на высоко приподнятой колѣнкѣ.

Ашанинъ пожиралъ ее съ мѣста своимъ зоркимъ и дальнозрячимъ взглядомъ.

Но она не видала его; она вся погружена была внутрь себя,—и не веселая дума думалась ей въ эту минуту...

Онъ не выдержалъ, перешелъ черезъ улицу и, остановившись у палисадника, оперся о него локтемъ, уложилъ на руку голову,—и замеръ въ этой жалостной и выжидательной позѣ.

Такъ прошло нѣсколько времени.

Донъ-Жуанъ попытался слегка вздохнуть.

Она не двигалась.

Онъ подождалъ съ минуту, оглядѣлся кругомъ и, убѣдившись, что они теперь „одни на свѣтѣ", словно воркнулъ голубинымъ воркованіемъ:

— О чемъ вы такъ призадумались, княгиня?

Она чуть-чуть вздрогнула отъ неожиданности, слегка повернула голову:

— А, это вы! произнесла она беззвучнымъ тономъ.

— Это я! отвѣтилъ онъ, изображая лицомъ совершенно убитаго судьбой молодаго человѣка.

Она невольно усмѣхнулась:

— Не уѣхали еще?

— Какъ видите!

— Что же?

— Лошадей жду, солгалъ немилосердно Ашанинъ.

— Обѣдали?

— Д-да, напитали чѣмъ-то у исправника...

Она, слегка прищурившись, поглядѣла на него:

— Вамъ очень пристала эта шляпа, уронила она и засмѣялась:—а теперь чаю хотите?

— Жажду! проговорилъ онъ, прижимая обѣ руки ко груди.

— Такъ войдите, сказала она: — я вамъ сама отворю; Амалія моя зла и сейчасъ объявила мнѣ, что не желаетъ болѣе оставаться in diesem Lumpenloch, въ этой нищенской дырѣ,—она, видите, къ Парижу слишкомъ привыкла...

Онъ вошелъ.

Она вернулась опять къ своему креслу, опустилась въ него, закинула обѣ руки за голову:

— Амалія моя не можетъ, желчно воскликнула она, — а я... И я не могу, не могу, уже стономъ вырвалось у нея изъ груди,—лучше умереть сейчасъ, отравиться, въ воду броситься!... Такъ нельзя жить больше; скука хуже ада, хуже вѣчныхъ мученій! Я съ ума сойду, если это такъ должно продолжаться... Вырвите меня отсюда, слышите; какъ хотите дѣлайте, но чтобъ я могла уѣхать!... Да, вспомнила вдругъ она,—вы мнѣ говорили утромъ, что нашли какія-то деньги... кредитъ въ Москвѣ?...

— Говорилъ, конечно, поспѣшно началъ онъ, — но вы были такъ возбуждены, начали о другомъ, какъ будто даже разсердились, мнѣ показалось... Кредитъ, да, неограниченный, на сколько вамъ угодно. Если вы рѣшитесь уѣхать, можете, когда хотите...

Она неудержимымъ порывомъ вскочила, кинулась къ нему:

— О мой милый, спаситель!... И огненный, страстный поцѣлуй ожегъ его губы.

Онъ запылалъ какъ въ лихорадкѣ и обнялъ ея станъ...

— Дайте мнѣ сообразиться, отшатнулась она; сѣла опять и закрыла глаза ладонью.

— Вы это вѣрно говорите,—я могу разсчитывать? спросила она чрезъ мигъ.

— Такъ же вѣрно, какъ то, что я васъ люблю до сумасшествія! отвѣтилъ онъ, весь дрожа расходившеюся въ немъ алчною страстью.

— Любите, такъ докажите! сказала она на это, тихо усмѣхаясь.

— Чѣмъ хотите!

— Вотъ что, медленно заговорила она:—я велѣла *ей* сказать чрезъ этого ея vieux beau, что буду ждать ея отвѣта весь день завтра, а что если она не отвѣтитъ, я уѣду немедленно въ Петербургъ... Я такъ и сдѣлаю; не отвѣтитъ она или отвѣтитъ, и что бы ни отвѣтила — все равно, я уѣду завтра вечеромъ...

— Въ Петербургъ? воскликнулъ тревожно Ашанинъ.

— Въ Москву... пока, отвѣтила она съ новою, мимолетною улыбкой, — а тамъ увидимъ по отвѣту ея... А вы, мой другъ, mon sauveur, съ лукавою нѣжностью примолвила красавица, — вы должны сегодня же ѣхать туда. Вы мнѣ тамъ удержите нумеръ у Шевріе,—тотъ же, если можно, въ которомъ я останавливалась теперь, — и привезете къ моему пріѣзду... une certaine somme, потому что я... я пріѣду туда littéralement sans le sou, заключила она, хмурясь и краснѣя.

Онъ вдругъ опустился прямо предъ ней на скамеечку, на которую опирались ея ноги:

— Все, все будетъ сдѣлано, прелесть моя, не безпокойтесь ни о чемъ, пролепеталъ онъ путавшимся отъ волненія языкомъ, схватывая ея руки и покрывая ихъ поцѣлуями.

Она отняла ихъ у него, глянула ему въ глаза не то строгимъ, не то насмѣшливымъ взглядомъ:

— Что̀ же это, проговорила она,—vous vous payez votre commission d'avance?

Онъ быстро всталъ, пристыженный и смущенный:

— Можете-ли вы такъ говорить! сказалъ онъ съ упрекомъ въ голосѣ.

— Не сердитесь, другъ мой, молвила она уже измѣнившимся, ласковымъ тономъ: — я пошутила... Нѣтъ, вы милый, добрый, и я не знаю, какъ благодарить васъ. Какая вамъ хорошая мысль пришла зайти теперь ко мнѣ!... Знаете, я прожила здѣсь десять дней, и все бодрилась, старалась стать выше этой лютой скуки, этой животной жизни. Но сегодня — это сверхъ моихъ силъ, я чувствую. Утромъ этотъ Зяблинъ, объясненія, — она гадливо повела губами, — потомъ Амалія... вѣдь она мнѣ une vraie scène сдѣлала, нагрубила, и гдѣ-то тамъ реветъ теперь у себя въ углу... Я осталась тутъ одна-одинехонька, съ книгой,—но даже читать не могла: мнѣ казалось, что вотъ-вотъ наваливаютъ на меня крышку гроба и что еще немножко, и я задохнусь, умру... Когда вы подошли, я вся еще была подъ этимъ впечатлѣніемъ; я безучастно, холодно приняла васъ, — вы замѣтили, да?... А онъ, милый, явился ко мнѣ избавителемъ! съ новымъ порывомъ воскликнула молодая женщина.

Она во мгновенномъ, радостномъ возбужденіи прянула еще разъ съ мѣста, пробѣжала по комнатѣ, передвинула на-ходу какую-то книгу на столѣ, засмѣялась и вдругъ уронила себя разомъ на близъ стоявшую кушетку:

— Уфъ! какъ только подумаю, что черезъ сутки меня здѣсь не будетъ, не будетъ, не будетъ!.. C'est convenu alors, не правда-ли,—вы скачете въ Москву и все мнѣ тамъ приготовите?

Ашанинъ стоялъ противъ нея, не отрывая отъ ея прелестнаго въ этомъ оживленіи своемъ лица свои жгучіе черные глаза.

— Ѣду, скачу, приготовлю, отвѣчалъ онъ, тяжело переводя дыханіе,—но не сейчасъ, не въ эту минуту...

Въ ея глазахъ теперь пробѣжала внезапно какая-то искра. Вѣки ея дрогнули и опустились:

— Нѣтъ, проговорила она словно упавшимъ, замирающимъ голосомъ,—я вамъ чаю дамъ...

X.

Вы лицемѣры,—мы будемъ циниками; вы были нравственны на словахъ,—мы будемъ на словахъ злодѣями; вы кланяетесь не уважая, — мы будемъ толкаться не извиняясь; у васъ чувство достоинства было въ одномъ приличіи и внѣшней чести, — мы за честь себѣ поставимъ попраніе всѣхъ приличій и презрѣніе всѣхъ points d'honneur'овъ.

Герценъ. *Былое и Думы. „Общій фондъ“.*

Во Всесвятскомъ въ тотъ же день происходило слѣдующее:

Троекуровъ наканунѣ усиленно занимался по своей посреднической должности. Протолковавъ все утро съ вызванными имъ старшинами, онъ, не довольствуясь этимъ, отправился въ волость одного изъ нихъ провѣрить писаря, котораго давно уже подозрѣвалъ въ мошенничествѣ, уличилъ его по книгамъ, смѣнилъ тутъ же и, провозившись за этимъ дѣломъ часа четыре, вернулся домой только къ обѣду. Онъ видимо усталъ, и Сашенька, замѣтивъ его необычную молчаливость за столомъ, указала на него нѣсколько тревожными глазами Кирѣ и громко спросила:

— Тебя вѣрно разсердили, Борисъ?

— Нѣтъ, дѣла много, отвѣтилъ онъ съ насилованною усмѣшкой, и тотчасъ послѣ обѣда ушелъ въ кабинетъ просматривать бумаги, накопившіяся у него за время отлучки его въ губернскій городъ, за которыми и провелъ весь вечеръ.

Сегодня онъ опять велѣлъ утромъ осѣдлать себѣ лошадь и поѣхалъ верстъ за шесть на одну изъ своихъ мельницъ, у

которой за нѣсколько дней предъ тѣмъ прорвало паводкомъ отъ дождя плотину... Онъ какъ бы искалъ всякаго случая во внѣшней физической дѣятельности, къ движенію, къ разсѣянію себя отъ чего-то внутренняго,—надоѣдливаго или гложущаго...

Былъ часъ десятый до полуденъ. Онъ возвращался шагомъ черезъ село, Всесвятское же, расположенное въ верстѣ отъ его усадьбы, и которое онъ, разверстываясь въ прошломъ году съ крестьянами, перестроилъ все на свой счетъ по новому плану, обязавъ крестьянъ, въ благодарность за этотъ даръ, обсадить деревьями оставленныя между теперешними избами ихъ пространства. Онъ пользовался своимъ положеніемъ посредника, чтобы требовать строгаго исполненія этого условія, и радовался ужасно каждому хорошо принимавшемуся деревцу.

Онъ ѣхалъ, оглядывая справа и слѣва эти заведенные имъ молодые разсадники и говоря себѣ съ невеселою усмѣшкой: „вѣдь не хитрая штука, и въ явную, казалось бы, имъ пользу; а не наблюди, да не пригрози,—засушатъ, срубятъ и на лучину разщеплютъ“...

Все населеніе было на сѣнокосѣ. Кое-гдѣ лишь голоногіе мальчуганы, приподнявъ рубашенки, неслись испуганно, завидѣвъ его, черезъ пыльную улицы и кувыркались въ подворотни головой внизъ, да древняя старушенка, пригрѣваемая солнцемъ на завалинкѣ, тяжело приподнималась съ мѣста и, низко кланяясь ему, шамкала беззубымъ ртомъ: „здравствуй батюшка, милостивецъ, ваше благородіе!“...

На самомъ выѣздѣ, у крайней избы села, онъ еще издали замѣтилъ стройную женщину съ повязаннымъ отъ солнца платкомъ на головѣ и въ свѣтломъ, лѣтнемъ, нѣмецкаго покроя платьѣ. Она стояла къ нему спиной и разговаривала, дѣлая странныя, показалось ему, словно гнѣвныя движенія руками, съ какимъ-то малымъ въ фуражкѣ и красной рубахѣ на выпускъ подъ кургузымъ пальтишкой неопредѣленнаго цвѣта.

Она обернулась, заслышавъ близкіе лошадиные шаги. Троекуровъ узналъ горничную жены, Анфису.

Въ то же мгновеніе разговаривавшій съ нею парень юркнулъ съ мѣста за уголъ сосѣдняго плетня и исчезъ изъ глазъ.

„Это что̀?“ подумалъ, сжимая брови, Троекуровъ...

Онъ поравнялся съ нею, придержалъ поводъ...

— Что̀ вы тутъ дѣлаете? спросилъ онъ обрывисто.

Она подняла на него свои ясные синіе глаза:

— Къ старику Маркѣ лѣкарство носила отъ Александры Павловны; сноха отъ него приходила просить.

— А съ вами кто былъ сейчасъ?

Лицо Анфисы приняло раздраженное, почти злое выраженіе:

— Тутъ шалаганъ одинъ... Ѳедькой зовутъ... проронила она сквозь зубы, машинально оглядываясь на уголъ, за которымъ пропалъ ея недавній собесѣдникъ.

— А это что̀ за письмо? вскрикнулъ вдругъ Борисъ Васильевичъ, указывая концомъ черкесской плети, которую, по старой кавказской привычкѣ, употреблялъ на конѣ вмѣсто хлыста и носилъ, по-тамошнему, привязанною за ремешокъ къ кисти руки, на лежавшій у самыхъ ея ногъ небольшой запечатанный сургучемъ конвертъ.

Она безотчетно нагнулась поднять его:

— Ишь, мерзавецъ, не хотѣла брать, такъ вотъ на̀-зло взялъ, да подкинулъ...

— Дайте его сюда!... Малый этотъ отъ Троженки... а письмо отъ... прорывалось сквозь судорожно сжавшіяся губы Троекурова.

— Княжна вамъ сказывали?... не договорила Анфиса.

— Да, знаю... Это онъ опять вздумалъ...

— Язва эта одна-съ, вскликнула она,—со злости, на *нихъ*, вѣрно знаю... Не читамши въ клочечки порвать, Борисъ Васильевичъ...

— Дайте его сюда! рѣзко повторилъ онъ.

Она подала ему на сѣдло письмо, глядя ему въ упоръ въ глаза.

Троекуровъ окинулъ быстрымъ взглядомъ адресъ. На немъ значилось:

Госпожѣ Кирѣ Кубенской.

Онъ сорвалъ обложку и принялся читать.

Анфиса съ какимъ-то пламенемъ не то страха, не то одобренія въ глубокихъ глазахъ все также неотступно продолжала глядѣть на него.

„Милостивая государыня, госпожа Кубенская, — писалъ княжнѣ Иринархъ Овцынъ,—мнѣ давно извѣстно, что люди *бѣлой кости*, къ которымъ причисляетесь и вы, почитаютъ себѣ все дозволеннымъ и будутъ такъ почитать, пока не настанетъ другой порядокъ, при которомъ имъ придется горько поплатиться за свое безсмысленное самомнѣніе. Но я долженъ признаться, что имѣлъ все же лучшее о васъ мнѣніе и не думалъ, чтобы вы могли рѣшиться на подобный поступокъ, какъ вашъ со мной. Я писалъ вамъ, что желаю непремѣнно разъяснить извѣстное вамъ обстоятельство, вслѣдствіе котораго многіе пострадали, и что для этого мнѣ нужно переговорить съ вами лично. А вы, зная, въ какомъ *исключительномъ* положеніи я нахожусь и что самая простая честность обязываетъ въ этихъ случаяхъ порядочныхъ людей къ тайнѣ, выдали про меня милому господину, у котораго теперь проживаете! Вы отрицать этого не можете, такъ какъ дражайшій мой родитель, видѣвшійся съ вами и съ нимъ, передалъ это мнѣ отъ самого *его*, и съ угрозами, надъ которыми я, разумѣется, смѣюсь и плюю на нихъ, но изъ которыхъ видна вся его беззубая злоба на меня изъ-за васъ. Конечно, этотъ, такой же, какъ и вы, *чистокровный* аристократъ, можетъ быть, теперь *очень дорогъ вамъ* (слова эти были два раза подчеркнуты,), а меня вы почитаете тлей, не стоящею вниманія, хотя и были моею ученицей въ Москвѣ, но я вамъ не совѣтую заранѣе торжествовать побѣду. Можете и пожалѣть объ этомъ. Я въ настоящее время уѣзжаю изъ здѣшнихъ мѣстъ, но найду средство напомнить о себѣ вамъ и вашему теперешнему *покровителю*.

Переставшій уважать васъ И. О.“

Троекуровъ былъ едва въ силахъ дочесть ко конца. Губы его тряслись...

Анфисѣ стало жутко:

— Батюшка, Борисъ Васильевичъ, сквернавцы они, пролепетала она,—презрить надо... не стòитъ!...

Онъ взглянулъ на нее, какъ бы не понимая:

— Чтò говорилъ вамъ этотъ посланный? спросилъ онъ, засовывая быстрымъ движеніемъ письмо въ боковой карманъ.

— Насчетъ чего-съ?

— Когда отдано ему это письмо?

— Онъ сказывалъ, начала она шепоткомъ,—Ѳедоръ Ѳедорычъ Овцынъ къ нимъ, въ Быково, отъ насъ рано утромъ пріѣхали. И у нихъ съ сыномъ тотчасъ же большой разговоръ пошелъ. И хозяинъ самъ... Троженковъ этотъ,—голосъ Анфисы чуточку дрогнулъ,—тутъ съ ними, и крикъ большой былъ, говорятъ; Иринархъ Ѳедорычъ ногами даже на отца-то топоталъ: „Я, говоритъ, имъ покажу"! А кому покажетъ ему, Ѳедькѣ-то этому,—я его съ Москвы еще знаю, въ одномъ домѣ служили,—и не понять. Только послѣ того пріуспокоились они немногò. Иринархъ Ѳедорычъ къ себѣ въ комнату пошелъ, а оттуда къ Ѳедькѣ въ переднюю съ письмомъ вышелъ. „Ты, говоритъ, вотъ чтò сдѣлай: сейчасъ лошади съ экипажемъ, чтò привезли батюшку моего изъ Всесвятскаго, назадъ пойдутъ; ты и попроси кучера подвезти тебя,—вотъ ему полтинникъ отдашь на чай,—высадись въ селѣ, а оттуда пѣшкомъ въ усадьбу пройди, да осторожнѣе, и письмо постарайся той же женщинѣ,—„мнѣ тоись,—отдать". Тотъ такъ и сдѣлалъ, на нашихъ лошадяхъ доселева пріѣхалъ, слѣзъ, а тутъ на грѣхъ сама-то я изъ Марковой избы какъ разъ на него выхожу... Гнать я его стала, сквернавца, а онъ мнѣ всю эту канитель зачалъ...

Но Троекуровъ ея уже не слушалъ.

— Я васъ прошу... очень, проговорилъ онъ насколько могъ спокойнымъ голосомъ,—не говорить никому... *никому* рѣшительно, настойчиво повторилъ онъ,—ни объ этомъ письмѣ, ни о томъ, что вы меня здѣсь встрѣтили. Понимаете?

— Какъ не понять-съ, помилуйте, сама знаю...

Она глядѣла на него, какъ бы ожидая его дальнѣйшихъ словъ, какъ бы желая сказать ему что-то еще относящееся до

этого, но онъ только кивнулъ ей, далъ поводъ и отъѣхалъ отъ нея рысцей прямо по дорогѣ.

— Куда-жь это *они*,—домой? спросила она себя недоумѣло,—и тутъ-же черезъ мигъ отрицательно закачала головой...

Дѣйствительно, проѣхавъ шаговъ пятьдесятъ, Троекуровъ круто свернулъ вправо въ узкій проселокъ межъ двумя стѣнами высокой, зрѣющей ржи, стегнулъ вдругъ коня по крупу бѣшенымъ ударомъ,—и помчался впередъ съ быстротой вихря.

Анфиса, прищурившись и съ сильно бившимся сердцемъ, бѣжала за нимъ взглядомъ... Какимъ-то сказочнымъ богатыремъ представлялся ей теперь этотъ словно паривший на невидимыхъ крыльяхъ всадникъ, темное только туловище котораго и какъ-то грозно наклоненная впередъ голова виднѣлись ей надъ золотѣвшимъ моремъ нивы, безконечно убѣгавшей въ даль. Но вотъ онъ исчезъ изъ ея глазъ... Она покачала еще разъ головой, вздохнула, перекрестилась широкимъ крестомъ и пошла быстрыми шагами къ усадьбѣ.

А онъ,—онъ мчался, словно уносимый какою-то постороннею, неотразимою силой. Онъ не былъ въ состояніи думать, соображать, предвидѣть,—имъ овладѣло слѣпое, дикое, животное бѣшенство, которому нуженъ былъ исходъ, нужно было удовлетвореніе... „Прѐзрить“, повторялъ онъ машинально слова „этой женщины“,—и губы его поводила исковерканная улыбка,—„нѣтъ, найти мерзавца, отхлестать ему щеки этимъ паскуднымъ его письмомъ, убить какъ собаку, если онъ пикнуть осмѣлится“... „Убить“, повторялъ онъ, задыхаясь отъ гнѣва и отъ неистовой скачки...

— Гдѣ-жь я? спросилъ онъ себя вдругъ какъ съ-просонья, затягивая сразу поводья. Онъ не давалъ себѣ отчета до этой минуты, давно-ли и какою дорогой несся онъ такъ. Предъ нимъ на пригоркѣ сѣрѣла какая-то деревнюшка,—онъ не узнавалъ ея, не узнавалъ окрестной мѣстности...

Карабахъ его отъ ушей и до бабокъ дрожмя дрожалъ подъ нимъ; мыло густыми каплями шлепалось въ пыль дороги съ его удилъ и шеи; онъ сопѣлъ тяжело и рѣдко, жадно вбирая воздухъ широко, судорожно раздувавшимися ноздрями.

— Ишь, упарился сердечный! проговорилъ, остановившись и мотая сожалительно головой, встрѣчный неказистый мужичекъ въ востроконечной и узкополой шляпѣ и съ косой за плечами.

„Еще немножко, и онъ такъ бы и палъ подо мной", пронеслось въ мысли Троекурова...

Его какъ бы нѣсколько поотрезвило отъ этого размышленія... „*Сердечный*", пожалѣлъ вотъ!" подумалъ онъ, ласково взглянувъ на говорившаго.

— Скажи мнѣ, любезный, что̀ это за деревня?—спросилъ онъ громко.

— Этта-то? повторилъ тотъ, оборачиваясь и тыкая въ ту сторону пальцемъ въ воздухъ,—а это, батюшка, *Быковскіе выселки* прозывается деревня, потому, значитъ, какъ еще при господахъ было дѣло, этотъ самый Быковскій бывшій, Свищовъ господинъ, оттелева сюда полвотчины перевелъ, на новое мѣсто, значитъ...

— Быково, вскинувъ голову, быстро промолвилъ Троекуровъ:—такъ вѣдь тамъ не Свищовъ, а Троженковъ помѣщикъ?

Мужикъ, точно чему-то обрадовавшись, закивалъ усиленно своею вострою шляпой:

— А такъ точно, милостивецъ, такъ точно, Дорошенкинъ тамъ тепереча помѣщикъ, Дорошенкинъ прозывается. А допрежъ того Свищова господина были самые эти Быковскіе, значитъ.

— А далеко оно отсюда?

— Самое-то Быково село? А недалечко, батюшка, недалечко: какъ на взлобокъ подыметесь, *Выселки*-то минете, такъ тутъ съ версту не больше проѣхать вправо, сейчасъ колокольня покажется,—этто оно самое и будетъ, Быково-то; на самомъ на трактѣ на поштовомъ лежитъ. Какъ если твоей милости прямо туда, на Хавроньево треба было повернуть...

„Верстъ пятнадцать проскакалъ", сообразилъ Борисъ Васильевичъ,—„и это безъ передышки!" И онъ невольно нѣжнымъ движеніемъ потрепалъ по шеѣ своего коня.

— А во никакъ и самъ ѣдетъ, молвилъ между тѣмъ косарь, приставляя руку ко лбу отъ солнца и глядя по направ-

ленію *Выселковъ;* — самый, тоись, этто Тарашкентинъ, чье Быково теперь, значитъ... Онъ и есть! и кивнувшая въ подтвержденіе этихъ словъ шляпа съѣхала ему по-надъ самые глаза,—я кòней-то ихнихъ добре знаю... Самъ, ишь, сидитъ, правитъ... Нà рѣку, въ луга, знать, собралися; потому тутъ-то влѣво сичасъ дорога на самые луга пойдетъ...

Троекуровъ уставился глазами впередъ.

Осторожно спустившись съ пригорка, ѣхала прямо на нихъ легонькая, безрессорная телѣжка такъ называемаго „купеческаго фасона", запряженная сытою, небольшою буланою лошадкой подъ дугой и бубенчиками. Зорко въ свою очередь всматриваясь издалека въ остановившагося посреди дороги всадника, правилъ ею черноволосый, смуглый, еще не старый человѣкъ въ синихъ очкахъ, въ полотняномъ пальто и соломенной фуражкѣ на головѣ, съ которымъ читатель имѣлъ уже случай встрѣтиться въ началѣ нашего разсказа. Рядомъ съ нимъ, въ сѣрой, мягкой и широкой шляпѣ и съ толстою палкой поперекъ колѣнъ, которую поддерживалъ обѣими руками, сидѣлъ Иринархъ Овцынъ. Сама судьба будто, злая судьба посылала его навстрѣчу „искавшему" его человѣку...

— Троекуровъ! проговорилъ, вдругъ оборачиваясь на него смутившимся лицомъ, Троженковъ, узнавая Бориса Васильевича,—это онъ про васъ тутъ...

Тотъ съ-невзначаю побѣлѣлъ какъ полотно.

— Повернемъ? вырвалось у него.

— Догонитъ... Ѳедьку, должно, съ письмомъ съ вашимъ сцапали... Говорилъ я вамъ: опасно, и отче вашъ просилъ какъ, а вы свое... обрывисто пояснялъ его спутникъ, придерживая инстинктивно свою лошадку и словно самъ весь прячась за синія очки свои.

— Чтò-жь вы думаете, донесетъ? фыркнулъ Иринархъ, мгновенно оправляясь отъ перваго момента испуга и напуская на себя снова всю прирожденную ему дерзость:—за собственную шкуру дрожите? Такъ на счетъ этого будьте покойны: аристократъ,—къ полиціи отвращеніе питаетъ. А если чтò другое, такъ вѣдь у меня противъ этого орудіеце имѣется! И онъ ударилъ ладонями по своей палкѣ.

— Стоитъ, ни съ мѣста... ждетъ насъ, говорю, бормоталъ растерянно Троженковъ.

Лошадь его шла теперь уже шагомъ, но разстояніе между ними и „ожидавшимъ“ уменьшалось все же съ каждымъ оборотомъ колеса... Вотъ они уже настолько близко, что могутъ разглядѣть каждую черту его лица, — его теперь какъ мраморъ блѣднаго и холоднаго лица, безпощадный блескъ его стальныхъ глазъ, неотступно и недвижно глядѣвшихъ на нихъ съ высоты коня, какъ глядитъ ястребъ съ высоты неба на намѣченную имъ жертву.

Троженковъ не выдержалъ: шагахъ еще въ двадцати отъ него онъ сорвалъ съ головы фуражку и возгласилъ приниженнымъ голосомъ:

— Борису Васильевичу мое высокопочтеніе!...

Троекуровъ, не отвѣчая и все такъ же недвижно, далъ ему докатить на параллель съ нимъ.

Троженковъ скинулъ фуражку еще разъ.

— Погодите! услышалъ онъ обращенное къ нему слово,— и осадилъ, и тпрукнулъ на свою буланку съ торопливою покорностью провинившагося школьника.

— Потрудитесь сойти! проговорилъ глухимъ, сдержаннымъ голосомъ Троекуровъ, вперяя глаза въ Иринарха.

— Это что̀ значитъ? воскликнулъ, храбрясь, тотъ съ широко раскрывшимися глазами.

— Пожалуйте сюда! повторилъ Борисъ Васильевичъ, и въ этихъ двухъ словахъ зазвучала нота такой желѣзной рѣшимости, что Овцынъ почувствовалъ себя сразу безвластнымъ противиться ей.

— Ступайте, что̀ же... все равно! шепталъ въ то же время надъ самымъ его ухомъ не на шутку перепуганный Троженковъ.

Иринархъ соскочилъ съ телѣжки, все также держа свою палку обѣими руками.

— Ну-съ, что̀ вамъ угодно? уронилъ онъ, все шире и шире раскрывая зрачки: „я молъ, братъ, тебя не боюсь!“...

Троекуровъ спрыгнулъ съ лошади.

— Подержи! сказалъ онъ, кидая поводья на руки все

тутъ же стоявшаго мужичка съ косой, который, снявъ шляпу, прислушивался теперь съ видимымъ любопытствомъ къ этому разговору господъ,—и отошелъ шаговъ на десять въ сторону, приглашая кивкомъ Овцына итти за нимъ.

Тотъ, махая своимъ „орудіецемъ", поплелся за нимъ съ небрежнымъ видомъ покладливаго малаго, исполняющаго изъ снисходительности что-то очень глупое и безполезное.

Троекуровъ остановился, обернулся на него и, вытащивъ его письмо изъ кармана, протянулъ его прямо ему подъ глаза.

— Это вы писали?

Овцынъ покосился на исписанный листокъ, повелъ губами на сторону...

— А хоть бы и я! проговорилъ онъ не сейчасъ и презрительно.

— Понимали вы, что̀ писали? продолжалъ Борисъ Васильевичъ.

Онъ былъ страшно спокоенъ, именно *страшно*; Иринархъ понималъ, что спокоенъ та̀къ можетъ быть только человѣкъ, „отъ котораго *отвертѣться* нельзя"... „Ну и посмотримъ!" сказалъ онъ себѣ вдругъ съ мгновеннымъ возмущеніемъ противъ того внутренняго давленія, которое производилъ на него „этотъ человѣкъ".

— Значитъ, понималъ, когда писалъ! Онъ вскинулъ голову съ вызывающимъ взглядомъ.

— Что̀ вы понимали? произнесъ задрожавшимъ теперь какъ мѣдная струна голосомъ Троекуровъ.

Тотъ желчно засмѣялся; вся его злоба противъ „этого аристократа" и „ея", осмѣливающейся презирать его, Иринарха Овцына, вскипѣла у него на душѣ съ новою силой въ этотъ мигъ:

— А понималъ, что̀ слѣдуетъ, отвѣтилъ онъ,—и что̀ сами вы лучше меня знае...

Онъ не успѣлъ договорить. Троекуровъ ухватился за висѣвшую у него на рукѣ плеть и съѣздилъ ею съ размаха разъ и два по нагло хихикавшему его лицу...

— Ж-жже! словно эхомъ удару визгнулъ неудержимо

стоявшій подлѣ съ лошадью косарь — и даже присѣлъ весь, не то отъ сочувствія, не то отъ неожиданности.

Иринархъ выронилъ палку изъ рукъ и схватился ими за исполосанныя свои щеки.

Троекуровъ судорожно вздрогнулъ, сорвалъ съ руки плеть, швырнулъ ее въ сторону и неспѣшными шагами подошелъ къ телѣжкѣ, въ которой, словно остолбенѣвшій отъ случившагося, сидѣлъ, не отрывая рукъ отъ вожжей, господинъ Троженковъ.

— Скажите вашему... пріятелю, выговорилъ онъ съ усиліемъ, глядя на него нервно прищуреннымъ взглядомъ,—что съ такими негодяями, какъ онъ, не дерутся, но что... что я не откажусь отъ его вызова... если ему вздумается... Подай сюда лошадь! обернулся онъ къ косарю, который съ какимъ-то забавно сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ глядѣлъ на него во всѣ глаза и все такъ же неспѣшно вынулъ кошелекъ изъ кармана, высыпалъ ему въ руку горсть бывшаго тамъ мелкаго серебра, вздѣлъ ногу въ стремя и, не оборачиваясь, поѣхалъ тихимъ шагомъ назадъ по дорогѣ ко Всесвятскому.

Только теперь успѣлъ опомниться Иринархъ.

— Видъ его былъ ужасенъ... Два красные рубца бороздили его лицо, глаза налились кровью, пѣна закипала въ углахъ рта, сквозь который прорывались какіе-то нечеловѣческіе звуки...

Онъ шатаясь доплелся до телѣжки, съ высоты которой все также недвижно сидѣвшій Троженковъ глядѣлъ на него не то иронически, не то презрительно поводя губами.

— Я его... я его... лепеталъ онъ, не договаривая отъ обымавшаго его бѣшенаго и безсильнаго чувства злобы.

— Что ужь вы теперь „его“, повторилъ хихикая Троженковъ:—похвалялись „орудійцемъ“, а какъ къ дѣлу пришлось, такъ и нѣтъ ничего, изъ рукъ вывалилось...

— Молчать! прервалъ его дикимъ голосомъ Иринархъ...— А ты что стоишь, чертовъ сынъ, чего не видалъ! крикнулъ онъ тутъ же на продолжавшаго любопытствовать на „господъ“ мужичка съ косой,—проваливай къ діаволу!..

Тотъ запустилъ пальцы подъ шляпу, почесалъ ими въ

головѣ, какъ бы сбираясь что-то сказать, но ничего не сказалъ, усмѣхнулся,—Овцына такъ и взорвало опять отъ этой усмѣшки,—и тронулся съ мѣста.

— Погоди! остановилъ его Троженковъ:—ты изъ какой деревни?

— А я самъ Блиновскій, батюшка, изъ деревни Блиновъ, изволите знать, неподалечку отъ вашей милости будетъ, отвѣчалъ тотъ, останавливаясь.

— Блиновскій!... Какъ не знать сосѣдушекъ!... Ты куда-жь это съ косой,—въ луга?

— Нѣ, батюшка; коса-то у меня лядащая была, такъ вотъ въ Выселкахъ нову купилъ, а теперича домой, значитъ, иду.

— То-то! захихалъ Троженковъ:—косить-то вамъ теперь негдѣ...

Мужичекъ оторопѣло поглядѣлъ на него:

— А какъ такъ „негдѣ", ваше вск... Мы наутре міромъ Крусановски круги дѣлить, выѣдемъ: какъ обнаковенно, значитъ, косили, такъ и косить станемъ...

— Опоздали, голубчики; въ круги-то ваши сегодня спозаранку купецъ Середкинъ своихъ косарей выслалъ.

Тотъ весь въ лицѣ перемѣнился:

— Какъ же онъ, ваше благородіе, смѣетъ... въ нашемъ, значитъ, добрѣ...

— Стало-быть не въ вашемъ, коли ему ихъ помѣщикъ по 90 рублей за кругъ всѣ отдалъ, возразилъ Троженковъ, злорадно взглянувъ на него изъ-за своихъ синихъ очковъ.

— Такъ это-жь какой порядокъ, загалдѣлъ, переминаясь всѣмъ тѣломъ, мужикъ,—какъ намъ, значитъ, Царь-Батюшка волю теперича далъ, и чтобы намъ, значитъ, все угодье, какимъ мы пользовались, и пахатная, и луговая земля...

Троженковъ перебилъ его:

— Это ты точно говоришь, а помѣщикъ вашъ взялъ да и отдалъ,—вотъ тебѣ и весь сказъ!

— Противу закону царскаго, значитъ?

— Ну, это ужь какъ онъ тамъ знаетъ, а только что купецъ Середкинъ у васъ въ лугахъ до вечера довольно сѣна накоситъ,—это вѣрно; безъ мала, говорятъ, косъ сто туда на-

гналъ... Садитесь! коротко проговорилъ Троженковъ, относясь къ Овцыну, который, мрачный какъ туча и тяжело переводя духъ, безучастно внималъ этому разговору.

— Господинъ, ваше благородіе, заговорилъ мужикъ, тревожно подбѣгая къ поворачивавшей въ сторону Выселковъ телѣжкѣ,—вѣрно вы сказали на счетъ эвтого самаго?

— Не вѣришь, бѣги самъ погляди,—не далеко!...

— Нѣ, сказалъ тотъ, подумавъ,—коль такъ дѣло, на село скорѣй бѣжать надоть теперича, чтобы міромъ, значитъ, всѣмъ...

Онъ не договорилъ, насунулъ себѣ быстрымъ движеніемъ шляпу на брови и, свернувъ съ дороги на межку яроваго поля, побѣжалъ по ней кратчайшимъ путемъ по направленію своей деревни.

Троженковъ хлестнулъ свою лошадку и усмѣхнулся скверною усмѣшкой:

— Пойдетъ потѣха!... Ну, а вы что̀? прервалъ онъ себя, оборачиваясь на Иринарха, усѣвшагося къ нему бокомъ съ низко наклоненною головой, чтобы не показывать своего обезображеннаго лица, — *хмары* напустилъ вамъ панъ сей великій, магнатъ нашъ, а?... Такъ сами-жь полѣзли... Говорили вамъ...

— Я его искалѣчу! безумно вскрикнулъ Иринархъ.

— Можете, можете! Самъ вамъ даже предлагаетъ.

— Что̀ предлагаетъ?

— Поединокъ. „Скажите, говоритъ, ему, если онъ хочетъ,— я приму, говоритъ, хотя съ такими, какъ онъ, говоритъ, не дерутся“. Милость, видите, какую большую вамъ дѣлаетъ, а вы еще,—о, какіе неблагодарные!...

Иринархъ зубами заскрежеталъ:

— Онъ „приметъ“, когда я пистолета въ рукáхъ держать не умѣю и онъ можетъ застрѣлить меня какъ зайца,—воинъ, патентованный убійца!... Я, я отъ него не приму поединка... я его изобью собственными руками, изъ-за угла камнемъ пущу, въ огнѣ его въ собственномъ домѣ изжарю, я...

— Ну, ну, видѣли мы, какъ кого-то жарили, безпощадно

и грубо сострилъ Троженковъ-Яго, подзадоривая его и тѣшась его злостью,—а только что не *его*.

— Молчите, говорю вамъ, не смѣйте про это! бѣшено взвылъ опять Овцынъ,—а не то самого я васъ убью!... Молчите, пока сами не увидите, какъ я ему отплачу, примолвилъ онъ черезъ мигъ сдержаннѣе, поводя глазами какъ на цѣпи.

— А якъ побачу — добре скажу!... А вотъ мы, пока вы тамъ что̀ еще надумаете, мы его трошечки въ *Колоколѣ* отшельмуемъ: магнатскую фамилію его въ печати оттрезвонимъ малюсень, шипѣлъ, уже словно захлебываясь своимъ собственнымъ ядомъ, Троженковъ.

— Постараться можно! хихикнулъ въ свою очередь Иринархъ, какъ бы внезапно находя въ этомъ соображеніи крайнее утѣшеніе въ случившейся съ нимъ невзгодѣ.—А куда-жь это мы теперь ѣдемъ? спросилъ онъ, подымая въ первый разъ глаза и озираясь кругомъ:—назадъ, значитъ?.. И то̀, примолвилъ онъ съ новымъ приливомъ злости, — отпарить себя нужно... въ этомъ видѣ никуда показаться нельзя... А брандеръ успѣли пустить? обернулся онъ вдругъ на своего спутника.

— Насчетъ луговъ-то? подмигнулъ подъ своими очками тотъ;—слышали сами: „всѣмъ, значитъ, міромъ", говоритъ... Пока мы съ вами дома по рюмочкѣ пропустимъ, они тамъ съ Середкинскими въ колья да въ косы пойдутъ. Потѣха будетъ, вѣрно говорю.

— *Онъ*, если это случится, быстро заговорилъ Овцынъ, разумѣя своего врага, — онъ, какъ посредникъ, непремѣнно долженъ будетъ пріѣхать на мѣсто...

— Домой поѣхалъ, видѣли. А пока еще тамъ знать ему дадутъ, пока пріѣхать успѣетъ, а тутъ на манеръ бунтика отлично разыграть можно... А какъ если и пріѣдетъ, да его, посредника и господина большаго, крестьяне слухать не захотятъ, — до̀бра комедія выйде, паночку, якъ вы полагаете? отпустилъ еще разъ *по-хохлацки* Троженковъ отъ преизбытка удовольствія, которое доставляло ему чаяніе возможнаго „бунтика", устроеннаго его заботами.

— Вотъ что̀, молвилъ неожиданно Иринархъ,—мнѣ надо сейчасъ полный крестьянскій костюмъ достать. Парикъ и борода у меня съ собой есть, изъ-за границы такъ пріѣхалъ...

Спутникъ его покосился на него:

— Такъ, значитъ, сказалъ онъ насмѣшливо, — съ переодѣваньемъ комедія-то еще буде?... Угомона вамъ нѣту, видно. прыткій ужь очень вы, — какъ бы не дотанцовались до того, что сцапаютъ дѣйствительно и отвезутъ на сѣканцію въ III Отдѣленіе, а оттуда въ „мѣста болѣе отдаленныя"...

— Не „сцапаютъ", будьте благонадежны! иронически и рѣшительно возразилъ Овцынъ: — не сцапаютъ потому уже, что сцапать не хотятъ. Слышали, съ чѣмъ родитель-то мой изъ Москвы пріѣхалъ? Сама жандармерія раздѣляетъ наши убѣжденія и оказываетъ содѣйствіе... Говорилъ я вамъ не разъ, а вы все не вѣрите: петербургско-монгольское правительство подточено до корня; все кругомъ его валится, все ему измѣняетъ. Довѣренныя его лица—наши корреспонденты... Почитали бы, какія письма къ Александру Ивановичу тайные совѣтники пишутъ!.... Преклоняются предъ нимъ, о сокровеннѣйшемъ, что̀ у нихъ тамъ происходитъ, доносятъ ему: у Царя, къ примѣру, сегодня тайное засѣданіе, а на шестой день у него въ Лондонѣ на столѣ копія съ протокола лежитъ, о чемъ тамъ говорилось, писарскою каллиграфіей переписанная, какъ для министра.

Троженковъ нѣсколько недовѣрчиво усмѣхнулся, хотя Овцынъ вообще не вралъ, а тѣмъ менѣе въ настоящемъ случаѣ.

— Пишутъ-то пишутъ, молвилъ онъ,—а боятся его такъ потому, что какъ отзвонитъ кого въ *Колоколѣ*, такъ тому и не встать, какъ прокаженный ходитъ послѣ того человѣкъ, потому онъ его какъ клеймомъ въ лобъ на вѣки *вдарилъ*. А все-жь, нѣтъ-нѣтъ, да бѣднягу какого сцапаютъ, да и посадятъ въ Петропавловскую, — стоятъ еще, значитъ, за свои порядки прежніе...

Овцынъ въ мгновенномъ порывѣ ударилъ спутника своего по ляжкѣ:

— Пусть сажаютъ, пусть тѣшатся на-послѣдяхъ! Близокъ часъ, и на нашей улицѣ будетъ праздникъ!

И онъ, сверкая глазами, запѣлъ вдругъ фальшивѣйшимъ фальцетомъ на голосъ извѣстной пѣсни: *Ахъ, видать, не бывать прежней красной доли*,—запѣлъ слѣдующее:

Мы съ лихвой
Дружный бой
Господамъ отплатимъ.
Не одну
Голову
Барскую отхватимъ.
Пусть тогда
Для суда
Земскіе наѣдутъ;
И по нимъ,
По роднымъ
Рученьки *пройдутъ* *).

— Это что же, ваше сочиненіе? спросилъ, подергивая насмѣшливо губами, Троженковъ.

Но совсѣмъ уже расходившійся Иринархъ не отвѣчалъ на вопросъ:

— А *марсельезу* Русскаго народа знаете? онъ завылъ опять:

Довольно насъ терзали зря,
Довольно стригли насъ какъ стадо;
Не надо больше намъ царя,
Чиновной сволочи не надо! (bis)
Къ оружію, друзья,
Сомкнемтеся въ ряды!
Впередъ, впередъ,—насъ ждетъ земля
И воля за труды! **).

— Ну чего вы горло себѣ утруждаете? молвилъ морщась Троженковъ, которому это пѣнье очевидно драло уши; — некому васъ слухать, а и послухалъ бы кто изъ того „Русскаго народа", одно сказалъ бы, вѣрьте слову: „ишь, нали-

*) *Свободныя русскія пѣсни,* заграничное изданіе, помѣченное такъ: *Кронштадтъ. Въ типографіи главной Брандвахты. Дозволено цензурой, Петербургъ, 3 мая 1863 года.*

**) Ibid.

зался-то какъ барчукъ!"... Не про народъ этотъ „*марсельезы*"-то ваши писаны!...

— Не пойметъ, такъ мы ему свободу силой навяжемъ! грозно воскликнулъ Иринархъ.

Спутникъ его ничего на это не отвѣтилъ и, проѣхавъ молча Выселки, повернулъ буланку на проселокъ, ведшій къ Быкову.

— А что-жь вы, заговорилъ онъ опять, — со студентомъ этимъ вашимъ какъ, съ Юшковымъ... Батько-то его изъ севастопольскихъ *ироевъ*,—добре, спасибо имъ, отщелкали ихъ тамъ „союзники!" вырвалось злобно какъ бы изъ самаго нутра Троженкова, — большаго пана тоже изъ себя тутъ играетъ; съ *вашимъ*, съ Троекуровымъ, одна вѣдь шайка... Ну, а сынокъ что-жь? Закрутили его вы, а?

— Закрутилъ и подвинтилъ: на отца теперь въ кулаки готовъ лѣзть. Мозги-то дѣтскіе, а сподлить боится: куда ткну, туда и попретъ. Сосунокъ азартный! Отличная изъ такихъ армія выходитъ для революціоннаго дѣла! презрительно засмѣялся Овцынъ.

Троженковъ кивнулъ одобрительно головой.

— Ловкую я чрезъ него штуку устроилъ, продолжалъ смѣяться Иринархъ:—прокламацій нашихъ *) штукъ сорокъ изготовилъ къ разсылкѣ въ разныя губерніи Россійской имперіи: губернаторамъ, архіереямъ, всякимъ вообще властямъ. Онъ у отца *Памятную книжку* досталъ и по ней адресы на конвертахъ написалъ. Полетѣла ихъ уже половина во всѣ углы Богоспасаемаго отечества...

— Какъ, по почтѣ?

— А то какъ еще?

— Да вѣдь по штемпелю сейчасъ увидятъ, изъ какого мѣста отправлено. Въ нашемъ губернскомъ городѣ *перелюструютъ*, пошлютъ оттуда жандармовъ, слѣдователей, а *кто* отправлялъ, развѣ здѣсь скрыть можно?...

— А пусть! Пока они тамъ еще прочтутъ, да пошлютъ,

*) Первыя, появившіяся въ 1872 году прокламаціи „*Земли*"

а меня здѣсь и слѣдъ простылъ! Успѣю „улетучиться“, какъ выражается мой просвѣщенный родитель.

— Такъ вѣдь его-жь тутъ заразъ сцапаютъ?

— Кого это, Гришку Юшкова?

— А разумѣется.

Иринархъ повелъ равнодушно плечомъ:

— Такъ что̀-жь! Я сказалъ вамъ: онъ не сподлитъ, не выдастъ меня.

Троженковъ не то озадаченно, не то язвительно уставился на него.

— Ну, батенька, пропустилъ онъ сквозь зубы:—свяжешься съ вами, будетъ чѣмъ попомнить!

Слова эти не оскорбили нашего революціонера, — напротивъ: онъ осклабился торжествующею улыбкой и произнесъ наставительно:

— Помните прежде всего, что великое дѣло свободы не можетъ обходиться безъ жертвъ; — рубишь лѣсъ, щепки летятъ, примолвилъ онъ къ этому уже игриво.

XI.

Нельзя людей освобождать въ наружной жизни болѣе, чѣмъ они освобождены внутри. Какъ ни странно, но опытъ показываетъ, что народамъ легче выносить насильственное бремя рабства, чѣмъ даръ излишней свободы.

Герценъ. Сборн. посмертн. соч. 1874.

Троекуровъ вернулся домой къ самому завтраку. Жена его и княжна Кира сидѣли уже въ столовой (по заведенному въ домѣ обычаю часъ назначенный на трапезы никогда и ни для кого не измѣнялся).

Съ лица его теперь успѣла сбѣжать и послѣдняя тѣнь волненія. Онъ, спокойно и ласково улыбаясь, кивнулъ входя дамамъ, сѣлъ на свое обычное мѣсто, развернулъ салфетку и принялся разрѣзывать поданную ему ветчину.

— Къ тебѣ письмо есть отъ дяди Овцына, сказала ему Александра Павловна.

— А!... Что̀ онъ пишетъ?

— Я не читала; письмо на твое имя, запечатано... Онъ къ намъ не будетъ, онъ уѣхалъ въ Москву прямо изъ города.

— Вотъ какъ! Ты почему же знаешь?

— Намъ сказалъ Гриша Юшковъ, которому онъ отдалъ письмо тамъ.

— Гриша? Гдѣ же онъ? спросилъ Троекуровъ, машинально оглядываясь,—онъ былъ здѣсь?

— На четверть часа и ни за что̀ не хотѣлъ остаться до-

лѣе... Онъ какой-то очень странный былъ, Гриша, растерянный какой-то, не правда-ли, Кира? примолвила молодая женщина, подымая глаза на кузину.

— Д-да, отвѣтила та какъ бы нехотя:—онъ впрочемъ говорилъ, что его ждетъ мать, съ которой они къ кому-то собираются ѣхать, поспѣшила она примолвить, быстро скользнувъ взглядомъ въ сторону Троекурова и такъ же быстро опустивъ вѣки. Но Александра Павловна перехватила этотъ взглядъ:

— Что̀ такое, Кира, что̀ ты думаешь? воскликнула она.

Та перевела теперь на нее свои удивленные глаза:

— Ничего я не думаю, что̀ съ тобой?

Сашенька даже нѣсколько сконфузилась, насилованно засмѣялась:

— Нѣтъ, мнѣ показалось, что ты будто что-то знаешь... и не хочешь почему-то сказать...

Кира безъ словъ пожала только слегка плечами.

Троекуровъ между-тѣмъ, медленно и какъ-будто неохотно сорвавъ обложку письма, развернулъ заключавшуюся въ ней четвертушку и, чуть-чуть прищурившись, принялся читать:

„Достопочитаемый Борисъ Васильевичъ“, писалъ ему старый „Ламартинъ“, „пользуюсь обязательнымъ предложеніемъ знакомаго вамъ молодаго человѣка, г. Юшкова, чтобы передать вамъ, а равно и очаровательнымъ обитательницамъ очаровательнаго Всесвятскаго, глубочайшую благодарность мою за незабвенные и слишкомъ, къ душевному сожалѣнію моему, краткіе часы, проведенные мной подъ его волшебно-гостепріимнымъ кровомъ. Надѣялся и паки воспользоваться благосклоннымъ и дорогимъ для меня приглашеніемъ вашимъ, но злой рокъ судилъ иначе: вижу себя въ необходимости вернуться прямолинейно во-свояси и имѣю только время выразить вамъ, вмѣстѣ съ изъявленіемъ всей сердечной скорби моей о семъ, и тѣ чувства глубочайшаго уваженія и родственной преданности, съ коими имѣю честь быть“ и пр.

За этими витіевато-игривыми строками слѣдовалъ post-scriptum такого содержанія:

„*Порученіе ваше* (слова эти были подчеркнуты,) испол-

нилъ въ точности. Вотъ все, что̀ могу сказать. Что̀ касается моего личнаго авторитета, то сами вы знаете, насколько въ наше время могутъ разсчитывать на это *отцы*. Тургеневъ въ своемъ превосходномъ послѣднемъ произведеніи удивительно вѣрно отмѣтилъ эту черту современныхъ русскихъ нравовъ".

Презрительная улыбка невольно сложилась на губахъ Бориса Васильевича.

— Что̀ же онъ пишетъ тебѣ? спросила его жена, съ какою-то неизъясимимою для нея самой тревогою слѣдившая за выраженіемъ его лица.

— Фразы, по своему обыкновенію, отвѣтилъ онъ небрежно, опуская письмо въ карманъ:—благодаритъ, называетъ васъ обѣихъ „очаровательницами"... отъ которыхъ онъ впрочемъ считалъ почему-то нужнымъ „прямолинейно ѣхать во-свояси", прибавилъ Троекуровъ смѣясь.

Сашенька успокоилась.

Завтракъ еще не кончился, когда пришли ее звать въ дѣтскую. Она поспѣшно встала и ушла.

Борисъ Васильевичъ остался вдвоемъ съ княжной.

— Съ Гришей Юшковымъ въ самомъ дѣлѣ, кажется, что̀-то случилось,—торопливо и по-французски, въ виду служившихъ за столомъ, заговорила она тотчасъ же:—онъ былъ нервенъ до-нельзя, отвѣчалъ странно, чуть не грубо на наши съ Сашенькой вопросы, и спѣшилъ уѣхать, будто кто преслѣдовалъ его. Я вамъ говорила... о моихъ подозрѣніяхъ... Онъ проговорился намъ, что еще вчера изъ *Угловъ* уѣхалъ въ городъ. Какъ же могъ онъ миновать насъ, когда дорога оттуда прямо на Всесвятское? Видимо, что онъ свернулъ куда-нибудь, на свиданіе съ *нимъ*... И это письмо теперь отъ *его* отца... Гриша говоритъ, что былъ въ почтовой конторѣ и что ему тамъ дали нашу почту, и въ это время подошелъ къ нему бывшій тамъ „незнакомый" ему господинъ, который оказался Ѳедоръ Ѳедоровичъ, и просилъ его „взять кстати" письмо къ вамъ. Но все это очень странно. Я боюсь, что бѣдный мальчикъ попалъ совсѣмъ въ *его* сѣти и не знаетъ теперь, какъ вывернуться.

— Вѣроятно, проговорилъ сквозь зубы Троекуровъ, хмурясь и щипля озабоченно усъ.

Прошла минута молчанія.

— Вы не имѣете о *немъ* извѣстій? начала тихо, чтобы не сказать робко, Кира.

— Н-нѣтъ! не сейчасъ отвѣтилъ онъ.

— Онъ не... являлся? еще тише спросила она.

Троекуровъ поднялъ на нее глаза:

— Вы точно боитесь его! сказалъ онъ съ какимъ-то раздраженіемъ.

— Я не за себя боюсь, проговорила она уже чуть слышнымъ голосомъ и встала съ мѣста:—я не простила бы себѣ никогда, если бы...

Она не договорила и направилась къ двери.

— Кира! чуть не сорвалось съ губъ Троекурова. Но онъ сдержался, кинулъ салфетку и вышелъ въ другія двери на свою половину.

Къ нему пришелъ письмоводитель. Онъ принялъ отъ него бумаги, отослалъ его и погрузился въ дѣло съ какимъ-то ражемъ.

Онъ сидѣлъ за нимъ часа уже два у длиннаго стола въ библіотекѣ, которая посвящена была имъ служебнымъ занятіямъ, и къ которой примыкала прихожая съ никогда не запиравшеюся дверью на дворъ, откуда безпрепятственно могъ входить всякій, имѣвшій нужду до Бориса Васильевича по его посреднической должности. Дежурный тамъ слуга обязанъ былъ во всякое время немедленно докладывать ему о пришедшемъ.

— Писарь Никольской волости, доложилъ онъ теперь, входя въ библіотеку.

— Зови!

Вошелъ молодой, шустрый малый изъ бывшихъ кантонистовъ; извѣстный Троекурову своею бойкостью, и къ которому онъ вслѣдствіе этого относился обыкновенно строже, чѣмъ къ другимъ, держа постоянно въ мысли не допускать по возможности вліянія писарей въ крестьянскихъ дѣлахъ.

— Что̀ тебѣ нужно? спросилъ онъ сухо:—по своей надобности или по дѣлу?

— Отъ старшины Аксентія Якимыча присланъ, поспѣшилъ отвѣтить тотъ, зная въ свою очередь, что „посредникъ насчетъ *соблюденія начальства* строгъ“.

— Съ чѣмъ?

Писарь переступилъ съ ноги на ногу:

— У Блиновскихъ крестьянъ конфузъ вышелъ, ваше выскородіе, промямлилъ онъ, вертя шапку обѣими руками и глядя въ то же время прямо въ глаза посреднику.

— Что̀ такое?

— Насчетъ этихъ самыхъ луговъ, изволите знать, по которымъ у нихъ съ помѣщикомъ несогласіе.

— Губернское присутствіе отказало крестьянамъ въ ихъ претензіи, поспѣшно заявилъ Троекуровъ,—уставная грамата будетъ введена у нихъ обязательно, на основаніи подлежащей статьи Положенія. Она у меня уже написана. Скажи старшинѣ, чтобы повѣстилъ народъ и помѣщика: я самъ буду къ нимъ на мѣсто завтра утромъ въ восемь часовъ.

— Такъ вотъ-съ насчетъ эвтого самого какъ изволите приказать, заговорилъ опять писарь,—потому какъ еще граматы по сейчасъ въ видимости не имѣется, а помѣщикъ уже сдалъ эти самые луга купцу Середкину, который нагналъ туда народу и принялся съ сегодняшняго же дня косить...

Краска кинулась въ лицо Бориса Васильевича; онъ понялъ, что Блиновъ, не ожидая введенія уставной граматы, счелъ себя въ правѣ сдать теперь же Крусановскіе круги въ кортому, на основаніи переданнаго ему Ашанинымъ его, Троекурова, частнаго сообщенія о рѣшеніи губернскаго присутствія. Онъ очень взволновался, признавая, что всякій могущій въ дѣйствительности произойти отъ этого „конфузъ“ ляжетъ теперь на его совѣсть.

— Что̀ же, крестьяне къ старшинѣ приходили съ этимъ? обрывисто спросилъ онъ.

— Такъ точно-съ... только не всѣ, а самая малая, можно сказать, часть стариковъ, ваше выскородіе, потому собственно

остальные, безъ спроса волостнаго правленія, а своевольно, поднявшись всей деревней, съ косами да вилами побѣгли туда...

— Въ луга? не далъ ему договорить Троекуровъ.

— Такъ точно; Середкинскихъ косарей ни за что не пущать порѣшили.

Борисъ Васильевичъ вскочилъ, подбѣжалъ ко двери прихожей:

— Четверку рыжихъ мнѣ подъ коляску, мигомъ! крикнулъ онъ слугѣ;—ты поѣдешь со мной, сказалъ онъ писарю.

Черезъ четверть часа они мчались къ Окѣ. Четверкой правилъ Скоробогатовъ; „рыжіе“ были молодые, еще не совсѣмъ выѣзженные и горячіе кони, которыхъ онъ пока никому кромѣ себя не довѣрялъ. Рядомъ съ нимъ на козлахъ сидѣлъ молодой Никольскій писарь, замирая отъ удовольствія и страха быстрой до одуренія ѣзды...

Вотъ и луга. До самаго края горизонта тянется зеленый съ пестрымъ по немъ разводомъ цвѣтовъ коверъ высокой травы; по краю его живою бахромой колышутся сѣрѣющіе камыши надъ синею гладью рѣки. Въ воздухѣ съ пронзительнымъ гоготомъ рѣютъ растерянными кругами стаи птицъ, испуганныя людскими криками, раздающимися теперь среди этого, еще вчера пустыннаго и безмолвнаго приволья ихъ... Издалека доносятся эти крики до Троекурова и его спутниковъ. Онъ приказываетъ прямо править на нихъ...

Ужь ясно отличаетъ онъ огромную толпу, скучившуюся на одномъ пунктѣ этого широкаго луговаго пространства. „Крусановскіе круги“, говоритъ ему, оборачиваясь съ козелъ, писарь съ поблѣднѣвшимъ лицомъ,—„народъ ишь какъ бѣгомъ туда претъ“...

Дѣйствительно, съ сосѣднихъ, ближайшихъ и дальнихъ десятинъ, оставляя ряды свои недокошенными, несется туда „народъ“: косцы въ бѣлыхъ рубахахъ, побрякивая подвязанными къ поясу брусницами, съ блестящею косой за плечомъ, бабы въ яркихъ паневахъ, съ граблями въ рукѣ. На всѣхъ лицахъ выраженіе жаднаго любопытства, — на половину тревога, на половину какое-то плотоядное нетерпѣніе скорѣйшаго зрѣлища и участія въ томъ чемъ-то, что совершается тамъ.

На Крусановскихъ кругахъ собралась толпа человѣкъ въ шестьсотъ. Точнѣе, это были двѣ неравномѣрныя числомъ, но равно возбужденныя толпы, наступавшія другъ на друга, безпощадно топча ступнями длинные ряды свѣжескошенной травы. Гулъ криковъ, ругани и угрозъ несся далеко кругомъ, оглушительный и непонятный. Мускулистые, огромные, красные кулаки, съ угловатымъ движеніемъ расходившихся локтей, то-и-дѣло взмахивались въ воздухѣ, потрясая косовищами и кольями. Свалка шла *во всю*...

— При прямо на нихъ, да смотри осторожнѣй, не задавить кого! крикнулъ Борисъ Васильевичъ.

— Берегись, берегись! голосилъ Скоробогатовъ, сворачивая разомъ рыжихъ съ дороги на задніе ряды ближайшей къ нимъ и многочисленнѣйшей толпы.

Троекуровъ поднялся на ноги въ коляскѣ, обозрѣвая быстрымъ окомъ то, что происходило впереди.

Эту ближайшую къ нимъ толпу составляли, понялъ онъ тотчасъ, аборигены, такъ сказать, луговъ, крестьяне, искони косившіе на нихъ,—и въ первой линіи очевидно стояли Блиновскіе, отстаивавшіе „*свою* траву“ противъ косцовъ, „нагнанныхъ“ *сюда* купцомъ Середкинымъ; къ нимъ примыкала масса сочувствующихъ,—„сосѣдей“, сбѣжавшихся на гамъ спора. Эти посторонніе галдѣли и ругались съ неменьшимъ азартомъ, чѣмъ сами заинтересованные въ дѣлѣ, и напирали на нихъ сзади во всю грудь, поощряя ихъ крикомъ и угрозами, и несомнѣнною, казалось, готовностью принять вотъ - вотъ сейчасъ, вмѣстѣ съ ними, ради ужь одного удовольствія драки, въ колья и косы. Противная сторона, Середкинскіе косцы, въ пятеро меньшая числомъ, но видимо подбодренная виномъ, держалась стойко, не уступая ни на шагъ валившему на нее валомъ врагу...

— Берегись, берегись! хрипѣлъ наѣзжая Скоробогатовъ.

Горячій паръ лошадиныхъ ноздрей билъ уже по затылкамъ ближайшихъ; нежданный грозный голосъ звучалъ надъ самымъ ихъ ухомъ... Головы изумленно, испуганно обернулись; туловища инстинктивно подались, метнулись въ сторону, сообщая то же впечатлѣніе нежданности и испуга изъ рядовъ

въ ряды. Сплошная стѣна ихъ внезапно дрогнула, раздалась, отбѣжала, растерянно озираясь на этихъ взмыленныхъ коней, на правившаго ими скуластаго „чорта“, на „*матероваго* барина“, такъ рѣшительно грозившаго имъ взглядомъ съ высоты своего сидѣнья,—и коляска Троекурова, перерѣзавъ продольно обѣ линіи враждующихъ, круто завернула назадъ и остановилась дышломъ насупротивъ сбившейся, перемѣшавшейся какъ горохъ въ мѣшкѣ и оробѣло смолкшей теперь разомъ толпы.

— Что̀ за шумъ, что̀ у васъ тутъ творится?

Нестройное, непонятное галдѣніе поднялось опять въ отвѣтъ на этотъ вопросъ.

— Молчать! И Троекуровъ еще разъ выросъ во весь ростъ въ своей коляскѣ. — Кто тутъ Блиновскіе? Выходи впередъ! Остальные назадъ... Назадъ, говорю! еще громче крикнулъ онъ, сверкнувъ глазами.

Народъ отшатнулся, и человѣкъ полтораста Блиновскихъ крестьянъ, не то угрюмо, не то робко оглядываясь и смыкаясь кучей, пододвинулись къ коляскѣ.

— Ладно! Проходи отъ меня на правую руку... Я съ вами сейчасъ потолкую, медленно и значительно проговорилъ Борисъ Васильевичъ, пропустивъ ихъ мимо себя. И, обернувшись къ остальнымъ, надвигавшимся къ нему опять съ противоположной стороны:

— На эти круги сегодня утромъ явились косцы отъ купца Середкина, взявшаго ихъ въ аренду у помѣщика. Такъ было дѣло?

— Такъ точно-съ изволите говорить, вашеско...

И словно изъ-подъ земли выпрянулъ предъ Троекуровымъ вертлявый парень съ разбѣгающимися во всѣ стороны глазками и вострымъ носомъ, стриженый въ скобку, — прикащикъ купца Середкина.

Ужасно спѣша и бойко потряхивая маслистыми волосами, онъ не то плачущимъ, не то язвительнымъ тономъ началъ объяснять, что, прибывъ раннимъ утромъ съ нанятымъ его хозяиномъ народомъ, они безпрепятственно косили до полуденъ, но что тутъ „съ дрекольемъ и всякимъ оружіемъ набѣжали

на нихъ *неизвѣстные мужики*“ и „произвели *страженье*“, причемъ двумъ изъ его косарей „прошибли голову до мозговъ“, а троимъ „ноги отбили до безчувствія даже...“

— Ври больше, аспидъ! шумно прервали его изъ среды Блиновскихъ.—Ишь расписываетъ, язва! Самъ онъ, ваше благородіе, народъ свой, разбойниковъ, противу насъ въ дреколья пущалъ. Водкой поилъ, чтобы силой, значитъ, всей на насъ... Кабы не они, рази-бъ мы стали! Аспидъ, кровопивецъ, Бога на тебѣ нѣтъ!

— Гдѣ они, твои люди? крикнулъ на прикащика Троекуровъ,—выводи!...

Выступило человѣкъ шестьдесять всякихъ городскихъ бездомовниковъ, отставныхъ солдатъ и мѣщанъ.

— Бери ихъ въ сторону, влѣво! А вамъ, строго выговорилъ посредникъ, обращаясь къ массѣ глазѣвшихъ на происходящее постороннихъ зрителей,—видно своего дѣла нѣтъ? По мѣстамъ сейчасъ! Живо!...

Шляпы машинально, какъ бы сами собой, скинулись съ головъ, и любопытствующіе сосѣди съ прощальнымъ поклономъ и смущеннымъ почесываніемъ затылковъ потянулись во всѣ стороны. Только не очень большая кучка людей, въ томъ числѣ уже замѣченный Троекуровымъ, чѣмъ-то видно весьма озабоченный и какъ-то странно шмыгавшій среди рядовъ бородатый малый въ накидномъ армякѣ, съ низко нахлобученною на глаза шляпой и лицомъ широко подвязаннымъ пестрядевымъ платкомъ, какъ бы отъ флюса, отойдя шаговъ на пятьдесять, остановился, зорко поглядывая съ этого разстоянія на мѣсто описываемаго нами дѣйствія.

Троекуровъ вышелъ изъ коляски и медленнымъ шагомъ подошелъ къ Блиновскимъ крестьянамъ. Скоробогатовъ за нимъ проворно соскочилъ съ козелъ и, передавъ вожжи сидѣвшему подлѣ него писарю, побѣжалъ къ лошадямъ выправить съѣхавшую шлею на крупѣ праваго дышловаго.

— Что же это вы, разбойничать вздумали? началъ неспѣшно Троекуровъ, поводя глазами по взъерошеннымъ бородамъ, порваннымъ рубахамъ и кровянымъ царапинамъ на лицахъ стоявшаго предъ нимъ въ смущеніи народа.

Онъ не успѣлъ договорить, какъ къ нимъ съ громомъ колокольчика подъѣхала тройка подъ тарантасомъ, и изъ него проворно выскочили исправникъ Факирскій и спутникъ его, подполковникъ Блиновъ. Вслѣдъ за ними въ телѣжкѣ, на добромъ, сытомъ иноходцѣ, катилъ рослый и дородный купчина въ долгополомъ кафтанѣ и цилиндрѣ изъ темной соломы съ подбитыми зеленою тафтой широкими полями, и съ лицомъ краснымъ какъ брусника, не то отъ зелена-вина, не то отъ пробиравшаго его волненія. Это былъ самъ Середкинъ.

— Борисъ Васильевичъ, заговорилъ торопливымъ и заискивающимъ голосомъ Блиновъ, выскакивая изъ тарантаса и подбѣгая къ нему съ приложенною къ козырьку рукой, между тѣмъ какъ глаза его съ прорывавшимся въ нихъ помимо его воли выраженіемъ злости направлялись на стоявшую предъ нимъ толпу крестьянъ:—я узналъ сейчасъ, что эти молодцы своевольничаютъ на моей землѣ...

Онъ оборвалъ вдругъ предъ холоднымъ, явно для него не сочувственнымъ взглядомъ, съ которымъ обернулся на него Троекуровъ, слегка покраснѣлъ и нервно дернулъ плечомъ.

Медленно подвигавшійся за нимъ исправникъ холодно въ свою очередь поклонился на-ходу посреднику и молча, съ озабоченнымъ видомъ, сталъ отъ него нѣсколько въ сторону.

Крестьяне, понуря голову, пугливо выглядывали изподлобья на съѣхавшійся въ ихъ представленіи „*рѣшать* ихъ“ цѣлый синклитъ „начальства“.

Троекуровъ обратился къ нимъ опять, хмурясь и съ досадливо моргающими вѣками (присутствіе тутъ полицейской власти было ему очень не по сердцу):

— И я, и мировой съѣздъ, началъ онъ офиціальнымъ тономъ, не упоминая уже ни словомъ о фактѣ „разбойничанья“,— объясняли вамъ не разъ, что ваша претензія на здѣшніе луга не законна, что все, что̀ положено вамъ закономъ, вы получили и ни на что̀ болѣе права не имѣете. Вы намъ не повѣрили, послали *ходоковъ* жаловаться на съѣздъ въ губернское крестьянское присутствіе. Вамъ отказано и тамъ, протянулъ онъ напирая, — чрезъ вашихъ же ходоковъ вы должны уже знать это...

— Ничего эвтого мы не знаемъ, батюшка, ваше бла... заголосили, прерывая его, въ толпѣ,—а какъ извѣстно, что мы, значитъ, завсегда при прежнемъ баринѣ. Царство ему Небесное, траву въ здѣшнемъ мѣстѣ косили... Какіе были допрежъ того порядки, такъ полагали, чтобы безъ перемѣны... А мы ничего, ваше сіятельство, батюшка, прочаго не знаемъ...

Троекуровъ возвысилъ голосъ:

— Не знаете, такъ я вамъ говорю; а чтобы вы помнили сегодняшнее, я на всѣхъ здѣсь участвовавшихъ самовольниковъ налагаю штрафъ... Завтра пріѣду къ вамъ въ деревню и разберу... Ну, а теперь довольно покуражились, маршъ по домамъ сейчасъ!..

Толпа заколебалась, двинулась съ мѣста... Послышались голоса:

— Какъ милости вашей угодно будетъ... Что-жь, мы не супротивники, коли штрафъ положите, мы завсегда готовы, а не то что... А только, какъ по-Божески оченно намъ обидно, потому купцу отдали, а намъ и тяпнуть негдѣ; вовсе, значитъ, безъ травушки пропадать надоть со скотинкой...

„Обидно-то, обидно, спора нѣтъ“, подумалъ Троекуровъ, чуть съ ненавистью поводя взглядомъ на подошедшаго тѣмъ временемъ и осторожно ставшаго за спиной Блинова тучнаго купца Середкина, на багровомъ и сдержанно улыбавшемся лицѣ котораго онъ читалъ торжество, всего его коробившее внутренно.

— Сами виноваты, сказалъ онъ громко,—помѣщикъ предлагалъ вамъ свои круги за ту же аренду, какую ему даетъ купецъ, предпочтеніе вамъ оказывалъ, вы не согласны были...

— Помилуйте, кормилецъ, ваше с... мы завсегда согласны, а только какъ намъ по той цѣнѣ не въ моготу взяться; мы съ нашимъ удовольствіемъ, галдѣли крестьяне,—ежели въ годы и чтобы цѣна была настоящая...

— Ну, вотъ вамъ владѣлецъ на-лицо, просите его: можетъ быть, онъ согласится сдѣлать вамъ уступку, молвилъ Борисъ Васильевичъ, кивая на Блинова и отходя нѣсколько шаговъ назадъ, съ тѣмъ, чтобы предоставить тому полную свободу столковаться съ ними.

Но Блиновъ не понялъ, да и нисколько не намѣренъ былъ воспользоваться этимъ. Онъ съ натянутымъ лицомъ и выпятившеюся впередъ грудью обернулся на посредника:

— Извините меня, Борисъ Васильевичъ, но я съ этими... молодцами, презрительно уронилъ онъ,—ни въ какіе разговоры вступать не намѣренъ... Тѣмъ болѣе-съ, что на аренду принадлежащихъ мнѣ луговъ я уже заключилъ надлежащее условіе съ господиномъ Середкинымъ и отъ него отступаться не имѣю права, да и не желаю.

У Троекурова задрожали губы. Но онъ сдержался и, продолжая отходить далѣе отъ крестьянской толпы, пригласилъ движеніемъ руки Блинова и исправника слѣдовать за нимъ. Они какъ бы противъ воли повиновались. За ними, тяжело переводя дыханіе и крестя свой то-и-дѣло икавшій ротъ, поплелся Середкинъ, норовя все также держаться отъ „господъ" на нѣкоторой благородной дистанціи.

— А позвольте васъ спросить, началъ Троекуровъ, останавливаясь на разстояніи, съ котораго голосъ его не могъ быть слышимъ крестьянами,—на какомъ законномъ основаніи заключили вы условіе съ господиномъ Середкинымъ?

Блиновъ озабоченно взглянулъ ему въ лицо:

— Какъ на какомъ-съ? Да не вы-ли сами изволили передать двоюродному брату моему Ашанину, для сообщенія мнѣ, о рѣшеніи крестьянскимъ присутствіемъ спора по этимъ лугамъ въ мою пользу?

— Да-съ, я оказалъ вамъ эту любезность, отрѣзалъ Троекуровъ,—но вамъ, кажется, должно быть извѣстно, что частное сообщеніе не есть формальный документъ, въ силу котораго можно заключать тѣ или другія сдѣлки... Вы на мое желаніе сдѣлать вамъ пріятное отвѣтили... дѣйствіемъ, которое компрометтируетъ не только васъ, но и меня... и вызвало вотъ что-съ! И онъ быстрымъ кивкомъ указалъ черезъ плечо на толпу.—И они въ сущности совершенно правы, продолжалъ онъ съ возрастающею горячностью:—круги эти состоятъ въ спорѣ, пока по деревнѣ Блинамъ формально не введена уставная грамота, и до тѣхъ поръ ни они, ни вы не въ правѣ скосить тутъ былинки... Я имъ для острастки, понимаете-ли, въ

предупрежденіе дальнѣйшихъ безпорядковъ, обѣщалъ оштрафовать ихъ за своевольство—и, разумѣется, не наложу-съ, потому что не они своевольничали въ настоящемъ случаѣ, а вы-съ, съ господиномъ Середкинымъ!

Блиновъ опѣшилъ и въ первую минуту не нашелъ слова въ отвѣтъ. Купецъ поспѣшно скинулъ свой соломенный на темномъ подбоѣ цилиндръ.

— Это, ваше высокородіе, захрипѣлъ онъ, отдувая и отирая платкомъ свои отвислыя и запотѣвшія щеки,—это, собственно все единственно, потому какъ господинъ полковникъ натурально соблюдая свои интересы...

Троекуровъ, не дослушавъ и повернувшись къ нему спиной, обратился къ Блинову (онъ старался теперь говорить какъ можно спокойнѣе):

— Если хотите послушаться добраго совѣта, поладьте съ *ними*. Ваше право на эти луга неотъемлемо и, какъ вы знаете, я твердо стоялъ за него. Но имъ дѣйствительно негдѣ взять травы, если вы круги ваши отдадите въ руки посторонняго. Въ настоящую пору, когда имъ въ претензіи ихъ во всѣхъ инстанціяхъ отказали, я не сомнѣваюсь, что они согласятся на условія, какія вы имъ предложите... Это будетъ, повѣрьте, гораздо согласнѣе съ вашими дѣйствительными интересами, да и человѣчнѣе, наконецъ, сорвалось въ заключеніе у него съ языка.

И онъ, щурясь, недовольный собою за это, повелъ глазами въ сторону.

Блиновъ вспыхнулъ.

— Позвольте мнѣ, Борисъ Васильевичъ, заговорилъ онъ, вѣско отчеканивая свои слова,—сослаться на васъ же, что съ моей стороны употреблены были всѣ усилія для возможнаго соглашенія съ *этими людьми*. Они ни на что не соглашались и заставили меня погубить полгода времени на очень тяжкія для меня, признаюсь вамъ, препирательста съ невѣжествомъ ихъ и упорствомъ: чего же еще въ правѣ требовать они отъ меня?... Принципъ собственности, конечно, примолвилъ онъ не то игриво, не то внушительно,—состоитъ въ настоящій моментъ въ эпохѣ, такъ сказать, кризиса, изъ котораго онъ,

весьма можетъ быть, не выйдетъ живымъ, какъ говорится. Но, пока онъ существуетъ въ положительномъ законѣ, ему приходится подчиняться поневолѣ (Блиновъ даже плечи приподнялъ, какъ бы душевно сожалѣя о томъ, что ему лично приходится подчиняться такому принципу).—Вы мнѣ позволите поэтому оставить за собою полную свободу дѣйствій относительно людей, не заслуживающихъ, по внутреннему моему убѣжденію, ничего лишняго противу того, что̀ мной уступлено имъ на законномъ основаніи.

Онъ какъ-то разомъ смолкъ, смущенный опять и видимо раздосадованный выраженіемъ лица Троекурова, который, пожевывая усъ и словно съ любопытствомъ изучая своего собесѣдника, глядѣлъ ему пристально въ глаза.

— Это слово настоящее, что̀ господинъ полковникъ сейчасъ сказали, заговорилъ въ свою очередь Середкинъ, глядя искательно на Бориса Васильевича,—что у этого народа невѣжество и озорничество одно, повѣрьте чести, ваше высокородіе! Какъ я, къ примѣру, заключимши натурально съ господиномъ полковникомъ правильное условіе, послалъ своихъ косарей, а этотъ народъ не то что гнать, а даже до убивства... Извольте господина исправника спросить, сами видѣли, потому изъ городу выѣзжамши, а вамъ навстрѣчу везутъ двоихъ, и даже одинъ въ безчувственномъ видѣ, и собственно, можно сказать, сумнительно, чтобы живъ остался...

Троекуровъ, сумрачно сжавъ брови и какъ бы только теперь вспомнивъ, живо обернулся на представителя инстинктивно противной ему полицейской власти:

— Вы такимъ образомъ прибыли сюда произвести уголовное дознаніе?

— Заявлено... Мой долгъ... тихимъ и невеселымъ голосомъ пролепетала на это „власть“.

„А, да ты вотъ какой!“ мелькнуло въ головѣ Бориса Васильевича, и онъ сочувственно взглянулъ на молодаго, недавно назначеннаго исправника, съ которымъ еще не имѣлъ случая встрѣчаться.

— И что̀ же потомъ, — судъ? обрывисто спросилъ онъ его.

— Если захотятъ довести...

Факирскій теперь въ свою очередь поднялъ на него глаза, и Троекуровъ ясно прочелъ въ нихъ, что онъ радъ бы былъ всей душой, чтобы не „доводили“.

Середкинъ, повидимому, прочелъ то же въ этихъ глазахъ, но замѣтно озлился:

— А то какъ же, ваше благородіе, съ запрыгавшими въ азартѣ щеками воскликнулъ онъ,—спущать что-ль имъ, сволочи, разбойникамъ?..

Троекуровъ смѣрилъ его глазами съ головы до ногъ:

— Это ваше дѣло, проговорилъ онъ сквозь зубы, — а въ луга я васъ все-таки не пущу до введенія уставной грамоты, а грамоту я препровожу для предварительнаго разсмотрѣнія въ мировой съѣздъ, а тамъ она, надѣюсь, пролежитъ у насъ до конца сентября. Можете тогда высылать сюда вашихъ косарей!...

Жирный купецъ отъ неожиданности и испуга даже качнулся на толстыхъ ногахъ своихъ. Блиновъ съ измѣнившимся лицомъ выступилъ впередъ:

— Позвольте однако, господинъ посредникъ, вѣдь это... извините меня, это уже, какъ сказать, произволъ!

— Жалуйтесь на меня, тамъ видно будетъ...

— Троекуровъ чуть-чуть приподнялъ свою мягкую шляпу, кивнулъ и, не глядя уже болѣе на него, ни на его оторопѣлаго „арендателя“, быстро направился къ неразошедшейся еще толпѣ...

Онъ сразу замѣтилъ, что тамъ теперь происходило что-то новое. Пока онъ переговаривался съ Блиновымъ и Середкинымъ, къ Блиновскимъ крестьянамъ мало-по-малу подтягивалась, смѣшиваясь съ ними, та небольшая группа изъ числа разогнанныхъ Троекуровымъ постороннихъ лицъ, которая за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ, отдалившись на нѣкоторое разстояніе, остановилась тамъ, наблюдая и разсуждая о происходящемъ. Теперь все это вмѣстѣ замѣтно волновалось. Борисъ Васильевичъ сощурился на-ходу, пристально взглядываясь въ эту какъ-то судорожно теперь двигавшуюся и раскидывавшую руками толпу.

Въ заднихъ рядахъ такъ и шмыгала замѣченная имъ еще ранѣе фигура бородатаго парня, подвязаннаго платкомъ подъ подбородокъ...

— Ну, что̀ еще? строго уставляясь на нихъ и подходя къ стоявшимъ впереди, громко спросилъ Троекуровъ.

Говоръ не смолкъ, а перешелъ въ торопливое общее гудѣніе. Сплошная масса туловищъ колыхнулась, словно зыбь какая пробѣжала по ней, раздалась, выпихивая кого-то изъ среды себя, сомкнулась опять...

— Ну чиво, спрашиваетъ, такъ говори! поднялся слышный шопотъ нѣсколькихъ десятковъ голосовъ:—все одно, намъ безъ травы не жить... Не съѣстъ, чего робѣть-то!...

— Аль барскаго вида испугался? хихикнулъ кто-то въ заднихъ рядахъ, но тутъ же оборвалъ за поднявшимся общимъ шуканьемъ.

Выпихнутый впередъ оказался знакомый Борису Васильевичу, не старый еще мужикъ, Гаврило Петровъ, почитавшійся своими односельчанами великимъ умникомъ и грамотѣемъ, и, какъ это извѣстно было посреднику по предварительнымъ переговорамъ съ Блиновскими объ уставной грамотѣ, главный противникъ соглашенія ихъ съ помѣщикомъ. Онъ зналъ, кромѣ того, что за этимъ умникомъ орудовалъ Троженковъ, у котораго тотъ состоялъ на посылкахъ, факторомъ и вообще клевретомъ.

— А, ты! молвилъ съ холодною презрительностью Троекуровъ, увидѣвъ его предъ собой видимо смущеннаго внутренно, но такъ же очевидно настраивавшаго себя на смѣлость,—такъ и слѣдовало ожидать! Ну, о чемъ у васъ опять, говори, коли выслали!.. Да шапку долой, во-первыхъ! крикнулъ онъ.

Гаврило Петровъ поспѣшно скинулъ шляпу. Ближніе къ нему крестьяне такъ же поспѣшно послѣдовали его примѣру.

Онъ уткнулся на мигъ глазами въ землю, кашлянулъ въ руку и, утеревъ затѣмъ ротъ рукавомъ новой ситцевой рубахи, началъ съ-оника:

— Какъ ежели, ваше всблагородіе, намъ насчетъ нашихъ круговъ въ губерніи дѣйствительно отказано, такъ все-жъ по

закону слѣдствуетъ, что окромя насъ въ нынѣшнемъ, значитъ, лѣтѣ никому тутъ косить не можно.

Троекуровъ съ изумленіемъ вперилъ въ него глаза.

— Это еще что! съ чего ты взялъ?

Мужикъ ухмыльнулся съ замѣтнымъ на лицѣ самодовольствомъ:

— А какъ вашему всблагородію извѣстно, что *законъ обратной силы не имѣетъ*, отчетливо проговорилъ онъ явно заученную съ чужаго языка фразу.

Троекуровъ не могъ удержаться отъ улыбки:

— Къ чему же ты это сюда приплелъ?

— А къ тому ваше-с... что, къ примѣру, теперича сами вы намъ на плану показывали, все почитай барское яровое поле по нарѣзкѣ намъ, крестьянамъ, въ надѣлъ отходитъ, такъ, аль нѣтъ?

— Такъ!

— Хорошо-съ. Теперича на полѣ томъ, значитъ, овесъ посѣянъ. Чей онъ?

— Разумѣется, барскій!

— Такъ-съ! Барскій. Баринъ его, значитъ, скоситъ и въ гумно свое свезти велитъ?

— Конечно! нетерпѣливо, но невольно интересуясь тѣмъ, куда гнетъ деревенскій законникъ, сказалъ Борисъ Васильевичъ.

Гаврило Петровъ переступилъ съ ноги на ногу, утерся еще разъ рукавомъ рубахи и продолжалъ:

— Значитъ, поле намъ отмежено, а господинъ съ него овесъ собралъ, а круги отъ насъ отрѣзали, и онъ же, баринъ, съ нихъ траву возьметъ. Какъ это разсудить по правилу, вашесблагородіе? говорилъ онъ уже съ нѣкоторымъ шипѣніемъ, поощряемый одобрительными кивками и прорывавшимися возгласами сочувствія со стороны своихъ; — а мы такъ по закону мекаемъ эвто: ежели по уставной грамотѣ, такъ, значитъ, все эвто навпредки рази будетъ, съ осенней къ примѣру, по уборкѣ озимаго, скажемъ, посѣва, а дотоль чтобы все по старому: какъ барину, значитъ, съ поля овесъ въ свою

пользу, такъ и намъ травушку взять съ тѣхъ мѣстовъ, коими завсегда пользовались...

„Какова Троженковская казуистика“, пронеслось въ головѣ Троекурова,—онъ начиналъ сердиться:

— Довольно! воскликнулъ онъ, перебивая расходившагося оратора, — ты очень хорошо понимаешь самъ, что плетешь ложь и вздоръ, и даже не свое плетешь... Довольно разговоровъ! Слушайте вы, обратился онъ къ толпѣ,— въ послѣдній разъ говорю я вамъ, и помните: этого теперь громомъ не отшибить, — Крусановскіе круги рѣшены на вѣчныя времена въ пользу помѣщика, и воленъ онъ ихъ отдавать въ аренду, кому ему угодно и на какихъ ему вздумается условіяхъ, съ той самой минуты, когда будетъ введена мной по вашей деревнѣ уставная грамота...

Между крестьянами послышался ропотъ.

— Не поддавайтесь ему, ребята! отчетливо визгнулъ въ заднихъ рядахъ чей-то разъяренный и не мужицкій голосъ,— это все обманъ одинъ. Вамъ царь приказалъ всю землю отдать, а баре обобрать васъ хотятъ...

Кровавые круги запрыгали въ глазахъ Троекурова. Онъ ринулся впередъ въ раздавшуюся мгновенно еще разъ предъ нимъ толпу, прямо на этотъ голосъ, на голосъ подвязаннаго малаго,—это былъ онъ, несомнѣнно онъ,—видъ котораго давно мозолилъ ему глаза.

Онъ уже настигалъ его, уже протягивалъ руку, чтобы схватить его за воротъ... Малый увернулся, сдѣлалъ отчаянный прыжокъ назадъ и, размахнувшись дубоватою палкой, которую держалъ въ рукѣ, пустилъ ее изо-всей силы въ ноги Троекурова...

Она ударила его въ колѣнную кость ниже чашки. Онъ ухватился за нее, чувствуя, что падаетъ, и закусывая губу, чтобы не крикнуть отъ страшной боли...

Въ толпѣ поднялось смятеніе. Нѣсколько человѣкъ кинулись подымать „посредственника“.

Ударившій, съ забѣгавшими какъ у зайца глазами, метнулся въ сторону...

— Я за вашу волю, ребята, за ваши права! крикнулъ онъ неестественнымъ, растеряннымъ крикомъ.

Никто не отвѣтилъ на него. И не успѣлъ онъ открыть рта еще разъ, какъ предъ нимъ выросла скуластая, страшная выраженіемъ своимъ фигура Скоробогатова,—и желѣзные пальцы рванули его прямо за бороду...

Борода эта, вмѣстѣ съ обвязывавшимъ лицо платкомъ, остались въ этихъ пальцахъ... Шляпа какъ бы сама собой спрыгнула съ головы, волосы разлетѣлись, подхваченные вѣтромъ.

— Ваше высокоблагородіе! самый тотъ и есть! крикнулъ Скоробогатовъ, узнавая Иринарха Овцына.—Вяжи его, ребята! Кушакъ у кого есть?

Десятки рукъ, торопливо распоясавшись, потянулись къ нему съ кушаками.

— Ишь, діаволъ, вдарилъ какъ! Взялся отколь незнамо, бунтовщикъ!

— Бороду ишь подвязалъ! голосили крестьяне.—Вотъ тя подвяжутъ! Крути ему крѣпче руки, кавалеръ, чтобы чувствовалъ, значитъ!...

Скоробогатовъ стянулъ эти руки за спину ихъ владѣльца, связалъ ихъ двойнымъ узломъ кушака, и ткнулъ его въ шею съ неудержимымъ движеніемъ злости.

— Не трогать! досадливо крикнулъ Троекуровъ.

Его самого только-что подняли, и онъ, перемогая всею силой воли донимавшую его боль въ колѣнѣ, стоялъ теперь, опираясь на ту же, причинившую ему эту боль, палку Овцына, поднятую однимъ изъ крестьянъ по его приказанію.

Онъ пристально уперся взглядомъ въ страшно поблѣднѣвшее, но какъ бы еще сильнѣе озлившееся лицо Иринарха.

— Вы понимаете, проговорилъ онъ, — что тутъ уже не личные счеты. Я вамъ мутить крестьянъ дозволить не въ правѣ... Гдѣ господинъ исправникъ? обернулся онъ взглядомъ на окружающихъ.

Факирскій съ Блиновымъ бѣжали къ нему.

— Борисъ Васильевичъ, что̀ такое, что̀ случилось? съ искреннимъ участіемъ и тревогой спрашивалъ Блиновъ, между

тѣмъ какъ молодой исправникъ перепуганными глазами обводилъ лица толпившихся кругомъ крестьянъ со стоявшимъ между нихъ арестантомъ.

— Вотъ этотъ переодѣтый... чрезъ силу, неохотно отвѣчалъ Троекуровъ.— Спросите!... Крестьянъ явно подстрекали, понизилъ онъ голосъ, — и я, надѣюсь, полковникъ, разъ настоящій виновникъ теперь на-лицо, что вы не дадите хода сегодняшней здѣсь... свалкѣ и склоните на то же вашего купца... Его увѣчныхъ я берусь удовлетворить.

— Помилуйте, прервалъ Блиновъ, смутившись вдругъ, — на что же... я самъ... Я, повѣрьте мнѣ, съ неменьшимъ, какъ вы, отвращеніемъ отношусь къ эксплуатаціи труда капиталомъ... и готовъ воспользоваться вашимъ добрымъ совѣтомъ... Но, Боже мой, прервалъ онъ себя, — вы ужасно страдаете, по лицу вашему видно. Вѣроятно у васъ кость зашиблена серіозно... Воды бы поскорѣй, бинтовку...

Но давно знакомый съ увѣчьями и ранами Скоробогатовъ уже бѣжалъ къ своему барину съ зачерпнутою имъ въ рѣкѣ ведеркой воды...

Троекурова посадили на траву... Кость у него оказалась переломленною.

Все переполошилось кругомъ.

— Костоправа нѣту-ль тутъ по близости? крикнулъ Скоробогатовъ, быстро вскакивая на ноги съ колѣнъ, на которыя опустился ощупывать ногу Троекурова.

— Костоправа?... Есть, братецъ ты мой, есть!... Во тутъ, съ полверсты будетъ, на Прирѣченскихъ, значитъ, кругахъ, отъ помѣщика Дѣвушкина народъ коситъ, такъ вы Флегона спросите, Ящера прозывается, онъ тутъ за прикащика отъ барина поставленъ надъ народомъ... Настоящій этто фершалъ, ученый... Сбѣгать что-ль надоть?

— Извольте, я могу для скорости съѣздить за эвтимъ человѣкомъ въ экипажѣ, предложилъ, тяжело переводя духъ отъ ходьбы и перепуга, купецъ Середкинъ, подошедшій тѣмъ временемъ къ мѣсту происшествія.

— Поѣзжайте скорѣе, поѣзжайте! суетился Блиновъ, торопя его.

Онъ взобрался въ свою телѣжку, посадилъ къ себѣ одного изъ крестьянъ, вызвавшагося указать ему „Флегона, фершала„, и быстро покатилъ на своемъ сытомъ иноходцѣ...

Въ пяти шагахъ отъ безмолвно, перемогая боль, сидѣвшаго на травѣ Троекурова, стоялъ связанный арестантъ съ выраженіемъ пойманнаго волка на лицѣ, хранившемъ еще свѣжіе слѣды полученнаго имъ за нѣсколько часовъ предъ этимъ оскорбленія, — оскорбленія, за которое „отмстилъ онъ теперь“... Но мщеніе это далеко не удовлетворяло его, далеко было не то, на что онъ разсчитывалъ во злобѣ своей. Этотъ ненавистный ему человѣкъ не былъ имъ униженъ, нанесенное ему увѣчье не смывало позорныхъ синяковъ, бороздившихъ его, Овцына, щеки. Оно, напротивъ, послужило на пользу этому человѣку, возбудивъ къ нему общее участіе, а къ нему, „отмстившему“, негодованіе и презрѣніе... Да, онъ не могъ не сознавать, не видѣть это: все въ эту минуту было занято имъ, этимъ „бариномъ“, суетилось около него, а его, „новаго человѣка“, революціонера, заявившаго себя сейчасъ дѣломъ, „пахнущимъ каторгой“, будто забыли за этою тревогой о *немъ:* успѣемъ-де еще тобой, ничтожествомъ, заняться... „Мужичье поганое“, говорилъ себѣ, обливаясь желчью, Иринархъ;—„я за волю вашу, за ваши права“, крикнулъ онъ имъ сейчасъ, и никто изъ нихъ не отозвался, не тронулся съ мѣста на этотъ крикъ, и всѣ они, „съ холопскою подлостью и страхомъ на лицахъ“, отрекаются отъ него и обзываютъ „бунтовщикомъ“, спасая себя и выдавая его... „Гдѣ буду я ночевать сегодня?“ пронеслось, со внезапною дрожью по спинѣ, въ головѣ Иринарха.

Онъ невольно обѣжалъ взглядомъ кругомъ... Уйти некуда, — со всѣхъ сторонъ все тѣ же враждебно-презрительныя лица... У него посинѣли губы...

Но вотъ къ нему подходитъ господинъ въ полицейскомъ мундирѣ, съ молодыми, мягкими чертами лица, которому владѣлецъ его силится видимо въ эту минуту придать какъ можно болѣе строгое выраженіе.

— Кто... ты? спрашиваетъ онъ его, замѣтно для Иринарха поколебавшись на мигъ сказать ему это „ты“ или *вы*.

— Андрей Ѳедоровъ, клинскій мѣщанинъ, отвѣчалъ дерзко Иринархъ, поводя глазами въ сторону Троекурова.

Но Борисъ Васильевичъ будто и не слышалъ, не повернулъ головы.

— Видъ имѣешь?

— Можете поглядѣть, проговорилъ Овцынъ,— возьмите у меня въ карманѣ.

Исправникъ вынулъ изъ кармана Овцына форменный, за печатью билетъ, прочелъ съ озабоченнымъ и недовѣрчивымъ видомъ:

— Занимаешься чѣмъ? обрывисто спросилъ онъ опять.

Иринархъ поглядѣлъ на него, помолчалъ...

— Не желаю отвѣчать, сказалъ онъ, сообразившись.

Факирскій нѣсколько озадаченно взглянулъ на него въ свою очередь и тутъ же, отвернувъ глаза, обратился къ толпѣ:

— Знаетъ его кто нибудь изъ васъ? Какъ онъ сюда попалъ?

— А лѣшій его знаетъ, жулика, отколь взялся! И видомъ не видывали допрежъ того... Мало-ль ихъ нонѣ наймоваться ходятъ на косовицу-то, поспѣшно отвѣчали мужики.

— Быдто такъ кажетъ, что встрѣлся онъ мнѣ севодни... съ помѣщикомъ тутъ съ однимъ, робко пролепеталъ одинъ голосъ (это былъ косарь, державшій утромъ лошадь Троекурова въ минуту расправы его съ Овцынымъ).

Но ему не дали продолжать:

— Ну, чего врать-то! Встрѣлся! Самъ видишь, шатунъ какой, аль можетъ бѣглый, а то „съ помѣщикомъ". Станетъ съ нимъ помѣщикъ компанію вести! Молчи лучше! шукали на него, пугливо оглядываясь на „господъ", крестьяне, изъ которыхъ многіе сами въ эту минуту узнавали Иринарха за лицо, которое случалось имъ видѣть именно въ „компаніи" помѣщика Троженкова, сосѣда, постоянно проѣзжавшаго чрезъ ихъ деревню.

Подполковникъ Блиновъ, все время суетившійся у ноги Троекурова, быстро шагнулъ къ исправнику:

— Прикажите скорѣе взять этого молодца, да и въ острогъ, что-ли, прошепталъ онъ ему на ухо, кинувъ разсѣянный взглядъ

на отворачивавшагося отъ него Овцына,—а крестьянъ оставьте! Посредникъ очень наистаиваетъ, чтобы кончить все это миролюбиво; а насчетъ Середкина не безпокойтесь: онъ жаловаться не станетъ, я вамъ отвѣчаю.

— Я очень радъ, отвѣтилъ радостно Факирскій.—Сотскій! крикнулъ онъ оборачиваясь,—возьми арестанта!...

Телѣжка съ Середкинымъ и костоправомъ, котораго онъ нашелъ на кругахъ Дѣвушкина, подъѣзжала тѣмъ временемъ къ нимъ.

Все опять обратилось къ Троекурову.

„Фершалъ Флегонъ“ оказался дѣйствительно знающимъ свое дѣло. Онъ ловко и быстро вправилъ и соединилъ концы поломанной кости и, за неимѣніемъ лубковъ и холста, забинтовалъ голень покамѣстъ кушаками, взятыми у предлагавшихъ ихъ усердно крестьянъ.

— Ужь позволь, родимый, какимъ-то умиленнымъ голосомъ говорили теперь крестьяне Борису Васильевичу, — мы васъ въ экипажъ снесемъ.

Они подняли и донесли его до коляски, натащили въ нее и набили полупросохшей травы въ уровень съ сидѣньемъ, чтобы дать ему возможность держать ногу въ горизонтальномъ положеніи.

— Позвольте предложить вамъ, сказалъ ему Блиновъ, — вамъ до себя верстъ 15 ѣхать, моя же усадьба всего отсюда въ трехъ верстахъ, а отъ вашего пути крюку и полверсты не будетъ. У меня и лубки найдутся, и бинты нарѣжутъ; мы возьмемъ съ собой фельдшера, и вы по крайней мѣрѣ вернетесь домой *вправленный*, такъ сказать, по всѣмъ началамъ науки.

— Это точно! замѣтилъ на это одобрительно „Флегонъ“.

Троекуровъ подумалъ, что всю эту операцію лучше дѣйствительно продѣлать загодя у чужихъ и избѣжать такимъ образомъ лишнихъ „женскихъ аховъ и оховъ“, ждущихъ его дома, и согласился.

— Ну, спасибо, ребята, обратился онъ къ окружавшей его, любовно и искательно заглядывавшей ему въ глаза толпѣ,—и маршъ по домамъ сейчасъ! Надѣюсь, что на этотъ

разъ упрошу г. исправника и бывшаго вашего помѣщика простить вамъ ваше сегодняшнее... своевольство. Но если бы вамъ вздумалось начать что-нибудь подобное снова, помните, я вамъ не прощу!

Мужики кругомъ повалились ему въ ноги:

— Батюшка, милостивецъ... Дай тебѣ Пресвятая Богородица много лѣтъ здравствовать, а мы по всякому твоему слову, а не то, что... Мы единственно, какъ по нуждѣ своей, потому намъ тяпнуть негдѣ...

— На это опять же одинъ у меня отвѣтъ вамъ: обратитесь къ бывшему вашему помѣщику; онъ, я увѣренъ, сдѣлаетъ для васъ все, что сочтетъ возможнымъ.

Блиновъ, съ выраженіемъ снисходительнаго достоинства на чуть-чуть улыбавшемся лицѣ, повелъ на нихъ взглядомъ въ свою очередь:

— Вернувшись домой, выберите изъ себя человѣкъ пять стариковъ и пришлите ко мнѣ на дворъ, мы потолкуемъ... Вы мнѣ позволите съ вами сѣсть, Борисъ Васильевичъ, поспѣшилъ онъ прибавить, какъ бы съ тѣмъ, чтобъ имѣть предлогъ не обращать вниманія на благодарственные возгласы и торопливые въ поясъ поклоны, отвѣчавшіе на его слова.

И такъ же торопливо подобравъ свои косы и кафтаны, толпа радостно и шумно повалила теперь съ „круговъ“ на проѣзжую дорогу, по направленію своей деревни.

„Въ лузяхъ, лузяхъ... во зеленыихъ“...

зазвенѣлъ чей-то высокій хриплый фальцетъ, и къ пѣснѣ, чѣмъ далѣе тѣмъ звончѣе и дружнѣй, приставали грудные, мужественные голоса...

— Вы и своихъ-то ужь отправьте во-свояси, Аѳанасій Доримедонтовичъ, сказалъ съ невольною улыбкой Блиновъ, обращаясь къ уныло сидѣвшему въ своей телѣжкѣ, съ вожжами въ одной рукѣ и цвѣтнымъ платкомъ въ другой, купцу Середкину.

Толстый купецъ вздохнулъ, отеръ въ двадцатый разъ свое обливавшееся потомъ лицо и кликнулъ своего, стоявшаго среди его косарей съ подобною же унылостью на физіономіи,

востроносаго прикащика, для передачи ему соотвѣтствующаго приказанія.

— А вы ужь ко мнѣ милости просимъ, продолжалъ Блиновъ,—мы тамъ съ вами окончательно переговоримъ... И вы съ нами, Семенъ Петровичъ? обратился онъ къ Факирскому.

— Да вотъ-съ, насчетъ отправки арестанта распорядиться надо, отвѣтилъ озабоченно тотъ,—и допросъ-то собственно по формѣ снять съ него надо...

— А вы прикажите его свезти ко мнѣ, тамъ и допросите на досугѣ, чѣмъ вамъ для этого нарочно въ городъ ѣхать. А чтобы не убѣжалъ, я вашему сотскому на подмогу сторожа дамъ... Ну-съ, а теперь ѣхать, весело заключилъ онъ, влѣзая въ коляску Троекурова и осторожно усаживаясь подлѣ него, чтобы не дотронуться до его больной ноги.—Трогай!

XII.

Дантисты Базаровской безпардонной вольницы, Собакевичи и Ноздревы нигилизма... ихъ систематическая неотесанность, ихъ грубая и дерзкая рѣчь не имѣли ничего общаго съ неоскорбительною и простодушною грубостью крестьянина, а очень много съ пріемами подъяческаго круга, торговаго прилавка и лакейской помѣщичьяго дома.

Герценъ. *Общій фондъ.*

Въ усадьбѣ Блинова „недоразумѣнія", какъ выражался онъ, между нимъ и его бывшими крестьянами совершенно благополучно устроились. Крусановскіе круги, окончательно оставшіеся за нимъ, онъ согласился раздѣлить на двѣ арендныя статьи, по 40 десятинъ въ каждой, изъ которой одну взялъ Середкинъ, а другую онъ отдалъ въ 12-лѣтнее пользованіе крестьянъ, со сбавкой съ нихъ противъ Середкина по 10 рублей на кругъ. Послѣднее условіе положено было занести и въ уставную грамоту...

„Такимъ образомъ", говорилъ Блиновъ, пожимая руки Борису Васильевичу и глядя на него умильно усмѣхающимися глазами,—„благодаря вашему, можно сказать, вполнѣ авторитетному на этихъ темныхъ дѣтей природы слову, немыслимое оказалось возможнымъ и невозможное становится дѣйствительностью"...

Темныя дѣти природы въ свою очередь, получивъ отъ него по окончаніи переговоровъ красненькую на покупку соотвѣтствующаго числа ведеръ водки „грамоту вспрыснуть", были въ самомъ счастливомъ настроеніи духа и оглашали

воздухъ благодарственными кликами, „потому какъ завсегда своихъ, Блиновыхъ, господъ за благодѣтелевъ почитали и, значитъ, и впредь настоящій у нихъ помѣщикъ есть“... и такъ далѣе.

Купецъ Середкинъ, чтобы не отстать отъ барскаго примѣра и для снисканія благорасположенія недавнихъ враговъ и будущихъ „сосѣдушекъ“ по Крусановскимъ кругамъ, заявилъ тутъ же, что онъ жертвуетъ со своей стороны четыре „ведерышка“ на угощеніе ихъ по окончаніи косовицы.

Восторгъ произвело это обѣщаніе невообразимый...

— Ну и пора! даже вздохнулъ, какъ вздыхаетъ человѣкъ, сбрасывающій тяжелую ношу съ плечъ, Троекуровъ, когда этотъ народъ съ новыми пѣснями и ухорскимъ присвистомъ повалилъ наконецъ со двора, а за нимъ, усердно раскланиваясь на всѣ стороны, выѣхалъ и Середкинъ, со своимъ прикащикомъ за кучера.

Ему самому тѣмъ временемъ перебинтовали надлежащимъ образомъ и уложили въ лубки ногу... И нога эта, и возня съ крестьянами, и весь этотъ перемолъ лишнихъ словъ, потраченныхъ имъ на увѣщанія, соглашенія и угрозы, привели его въ нервное, раздраженное состояніе. Онъ велѣлъ подавать коляску и, отвѣтивъ рѣшительнымъ, нѣсколько даже нетерпѣливо выраженнымъ несогласіемъ на любезное настояніе хозяина позволить проводить его „на всякій случай“ до Всесвятскаго, поспѣшно простился съ нимъ и уѣхалъ.

— „Потемкинымъ вѣдь тоже глядитъ, баричъ!“ сказалъ себѣ подъ носъ Блиновъ, стоя на крыльцѣ, до котораго проводилъ его, и глядя прищурясь ему во слѣдъ...

И онъ презрительно усмѣхнулся, тотчасъ же сообразивъ, „какъ нелѣпы подобныя потемкинскія замашки при общемъ *нивеллирующемъ* духѣ нашего вѣка“ и насколько „міровоззрѣніе подобнаго барича ничтожно предъ трезвымъ взглядомъ просвѣтленнаго наукой реалиста-мыслителя“.

— Семенъ Петровичъ, отнесся онъ къ исправнику, стоявшему на дворѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ крыльца и занятому весьма, видимо, озабочивавшимъ его разговоромъ съ мужикомъ, сотскимъ, которому поручено было имъ привести

съ луговъ арестанта,—я умираю съ голоду, да и вы тоже, полагаю. Пожалуйте, у меня деньщикъ мастеръ битки готовить.

— Сейчасъ, сію минуту, торопливо и не оборачиваясь отвѣчалъ тотъ.

Блиновъ сидѣлъ уже за столомъ, предъ тарелкой окрошки, когда Факирскій, все такъ же озабоченно и морщась, вошелъ въ столовую и безъ словъ опустился на мѣсто насупротивъ его.

— Э, да вы туча-тучей! Что̀ случилось? спросилъ хозяинъ.

Исправникъ повелъ на него вкось глазами и не то просительно, не то смущенно сказалъ:

— Васъ не затруднитъ, полковникъ, приказать послать отъ стола чего нибудь поѣсть этому... молодому человѣку?...

— Какому? вскликнулъ, не понимая въ первую минуту, Блиновъ.

— Котораго арестовалъ я... въ лугахъ... Я велѣлъ посадить его тутъ у васъ въ пустой кладовой...

— Да, да... Я прикажу... А что̀ онъ за человѣкъ? Я его, признаться, и не видѣлъ-то хорошенько... Троекуровымъ этимъ заняты всѣ были...

— Человѣкъ повидимому развитой... какъ мы съ вами, пролепеталъ не сейчасъ исправникъ, продолжая не глядѣть на своего собесѣдника.

Тотъ понялъ съ перваго намека. Онъ быстро вскинулъ вверхъ голову и засіялъ взоромъ:

— Что̀ вы говорите! Не бродяга, значитъ, не мужикъ онъ?... Студентъ, а?... Онъ понизилъ голосъ до шопота:—съ соціальными цѣлями?... Я знаю, по Волгѣ идетъ теперь у нихъ пропаганда... Такъ это одинъ изъ такихъ, полагаете?

— Очень похоже, какъ бы противъ воли падали слова съ губъ Факирскаго;—мы съ вами прибѣжали на мѣсто, когда онъ уже былъ схваченъ... Кучеръ посредника, грубый, какъ всѣ эти люди, цапнулъ его прямо за бороду... борода оказалась фальшивою... И что̀ очень странно, какъ я узналъ сейчасъ, и кучеръ этотъ, и его баринъ знаютъ, кто онъ... и не назвали. И, какъ оказывается далѣе, онъ, этотъ молодой

человѣкъ, проживаетъ уже нѣсколько времени въ здѣшней сторонѣ. Крестьяне, вы слышали, по врожденному въ нихъ страху къ намъ, полиціи, и къ суду, завѣряли хоромъ, что никогда не видали его, а въ дѣйствительности многіе и не разъ встрѣчались съ нимъ—одѣтъ онъ былъ не крестьяниномъ,—въ окрестностяхъ одной сосѣдней вамъ деревни, Быковѣ, гдѣ онъ, повидимому, и имѣлъ пристанище у тамошняго землевладѣльца Троженкова; знакомъ онъ вамъ?

— Нѣтъ, быстро и тономъ сожалѣнія отвѣчалъ хозяинъ,— не имѣлъ случая сойтись съ нимъ нигдѣ. Говорятъ, человѣкъ необыкновенно умный и вполнѣ прогрессивный!...

— Д-да-съ, иронически и, незамѣтно для себя, все далѣе и далѣе увлекаясь на откровенность, пропустилъ исправникъ,— онъ состоитъ даже у *насъ* подъ тайнымъ надзоромъ, какъ подозрѣваемый въ доставленіи корреспонденцій въ газету *Колоколъ*.

— Вотъ какъ! засмѣялся его собесѣдникъ;—и что̀ же вы, по своей обязанности, должны въ извѣстные сроки доносить о немъ начальству?

— Что̀ же мнѣ доносить? Писемъ онъ мнѣ своихъ не показываетъ, да и по почтѣ ихъ вѣроятно не посылаетъ. Такъ мнѣ, если-бъ я и расположенъ былъ къ инквизиторскому образу дѣйствій, нѣтъ и почвы на то... Впрочемъ и начальство, промолвилъ усмѣхаясь Факирскій,—надо отдать справедливость, нисколько не отличается фанатизмомъ по этой части.

— Что̀ правда, то правда! воскликнулъ, потирая радостно руки, Блиновъ,—наши правящія сферы, вообще говоря, отличаются самою похвальною толерантностью. Нельзя-съ, противъ духа вѣка ничего вѣдь не подѣлаешь!... Хотя, промолвилъ онъ наставительно, лукаво подмигивая при этомъ,—начальство никогда не слѣдуетъ баловать хвалой, а держать его, напротивъ, всегда подъ страхомъ, что оно недостаточно либерально дѣйствуетъ. Въ этомъ настоящая политика людей движенія... Ну-съ, а что̀ же вашъ... молодой человѣкъ? перебилъ онъ себя:—говорили вы съ нимъ?

— Немного успѣлъ, а говорилъ...

— Что̀-жь онъ?

— Онъ проголодался прежде всего... и выразилъ мнѣ даже это нѣсколько безцеремонно, добавилъ съ легкою гримасой Факирскій.

— Какъ такъ?

— Да просто: „дадутъ мнѣ, говоритъ, *жрать* или нѣтъ?“

— Ахъ, Боже мой, вскинулся вдругъ Блиновъ, какъ бы мгновенно испуганный неудовольствіемъ человѣка, способнаго такъ энергически выражать свои желанія,—да прикажите поскорѣй пригласить его сюда. Онъ съ нами и пообѣдаетъ... Деньщику я прикажу поставить всѣ блюда на столъ и убираться на кухню... а то, знаете, старо-солдатскія понятія: какъ, молъ, это господа съ *арестантомъ*... Ну, а тутъ мы на свобоодѣ, en trois, частнымъ образомъ...

— Д-да... Что̀ же, такимъ манеромъ можно, послѣ легкаго колебанія согласился и исправникъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ передней раздались тяжелые шаги, и въ отверстіе полураскрытыхъ половинокъ двери въ столовую просунулась голова мужика, сотскаго:

— Привелъ, ваше благородіе, доложилъ онъ какъ бы съ таинственностью, отыскавъ глазами исправника.

— Хорошо, давай его сюда!... А самъ можешь итти...

— Тамъ на кухнѣ тебя накормятъ, любезный, я приказалъ, поспѣшилъ прибавить со своей стороны хозяинъ.

— Много благодаримъ, ваше...

Низко нагнувшаяся за этими словами голова исчезла, и на мѣсто ея, широко откидывая дверь рукой, выступила знакомая намъ, бѣлобрысая и самоувѣренная фигура Иринарха Овцына въ красной кумачевой рубахѣ на выпускъ и пестрядевыхъ портахъ, всунутыхъ въ мужицкіе смазные сапоги. Обликъ его въ этомъ видѣ нисколько не отличался отъ наружности перваго попавшагося фабричнаго, но подполковнику Блинову стоило только взглянуть на него, чтобъ утвердиться въ предположеніи, что это „само-собой не рабочій, а нѣкто по всей вѣроятности очень *интересный*“...

— Запри за собой двери! крикнулъ онъ, глядя чрезъ голову вошедшаго сотскому, не успѣвшему еще уйти изъ передней.

Руки въ армякѣ поспѣшно выставились оттуда, потянули къ себѣ половинки и защелкнули ихъ.

Блиновъ привсталъ и поспѣшнымъ движеніемъ руки пригласилъ арестанта подойти къ столу. Онъ глядѣлъ на него во всѣ глаза съ явно сочувственнымъ, чуть не почтительнымъ любопытствомъ.

— Вы не обѣдали? спросилъ онъ, поощрительно улыбаясь, и, не ожидая отвѣта:—такъ не угодно-ли... безъ церемоніи; вотъ мѣсто!

Овцынъ, безо всякой уже дѣйствительно церемоніи, захватилъ стулъ по пути, подтащилъ его къ столу, опустился на него и, поднявъ со скатерти глубокую тарелку, потянулся съ нею безъ словъ къ хозяину за окрошкой.

Тотъ, все съ такою же поспѣшностью въ движеніяхъ, налилъ ему суповою ложкой до верху ея.

Иринархъ завладѣлъ большою горбушкой домашняго ситника и, жадно откусивъ отъ него, принялся хлебать изъ тарелки.

Хозяинъ и исправникъ, молча, съ жалостливымъ выраженіемъ на лицахъ, глядѣли на арестанта, какъ бы не рѣшаясь сами приняться за другое блюдо, пока онъ не кончитъ.

— *Это* теперь слѣдуетъ, а? произнесъ тотъ, отставляя опорожненную тарелку и тыкая пальцемъ на блюдо битковъ, стоявшее на противоположной сторонѣ стола.

Блиновъ пододвинулъ его къ нему.

— А вы, Семенъ Петровичъ? спросилъ онъ.

Факирскій улыбнулся своею мягкою улыбкой:

— Послѣ, послѣ!.. Дайте вотъ этому молодому человѣку утолить свой голоодъ... я успѣю.

— Да-съ, это вы правильно сказали, хихикнулъ Иринархъ, наваливая себѣ на блюдо,—голодъ у меня волчій; отца роднаго сожралъ бы, кажется, въ эту минуту, не говоря дурнаго слова... Съ завтрака, раннимъ утромъ, какъ выпилъ стаканъ чаю, да яйца три въ крутую съѣлъ, ни маковой росинки во рту не было до сихъ поръ...

— Вы у господина Троженкова въ Быковѣ завтракали? спросилъ нежданно исправникъ.

Овцынъ кивнулъ машинально головой,—но вдругъ, опомнившись, обернулся на него злымъ и нахальнымъ взглядомъ:

— Съ чего-жь вы это взяли?

Факирскій слегла прижмурился:

— Имѣю основаніе полагать.

— А я какъ же вашъ вопросъ понимать долженъ? хихикнулъ опять Иринархъ, жуя во весь ротъ рубленое мясо битковъ:—для плезиру что-ль своего спрашиваете, или формальный мнѣ допросный пунктъ ставите?

Подполковникъ Блиновъ почелъ своимъ долгомъ хозяина предупредить дальнѣйшій „непріятный разговоръ“:

— Позвольте васъ увѣрить, что въ настоящую минуту, у *меня* за столомъ, ничего формальнаго быть не можетъ, и я настолько знаю Семена Петровича, что онъ никогда не рѣшится злоупотребить своимъ положеніемъ относительно васъ... Вы впрочемъ сами это замѣтить, кажется, можете, прибавилъ онъ съ видомъ достоинства.

Арестантъ повелъ на нихъ обоихъ снисходительными глазами:

— Что̀-жь, уронилъ онъ,—не знаю, что̀ дальше, а пока вы кажетесь мнѣ довольно порядочными людьми.

Факирскій дернулъ безсознательно плечомъ и глянулъ исподлобья на Блинова, какъ бы говоря: „вѣдь эта аппробація и не къ мѣсту, пожалуй“!..

Блиновъ весело и самодовольно засмѣлся:

— А вѣдь это такъ, Семенъ Петровичъ? Вѣдь мы съ вами дѣйствительно „порядочные люди“... Я лишь сегодня имѣлъ случай съ вами познакомиться, но я достаточно опытенъ, чтобы распознать съ разу тотъ уровень развитія, на которомъ стоитъ та или другая натура... И я, конечно, не ошибусь, сказавъ, что вы человѣкъ *новыхъ* убѣжденій и умѣете цѣнить ихъ въ другихъ, подчеркнулъ онъ.

Факирскій склонилъ голову, покраснѣлъ слегка и какъ бы про себя:

— Новыхъ? повторилъ онъ:—не знаю, какъ сказать... Убѣжденія свои я вынесъ еще съ университетской скамьи.

— Студентъ бывшій? коротко промолвилъ Иринархъ, продолжая жевать и не глядя на него:—это хорошо!

— И вы тоже? обратился къ арестанту тономъ добродушнаго лукавства Блиновъ.

— Что̀ „тоже“?

— Студентъ.

— Много знать будете — скоро состарѣетесь, отрѣзалъ тотъ.

Онъ вдругъ откинулся въ спинку своего стула, взглянулъ въ упоръ въ глаза хозяину и засмѣялся:

— А любопытно было бы знать вамъ, признайтесь, кто индивидуй сей, котораго вы, какъ „либералъ“ что̀-ли, или просто отъ скуки, пригласили сотрапезовать съ вами теперь; любопытно, а?

— Я у васъ тайнъ вашихъ не допытываю, съ невольною досадой и вспыхнувъ весь, проговорилъ ученый офицеръ.

Овцынъ, не перемѣняя тарелки, наложилъ на нее съ близъ стоявшаго блюда большой кусовъ индюшки и продолжалъ насмѣшливо:

— А я бы открылъ вамъ, право, открылъ... Да нельзя... А вы вотъ самого *его*, посредника, спросите, нежданно добавилъ онъ.

— Посредника? Бориса Васильевича Троекурова, то-есь? спросилъ Блиновъ, переглянувшись съ исправникомъ. — Онъ знаетъ, кто̀ вы?

— Знаетъ, и *вамъ извѣстно*, что онъ это знаетъ, подчеркнулъ Овцынъ, перехватившій этотъ взглядъ, — только вамъ отъ этого не легче: онъ не скажетъ.

— Почему вы такъ положительно утверждаете?

— А *потому* что!... Попробуйте его спросить. Увидите!

— Какъ же это слѣдуетъ объяснить, можно васъ спросить? озадаченно проговорилъ Блиновъ, чрезвычайно заинтересованный.

— Ка̀къ? А та̀къ, что ужь черезчуръ презрѣнія въ немъ много.

— Къ кому?

— Да ко всѣмъ, злобно прошипѣлъ Иринархъ:—къ нему

вотъ (онъ кивнулъ на исправника,), потому что онъ полиція; къ вамъ, потому что вы изъ-за лишнихъ ста рублей готовы съ мужикомъ до смерти тягаться; къ мужику—за то, что онъ плебей и сермяга; ко мнѣ...

— Къ вамъ же за что̀, къ вамъ? съ язвительною усмѣшкой подгонялъ его Блиновъ, серьезно уколотый тѣмъ, что̀ сказано было Овцынымъ о мотивахъ презрѣнія Троекурова къ нему, Блинову.

— Ко мнѣ-съ... потому что я на него, магната и сердцеѣда, не со шпагой или пистолетомъ, а съ палкой вышелъ... Потому, судорожно кривя губы, добавилъ Овцынъ,—что большой баринъ этотъ разоблаченій моихъ боится и воображаетъ подкупить меня великодушіемъ... или доконать этимъ своимъ презрѣніемъ...

Слушатели его невольно переглянулись еще разъ. Какое-то болѣзненное ощущеніе сказалось на лицѣ Факирскаго: онъ понялъ, что рѣчь шла теперь о какой-то „семейной драмѣ", и что, „какова бы она ни была", и кто бы ни былъ самъ этотъ „молодой человѣкъ", онъ поступаетъ „неблагородно", намекая на нее при людяхъ постороннихъ.

— Изъ вашихъ словъ, холоднымъ тономъ сказалъ онъ подъ этимъ впечатлѣніемъ, — слѣдуетъ, кажется, заключить, что мотивъ, побудившій васъ нанести увѣчье посреднику Троекурову, есть просто чувство личной мести?...

Иринархъ быстро вскинулъ на него глаза:

— Ну-съ, это бабушка на двое сказала... Во-первыхъ-съ, я былъ на это вызванъ, коли ужь дѣло идетъ о „чувствахъ", хотя бы уже просто чувствомъ самозащиты. Претъ на тебя прямо человѣкъ съ очевиднымъ намѣреніемъ насилія, тутъ ужь инстинктъ самый... Онъ не договорилъ и покраснѣлъ, мгновенно вспомнивъ встрѣчу свою утромъ съ Троекуровымъ, гдѣ „инстинктъ" его сказался въ томъ, что онъ выронилъ палку изъ рукъ и закрылъ лишь ими свое исполосанное лицо... — Наконецъ тутъ могли дѣйствовать и другіе мотивы, уронилъ онъ съ губъ, злобно скривившихся опять отъ этого воспоминанія.

— Дѣйствительно, такъ же холодно сказалъ исправникъ,—

крестьяне показываютъ, что вы возбуждали ихъ противъ посредника и вообще помѣщиковъ, говорили имъ, что вся земля должна имъ принадлежать...

— Ну-съ, а вы-то какъ же? перебилъ его рѣзко арестантъ, подымая вилку вверхъ и покачиваясь на своемъ стулѣ, — вотъ, вы говорите, студентъ были, человѣкъ развитой, какъ же сами-то вы полагаете, кому должна принадлежать земля: тѣмъ-ли, кто обработываетъ ее и обливаетъ своимъ потомъ, или всякимъ родовитымъ тунеядцамъ-собственникамъ, эксплуататорамъ народа?

Факирскаго огорошилъ этотъ нежданный, поставленный ему ребромъ вопросъ. Отвѣтить на него утвердительно значило отрицаться ему ото всѣхъ тѣхъ идеаловъ будущаго „человѣческаго братства", которымъ онъ оставался вѣренъ мечтательною мыслью съ университетской скамьи... Онъ, не находя отвѣта, только отвернулся и неопредѣленно пожалъ плечами.

Подполковника Блинова вопросъ будто испугалъ даже. Онъ почелъ необходимымъ какъ можно скорѣе заявить, что по отношенію къ нему лично не можетъ даже существовать никакого подобнаго вопроса:

— Въ самомъ принципѣ собственности лежитъ величайшее беззаконіе, произнесъ онъ съ высокомѣрною улыбкой, какъ бы уже по адресу кого-то воображаемаго, не раздѣляющаго съ нимъ такого убѣжденія, — это давно и неотразимо доказано Прудономъ и обратилось въ настоящую минуту въ аксіому соціологической науки. Дѣло заключается, по-моему, лишь въ большей или меньшей степени примѣнимости въ данную минуту новыхъ, реальныхъ началъ къ практикѣ жизни человѣческихъ обществъ, воспитанныхъ на вѣковой рутинѣ, унаслѣдованной отъ произвольныхъ воззрѣній римскаго права на владѣніе землей. Вѣдь съ этимъ все-таки приходится пока считаться...

— Да-съ, не давая ему продолжать, возразилъ Овцынъ,— какъ если самъ въ себѣ силишки не чувствуешь, такъ тутъ и начнешь гадать, какъ старая баба на картахъ: выйдетъ, не выйдетъ... Вы, видно, и Добролюбова-то никогда порядочно не читали? уже совсѣмъ презрительно уронилъ онъ.

— Я-съ? Я-съ не читалъ Добролюбова? въ силахъ былъ только пропустить Блиновъ сквозь горло, задыхаясь отъ негодованія за такую обиду.

— А читали, хладнокровно вымолвилъ Иринархъ,— такъ вамъ тамъ напередъ и отвѣтъ написанъ.

— Какой отвѣтъ такой?...

— Очень простой: „Если, говоритъ онъ, общественныя отношенія не удовлетворяютъ стремленіямъ, *сознаваемымъ вами*“, подчеркнулъ Овцынъ,—„то, кажется, ясно, что требуется *коренное* измѣненіе этихъ отношеній. *Сомнѣнія тутъ никакого не можетъ быть.* Почувствуйте только, какъ слѣдуетъ, право вашей собственной личности на правду и на счастье, и вы самымъ непримѣтнымъ и естественнымъ образомъ придете къ кровавой враждѣ съ общественною неправдой“... Замѣтьте-съ, *кровавой!* мрачно повторилъ Овцынъ, подымая палецъ къ верху.—„И тогда, и *только тогда*“, прибавляетъ къ этому геніальный критикъ, „*можете вы съ полнымъ правомъ считать себя честнымъ человѣкомъ!*“...

Блиновъ опустилъ глаза; онъ чувствовалъ себя уничтоженнымъ: онъ проглядѣлъ или не помнилъ это мѣста у „геніальнаго критика“. *Такое* мѣсто!...

— Я это помню, вмѣшался въ разговоръ Факирскій, — но, при всемъ моемъ уваженіи къ цитуемому вами публицисту, я съ нимъ въ этомъ далеко не могу согласиться и имѣю въ этомъ случаѣ за себя исторію. Не „враждою и кровью“, а любовью и мирною проповѣдью восторжествовало Евангеліе надъ языческимъ міромъ.

— Ну-съ, а Коранъ-то какъ? Мечемъ и огнемъ! воскликнулъ мгновенно встрепенувшись Блиновъ, замѣтно ища въ выраженіи лица Овцына одобренія этому своему возраженію;— на исторію не ссылайтесь, Семенъ Петровичъ, осѣчку дадите!

Арестантъ повернулъ голову въ сторону исправника и снисходительно улыбнулся:

— Вы, я вижу-съ, все еще Жоржъ-Сандовскими идилліями изволите проклажаться? Meunier d'Angibaut и прочая...

Факирскій почувствовалъ себя въ свою очередь уколотымъ такимъ намекомъ на его отсталость:

— Къ чему тутъ Жоржъ-Сандъ, хмурясь возразилъ онъ,— возьмите хоть Базарова *Отцевъ и дѣтей:* онъ презираетъ старый порядокъ, да и протестуетъ противъ него всѣмъ складомъ мысли своей и дѣятельности. Это тоже проповѣдь, но „кроваваго“ я въ ней ничего не вижу.

— Ну что̀ вашъ Базаровъ! Кисляй! отрѣзалъ Овцынъ.

— Базаровъ-съ! съ нѣкоторымъ даже ужасомъ воскликнули на это оба его собесѣдника.

— Извѣстно, постепеновецъ! Улита ѣдетъ, когда-то будетъ... А время терять нечего, намъ не Базаровы нужны-съ теперь, а Инсаровы, понимаете, русскіе Инсаровы, люди, которые, кромѣ своей прямой задачи, ничего бы не видѣли и не допускали, безтрепетные люди, способные скинуть съ себя послѣднюю гниль старыхъ понятій, все то, говорилъ, окончательно расходившись Иринархъ, сверкая глазами,—все то, что̀ тупое большинство называетъ „добромъ“, „справедливостью“, „культурой“, „свободой“ и такъ далѣе, всѣ эти давно отжившія бредни въ родѣ „чести“, „самолюбія“, „вѣжливости“, „состраданія“, „благодарности“, „великодушія“ (онъ захлебывался отъ словъ, притекавшихъ къ нему на языкъ.), — и знали бы только одно, что старый міръ весь безъ остатка подлежитъ ломкѣ и, не щадя ни своей, ни чужой жизни, шли бы на эту ломку, пуская для этого въ ходъ всѣ зависящія отъ нихъ средства... И народились уже эти люди, и уже дѣйствуютъ-съ, дѣлаютъ свое дѣло, и наступленіе *настоящаго* дня въ Россіи совсѣмъ не такъ неизмѣримо далеко, какъ вы, какъ вообще у насъ привыкли думать... Зарубите себѣ это на носу, господа! нахально и съ мрачно насупившимися бровями заключилъ Иринархъ и, взявъ тутъ же со стола лежавшій на немъ портсигаръ исправника, вынулъ изъ него папироску и закурилъ спичкой, шаркнувъ ее о салфетку.

Подполковникъ Блиновъ, не отрываясь и съ тайною завистью, глядѣлъ на него. „Вотъ она гдѣ, сила-то, вотъ они *настоящіе!*“ говорилъ онъ мысленно... Проговоренныя сейчасъ слова были ему не новы; слова эти печатно, съ дозво-

ленія цензуры, расходились въ тѣ дни по всей Россіи. Болѣе того, онъ зналъ лично тѣхъ, кѣмъ и у кого сочинялись они. Но только теперь получали они для него дѣйствительное значеніе. Изъ области кабинетныхъ теорій они перешли уже въ живое дѣло, чуялъ онъ,—„и изъ-за такого дѣла человѣкъ рискуетъ каторгой, и не думаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ о ней, и громогласно заявляетъ объ убѣжденіяхъ, которыя ведутъ его къ ней, и глубоко вѣритъ въ ихъ торжество... Да-съ, вотъ это сила, вотъ это дѣйствительно все перевернетъ!“ повторялъ онъ, сознавая внутренно себя самого „реально“ ничтожнымъ предъ этою дѣйствительно „реальною силой“...

Факирскій глубоко задумался... Онъ себя издавна почиталъ въ душѣ „соціалистомъ“; онъ питалъ благоговѣніе къ „Петрашевцамъ“ и въ теченіе многихъ лѣтъ собиралъ въ особый, тщательно припрятываемый, альбомъ портреты ихъ въ копіяхъ, которыя перерисовывалъ собственноручно, какъ только представлялся ему на это случай... Но никогда, никогда ни *они*, ни Бѣлинскій—вспомнилъ онъ „учителя“,—не согласились бы на „пропаганду мечемъ и огнемъ“, какъ выражается „этотъ полковникъ, цитующій и Прудона, и Коранъ, и которому нужна была угроза посредника, чтобы заставить его уступить сотню рублей на пользу не знающимъ „гдѣ тяпнуть“ крестьянамъ“...

— Вы знаете ***? спрашивалъ между тѣмъ хозяинъ арестанта, называя по имени и отчеству одного весьма извѣстнаго тогда сотрудника „толстаго“ петербургскаго журнала, пользовавшагося наибольшимъ распространеніемъ въ Россіи той эпохи.

Тотъ только плечомъ дернулъ, словно говоря: „еще спрашиваетъ“!

— А вы? сказалъ онъ.

— Знаю-съ. Онъ очень близокъ съ товарищемъ моимъ по заведенію, полковникомъ Окончиковымъ. *Сборникъ* вмѣстѣ издавали...

— Знаю-съ, протянулъ въ свою очередь Овцынъ и значительно улыбнулся, — *** въ крѣпости, какъ вамъ вѣроятно извѣстно.

— Д-да, вздохнулъ Блиновъ и развелъ руками;—такой человѣкъ, вождь, который такъ много могъ бы еще сказать!... И если вдругъ его въ Сибирь...

— Ничего-съ, вызволимъ! не давъ ему договорить, отрѣзалъ Иринархъ, — и полѣзъ за новымъ куревомъ въ портсигаръ исправника.

Трапеза давно кончилась; стемнѣло, и деньщикъ хозяина, старый, обросшій до глазъ волосами служивый, сердито каждый разъ оглядывая на-ходу спину „жулика", сидѣвшаго за однимъ столомъ съ „господами", убралъ посуду, принесъ двѣ зажженныя свѣчи въ старинныхъ высокихъ шандалахъ и замѣнилъ, по приказанію барина, выпитую бутылку вина бутылкой старой вишневки изъ оставленнаго старикомъ Блиновымъ своему наслѣднику довольно порядочнаго погреба. Вишневка оказалась отличною; деньщикъ отосланъ былъ снова изъ комнаты, и разговоръ завязался опять.

Онъ перешелъ теперь на почву общихъ разсужденій, — столь любезныхъ вообще безпочвенной натурѣ такъ называемаго русскаго „интеллигента".

Не обойденъ былъ ни одинъ изъ тѣхъ трескучихъ „вопросовъ", о которыхъ въ тѣ дни брящала во всѣ кимвалы свои русская журналистика... Ученый офицеръ-„академистъ" и невѣдомый ему, но все болѣе становившійся для него „интереснымъ" молодой человѣкъ оказались по большинству этихъ вопросовъ вполнѣ единомышленными „въ принципѣ", расходясь лишь въ нѣкоторыхъ частностяхъ. О „теософической задачѣ" *), о „почтенномъ тезисѣ" (подъ этими выраженіями на языкѣ „новаго слова" разумѣлось бытіе Бога и вѣра въ него,) упомянуто было лишь вскользь, такъ какъ объ этомъ и въ самомъ дѣлѣ стоило-ли много говорить! Подполковникъ Блиновъ вспомянулъ только кстати о „замѣчательномъ своею

*) Читателей, мало знакомыхъ съ публицистическою литературой тѣхъ годовъ, къ которымъ относится настоящій разсказъ, авторъ считаетъ нужнымъ предварить, что всѣ отмѣченныя въ настоящей главѣ вносными знаками выраженія и *положенія* съ буквальною точностью воспроизведены изъ подлинниковъ Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева, Шелгунова, Соколова, Зайцева и др.

ограниченностью Вольтерѣ", вѣрившемъ въ этотъ „тезисъ"; а Иринархъ Овцынъ, комически воздѣвъ очи къ небу, возгласилъ: „Аллахъ есть Аллахъ, — какъ трогательно и похвально!"... Болѣе времени заняло разсужденіе о „добрѣ и злѣ" вообще и о „реальномъ" разумѣніи этихъ понятій. Вспомнили при этомъ остроумное опредѣленіе одного изъ апостоловъ ученія, разсуждавшаго такъ: „когда, говоритъ дикарь, я ворую жену у другихъ людей, — это добро, а когда у меня воруютъ,— это зло", — и признали совершенно правильнымъ выводимое изъ этого апостоломъ заключеніе, что „такого основнаго принципа долженъ держаться и *послѣдовательный* реалистъ". При этомъ рѣшено было, „что дѣйствія человѣка зависятъ единственно отъ его органическихъ условій и отъ тѣхъ внѣшнихъ вліяній, по которымъ человѣкъ поступаетъ *непремѣнно* такъ, а не иначе". А слѣдовательно, торжественно выводилъ Овцынъ, — если человѣкъ поступалъ такъ потому, что не могъ поступать иначе, въ чемъ же его вина, гдѣ *преступленіе?*

— Еще бы, еще бы! продолжалъ далѣе выводъ его собесѣдникъ, захлебываясь отъ соревнованія, которое возбуждалъ въ немъ сильный полетъ мысли „молодаго человѣка": — *преступленія* вообще нѣтъ, а изъ этого совершенно уже очевидно, что и „всякій вообще судъ нелѣпъ!"...

— Само собой! аппробовалъ Иринархъ.

Коснулись кстати и *воспитанія*, и положили, что „новымъ людямъ" необходимо „*поймать таракана*", то-есть овладѣть во что бы ни стало школой, „чтобы упрочить окончательно господство реальныхъ идей надъ обществомъ". Подполковникъ Блиновъ началъ было по этому поводу развивать свою программу „новой" школы, которую полагалъ устроить „по типу артельной мастерской, на началѣ самоуправленія со своею собственною юрисдикціей", но Овцынъ обозвалъ почему-то это „ерундой", и хотя со своей стороны не предъявилъ другой программы, но Блиновъ какъ-то самъ вдругъ сознался мысленно, что говорилъ дѣйствительно „ерунду", и тотчасъ же перешелъ на критику существующей школы, „основанной на началѣ слѣпаго авторитета, способнаго убить дѣя-

тельную силу въ самыхъ энергическихъ и гордыхъ натурахъ".

Иринархъ тутъ даже привскочилъ и замахалъ руками:

— Да-съ, то, что преподается теперь тамъ, „одна профанація и проституція мысли"... Какой-нибудь „пошлякъ и мерзавецъ Цицеронъ", „блюдолизъ Гете" или нашъ „*маленькій* и *миленькій* господинъ Пушкинъ, *эта колоссальная неразвитость*",— вотъ „какими элукубраціями притупляютъ въ нынѣшней школѣ здоровый умъ юношества и усыпляютъ его человѣческое чувство"...

Московскій студентъ „Строгановскихъ временъ" неудержимо проснулся въ безмолвно и угрюмо внимавшемъ до тѣхъ поръ этому пренію исправникѣ. Онъ вскочилъ съ мѣста съ задрожавшими губами:

— Послушайте, господа, вѣдь всему же есть мѣра наконецъ! Пушкинъ, Пушкинъ—„колоссальная неразвитость"!... И голосъ замеръ у него въ горлѣ.

— Приговоръ ему вѣдь уже окончательно произнесенъ въ нашей литературѣ, что же дѣлать, Семенъ Петровичъ! съ жалостивымъ снисхожденіемъ во взглядѣ, въ тонѣ голоса, обернулся къ нему хозяинъ, — безаппелляціонный приговоръ. Вы помните конечно? *).

Факирскій махнулъ рукой, круто повернулъ на каблукахъ и судорожно заходилъ вдоль и поперекъ комнаты.

А тѣ между тѣмъ перескочили быстрымъ махомъ отъ воспитанія и „миленькаго" Пушкина къ „женскому вопросу"... У обоихъ у нихъ даже глаза засверкали замѣтно ярче прежняго. Это былъ дѣйствительно вопросъ изъ вопросовъ, овладѣть окончательно которымъ для каждаго „настоящаго реалиста" представлялось даже гораздо важнѣе, чѣмъ „поймать

---

*) „*Легкомысленный вересификаторъ*, опутанный мелкими предразсудками, такъ-называемый великій поэтъ совершенно неспособенъ анализировать и понимать великіе общественные и философскіе вопросы нашего вѣка и до того зарапортовался, что признаетъ „пружину чести". Хорошъ мущина, хорошъ общественный дѣятель!... Произведенія Пушкина оказываются *вѣрнѣйшимъ средствомъ притупить здоровый умъ и усыпить человѣческое чувство*. Воспитывать молодыхъ людей на Пушкинѣ значитъ готовить изъ *нихъ трутней* и сибаритовъ; у него колоссальная неразвитость" (Писаревъ).

таракана"—школу. Петербургскіе авторитеты „новаго слова" лихорадочно указывали на него своимъ адептамъ, какъ на главнѣйшую задачу, къ которой должны были они направлять свои усилія. Къ женщинамъ, предписывалось на страницахъ „прогрессивныхъ" журналовъ, долженъ быть непремѣнно приставленъ *развиватель*" („освободитель"-тожь). Для бо́льшаго успѣха развиванія собственно дѣвицъ „лучше всего *овдовѣть* имъ съ однимъ изъ пропагандистовъ женскихъ душъ", указывалъ самъ „*геніальный*" Добролюбовъ... Подполковникъ Блиновъ со своими глазами на выкатъ и богатырскими плечами имѣлъ полное основаніе почитать себя однимъ изъ удачливѣйшихъ такихъ „развивателей". Онъ могъ съ гордостью сосчитать уже не менѣе полудюжины требуемыхъ „женскихъ душъ", успѣвшихъ „провдовѣть" съ нимъ по всѣмъ правиламъ „новаго ученія". Иринархъ Овцынъ тотчасъ же инстинктивно почуялъ его превосходство надъ нимъ съ этой стороны и внутренно озлился!... Въ тонѣ, съ которымъ каждый изъ нихъ говорилъ теперь о предметѣ, чувствовались все сильнѣе диссонирующія ноты. Конечно, какъ и по предыдущимъ „вопросамъ", они не расходились „въ принципѣ" и отправлялись оба равно отъ извѣстнаго, „неоспоримаго" положенія, что „слѣдуетъ *измѣнить пошлый языкъ искусственной морали*, не считать паденіемъ, если женщина предается полному наслажденію любовью,"—и что „*бракъ*"—*вотъ дѣйствительное паденіе*, вотъ потеря нравственной чистоты и силы". Но затѣмъ являлись подробности, изъ этого положенія истекающія и требовавшія разрѣшенія, какъ-то, напримѣръ: слѣдуетъ-ли или нѣтъ „*регулировать* отношенія лицъ заключающихъ союзы на началѣ свободнаго выбора; имѣетъ-ли право та или другая изъ соединившихся на этомъ свободномъ основаніи сторонъ требовать себѣ отъ другой исключительной вѣрности"; можетъ-ли быть „вообще допущено *сознательнымъ реалистомъ* чувство ревности", и т. д., и т. д... Блиновъ относился ко всему этому съ какою-то пренебрежительною толерантностью, не допускалъ „лично" ни вѣрности, ни ревности, но и не отвергалъ „абсолютно" ихъ raison d'être, а доказывалъ, что отношенія половъ не терпятъ вообще ни регулированія, ни

контроля и должны быть вполнѣ предоставлены самой жизни, „съ ея законными непослѣдовательностями и уклоненіями отъ теоріи, какъ бы и ни правильна была сія послѣдня“. Говорилъ очевидно человѣкъ, равнодушный къ тому, какъ поставлено будетъ дѣло, такъ какъ по сущности его онъ при какой угодно постановкѣ увѣренъ въ ожидавшемъ его лично успѣхѣ. „Фатовство“ это какъ ножомъ рѣзало Иринарха при сознаніи имъ того страшнаго фіаско, которое самому ему пришлось потерпѣть въ попыткахъ „развиванія“ княжны Киры Кубенской. Онъ вдругъ желчно и рѣзко выступилъ противъ „верхоглядства“, обнаруживающагося, говорилъ онъ, въ словахъ его собесѣдника, и обозвалъ ихъ даже *гусарскимъ балагурствомъ*, непристойнымъ въ серьезныхъ дебатахъ. Блиновъ попробовалъ было возразить, но безпощадный оппонентъ такъ и срѣзалъ его, объявивъ, что онъ, Блиновъ, обращаетъ „ученіе реалистовъ“ въ проповѣдь обыкновеннаго „буржуазнаго разврата“, что̀ ни въ какомъ случаѣ терпимо быть не можетъ, что, провозглашая „принципъ свободной любви“, реалисты не имѣли только въ виду возвратить „естественнымъ отношеніямъ половъ“ принадлежащую имъ по праву „функцію“ въ человѣческомъ обществѣ, но еще, и это главное, стремились послужить этимъ перевоспитанію самого общества на новыхъ реальныхъ началахъ...

— А знаете-ли вы-съ, шипѣлъ, кривя губы, Иринархъ,— что перевоспитаніе это должно прежде всего состоять въ полномъ и слѣпомъ подчиненіи высшимъ цѣлямъ „реальной истины“. Вы говорите о „законныхъ“ якобы „непослѣдовательностяхъ и уклоненіяхъ отъ теоріи“. Этого допустить нельзя-съ. Каждый, вступающій сознательно въ среду „реалистовъ“, къ тому или къ другому полу онъ принадлежитъ— все равно, долженъ заранѣе отказаться отъ своей субъективной воли и быть готовымъ безпрекословно и во всякое время пожертвовать своею личною склонностью, если того потребуютъ эти высшія цѣли. Поняли теперь-съ?

Это было ново даже для такого „прогрессиста“, какъ подполковникъ Блиновъ. Онъ пытался отозваться на это шуткой:

— Я, значитъ, напримѣръ, сошелся съ женщиной и вдругъ

мнѣ съ бухта-барахта скажутъ: „кинь ее!“ На что̀ и кому можетъ быть это нужно?

— На что̀-съ? повторилъ съ злобнымъ блескомъ въ глазахъ Овцынъ: — а вообразите себѣ, что для торжества, или даже просто для пользы новыхъ идей нужно, напримѣръ, привлечь какое-нибудь очень вліятельное лицо, и это лицо можно подкупить только женщиною, а эта женщина та именно, съ которою вы сошлись. Слѣдуетъ-ли, или нѣтъ вамъ отказаться отъ вашей склонности къ ней, а ей оставить васъ и перейти къ тому вліятельному лицу, если только оба вы сознательные и послѣдовательные реалисты? Развѣ въ такомъ случаѣ это не прямой долгъ вашъ и ея?.. Позвольте, воскликнулъ онъ, останавливая жестомъ чаемое возраженіе,—вы поймите, что вѣдь это не тотъ „внѣшній, невѣдомо кѣмъ установленный принципъ долга и нравственности“, въ силу котораго какая-нибудь „тупица со звонкою пустотой черепа“, въ родѣ Татьяны господина Пушкина, жертвуетъ своимъ естественнымъ влеченіемъ ветхозавѣтной идеѣ „семейнаго курятника“, а *долгъ гражданскій*, единственный, который способенъ и долженъ признавать „настоящій реалистъ“.

Онъ смолкъ—и невольно подался тѣломъ назадъ...

— Это-съ... неожиданно, подскочивъ къ столу, за которымъ, не подымаясь съ обѣда, разсуждали наши собесѣдники, воскликнулъ Факирскій съ поблѣднѣвшимъ лицомъ,—это гнусная тираннія, и мерзость худшая изо всѣхъ!..

— А хотя бы и тираннія-съ! возразилъ Иринархъ, оправившись отъ перваго невольнаго чувства смущенія; — или вы полагаете, что для водворенія „реальной истины“ въ общественномъ устройствѣ намъ нужны западныя „говорильни“ *).

*) „Представьте себѣ смиренную корову, украшенную хорошимъ кавалерійскимъ сѣдломъ. Представьте себѣ, что она подражаетъ манерамъ кровнаго англійскаго скакуна, раздуваетъ ноздри, подымаетъ хвостъ колоромъ и пробуетъ пуститься съ правой ноги галопомъ,—и вы получите нѣкоторое слабое понятіе о томъ неистощимомъ комизмѣ, которымъ переполнены всѣ слова, движенія и поступки добродѣтельнаго русскаго либерала, мечтающаго о европейской говорильнѣ“ (Писаревъ). „Немного теперь найдется такихъ ограниченныхъ людей, чтобы не только считать идеаломъ „великую“ англійскую конституцію и „славныя“ вольности, но даже чтобы не видѣть всѣхъ гнустностей, скрывающихся за ними“ (Зайцевъ).

Факирскій не отвѣтилъ и машинально повернулъ голову въ сторону входныхъ дверей, за которыми въ передней послышались въ эту минуту чьи-то тяжелые шаги.

— Кто тамъ? крикнулъ громко со своей стороны хозяинъ.

Дверь полуоткрылась и въ отверстіе просунулось бородатое лицо сотскаго.

— Что̀ тебѣ нужно?

— Ничего-съ... Зашелъ вотъ насчетъ... *ихъ*, пробормоталъ сконфуженно тотъ, останавливаясь взглядомъ на арестантѣ, долгимъ отсутствіемъ котораго изъ-подъ его стражи онъ видимо обезпокоился, и котораго заставалъ теперь съ „цыгаркой“ въ зубахъ, развалившагося предъ „начальствомъ“; — какъ, значитъ, поздно, такъ гдѣ прикажете...

— Хорошо, тебѣ скажутъ... Погоди тамъ! не далъ ему кончить Блиновъ.

Мужикъ скрылся. „Господа“ молча переглянулись всѣ трое,—и тутъ же опустили вѣки.

Этотъ мужичій голосъ возвращалъ ихъ всѣхъ къ сознанію дѣйствительнаго положенія вещей.

Лицо Иринарха судорожно повело. Исправникъ поспѣшно вытащилъ часы изъ-подъ борта своего форменнаго сюртука и такъ и погрузился широко раскрывшимися глазами въ циферблатъ: стрѣлки заходили за полночь. Блиновъ, набравъ усиленно дыма изъ папироски, выпускалъ его изъ-подъ усовъ тонкою, длинною струйкой, какъ бы сосредоточившись весь на этомъ занятіи. Никто словно не рѣшался заговорить первый.

— Въ узилище ввергнуть меня опять отъявился? началъ наконецъ Иринархъ, насилуя себя снова на дерзконасмѣшливый тонъ, и, глядя въ то же время на исправника тревожно забѣгавшими глазами, кивнулъ затылкомъ на двери, за которыми скрылся сотскій.

— Что̀ же-съ, время уже позднее... заговорилъ было Факирскій, морщась и видимо избѣгая этихъ допрашивавшихъ его глазъ.

— Семенъ Петровичъ, позвольте сюда на минуту!

И Блиновъ, захвативъ со стола шандалъ и указывая взгля-

домъ на сосѣднюю со столовой комнату, быстрымъ шагомъ направился къ ней.

Факирскій безотчетно послѣдовалъ за нимъ.

Они вошли въ бывшую гостиную старика Блинова, квадратную горницу, съ фамильными, какимъ-то богомазомъ писанными, портретами и дряхлою мебелью изъ корельской березы.

Хозяинъ, уведя гостя въ дальній уголъ, пригласилъ его жестомъ присѣсть и, поставивъ шандалъ на близь стоявшій столъ:

— Какъ вы думаете быть съ *нимъ?* шопотомъ спросилъ онъ.

— Какъ? озадаченно повторилъ исправникъ:—моя обязанность...

— Д-да... Завтра, значитъ, въ острогъ?

Факирскій безъ словъ приподнялъ только плечи.

— Послушайте, воскликнулъ вдругъ тотъ,—вѣдь это чортъ знаетъ что̀ однако!... Вы говорите „обязанность"... Я понимаю, вы занимаете казенную должность, получаете жалованье... Каждому буаръ-манже надо. Но вѣдь вы развитой человѣкъ, читали хорошія книги...

— Такъ что̀ же что читалъ? уныло поднимая глаза, промолвилъ исправникъ.

— А то̀-съ, что вы знаете, какъ и я, что нельзя карать человѣка за убѣжденія...

Факирскій ёрзнулъ на стулѣ:

— Тутъ уже не убѣжденія, а фактъ... Вы сами знаете, что̀ произошло тамъ, на лугахъ...

— Знаю-съ, быстро возразилъ Блиновъ, спѣша воспользоваться доводомъ противника на пользу собственной своей аргументаціи,—и если сами вы ставите вопросъ на голую почву факта, такъ я позволю себѣ васъ спросить: кому будетъ отъ того легче, что этого молодого человѣка „ввергнутъ въ узилище", какъ остроумно выражается онъ, засудятъ его, сошлютъ?.. Вѣдь одно изъ двухъ: или онъ будетъ подлежать отвѣтственности за возбужденіе крестьянъ противъ помѣщиковъ,—и тогда вамъ придется привлечь къ дѣлу и этихъ му-

жиковъ... съ которыми я только успѣлъ согласиться... а, слѣдовательно, ни отъ нихъ, ни отъ меня вамъ за это спасиба не будетъ. Или главный мотивъ долженъ состоять въ увѣчьи, понесенномъ отъ него Троекуровымъ: такъ вѣдь тутъ, протянулъ, значительно подмигивая, говорившій,—менѣе всего, кажется, будетъ вамъ благодаренъ тотъ, кто его понесъ... Мы не знаемъ, *кто* этотъ молодой человѣкъ, но какъ изъ его собственныхъ словъ, такъ и изъ страннаго умолчанія объ его имени со стороны Троекурова явно можно заключить то, что у нихъ есть какіе-то личные счеты... Двоюродный мой братъ Ашанинъ, котораго между прочимъ нѣтъ почему-то до сихъ поръ, примолвилъ онъ, вспомнивъ,—былъ не далѣе какъ вчера въ Троекуровскомъ Всесвятскомъ и разсказывалъ мнѣ, что тамъ находятся двѣ прелестныя дамы: сама жена Троекурова и двоюродная ея сестра, княжна какая-то... Вамъ, какъ юристу, извѣстна вѣроятно старая апоѳегма: „Ищите женщину!“ Одна изъ этихъ двухъ барынь, если не обѣ, держитъ ключъ этой загадки, не сомнѣваюсь, заключилъ, лукаво ухмыльнувшись, подполковникъ.

— У меня, сказалъ на это раздумчиво исправникъ,—есть показаніе одного крестьянина, бывшаго сегодня утромъ свидѣтелемъ, какъ Троекуровъ, встрѣтивъ *его* на дорогѣ съ Троженковымъ, заставилъ его выйти изъ экипажа и съѣздилъ тутъ же нагайкой по лицу... Вы замѣтили у него двѣ совсѣмъ еще свѣжія борозды?

— Вотъ оно что̀! Я все время глядѣлъ на эти рубцы и объяснялъ себѣ такъ, что онъ тамъ въ свалкѣ нарѣзался на что-нибудь... А это нашъ здѣшній лордъ собственными руками изволилъ... Что̀ же это за феодализмъ, за плантаторство! восклицалъ Блиновъ, преувеличенно вскидывая плечами,—и, замѣтьте-съ, какая низость вмѣстѣ съ тѣмъ: насиліе надъ человѣкомъ, который, находясь, такъ сказать, въ исключительныхъ обстоятельствахъ, не можетъ даже прибѣгнуть ни къ чьей защитѣ...

— Не нравится мнѣ этотъ господинъ, уронилъ какъ бы нехотя Факирскій, поведя головой по направленію столовой.

Блиновъ, все время стоявшій предъ нимъ, поспѣшно при-

тянулъ къ себѣ теперь ногой стулъ, опустился на него прямо противъ исправника и, притронувшись рукой къ его колѣну:

— Сила, почтеннѣйшій, сила! прошепталъ онъ вѣскимъ шопотомъ,—это одинъ изъ тѣхъ, кому принадлежитъ будущее, ближайшее будущее, я вамъ говорю! Вамъ, я понимаю, нѣсколько рѣзка можетъ казаться въ немъ эта... эта, такъ сказать, прямолинейность и смѣлость въ выводѣ идеи до самаго крайняго ея выраженія. Но что же дѣлать-съ! Нашъ подполковникъ развелъ широко руками и вздохнулъ вздохомъ, похожимъ на свистъ,—мы съ вами такъ прямолинейны быть не можемъ, мы люди связанные, носимъ оба царскую ливрею, принуждены постоянно къ поблажкамъ, къ уступкамъ безобразному порядку и предразсудкамъ существующаго строя общества. А они-съ, они порѣшили съ этимъ строемъ, они жертвуютъ собою на борьбу, на „кровавую"—вы слышали,—войну съ нимъ. Они, уже захлебывался Блиновъ,—они передовики, знаменосцы, миссіонеры, избранники, „соль земли-съ"!..

И онъ раскашлялся во всю грудь ото всего этого потока словъ, бѣшенымъ каскадомъ выливавшихся изъ нея.

Молча и печально внималъ имъ его собесѣдникъ. Нѣтъ, эти слова не убѣждали его, и вся его совѣсть, все, что состояло здороваго въ его разумѣ, протестовало теперь противъ нихъ. „Избранникъ", „соль земли",—этотъ нахалъ! „Сила"—эта дерзость мальчишескаго языка, эта проповѣдь варварскаго, *тупаго* разрушенія! Что же это за призраки, за ложь, за туманъ! Вся эта сила въ безсиліи тѣхъ, кто признаетъ ее, кто хочетъ признавать, кто юлитъ и раболѣпствуетъ предъ ней, какъ этотъ петербургскій военный академистъ... кто, какъ самъ онъ, Факирскій, лелѣялъ „мечтой" торжество тѣхъ „идей", которыхъ этотъ господинъ является теперь „крайнимъ выраженіемъ!" Не самъ-ли онъ еще сегодня утромъ въ разговорѣ съ Ашанинымъ указывалъ на „идущую изъ Русскаго народа *силищу*" въ лицѣ Базарова? Отчего же вдругъ теперь такое въ немъ сомнѣніе и отвращеніе къ ней? спрашивалъ онъ себя со внутреннею тоской... Онъ „непослѣдователенъ", сознавался онъ; и ему становилось и жутко, и совѣстно, и

больно... Тотъ платоническій „соціализмъ“, которымъ тѣшилась смолоду его мысль,—кто же виноватъ, что онъ этого не допускалъ, не предвидѣлъ, не понялъ? — такъ вотъ *чѣмъ* долженъ онъ былъ разрѣшиться на русской, родной почвѣ, и чѣмъ звучитъ онъ въ устахъ этого „мальчишки, этого „нахала!“...

— Такъ какъ же вы полагаете, Семенъ Пётровичъ? пробудилъ его отъ скорбнаго раздумья голосъ откашлявшагося наконецъ Блинова.

— Насчетъ чего? разсѣянно спросилъ онъ, подымая голову.

— Да насчетъ... нашего „молодаго человѣка?“ подчеркнулъ опять шопотомъ тотъ.

Исправникъ нахмурился.

— Могу вамъ повторить лишь то же, сухо проговорилъ онъ:—я долженъ исполнить свою обязанность.

— Это не современно, Семенъ Петровичъ! ухмыльнулся только на это ученый офицеръ.

— Почему „не современно?“ изумленно повторилъ Факирскій.

— Потому что это отжившія, не выдерживающія здравой критики понятія, а слѣдовательно, какъ прекрасно это замѣчено было въ одной статьѣ *Русскаго Слова*, „всякіе толки о нихъ суть праздной мысли раздраженіе“ *).

— Ну-съ, это какъ вамъ будетъ угодно! скалалъ подымаясь Факирскій...

Тотъ удержалъ его рукой:

— Это ваше послѣднее слово, значитъ? Вы человѣка хладнокровно, безчеловѣчно хотите подъ каторгу подвести изъ-за того въ сущности, что вамъ „не нравится“ то, что сами вы вызвали его высказать вамъ?

— Вы, не я, вызывали его на это! воскликнулъ, покраснѣвъ до ушей, молодой исправникъ.

---

*) „Никакое намѣреніе исполнять обязанности гражданина не выполнимо, потому что *никакихъ гражданскихъ обязанностей въ сущности нѣтъ*, слѣдовательно всякіе толки о нихъ суть праздной мысли раздраженіе. *Убѣжденія, принципы, гражданская добродѣтель, все это нелѣпыя бредни*“ (Зайцевъ).

— Въ вашемъ присутствіи. Онъ будетъ имѣть полное право сказать, что мы съ вами устроили ему здѣсь полицейскую ловушку.

Факирскій опустился снова на стулъ:

— Что̀ вы наконецъ отъ меня хотите? всклинкнулъ онъ съ какимъ-то отчаяніемъ.

— Отпустите его!... Я вамъ уже говорилъ, никто не заинтересованъ въ его задержаніи... Онъ не останется въ вашемъ уѣздѣ, само собой...

— Не могу! уронилъ еле слышно исправникъ.

Блиновъ наклонился къ самому его уху:

— Такъ не мѣшайте ему уйти!

Тотъ растерянно только взглянулъ на него.

— Вы останетесь въ сторонѣ, я все беру на себя, торопливо объяснялъ Блиновъ;—велите сотскому отвести его опять въ кладовую, запереть и лечь у двери... Понимаете, у двери, а не съ нимъ въ кладовой... Да? утвердительно, не сомнѣваясь уже въ его согласіи, проговорилъ подполковникъ и кинулся съ мѣста въ столовую.

Факирскій махнулъ безпомощно рукой... „Вотъ оно, вотъ гдѣ сила ихъ!“ беззвучно лепетали его уста.

А Блиновъ между тѣмъ, подбѣжавъ къ сидѣвшему все на томъ же мѣстѣ Овцыну, который, видимо, возложивъ на него всѣ свои надежды, ждалъ его съ горящими тревогой глазами, быстро проговорилъ ему, направивъ въ свою очередь осторожный взглядъ на оставшуюся непритворенною дверь въ переднюю, гдѣ ожидалъ сотскій приказа „насчетъ арестанта“:

— Въ кладовой, въ хламѣ, найдете лѣстницу къ люку на чердакъ; тамъ слуховое окно на крышу; а оттуда по водосточной трубѣ сейчасъ же... Но уѣзжайте изъ этихъ мѣстъ, и вообще... осторожнѣй!...

— Миссія моя здѣсь кончена, я и такъ бы завтра удралъ, проговорилъ, пренебрежительно усмѣхнувшись, Иринархъ, обрѣтая за этими словами весь свой апломбъ.—А что̀ трубы-то у васъ не проржавѣли?... А то вѣдь, пожалуй, свалишься, расши...

Онъ смолкъ на полусловѣ, замѣтивъ возвращающагося въ столовую исправника.

— Сотскій! быстро отходя отъ него, кликнулъ хозяинъ.

Деревенскій полиціантъ показался въ дверяхъ.

— Отведи арестанта на мѣсто! не глядя на него и покусывая себѣ губы до боли, сказалъ исправникъ. — И запри его накрѣпко! какимъ-то сдавленнымъ голосомъ добавилъ онъ чрезъ мигъ.

— Тамъ засовъ здоровый, не уйдетъ! игриво промолвилъ Блиновъ.—А ты спроси себѣ сѣна, да и уложись наружи у дверей, для предосторожности.

— Знамо, ваше благородіе, не убѣгъ чтобъ!... зѣвнулъ отвѣчая сотскій, давно уже умиравшій ото сна.

— Итакъ, честь имѣю кланяться, молвилъ Иринархъ, протягивая руку хозяину, и тутъ же, съ тою же пренебрежительною усмѣшкою, опустилъ ее, замѣтивъ смущеніе на лицѣ того и быстрый взглядъ, кинутый имъ въ объясненіе по адресу „мужика“.

И онъ вышелъ со своимъ приставникомъ.

Оставшись вдвоемъ съ гостемъ, хозяинъ обратился было къ нему съ какимъ-то шутливымъ замѣчаніемъ, но исправникъ, не отвѣчая на него, объяснилъ, что чувствуетъ себя очень усталымъ и проситъ указать комнату, начначенную ему для ночлега. Блиновъ съ шандаломъ въ рукѣ провелъ его туда. Они молча пожали руки другъ другу и простились... Но Факирскій очень долго не ложился на постланную ему на узкомъ старомъ диванѣ постель, и кружилъ по большой, мрачной, съ какимъ-то кислымъ запахомъ сырости и полыни комнатѣ, освѣщенной догоравшею свѣчей. Онъ чувствовалъ себя „скверно“, и губы его какъ бы механически повторяли опять: „да, онъ, я, всѣ... вотъ въ чемъ и откуда „сила“ *ихъ!*...

XIII.

Angst und Kummer, Reu' und Schmerz
Quälen dieses arme Herz.
Göthe. *Erwin und Elvire.*

Княжна Кира сидѣла у себя въ павильонѣ и, опершись блѣднымъ лбомъ на руку, внимательно читала надъ письменнымъ столомъ своимъ книгу, полученную ею въ даръ отъ католическаго прелата, женевскаго ея знакомца: *Le Christ devant le siècle* *), когда, съ разстроеннымъ лицомъ и запыхавшись отъ поспѣшной ходьбы, вошла къ ней Анфиса.

— Ваше сіятельство, начала она прерывающимся голосомъ, выраженіе котораго заставило княжну быстро и тревожно обернуть къ ней голову,— не потрудитесь-ли вы... Не знаю, какъ доложить Александрѣ Павловнѣ... чтобъ не испугать ихъ очень. Борисъ Васильичъ...

— Съ нимъ... несчастіе? прервала ее, вся замертвѣвъ, княжна, вскидываясь съ мѣста,—и тутъ же упираясь обѣими руками обо столъ: у нея подкашивались ноги.

— Дастъ Богъ, ничего-съ, поспѣшила успокоительно проговорить синеглазая женщина,— а только нога у нихъ перешиблена...

— Сломалъ?... Съ лошади?...

— Нѣтъ-съ... въ лугахъ тамъ бунтовать что̀-ли народъ вздумалъ, такъ Борисъ Васильичъ усмирять ихъ начали, а... переодѣтый тутъ, говорятъ, какой-то (Анфиса запнулась,)— дубиной въ нихъ шваркнулъ...

---

*) Сочиненіе научно-религіознаго содержанія, пользующееся большою извѣстностью въ католическомъ мірѣ.

Кира такъ и впилась въ нее глазами.

Анфиса поняла и—махнула рукой негодующимъ движеніемъ...

— Гдѣ же онъ... Борисъ Васильевичъ?

— Пріѣхали сейчасъ; приказали чернымъ дворомъ къ собственному ихъ крыльцу проѣхать, чтобъ Александра Павловна невзначай навстрѣчу имъ не вышли...

Но Кира уже не слушала: она неслась бѣгомъ чрезъ садъ на половину Троекурова.

Его только-что вынесли изъ коляски и усадили съ протянутою въ лубкѣ ногой на широкомъ диванѣ въ кабинетѣ. Камердинеръ его бережно и торопливо укладывалъ ему за спину подушки.

— Можно войти? послышался голосъ за дверью.

— Можно. Кто тамъ? спросилъ онъ, не узнавая ея въ первую минуту.

Глаза его блеснули, увидавъ Киру, встрѣтившись съ ея глазами, и тутъ же поникли. Ему стало вдругъ неловко, досадно на себя... на нее за эту тревогу, которую онъ прочелъ въ нихъ...

Она это отгадала въ свою очередь съ перваго взгляда, осилила восклицаніе, вырывавшееся у нея изъ груди:

— Саша еще ничего не знаетъ, проговорила она какъ могла спокойнѣе,— я хотѣла видѣть васъ прежде, чѣмъ сказать ей... Какъ вы себя чувствуете? Надо за докторомъ скорѣе въ городъ послать...

— Это безполезно, княжна, поспѣшно сказалъ онъ,—меня вправили совершенно удовлетворительно, ничего болѣе не нужно... Спасибо вамъ...

Ей вдругъ страшно захотѣлось заплакать... Но она еще разъ осилила себя.

— C'est affreux! пролепетала она по-французски, чтобы не быть понятою находившимся тутъ слугой.

— Ступай, спроси мнѣ чаю, отослалъ его Троекуровъ. И отвѣчая на ея слова:—Ce n'est que ridicule! возразилъ онъ, морщась. — Очень прошу васъ, княжна, предварите супругу мою, что трагическаго тутъ нѣтъ ничего.

— Скажите, вѣдь это *онъ?* молвила Кира зазвенѣвшимъ какъ натянутая струна голосомъ.

— Кто? спросилъ онъ, будто не понимая.

— Иринархъ... вы знаете...

— Почему вы думаете?

— Я знаю... чувствую. Онъ могъ васъ убить, и это изъ-за меня!...

И вдругъ неудержимо-безумно она пала на колѣни предъ нимъ, схватила его руку и прижалась къ ней лицомъ и устами...

— Кира!...

Слова замирали въ его горлѣ. Рука охватила ея голову, притягивая ее къ себѣ...

Она вдругъ вскочила, отбѣжала, блѣдная какъ смерть...

Съ порога раскрывшейся внезапно двери донесся до нея женскій голосъ, женскій крикъ.

Александра Павловна, зашедшая случайно въ гостиную за оставленнымъ ею тамъ какимъ-то рукодѣльемъ, встрѣтилась съ камердинеромъ мужа и узнала отъ него, что „баринъ пріѣхали“ и что „у нихъ зашиблена нога“. Она кинулась стремглавъ въ кабинетъ, вбѣжала, увидѣла его, его протянутую, уродливо толстую въ лубкѣ, голень, взвизгнула и, припавъ къ нему на диванъ, залилась дѣтскимъ, истерическимъ рыданіемъ...

Княжна повела растеряннымъ взглядомъ на нее, на него и, словно ужаленная змѣей, вскинулась и бросилась вонъ изъ комнаты.

Два дня спустя пріѣхалъ къ Троекурову подполковникъ Блиновъ „благодарить и прощаться“. Онъ спѣшилъ теперь въ Петербургъ, гдѣ ему поручалась какая-то „важная работа“ въ военномъ министерствѣ, о чемъ онъ небрежно „кстати“ сообщилъ Борису Васильевичу... Тѣмъ же небрежнымъ тономъ передалъ онъ en passant и о томъ, что „арестованный въ Крусановскихъ лугахъ“ нашелъ возможность уйти изъ-подъ стражи и скрыться,—въ чемъ, впрочемъ, прибавлялъ онъ съ игривою усмѣшкой, онъ признаетъ въ нѣкоторой мѣрѣ виноватымъ и

себя, Блинова, такъ какъ побѣгъ совершился у него изъ усадьбы, гдѣ арестанта посадили, по его указанію, на ночь въ пустую кладовую, не имѣвшую выхода, кромѣ двери, которая была зеперта желѣзнымъ засовомъ, и къ ней приставленъ былъ нарочито для наблюденія полицейскій сотскій. „Но онъ, само-собой, заснулъ и ничего не слышалъ; а тотъ между тѣмъ, благодаря лунному свѣту, отыскавъ въ кладовой, подъ валявшеюся тамъ всякою старою рухлядью, приставную лѣстницу, о существованіи которой я и не подозрѣвалъ“, молвилъ подполковникъ съ легкимъ вздохомъ и приподнялъ плечи, „въ люку на чердакъ, откуда вышелъ на крышу, а съ нея, какъ надо полагать, спустился внизъ по водосточной трубѣ... и бѣжалъ. Бѣдный нашъ исправникъ, прекрасный молодой человѣкъ, какъ вѣроятно изволили вы замѣтить, былъ приведенъ этимъ *акцидентомъ* въ совершеннѣйшее отчаяніе, — но я, каюсь, Борисъ Васильевичъ, успокоивалъ его тѣмъ, что лицо, которое болѣе всѣхъ въ правѣ сѣтовать на то, что такимъ образомъ можетъ остаться безнаказаннымъ злое дѣйствіе этого... буяна, то-есть именно вы, — что вы настолько, я убѣжденъ, великодушны, чтобы, такъ сказать, пренебречь этимъ“, поспѣшилъ все такъ же игриво, но съ замѣтною тревогой въ забѣгавшихъ глазахъ, заключить Блиновъ.

— Тутъ вопросъ, кажется, не въ моемъ великодушіи, а въ фактѣ, коротко отвѣтилъ ему на это Троекуровъ, съ холодною внимательностью глядя на него.

Ученый офицеръ смутился:

— Я совершенно съ вами согласенъ, пробормоталъ онъ,— но смѣю думать, Борисъ Васильевичъ, что вы со своей стороны не захотите повредить нашему молодому исправнику... за оплошность... въ которой и онъ, и я, повторяю, равно виноваты...

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, медленно отчеканилъ Троекуровъ, не отрывая отъ него взгляда.

Блиновъ рѣшительно растерялся, но продолжать разговоръ на этотъ мотивъ не рѣшился, боясь скомпрометтировать себя какимъ-нибудь неосторожнымъ словомъ. Для него было совершенно ясно, что его собесѣдникъ не вѣрилъ „оплошности“

и угадывалъ не только истину, но и ту значительнѣйшую долю участія, которая въ настоящемъ случаѣ принадлежала ему, Блинову. Онъ возмущался противъ себя внутренно, но неудержимо опустилъ вѣки предъ этимъ пронзавшимъ его насквозь, „безпощаднымъ“ какимъ-то взглядомъ. „Богачъ, связи, желѣзный, видать, характеръ“, проносилось у него въ головѣ,—„захочетъ, навредитъ пожалуй такъ, что на всей карьерѣ отзовется“...

Раздражать такого человѣка не слѣдъ, вывелъ онъ логическое заключеніе изъ такихъ посылокъ и,—не пытаясь уже вывѣдать (къ чему его очень подмывало in foro interno въ эту минуту,): намѣренъ-ли „этотъ человѣкъ“ *вывести дѣйствительно исторію*, могущую навредить его, Блинова, карьерѣ, или, какъ говорилъ бѣжавшій арестантъ, слишкомъ онъ „презираетъ вся и все“, чтобы рѣшиться на это,—торопливо и еще разъ принимаясь за игривость, заговорилъ о другомъ:

— А двоюродный братецъ мой, Ашанинъ... Онъ имѣетъ, кажется, удовольствіе быть съ вами знакомымъ?...

— Да; онъ былъ у насъ на дняхъ и отсюда отправился къ вамъ, кажется...

— Точно такъ-съ, съ тѣмъ, чтобы прожить у меня съ недѣльку и потомъ уже вмѣстѣ ѣхать намъ въ Москву... А между тѣмъ исчезъ самымъ, можно сказать, неожиданнымъ маневромъ.

— Вотъ какъ! усмѣхнулся слегка Борисъ Васильевичъ.

Поощренный подполковникъ продолжалъ уже лукаво таинственнымъ шепоткомъ:

— И, какъ я подозрѣваю, изъ-за новаго амурнаго мотива. Въ нашемъ уѣздномъ городишкѣ проживаетъ въ эту минуту по какимъ-то дѣламъ одна прекрасная петербургская дама, княгиня Шастунова... Изволите вѣроятно знать?

Троекуровъ не отвѣчалъ.

Блиновъ заговорилъ опять, но уже нѣсколько заикаясь:

— Въ тотъ самый день, когда... приключился съ вами этотъ... несчастный случай, мы были съ нимъ у нея утромъ. Узнавъ тамъ отъ исправника о томъ... что происходитъ въ

Крусановскихъ кругахъ, я поскакалъ съ нимъ туда, а Ашанина оставилъ въ городѣ, съ тѣмъ, что онъ въ тотъ же вечеръ долженъ былъ вернуться ко мнѣ... Не тутъ-то было-съ: проказникъ ускакалъ въ Москву. Какъ, для чего? ничего не понимаю... Только сегодня-съ получаю вѣсть, что прелестная княгиня точно также укатила туда...

— Да-а? протянулъ Троекуровъ, замѣтно нахмурившись.

„Опять должно-быть въ просакъ попалъ!“ воскликнулъ мысленно нашъ подполковникъ, весь покраснѣвъ отъ досады и неодолимаго смущенія. „Чортъ ихъ дери, лучше убираться скорѣе!“

И черезъ пять минутъ онъ, съ фуражкой въ рукѣ, стоялъ предъ диваномъ увѣчнаго и расшаркивался, прощаясь съ нимъ, озабоченный теперь единственно тѣмъ, какъ бы покончить съ этимъ „опаснымъ“ и мудренымъ баричемъ“, и, отказавшись окончательно отъ надежды (съ нею онъ ѣхалъ къ нему,) увидать „его очаровательныхъ дамъ“, о которыхъ говорилъ Блинову Ашанинъ, и въ рукахъ которыхъ, какъ мы знаемъ, долженъ былъ, по его соображенію, „находиться ключъ всей тайны“...

Вечеромъ того же дня прискакалъ во Всесвятское Павелъ Григорьевичъ Юшковъ, не велѣлъ докладывать о себѣ „барынямъ“ и прошелъ прямо на половину Бориса Васильевича, откуда только-что ушли онѣ въ столовую чай пить. Онъ былъ ужасно встревоженъ, зналъ ужь о побѣгѣ „мерзавца“, успѣлъ повидать исправника и задать ему „страшную распеканцію“ за „непозволительно-небрежное отношеніе къ службѣ“... „Самъ понимаетъ“, объяснялъ горячо старый морякъ: „опустилъ голову, стоитъ какъ листъ бумаги бѣлый; я, говоритъ, сегодня же подаю объ отчисленіи меня отъ должности“...—„Это само по себѣ, говорю, а молодца отыскать надо прежде; да успѣли ли вы личность его опредѣлить, что̀ за человѣкъ“.—„Паспортъ, говоритъ, у него, клинскій мѣщанинъ какой-то“... А я не вѣрю! Фальша, подложный видъ! Подвязанная борода,—это не мужицкое дѣло, это нѣчто иное... Вы какъ скажете, Борисъ Васильичъ? прервалъ онъ себя, лихорадочно допытывая его глазами.

— Ничего не скажу пока, не сейчасъ отвѣтилъ на это Троекуровъ,—и если не говорю вамъ, то, понимаете, должны быть у меня на это особыя причины. Повѣрьте мнѣ на слово, дорогой Павелъ Григорьевичъ, оставимъ это! Не настаивайте, чтобъ исправникъ отыскивалъ этого „мерзавца". Онъ по всей вѣроятности теперь уже далеко, и тотъ потерялъ бы только напрасно время свое и труды. Главное, мы отъ него здѣсь избавились и, я полагаю, *навсегда*, подчеркнулъ онъ:—сочтемъ это за благо!

На лицѣ моряка выразилось величайшее изумленіе:

— Ну, на одно можете вы мнѣ отвѣтить: вы знаете, кто это такой?

— Можетъ быть...

— Что за притча! воскликнулъ Юшковъ и вдругъ ударилъ себя по лбу:

— Да! Ходятъ слухи какіе-то, будто вы этого самаго молодца отхлестали предъ тѣмъ нагайкой...

— Не знаю, пропустилъ сквозь зубы и прижмурясь Троекуровъ.

— Позвольте, позвольте! Утромъ, въ тотъ же день... вы ѣхали верхомъ... и встрѣтились съ Троженковымъ?...

— Павелъ Григорьевичъ, позвольте мнѣ вамъ не отвѣчать.

— Отчего же, вѣдь это...

Онъ оборвалъ и поблѣднѣлъ мгновенно.

— Троженковъ, промямлилъ онъ, перемѣняясь въ лицѣ,— у него жилъ студентъ одинъ... товарищъ Гриши; онъ видѣлся съ нимъ?... Это онъ, Борисъ Васильевичъ, онъ, прошу васъ сказать мнѣ!

Троекурова повело всего отъ этого мучительно зазвенѣвшаго теперь голоса:

— Ну, а если и онъ, такъ что-жь такое, съ чего же это вы, Павелъ Григорьевичъ?...

— Гриша, вы понимаете... Гриша! могъ только пролепетать тотъ.

— Ну да, понимаю, поспѣшилъ заговорить Троекуровъ:—

вамъ досадно... тяжело, что Гриша могъ знаться съ подобнымъ негодяемъ... Но вы сами знаете, что̀ значитъ товарищъ въ эти годы. Гриша съ нимъ видѣлся потому... потому уже просто, что не могъ же онъ запереть двери такому же, какъ онъ, знакомому ему студенту, пріѣхавшему къ нему... Но вѣдь между этимъ и тѣмъ... чего вы, кажется, боитесь, есть же еще огромное разстояніе.

Но Павелъ Григорьевичъ не слушалъ этихъ насилованныхъ оправданій сына:

— Его зовутъ Ѳедоровъ, говорилъ Гриша? спросилъ онъ коротко.

Борисъ Васильевичъ безъ словъ только посмотрѣлъ на него.

Старый морякъ понялъ; молніей блеснули глаза его изъ-подъ густаго кустарника бровей:

— Онъ солгалъ, значитъ! вырвалось у него угрожающимъ кликомъ,—солгалъ отцу?

Все тяжелѣе становилось положеніе Троекурова:

— Послушайте, другъ мой, пожалуйста не преувеличивайте... какъ преувеличиваетъ вѣроятно вашъ сынъ—быстро промолвилъ онъ, обрадовавшись пришедшему ему въ голову доводу,—то, что̀ представляется ему долгомъ его относительно того же товарища. Представьте себѣ, что тотъ разсказалъ ему какую-нибудь исторію, вслѣдствіе которой онъ обязанъ будто-бы скрывать свою настоящую фамилію, и взялъ съ Гриши слово не открывать ея никому до поры до времени... Вы сами, на понятіяхъ строгой чести воспитанный человѣкъ, способны-ли были бы вы измѣнить этому слову, хотя бы для ро́днаго отца?

Этотъ, видимо натянутый, аргументъ поколебалъ тѣмъ не менѣе Павла Григорьевича; онъ самъ такъ радъ былъ бы обмануться въ своихъ предчувствіяхъ!...

— Вы полагаете это?... раздумчиво и тихо промолвилъ онъ, и складки на половину разошлись на его сморщенномъ лбу.—Да, Гриша честный малый... но этихъ-то и легче всего опутать, Борисъ Васильевичъ! скорбно вырвалось у него изъ

груди:—вы слышали въ послѣдній разъ, какую чушь онъ несъ о какомъ-то „буржуазномъ заѣданіи“, объ эксплуатаціи бѣднаго богатымъ, и такъ далѣе?

— Знаете что̀, сказалъ Троекуровъ,—пришлите его ко мнѣ на дняхъ. Онъ ко мнѣ расположенъ, и по годамъ ближе ко мнѣ, чѣмъ къ вамъ или къ дядѣ. Я потолкую съ нимъ и допытаюся, насколько тотъ негодяй могъ имѣть серьезно вредное вліяніе на него. А вы пока наблюдайте за нимъ издалека, не показывая ему и вида, что вы подозрѣваете его въ чемъ-нибудь. Въ противномъ случаѣ онъ съежится, уединяться станетъ, чуждаться васъ...

— Да, да, закивалъ одобрительно Юшковъ, — ужь это чего хуже!... Я не страшилищемъ, я... другомъ хотѣлъ ему быть всегда... И вдругъ какой-нибудь... Скверныя времена начинаются, Борисъ Васильичъ! воскликнулъ онъ, не договоривъ предыдущаго;—читаешь вотъ иной разъ, что̀ теперь въ журналахъ пишется, отвратительно! Проповѣдь какая-то безумная... Ну-съ, а теперь пойду къ вашимъ барынямъ чай пить съ ромомъ, заключилъ старый морякъ, съ видимымъ надъ собой усиліемъ переходя на веселый тонъ.

Послѣ чаю онъ тотчасъ уѣхалъ...

Жизнь во Всесвятскомъ приняла по наружности свое обычное, мирное теченіе... Но она была, увы, уже несомнѣнно возмущена внутри,—и это чувствовалось теперь каждымъ изъ трехъ участвовавшихъ въ ней лицъ. Словно какая-то зловѣщая птица пролетѣла между ними, задѣвъ каждаго изъ нихъ своимъ темнымъ крыломъ... Болѣе всѣхъ сказывалось это въ душевномъ сознаніи Александры Павловны Троекуровой,—и тѣмъ глубже, чѣмъ менѣе способна она была дать себѣ отчетъ въ томъ чемъ-то неосязаемомъ, что̀ теперь какъ бы ходило кругомъ нея и ткало незримую сѣть на гибель ея, столь еще недавно безмятежнаго, безконечнаго, счастія. Мужъ былъ все также ласковъ, добръ, предупредителенъ къ ней,— но это было уже „не то, не то“, говорила она себѣ... даже не говорила, не рѣшилась себѣ сказать, но чуяла какимъ-то особымъ, глухо ноющимъ, какъ въ первыя минуты зубной боли, внутреннимъ нервомъ. Онъ также привѣтливо улыбался

и цѣловалъ ей руку, когда она входила въ его покой и припадала къ нему на диванъ, освѣдомляясь о „его ногѣ",—но руку эту онъ не удерживалъ теперь подолгу въ своей, какъ бывало, но въ улыбкѣ его, но въ этомъ „все также миломъ" морганіи его глазъ, направленныхъ на нее, недоставало того „незабвеннаго", прежняго, выраженія нѣжной, „всю ее охватывавшей" страсти... Къ тому же „эта тайна", которую она угадывала, и которую „никто не хотѣлъ открыть ей", относительно того, кто *дѣйствительно* тотъ „отвратительный человѣкъ, рѣшившійся нанести ударъ Борису!" Она слышала отъ него, отъ мужа, что это былъ „дерзкій парень", вздумавшій крикнуть крестьянамъ, что посредникъ ихъ обманываетъ, и что когда Троекуровъ кинулся схватить его, онъ пустилъ ему палку въ ноги,—„и все". Но Александра Павловна въ тотъ же день узнала отъ няни, что это былъ „какой-то переодѣтый" и что подвязанная борода его осталась въ рукахъ „конюшаго" Скоробогатова,—и побѣжала снова къ мужу за новымъ объясненіемъ, но онъ „съ видимымъ нетерпѣніемъ и неохотой" отвѣтилъ только: „можетъ быть, я не обратилъ вниманія", и она болѣе не смѣла уже возобновлять съ нимъ рѣчи объ этомъ: такъ очевидно было для нея, что „это ему не пріятно"... А между тѣмъ для нея было ясно: „*если переодѣтый*,—значитъ, не *мужикъ*, значитъ, какой-то невѣдомый, опасный врагъ"... Узнавъ, что онъ „убѣжалъ", она вся сомлѣла отъ ужаса: „онъ можетъ явиться опять, можетъ опять... Кто же этотъ врагъ, кто же онъ?"... И, что̀ хуже того, она догадывалась, имя его было извѣстно „Борису"... и не только ему, но и Кирѣ, но и ея собственной горничной Анфисѣ, женщинѣ, она знала, искренно преданной ей и которой она вполнѣ довѣряла. Она это прочла въ смущеніи, на мигъ пробѣжавшемъ по ихъ лицамъ, когда она въ первый разъ начала съ ними объ этомъ говорить, убѣдилась изъ того упорства, съ которымъ обѣ онѣ видимо отклоняли всякій дальнѣйшій разговоръ съ нею о предметѣ, такъ тревожно занимавшемъ ее. „Для чего-же скрываютъ отъ меня то, что̀ извѣстно всѣмъ другимъ?" Десять разъ на день просился у нея этотъ вопросъ на языкъ, и готова она была, со стоявшимъ въ горлѣ рыда-

ніемъ, кинуть его прямо мужу, потребовать отъ него отвѣта, „рѣшительнаго“ отвѣта...

Но она, повторяемъ,—она не смѣла. Онъ и такъ, казалось ей, „не то не доволенъ, не то скучаетъ“ ею. Онъ не любитъ „постороннихъ разговоровъ, когда занятъ“. А занятъ онъ теперь весь день,—и все съ Кирой: она у него теперь „вмѣсто секретаря“... „Ахъ, эта Кира!“...

Ну да, Сашенька это знаетъ, *она* гораздо умнѣе, образованнѣе ея; „она все знаетъ“; она тамъ, въ Сибири, у отца, „пріучена всѣ дѣла вести“. А теперь письмоводитель Бориса Васильевича заболѣлъ, какъ нарочно, горячкой, и она, Кира, взялась исправлять его должность, распечатываетъ пакеты, и бумаги пишетъ, и „входящую какую-то ведетъ“... А вечеромъ газеты и журналы ему вслухъ читаетъ. *Онъ* теперь не можетъ обойтись безъ нея; онъ принужденъ день-деньской лежать съ протянутою ногой на своемъ диванѣ, а она распоряжается за него въ его кабинетѣ, какъ у себя въ комнатѣ: пишетъ за *его* столомъ, раскрываетъ *его* ящики, роется въ *его* бумагахъ... Конечно, сама она, Сашенька, всего этого не можетъ, да и некогда ей дѣлать: у нея двое дѣтей, она кормитъ, да и наконецъ весь домъ, „хозяйство“ на ея рукахъ... „А все же, все же это—ужасно!“...

Но княжна Кира со своей стороны не подавала ни малѣйшаго повода двоюродной сестрѣ своей къ ревности менѣе ребяческаго свойства (и та вполнѣ сознавала это въ спокойныя минуты, и мучилась этимъ сознаніемъ и, впадая въ другую крайность, относилась ко княжнѣ тогда съ преувеличенною, нѣсколько даже надоѣдливою, нѣжностію). Она дѣйствительно дѣлала у Троекурова „все это“, что жена его почитала себя неспособною дѣлать: она была у него „за секретаря“, за лектрису... Но весь ея обликъ, весь ея обиходъ говорили въ то же время, что она исполняетъ все это единственно какъ долгъ, на который обязываютъ ее и родство, и немощность человѣка, подъ кровомъ котораго находила она пріютъ, и простое наконецъ желаніе какого-нибудь для себя занятія, дѣла... Тотъ „непостижимый“ (она это усиленно доказывала себѣ внутренно,) порывъ, кинувшій ее въ первую минуту къ его ногамъ, она

заставитъ *его* забыть его:—къ этому направлены были теперь вся мысль ея, вся ея воля. „Онъ и подумать не долженъ смѣть“... начинала и не договаривала она въ гордой душѣ своей... И тщетно допрашивали теперь блѣдные глаза ея досадливо и тревожно прижмуривавшіеся на нее глаза Троекурова; она даже не отворачивала ихъ, она глядѣла на него въ свою очередь, какъ бы спрашивая: „чего вамъ надо“? Она не искала, но и не избѣгала оставаться съ нимъ вдвоемъ: все равно, она была „увѣрена въ себѣ“. Вдвоемъ-ли, или при Сашенькѣ, — она одинаково умѣла отклонить всякій намекъ, всякій мотивъ къ разговору, чуждый дѣлу, которое „докладывала“, или прямому содержанію книги, которую читала она ему... „Вы чиновникъ, а не женщина, княжна!“ вырвалось у него неудержимо однажды подъ впечатлѣніемъ этой ея безучастности. Она не отвѣчала и только усмѣхнулась довольною, словно торжествующею улыбкой...

Онъ все это видѣлъ, замѣчалъ, — и недобрыя ощущенія вызвало это въ немъ. Старый человѣкъ пробуждался гдѣ-то въ его внутреннемъ *я*, съ былыми его привычками и жаждой борьбы и побѣды, съ грѣховностью и соблазнами прежнихъ, давно, казалось ему, отжитыхъ имъ помысловъ. Пригвожденный ко своему ложу, лишенный пространства, вольнаго воздуха, физическаго здороваго движенія, вся дѣятельность его разыгравшагося вновь воображенія сосредоточилась теперь на единственно доступномъ для него предметѣ развлеченія: на этомъ своеобразномъ женскомъ существѣ, съ ея *кровною* красотой и надменнымъ нравомъ, на „игрѣ“, которую, въ ея понятіяхъ, затѣяла она съ нимъ. „Она дразнитъ меня, вызываетъ на бой“, говорилъ онъ себѣ, покусывая задумчиво усы,— „ну, и посмотримъ!..“ Его иногда разбирала прямая злость противъ нея. „Такъ бы, кажется, схватилъ ее за руки, чт кости захрустѣли бы и заставилъ бы тутъ же стать опя предъ собой на колѣни, какъ тогда!..“ А рядомъ съ эти онъ, какъ двадцатилѣтній юноша, упивался звукомъ ея голос безмолвнымъ глядѣніемъ на ея холодное, сосредоточенное, какимъ-то каждый разъ враждебнымъ къ нему выраженіе отрывавшееся отъ бумаги лицо,—и ничего прелестнѣе, дума

онъ, не знавалъ онъ въ жизни этого лица и этого выраженія... „Ну, и посмотримъ!“ повторялъ онъ машинально внутри себя, — и какое-то жуткое, не то сладко-томительное, не то скребущее чувство охватывало все его существо.

Его начинала одолѣвать безсонница... Онъ не одинъ впрочемъ страдалъ ею. Тихій ангелъ сна и вовсе какъ бы отлетѣлъ отъ барскихъ покоевъ Всесвятскаго...

XIV.

'Tis melancholy, and a fearful sign
Of human frailty, folly, also crime
That love and marriage rarely can combine.
Byron. Don-Juan.

Другой... Нѣтъ, никому на свѣтѣ
Не отдала бы сердца я!
Евг. Онѣг. Глава третья.

— Борисъ, смотри, *кто* къ намъ пріѣхалъ, говорила Александра Павловна, входя часу въ одиннадцатомъ утра, послѣ завтрака, въ сопровожденіи гостя, въ кабинетъ мужа (нога его срослась и онъ уже ходилъ свободно).

— Сергѣй Михайловичъ! всклинкнулъ онъ, болѣе учтиво впрочемъ, чѣмъ обрадованно, подымаясь съ дивана навстрѣчу входившему,—добро пожаловать! Откуда вы? Изъ города?

— Нѣтъ; я былъ въ деревнѣ, потомъ ѣздилъ дней на десять въ Москву повидаться съ Бековичемъ, отвѣтилъ Гундуровъ. И, поздоровавшись съ нимъ: — Здравствуйте, княжна, сказалъ онъ, оборачиваясь къ столу, за которымъ сидѣла Кира съ перомъ въ рукѣ, и протягивая ей руку. Троекурову показалось, что глаза его какъ-то особенно радостно загорѣлись при этомъ.

— Здравствуйте, очень рада васъ видѣть, промолвила она съ привѣтливою улыбкой.—Что̀ князь подѣлываетъ?..

— Онъ также на нѣсколько дней пріѣзжалъ свидѣться со мною въ Москву изъ своей мѣстности, гдѣ также *посредничаетъ*, какъ Борисъ Васильевичъ вотъ...

— Все такъ же остеръ и насмѣшливъ? съ новою улыбкой спросила она.

— Д-да, не сейчасъ и нѣсколько сквозь зубы произнесъ Гундуровъ, усаживаясь въ кресло, на которое указывала ему хозяйка:—вы знаете текстъ, примолвилъ онъ чрезъ мигъ,— на памятникѣ Гоголя: *Горькимъ смѣхомъ моимъ посмѣюся?..*

Троекуровъ взглянулъ на него, покусывая губу:

— А что̀, иронически проронилъ онъ: — медовый мѣсяцъ вашихъ *коммиссіонныхъ* иллюзій уже пережитъ, какъ видно?

Гундуровъ повелъ на него недовольнымъ взглядомъ. Но онъ уважалъ своего собесѣдника и привыкъ спорить съ нимъ съ первыхъ же словъ каждый разъ, какъ имъ случалось встрѣтиться; онъ счелъ нужнымъ теперь, хотя какъ бы нѣсколько противъ воли, отвѣтить на то, что̀ принялъ онъ со стороны того, какъ вызовъ на новое преніе:

— Не знаю, про какія „иллюзіи“ вы говорите. Мы въ „коммиссіяхъ“ видѣли предъ собой одну задачу: освободить народъ отъ рабства и поставить его на ноги,— а что затѣмъ водворится рай на землѣ Русской, такою ребяческою мечтой, повѣрьте мнѣ, никто изъ насъ себя не тѣшилъ... Задачи своей мы достигли: *Положеніе 19 февраля* сдѣлало свое дѣло. Народъ поднялся, преобразился. Видъ его, походка, рѣчь, все измѣнилось въ немъ,—вы съ этимъ, надѣюсь, спорить не станете?... Это *добыто*, это уже не отымется, а это главное. Въ разсчетѣ съ высшимъ сословіемъ, съ бывшими ихъ помѣщиками, крестьяне совершаютъ теперь свое гражданское воспитаніе. Мы, мы точильный камень, о который отшлифовывается, выостряется теперь народъ нашъ...

— Покорнѣйше благодаримъ! прервалъ его насмѣшливый взглядъ Троекурова.

Онъ невольно усмѣхнулся:

— Я не спорю: эта роль можетъ часто казаться намъ не особенно пріятною...

— Вы это признаете?

Гундуровъ пожалъ плечами:

— Что̀ же дѣлать!...

— Да, это легко говорить, Сергѣй Михайловичъ, воскликнула, вся вспыхнувъ, Александра Павловна,—а вотъ какъ если *изъ-за этого* ему (она кивнула на мужа,) ногу перешибли...

— Какъ ногу? Что̀ такое?... Я ничего не слышалъ...

— Тамъ... случай одинъ. Не интересно! досадливо взглянувъ на жену, заспѣшилъ отвѣчать Троекуровъ на вопросъ и изумленное выраженіе лица своего гостя:—какъ-нибудь потомъ сообщу вамъ... А теперь позвольте отъ васъ самихъ позаимствовать новостей свѣжихъ, это гораздо занимательнѣе... Что̀ въ Петербургѣ дѣлается, что̀ ваши друзья?... Линютинъ все за границей?

Вопросъ, повидимому, пришелся по сердцу Гундурову; лицо его на мигъ освѣтилось какъ бы радостною улыбкой:

— Да, онъ пробылъ часть зимы въ Римѣ, отъ котораго былъ въ восторгѣ, погрузился тамъ въ классиковъ и называлъ въ своихъ письмахъ „настоящимъ варварствомъ" наше русское равнодушіе къ нимъ *). Потомъ былъ въ Парижѣ, теперь на водахъ въ Германіи...

— А о возвращеніи его въ Россію нѣтъ рѣчи?

— То-есть, *къ дѣлу*, хотите вы сказать?

— Само собою.

— Во всякомъ случаѣ не скоро, полагаю... Крупенъ слишкомъ онъ, выше требуемой въ настоящую минуту мѣрки, объяснилъ Сергѣй Михайловичъ съ презрительнымъ движеніемъ губъ;—вы видите, *кѣмъ* и что̀ дѣлается у насъ теперь...

— Стараюсь, признаться вамъ, какъ можно менѣе *видѣть*, сказалъ на это Троекуровъ, помаргивая нервно глазами,—спокойнѣе какъ будто!...

Гундуровъ обернулся ко княжнѣ. Онъ слегка улыбнулся, словно говоря: „Такъ что-жь объ этомъ и толковать!"... Но внимательно устремленные на него глаза дѣвушки какъ бы говорили въ свою очередь: „Продолжайте, пожалуйста, меня очень интересуетъ!"

Онъ помолчалъ чуточку, сосредоточиваясь, по привычкѣ, прежде чѣмъ приступить къ изложенію своей мысли, и началъ затѣмъ неспѣшно, съ замѣтно желчнымъ оттѣнкомъ въ интонаціи:

---

*) См. *Un homme d'état Russe*, par Leroy-Beaulieu (*Revue des deux Mondes*, 1880, 15 octobre).

— Прежняя самоувѣренность, служившая — какъ ни нелѣпа она была,—нѣкоторою замѣной *дѣйствительной* энергіи, исчезла теперь безъ возврата. Старые правительственные пріемы отброшены, но жизнь ничего не создала поставить на мѣсто ихъ. Положеніе въ настоящую минуту представляется въ такомъ видѣ: наверху нестерпимый зудъ законодательствовать во что̀ бы ни стало, при безпримѣрномъ, неслыханномъ недостаткѣ даровитостей, государственныхъ талантовъ; со стороны общества—вялость, хроническая лѣнь, отсутствіе всякой иниціативы, съ желаніемъ, каждый день все болѣе рѣзко высказывающимся, дразнить безнаказанно правительство...

— Qui le laisse faire, саркастически ввернулъ Троекуровъ,—съ благодушіемъ, достойнымъ лучшей участи.

Собесѣдникъ его одобрительно кивнулъ и продолжалъ:

— Какъ за двѣсти лѣтъ до этого, такъ и теперь во всей землѣ русской только двѣ живыя силы: личная власть наверху, и сельская община на противоположномъ концѣ. Но эти двѣ силы отдѣлены другъ отъ друга промежуточными слоями. Эта же нелѣпая промежуточная *среда*, лишенная всякихъ корней въ народѣ и въ продолженіе вѣковъ цѣплявшаяся за верхушку, начинаетъ храбриться и подыматься на дыбы подъ рукою этой своей настоящей, своей *единственной* опоры. Возьмите дворянскія собранія, университеты, печать; вы знаете, что̀ все это творитъ теперь... Весь этотъ безсмысленный крикъ и пугаетъ правительство, и возбуждаетъ массы. Правительство дѣлаетъ уступку за уступкой, безо всякой пользы для общества, которое дразнитъ его единственно для удовольствія дразнить...

— Совершенныя дѣти! пролепетала Александра Павловна, съ видимымъ сочувствіемъ внимавшая этимъ словамъ.

— Но долго та̀къ итти не можетъ, говорилъ все оживленнѣе Гундуровъ: — въ противномъ случаѣ нельзя было бы избѣгнуть тѣснѣйшаго соединенія двухъ оконечностей, верховной власти и низшаго слоя народа, а тогда уже все, что̀ находится въ срединѣ, было бы раздавлено, разгромлено... А въ этой серединѣ вся грамотная Россія, вся наша культура... *)

*) Ibid. стр. 858.

— Славное будущее ждетъ насъ, нечего сказать! сорвалось съ губъ Бориса Васильевича.

Александра Павловна даже вскрикнула:

— Это ужасно, что̀ вы говорите, Сергѣй Михайловичъ!... Борисъ, знаешь что̀: уѣдемъ скорѣй за границу, а то съ нами, Богъ знаетъ, что̀ еще сдѣлаютъ здѣсь...

Невольная улыбка пробѣжала по всѣмъ устамъ. Гундуровъ смолкъ. Троекуровъ, закусивъ кончикъ уса, поднялся съ мѣста и прошелъ къ двери, отворенной въ садъ; онъ остановился у нея, вперивъ прижмуренные глаза въ верхушку ближайшей къ террасѣ липы.

Его *поводило* внутренно и отъ „наивности" жены, и еще болѣе отъ нерѣшеннаго въ головѣ его вопроса: *какое* впечатлѣніе производилъ „этотъ краснобай изъ славянофиловъ" на княжну Киру? Онъ тамъ, со своего мѣста на диванѣ, не видалъ ея лица. Она какъ сидѣла за письменнымъ столомъ, такъ и осталась, — и только, когда онъ, „ce beau parleur", началъ говорить, обратилась къ нему въ полоборота и, опершись локтемъ о столъ, закрыла „нарочно"—злобно говорилъ себѣ Троекуровъ,—весь профиль своими раскинувшимися по лицу длинными, блѣдными пальцами... „И не отымала ихъ все время... а изъ-за нихъ вся, и взглядомъ и слухомъ, прикована была, очевидно, къ его рѣчамъ... Что̀-жь, отлично! Не даромъ же гудѣла два года сряду эта демократическая шарманка на потѣху петербургскихъ дворцовъ: обрадовалась знакомымъ пѣснямъ"...

„Мерзость и ложь!" сказалъ себѣ вдругъ Троекуровъ и почувствовалъ, что все лицо его покрылось краской отъ этого внутренняго сознанія: — „вѣдь если-бъ я выговорилъ громко то, что̀ лѣзло мнѣ теперь въ голову, меня мало было бы высѣчь"...

Онъ провелъ рукой по лицу и, приведя себя, какъ выражался онъ мысленно, „въ порядокъ", направился опять въ сторону гостя.

Но тѣмъ уже овладѣла хозяйка. Бесѣда съ *политической* почвы перешла на свѣтскій, вѣрнѣе, на интимный разговоръ, такъ какъ Александра Павловна главнымъ образомъ допра-

шивала Гундурова о томъ, какъ ему живется въ губернскомъ городѣ и не скучаетъ-ли онъ слишкомъ „одинъ, и кого онъ видитъ, и есть-ли тамъ „женское общество et des jeunes filles jolies et bien élevées?“ И что не мало удивляло Троекурова, этотъ угрюмый „Славянофилъ“, такъ безотрадно только-что относившійся „о положеніи дѣлъ въ Россіи“, находилъ повидимому удовольствіе въ такомъ „пустомъ“ разговорѣ, добродушно и весело отвѣчалъ на вопросы, признавался, что скучаетъ иногда „до лютаго бѣшенства“, и, къ замѣтному и неожиданному удовольствію своихъ собесѣдницъ, рисовалъ весьма забавные очерки всякихъ провинціальныхъ типовъ. Что касается „губернскаго прекраснаго пола“, говорилъ Гундуровъ, то ему извѣстно только то, что онѣ въ полномъ составѣ своемъ, дамы и дѣвицы, повально влюблены въ недавно назначеннаго новаго губернатора изъ правовѣдовъ, еще молодаго и бойкаго, а главное „*ужасно* либеральнаго“ человѣка, мужа безобразной и глупой какъ индюшка жены, къ которой „ces dames“ съѣзжаются по вечерамъ „на чтеніе *Полярной звѣзды* и *Колокола* Герцена en petit comité“...

— Куда васъ, какъ видно, не приглашаютъ? спрашивала со смѣхомъ княжна Кира.

— Нѣтъ, княжна, отвѣтилъ онъ комически жалобнымъ тономъ: — его превосходительство изволитъ производить эти чтенія самолично и находитъ, что къ такой чести можетъ быть допущенъ лишь одинъ auditoire féminin.

— И вамъ, за этимъ auditoire, никого уже не остается на долю? продолжала она тѣмъ же шутливымъ тономъ.

— Есть двѣ, три богомольныя и притомъ глухія старушки, которыхъ тоже туда не приглашаютъ; я къ нимъ и ѣзжу утѣшаться...

— Вотъ какой вы добродѣтельный! расхохоталась Сашенька.

У нея было очень хорошо на душѣ въ эту минуту. Веселое расположеніе гостя, вниманіе, видимо, оказываемое ему Кирой, — все это было какъ разъ на руку ей, вызывало въ ней новыя надежды на то, что призывала она въ послѣднее время болѣе, чѣмъ когда-либо прежде, всѣми завѣтными мечта-

ніями своими... „Ахъ, если-бъ оно могло сегодня, сегодня же кончиться!“ проносилось у нея въ мысли какими-то лучезарными взрывами: „онъ никогда еще не былъ такъ любезенъ какъ нынче, а она si pleine d'attentions къ нему... И вѣдь они созданы, созданы другъ для друга. Я не понимаю даже, какъ это давно, еще въ Петербургѣ, не сдѣлалось?... Правду говорятъ, что мущины такъ глупы!“

Гундуровъ, со своей стороны, находился подъ нежданнымъ приливомъ необычнаго ему добраго настроенія духа. Горечь долгихъ, одинокихъ помысловъ и недавнихъ задушевно скорбныхъ бесѣдъ съ друзьями въ Москвѣ, — горечь о судьбахъ страстно любимой родины, сказавшаяся сейчасъ въ его словахъ Троекурову,—словно вся вылилась вдругъ изъ души его за этими словами. Наставала какая-то временная реакція, какой-то *отпускъ* болѣзненно-натянутыхъ нервовъ. Хотѣлось *передышаться*, отдохнуть, отдаться хоть на мгновеніе личной, субъективной жизни, забывая всякую злобу дня и вѣчную заботу „*о томъ, объ общемъ*“... Онъ не безъ нѣкотораго внутренняго страха поглядывалъ даже теперь отъ времени до времени на Бориса Васильевича,—не вздумалъ бы тотъ опять вызывать его на споръ о „матеріяхъ важныхъ“. Ему именно нужны были въ эту минуту эти „немудреныя рѣчи“, это женское „безо всякой логики перескакиваніе съ предмета на предметъ“, эти дружески насмѣшливыя улыбки на женскихъ, молодыхъ и красивыхъ лицахъ. Болѣе того: на княжну онъ смотрѣлъ съ какимъ-то особеннымъ, еще имъ не испытаннымъ къ ней чувствомъ; онъ какъ-то несказанно благодаренъ былъ ей за то, что она была теперь „просто женщина“, какою онъ ея еще не зналъ, что она видимо не озабочена никакими „вопросами“ и не разспрашиваетъ его ни о чемъ подобномъ, какъ бывало это въ Петербургѣ, во дворцѣ на Михайловской площади, а просто весела и шутитъ, — и говорилъ себѣ, что мысленно это по истинѣ „гораздо лучше ей пристало, чѣмъ то, прежнее“...

Княжна будто отгадывала это новое впечатлѣніе, производимое ею на него, и словно желала еще усилить его. Если-бъ онъ хотѣлъ быть болѣе наблюдателенъ, онъ замѣтилъ бы то

лихорадочное возбужденіе, съ какимъ старалась она держаться принятаго ею тона полу-небрежной, полу-задирающей шутки, и попытался бы, можетъ быть, объяснить себѣ причины такого, столь мало похожаго на ея обычаи вообще, образа обхожденія... Но Гундуровъ переживалъ лишь ощущеніе нежданной, „хорошей“ минуты, очень радъ былъ ему, но не спрашивалъ себя, *чему* именно обязанъ онъ былъ имъ.

Все видѣлъ, все замѣчалъ Троекуровъ и, давно искушенный въ дѣлѣ „женской стратегіи“, все способенъ былъ угадать онъ. Но нѣтъ, какъ извѣстно, опытности, которая не стушевалась бы предъ страстью, не осталась бы обезпамятѣвшею предъ нею въ тѣ самыя минуты, когда наиболѣе важны для человѣка воспоминанія о ея поученіяхъ... Троекуровъ видѣлъ „игру“ княжны, чуялъ неискренность ея „судорожной веселости“, но все равно: всѣ фибры его существа болѣзненно натягивались и коробились отъ того, что явнымъ предметомъ и мотивомъ этой игры, этой веселости былъ все этотъ же „Славянофилъ“, который, казалось ему, глядитъ на нее теперь все болѣе и болѣе разгорающимися глазами и млѣетъ самъ „подъ огнемъ ея *до неприличія вызывающихъ* его глазъ“...-„Вздоръ, она его не любитъ!“ восклицалъ онъ мысленно чрезъ мигъ, и чрезъ мигъ опять словно весь съеживался внутренно отъ внезапно налетавшей къ нему мысли, что „это ничего не значитъ“, что она преспокойно могла наконецъ убѣдить себя въ необходимости закончить безъ дальнѣйшихъ затѣй прозаическимъ замужствомъ *свои идеальныя исканія несуществующей правды*, и что на это наталкиваетъ ее все и вся кругомъ“... Стоитъ ей только поглядѣть на мою Александру Павловну, чтобъ уже почувствовать себя всю „заквашенною въ тѣстѣ и коринкѣ семейнаго кренделя“, говорилъ себѣ Троекуровъ, иронически, чуть не злобно косясь на бѣдную Сашеньку, которая, вся сіяющая, глядѣла въ свою очередь на кузину и на ея воображаемаго „претендателя“ любовно ободряющимъ взглядомъ: „Ну, вотъ-молъ, и чудесно! Еще, еще немножко—и все такъ отлично выйдетъ; и *вы* будете счастливы, и *моему* счастію ничего уже грозить не будетъ...“

Троекуровъ не видѣлъ конца этому „испытанію“. Онъ на-

столько осиливалъ себя, что ничто въ его наружности не изобличало мутившаго его внутренняго чувства. Глаза его спокойно глядѣли на собесѣдниковъ, по губамъ пробѣгала какъ бы поощрительная улыбка ихъ рѣчамъ... Онъ вмѣшался въ разговоръ, впадая въ общій, шутливый тонъ его, — и вскорѣ овладѣлъ имъ совсѣмъ. Но насмѣшливость его стала вскорѣ принимать, чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе, язвительный характеръ; его замѣчанія и отзывы о людяхъ и дѣлахъ ихъ становились все рѣзче и суровѣе...

— Ты ужасно золъ сегодня, Борисъ! невольнымъ упрекомъ сорвалось съ устъ Сашеньки подъ впечатлѣніемъ его инстинктивно пугавшихъ ее сарказмовъ.

— Не злы въ нашъ вѣкъ однѣ овцы и новоназначенные министры... да и то, пожалуй, эти лишь въ первый день ихъ назначенія, возразилъ онъ, нервно заморгавъ глазами.

Гундуровъ засмѣялся.

— Прибавьте: и *счастливые* люди! промолвила Кира съ какимъ-то страннымъ оттѣнкомъ въ выраженіи.

— Вотъ это правда! быстро и негромко одобрила Александра Павловна, — и такъ и впилась взглядомъ въ лицо мужа.

Онъ обернулся на нее съ улыбкой, которой тщился придать какъ можно болѣе мягкое выраженіе:

— Если вы съ княжною хотите мнѣ этимъ сказать, что на мнѣ лежитъ обязанность овечьей кротости въ силу моего званія „счастливаго человѣка", подчеркнулъ онъ, — то мнѣ само собою остается только согласиться и замолчать... Замолчать, повторилъ Троекуровъ, мгновенно обращаясь въ сторону гостя,—и пожелать лишь развѣ тѣхъ же условій *счастія* другу нашему, Сергѣю Михайловичу.

Гундуровъ не то удивленно, не то уныло поднялъ на него глаза въ свою очередь:

— Я давно отвыкъ думать о личномъ счастьѣ, выговорилъ онъ какъ бы противъ воли.

— А *общаго* имѣется въ настоящую минуту въ наличности менѣе чѣмъ когда-нибудь, иронически сказалъ на это Троекуровъ:—какъ же быть тогда?...

— Очень просто, Сергѣй Михайловичъ, пылко выговорила Сашенька, участливо глядя на него:—забыть вашу вѣчную *политику*, ваши *государственныя дѣла*, а вспомнить, что вы тоже *человѣкъ*, имѣете тоже право, какъ всѣ, на то, что̀ Богъ даетъ намъ въ жизни,—на семью, на дѣтей, на тихое и мирное житіе, какъ говоритъ Церковь... и что это даже долгъ вашъ, какъ христіанина, примолвила она, вся покраснѣвъ, и быстро поднялась съ мѣста. — Съ Борисомъ не сто̀итъ говорить сегодня, засмѣялась она полуискренно, полусмущенно,— у него это лежанье съ ногой—вы понимаете, какая это скука!—совсѣмъ характеръ испортило; я его не узнаю просто... Пойдемте въ садъ, я покажу вамъ мои roses grimpantes, прелесть! вы увидите... et je vous sermonnerai en chemin...

— Сдѣлайте милость, весело отвѣчалъ Гундуровъ, — сегодня я чувствую себя особенно воспріимчивымъ къ женской проповѣди... Но съ условіемъ, чтобъ я въ случаѣ нужды имѣлъ право защищать теоріи вашего мужа.

— Избалованъ онъ слишкомъ! вырвалось опять у Александры Павловны. И она тутъ же полными любви и тревоги глазами повела въ сторону мужа, какъ бы прося у него извиненія.

Онъ улыбался своею обычною, небрежною улыбкой...

— Такъ идемте же, идемъ!... Кира, ты съ нами?

— Я сейчасъ, отвѣтила княжна, — только вотъ одну бумагу докончу, перепищикъ давно дожидается...

— Вы знаете, что Кира исправляетъ у Бориса должность письмоводителя? молвила Сашенька, смѣясь и выходя съ гостемъ въ садъ.

Троекуровъ довелъ ихъ до первой аллеи и вернулся въ кабинетъ...

Княжна сидѣла за его письменнымъ столомъ и, низко опустивъ голову надъ бумагой, дописывала какое-то составленное ею циркулярное предписаніе волостнымъ правленіямъ.

Онъ прошелъ позади ея кресла, остановился на мигъ, заглядывая машинально сверху, черезъ ея плечо, на ея писанье... и тутъ же поспѣшно отодвинулся, шагнулъ къ своему дивану и опустился разомъ въ какомъ-то изнеможеніи... Видъ ея

тонкой, нѣжной до прозрачности шеи, съ безчисленными колечками волосковъ, кудрявившихся на ея затылкѣ, кинулся ему какъ вино въ голову... Онъ судорожно прижалъ руку къ вѣкамъ, какъ бы съ тѣмъ, чтобъ изгнать изъ мысли неодолимое искушеніе...

Такъ прошло нѣсколько минутъ.

Она дописала, перечла, оглянулась и, поднявшись съ мѣста, подошла къ дивану со своимъ *отпускомъ* въ рукѣ:

— Прочтите, хорошо-ли такъ?...

Рука ея мгновенно опустилась... Не принимая протянутаго ею листа, недвижно и безмолвно глядѣлъ на нее во всѣ глаза Троекуровъ... И что̀ говорили они ей теперь!...

Никогда еще въ жизни не билось у нея сердце такъ, какъ забилось оно въ груди ея въ эту мунуту.

— Что̀ же... не нужно? пролепетала она, стараясь одолѣть себя и отворачиваясь взглядомъ отъ этихъ глазъ, — отъ этихъ прожигавшихъ ее глазъ...

Онъ... онъ уже не владѣлъ собою.

— Скажите мнѣ одно, зашепталъ онъ въ свою очередь путавшимся отъ волненія языкомъ:—вы рѣшились? Да?

— „Рѣшилась“? повторила она,—на что̀?

— Вы знаете... Не даромъ же вы... Я никогда еще не видалъ васъ *такою*... И *его* также. Вы этого хотѣли, да? Съ какою цѣлью? Вы всю жизнь презирали кокетство, и вдругъ такъ, здорово живешь, стали бы это продѣлывать!... Нѣтъ, признайтесь, вы послушались ея... моей супруги; она увѣрила васъ, что „такъ надо“, что счастіе и правда только въ *этомъ*, что само небо посылаетъ вамъ этого человѣка...

— Не она одна, молвила неудержимо Кира, — сами вы давно-ли говорили мнѣ то же?

— Я?... Я говорилъ, да, вспомнилъ онъ,—говорилъ, когда...

— И хорошо дѣлали, перебила она его:—*вашъ долгъ* былъ та̀къ говорить мнѣ на случай, что „этотъ человѣкъ“ дѣйствительно думаетъ обо мнѣ...

Онъ въ свою очередь не далъ ей договорить:

— Если въ васъ было тогда еще сомнѣніе на этотъ счетъ, пропустилъ онъ сквозь стиснувшіеся зубы, — то сегодня вы,

кажется, имѣете полное право его отложить. „Суровый Славянинъ“ очевидно сдается на всѣхъ пунктахъ: онъ объявилъ громогласно сейчасъ, что чувствуетъ себя готовымъ *воспринять* обѣщанную ему „проповѣдь“... А проповѣдь Александры Павловны извѣстно *куда* бьетъ!..

Надменно и горько въ то же время зазвучалъ голосъ княжны:

— А если-бъ это бы и такъ, если-бъ *онъ* дѣйствительно имѣлъ намѣреніе... а я бы „рѣшилась“, что̀ бы вы могли сказать на это?

Глаза его загорѣлись какъ два пылающіе угля.

— Что̀? воскликнулъ онъ, задыхаясь; — вы не видите что̀? Не видите, что я не хочу... не могу отдать васъ никому... что я люблю васъ безумно...

Вся кровь мгновенно кинулась въ голову Киры,—и такъ же мгновенно отхлынула; мраморно-блѣдная, вскинула она свои зеленые глаза на Троекурова и, какъ привороженная, не была уже въ состояніи оторвать ихъ отъ него.

Слово было сказано, сомнѣній не оставалось, — онъ любилъ ее... Все минувшее,—страхъ, предчувствія, борьба, которую она въ теченіе всего этого времени вела со своимъ собственнымъ чувствомъ, весь этотъ пріемъ холодности и равнодушія, чтобы заставить его забыть мгновенный порывъ неодолимой нѣжности, — все это разлеталось какъ дымъ предъ этимъ словомъ. Онъ любитъ ее, *любитъ*!.. Вотъ она жизнь... вотъ настоящія, какъ говоритъ онъ, „счастіе и правда“!.. Да, это, *это*,—и ничто другое на свѣтѣ!..

Но съ тѣмъ же гордымъ выраженіемъ откинулась чрезъ мигъ голова ея назадъ; тонкія ноздри затрепетали и расширились, словно вызывая на бой какую-то невидимую силу...

— Знаете-ли вы, медленно произнесла она, — на что̀ вы идете, говоря мнѣ то, что̀ вы сказали?

Онъ отвѣтилъ ей взглядомъ, горѣвшимъ какою-то беззавѣтно страстною отвагой.

— На все! промолвилъ онъ коротко.

Она вздрогнула.

— Вы губите жизнь... и не одну, добавила она чуть слышно.

— По тому, *чѣмъ* я жертвую, судите о томъ, *что* вы для меня!...

Онъ схватилъ ея руки и, притянувъ къ себѣ, прижался пылающимъ лицомъ къ ея ладонямъ, покрывая ихъ безконечными поцѣлуями...

Голова ея безвольно наклонилась... Она коснулась его лба оледенѣлыми губами... и вдругъ вырвалась и отбѣжала.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Я завтра же уѣду отсюда!..

Онъ кинулся къ ней, охватилъ ея станъ, прижалъ его до боли къ груди:

— Безъ меня ни за версту, прошепталъ онъ замирающимъ голосомъ, — со мною туда, гдѣ никто въ мірѣ насъ не отыщетъ!

— Оставьте меня... Оставь! Идутъ!.. могла только выговорить она...

XV.

Candor dat viribus alas.

Шумъ чьихъ-то шаговъ доносился дѣйствительно изъ сосѣдней съ кабинетомъ библіотеки.

Княжна — подъ нею, казалось ей, дрожала земля, — едва успѣла дотащиться до прежняго мѣста, упала въ кресло предъ письменнымъ столомъ и, опершись о него локтями, уронила голову на сложенныя руки...

Дверь отворилась.

— Василій Григорьевичъ Юшковъ, доложилъ входя слуга.

И за докладомъ, не ожидая зова, вбѣжалъ,—ворвался старикъ-смотритель. На немъ, какъ говорится, лица не было. Сѣдые всклокоченные волосы разлетались во всѣ стороны, изъ-подъ опухшихъ, красныхъ вѣкъ большіе голубые глаза его блуждали, какъ у безумнаго, грудь вся колыхалась отъ дыханія, не находившаго словно себѣ выхода сквозь судорожно-спертое горло...

Только-что самъ успѣвшій овладѣть собою, Троекуровъ былъ пораженъ этимъ видомъ.

— Василій Григорьевичъ, что съ вами? воскликнулъ онъ, поспѣшно идя къ нему навстрѣчу и высылая знакомъ слугу изъ комнаты.

— Я... я къ вамъ... какъ къ спасителю... могъ только выговорить тотъ, сгинаясь весь, какъ человѣкъ, готовый упасть.

Борисъ Васильевичъ подхватилъ его подъ мышки, подвелъ къ дивану, опустилъ его:

— Успокойтесь, ради Бога... Воды, вина не хотите-ли?... Онъ протянулъ руку къ колокольчику.

— Я сейчасъ принесу, молвила Кира, пробужденная какъ ото сна изъ своего оцѣпенѣнія отчаяніемъ, сказавшимся въ этомъ голосѣ,—тутъ лишнихъ не нужно...

— Ахъ, ваше сіятельство, княжна, пролепеталъ старикъ,—извините, я васъ не видѣлъ...

Но она уже вышла изъ кабинета и вернулась чрезъ мигъ со стаканомъ воды и флакономъ флердоранжа.

Онъ выпилъ, отдышался нѣсколько... Она приняла у него стаканъ...

— Несчастіе?... У Павла Григорьевича? спрашивалъ его между тѣмъ невольнымъ шопотомъ Троекуровъ.

Онъ качнулъ утвердительно головой, приподымаясь въ то же время, по неизмѣнной привычкѣ почтительности, чтобъ отвѣсить княжнѣ благодарственный поклонъ.

— Вы отъ него?

— Изъ города.

— Дали вамъ знать?...

— Тамъ узналъ-съ... въ городѣ...

— Что̀? Что̀ именно? Говорите, Василій Григорьевичъ!... Присутствіе Киры Никитичны васъ не стѣсняетъ, надѣюсь?

— Помилуйте, воскликнулъ старикъ;—я знаю, какъ *онъ* во всей семьѣ нашей благорасположены... Да и вѣдь ни отъ кого въ скорости скрыть нельзя будетъ, промолвилъ онъ съ громкимъ, вырвавшимся у него вдругъ всхлипываньемъ.

— Что̀ же случилось? торопилъ его Троекуровъ.

— Гриша нашъ, Гриша...

Онъ не былъ въ состояніи продолжать...

— Гриша? повторила Кира, поднимая невольно глаза на Троекурова.

Онъ понялъ.

— Попался? такъ и вырвалось у него.

Смотритель схватилъ его обѣими руками за локоть, нагнулся къ самому его уху и прошепталъ:

— Да въ чемъ-съ! Въ го-су-дар-ственномъ преступленіи въ распространеніи возмутительныхъ прокламацій... Господи!— перебилъ онъ себя, закрывая глаза дрожавшими ладонями,— представьте себѣ, что̀ это съ отцомъ его, съ братомъ Пашей,

будетъ... Вѣдь единственный сынъ... обожаемый, можно сказать!... Вотъ я къ вамъ прямо, Борисъ Васильевичъ, какъ... какъ къ единственному спасителю... Пашѣ-то, по крайней мѣрѣ, брату Павлу Григорьевичу, какъ бы умягчить этотъ ударъ...

И онъ разрыдался какъ ребенокъ.

Троекуровъ взялъ его за обѣ руки и участливо пожалъ ихъ.

— Вы знаете, что все, что̀ отъ меня зависитъ, будетъ сдѣлано. Но передайте мнѣ подробно, что̀ вамъ извѣстно обо всемъ этомъ? Гдѣ Гриша, во-первыхъ?.. Я просилъ давно Павла Григорьевича послать его ко мнѣ. Я имѣлъ еще тогда основаніе опасаться за него, вслѣдствіе одного обстоятельства... Братъ вашъ обѣщалъ, но Гриша не былъ; все же это время, какъ вы знаете, я лежалъ съ ногой... а Павелъ Григорьевичъ писалъ мнѣ, что тоже не двигается, подагра. Такъ мы съ нимъ болѣе мѣсяца не видались... Судя по вашимъ словамъ, онъ еще не знаетъ о томъ, что̀ случилось?

— Съ этимъ вотъ ѣду къ нему... И ума ужь не приложу, какъ и приступиться будетъ... объяснялъ, разводя руками, совершенно растерянный Василій Григорьевичъ.—А Гриша пятая ужь недѣля какъ съ матерью къ бабушкѣ уѣхалъ, къ ея матери то-есть, да и застряли они тамъ, такъ какъ старушка очень больна была. Оттого и у васъ не былъ. А я съ братомъ прожилъ въ Углахъ до конца ваканта. Подагра у него дѣйствительно разыгралась, вставать не могъ, скучалъ очень... особенно вотъ безъ него-то, безъ сына... Пятнадцатаго числа августа, къ открытію ученія, я по своей должности долженъ былъ въ городъ вернуться. На прошлой недѣлѣ это было... и дошло тутъ до меня, что къ намъ въ городъ изъ губерніи жандармъ пріѣхалъ, и слѣдствіе идетъ по почтовой конторѣ: отправлены были чрезъ нее въ разные города экземпляры возмутительныхъ прокламацій, и—что подозрѣвается одинъ молодой человѣкъ... Оказалось—Гриша! вскрикнулъ старикъ съ новымъ порывомъ отчаянія.

— Вы какъ же узнали?

— Учитель одинъ мой, преданный человѣкъ, прослышалъ

какъ-то, забѣжалъ сегодня утромъ... Я повѣрить не хотѣлъ спервоначала... Сами понимаете: такого отца... героя сынъ,— и на такое дѣло пойти... противъ правительства!... Господи!... Къ исправнику нашему кинулся, онъ человѣкъ хорошій, молодой, еще студентомъ его помню. „Ради Бога, говорю, скажите, вотъ что̀ мнѣ передавали... ошибки нѣтъ-ли тутъ какой?...“ А онъ, гляжу, и самъ не свой, блѣдный весь сидитъ, губы кусаетъ: „Я, говоритъ, изъ этой проклятой должности вонъ прошусь, мѣсяцъ какъ ужь подалъ; отчисленія еще не вышло, а вотъ пока, говоритъ, приходится горчайшее изъ этой чаши пить... Вашъ племянникъ, говоритъ, дѣйствительно уличается многими свидѣтельскими показаніями въ сдачѣ на почту писемъ съ этими прокламаціями, и я получилъ предписаніе вмѣстѣ съ жандармскимъ офицеромъ, присланнымъ по этому дѣлу, произвести обыскъ въ мѣстѣ его жительства, въ усадьбѣ нашего почтеннаго Павла Григорьевича, и арестовать его“... Я завылъ просто, обмеръ... „Да не можетъ же это быть! говорю,—юноша благовоспитанный, кроткій... „Увлеченъ былъ, надо думать“, отвѣчаетъ онъ мнѣ на это сквозь зубы.—Кѣмъ? хотѣлъ спросить,—и вдругъ вспомнилъ: студентъ тутъ одинъ по сосѣдству проживалъ, пріѣзжалъ къ нему, и Гриша ѣздилъ... Да вы знаете, Борисъ Васильевичъ, перебилъ онъ опять себя, тревожно при этомъ вскинувъ глаза на княжну, безмолвно, съ широко раскрывшимися вѣками внимавшую его разсказу.

— Знаю, знаю, поспѣшилъ сказать Троекуровъ, очевидно не желая останавливаться на этомъ пунктѣ.

— Вспомнилъ я тутъ, скорбно покачивая сѣдою головой, продолжалъ смотритель,—что съ того самаго времени неузнаваемъ сталъ нашъ Гриша... Сужденія такія рѣзкія, странныя... Онъ вздохнулъ и махнулъ рукой:—о нашихъ чистыхъ старыхъ идеалахъ я ужь не говорю-съ: выкинуло ихъ давно изъ окошка съ поруганіями и смѣхомъ новое поколѣніе. На Бѣлинскаго сначала молились, вольнолюбивое направленіе пошло; да, по крайности, искренній, горячій культъ искусства чувствовался въ человѣкѣ!... А теперь, я вотъ слѣжу за журналами, такъ вѣдь это куда же ведутъ! И отнюдь ни съ ка-

кой стороны... Съ дозволенія правительства проповѣдуется! Огуломъ-съ всю эту злополучную молодежь въ пропасть толкаютъ... А роднымъ-то, а отцамъ каково видѣть это, понимать, и безсильными, безоружными себя чувствовать супротивъ общаго потока!... Вотъ-съ, какого еще лучше примѣра, какого руководства нужно для молодаго человѣка, какъ братъ мой Паша! Только гордиться такимъ отцомъ, благоговѣть предъ нимъ... И вѣдь любилъ его всегда мальчикъ, горячо любилъ, знаю я!... И вдругъ стоило побыть ему въ университетѣ, да явился какой-то проходимецъ, проповѣдникъ всякой злобы и лжи,—такъ я понимаю,—и вся эта нѣжность къ родителю, довѣріе, все это летитъ прахомъ, сынъ видимо начинаетъ чуждаться отца, сидитъ, запершись въ своей комнатѣ, таится... Вѣдь это Паша замѣчалъ все. Ничего не говоритъ, а только взглянетъ на меня иной разъ... Чѣмъ же я могъ тутъ пособить? Попробовалъ я было заговорить съ Гришей наединѣ: „Огорчаешь ты, молъ, очень отца своимъ уныніемъ.“ Такъ онъ меня даже сразу оборвалъ: „Вы, говоритъ, извѣстно, дядя, старый романтикъ, чувствительныя слова любите произносить, никакого у меня „унынія“ нѣту, а просто скучно“... Я, признаюсь вамъ, послѣ этого даже радъ былъ, что онъ уѣхалъ съ матерью.—бабушка очень желала видѣть его,—„авось, думаю, провѣтрится“... А это, какъ понимаю я теперь, раскаяніе мучило его, бѣдняжку, страхъ... Вѣдь за такое его преступленіе покойный государь—да въ ту пору это даже въ умѣ никто бы держать не смѣлъ!—приказалъ бы его на Кавказъ солдатомъ, безъ выслуги. А нынче и того хуже, пожалуй, задрожавшимъ голосомъ вскрикнулъ старикъ, впиваясь глазами въ лицо Бориса Васильевича,—судить будутъ, въ Сибирь на каторгу порѣшатъ...

— Ну ужь и „въ Сибирь“! качнулъ вверхъ головой Троекуровъ.—Вы говорите, что сегодня долженъ быть произведенъ обыскъ въ Углахъ?

— Сегодня.

— Такъ вѣдь Гриши же они тамъ не найдутъ: онъ, говорите вы, съ матерью у бабушки.

— Они непремѣнно должны были вернуться къ

его, Гриши, рожденію. Ему, представьте себѣ эту насмѣшку судьбы, завтра гражданское совершеннолѣтіе минетъ, двадцать одинъ годъ...

— Ахъ, Господи! вскинулся опять старикъ,—время-то, время бѣжитъ, а я... Я вѣдь къ вамъ пріѣхалъ съ чѣмъ... Какъ онъ это передалъ мнѣ, исправникъ-то: „ради Бога, говорю ему, дайте мнѣ хоть предварить брата, а то вѣдь страшно подумать, какъ если вы такъ вдругъ, съ жандармомъ, нагрянете къ нему". Онъ на это тотчасъ же согласился: „Поѣзжайте, говоритъ, сейчасъ, а я вамъ обѣщаю, что я его, жандарма то-есть, удержу часа на два; у васъ такимъ образомъ все это время впереди будетъ". Я сейчасъ же ямщика нанялъ до вашего Всесвятскаго. Вы, думаю, во всякомъ случаѣ не откажете мнѣ въ лошадяхъ и экипажѣ скорѣе доѣхать до Угловъ... А кромѣ того, прибавилъ онъ, и его большіе голубые глаза съ выраженіемъ страстной мольбы устремились еще разъ на его собесѣдника,—если только состояніе вашего здоровья позволитъ это вамъ, не откажитесь сами...

— Ѣхать съ вами? договорилъ за него Троекуровъ... И глаза его безотчетно обернулись въ сторону Киры.

Лицо ея мгновенно заалѣло, но выраженіе его прямо сказало ему: „не обо мнѣ теперь думать"...

Онъ всталъ, дернулъ за снурокъ колокольчика:

— Сказать Скоробогатову, приказалъ онъ вошедшему слугѣ:—четверку подъ старую коляску; я ѣду сейчасъ въ Углы.

— Борисъ Васильевичъ, голубчикъ! воскликнулъ старикъ, кидаясь обнимать его,—отъ сердца хоть капелечку отлегло...

Тотъ пожалъ ему руку:

— А теперь надо будетъ предварить жену и гостя... У насъ Сергѣй Михайловичъ Гундуровъ, объяснилъ онъ.

— Сергѣй Михайловичъ Гундуровъ! повторилъ смотритель, чуть-чуть вздрогнувъ и поспѣшно проводя рукой по лицу;—не видалъ я его съ самой смерти ангела моего, княжны, прошепталъ онъ.

— Ахъ да: вѣдь весь этотъ романъ его вамъ близко извѣс-

тенъ? быстро промолвилъ Троекуровъ. И глаза его еще разъ обернулись на Киру.

Она встала и, не отвѣчая на его взглядъ, направилась къ двери, ведшей изъ кабинета въ пріемные покои дома.

Въ ту же минуту на порогѣ двери, открытой въ садъ, показалась Александра Павловна въ сопровожденіи спутника своего по прогулкѣ.

Она вся сіяла: она довела Гундурова „тонкимъ разговоромъ“ до признанія, что „одинокая жизнь ему въ тягость“, къ чему онъ прибавилъ однако, что „перемѣнять ее на другую поздно“; но это послѣднее, разсуждала она, „чистѣйшій, разумѣется, вздоръ и говорится всегда мущинами въ такихъ случаяхъ“, и что на это „никакого не надо обращать вниманія, тѣмъ болѣе, что онъ обѣщалъ непремѣнно пріѣхать опять во Всесвятское чрезъ недѣлю, и *уже на нѣсколько дней*“...

— Кира, крикнула она еще изъ дверей, замѣтивъ, что та уходитъ,—куда же ты? Мы тебя тамъ все поджидали въ цвѣтникѣ...

— Я сейчасъ приду, голова разболѣлась, проговорила княжна, исчезая. Ее точно остреемъ иглы кольнулъ звукъ этого, *ея*, голоса...

— Василій Григорьевичъ, здравствуйте! молвила между тѣмъ Сашенька, замѣтивъ старика и поспѣшно, съ ласковою улыбкой, идя къ нему, протянувъ руку:—вы изъ Угловъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ ей за него мужъ;—мы сейчасъ туда ѣдемъ съ Василіемъ Григорьевичемъ.

Она такъ и вскрикнула:

— Ты ѣдешь, Борисъ! Ты только третій день сталъ ходить...

— Я и не пойду, а поѣду, возразилъ онъ съ короткою усмѣшкой.

— Доброе дѣло сдѣлать, Александра Павловна, примолвилъ старикъ-смотритель съ глубокимъ вздохомъ и такимъ же поклономъ; — не препятствуйте, а Борисъ Васильевичъ, надѣюсь, и доѣдетъ, и вернется къ вамъ совершенно цѣлъ и невредимъ.

— Развѣ я могу... препятствовать? озадаченно проговорила она,—но... развѣ это такъ необходимо сегодня же?

Троекуровъ сжалъ брови:

— Видно такъ, коли мы ѣдемъ... Я все тебѣ разскажу по возвращеніи, добавилъ онъ мягче и стараясь улыбнуться.

— А теперь мнѣ остается только просить извиненія у дорогаго гостя, обратился онъ къ Гундурову; — вы, я не сомнѣваюсь, поймете, что я рѣшаюсь такъ безцеремонно покинуть васъ не изъ неучтивости...

— Полноте! сказалъ тотъ; — я и самъ долженъ ѣхать...

— А я васъ не пущу! воскликнула рѣшительнымъ тономъ молодая хозяйка, — вы должны остаться съ нами обѣдать... Ахъ, Боже мой, вспомнила она вдругъ,—вы знакомы, messieurs? Василій Григорьевичъ Юшковъ, Сергѣй Михайловичъ...

— Сергѣй Михайловичъ не помнитъ меня, не далъ ей досказать смотритель, печально вскидывая глаза на того, съ чьимъ именемъ на устахъ отошла предъ нимъ въ вѣчность его „ангелъ-княжна“ *), кому на другой день по ея смерти онъ передавалъ ея послѣднія слова...

Тотъ пристально взглянулъ на него, узналъ — и, къ нѣкоторому ужасу Александры Павловны, весь перемѣнился въ лицѣ. Прошлое, это залегшее такъ глубоко въ душѣ его прошлое, проснулось въ немъ вдругъ съ новою, мучительною силой...

— Да, мы давно не видались, давно! проговорилъ онъ чрезъ силу, протягивая руку старику и слабымъ движеніемъ пальцевъ отвѣчая на крѣпкое рукопожатіе того.

Онъ отвелъ тутъ же отъ него глаза и остановилъ ихъ на молодой женщинѣ:

— Вы извините меня, Александра Павловна, сказалъ онъ какъ-то особенно спѣша теперь,—я никакъ не могу остаться у васъ обѣдать... Очень пріятно, но не могу, рѣшительно... Я далъ знать въ деревню, что буду къ обѣду, и меня тамъ ждутъ... Извините!...

— Богъ съ вами, если такъ, вздохнула она,—но надѣюсь,

---

*) *Четверть вѣка назадъ.* Глава предпослѣдняя.

что вы не забудете вашего обѣщанія чрезъ недѣлю—помните, никакъ не позднѣе,—быть опять у насъ?

— Нѣтъ, конечно... я постараюсь, промямлилъ онъ, отыскивая глазами свою шляпу.

— Очень не любезно, очень, заключила Александра Павловна, полуулыбаясь, полувздыхая, — что вы оставляете насъ съ Кирой обѣдать вдвоемъ...

XVI.

Ничто не укротитъ желѣзныя судьбы,
Не знающей къ прекрасному пощады.
Батюшковъ.

О, Боже, Боже мой,
Какая честности худая мзда на свѣтѣ!
Сумароковъ.

Спутники молчали всю дорогу... Старикъ-смотритель, прижавшись къ уголку коляски, то глядѣлъ оттуда растерянными, ничего не зрѣвшими глазами на мимо бѣжавшіе нивы и лѣса, то вскидывалъ ихъ и подолгу не отрывалъ отъ неба, шевеля неслышно своими поблеклыми старческими губами... Иные помыслы, иныя ощущенія уносили Троекурова. Воздухъ, солнце, игра тѣней, это *мчаніе* въ экипажѣ послѣ шестинедѣльной неподвижности, и *то*, то, что̀ сейчасъ произошло у него въ кабинетѣ, „предъ тѣмъ какъ этотъ бѣдный старикъ ворвался къ нему“,—все это охватывало его, опьяняло какимъ-то блаженнымъ дурманомъ. Онъ „жилъ“, жилъ опять „всею полнотою жизни“, сказывалось ему, жилъ „будто въ первый разъ“... Онъ совершенно забылъ, куда, къ кому, зачѣмъ онъ ѣдетъ: несутъ его кони, одуваетъ вѣтеръ разгоряченное лицо, бѣлѣютъ въ рядахъ сосенъ стволы березъ подъ полуденными лучами... а впереди, впереди!... Онъ не договаривалъ и нервно, до боли закусывалъ усъ свой, въ какомъ-то алчномъ предвкушеніи того, „что̀ ждетъ“ его. „Она сдалась“,— и онъ безотчетно улыбался, — „гордая, упрямая... Да, я ошибался: это была не *игра*, а вотъ эти самыя упрямство и гордость... По-

бороть себя хотѣла, шесть недѣль выдержала, томила и томилась... и вотъ!"... „Знаете-ли, куда вы идете, говоря мнѣ это?" повторялъ онъ ея слова: какая другая женщина поставила бы *такъ* этотъ вопросъ? Изъ орлиной породы она, съ нею компромиссовъ быть не можетъ... А эти зеленые глаза, дѣвственно-страстные, что̀ обѣщаютъ они... Я найму въ Венеціи palazzo на Canale Grande и съ нею тамъ...

— Углы! пробудилъ его словно испуганный возгласъ сосѣда.

Онъ оглянулся на него чуть не сердито. Старикъ, весь блѣдный, торопливо и учащенно крестилъ себѣ грудь дрожащими пальцами... Они пріѣхали.

Павелъ Григорьевичъ Юшковъ не ждалъ гостей. Предъ отъѣздомъ брата изъ Угловъ тотъ, чуть не плача, выражалъ ему свое сожалѣніе, что занятія его по училищу никакъ не позволятъ ему пріѣхать ко дню рожденія Гриши. А Бориса Васильевича Троекурова онъ предполагалъ не совсѣмъ еще оправившимся.

Онъ поэтому настолько же удивился ихъ пріѣзду, насколько и обрадовался.

— Вотъ ужь могу сказать, пріятный сюрпризъ! воскликнулъ онъ, съ подергиваніемъ боли на лицѣ, подымаясь изъ своего глубокаго вольтера и ступая на обутую въ бархатный сапогъ ногу, навстрѣчу имъ (они прямо прошли въ его кабинетъ). Вы ужь молодцомъ, Борисъ Васильичъ, поздравляю, а мнѣ вотъ, какъ видите, еще не даетъ ходить проклятая подагра... Здравствуй, Василій, таки прикатилъ сегодня, старый, спасибо тебѣ! протягивая руку и любовно поведя взглядомъ на брата, промолвилъ онъ и тутъ же тревожно воскликнулъ:— Да что̀ съ тобою, боленъ?

Бѣдный смотритель поднялъ на него мучительно-умоляющій взглядъ:

— Нѣтъ, Паша, нѣтъ, я ничего... я собственно...

— Какое „ничего!" Лица на тебѣ нѣтъ. Боленъ, говорю, или... случилось что-нибудь?...

— Дѣйствительно, Паша, одно обстоятельство есть... Ты не смотри на меня, Паша, пожалуйста, воскликнулъ вдругъ

старикъ: — я... Натура ужь у меня такая... бабья... ничего сдержать въ себѣ не умѣетъ...

Онъ не договорилъ и быстро отошелъ къ окну, глотая душившія его слезы.

Павелъ Григорьевичъ поглядѣлъ ему въ слѣдъ, сжалъ свои нависшія брови и, опустившись снова въ кресло, обратился къ Троекурову.

— Что съ нимъ?... Что такое? какъ бы поправился онъ:— вы знаете?

Тотъ обернулся къ двери:

— Запереть можно?

— Можно, конечно... А что?

— Чтобы кто-нибудь... изъ *вашихъ*, подчеркнулъ онъ,—не вошелъ. Поговорить надо.

— Жены еще нѣтъ; она вечеромъ только пріѣдетъ. Удержала ее мать больная. А Гришу прислала мнѣ сюда вчера... Онъ сейчасъ у меня сидѣлъ, пошелъ на озеро погулять...

Борисъ Васильевичъ одобрительно качнулъ головой.

— О немъ именно и рѣчь пойдетъ, сказалъ онъ.

Судорога пробѣжала по лицу моряка. Глаза его такъ и впились въ говорившаго.

— О Гришѣ? повторилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

— Да! вѣско уронилъ тотъ.

— Говорите... что бы тамъ ни было! вырвалось нежданно для него самого у Павла Григорьевича.

— Вы помните нашъ разговоръ съ вами, когда вы въ послѣдній разъ были у меня... послѣ случая со мною... о томъ переодѣтомъ негодяѣ?

— Да, да... котораго Гриша называлъ мнѣ *Ѳедоровымъ*, мрачно прошепталъ Юшковъ.

— Настоящая его фамилія — Овцынъ; онъ двоюродный братъ моей жены, давно потерянный человѣкъ... Пока, объяснилъ Троекуровъ въ отвѣтъ на изумленіе, сказавшееся за этими словами его въ глазахъ обоихъ братьевъ, — пока шло только дѣло обо мнѣ, я считалъ безполезнымъ называть вамъ его... Я узналъ, что онъ въ нашихъ мѣстахъ въ тотъ самый вечеръ, когда, помните, былъ у васъ, возвращаясь изъ города,

и велѣлъ ему сказать, что если онъ немедленно не скроется отсюда, я съ нимъ распоряжусь по-свойски... Я его, дѣйствительно, встрѣтилъ чрезъ день послѣ этого въ компаніи Троженкова и избилъ плетью,—имѣлъ на то основаніе... Жалѣю объ одномъ теперь, что не положилъ на мѣстѣ, съ безпощадно сверкнувшими глазами отчеканилъ бывшій Кавказецъ;— настаетъ такое, повидимому, время, что охранять себя... и *своихъ*, честнымъ людямъ придется не иначе, какъ собственноручною расправой!... Вы знаете, что̀ произошло затѣмъ: маскарадъ, подстреканіе крестьянъ къ бунту... Молодца схватили на мѣстѣ преступленія, — и въ ту же ночь выпустили, или скрыться дали... Того и слѣдовало ожидать: нынче, какъ извѣстно, преступныхъ людей нѣтъ,— существуютъ „убѣжденія", или „аффекты"; за то и за другое, разумѣется, „нечестно" подводить людей подъ кару,— и такого разумѣнія своего долга считаетъ нужнымъ держаться теперь каждый состоящій на службѣ просвѣтившагося Россійскаго правительства... Ну, и прелестно! Отпустили „убѣжденнаго" молодца; наша сторона, по крайней мѣрѣ, избавлена отъ него. Таково было мое разсужденіе; я вамъ въ этомъ смыслѣ и говорилъ тогда, думая именно о вашемъ Гришѣ, о томъ скверномъ вліяніи, какое могъ имѣть на него этотъ мерзавецъ...

Троекуровъ говорилъ короткими, обрывистыми фразами, отдаваясь невольно захватывавшему его чувству негодованія, и замолчалъ на полусловѣ, проводя себѣ въ смущеніи рукою по лицу: оставалось сказать „настоящее", поразить ударомъ этого почтеннаго, глубоко уважаемаго имъ человѣка, который, согнувшись въ своемъ креслѣ и машинально подергивая правою цѣлою рукой пустой рукавъ отрѣзанной лѣвой, глядѣлъ на него, не отрываясь, нетерпѣливо и тревожно...

Старикъ-смотритель неслышными шагами подошелъ тѣмъ временемъ къ нимъ и, опустивъ сложенныя руки, съ замиравшимъ дыханіемъ, не отводилъ въ свою очередь отъ брата своихъ голубыхъ, словно туманомъ подернутыхъ теперь глазъ.

— Вы успокоивали меня тогда, Борисъ Васильевичъ, тихонько молвилъ младшій Юшковъ.

— Если это упрекъ, ласковымъ тономъ замѣтилъ Троекуровъ,—то я заслуживаю его только въ томъ отношеніи, что не догадался тогда же, что зло... уже было сдѣлано.

Павелъ Григорьевичъ весь выпрямился:

— „*Сдѣлано?*“ Что̀? Не томите!

Братъ его кинулся къ нему:

— Паша, голубчикъ, залепеталъ онъ,—ты сильный человѣкъ... ты тысячу смертей, можно сказать, на своему вѣку видывалъ и глядѣлъ имъ бодро въ глаза... Такъ ты ужь и теперь... мужайся! Тяжело, голубчикъ, тяжело, да что̀ же дѣлать!... Сынъ твой... Вѣдь подумай: молодость, довѣрчивость излишняя...

— Что̀ онъ сдѣлалъ? гнѣвно прервалъ его тотъ, ударяя кулакомъ по ручкѣ своего кресла.

— Его обвиняютъ въ разсылкѣ по почтѣ конвертовъ съ революціонными прокламаціями, почелъ нужнымъ вмѣшаться опять Троекуровъ.

— Съ революціонными прокламаціями... Гриша?... Не можетъ быть! всклинкнулъ Павелъ Григорьевичъ, откидывая голову назадъ.

Борисъ Васильевичъ приподнялъ печально плечи:

— Пусть братъ вашъ разскажетъ вамъ, что̀ знаетъ!...

Смотритель, страшно путаясь и испуганнымъ взглядомъ слѣдя за выраженіемъ лица брата, принялся сообщать ему все, что̀ было передано самому ему исправникомъ.

Тотъ не прерывалъ его ни единымъ словомъ. Онъ словно замеръ весь; только лобъ его и щеки становились съ каждымъ мгновеніемъ все блѣднѣе и блѣднѣй.

— „Обыскъ“, повторилъ онъ чуть внятно, дослушавъ до конца,—въ моемъ домѣ... у моего сына!...

— Павелъ Григорьевичъ, сказалъ Троекуровъ,—я пойду, съ нимъ переговорю... съ Гришей...

— Съ государственнымъ преступникомъ! захохоталъ старый морякъ прорвавшимся у него неудержимо истерическимъ смѣхомъ, — и смолкъ тутъ же, устремивъ глаза на отворившуюся прямо противъ него дверь, въ которую, въ свѣжемъ

лѣтнемъ костюмѣ, съ соломенною шляпой въ рукѣ, юный и миловидный, какъ дѣвочка, входилъ въ эту минуту его сынъ.

— Борисъ Васильевичъ, еще съ порога заговорилъ онъ,— вообразите, что я съ озера—вѣдь не близко!—узналъ по звуку колесъ вашу старую коляску...

Онъ быстро направился къ нему, заранѣе протягивая руку... И вдругъ инстинктивно задержалъ шаги, окинулъ торопливымъ взглядомъ лица безмолвныхъ присутствующихъ, — и побѣлѣлъ какъ полотно... Онъ какъ-то разомъ все понялъ.

Троекурову стало ужасно жаль его:

— Гриша... началъ было онъ.

— Нѣтъ, ужь вы позвольте отцу съ нимъ поговорить сначала! перебилъ его Павелъ Григорьевичъ. И онъ энергическимъ движеніемъ руки указалъ сыну стать предъ нимъ.

Молодой человѣкъ повиновался, подвинулся; глаза его опустились въ землю, словно повинуясь какой-то внѣшней, неодолимой силѣ.

Отецъ уставился на него, губы его зашевелились... но долго не былъ онъ въ состояніи произнести слова.

— Сейчасъ, началъ онъ наконецъ,—пріѣдетъ сюда полиція, жандармы... производить обыскъ, арестовать тебя... Ты знаешь за что?.. Надѣюсь, воскликнулъ онъ, предупреждая отвѣтъ сына,—что ты по крайней мѣрѣ лгать не станешь мнѣ!..

— Я лгать не стану, промолвилъ Гриша, поднявъ глаза, и обвелъ ими кругомъ себя, ни на комъ не останавливаясь. Слабый румянецъ выступилъ на его лицѣ, онъ видимо бодрился:—я за поступки свои отвѣтчикъ!

— За какіе „поступки“? За безуміе, за неслыханное дурачество! Тебя подучили разослать по почтѣ какія-то возмутительныя воззванія... И ты это взялъ на себя, взялъ сыграть шута... чтобы поплатиться за это Сибирью!..

Упрекъ задѣвалъ молодаго человѣка за самое больное мѣсто,—за его самолюбіе; онъ весь вспыхнулъ теперь.

— Для кого „шута“, для кого чего нибудь получше, пожалуй! возразилъ онъ съ замѣтнымъ намѣреніемъ ироніи въ тонѣ:—это вопросъ стараго и новаго поколѣнія... Мы не поймемъ другъ друга, батюшка!

— Что̀ же мнѣ понимать-то, не потрудишься-ли объяснить, воскликнулъ Павелъ Григорьевичъ:—то̀-ли, что ты уже не по легкомыслію, а съ полнымъ сознаніемъ, съ убѣжденіемъ, что та̀къ тебѣ и слѣдуетъ, записался въ бунтовщики, во враги общественнаго порядка и правительства?..

Гриша приподнялъ плечи:

— Ни вашъ „порядокъ", ни ваше „правительство" мы, молодое поколѣніе, уважать не можемъ, и стремимся... къ ихъ упраздненію, договорилъ онъ послѣ минутнаго колебанія.

Нестерпимою болью и гнѣвомъ засверкали глаза отставнаго Севастопольца. Онъ ухватился за кресло, какъ бы съ тѣмъ, чтобы подняться, чтобы кинуться на сына... и упалъ опять, безсильный и дрожащій...

— Что̀ же, застоналъ его голосъ, такъ мы для того *тамъ* одиннадцать мѣсяцевъ умирали каждый день за Русскую землю и ея Царя, чтобы вы, вы... наши дѣти...

Горло свело ему судорогой, онъ говорить не могъ...

— Паша, голубчикъ! ринулся къ нему старикъ-братъ, отчаянно простирая къ нему руки.

Троекуровъ схватилъ Гришу за руку и потянулъ его къ окну.

— Вы безумецъ, Гриша, строго заговорилъ онъ, — и что̀ хуже, извините, — просты не по лѣтамъ! Вы въ дѣйствительности такой-же революціонеръ, какъ я,—иначе вы были бы чудовище, а не сынъ вотъ этого человѣка, предъ которымъ каждый порядочный человѣкъ въ Россіи почтительно шапку скинетъ... И вы убиваете его, губите самого себя изъ-за чего? изъ-за бездѣльника, который натравилъ васъ, а самъ удралъ, оставивъ васъ на жертву!.. Вѣдь вы должны же знать, что онъ скрылся... ему дали уйти,—а вы поплатитесь! Развѣ отецъ вашъ не правъ, развѣ не играете вы въ самомъ дѣлѣ во всемъ этомъ роль шута?.. Вы хоть бы объ этомъ серьезно подумали, если сердце успѣли вы свое испортить уже настолько, чтобы не понимать, какою цѣной заплатятъ за это ваши родители!..

Еслибы Гриша имѣлъ даръ ясновидѣнія и могъ прочесть то, что̀ сказывалось въ мысли Троекурова не далѣе какъ часъ тому назадъ, онъ имѣлъ бы возможность спросить его въ эту

минуту въ свою очередь: какою цѣной и кѣмъ должно было быть заплачено „безуміе“ самого проповѣдника?..

Но у бѣднаго юноши не было и этого аргумента въ запасѣ. Онъ стоялъ лицомъ къ лицу со своимъ „поступкомъ“ и сознавалъ съ глубокимъ внутреннимъ смятеніемъ, что ему нечѣмъ, нечѣмъ серіозно оправдать его... Слова Бориса Васильевича разбивали какъ-то сразу въ прахъ весь его напускной задоръ. Какой онъ въ самомъ дѣлѣ революціонеръ? Есть-ли въ немъ тотъ огонь и мужество, есть-ли та *злость*, какіе нужны для этого? Вотъ онъ „раскисъ уже совсѣмъ“, не смѣетъ обернуться на старика-отца, и сердце невыносимо ноетъ, и слезы такъ-таки сейчасъ, кажется, и брызнутъ изъ глазъ. А „тотъ“ вовлекъ его, сгубилъ и—скрылся, не почтя даже нужнымъ извѣстить его о себѣ, справиться и о его участи. Онъ „преслѣдуетъ свое дѣло“ и пренебрегаетъ тѣми, кто служилъ ему безсловеснымъ орудіемъ, послушною, жалкою игрушкой... Да, это такъ, онъ, Григорій Юшковъ, — „шутъ“, надъ которымъ смѣется теперь этотъ же человѣкъ, за котораго приходится ему „расплачиваться“... И какъ онъ могъ такъ слѣпо отдаться ему въ руки, давно-ли онъ его знаетъ?.. Онъ встрѣтился съ нимъ въ Петербургѣ, незадолго до экзаменовъ, въ одномъ студенческомъ кружкѣ, съ которымъ водился Гриша. Его звали тамъ Ѳедоровымъ, и Гриша только позднѣе узналъ, что это не была его настоящая фамилія, и что онъ „скрывается отъ полиціи“, для чего даже носитъ парикъ темнѣе собственныхъ волосъ... Студенты кружка, почти всѣ первокурсники, благоговѣли предъ нимъ, какъ предъ человѣкомъ, „бывшимъ въ Лондонѣ въ ближайшихъ сношеніяхъ съ самимъ Александромъ Ивановичемъ“, къ которому — передавали они шопотомъ другъ другу,—„онъ былъ посылаемъ даже для особыхъ переговоровъ отъ редакціи „*Современника*“, и съ восторженнымъ сочувствіемъ заслушивались его „прогрессивныхъ“ рѣчей... Гриша, слывшій въ университетѣ „красною дѣвицей“ и „аристократомъ“, былъ особенно польщенъ тѣмъ, что столь „хорошо поставленное въ *либеральномъ лагерѣ*“ и авторитетное среди его товарищей лицо, обратило на него съ перваго раза особое вниманіе и заявило даже, что желаетъ

„спеціально заняться его развитіемъ“. Нашъ юноша получилъ дѣйствительно отъ этого наставника указаніе на „нѣкоторыя необходимыя“ для такого его „развитія“ книги, въ которыя „слѣдовало ему *вникнуть*“. Первымъ нумеромъ стояло извѣстное *Kraft und Stoff* Бюхнера, которое Гриша, знавшій хорошо по-нѣмецки и одаренный отличною памятью, одолѣлъ весьма быстро и такъ, что на ближайшемъ послѣ этого сборищѣ кружка могъ цитовать наизусть цѣлыя страницы изъ этого сочиненія, выводя изъ нихъ уже самыя рѣшительныя заключенія о необходимости „*покончить* со всякимъ ѳеогоническимъ началомъ“. Овцынъ ударилъ его за это поощрительно по плечу и многозначительно проговорилъ: „Будетъ прокъ“! вслѣдъ за чѣмъ товарищи принялись даже апплодировать Гришѣ... Затѣмъ наступили экзамены, и собранія прекратились; но предъ самымъ отъѣздомъ Гриши домой къ нему нежданно явился Овцынъ „сообщить ему“, что самъ онъ имѣетъ намѣреніе „для нѣкоторыхъ спеціальныхъ цѣлей“ побывать лѣтомъ въ его, Юшкова, мѣстахъ, и потому проситъ дать ему свой тамошній адресъ и „ждать его посѣщенія“, причемъ уже съ таинственнымъ видомъ передалъ, что „нѣкоторыя обстоятельства заставляютъ его быть осторожнымъ“, а потому онъ желаетъ, чтобъ Юшковъ хранилъ ихъ отношенія въ тайнѣ „отъ своихъ домочадцевъ и ото всякаго вообще провинціальнаго старья, какого тамъ, надо думать, вдосталь“, и заключилъ тѣмъ, что, по всей вѣроятности, будетъ имѣть надобность обратиться къ нему для содѣйствія этимъ своимъ „нѣкоторымъ цѣлямъ“. — „Какія же это такія цѣли“? спросилъ озадаченно Гриша.—„Само собою не личныя, а для общаго блага“! высокомѣрно отрѣзалъ на это Овцынъ, но болѣе обстоятельное объясненіе отложилъ до ихъ встрѣчи „*тамъ*“.

„И вотъ онъ пріѣхалъ—и въ три свиданія *обработалъ* меня!“ говорилъ себѣ теперь Гриша съ мучительною тоской, съ невыносимымъ чувствомъ стыда...

Печально и участливо глядѣлъ на него Троекуровъ: онъ угадывалъ, что̀ происходило въ этой слабовольной молодой душѣ.

— Послушайте, сказалъ онъ, — вы слышали, сейчасъ у

васъ обыскъ будетъ; надо уничтожить все, что можетъ быть компрометтирующаго въ вашихъ бумагахъ.

— У меня ничего нѣтъ, пролепеталъ на это юноша.

— Не осталось экземпляровъ тѣхъ... прокламацій вашихъ?

— Ихъ у меня здѣсь никогда и не было...

Борисъ Васильевичъ воззрился ему въ лицо съ невольнымъ недовѣріемъ.

— Не было, повторилъ тихо Гриша:—у отца подъ кровлею... я не хотѣлъ...

— Вы писали адресы у этого негодяя... у Троженкова?

Гриша не отвѣчалъ.

— И ничего больше нѣтъ?

— Были запрещенные стихи, я ихъ сжегъ.

— Давно?

— Тогда же...

— Пойдемте однако въ вашу комнату; посмотрѣть хорошенько не мѣшаетъ... къ мелочамъ могутъ придраться...

Но въ это самое время подъ окнами комнаты послышался лошадиный топотъ, и мимо ихъ ко крыльцу промчался дорожный тарантасъ, съ двумя сидѣвшими въ немъ господами въ форменныхъ фуражкахъ.

— Они! глухимъ крикомъ вскрикнулъ, оборачиваясь, старикъ-смотритель, все время возившійся около брата.

— Пойди, проси ихъ! выговорилъ спокойнымъ голосомъ Павелъ Григорьевичъ, запахивая полы длиннаго халата, въ который былъ онъ облеченъ по случаю нездоровья, и выпрямляясь на своемъ сидѣньи.

Гриша въ свою очередь вскинулъ вверхъ голову; глаза его глядѣли гордо и твердо.

„Хорошо“! сказалъ себѣ Троекуровъ, зорко наблюдавшій за нимъ...

Вошли въ сопровожденіи старшаго Юшкова исправникъ Факирскій и жандармскій капитанъ въ голубомъ мундирѣ, весьма благообразной и какой-то невинно строгой наружности молодой человѣкъ (онъ служилъ когда-то въ одномъ изъ первыхъ полковъ гвардіи и промѣнялъ его на жандармскую долж-

ность, „по страсти, говорилъ онъ, къ слѣдственной дѣятельности“).

Факирскій былъ теменъ, какъ туча. Онъ, вступивъ въ комнату, поспѣшно обвелъ однимъ общимъ поклономъ всѣхъ присутствующихъ, замѣтно избѣгая встрѣтиться взглядомъ съ Павломъ Григорьевичемъ, и, пропустивъ впередъ офицера, словно заслонился весь имъ.

— Хозяинъ? шепоткомъ, обернувшись къ нему въ полоборота, спросилъ его тотъ, и на утвердительный знакъ его подошелъ къ креслу съ почтительнымъ и вполнѣ свѣтскимъ наклоненіемъ головы.

— Покорнѣйше прошу васъ извинить... началъ было онъ; но Павелъ Григорьевичъ не далъ ему продолжать. Онъ отдалъ ему учтиво поклонъ и заговорилъ самъ:

— Пріѣздъ вашъ ко мнѣ не требуетъ объясненій!.. онъ говоритъ самъ за себя. Тотъ, кому я, по всей вѣроятности, обязанъ честью видѣть васъ у себя въ домѣ, здѣсь, налицо (онъ, не глядя на сына, кивнулъ головой въ его сторону):— а потому, если вамъ угодно, вы можете сейчасъ же приступить къ вашему дѣлу.

Благообразнаго голубаго офицера передернуло. Онъ чуть-чуть усмѣхнулся, но все также свѣтски наклонилъ еще разъ голову, прищурился слегка на Гришу и, шагнувъ къ отошедшему нѣсколько въ сторону исправнику:

— Этотъ самый молодой человѣкъ? спросилъ онъ его на ухо.

— Онъ! не могъ удержать вздоха Факирскій.

— Гриша, промолвилъ громко Троекуровъ,—пройдемте съ этими господами въ вашу комнату... Пожалуйте, господа! пригласилъ онъ рукой слѣдовать за молодымъ человѣкомъ, немедленно двинувшимся вслѣдъ за его словами къ двери.

— Борисъ Васильевичъ Троекуровъ, нашъ здѣшній мировой посредникъ и крупный землевладѣлецъ, счелъ нужнымъ объяснить Факирскій, наклонясь въ свою очередь къ уху офицера.

Тотъ повелъ только головой и слегка покраснѣлъ. Онъ помнилъ Троекурова еще съ поры своего юнкерства въ пол-

ку, въ которомъ и тотъ служилъ еще тогда, но „ни ему, ни мнѣ не особенно пріятно возобновлять теперь знакомство“, основательно разсудилъ онъ.

— Паша, что̀ же это будетъ? воскликнулъ неудержимо, вскидывая руки вверхъ, старикъ-смотритель, оставшись вдвоемъ въ комнанѣ съ братомъ.

Морякъ не отвѣчалъ; только грозныя брови его судорожно дрогнули надъ сверкнувшими на мигъ глазами...

XVII.

... Portavimus umbram
Imperii...
Sidonii Apollinarii carmina.

Какъ другъ обнявшій молча друга
Передъ изгнаніемъ его.
Пушкинъ.

Это ваше именно помѣщеніе? спрашивалъ Гришу жандармскій капитанъ, оглядывая свѣтлую, уютную комнату, въ которую вошли они, и въ которой все, отъ свѣжихъ ситцевыхъ занавѣсей и до бездѣлушекъ, разставленныхъ на столахъ и этажеркахъ, носило слѣды заботливой руки, руки матери, любовно уготовлявшей этотъ „уголокъ“ къ пріѣзду дорогаго дѣтища.

— Да, это кабинетъ мой, а тутъ рядомъ маленькая комната, моя спальня.

Тотъ заглянулъ въ спальню, потянулъ кончикъ уса и спросилъ опять:

— Тутъ у васъ все *ваше:* книги, бумаги?...

— Да. Книги въ шкафу, бумаги здѣсь вотъ!

И Гриша нервнымъ движеніемъ дернулъ за ключъ и вытащилъ на половину большой ящикъ письменнаго стола съ мирно почивавшими тамъ тетрадями университетскихъ лекцій.

Голубой офицеръ деликатною рукой потащилъ къ себѣ одну изъ нихъ:

— Это ваша рука? мягчайшимъ тономъ проронилъ он

— Нѣтъ, усмѣхнулся невольно студентъ,—это

рованныя записки... А вотъ это я строчилъ, примолвилъ онъ, подавая ему съ тою же усмѣшкой исписанный листъ.

— Позвольте посмотрѣть!...

Онъ взялъ этотъ листъ—отрывокъ изъ какого-то конспекта по энциклопедіи правовѣдѣнія,—отошелъ съ нимъ къ окну, пригласивъ глазами исправника туда же, и, обернувшись спиной къ молодому человѣку и Борису Васильевичу, который, усѣвшись на диванъ, внимательно слѣдилъ за происходившимъ, запустилъ руку за бортъ сюртука, вытащилъ изъ кармана бумажникъ, а изъ него какой-то почтовый конвертъ и показалъ его Факирскому... Головы ихъ на нѣсколько мгновеній низко наклонились надъ обоими „письменными документами", очевидно сличая ихъ.

— Несомнѣнно! прошепталъ голубой..

Исправникъ только насупился.

Тотъ вернулся къ Гришѣ.

— Вы изволили сказать, что это ваша рука? сказалъ онъ, показывая ему на конспектъ.

— Моя.

— А эту вы не признаете? И онъ, осторожно и крѣпко придерживая двумя пальцами конвертъ за верхъ его, поднесъ начертанный на немъ адресъ подъ глаза Гриши.

Гриша началъ громко:

„Его превосходительству, господину пензенскому губер..." Онъ не дочелъ, поднялъ глаза—словно какая-то змѣйка пробѣжала по его лицу,—и твердо выговорилъ:

— Это тоже я писалъ.

Факирскій, съ замѣтною озабоченностью въ лицѣ ожидавшій его отвѣта, болѣзненно поморщился и быстро отвернулся къ окну. Троекуровъ такъ и впился въ юношу...

Жандармскій капитанъ осторожно вынулъ изъ конверта листокъ въ осьмушку тонкой, отпечатанной убористымъ шрифтомъ бумаги, по всѣмъ признакамъ заграничнаго происхожденія:

— Вамъ было извѣстно, спросилъ онъ, и глаза его въ свою очередь блеснули какъ бы невольнымъ участіемъ къ допрашиваемому,—о содержаніи того, что заключалось какъ

подъ этою обложкой, такъ и подо многими другими такими же съ адресами на нихъ вашей же руки и вами же лично сданными въ ***ской почтовой конторѣ, какъ показываютъ очевидцы?...

Гриша не успѣлъ отвѣтить.

— А если это ему извѣстно не было? воскликнулъ вдругъ Троекуровъ, вскакивая со своего мѣста:—если онъ просто по добродушію... или легкомыслію, если хотите, согласился надписать на готовыхъ запечатанныхъ конвертахъ адресы всякихъ неизвѣстныхъ ему лицъ, по списку данному ему тѣмъ, кому нужно было разослать эти прокламаціи?... Вѣдь прокламаціи это были? Всѣмъ извѣстно, что ихъ разбрасывали въ Петербургѣ, на Волгѣ... Одинъ изъ такихъ экземпляровъ вѣроятно и у васъ тутъ? указалъ онъ на листокъ, который голубой офицеръ, какъ бы внезапно испугавшись этихъ словъ, поспѣшилъ тутъ же вложить снова въ обложку... „Вотъ тебѣ исходъ, пользуйся!“ говорили въ то же время глаза Бориса Васильевича Гришѣ, все также не отрываясь отъ него.

— Въ такомъ случаѣ, съ живостью молвилъ капитанъ,— не потрудится-ли господинъ Юшковъ назвать то лицо, по просьбѣ котораго надписаны имъ адресы на этихъ обложкахъ?

Троекуровъ еще разъ не далъ юношѣ произнести слова:

— Капитанъ, вы должны понимать, какъ трудно *порядочному* молодому человѣку, подчеркнулъ онъ, — выдавать кого-бы то ни было... Вопросъ этотъ къ тому же, кажется, безполезенъ. По имѣющимся, какъ мнѣ извѣстно, въ вашемъ вѣдомствѣ свѣдѣніямъ, сами вы должны догадываться, если и не знаете достовѣрно, кто могъ быть „лицо“, о которомъ вы спрашиваете.

Фанатикъ „по слѣдственной части“ весь превратился самъ теперь въ вопросительный знакъ.

— О комъ это вы изволите говорить?

Троекуровъ поглядѣлъ ему въ глаза:

— Позвольте-съ, мы здѣсь не въ прядки играемъ! Вы не можете не знать, что въ здѣшней мѣстности, именно въ т

время, когда сданы были на почту эти прокламаціи, проживалъ нѣкто, одинъ изъ нынѣшнихъ *агитаторовъ* что-ли,—какъ ихъ назвать! — давно извѣстный вашему вѣдомству, которое, какъ это мнѣ, повторяю, *лично извѣстно*, и разыскивало его *формально*, иронически добавилъ онъ.

Благообразный офицеръ съ тѣмъ же недоумѣвающимъ видомъ пожалъ плечомъ.

— Рѣшительно не понимаю-съ!..

— Такъ я вамъ прямо назову его, отрѣзалъ Борисъ Васильевичъ, — его все сильнѣе разбирала желчь: — зовутъ его Овцынымъ; бывшій студентъ Петербургскаго университета; эмигрировавшій за границу и вернувшійся оттуда подъ чужимъ именемъ; подозрѣваемый въ участіи въ петербургскихъ пожарахъ...

Капитанъ закивалъ теперь утвердительно головой:

— Это совершенно такъ-съ: называемый вами господинъ дѣйствительно разыскивается... И онъ какъ бы невольно прибавилъ своимъ свѣтски-любезнымъ тономъ и съ легкою усмѣшкой: — мнѣ остается только удивиться, откуда вамъ вѣдомы наши тайны.

— А я, возразилъ съ такою же усмѣшкой его собесѣдникъ,—удивляюсь тому, что вы вѣрите еще въ эти „тайны". Въ русскихъ управленіяхъ *наисекретнѣйшая* бумага извѣстна тѣмъ, отъ кого скрываютъ ея содержаніе, прежде еще, чѣмъ она подписана.

Капитанъ повелъ губами не то недовѣрчиво, не то кисло:

— Такое утвержденіе, мнѣ кажется, нѣсколько преувеличено... Что же касается даннаго случая, торопливо перебилъ онъ себя, — относительно личности, которую вы сейчасъ назвали, то считаю долгомъ завѣрить васъ, что ея въ здѣшней мѣстности и не было вовсе...

— И „вовсе" даже? не могъ удержаться отъ смѣха Борисъ Васильевичъ:—таковы ваши свѣдѣнія?

— У насъ въ центральномъ управленіи имѣются объ этомъ самыя положительныя данныя, утвердительно и нѣсколько обиженный этимъ смѣхомъ промолвилъ тотъ.

Троекуровъ еще разъ воззрился ему прямо въ лицо: оно дышало самою несомнѣнною, младенческою искренностью.

„О sancta simplictas въ лазоревомъ мундирѣ, подумалъ онъ: покойся безмятежно на иждивеніи благодушнаго отечества, а хранить его предоставь ужь единому Господу Богу!“...

— А я вамъ вотъ что̀ скажу-съ, громко выговорилъ онъ:—можете донести вашему начальству, что, если-бъ это понадобилось, я, не говоря уже о моемъ собственномъ, соберу еще сколько угодно показаній свидѣтелей о пребываніи этого негодяя здѣсь, и притомъ самыхъ подробныхъ:—и когда, и гдѣ, и что̀...

Глаза его остановились на мигъ на мрачно внимавшемъ этому разговору исправникѣ,—и тутъ же отвернулись. Онъ замолчалъ.

Но слова его видимо произвели вѣское впечатлѣніе на нашего капитана. Прирожденная его чертамъ строгость перешла даже теперь въ нѣкоторый оттѣнокъ грозности,—все также впрочемъ „невинной“.

— Я не смѣю не довѣрять вашимъ словамъ, раздумчиво и протяжно произнесъ онъ. И, обращаясь къ Гришѣ:

— Вы подтверждаете *ихъ* показаніе?

— Какое? какъ со сна спросилъ тотъ. Онъ стоялъ, глубоко погрузясь въ свою тяжелую внутреннюю думу.

— Относительно пребыванія здѣсь бывшаго студента Овцына, а также и того, что вы, по его просьбѣ, и не зная, что̀ содержится въ изготовленныхъ и запечатанныхъ имъ заранѣе конвертахъ, надписали на нихъ адресы по списку, полученному вами отъ него же?

Потупленные до сихъ поръ глаза Гриши вскинулись на вопрошавшаго:

— Я никакого Овцына не знаю.

— Онъ называлъ себя здѣсь *Ѳедоровымъ*, замѣтилъ на это Борисъ Васильевичъ.

— Онъ и въ Петербургѣ, какъ намъ извѣстно, проживалъ подъ этою фамиліей, подтвердилъ капитанъ,—такъ, значитъ *Ѳедорова*, все равно-съ, обратился онъ снова къ молодому Юшкову.

— Я и Өедорова не знаю, рѣзко отвѣтилъ тотъ.

Троекуровъ вспыхнулъ весь, шагнулъ къ нему:

— Гриша, вскрикнулъ онъ,—знаете-ли вы, что̀ говорите? Ваше отрицаніе—вѣдь это, значитъ, я солгалъ!...

Юноша съ задрожавшими губами обернулся на него:

— Вы хотите меня спасти, Борисъ Васильевичъ, залепеталъ онъ чрезъ силу,—спасибо вамъ... но... я... не могу принять... Ни Овцына, ни Өедорова, никого я не знаю, крикнулъ онъ внезапно визгливымъ крикомъ, давясь, чтобы не разрыдаться рыданіемъ, — я одинъ, безъ ничьей просьбы, одинъ дѣйствовалъ... Я не мальчишка и не хочу, чтобы меня спасали... И дѣлайте со мною, что̀ хотите!...

— Сдѣлайте милость, успокойтесь!—поспѣшно заговорилъ благообразный офицеръ, очень смутившійся этимъ „припадкомъ“:—на меня возложена обязанность разъяснить обстоятельства дѣла... Но повѣрьте, что въ господинѣ шефѣ жандармовъ вы найдете полную снисходительность... къ увлеченіямъ молодости...

— Садитесь, Гриша, и выпейте воды, прервалъ его Троекуровъ, строго взглянувъ на своего молодаго пріятеля,—вы слишкомъ волнуетесь!

Гриша разомъ осилилъ себя, прошелся по комнатѣ, сѣлъ и закурилъ папироску: „безъ воды, молъ, обойдемся...“

Исправникъ Факирскій нежданно подошелъ къ товарищу своему по *дознанію*:

— Позвольте мнѣ подтвердить показаніе Бориса Васильевича насчетъ бытности здѣсь этого... Овцына или Өедорова, началъ онъ рѣшительнымъ, словно вызывающимъ, тономъ:—въ тѣхъ же приблизительно числахъ, когда сданы были господиномъ Юшковымъ на почту эти конверты съ прокламаціями, арестованъ былъ мною на сѣнокосѣ, при свалкѣ крестьянъ, вслѣдствіе тамъ одного спора о владѣніи лугами, неизвѣстный молодой человѣкъ въ крестьянской одеждѣ и, какъ оказалось, съ накладною бородой, возбуждавшій крестьянъ противъ рѣшенія господина мироваго посредника, причемъ онъ нанесъ тутъ же ему, Борису Васильевичу, увѣчье, швырнувъ ему дубиной въ колѣно... У него находился паспортъ на имя

какого-то клинскаго мѣщанина, очевидно фальшивый. Изъ его пріемовъ, наружности и того, какъ отвѣчалъ онъ, я почитаю себя въ полномъ правѣ заключить теперь, что этотъ неизвѣстный ни кто иной былъ какъ упомянутый Овцынъ... До отправленія его въ острогъ я велѣлъ тогда, послѣ происшествія, привести его для допроса въ одну усадьбу, въ которой самъ я ночевалъ въ тотъ разъ, и-запереть тамъ подъ стражей до утра...

Голосъ его оборвался... Онъ передохнулъ и продолжалъ, хмурясь и кусая себѣ губы:

— Господинъ этотъ ушелъ изъ-подъ стражи тогда же, ночью... Я признаю себя вполнѣ виновнымъ въ этомъ, рапортовалъ въ этомъ смыслѣ начальнику губерніи, прося о немедленномъ отчисленіи меня отъ должности исправника, къ которой признаю себя рѣшительно неспособнымъ... и готовъ нести всякую отвѣтственность за... небрежное отношеніе мое къ обязанности моей въ этомъ дѣлѣ, прибавилъ онъ, глядя блестящими глазами на Троекурова.

Благообразный жандармскій офицеръ съ изумленіемъ глядѣлъ въ свою очередь на его возбужденный видъ:

— Я объ этомъ, само собою, доложу нашему начальнику штаба. Свидѣтельства ваше и *ихнее*, указывая на Бориса Васильевича, молвилъ онъ значительно,—весьма важны, такъ какъ князь, шефъ нашъ, особенно интересуется дѣломъ этихъ прокламацій... А изъ округа пишутъ намъ, что Овцынъ не бывалъ ни въ одной изъ этихъ губерній,—весьма странно! пропустилъ онъ сквозь зубы. И, спохватившись вдругъ:—А теперь ужь позвольте, обратился онъ къ молодому Юшкову, съ новымъ выраженіемъ строгости на лицѣ, нѣсколько умѣряемой учтивымъ вздохомъ,—позвольте приступить уже собственно къ исполненію возложеннаго на меня порученія.

— Пожалуйста! произнесъ Гриша, иронически улыбаясь.

— Мнѣ необходимо нѣсколько... внимательно пересмотрѣть ваши бумаги.

— У меня ничего не заперто; смотрите, гдѣ и что вамъ угодно!

Начался *обыскъ*. Голубой офицеръ съ необыкновенною

добросовѣстностью относился къ своему дѣлу: онъ перешарилъ всѣ шкафы и ящики въ кабинетѣ и спальнѣ, перерылъ всѣ книги, перелистовалъ всѣ до одной страницы неповинныхъ лекцій студента, отложилъ въ одну отдѣльную кучку всѣ письма, записки, каждый лоскутокъ, представлявшій подобіе клочка отъ разорванной переписки... Но все это, по тщательной разсортировкѣ и внимательномъ прочтеніи, оказалось самаго безупречнаго свойства: письма родителей или счеты сапожника и портнаго... Оставалась корзина подъ столомъ для хлама. Онъ вывернулъ весь этотъ хламъ на полъ... и не даромъ. Въ немъ нашлась узковатая полоска грубой писчей бумаги, изъ которой, судя по свойству сохранившихся на ней складокъ, былъ очевидно, до или послѣ полученія ея, сложенъ *пѣтушокъ* и затѣмъ, на половину порванный, кинутъ въ корзину. Сложивъ разъединенныя сторонки полоски, капитанъ, пригласивъ быстрымъ взглядомъ исправника читать вмѣстѣ съ нимъ, разобралъ слѣдующія писанныя по длинѣ ея строки:

„Видно, васъ дома въ уздѣ держатъ, не отъявились сегодня по уговору въ Быковскій лѣсъ. Урвитесь отъ церберовъ хотя завтра, въ 2 часа,—дѣло нужное; а мнѣ улетучиваться скоро. *Ѳед*“.

Улыбка удовольствія скользнула подъ усами капитана.

— Вы изволите утверждать, поднялъ онъ глаза на Гришу, протягивая ему вмѣстѣ съ этимъ свою находку и все также крѣпко придерживая ее двумя пальцами,—что не знакомы ни съ господиномъ Овцынымъ, ни съ *Ѳедоровымъ*, подчеркнулъ онъ:—а чья эта подпись, не признаете-ли?

Юноша взглянулъ на нее, поморщился и молча отвернулся... Что̀ пытки, что̀ униженія переиспыталъ онъ, пока „этотъ учтивый господинъ“ обшаривалъ и переворачивалъ вверхъ дномъ его „бѣдный уголокъ!“...

— А что̀ тамъ? тревожно выговорилъ Троекуровъ, подходя къ капитану.

— Полюбопытствуйте! сказалъ любезно тотъ, приподымая ему къ глазамъ записку, но не выпуская ея изъ рукъ попрежнему:—прямое подтвержденіе вашего показанія...

Капитанъ вложилъ *документъ* въ добытую имъ изъ бу-

мажника обложку, зажегъ спичкою свѣчу и, запечатавъ пакетъ кусочкомъ сургуча, валявшимся на столѣ, надписалъ на немъ нѣсколько словъ,—и аккуратно сунулъ его въ тотъ же бумажникъ, рядомъ съ конвертомъ съ прокламаціей.

Настала затѣмъ минута общаго, натянутаго молчанія.

Благообразный офицеръ обвелъ глазами кругомъ комнаты и остановилъ ихъ на исправникѣ, который, все съ тѣмъ же сумрачно возбужденнымъ выраженіемъ лица, стоялъ, опершись рукою о спинку кресла, и барабанилъ нервно по ней пальцами.

— Здѣсь, какъ бы не совсѣмъ твердо произнесъ онъ, — рѣшительно, кажется, все осмотрѣно?...

Факирскій передернулъ судорожно плечами, словно говоря „а тебѣ чего еще нужно?“

— Развѣ... въ другихъ комнатахъ? молвилъ тотъ съ тѣмъ же нетвердымъ оттѣнкомъ въ звукѣ голоса.

— Въ какихъ же это? рѣзко устремляя на него свои стальные глаза, воскликнулъ Троекуровъ.—Ужь не намѣрены ли вы распространить обыскъ вашъ на бумаги самого Павла Григорьевича Юшкова?

„А почему бы нѣтъ?“ промелькнуло въ отвѣтъ въ глазахъ капитана. Но врожденное чувство порядочности, да и точный смыслъ его инструкціи восторжествовали надъ „страстью къ слѣдственной дѣятельности“. Онъ чуть-чуть покраснѣлъ и затеребилъ себя за кончикъ уса съ озабоченнымъ видомъ.

— Въ такомъ случаѣ, слегка заикаясь и поводя съ замѣтнымъ смущеніемъ глаза на Гришу, промолвилъ онъ, — мнѣ остается просить васъ... собираться въ путь. Мнѣ предписано доставить васъ... безъ промедленія... въ Петербургъ.

— Я готовъ! громко и спокойно проговорилъ студентъ — глядя не на него, а на Троекурова: „ты-молъ посмотришь — стану-ли я *волноваться* теперь!“

— Вы хотите... сейчасъ? воскликнулъ въ первую минуту тотъ: — его мать пріѣзжаетъ сегодня вечеромъ, дайте имъ проститься....

Гриша прервалъ его; лицо его поблѣднѣло какъ полотно:

— Нѣтъ, не надо, Борисъ Васильевичъ, ради Бога! Пусть сейчасъ ужь, сейчасъ и кончено!...

— Я не смѣю, возразилъ со своей стороны голубой офицеръ: — мнѣ предписано быть съ *ними* въ Петербургѣ 27-го числа, а сегодня 25-е; мы едва успѣемъ завтра въ Москву къ вечернему поѣзду.

„И тò, подумалъ Троекуровъ, она поскачетъ за сыномъ въ Петербургъ, дадутъ ей тамъ съ нимъ свиданіе и не одно; а тутъ такое оранье пойдетъ, что и ни сыну, ни отцу духомъ не выдержать“.

— Вотъ чтò, если такъ, сказалъ онъ громко, — я пошлю вамъ сейчасъ кого-нибудь уложить вашъ чемоданъ, какъ бы чтобъ ѣхать къ намъ, во Всесвятское, на нѣсколько дней, а отсюда мы отправимся съ вами въ моей коляскѣ... Вы позволите, капитанъ? Мы избѣгнемъ такимъ образомъ суматохи въ домѣ, толковъ между прислугой. А плѣнникъ вашъ не уйдетъ, примолвилъ онъ съ насилованною улыбкой:—вы съ господиномъ исправникомъ поѣдете впереди, или сзади насъ; не доѣзжая до Всесвятскаго, онъ къ вамъ пересядетъ.

— Извольте-съ! согласился подумавъ голубой офицеръ.

— Борисъ Васильевичъ вышелъ изъ комнаты, послалъ встрѣтившагося ему слугу къ Гришѣ, а самъ направился въ кабинетъ.

Старики-братья сидѣли тамъ рядомъ другъ съ другомъ въ глубокомъ и скорбномъ молчаніи. Слова приходили и тутъ же замирали на ихъ устахъ... Палъ громъ и все спалилъ, все разрушилъ,—о чемъ же тутъ въ самомъ дѣлѣ говорить?... „Лишь бы Паша, Паша *вынесъ* это!“ стояло гвоздемъ въ головѣ смотрителя. „Сынъ... единственный, одна была надежда, сынъ—преступникъ!... И чѣмъ же я теперь мать его утѣшу?“ тупымъ, безпощаднымъ ножомъ рѣзало по сердцу Павла Григорьевича: — „вернулся я живымъ изъ *того* ада, для чего? — чтобы до этого дожить!“

— Ну чтò? глухо вырвалось у смотрителя при видѣ входившаго Троекурова.

— Ничего не нашли, кромѣ записки... отъ того мерзавца.

приглашаетъ его на свиданіе съ нимъ въ лѣсъ для „нужнаго дѣла“. Вздоръ въ сущности...

— А самъ какъ себя держитъ? словно помимо воли и не глядя на него, спросилъ морякъ.

— Ничего. Волновался было; утихъ. Объявилъ, само собою, что никакого Овцына, ниже Ѳедорова не знаетъ. А я прямо показалъ на негодяя... Вообразите, что они въ Петербургѣ не знаютъ даже, что онъ былъ здѣсь, а въ Москвѣ жандармскій же полковникъ предварилъ объ этомъ отца его, стараго дурака, дядю моей жены, чтобы тотъ посовѣтовалъ сыну скрыться, пока онъ, жандармъ, будетъ дѣлать распоряженіе о его поимкѣ. Не знаю ужь, что̀ это: пошлость, или измѣна, если не то и не другое вмѣстѣ?... Во всякомъ случаѣ, я увѣренъ, Гришѣ большой бѣды не ждать. Отнесутъ къ „увлеченію молодости“, какъ говорилъ вотъ сейчасъ ему этотъ разлюбезный офицеръ...

— Мы въ молодости, прервалъ его голосомъ полнымъ жгучей горечи Павелъ Григорьевичъ,—мы честью Россіи увлекались; а онъ, вы слышали сейчасъ, и вовсе „упразднить“ ее желаетъ.

— Борисъ Васильевичъ пожалъ плечами:

— Слова пустыя!

— Слова? А за ними что̀? Ни совѣсти, ни любви, ни вѣры въ святое!... Пустота безъисходная!

— У вашего сына все это напускное, сказалъ Троекуровъ, — временная дань нелѣпому времени; съ него все это очень скоро соскочитъ...

— Тряпичныя душонки! перебилъ его еще разъ морякъ; — вы говорите: „скоро соскочитъ“. Утѣшили, думаете? Намъ желѣзныя воли на добро нужны теперь, а ихъ у насъ, видно, только на гибель свою и чужую хватаетъ...

Старшій Юшковъ поспѣшно заговорилъ свое:

— Паша, ты только мучаешься безконечно! Спроси лучше Бориса Васильевича, какъ лучше поступить теперь, чтобы спасти Гришу? Если бы ты написалъ, напримѣръ, прямо въ руки Государю, неужели бы онъ, при своей добротѣ и знаешь твои заслуги, отказалъ тебѣ?

— Ни единой строчки не напишу, сурово оборвалъ его братъ:—царь не откажетъ, да я не хочу! Писать ему, службой моею бывшею постыдно похваляться предъ нимъ, — для чего? Чтобъ онъ мнѣ отдалъ безнаказаннымъ преступнаго мальчишку потому единственно, что онъ сынъ мой? Такъ мнѣ такого и даромъ не нужно! Если онъ въ отцовскомъ домѣ не выучился до сихъ поръ мыслить здраво и чувствовать честно, по-русски и по-христіански чувствовать,—такъ пусть въ иной школѣ, въ ссылкѣ да въ нуждѣ этому научится. А не въ прокъ ему и это пойдетъ, намъ уже не видаться съ нимъ въ жизни,—Богъ далъ, Богъ взялъ, да будетъ Его воля святая!

— Его увозятъ сейчасъ, Павелъ Григорьевичъ, проговорилъ морщась Троекуровъ.

Смотритель схватилъ себя обѣими руками за голову:

— Увозятъ! Ты слышишь, Паша, нашего Гришу увозятъ!.. Ты его хоть на муку-то на эту благослови!

Бѣдный отецъ повелъ на него помутившимися глазами:

— Увозятъ, безсознательно повторялъ онъ,—что-жь... мы знали... И вдругъ съ неудержимымъ порывомъ: — А они всѣ тамъ, властители наши, что̀ они дѣлаютъ, застоналъ онъ, — за что̀ они даютъ губить нашихъ дѣтей! Все изъ рукъ повыпустили, безпомощно глядятъ, какъ отравляютъ цѣлое поколѣніе... Петрово наставленіе забыли: „дадеся бо имъ власть въ созиданіе, а не разрушеніе!!..“ *)

Дверь въ эту минуту отворилась, и на порогѣ ея, блѣдный, съ судорожнымъ усиліемъ казаться спокойнымъ, показался Гриша. Въ просвѣтѣ за нимъ мелькнула на мигъ фигура въ голубомъ форменномъ сюртукѣ (рачительный офицеръ „на всякій случай“ счелъ нужнымъ провести самъ чрезъ покои неизвѣстнаго ему дома своего арестанта до кабинета его отца,) и тутъ же скрылась.

Въ комнатѣ водворилось мгновенно мертвенное молчаніе. Изъ-подъ насупившихся бровей глаза Павла Григорьевича лихорадочно устремились на сына; грудь его учащенно подымалась и осѣдала подъ заходившею тканью халата...

---

*) Петра I объ уничтоженіи патріаршества.

Гриша подошелъ къ самому креслу его:

— Я пришелъ проститься съ вами, папа, прошепталъ онъ, осиливая дрожавшіе звуки своего голоса.

Тотъ глядѣлъ ему уже прямо въ глаза съ выраженіемъ невыносимой тоски...

— Что̀ же я теперь матери твоей скажу? былъ онъ только въ силахъ выговорить сквозь запекшіяся губы.

Колѣни юноши такъ и подогнулись подъ нимъ; онъ нагнулся и палъ къ ногамъ отца, головою ему на грудь.

— Простите меня, папа, простите! прорвалось у него истерическимъ воплемъ...

Мускулистыя руки стараго Севастопольца охватили какъ обручемъ эту молодую бѣлокурую голову, словно съ тѣмъ, чтобы не выпустить, не отдать ее никому на свѣтѣ... и тутъ же разомкнулись и пали безвластно на его колѣни...

— Казнись напередъ предъ закономъ и Государемъ, пусть они тебя помилуютъ! съ какимъ-то сверхчеловѣческимъ усиліемъ проговорилъ онъ:—ступай!..

— На томъ и стоять будетъ, повѣрьте, Борисъ Васильевичъ! торопливымъ и прерывающимся шепоткомъ говорилъ четверть часа послѣ этого старшій Юшковъ, выходя съ Троекуровымъ на крыльцо, къ которому поданы были экипажи уѣзжающихъ. — Я его знаю: „желѣзная воля“, вотъ какъ самъ говоритъ, та̀къ это у него именно! Истомится весь, исчахнетъ самъ, а какъ сказалъ, такъ и не отступится.

— Все равно, ма̀ть пріѣдетъ, прошеніе подастъ, отвѣтилъ сквозь зубы Троекуровъ.

— И ее не пуститъ, повѣрьте! „Пусть какъ законъ“, скажетъ... А Гришу засудятъ между тѣмъ: благородный онъ сердцемъ какъ отецъ — на себя все будетъ принимать, запутается... Если и не въ Сибирь, такъ въ дальнюю губернію сошлютъ, не дадутъ въ университетѣ курсъ кончить...

Борисъ Васильевичъ раздумчиво поглядѣлъ на него, прищурился:

— Ну такъ вотъ что̀, обрывисто уронилъ онъ:—я поѣду въ Петербургъ. У меня тамъ старыя отношенія... Перепортить все будущее молодаго человѣка, дѣйствительно, не трудно...

— Голубчикъ, благодѣтель! воскликнулъ, весь просіявъ, старикъ-смотритель, схватывая его руку обѣими руками и прижимая ее къ сердцу.

— Полноте, Василій Григорьевичъ, оставьте!... Вотъ и племянникъ вашъ идетъ со своимъ ангеломъ-хранителемъ, насмѣшливо добавилъ Троекуровъ, кивая на выходившаго изъ сѣней въ сопровожденіи жандармскаго капитана Гришу: — ступайте, скажите ему: „до свиданія, до близкаго!“

— Вашими бы устами медъ пить, Борисъ Васильевичъ!

И старикъ кинулся къ племяннику...

XVIII.

Mit der Dummheit kämpfen selbs
Götter vergebens.

Schiller.

Въ верстѣ отъ Всесвятскаго экипажи остановились, т
какъ по уговору „арестантъ“ изъ коляски Бориса Васи
вича долженъ былъ пересѣсть здѣсь въ тарантасъ исправн
и его спутника. Прощаясь съ нимъ предъ тѣмъ и друже
пожимая его холодную руку, Троекуровъ сказалъ ему:

— Ну, Гриша, до скораго свиданія, надѣюсь, а пока в
вамъ добрый совѣтъ. *Вывертываться* не въ вашей натур
да оно и не красиво въ сущности, промолвилъ онъ ско
говоркой: — ведите же себя *тамъ* такъ, какъ прилично с
вашего отца. Помните его слова: „Пусть простятъ тебя пре
законъ и Государь“. Руководствуйтесь этимъ: откровенн
полное сознаніе! Вы не можете не видѣть, что поступали
смысленно: вашихъ непрошеныхъ благодѣтелей народа эт
же народъ разорветъ въ клочки при первомъ подозрѣніи,
они „противъ Царя бунтуютъ“. Народъ имъ не обмануть, к
обманывалъ васъ этотъ негодяй... Вы отрицали сейчасъ ва
знакомство съ нимъ: это нелѣпое донъ-кихотство! Не вы
его *выдалъ;* можете поэтому быть съ этой стороны соверше
спокойнымъ. Вамъ теперь *тамъ* никто и не повѣритъ,
прокламаціи получены вами не отъ него. А если бы ва
удалось и разувѣрить *ихъ* въ этомъ, то вышло бы вотъ ч
стали бы заподозривать и привлекать другихъ, невинны
Этого-ли вы желаете? строго спросилъ Борисъ Васильевич

и улыбнулся чрезъ мигъ какъ бы невольно прорвавшеюся, ироническою улыбкой. — А въ заключеніе, милый мой, примите къ свѣдѣнію, что васъ *тамъ* ждутъ не волки, а овцы, наряженныя въ волчьи шкуры... и очень даже неловко себя чувствующія въ этой роли волковъ, договорилъ онъ сквозь зубы. — Вы, можетъ быть, Сильвіо Пеллико читали, воображаете себѣ какой-нибудь Шпильбергъ или Кёнигштейнъ, съ желѣзными затворами, цѣпями въ стѣнахъ и всякими романическими пытками? Разочаруйтесь, юноша: васъ будутъ укладывать спать на пружинномъ матрацѣ, кормить отлично и угощать такими же отличными сигарами, если вы ихъ курите...

— Борисъ Васильевичъ, прервалъ его Гриша, весь покраснѣвъ,—вы меня ужасно презираете!

— Это почему?

— Вы утѣшаете меня, будто малаго ребенка.

Тотъ засмѣялся:

— Ни то и ни другое. Не утѣшаю, такъ какъ говорю чистѣйшую правду о необыкновенной „гуманности" (такъ вѣдь это у васъ поновому говорится?), которая ждетъ васъ тамъ, гдѣ пожалуй менѣе всего ожидать слѣдовало бы. А презирать васъ за что̀? Развѣ больныхъ презираютъ? А вы... вы сынъ вашего времени и не ушли отъ его болѣзни... Э, да что̀ тутъ говорить! къ удивленію молодаго человѣка воскликнулъ нежданно Троекуровъ, нервно заморгавъ, какъ бы отъ ощущенія внезапной, внутренней боли:—развѣ у каждаго поколѣнія, у насъ, не было, нѣтъ своей болѣзни!... Хорошо, если, какъ у васъ, не продолжительна она и пройдетъ безъ слѣда...

Онъ такъ же нежданно оборвалъ и замолкъ, отвернувшись отъ своего спутника.

— Ну, прощайте, молодой человѣкъ, сказалъ онъ, оправившись вдругъ, — васъ эти господа ждутъ... вотъ и исправникъ идетъ за вами... Прощайте, и еще разъ: кайтесь откровенно, какъ это велитъ вамъ собственное сердце ваше, я знаю...

Гриша, глотая слезы, крѣпко обнялъ его и поцѣловалъ.

— Успокойте отца... Я только за него боюсь! прошепталъ онъ ему на ухо и, стремительно выскочивъ изъ коляски, побѣжалъ къ тарантасу.

Исправникъ между тѣмъ подошелъ къ Троекурову:

— Вы обо мнѣ дурно судите, Борисъ Васильевичъ, началъ онъ, съ видимо надуманною рѣшительностью и вмѣстѣ съ неодолимымъ смущеніемъ, — и имѣете на это основаніе, признаю... Но повѣрьте, если-бъ я могъ предвидѣть... Сбитые мы всѣ съ толку люди, чувствую! вырвалось у него вдругъ стенящимъ звукомъ изъ груди, и онъ какъ бы еще болѣе сконфузился.—Прошу извиненія...

Онъ торопливо поднесъ руку къ фуражкѣ и, замѣтно избѣгая подать свою или принять руку собесѣдника, также поспѣшно наклонилъ голову, повернулся и почти бѣгомъ направился обратно къ своему экипажу.

— „Сбитые съ толку люди", повторилъ про себя Троекуровъ, задумчиво глядя ему вслѣдъ, — „да... „одержимые" вспомнилось ему вдругъ *словцо* маленькой, „полуюродивой", какъ почиталъ онъ ее, пріятельницы жены его, Лизаветы Ивановны Срѣтенской, переданное ему однажды Сашенькой и поразившее его тогда, — „одержимые", да, всѣ... всѣ мы... И странно: онъ, этотъ какой-то фантазеръ въ полицейскомъ мундирѣ, онъ мнѣ въ сущности сказалъ то же самое, что я за минуту предъ этимъ говорилъ Гришѣ"...—Онъ усиленно заморгалъ опять прищуренными глазами...—„Да, только источникъ и свойства болѣзни иныя", словно въ утѣшеніе себѣ сказалъ онъ чрезъ мигъ, какъ-то неопредѣленно улыбаясь.

Онъ откинулся въ уголъ коляски и нетерпѣливо крикнулъ кучеру:

— Ну, пошелъ!...

Лошади помчали.

Звонъ колокола, слышный на весь домъ, возвѣщалъ обѣденный часъ, когда Троекуровъ входилъ въ свои покои.

— У барыни гости, доложилъ ему въ уборной камердинеръ, подавая ему переодѣться.

— Кто такіе?

— Госпожа княгиня Шастунова и господинъ Моховъ — чиновникъ изъ губерніи... Да съ княгиней еще одно духовное лицо прибыло, добавилъ, чуть-чуть усмѣхаясь, камердинеръ — еще молодой, франтоватый и лукавый малый.

— Какое духовное лицо? спросилъ Троекуровъ, взглянувъ на него строгими глазами.

— Не могу знать-съ, отвѣтилъ тотъ, принимая немедленно почтительнѣйшій и даже съ оттѣнкомъ дураковатости видъ:—священникъ ихній, полагать должно такъ.

Борисъ Васильевичъ вымылся, перемѣнилъ бѣлье и костюмъ и, съ едва скрываемою на лицѣ досадой на предвидѣвшуюся имъ „адскую скуку", прошелъ въ столовую.

Хозяйка съ гостями стояли тамъ еще у стола съ закуской.

— А, вотъ и мужъ мой! воскликнула радостно Александра Павловна, завидя его: — я совсѣмъ не ждала тебя къ обѣду, Борисъ, думала, что ты тамъ, у Юшковыхъ, останешься... Что̀ у нихъ? говорила она, пока онъ раскланивался и пожималъ коротенькіе, все также унизанные брилліантовыми перстнями, пальцы Аглаи Константиновны.—Ты, надѣюсь, monsieur Мохова помнишь? спохватилась она, обертываясь въ сторону молодаго чиновника. Розовыя ея щеки заалѣли при этомъ уже совсѣмъ пунцовымъ колеромъ, и она тутъ же отвернулась.

— Очень радъ, учтиво произнесъ хозяинъ, пожимая руку гостя, покраснѣвшаго въ свою очередь какъ піонъ при сей вѣрной оказіи (онъ былъ все такъ же застѣнчивъ и горѣлъ все тѣмъ же пыломъ юношеской страсти къ той же Сашенькѣ)...

— Permettez moi, cher monsieur Троекуровъ, возгласила въ то же время княгиня своимъ пѣвучимъ голосомъ,—de vous présenter mon aumônier, le père Парѳенъ... Il est très comme il faut pour un prêtre, добавила она уже шепоткомъ и значительно помахивая головой,—c'est pourquoi je me suis permis de l'amener avec moi chez vous.

„Духовное лицо", котораго просвѣщенная Аглая Константиновна представляла подъ затѣйливымъ названіемъ своего „aumônier", былъ рослый, широкоплечій и курносый господинъ лѣтъ тридцати, изъ того типа людей, которыхъ зовутъ „бѣлыми неграми", гораздо короче остриженный, чѣмъ это вообще полагается въ священническомъ санѣ, съ подстриженною же свѣтлорусою бородкой и въ щеголеватой, тонкаго темнозеле-

наго сукна рясѣ, изъ-подъ широкихъ рукавовъ которой выставлялись рукава шелковаго подрясника цвѣта pensée, а у самыхъ кистей рукъ блестѣли оправленныя въ золото аметистовыя запонки на выдернутыхъ, замѣтно, съ особеннымъ тщаніемъ впередъ рукавчикахъ сорочки безукоризненной бѣлизны; такая же бѣлая линія откладныхъ, *по-свѣтски* скроенныхъ воротничковъ, застегнутыхъ такою же аметистовою запонкой, виднѣлась надъ совершенно низкимъ воротомъ рясы. Онъ держалъ въ лѣвой рукѣ тонкій носовой платокъ съ какимъ-то голубенькимъ по бортамъ его рисункомъ и небрежно обмахивалъ имъ свое черство-бурое лицо, въ ожиданіи, когда кончитъ говорить его патронесса, не то снисходительно, не то скучливо ухмыляясь крупными непріятными губами.

— Trop „comme il faut“ даже, подумала Александра Павловна, мелькомъ взглянувъ на него и избѣгая въ то же время его, какъ успѣла ужь она замѣтить, самоувѣреннаго, чтобы не сказать дерзкаго, взгляда.

— Парѳеній Виссаріоновичъ Лебедкинъ, отчеканилъ онъ самъ густымъ груднымъ баритономъ вслѣдъ за представленіемъ княгини, развязно кланяясь и первый протягивая свою правую руку навстрѣчу чаемой руки хозяина.

Тотъ какъ бы не замѣтилъ ея и, не подавая своей, указалъ ею на столъ, за который ужь усаживались дамы:

— Милости просимъ, супъ поданъ, сказалъ онъ ему коротко и сухо.

Развязный „aumônier“ нѣсколько опѣшилъ, опустился на стулъ подлѣ Мохова и, развернувъ свою салфетку, презрительно повелъ губами.

Троекуровъ сѣлъ въ свою очередь подлѣ гостьи. Глаза его мгновенно и безпокойно обѣжали кругомъ стола.

— Киры не будетъ! поспѣшно выговорила Сашенька — угадывая, кого искали эти глаза: — у нея, у бѣдной, ужасно голова разболѣлась, она легла даже...

— Mais je la verrai, j'espère? запѣла княгиня:—вы знаете — она всегда была ma grande favorite. У нея un je ne sai quoi, которое мнѣ ужасно напоминаетъ ma pauvre Lina de *funte.* Она вздохнула, повела глазами вверхъ и, не перемѣняя

интонаціи: — А какъ вамъ не стыдно, chère madame Troekourof, что вы до сихъ поръ не видѣли моей церкви, которую я устроила en sa mémoire... Тамъ прежде театръ былъ въ этомъ флигелѣ, et pauvre Lina y a même joué le role d'Ophélie dans une pièce de Shakespeare, и вотъ тутъ теперь я сдѣлала церковь... Хотя это и mon oeuvre, но я должна сказать que c'est vraiment charmant... Она еще разъ вздохнула и сообщила уже таинственно:—cela m'a coûté les yeux de la tête, plus de cinquante mille, но за то c'est un vrai bijou, je vous assure; спросите отца Парѳена.

— Храмикъ веселенькій вышелъ, дѣйствительно! одобрительно проронилъ тотъ, щурясь на молодую хозяйку, съ кототорою сидѣвшій подлѣ нея Моховъ болѣзненно жаждалъ начать разговоръ и все не рѣшался.

— „Веселенькій"? саркастично повторилъ Троекуровъ (отсутствіе княжны дразнило его и подымало ему всю желчь въ груди,):—оригинальный эпитетъ, хотя бы и для „храмика"!

Отецъ Парѳенъ завернулъ подкладкой вверхъ рукавъ своей рясы, взялъ тремя пальцами налитую ему дворецкимъ рюмку лафита, причемъ мизинецъ, съ какимъ-то на немъ женскимъ перстенькомъ, изящно оттянулъ въ бокъ, выпилъ ее залпомъ и, ставя рюмку на прежнее мѣсто:

— По духу времени и характеръ постройки соотвѣтствующій, проговорилъ онъ на манеръ сентенціи и невозмутимо вытеръ себѣ губы салфеткой.

— Вотъ какъ! громко уже засмѣялся Борисъ Васильевичъ, съ любопытствомъ глядя на этотъ, еще не встрѣчавшійся ему, экземпляръ *современнаго* „духовнаго лица".

— *Чело-ве-чественно* должно быть, тѣмъ же вѣскимъ тономъ отлилъ тотъ,—потому что времена мрачнаго мистицизма отошли нынѣ абсолютно во тьму вѣчности, и живъ и бодръ единственно свободный разумъ человѣческій, такъ чтобъ такъ и говорило, по возможности, подмигнулъ даже онъ при этомъ.

— О Творцѣ, о Богѣ долженъ говорить храмъ Божій! воскликнула вся взволнованная Сашенька.

— Конечно, какъ бы уступая ей изъ любезности, отвѣтилъ онъ, проводя себѣ рукой по бородѣ и ухмыляясь опять своею,

„противною“ ей, усмѣшкою:—для массы невѣжественнаго народа соотвѣтственный сему представленію внѣшній видъ благопотребенъ и даже, до умственнаго просвѣтленія ея, въ нѣкоторомъ смыслѣ неизбѣженъ есть... Иное совсѣмъ дѣло, сударыня, для организма, способнаго критически смыслить. Какъ это *настоящимъ образомъ* разумѣть, подчеркнулъ онъ,—вопросъ большой! Потому что слово *Богъ*—понятіе, такъ сказать, пространственное, растяжимое даже до чрезвычайности... Сами вы, полагаю, не безъизвѣстны, что современная наука, къ примѣру, никакого прежняго приниманія *на вѣру* не допускаетъ, и слѣдственно развитая человѣческая личность...

Но устремившіеся на него теперь глаза молодой женщины выражали такое негодованіе и ужасъ, что онъ, какъ бы нѣсколько испуганно, оборвалъ на полусловѣ свою проповѣдь и, для „контенанса“, потянулся рукою къ кружкѣ за квасомъ, стоявшимъ предъ нимъ на столѣ.

А Аглая Константиновна тѣмъ временемъ, указывая на него глазами, шептала своему сосѣду:

— Très instruit! On peut parler de tout avec lui.

И тутъ же, принимая еще разъ свой таинственный видъ:

— Je le paye très cher, mille deux cents par an, sans compter les cadeaux. Il m'a été recommandé par madame Bazine, née Savatief—vous savez, cette dame si influente à Saint-Pétersbourg.

„Она, дѣйствительно, *колоссальная*!“—сказалъ себѣ Троекуровъ, глядя на нее невольно тѣмъ взглядомъ, какимъ смотрятъ на рѣдкостное животное...

— А вы въ наши страны надолго? обратился Троекуровъ любезно къ сидѣвшему противъ него Мохову.

— У меня порученіе въ вашемъ уѣздномъ городѣ, заспѣшилъ отвѣтить тотъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ... Я бы, конечно не позволилъ себѣ... такъ, отъ себя, явиться къ...

Онъ запнулся, словно зацѣпился за бревно на пути, и не продолжалъ, но внимательно глядѣвшій на него Троекуровъ понялъ изъ выраженія его вдругъ смутившагося лица, что за этимъ скрывалось что-то, что онъ выговорить вслухъ считалъ *почему-то* неудобнымъ.

— Очень радъ, напротивъ, очень радъ! сказалъ онъ ему, все такъ же любезно и поощрительно улыбаясь.

Моховъ опустилъ глаза и наклонилъ благодарно голову.

— Et moi, vous savez, я отъ васъ прямо въ Москву ѣду! громко и тяжело вздохнула вдругъ Аглая Константиновна.

— Да-а? протянула Сашенька: — въ деревнѣ такъ еще хорошо въ эту пору...

— N'est-ce pas? И она вздохнула опять:—я никогда и не возвращаюсь изъ моего Сицкаго avant la mi-octobre... И вотъ *она* заставляетъ меня теперь тащиться въ городъ *par* cette chaleur и для такихъ... непріятныхъ объясненій...

— Кто это? невольно спросилось Александрою Павловной.

— Mais vous savez, эта женщина, cette ex-Olga Akouline, que mon fils Basile a fait la bêtise d'épouser et qui est si indigne du nom qu'il lui a donné... И она теперь все грозитъ, что будетъ на меня жаловаться à Sa Majesté l'Empereur pour un argent que je ne lui ai jamais pris, примолвила она, изображая движеніемъ губъ настолько же гадливости, насколько и презрительности къ такой невѣроятной претензіи:—и здѣшній предводитель, un monsieur que je ne connais pas, былъ у меня и говорилъ, что если я не кончу съ нею à l'amiable, онъ напишетъ объ этомъ губернатору, чтобы тотъ *довелъ до свѣдѣнія*, il m'a dit cela littéralement, c'est à dire, un доносъ на меня à Sa Majesté,—figurez vous cela!...

Троекуровъ чуть не злыми глазами взглянулъ на нее (она была ему еще болѣе гадка, чѣмъ смѣшна,):

— И напишетъ непремѣнно: это его долгъ! подтвердилъ онъ.

Аглая вся поблѣднѣла даже подъ своими румянами. Она растерянно подняла глаза на Бориса Васильевича и, не выдержавъ „l'horrible expression de sa physionomie" (такъ выразилась она мысленно,), обратила ихъ тутъ же на молодую хозяйку:

— Et voilà comment sont les hommes, chère madame Troekourof! полуплача, полуигриво проговорила она:—и все это потому, что она une jolie femme... Elle ne le sera pas longtemps! совершенно нежданно всклинкнула она чрезъ мигъ.

— Почему вы думаете? съ удивленіемъ спросила Сашенька:—она еще совсѣмъ не такъ стара...

— Она очень больна, я узнала вчера, elle a fait une fausse couche très malheureuse, à la suite d'une chûte...

И, еще нежданнѣе, княгиня поспѣшно вытащила платокъ изъ кармана и принялась плакать уже самымъ жестокимъ образомъ.

Молодая женщина даже испугалась:

— Княгиня, успокойтесь,—дастъ Богъ, все благополучно пройдетъ...

— Vous ne savez pas, не слушая продолжала разливаться та,—c'était mon seul espoir, что у нея родится сынъ, потому, вы знаете, mon propre fils Basile est un расточитель et il a été exilé pour cela en Asie, по моей просьбѣ, par Sa Majesté, et comme cela у меня былъ бы un petit-fils, и онъ былъ бы par mon testament мой héritier unique, а Базилю я назначила бы пенсію pour qu'il ne meure pas de faim... И ей тоже я хотѣла пенсію давать, чтобы она могла жить прилично, comme mère d'un prince Шастуновъ... Но она ни на что не хотѣла согласиться, и уѣхала въ Москву, и, Богъ знаетъ, какую вела тамъ жизнь pour une femme mariée, вѣчно съ этимъ écervelé, Ашанинымъ, qui la compromettait encore comme demoiselle, а теперь, comme exprès, взяла и сдѣлала une fausse couche qui tue toutes mes espérances en germe, je puis dire.

— Какъ это случилось, вы знаете? обрывисто спросилъ Борисъ Васильевичъ:

— Il paraît, что она, все съ тѣмъ же mauvais sujet d'Achanine, поѣхала въ коляскѣ въ Петровскій паркъ, и тамъ пьяный кучеръ наѣхалъ на что-то и вывернулъ ихъ. Elle a perdu connaissance sur place, и думали, что она убита. Il s'est trouvé que non, но въ тотъ же вечеръ съ ней *это* случилось, et après cela s'est déclarée une fièvre très dangereuse, dit-on... И теперь, vous comprenez, si *elle* doit mourir, говорила Аглая уже съ видимою тревогой въ чертахъ,—у нея могутъ найтись наслѣдники какіе-нибудь, qui voudront faire du chantage avec moi насчетъ этихъ... денегъ, которыя она теперь требуетъ отъ *меня...*

— Непремѣнно! съ короткимъ злораднымъ смѣхомъ подтвердилъ Троекуровъ, отсылая рукою блюдо, которое подавалъ ему въ эту минуту офиціантъ (онъ ничего не былъ въ состояніи ѣсть, и Сашенька съ безпокойствомъ замѣчала это).

— Vous croyez aussi? протянула княгиня, съ новымъ испугомъ вперяя ему въ лицо свои круглыя зѣницы. И вдругъ улыбнулась какъ-бы противъ воли и какъ-бы вспомнивъ нѣкое соображеніе, при которомъ въ ея сужденіи и собственныя ея опасенія, и „пуганія" ея другими (она не сомнѣвалась, что „ce méchant monsieur Троекуровъ" нарочно, и даже съ особеннымъ удовольствіемъ, пугаетъ ее,) должны будутъ оказаться самою пустою химерой:

— Mais, vous savez, quand une personne se meurt, elle est toujours disposée à se réconcilier avec ses proches. Когда я узнала, что *она* dans cet état, я сейчасъ же рѣшилась ѣхать въ Москву pour la voir и уговорить ее d'abandonner ses prétentions, а я de mon côté все ей прощу, Богъ съ ней, qu'elle meure tranquille!.. И я нарочно для этого, домолвила она, покачивая головой съ такимъ видомъ, будто разумѣла этимъ что-то не то очень жалкое, не то чрезвычайно глубокомысленное, — взяла съ собою le père Парѳенъ pour qu'il lui parle de religion.

Троекуровъ не выдержалъ: его пронялъ неудержимый, судорожный хохотъ...

Княгиня даже привскочила на своемъ стулѣ:

— De quoi riez vous si fort, monsieur Троекуровъ?

— Вашей изобрѣтательности, княгиня, вашей изобрѣтательности! Заставить „религію" служить практическимъ цѣлямъ,—это выходитъ у васъ такъ остроумно и тонко, что хоть любому святому отцу іезуиту будетъ въ-пору!..

— N'est-ce pas? воскликнула Аглая, совершенно успокоенная и совершенно довольная.

— Несомнѣнно!...

Глаза Бориса Васильевича встрѣтились нечаянно въ этотъ мигъ съ глазами отца Парѳена... Онъ не продолжалъ.

Развязный „aumônier" видимо наслаждался его бесѣдой съ умною княгиней; онъ небрежно поигрывалъ своимъ ножемъ

и глядѣлъ на говорившаго поощрительнымъ взглядомъ, словно говоря: „А ну-ка, поддай ей еще горяченькаго, мнѣ на потѣху“.

„Кто изъ нихъ мерзѣе, право, не знаю“, подумалъ Троекуровъ, съ едва скрываемою гадливостью отворачивая отъ него лицо...

А у молодой жены его негодовало сердце на „безсердечную, *гадкую* жадность *этой женщины*“ такъ, что она не въ силахъ была не выразить этого:

— Вы обѣщаетесь простить ей, княгиня, проговорила она возбужденнымъ голосомъ,—это очень хорошо, если *она* предъ вами виновата... Но *она* была у меня и разсказывала, что пріѣзжала къ вамъ въ Сицкое, и вы *ее* къ себѣ на дворъ не пустили, жену вашего сына... И она теперь, бѣдная, говорите вы, можетъ быть, умретъ... Развѣ это не останется на вашей совѣсти?...

Аглая ужасно разобидѣлась:

— Я никогда не ожидала, chère madame Troekourof, захныкала она сразу,—что вы мнѣ въ вашемъ домѣ будете говорить des choses aussi épouvantables!—Cette femme a suborné mon fils Basile, когда онъ, avec son nom et la fortune qu'il devait tenir de moi, могъ сдѣлать le plus beau parti de Saint-Pétersbourg... Я ѣздила сама въ Петербургъ, и мнѣ тамъ говорили, on m'a proposé même... une demoiselle Savatief, très belle; у нея мать née princesse Mordovtsof, et puis une famille trés influente, surtout la soeur, madame Basine: она со всѣми министрами première amie, и Basile par cette alliance былъ бы сдѣланъ aide de camp de Sa Majesté при первомъ случаѣ... А вмѣсто этого il est en Asie!... И я за это должна еще, можетъ быть, d'après vous, demander pardon à cette affreuse femme?..

Сашенька молчала; она только попеременно то блѣднѣла, то краснѣла, и все тошнѣе, и все гаже становилось у нея на сердцѣ.

Отвѣтилъ за нее мужъ:

— Княгиня, самымъ серьезнымъ тономъ началъ онъ, — будемъ надѣяться, что смерть, Богъ дастъ, избавитъ васъ отъ

этой affreuse femme; Basile votre fils станетъ тогда снова à prendre, вернется „изъ Азіи“,—и вы будете имѣть полную возможность женить его на mademoiselle Savatief, у которой сестра „première amie de tous les ministres“, и произведетъ его, я не сомнѣваюсь, не только во флигель-адъютанты, а хоть... въ егермейстеры, если это ей съ вами вздумается. Такимъ образомъ вы остаетесь въ чистомъ выигрышѣ, — на что же вамъ жаловаться?..

Александра Павловна, все также внутренно волнуясь, подняла на мужа глаза, полные упрека. Но онъ былъ правъ въ своемъ разсчетѣ: его рѣчь не только не возбудила новой бури въ опечаленномъ существѣ княгини Аглаи Константиновны, но разсѣяла въ ней и прежнія тучи. Она взглянула въ лицо Бориса Васильевича долгимъ и лукавѣйшимъ, въ намѣреніи ея, взглядомъ:

— Vous êtes, je vois, un homme de beaucoup d'esprit, monsieur Троекуровъ! рѣшила она нежданно, какъ бы осѣненная внезапнымъ вдохновеніемъ, и окончательно просіяла.

Послѣ обѣда общество перешло въ гостиную. Вслѣдъ за кофеемъ и ликерами камердинеръ Бориса Васильевича принесъ ящикъ сигаръ.

— Кому угодно, господа? предложилъ хозяинъ.

Моховъ отказался. Отецъ Парѳенъ, заворотивъ опять вверхъ подкладку рукава, погрузилъ немедля пальцы въ ящикъ, вытащилъ сигару и поднесъ ее къ ноздрямъ съ видомъ знатока:

— *Лосъ Амигосъ?*

— Кажется... Самъ я не курю сигаръ. Говорятъ, хорошія.

— Вижу, и цѣню!... Цѣню вообще все *хорошее*, подчеркнулъ тотъ и пріятно осклабился при этомъ.

Троекуровъ только глазами моргнулъ.

— Имѣлъ случай курить превосходнѣйшія этого самаго сорта въ С.-Петербургѣ, продолжалъ „aumônier“, закуривая и набирая дыму полонъ ротъ,—у одного благопріятеля моего, и даже родственника, тайнаго совѣтника Катапултова... Изволите его знать?

— Не знаю.

— Директоръ одного изъ важнѣйшихъ департаментовъ го-

сударственной администраціи; орденъ Бѣлаго Орла въ нынѣшнемъ году получилъ, какъ читалъ я въ *Санктъ-Петербургскихъ вѣдомостяхъ*,—синюю ленту... Личность вполнѣ развитая и либеральная, слѣдитъ постоянно за наукой и соціальнымъ движеніемъ народныхъ сословій Европы... Впрочемъ, перебилъ онъ себя и значительно взглянулъ на своего собесѣдника, какъ бы приглашая его обратить особое вниманіе на то, что онъ намѣревался сказать ему, — духъ свободной критики въ послѣднее время принялъ самый широкій объемъ и въ нашей литературѣ, какъ изволили вы вѣроятно сами замѣтить?

— Непроходимую безтолочь я замѣтилъ, это такъ! досадливо сорвалось на это съ губъ Троекурова. *Современный* экземпляръ русскаго „духовнаго лица“ былъ ему рѣшительно противенъ.

„Востеръ на языкъ дѣйствительно, а мозги слабы... Извѣстно,—дворянскіе!“ заключилъ про себя въ свою очередь тотъ и снисходительно ухмыльнулся:

— Конечно, если не вникать, такъ сказать, между строкъ... Нѣкоторая привычка требуется... Здѣсь впрочемъ и слѣдить за журналами нельзя настоящимъ образомъ... Онъ вдругъ нагнулся къ уху Бориса Васильевича и шепнулъ ему:—Моя-то сіятельная, само собою, въ литературѣ ни бельмеса; самъ же я затрудняюсь выписывать, ибо и мѣсто самое у нея взялъ, такъ сказать, *анъ атанданъ*,—счелъ онъ нужнымъ отпустить quasi по-французски,— въ ожиданіи обѣщанной мнѣ вакансіи въ одномъ изъ санктъ-петербургскихъ дворцовъ...

Борисъ Васильевичъ, не слушая его, всталъ и предложилъ Мохову пройти съ нимъ въ кабинетъ.

Но въ то же время княгиня Аглая Константиновна заявила желаніе проститься съ хозяевами и ѣхать, чтобы добраться до шоссе засвѣтло. Ея не удерживали... Она впрочемъ этимъ нисколько не обидѣлась, вспомнивъ приглашеніе на срокъ въ извѣстномъ Шипмаунткаслѣ и что „cela se fait toujours comme cela chez les gens *bien*“, нѣжно обняла Александру Павловну, причемъ заявила, что она всегда съ особеннымъ удовольствіемъ бываетъ во Всесвятскомъ, „parce que

votre maison est si bien tenue“, пожала руку ея мужа съ улыбкой, имѣвшею изобразить еще разъ нѣкое лукавство, и поплыла затѣмъ въ отведенную ей комнату переодѣться изъ своего визитнаго въ дорожное платье.

За нею поднялся и ея „aumônier“.

Троекуровъ раскланялся съ нимъ, опять не подавая ему руки. Благочестивая Сашенька со своей стороны никакъ не рѣшилась, прощаясь, подойти къ нему подъ благословеніе, и, поклонившись ему учтиво короткимъ поклономъ, побѣжала провожать свою гостью.

Увы, для отца Пароена уже не оставалось теперь сомнѣній: эти „аристократишки“ видѣли въ немъ все того же, прежняго „попа“, „кутейника“, которыхъ они привыкли „третировать анъ каналь“; они не поняли, что предъ ними предстоялъ „человѣкъ *новыхъ взглядовъ и образованія, понимающій приличіе* не хуже, чѣмъ они“, какъ они моющій себѣ руки французскимъ мыломъ и мѣняющій рубашку каждый день... „Прохвосты, бѣлая кость!“ шепталъ онъ.

Хозяинъ и Моховъ остались въ ней одни.

XIX.

Qui trompe-t-on ici?
Beaumarchais. *Le mariage de Figaro.*

Welche Tollheit, welcher Unsinn
Hat den Kopf dir eingenommen?
Göthe. *Scherz, List und Rache.*

Молодой чиновникъ быстро окинулъ глазами кругомъ се и съ новою краской на лицѣ (онъ, къ немалому своему стр данію, никогда не въ силахъ былъ превозмочь на первы порахъ врожденную ему робость,) наклонился къ Троекуров

— У меня къ вамъ... маленькое порученіе отъ господин начальника губерніи, Борисъ Васильевичъ, торопливо прог ворилъ онъ, избѣгая встрѣтиться съ нимъ глазами.

— Что̀ такое? спросилъ тотъ безъ малѣйшаго оттѣн изумленія въ голосѣ.

Это какъ бы еще болѣе усиливало робость его собесѣдник

— Порученіе не совсѣмъ обыкновенное, забормоталъ онъ, и совершенно... келейное... Его превосходительство получил изъ Петербурга запросъ по... по одному обстоятельству... к который требуется обстоятельное... разъясненіе... И преж чѣмъ истребовать отъ... уѣздной полиціи, онъ желалъ пол чить его... отъ васъ самихъ. Узнавъ, что я имѣю честь бы нѣсколько съ вами знакомымъ, онъ поручилъ мнѣ прос васъ... такъ сказать, частнымъ образомъ...

— Сдѣлайте милость!... Какое же это „разъясненіе?“ П какому-нибудь недоразумѣнію въ моемъ участкѣ?

— Дда-съ, отчасти... Но при этомъ еще одинъ... личны поступокъ вашъ...

— „Личный мой поступокъ?“ громко засмѣялся Троекуровъ, — вотъ какъ! И вашъ губернаторъ требуетъ отъ меня „разъясненія“ по этому поводу? Интересно! Что̀ дальше?...

Моховъ поспѣшно сунулъ руку въ боковой карманъ, вынулъ изъ него конвертъ, а изъ конверта тщательно сложенный нумеръ *Колокола:*

— Начальникъ губерніи... проситъ васъ прочесть, вымолвилъ онъ съ видимымъ усиліемъ.

Борисъ Васильевичъ взялъ нѣсколько недоумѣло листокъ, но, не развертывая еще его:

— Это что̀ же? спросилъ онъ.

— Тамъ именно... изложено... не договорилъ Моховъ, подымая на него и тотчасъ же опуская вѣки.

— А! О моемъ „поступкѣ?“... Виноватъ, я никакъ не могъ понять сначала... „Разъясненіе“, слѣдовательно, требуется отъ меня по докладу господина Герцена? Оригинально во всякомъ случаѣ... Въ чемъ же дѣло?

— Вотъ тутъ-съ... на послѣдней страницѣ, въ рубрикѣ: *Правда-ли?...*

— А, да!...

И Троекуровъ началъ громко читать:

„*Правда-ли*, что въ *** скомъ губернскомъ присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ состоялось на дняхъ рѣшеніе, по которому у крестьянъ *** скаго уѣзда, деревни Блиновъ, вопреки прямымъ статьямъ Положенія 19 февраля и чувству самой простой справедливости, выключены изъ надѣла и отмежеваны въ пользу бывшаго помѣщика луговыя угодья по Окѣ, которыми крестьяне эти искони пользовались, и что состоялся такой Шемякинъ судъ чрезъ давленіе, производимое на членовъ присутствія нѣкіимъ Троекуровымъ, мѣстнымъ феодаломъ изъ бывшихъ кавказскихъ наѣздниковъ, которому въ недобрый часъ вздумалось промѣнять дешевые лавры военнаго каріериста на цѣпь мироваго посредника? Чего же смотритъ г. Гундуровъ, состоящій въ числѣ этихъ членовъ? А еще адвокатъ ex professo крестьянскихъ интересовъ, которые онъ въ свое время и защищалъ, законодательствуя въ крестьянскихъ коммиссіяхъ! Но, какъ видно, съ тѣхъ поръ, какъ перешелъ

отъ словъ къ дѣлу, онъ, какъ истый московскій мудрецъ, часъ и почувствовалъ умаленіе „энергіи?“

„*Правда-ли*, что тотъ же *Кабардинецъ удалой*, обле ный въ цѣпь *мироваго* посредника, хлещетъ нагайкой по л встрѣчныхъ ему по дорогѣ съ безцеремонностью, а, что х всего, съ безнаказанностью, немыслимыми даже въ Боль Чечнѣ? Когда же перестанутъ эти Чингисхановскія отры заражать своею вонью воздухъ *освобожденной* Россіи?“

Онъ кончилъ и улыбнулся. „И хотя-бъ одинъ мус дрогнулъ въ его лицѣ!“ подумалъ Моховъ, украдкою слѣ шій все время за выраженіемъ его физіономіи.

— Очень остроумно, сказалъ онъ:—и налгано даже то на половину.

Моховъ такъ и уставился на него:

— Вы признаете?...

— Что именно „признаю?“

— Приводимый здѣсь... фактъ.

— Ихъ два. Первый относится къ рѣшенію дѣла по сп о луговомъ надѣлѣ Блиновскихъ крестьянъ съ ихъ бывш помѣщикомъ. Онъ изложенъ здѣсь совершенно согласно ис нѣ, и вашъ губернаторъ вмѣсто того, чтобъ утруждать в посылкою ко мнѣ за „разъясненіемъ“, могъ бы самымъ п стѣйшимъ образомъ провѣрить его самъ, вытребовавъ подл ное по этому дѣлу постановленіе губернскаго присутствія, тораго онъ же состоитъ предсѣдателемъ. Онъ увидѣлъ бы, первыхъ, подъ нимъ подпись своего предмѣстника и поз комился бы съ доводами, послужившими основаніемъ сост шемуся рѣшенію... А затѣмъ, съ невольною ироніей прим вилъ Троекуровъ, — осталось бы ему только разсудить: сколько я могу производить „давленіе“ на такихъ высоко чтенныхъ лицъ, какъ Сергѣй Михайловичъ Гундуровъ и] каноръ Ильичъ Ранцовъ.

— Начальникъ губерніи, поспѣшилъ сказать молодой новникъ, — и интересуется главнымъ образомъ слѣдующ сообщен

...

...скихъ отрыжекъ?“ засмѣя

...съ Васильевичъ:—мож

на этотъ счетъ передать ему слѣдующее: собственноручная расправа *вообще* не входитъ въ мои привычки, и то, что читается здѣсь во множественномъ числѣ,—онъ кивнулъ на листокъ и кинулъ его на близъ стоящій столикъ, — расписано вѣроятно для красоты слога. Но одного молодца, съ которымъ, прибавлю, я встрѣтился не случайно, а котораго *искалъ* встрѣтить, я дѣйствительно, какъ сказано, „отхлесталъ по лицу нагайкой“ *собственноручно*... и весьма даже жалѣю, что недостаточно... Такъ и передайте вашему начальнику! заключилъ онъ съ судорожно заморгавшими глазами и поблѣднѣвшимъ лицомъ.

Моховъ смущенно ерзнулъ на своемъ стулѣ.

— Я, повѣрьте, Борисъ Васильевичъ, вполнѣ убѣжденъ... Но такъ какъ изъ Петербурга получена, между нами, секретная бумага съ запросомъ относительно... этой самой замѣтки *Колокола*, то господину губернатору весьма было бы желательно имѣть обстоятельныя свѣдѣнія...

— О томъ, съ кѣмъ и какъ дозволилъ я себѣ поступить по-„Чингисхановски?“ договорилъ за него его собесѣдникъ:— ну, такъ скажите ему, что осносительно *сего* ему слѣдовало послать васъ не ко мнѣ, а къ корреспонденту *Колокола*, сообщившему отсюда объ этомъ Герцену; онъ бы вамъ все это „разъяснилъ“ отлично, если-бъ этого отъ него *серьезно* потребовали.

— Къ какому корреспонденту? открывая большіе глаза, воскликнулъ молодой человѣкъ.

— А вашъ начальникъ не счелъ нужнымъ сообщить вамъ его имя?

— Онъ и самъ его не знаетъ, даю вамъ въ томъ честное мое слово, Борисъ Васильевичъ!

— Въ такомъ случаѣ пусть справится потщательнѣе въ своей канцеляріи, а не найдетъ, пусть спроситъ самихъ тѣхъ, отъ кого получилъ „запросъ“. Они тамъ *знаютъ*, можете ему это сказать отъ меня. А затѣмъ никакихъ дальнѣйшихъ „разъясненій“ я давать не намѣренъ, не почитая господина Герцена и его сотрудниковъ ни прокурорами, ни судьями и мнѣ остается только сожалѣть, что вашъ

губернаторъ повидимому (да и онъ-ли одинъ!) смотритъ вещи иначе... А теперь довольно! сказалъ Троекуровъ, вста и ласково притрогиваясь къ плечу молодаго человѣка,— п демте пройтись въ садъ...

Но тотъ чувствовалъ себя такъ неловко, что сталъ моли вмѣсто прогулки, совсѣмъ отпустить его, объясняя, что е необходимо нужно быть сегодня же въ городѣ, повидаться исправникомъ, который настоятельно просилъ „господина ı чальника губерніи“ уволить его отъ должности, между тѣ какъ „его превосходительство“ очень желаетъ удержать е „какъ университетскаго“ и т. д. Появленіе вернувшейся эту минуту въ гостиную Александры Павловны какъ бы е усилило его замѣшательство: ему показалось, что она, вхо, слегка поморщилась и повела на него досадливымъ взглядо разсчитывая застать мужа одного (онъ не ошибался). Уде жать его не было уже никакой возможности, но хозяинъ тутъ же присоединившаяся къ нему Сашенька успѣли о зать его словомъ „не забывать ихъ“ и вернуться во В святское на обратномъ пути. Моховъ раскланялся, чуть плача отъ тоски и досады на себя, и уѣхалъ.

— Я сейчасъ была у Киры, Борисъ, заговорила молод женщина, какъ только они остались одни:—ей лучше, но о просила меня оставить ее одну: ей спать захотѣлось... Ка я рада, что ты вернулся къ обѣду, перебила она себя, — бы не знала, что дѣлать одна съ этою княгиней и эти священникомъ—не священникомъ, котораго она привезла собою. Quel monstre de femme, не правда-ли? Я просто в дрожала, когда она говорила объ этой несчастной своей bell fille.. А ты, Борисъ, да, зачѣмъ ты ѣздилъ къ Юшковымъ какое тамъ „доброе дѣло“ долженъ былъ ты сдѣлать, ка говорилъ старичекъ, Павелъ Григорьичъ?...

Троекуровъ молча, закусивъ усъ, глядѣлъ на жену из подъ полуопущенныхъ вѣкъ и думалъ, слушая ее, свою н веселую думу: „Третій годъ замужемъ, а все та же *дѣвочк* наивная, добренькая, и *добрѣющая* съ каждымъ днемъ, доб вилъ онъ мы [illegible] съ кислою усмѣшкой,—и ничего au-de[illegible] [illegible]ъ нельзя дальше, нельзя!

Я думалъ войти въ заливъ, въ тихую пристань, но въ заливъ бьетъ съ моря живая волна, а это, это болотное озеро, засасывающее все, что̀ у меня еще осталось молодости... А я жить хочу!"...

— Что̀ съ тобою, Борисъ? спрашивала его между тѣмъ тревожно Сашенька:—ты не отвѣчаешь мнѣ...

— Виноватъ, я не разслышалъ... Ты такъ быстро перескакиваешь вѣчно съ предмета на предметъ... О чемъ ты теперь начала?

Она повторила съ еще большею послѣ этихъ словъ тревогой въ большихъ, устремившихся на него глазахъ.

Онъ помолчалъ, какъ бы собирая разбросавшіяся мысли...

— Гришу жандармы въ Петербургъ увезли, сказалъ онъ, прищурившись на открытыя двери въ садъ.

Она испуганно всплеснула руками:

— Творецъ небесный! за что̀?

Онъ объяснилъ.

Александра Павловна слушала его съ лихорадочнымъ вниманіемъ...

— Это не онъ выдумалъ! пылко воскликнула она, когда мужъ кончилъ:—такой хорошій, благородный мальчикъ, сынъ такихъ родителей... и вдругъ противъ Государя: я никогда не повѣрю! его подучили...

— Само собой!

— Кто же, кто, знаютъ это?

Мужъ обернулся вдругъ на нее съ какою-то „ужасною", показалось ей, усмѣшкой:

— Не кто иной, протянулъ онъ,—какъ двоюродный нашъ братецъ съ вами, Иринархъ Ѳедоровичъ Овцынъ.

Сашенька какъ стояла, такъ и упала въ кресло; ноги у нея подкосились.

— Иринархъ! едва въ состояніи была она проговорить:—развѣ онъ былъ въ нашихъ мѣстахъ?

— Осчастливилъ, засмѣялся Троекуровъ:—Гришу Юшкова крѣпостью, меня переломомъ ноги.

— Такъ это онъ... не договорила она и вся вдругъ выпрямилась и вздрогнула.—Отчего же ты это отъ меня скры-

валъ до сихъ поръ, говорилъ, что не знаешь, не замѣтилъ будто, кто въ тебя кинулъ палкой тогда?... Если это былъ секретъ, и ты не хотѣлъ его выдавать, такъ зачѣмъ же ты повѣрилъ это Кирѣ, а не мнѣ, женѣ твоей? спрашивала она съ засверкавшими глазами.

— Вмѣсто упрековъ вы должны были бы, кажется, быть благодарны мнѣ за это, холоднымъ тономъ возразилъ онъ ей: — я скрывалъ отъ васъ его имя, пока могъ, потому, во-первыхъ, что узнать о прелестныхъ дѣяніяхъ этого вашего близкаго роднаго ие могло и не можетъ, полагаю, доставить вамъ особенное удовольствіе. А, во-вторыхъ, потому, что то, что̀ можно повѣрить во всякое время княжнѣ, вамъ сказать можно только въ случаѣ, когда, какъ теперь, человѣкъ къ этому принужденъ... потому что она—не вы...

— Не я, глухо повторила молодая женщина.

— Нѣтъ, рѣзко подтвердилъ онъ,—потому, что она умѣетъ владѣть собою, а вы только волноваться, какъ малое дитя.

— Борисъ, — и Сашенька разомъ залилась слезами, — за что̀ ты такой жестокій! Я вѣдь не виновата, что Иринархъ мнѣ двоюродный братъ!..

— Слезы, такъ, этого не доставало! пропустилъ онъ сквозь зубы, поднимаясь съ мѣста, не глядя на нее и становясь тѣмъ злѣе, чѣмъ менѣе чувствовалъ себя правымъ предъ ней:—и кто васъ думаетъ въ этомъ упрекать!..

Онъ прошелся раза два вдоль длинной гостиной,—она продолжала тихо, тихо плакать, зажавъ платкомъ глаза,—и подошелъ опять къ ней, къ ея креслу:

— Я ѣду завтра въ Петербургъ, словно уронилъ онъ сверху внизъ.

— Ѣдешь? вскрикнула она, мгновенно вскидывая на него вѣки и блѣднѣя.

— Въ Петербургъ, завтра, повторилъ онъ, отчеканивая „я-молъ рѣшилъ и возраженій не допускаю“.

Она поняла:

— Надолго? спросила она только.

— Не знаю. Надо Гришу выпутать... Я обѣщалъ.

У нея будто камень съ плечъ свалился; слезы испарились, на щекахъ опять заигралъ румянецъ.

— Да, для этого! такъ и вырвалось у нея изъ груди: — что же, Борисъ, поѣзжай, это, конечно, „хорошее дѣло!“...

Онъ хотѣлъ что-то сказать на это и... и не рѣшился...

Она вскочила съ мѣста, быстро продернула руку свою подъ его локоть, прижалась головой къ плечу и прошептала:

— Милый, но, Бога ради, только не сердись на меня!

— Опять ребяческія выходки! угрюмо проговорилъ онъ на это, стараясь высвободиться.

Но она его держала крѣпко:

— Въ послѣдній разъ, милый, и больше никогда, клянусь тебѣ! Ты мнѣ только на одинъ вопросъ отвѣть!

— Что такое?

Она всѣмъ взглядомъ, глубоко допытывающимся взглядомъ, погрузилась ему въ глаза:

— Скажи мнѣ, за *что именно* такъ возненавидѣлъ тебя Иринархъ, что рѣшился *это* сдѣлать?

Онъ въ свою очередь теперь тревожно и пытливо взглянулъ ей въ лице:

— Переломить мнѣ ногу? хмурясь и нетерпѣливо произнесъ онъ:—ты, вѣдь, слышала, какъ это произошло тамъ, въ лугахъ... Ну, это онъ былъ, переодѣтый мужикомъ, и крикнулъ крестьянамъ, чтобы не вѣрили мнѣ. Я кинулся схватить его, а онъ, защищаясь, швырнулъ въ меня палкой... Очень просто!..

— И только? спросила Сашенька, все также не отрываясь отъ него.

— Что „только“?

— Ты думаешь, что онъ только „защищаясь“... И не имѣлъ никакой *другой* причины?

Троекуровъ заговорилъ вдругъ съ поспѣшностью, далеко не обычною ему:

— Само собою, прежде всего ненависть, которую всѣ подобные ему déclassés, неспособные серьезнымъ и упорнымъ трудомъ выбиться изъ ничтожества, чувствуютъ къ людямъ

имущимъ, занимающимъ въ обществѣ „привилегированное“, какъ говорятъ они, положеніе...

— Да, понимаю, утвердительно кивнула она: — но, кромѣ того...

Она какъ бы замялась, примолкла на мигъ и подняла затѣмъ голову со внезапною рѣшимостью:

— Ты знаешь, что онъ былъ влюбленъ въ Киру еще тогда, въ Москвѣ, когда ты былъ мой женихъ, а потомъ преслѣдовалъ ее de son amour, когда они оба жили въ Петербургѣ... Ты помнишь, у нея тогда была горничной моя Анфиса, и я ее взяла къ себѣ, когда Кира уѣхала отъ насъ за границу послѣ смерти maman... Такъ она мнѣ разсказывала, что Иринархъ—онъ нехорошій человѣкъ, я знаю,—Богъ знаетъ, что̀ говорилъ и предлагалъ Кирѣ, такъ что она приказала наконецъ не пускать его къ себѣ, и онъ потомъ всего одинъ разъ приходилъ къ ней и приносилъ бумаги, которыя онѣ сожгли потомъ, ты знаешь...

— Знаю. Такъ что̀ же? прервалъ ее мужъ, успѣвшій, пока она говорила, „привести въ порядокъ“ свою „внѣшность“, какъ выражался онъ мысленно.

Сашенька слегка смутилась предъ полнымъ спокойствіемъ его тона...

— Нѣтъ... я думала... Я думала, повторила она не совсѣмъ твердо, — что онъ пріѣзжалъ теперь сюда не для того, чтобы бунтовать крестьянъ (это ужь такъ глупо!), а чтобы какъ нибудь увидѣться съ Кирой... И когда онъ понялъ вѣрно, что ты никогда не позволишь ему этого... то-есть, быть у насъ, онъ вотъ тогда, со злости...

— Что̀-жь, это вамъ опять ваша Анфиса сообщила? н удержимо вырвалось изъ устъ Троекурова.

Онъ высвободилъ наконецъ свой локоть изъ-подъ ея ру отошелъ и опустился въ кресло, закинувъ голову за его спин

— Ни слова, напротивъ, живо возразила Александра Па ловна:—я чувствовала, что она знаетъ, *кто* былъ этотъ *пер одѣтый*, но она ни за что̀ не хотѣла мнѣ сказать... И *самое*, примолвила какъ бы невольно молодая женщина,—

все отъ меня скрывали, это и дало мнѣ понять, что Кира должна играть тутъ непремѣнно главную роль...

— Что̀ значитъ: „главную роль“? воскликнулъ онъ вдругъ раздраженнымъ голосомъ:—вѣдь только семилѣтнему младенцу въ пору разсуждать та̀къ, какъ вы! Если, по вашимъ же соображеніямъ, двоюродный вашъ братецъ явился сюда единственно, чтобы добиться свиданія съ княжною, которая „ещѐ въ Петербургѣ не велѣла его пускать къ себѣ“, то слѣдовало, или нѣтъ, мнѣ, обязательному защитнику ея, пока она въ моемъ домѣ, оградить ее всѣми имѣющимися у меня въ рукахъ способами отъ наглости этого негодяя? Вотъ въ чемъ вопросъ, вотъ въ чемъ *главное*, понимаете-ли вы? уже кричалъ онъ.

— Борисъ, пролепетала она растерянно,—я развѣ говорю противъ этого?..

Но его уносила волна внезапной, неодолимой, бѣшеной ярости:

— Что̀ же это за допросъ, *подходы* какіе-то?.. Что̀ вамъ нужно отъ меня!.. Такъ вѣдь жить не возможно!..

Онъ будто проснулся такъ же внезапно, вскинулъ голову, шагнулъ къ стѣнѣ и судорожно дернулъ за снурокъ колокольчика:

— Лошадь мнѣ сейчасъ подъ верхъ, Карабаха! крикнулъ онъ вошедшему слугѣ и быстрыми шагами направился къ своему кабинету.

Сашенька, со сжатыми до боли пальцами сложившихся рукъ, только глядѣла на него, вся замертвѣвъ...

XX.

Смѣлѣй глядитъ мнѣ прямо въ очи
Глубокій мракъ ея очей.
Полонскій.

Doch alles, was dazu mich trieb,
Ach, war so gut, ach, war so lieb!
Faust.

Чрезъ четверть часа Троекуровъ мчался, какъ говорится, куда глаза глядятъ, на своемъ Карабахѣ, мимо только-что убранныхъ полей, деревень и перелѣсковъ, пытаясь „заморить" этою бѣшеною скачкой свою бунтующую кровь. Это удавалось ему въ былые годы, когда такъ же, какъ теперь, „не слушало сердце разсудка", и страсть, и гнѣвъ, и неудовлетворенныя желанія раздирали ему душу... Далеки были ужь отъ него эти годы, и давно, казалось ему, вынырнулъ онъ навсегда на надежный берегъ изъ ихъ мятежнаго водоворота. Но нѣтъ, онъ сознавалъ: вотъ она опять эта неодолимая, обаяющая сила зла, волшебное марево незаконнаго, краткаго какъ сонъ, но неотразимо манящаго счастія... „И онъ возьметъ его, возьметъ, а тамъ будь что̀ будетъ!" проносилось у него въ головѣ, словно припѣвъ какой-то вдругъ вспомнившейся прежней, завѣтной когда-то пѣсни.

Солнце заходило, словно млѣя среди пурпуровыхъ облаковъ. День миновалъ... И впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ этого дня, всплывали и толкались назойливою толпой въ его раздраженной мысли: какой-то сверкающій лучъ на фонѣ чего-то скорбнаго, безсмысленнаго и раздражающаго... Доктринеръ-славя-

нофилъ *съ рыбьей кровью* и безнадежными рѣчами; невмѣняемый, безвольный юноша, расплачивающійся за отпущеннаго на всѣ четыре стороны виновнаго негодяя; старческое горе, вопіющее къ попустителямъ сыновней заразы и гибели; соціалистъ въ полицейскомъ мундирѣ, и атеистъ въ священнической рясѣ; эмигрантъ, признанный закономъ „навсегда изгнаннымъ изъ предѣловъ отечества", и терроризирующій въ то же время изъ-за моря весь сонмъ правительственныхъ властей... И ничего другаго кругомъ, кромѣ этого шутовства, и безтолочи, и торжества пошлости и безсилія... „Развѣ можно жить въ такой странѣ!" вырывалось лихорадочнымъ кликомъ изъ его груди... И въ воображеніи его мгновенно выросталъ мраморный фасадъ венеціанскаго дворца съ широкими ступенями, купающимися въ зеленой глади канала, безлунная ночь и крупныя звѣзды итальянскаго неба, черный остовъ гондолы, и съ нимъ *она* подъ кружевною мантильей, гордая и таинственная, какъ эта ночь, какъ этотъ утопающій въ молчаніи и сумракѣ городъ... „За что̀ ты такъ жестокъ, Борисъ!" звучалъ такъ же мгновенно, словно подъ самымъ ухомъ его, молящій и плачущій какъ у ребенка голосъ... Онъ вздрагивалъ и прижмуривался, и чрезъ мигъ опять улыбался какою-то вызывающею улыбкой. Ну да, онъ жестокъ, что̀ же дѣлать съ этимъ! Онъ сейчасъ вотъ искалъ предлога къ ссорѣ, „какъ какой-нибудь пьяный сапожникъ", и этого, онъ знаетъ, никогда ему не проститъ его же совѣсть. Ну и что̀ же? Совѣсть, людское уваженіе, жизнь,—сто̀итъ-ли говорить объ этомъ теперь!.. Онъ же вѣдь сказалъ ей сегодня утромъ, чтобъ она оцѣнила его страсть по той жертвѣ, которую онъ ей приноситъ...

Надо всѣмъ этимъ стояло у него одно: увидѣть ее... Онъ понималъ: послѣ того, что̀ произошло между ними утромъ, она не была въ состояніи сохранить свое обычное спокойство; ей надо было остаться одной съ самою собой, *разобраться* среди своихъ ощущеній, „ей не хотѣлось никого видѣть, особенно"... Онъ не договаривалъ и судорожно щурился опять, и погонялъ своего ужь и такъ взмыленнаго коня. Но онъ увидитъ, ему необходимо видѣть ее, и сегодня же. Надо „покончить". Ни *она*, ни онъ не способны на лицемѣріе, на унизительный,

мелкій обманъ. Онъ объявилъ... *Александрѣ Павловнѣ* (онъ съ какимъ-то усиліемъ выговорилъ мысленно это имя и отчество), что уѣдетъ завтра, и онъ уѣдетъ... *Она* тоже, она не можетъ, не захочетъ остаться... Она и ни въ какомъ случаѣ не осталась бы послѣ *того*, она ушла бы *отъ него*, если не уйдетъ *съ нимъ*... Необходимо уговориться, найти для нея предлогъ уѣхать немедля отсюда... Они съѣдутся въ Москвѣ, а оттуда прямо... *Сюда* онъ напишетъ... Ну, да тамъ видно будетъ!" отгоняя докучную заботу, прервалъ онъ себя тутъ же...

Было уже поздно, когда онъ возвращался домой. Мѣсяцъ стоялъ въ послѣдней четверти; ущемленный серпъ его выплывалъ изъ-за бѣлыхъ, пушистыхъ тучекъ и палевымъ мерцаніемъ своимъ слабо свѣтилъ надъ верхушками стариннаго сада Всесвятскаго... Троекуровъ, не доѣзжая до воротъ усадьбы, остановился и, послѣ минутнаго размышленія, круто повернулъ съ дороги вправо лугомъ, мимо садовой ограды, къ рѣчкѣ, протекавшей чрезъ этотъ же садъ, переѣхалъ ее здѣсь въ бродъ и, обогнувъ тянувшееся по другому ея берегу продолженіе ограды, очутился на задахъ сада, выходившихъ въ поле у калитки, чрезъ которую, съ такою, какъ и онъ теперь цѣлью, проникалъ сюда, если помнитъ читатель, Иринархъ Овцынъ.

Онъ разсчитывалъ, что эта отомкнутая тогда, по его приказанію, калитка такъ и оставалась, по русской небрежности, не замкнутою съ тѣхъ поръ.

Онъ соскочилъ съ Карабаха, закинулъ узду его за одно изъ бревенъ частокола и толкнулъ дверцу ногой.

Онъ не ошибся: она тотчасъ же подалась и откинулась, слегка визгнувъ на ржавой петлѣ... Онъ вошелъ...

Надо было пробраться къ *ея* павильйону и не быть замѣченнымъ, не встрѣтиться ни съ кѣмъ... „Но съ кѣмъ же?" успокоивалъ онъ себя: „все въ домѣ улеглось въ этотъ часъ"... — А она не спитъ, онъ былъ увѣренъ...

Онъ подвигался осторожно, стараясь не скрипѣть сапогами по песку аллей, „будто воръ въ собственномъ своемъ владѣніи", съ невольною усмѣшкой говорилъ онъ себѣ, радуясь вмѣстѣ съ тѣмъ, что поднявшійся въ з

теръ заглушалъ „и совсѣмъ“ шелестомъ листьевъ „подозрительный“ шумъ его шаговъ.

Онъ вдругъ остановился... Прямо предъ нимъ, на легкомъ чугунномъ мостикѣ съ прорѣзными перилами, еще неясно, но уже несомнѣнно для него, вырисовывался подъ блѣднымъ сіяніемъ, падавшимъ съ неба, женскій обликъ съ окутанною чѣмъ-то бѣлымъ головой... Это была *она!* „Развѣ могъ онъ ея не узнать?“...

Она стояла на этомъ мостикѣ, уложившись обоими локтями на перила, и недвижно глядѣла внизъ, въ бѣжавшія подъ нимъ струи свѣтлой и глубокой рѣки, въ которыхъ дрожало, словно качаясь, золотое отраженіе мѣсяца...

Троекуровъ однимъ прыжкомъ очутился теперь на чугунныхъ плитахъ рядомъ съ нею.

— Кира! прошепталъ онъ, замирая отъ волненія: — вы здѣсь?...

Она неспѣшно отдѣлилась отъ перилъ:

— Вы не ожидали? какъ бы насмѣшливо промолвила она, глядя на него недвижимыми, холодными глазами.

— Не здѣсь, дѣйствительно: я думалъ, вы у себя въ павильонѣ, я шелъ къ вамъ...

— Знаю, отвѣтила она мгновенно упавшимъ голосомъ.

Она судорожнымъ движеніемъ подняла руку ко лбу, откидывая къ затылку накинутый на голову тюлевый шарфъ, словно жгла ее прозрачная его ткань; ея напускное безстрастіе исчезло разомъ, будто туманъ, разсѣянный бурей.

— Я тутъ вотъ уже два часа гляжу въ эту воду и спрашиваю себя: не лучше-ли было бы лежать мнѣ тамъ... на днѣ... Нѣтъ, не то! нежданно прервала себя она вдругъ, — это жалкія, глупыя слова; совсѣмъ не то!...

Она такъ же нежданно засмѣялась:

— Что̀ же, довольны вы теперь? Вы добивались, довели до этого... Ну вотъ я съ вами здѣсь, одна, ночью... Что̀ же дальше будетъ?

Онъ захватилъ ея холодныя какъ ледъ руки, сжимая ихъ до боли:

— Мы уѣдемъ, забывъ весь міръ другъ для друга...

— Безъ сожалѣнія, безъ раскаянія? съ какою-то словно безотчетною тревогой вырвалось у нея изъ груди.

— Я не раскаиваюсь никогда и люблю васъ, о чемъ же толковать! нетерпѣливо возразилъ онъ.

— Да, у васъ своя философія; я помню, вы говорили: будутъ всегда счастливые и обездоленные, и всегда счастье однихъ будетъ въ прямой зависимости отъ несчастія другихъ... Она прервала себя еще разъ:—Я иного ждала въ жизни, вы знаете... *Я общаго добра* искала, я думала, что мнѣ самой можно будетъ отдать себя на *большое* дѣло... Вы знаете, въ Петербургѣ... И вы же тогда первый на балѣ... И все рушилось, всѣ надежды, въ смѣхъ превратилось все это...

— Вы не того искали, поспѣшилъ онъ сказать.

— Не того, да, такъ оказывается... Что̀ же теперь, лучше?... Вѣдь я люблю васъ, вы это умѣли сдѣлать! съ отчаяніемъ, чуть не со злостью воскликнула она:—люблю съ того самаго дня, когда вы пріѣхали ея женихомъ... Не понимала еще, а уже любила. Помните, когда вы меня отговаривали ѣхать въ Петербургъ,— я тутъ поняла въ первый разъ; а до тѣхъ поръ, казалось мнѣ, я васъ ненавидѣла... и презирала даже; да да, я все скажу теперь,— презирала... за вашъ выборъ... А теперь подумайте, проговорила она съ ужасомъ:— вѣдь я *ворую* васъ у *нея!*...

Его кольнуло словно остреемъ ножа. Но онъ осилилъ себя:

— А развѣ любовь моя, по-вашему, не стоитъ преступленія? налаживая себя на шутливый тонъ, сказалъ онъ.

— Вы смѣетесь! болѣзненно промолвила она:—вы безжалостный: вы могли, когда *она* такъ настоятельно звала меня сюда изъ Женевы, вы *должны* были сказать *ей*, что вы не хотите... Но вамъ нужна была эта побѣда надъ моею волей, этотъ стыдъ мой...

— Стыдъ! воскликнулъ Троекуровъ, захватывая властно обѣ руки ея и сжимая ихъ до боли въ своихъ пылавшихъ ладоняхъ: — я не ждалъ такого слова изъ вашихъ гордыхъ устъ! Не стыда вашего, счастія нужно мнѣ было отъ васъ, счастія, которое однѣ вы способны дать мнѣ... Вы хотѣли „большаго“, *общаго*, хотѣли *человѣчеству* служить. Я зналъ,

что васъ ждетъ; я первый, дѣйствительно, плеснулъ въ васъ струею холодной воды. Не тотъ вѣкъ, когда женщины, какъ вы, правили судьбами народовъ, когда за ними бѣжали восторженныя толпы; не та страна, гдѣ бы нуженъ былъ теперь энтузіазмъ, свѣтлый умъ, чистыя стремленія, — вы слышали, что еще сегодня утромъ говорилъ Гундуровъ... Тошно глядѣть, тошно жить съ этими теперешними... Вы сами видѣли близко, убѣдились; вы ушли и отреклись... И что же, кончить на этомъ? Вамъ, съ тѣмъ сокровищемъ даровъ, что лежитъ у васъ въ груди, отойти отъ жизни, не испытавъ счастія, не даровавъ его другому?...

— „Счастія", повторила она какъ во снѣ, — да, хоть на часъ, на мигъ, *счастія!* Я его никогда не знала!...

Онъ весь горѣлъ; руки его выпустили ея руки и потянулись къ ней:

— Кира!...

— А *она*, Борисъ Васильевичъ, а *она?*...

— Вы о томъ же опять! отвѣчалъ онъ съ судорожнымъ подергиваніемъ губъ:—къ чему? Вы сами знаете:

Въ одну телѣгу впречь не можно
Коня и трепетную лань...

Вы сейчасъ о моей „философіи" говорили; не философія это, а простой человѣческій смыслъ. *Тамъ* любви больше нѣтъ... съ моей по крайней мѣрѣ стороны. Я люблю васъ, и безъ васъ не понимаю болѣе жизни, шепталъ онъ со страстнымъ увлеченіемъ, — и вы, вы сейчасъ признались, вы тоже любите... И послѣ этого что же: притворяться, обманывать, отказаться отъ васъ? Да за кого же вы меня принимаете!...

Глаза его засверкали какимъ-то неумолимымъ огнемъ.

— Я *не нынѣшній*, я, хорошо-ли, дурно-ли, зналъ, что дѣлалъ, всегда, и ни предъ чѣмъ въ свѣтѣ не отступалъ никогда... Я знаю, что вы мнѣ можете сказать, поторопился онъ добавить, въ чаяніи ожидаемаго возраженія: — долгъ, дѣти, „гублю жизнь",—вы это даже выраженіе употребили уже сегодня утромъ,—все я знаю... А слышали вы, что еще не та-

кія преступленія совершались въ мірѣ и что для нихъ было только одно объясненіе: человѣкъ любилъ... Слышали?

Она вздрогнула только, не находя въ первую минуту отвѣта на эти пламенныя, прожигавшія всю ее самоё слова...

Онъ продолжалъ:

— Эти преступники, Кира, стояли выше того *зла*, которое дѣлали они, и переступали чрезъ препятствія, не задумываясь, „безъ сожалѣнія, ни раскаянія", потому что есть нѣчто выше всѣхъ кодексовъ нравственности въ мірѣ,—это *правда любви!*...

Она вдругъ подняла голову; зеленые глаза ея сверкнули фосфорическимъ блескомъ въ полумракѣ ночи.

— Помните же, Борисъ Васильевичъ, строго, словно повелительно проговорила она,—вы пригласили меня итти сообща съ вами *на преступленіе!*

— И вы пойдете? И онъ еще разъ схватилъ ея руки...

Что-то беззавѣтно отчаянное пронеслось въ ея едва слышномъ отвѣтѣ:

— Пойду!...

Оба замолкли теперь, но если бы не шелестъ вѣтра въ листвѣ, не ропотъ струй, плескавшихся о берегъ, можно было бы слышать, какъ тяжело дышала грудь и стучала кровь въ сердцахъ у обоихъ.

— Я ѣду завтра въ Петербургъ, началъ онъ первый,—и... и въ домѣ, промолвилъ онъ, избѣгая называть жену,—объ этомъ уже извѣстно.

— Въ Петербургъ? какъ бы съ испугомъ воскликнула она.

— Да. Онъ объяснилъ ей причину.—И какъ только добьюсь, чтобъ этого бѣднаго юношу отпустили, вернусь в Москву... Вы вѣдь собирались туда на дняхъ. Не правда-ли

— Да, проговорила она съ усиліемъ:—тамъ въ Лукояновскомъ домѣ сложены въ подвалы ящики съ библіотекой мюнцкабинетомъ батюшки, а Сережа, говорятъ, продает этотъ домъ; я хотѣла перевезти ихъ куда-нибудь...

— На Покровку перевезете, промолвилъ быстро Троекровъ,—въ Остроженковскій домъ, въ который, вы знаете, еще не входилъ съ тѣхъ поръ, какъ наслѣдовалъ имъ...

велю приготовить теперь его для вашего пріѣзда. А когда я вернусь... онъ понизилъ голосъ, осторожно, чуть не робко обнялъ ея станъ рукой:—мы уѣдемъ прямо изъ Москвы, хотите, постариннному: въ собственной каретѣ, на почтовыхъ? Вѣдь это во сто разъ лучше при нашихъ условіяхъ, чѣмъ пароходъ или желѣзная дорога съ ея пошлою толпой...

Она не отвѣчала и только неудержимо сама прижалась къ нему... И тутъ же вскинулась какъ испуганная птица, быстро сбѣжала съ мостика и исчезла въ темени ближней аллеи.

Онъ въ первую минуту чуть было не кинулся за нею... но пріудержался, улыбнулся блаженною улыбкой и неспѣшными шагами направился назадъ къ калиткѣ.

Чрезъ нѣсколько минутъ онъ въѣзжалъ на Карабахѣ въ ворота своей усадьбы и кидалъ узду его на руки поджидавшаго его у крыльца, по обыкновенію, Скоробогатаго.

Въ это же время изъ-за густаго куста бузины, расположеннаго у самаго моста, вылѣзла какая-то фигура въ темномъ пальто и такой же фуражкѣ, изъ подъ козырька которой выглядывали сквозь синія стекла очковъ маленькіе и злобные глазки, осторожно озираясь во всѣ стороны.

— *А, нехай іого бисъ*! привычною въ устахъ его бранью ругнулся владѣлецъ этихъ глазокъ и очковъ, убѣдившись, что никто его не видитъ и не слышитъ, и разминая ноги съ очевиднымъ наслажденіемъ:—ажь до смерти заморился въ этомъ кустѣ проклятомъ. Какъ влѣзъ, такъ и просидѣлъ тамъ часа два, мало, не шевелючись. *Одна* пришла сначала, я и сховался, а тутъ и *самъ*... Думаю, не дай Боже, чихну, али что, а онъ вдругъ догадается, да туда носомъ... Убилъ бы тутъ прямо, вѣрно говорю, на мѣстѣ-бъ положилъ, потому, извѣстно, магнатъ, *лыцарь*; такъ изъ-за чести *дамы* на все они готовы...

Онъ вдругъ засмѣялся скверным, подловатымъ смѣхомъ.

— Услыхалъ я за то-жь!... Того услыхалъ, что пятьдесятъ тысячъ за тотъ услухъ взять мало... Только повести жь-это

дуже гарно треба, сказалъ онъ себѣ чрезъ мигъ, впадая въ размышленіе... — А не возьмешь *тѣхъ грошей*, рѣшилъ онъ въ заключеніе,—такъ ужь по крайности глотку его магнатскую заткну ему насчетъ *Колокола* и прочаго... А какъ еще сей самый романъ передать въ журналъ какой, такъ они тамъ въ Петербургѣ такъ его размалюютъ, что будетъ онъ помнить ихъ до самой смерти. Пробралъ ужь его на всю имперію Герценъ съ моего писанья, такъ вотъ мы ему еще феферу закатимъ! злобно засмѣялся онъ опять и оглядываясь:—Ѳедьку-бъ мнѣ только теперь съ отвѣтомъ дождаться... А боялся-жь я, чтобъ онъ тутъ какъ разъ не вернулся, когда *они* на мосту-то амурились себѣ. Отъ-то-бъ штука еще вышла занятная!...

— Степанъ Акимычъ! раздался невдалекѣ отъ него осторожный шопотъ,—я тутъ!

Тотъ даже вздрогнулъ:

— А чтобъ тебя!... Ну, отвѣтъ принесъ?

Ѳедька тяжело перевелъ дыханіе:

— А я сейчасъ, Степанъ Акимычъ, самую сейчасъ барышню встрѣтилъ, княжну! Страсти! Издалечка-то только бѣлое видать, а этто у нихъ на головѣ косынка значитъ, а я какъ спужаюсь! Кикимора какая, думаю, али лѣшій... За дерево прижался, ни живъ, ни мертвъ, тоись... А онѣ по аллейкѣ какъ разъ мимо того самаго мѣста моего прошли. Я ихъ тутъ и призналъ. Ничего себѣ, идутъ ровно, а я тутъ сичасъ по травушкѣ, по травушкѣ, — по песку-то, знаете, ужь и опасно показалось, чтобы не услыхали, — и къ вамъ сюдатка.

— Я тебя про отвѣтъ спрашиваю! прервалъ его нетерпѣливый возгласъ его собесѣдника: — Анфису Дмитріевну видѣлъ?

Ѳедька рукою махнулъ:

— Ни въ жисть! Потому приказъ теперича строгій отданъ, чтобы меня къ нимъ ни за что не пущать.

— Ну, а письмо? Передано оно ей? спросилъ господинъ въ очкахъ, котораго, смѣемъ думать, уже узналъ читатель.

— Извольте получить въ сохранности; какъ отдали, такъ и назадъ принесъ вамъ.

— Не приняла?

— Ни въ жисть! Потому опосля того, какъ, помните, накрылъ насъ съ ними на селѣ самъ, значитъ, баринъ ихній, когда я имъ относилъ письмо-то эвто самое ко княжнѣ отъ Аринарха Ѳедоровича, онѣ съ тѣхъ поръ опасаться стали.

— Почему-жь ты это знаешь, коли не видалъ ея?

— А чрезъ Егорку,- подкухмистера знаю, хихикнулъ Ѳедька,—потому онъ мнѣ изъ пріятелевъ.

— Что̀-жь онъ сказалъ тебѣ?

— А эвто самое, значитъ, и сказалъ, что меня завсегда оттелева велѣно въ шею гнать.

— Дуракъ! гнѣвно сорвалось съ устъ Степана Акимыча.

Ѳедька только ухмыльнулся опять на это и, значительно помолчавъ:

— Анфиса Дмитревна, сказалъ онъ,—безпремѣнно завтра въ церковь на село пойдутъ, потому у нихъ въ эвтотъ самый день предъ Успеніемъ память по мужѣ по покойномъ.

— Отъ кого это ты узналъ?

— Самъ знаю, потому какъ служимши съ ними у Елпидифора Павлыча, Царство имъ Небесное, такъ я завсегда помню, что они въ эвтотъ самый день заупокойную по мужу служатъ.

— Ну, рѣшилъ, подумавъ, Троженковъ,—и до хаты пора теперь, маршъ!...

Они выбрались изъ сада и прошли межою поля къ селу, гдѣ у одного знакомаго ему крестьянина оставилъ Троженковъ телѣжку свою и лошадь.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ПЕРЕЛОМЪ.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРІЯ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Eh, eh, vous ignorez, ma fille, tout ce que l'on peut faire en ce monde sans être pendu.

O. Feuillet. *Rédemtion.*

Зачѣмъ же такія пустословныя мечтанія о низкости нашихъ чувствъ?

Островскій. *Женитьба Бальзаминова.*

По межкѣ, мимо сжатаго ржанаго поля, шла изъ села Всесвятскаго къ усадьбѣ старая наша знакомая, Анфиса, довѣренная горничная Александры Павловны Троекуровой.

Солнце стояло высоко и припекало довольно сильно. Синеглазая женщина, защищаясь отъ него платкомъ, который держала надъ глазами въ видѣ зонтика, спѣшила добраться до лѣсочка, входившаго въ черту крестьянскаго надѣла, а потому уже на половину срубленнаго, но въ которомъ все же оставалась еще кое-какая тѣнь.

Она шла, глядя себѣ подъ ноги и не замѣчая, что на ту же тропинку свернулъ изъ села вслѣдъ за нею и видимо нагонялъ ее теперь человѣкъ, котораго менѣе всего чаяла и желала она видѣть изо всѣхъ, съ кѣмъ случалось ей встрѣчаться въ жизни.

Она вошла уже въ холодокъ, подъ тѣнь какихъ-то уцѣлѣвшихъ ветелъ по близости рѣки и, остановившись передышаться, утирала свое вспотѣвшее, слегка загорѣлое лицо, когда услышала за спиной своею его голосъ:

— Мое высокопочитаніе, Анфиса Дмитріевна!

Ее словно ожгло всю: она сразу узнала льстиво-лукавые, заискивающіе звуки этого голоса.

— И вамъ того же, Степанъ Акимычъ, вымолвила она сквозь зубы, оборачиваясь и брезгливо окидывая его взглядомъ.

Онъ, какъ говорится, нисколько не потерялъ *контенанса* отъ того нескрываемаго отвращенія, которое читалъ на этомъ, такъ близко знакомомъ ему когда-то и все такъ-же красивомъ, лицѣ.

— Недалекіе сосѣди, осклабился онъ, — а увидать васъ въ первый еще разъ Богъ далъ!

— И не для чего вовсе, такъ и отрѣзала она на это: — счастливо оставаться! И тронулась поспѣшно съ мѣста.

— Погодите трошечки, Анфиса Дмитріевна; можетъ и пожалѣли бы потомъ, произнесъ онъ какимъ-то вѣскимъ тономъ, заставившимъ ее безотчетно остановиться.

— О чемъ дѣло? спросила она хмурясь.

— А что ужь очень гордыя вы сдѣлались съ тѣхъ поръ, какъ подъ магнатскимъ кровомъ поселилися, хихикнулъ Троженковъ, кивая на виднѣвшуюся сквозь рѣдину лѣсную усадьбу Троекуровыхъ.

— И опять-таки вамъ до этого дѣла нѣтъ, сказала она, и разговаривать намъ съ вами нечего. Вамъ направо, мнѣ налѣво,—прощайте!

— А *самъ*, панъ вашъ большой, уѣхалъ? крикнулъ онъ ей нежданно въ догонку.

— Уѣхалъ, уронила она на-ходу.

— И княжна ваша за нимъ? прошипѣлъ онъ, не трогаясь съ мѣста, зная, что этотъ вопросъ и тонъ его заставятъ ее остановиться еще разъ.

Онъ не ошибся: она быстро обернулась, вперивъ въ него изумленные глаза.

— Съ чего вы это взяли? Княжна дома и никуда не собираются.

— Не объявила еще? захихикалъ онъ опять.

— Что̀ объявить-то?

— А вотъ объ этомъ, объ самомъ, когда желаете, могу съ вами разговоръ имѣть. Потому какъ вы очень ко всему тому панству привязанность имѣете, такъ вамъ это очень полезно и можетъ даже къ интересу вашему послужить.

— Мнѣ „интересу“ никакого не надо, возразила Анфиса съ гадливымъ движеніемъ губъ, — а вы что̀ это такое неподходящее плетете, вотъ это мнѣ удивительно.

— Эхъ, Анфиса Дмитріевна, заговорилъ онъ опять, словно весь разсыпаясь въ сахаръ,—кабы не такія горячія вы были и людей по настоящему понимали, можетъ и не такъ встрѣтились бы мы съ вами... да и не слугою жили бы вы теперь, а сами-бъ себѣ госпожей, промолвилъ онъ уже шепотомъ, наклоняясь къ ней какимъ-то внезапнымъ, змѣевиднымъ движеніемъ своей длинной и узкой шеи.

Она торопливо откинулась отъ него головою назадъ:

— Какою еще тамъ госпожей? что̀ это вы мнѣ несуразное мелете, Степанъ Акимычъ?

Но онъ продолжалъ, будто не слышалъ:

— Какъ если вы *тогда* мнѣніе свое обо мнѣ перемѣнили, когда я дѣйствительно ни за собой, ни впереди не видѣлъ ничего, что голытьба одна могла ждать насъ тогда съ вами, такъ можетъ я теперь, съ перемѣною, какъ знаете, моихъ обстоятельствъ, желаю доказать... чувство мое къ вамъ, что̀ вы можетъ, позабыли, а я никогда забыть не могу...

Вся кровь прилила къ ней въ голову; языкъ ея готовъ былъ разразиться безпощаднымъ, поражающимъ словомъ... Но она сдержалась: ей захотѣлось „испытать, до чего еще низокъ этотъ человѣкъ“.

— Какъ же понимать надо, что̀ вы теперича говорите, Степанъ Акимычъ? спросила она, насколько могла, спокойно:— замужъ что-ли опять желаете меня взять?

— И возьму, *рыбко мое*, возьму! прошепталъ онъ, простирая руки съ видимымъ намѣреніемъ обнять ее.

Она отшвырнула ихъ отъ себя.

— До свадьбы далеко!.. И тутъ же, сдержавшись опять:

— И скажите, съ чего это вы вдругъ, Степанъ Акимычъ? Два года, почитай, по сосѣдству жили, не видавшись, и какъ изъ ружья вдругъ сегодня выстрѣлили? Я и сообразить даже не могу. Потому и сами говорите, я какъ была „слуга", такъ и осталася, а вы теперича съ имѣніемъ господинъ, богатый, можете помѣщицу какую нибудь, дворянку за себя взять. А у меня, сами знаете, какой былъ даже капиталецъ, такъ и тотъ добрый человѣкъ одинъ взялъ да и не отдаетъ. Такъ какая вамъ отъ меня въ сей часъ прибыль будетъ?

— Голдвонька умная лучше грдшей, Анфиса Дмитріевна. Это для меня самое главное, о!... Какъ если хотите, такъ я вамъ откровенно буду все говорить.

Она повела на него косымъ взглядомъ:

— Любопытно узнать.

— Панъ вашъ великій, Борисъ Васильевичъ, для чего въ Петербургъ поѣхалъ, знаете? началъ Троженковъ.

— Ихнее это дѣло, а мнѣ почемъ знать?! отвѣтила уклончиво Анфиса.

— О, неправду говорите, по глазамъ вижу! воскликнулъ онъ:—а что предводительскаго сына, студента, жандармы сцапали, слышали?

— Можетъ, и слышала, такъ что-жь изъ этого?

— А что все то вышло чрезъ того самаго человѣка, который вашей княжнѣ письма посылалъ, — можетъ, тоже не знаете?

— Который у васъ жилъ и чрезъ вашего Ѳедьку, негодника, орудовалъ? возразила она негодующимъ тономъ.

— А что-жь что жилъ! хихикнулъ насилованно ея собесѣдникъ:—я почемъ про него могъ знать? Пріѣхалъ ко мнѣ человѣкъ съ письмомъ рекомендательнымъ отъ учителя одного, знакомаго моего: студентъ, пишетъ, ищетъ на лѣто уроковъ, не могу-ль къ кому помѣстить, языки знаетъ. А я завсегда желалъ практику французскаго языка для себя собственно имѣть. Вижу, можетъ онъ на то годиться. Такъ и оставилъ его у себя жить на кондиціи... А

письма писалъ, такъ то дѣло его, а не мое. И какія еще глупости началъ дѣлать сей человѣкъ, опять я за то отвѣчать не могу... Такъ даже скажу вамъ, что коли бы не забрали его тамъ, въ лугахъ, переодѣтаго, заключилъ Троженковъ съ презрительнымъ подергиваніемъ губъ, — я бы его самъ въ шею погналъ отъ себя, потому лядащій!

„Ври больше!“ думала, слушая, Анфиса, стараясь не глядѣть на него.

— А вашъ Борисъ Васильевичъ, заговорилъ онъ снова нѣсколько уже взволнованнымъ голосомъ,—въ отвѣтѣ меня за того самаго человѣка почитаетъ... я добре знаю! примолвилъ онъ поспѣшно, какъ бы ожидая возраженія съ ея стороны; но она молчала.—Онъ для того самаго и въ Петербургъ поѣхалъ, добавилъ онъ,—былъ я вчера въ городѣ, отъ добрыхъ людей узналъ: поѣхалъ онъ затѣмъ, первое, Юшкова этого, предводительскаго сынка, отъ тѣхъ голубыхъ волковъ выцарапать, что сцапали его; а съ усердія своего большаго и донесетъ притомъ на меня, какъ на пристанодержателя и соучастника лицъ, злоумышляющихъ на правительство.

— А коли вы, говорите, ничего за собой не знаете, такъ вамъ чего бояться? молвила она на это съ едва скрываемою насмѣшливостью въ интонаціи.

Онъ качнулъ головой.

— *Захочутъ*, до всего придраться могутъ... Хошь и пощипали перья довольно въ настоящее время изъ хвостовъ изъ ихнихъ, а все-жь *дуже ще* сильны они, паны наши, противъ темнаго человѣка... Зачнетъ онъ тамъ, въ Петербургѣ, костить меня и доказывать, такъ и того ждать можно, что безъ суда, административнымъ порядкомъ, съ мѣста жительства въ дальнія губерніи сошлютъ, о! И голосъ его уже замѣтно дрогнулъ.

Анфиса усмѣхнулась опять:

— Вы и тамъ не пропадете, Степанъ Акимычъ, вы паутиночку свою на всякомъ мѣстѣ соткете...

— Я не желаю того вовсе! воскликнулъ онъ досадливо:— какъ на своемъ огородѣ сѣлъ, такъ и сидѣть хочу!... Я по [illegible] и писалъ вамъ вчера записку, — потому, если

вы согласны будете *на мое*, подчеркнулъ онъ, — мы съ вами все панство это, о какъ замолоть можемъ! договорилъ онъ съ соотвѣтствующимъ жестомъ, будто вертя ручку кофейной мельницы.

Любопытство превозмогло у нея и на сей разъ надъ враждебнымъ чувствомъ, которое все сильнѣе подымалось въ ней противъ „этого низкаго человѣка“:

— А что̀-жь, по-вашему, спросила она, — требуется для этого самаго?

— Онъ пододвинулся къ ней опять и быстро зашепталъ:

— А, первое, какъ мнѣ извѣстно, что эта княжна ваша довѣренною своею особой васъ почитаетъ, такъ чтобъ она ему сейчасъ въ Петербургъ отписала, чтобы никакого доноса онъ противъ меня не учинялъ, потому вы за меня ручаетесь, и что я хочу васъ замужъ взять...

„Что̀ это онъ о княжнѣ все?“ тревожно сказала себѣ Анфиса, и громко:

— Это, то-есть, чтобы Борису Васильичу написать... Такъ для чего-жь тутъ княжну путать, когда у нихъ ближе есть особа, жена законная, Александра Павловна, и я даже вовсе теперь не у княжны, а у нихъ нахожусь въ услуженіи?

Скверною усмѣшкой ухмыльнулся на это Троженковъ:

— Потому противъ законной *незаконная* не въ примѣръ чувствительнѣе на него подѣйствовать можетъ.

Ее внезапно всю прорвало отъ этихъ словъ; сдерживаться уже не доставало у нея силы:

— Врете вы, подлый человѣкъ! вскрикнула она съ запылавшимъ лицомъ, съ задрожавшею челюстью: — слова ваши ядъ одинъ, какъ у змѣи подколодной! Врете вы со злости вашей неисходной на благодѣтеля своего, что̀ изъ писаришки негоднаго помѣщикомъ богатымъ васъ сдѣлалъ, шестьдесять тысячъ, во какой кушъ, отвалилъ вамъ, за что̀? Изъ-за одного великодушія своего безконечнаго, потому по дѣламъ вашимъ не то, что деньги вамъ давать, а за рѣшеткой сидѣть вамъ давно бы слѣдовало!...

Троженковъ позеленѣлъ и затрясся отъ злости:

— „Благодѣтель!“ Что вы мнѣ все *благодѣтелями* въ глаза

тычете? То хапугу того своего полицейскаго подъ носъ совали, что долженъ я былъ, по вашему, уважать его, то этого опять теперь *барина* вашего великаго... Шестьдесятъ тысячъ далъ! „Кушъ!“ А того не знаете, что, какъ бы не тѣ законы проклятые, что завели люди, я-бъ самъ на его мѣстѣ сидѣлъ, какъ отца своего сынъ первородный!... „Дѣла мои“, говорите. А его „дѣла“ какія, знаете про то?

Онъ расхохотался вдругъ острымъ, пронзительнымъ смѣхомъ и, какъ бы сорвавъ этимъ сердце, заговорилъ нежданно инымъ, почти спокойнымъ тономъ:

— А вотъ какъ чрезъ дней нѣсколько сія княжна самая скажетъ ей, Троекурихѣ вашей, что ей въ Москву непремѣнно ѣхать треба, книжки какія-сь тамъ изъ одного дома въ другой перевозить, такъ вы тутъ и навяжите себѣ узелокъ на память!

Анфиса насторожила уши: она вспомнила, что княжна при ней однажды говорила объ этомъ своемъ намѣреніи Александрѣ Павловнѣ по поводу извѣстія о продажѣ дома Лукояновыхъ на Арбатѣ. Но почему могъ *онъ* это знать?

— Ну, а если онѣ и поѣдутъ, возразила она спокойно,— такъ что-жь изъ того?

— А поѣдетъ она и остановится на Покровкѣ въ томъ самомъ батьки моего роднаго, Акима Ивановича Остроженка, домѣ, въ который до сихъ поръ Троекуровъ вашъ и ногою вступить не смѣлъ, потому знаетъ, что его тамъ съ матерью ежедень какъ Мазепу проклинали. А онъ ей теперь тотъ домъ къ пріѣзду приготовить велитъ, и будетъ она тамъ ожидать его, пока онъ изъ Петербурга не вернется, а какъ только въ Москву назадъ, сейчасъ заберетъ онъ ее, княжну вашу, да и за границу съ нею прямо въ каретѣ, потому, говоритъ, „если по желѣзной дорогѣ или на пароходѣ, такъ люди тамъ слишкомъ любопытные могутъ встрѣться“... Вотъ вы и узнаете тогда, какія *его* „дѣла“, магната сего, Анфиса Дмитріевна!...

Она почуяла,—это было уже не „вранье“, это было слишкомъ опредѣлительно и вѣско...

— Откуда вы знаете... кто вамъ сказалъ? была она только въ состояніи выговорить.

Онъ молчалъ, наслаждаясь одержаннымъ надъ нею торжествомъ,—прочла она въ его лукавыхъ чертахъ. Ей стало нестерпимо жутко:

— Говорите-жь, Змѣй-Горынычъ! воскликнула она, наступая на него.

Онъ подался назадъ, закачалъ медлительно головой и вздохнулъ:

— Какъ если-бъ понимали вы въ свою выгоду, Анфиса Дмитріевна, такъ не то чтобы ругать меня теперь, а пошли бы вы со мною, какъ я вѣчно вамъ преданъ и желаю, чтобы навсегда намъ вмѣстѣ жить; пошли-бъ, говорю, со мною рука въ руку на бо-га-тое дѣло! протянулъ онъ, обнимая ее всю алчнымъ и соблазняющимъ взглядомъ...

Искры запрыгали у нея въ глазахъ:

— Чтобъ я съ тобой пошла на...

Она не договорила, глянула въ непроницаемую синь его очковъ раскрывавшимися во всю ихъ ширину зрачками,—и плюнула ему въ самое лицо:

— Пропадай ты пропадомъ, анаѳема!...

И, вскинувшись съ мѣста, побѣжала стремглавъ по тропинкѣ, выходившей на дорогу къ усадьбѣ.

Троженковъ вынулъ платокъ, обтерся:

— *Ну, и побачимо!* проговорилъ онъ ей во слѣдъ, весь трясясь и зеленый отъ коверкавшей его злобы.

II.

Oh, Love, what is it in this world of ours
Which makes it fatal to be loved?
Byron. *Don Juan.*

Александра Павловна проплакала весь вечеръ, запершись въ своей спальнѣ, послѣ сдѣланной ей мужемъ сцены, поводъ къ которой она никакъ не въ состояніи была объяснить себѣ иначе, какъ болѣзненнымъ раздраженіемъ послѣ бывшаго съ нимъ случая съ ногою и долгаго вслѣдствіе того заключенія его въ комнатѣ. Она печалилась поэтому столько же о немъ, сколько и о себѣ, о томъ, что „вотъ еще въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ женаты они, вышла у нихъ ссора, и *изъ-за чего!*“... Но обиднѣе, но язвительнѣе всего было для нея то, что онъ „такъ *жестоко* ставитъ Киру выше нея“, указываетъ ей въ примѣръ „сдержанность“ княжны, а ее зоветъ „малымъ ребенкомъ“...

Она долго не могла успокоиться. Но наконецъ мысль, что это можетъ отозваться на ея молокѣ, слѣдовательно на здоровьѣ „Васи“, осушила ея слезы. Она рѣшила „встряхнуться“ и „доказать *ему*, что и она сумѣетъ быть *сдержанною* всегда, *когда надо*“.

Случай къ этому не замедлилъ представиться ей. Проснувшись на другой день въ обычный часъ, она узнала отъ Анфисы, что „барину готовы лошади и что *они* уѣзжаютъ тотчасъ послѣ перваго завтрака“... Она за своею вчерашнею печалью какъ-то совсѣмъ забыла объ этомъ отъѣздѣ, о которомъ онъ говорилъ ей, и въ первую минуту вся даже пере-

мѣнилась въ лицѣ при такой вѣсти. Но она заставила себя улыбнуться и, сказавъ Анфисѣ въ отвѣтъ: „да, я знаю“, приступила поспѣшно къ своему туалету.

Она вошла въ столовую, гдѣ застала уже мужа съ выраженіемъ лица, имѣвшимъ, въ ея намѣреніи, сказать ему съ перваго раза: „я все забыла и, надѣюсь, все у насъ попрежнему“, подала ему руку, которую онъ, по давно заведенной у нихъ привычкѣ, поцѣловалъ въ ладонь, и сѣла на свое мѣсто.

Они были вдвоемъ (княжна по утрамъ пила у себя молоко и не выходила обыкновенно ранѣе втораго завтрака въ полдень). Онъ молча, не подымая глазъ и какъ бы насилуя себя, подносилъ ко рту кончикомъ вилки, лежавшей у него на тарелкѣ, картофель à la maitre d'hotel.

— Ты сейчасъ ѣдешь, Борисъ, мнѣ сказали? спросила она чуть не равнодушнымъ тономъ (какъ старалась она попасть въ этотъ тонъ!).

— Да... А что̀? спросилъ онъ чрезъ мигъ въ свою очередь.

— Нѣтъ, ничего, пролепетала Сашенька.—И скоро назадъ думаешь? Голосъ ея дрогнулъ помимо воли, дѣлая этотъ новый вопросъ.

— Не знаю... Будетъ зависѣть отъ обстоятельствъ; можетъ быть, и...

Онъ не договорилъ... какъ бы не рѣшился договорить и, поднявъ голову, уставился на нее пристальнымъ, страннымъ взглядомъ, отъ котораго у нея вдругъ похолодѣли руки.

— Pourquoi me regardez vous ainsi, Boris? сказала она по-французски, въ виду стоявшихъ за столомъ слугъ, со слабою улыбкой на встревоженномъ лицѣ.

Онъ словно проснулся, провелъ обычнымъ ему движеніемъ рукой по глазамъ и съ такою же, насилованною, улыбкой:

— Я въ Москвѣ отыщу этого разгильдяя Николая Иваныча (это былъ ихъ домашній докторъ, уѣхавшій по своимъ дѣламъ въ Москву на нѣсколько дней и второй уже мѣсяцъ не возвращавшійся оттуда,) и сейчасъ же погоню сюда, а не согласенъ будетъ, найду другаго и пришлю, проговорилъ онъ обрывисто, опуская опять глаза свои въ тарелку.

Александра Павловна хотѣла что-то сказать на это,— не сказала, подавила вздохъ и принялась кушать, словно давясь каждымъ проглоченнымъ ею кускомъ.

Они кончили, встали... Онъ направился въ свои покои. Она пошла за нимъ.

— Борисъ, робкимъ, молящимъ голосомъ произнесла она, очутясь съ нимъ одна въ сосѣдней со столовою комнатѣ и чуть-чуть притрогиваясь пальцами къ его рукѣ,— скажи, милый, ты на меня не сердишься?

Онъ нежданно, быстро обернулся на нее, охватилъ рукою ея голову, прижался губами къ ея лбу:

— Сердиться... за что̀? Бѣдная! вырвалось у него изъ груди... И такъ же быстро, такъ же нежданно отодвинулъ ее отъ себя и торопливо двинулся впередъ.

Она растерянно, съ туманомъ въ глазахъ, съ чувствомъ, какъ будто сердце готово разорваться пополамъ, крикнула ему, сама не зная, какія слова вылетали изъ ея устъ:

— Дѣти въ саду, Борисъ!...

— Хорошо, я сейчасъ пройду съ ними проститься, отвѣтилъ онъ, не оборачиваясь...

Чрезъ четверть часа онъ въ дорожномъ костюмѣ выходилъ на крыльцо, къ которому подана была его коляска. Многочисленный персоналъ домашней прислуги счелъ нужнымъ сбѣжаться міромъ „провожать барина“.

Его это видимо коробило: онъ морщился и торопился.

Сашенька едва держалась на ногахъ, но бодрилась, насколько хватало у нея на это силъ. „Я должна, я буду *сдержанна*“, повторяла она себѣ со страстнымъ упорствомъ...

— А Кира-же гдѣ? вспомнила она вдругъ:— ты не простился съ нею, Борисъ?... Я пошлю ей сказать...

Онъ повелъ нетерпѣливо плечомъ:

— Не нужно, къ чему безпокоить!... Не надолго же... какимъ-то „загадочнымъ“, пролетѣло въ мысли Сашеньки, тономъ уронилъ онъ, не договоривъ.—Ну, прощайте!...

Она упала ему на грудь, задыхаясь отъ слезъ, приливавшихъ къ ея горлу, къ ея воспаленнымъ зѣницамъ.

— Да хранитъ васъ всѣхъ Богъ! зазвенѣлъ, словно обры-

ваясь отъ какой-то внутренней муки, показалось ей, голосъ мужа въ ея ушахъ.

Она разомкнула руки...

— Прощай! донесся до нея этотъ голосъ еще разъ. Троекуровъ сидѣлъ уже въ коляскѣ и заворачивалъ ноги свои пледомъ.

„Не уѣзжай, останься, страшно мнѣ!“ чуть-чуть не крикнула она, отчаянно порываясь съ мѣста...

Но Скоробогатовъ, съ ухорски нахлобученнымъ по-надъ самые глаза *гречневикомъ*, поднялъ натянутыя возжи, ухнулъ, и коляска, весело гремя и покачиваясь, понеслась со двора во всю прыть запряженной подъ нее, подобранной, рысистой четверки.

Былъ часъ восьмой на исходѣ вечера, когда, нѣсколько усталый отъ дороги и проголодавшійся, Троекуровъ въѣзжалъ въ Москву. На улицахъ уже горѣли фонари. Онъ велѣлъ везти себя въ Газетный переулокъ, въ гостиницу Шевріе.

Онъ всегда тамъ останавливался въ недолгія побывки свои въ Бѣлокаменной, куда призывали его отъ времени до времени изъ Всесвятскаго дѣла его по сахарному заводу. Знакомые слуги кинулись стремглавъ съ крыльца высаживать его изъ коляски.

— Есть нумеръ во дворѣ? спросилъ онъ.

— Одна комната, ваше сіятельство; большіе нумера заняты. На улицу пожалуйте, тамъ свободно.

— Не люблю я эти нумера на улицу, пробормоталъ Борисъ Васильевичъ, подымаясь нѣсколько нехотя по ступенькамъ.—А кто тамъ, на дворѣ? спросилъ онъ машинально.

Молодой Татаринъ, бѣжавшій предъ нимъ указать свободный покой, остановился, оборачивая къ нему свою бритую, съ лоснящимся всходомъ новыхъ, сине-черныхъ волосъ, голову, и принялся докладывать отчетливо и мѣрно:

— Генералъ Одуванчиковъ съ супругою, ваше сіятельство, вчера только изъ Петербурга пріѣхамши; банкиръ тутъ еще одинъ изъ Варшавы, тоже недавно прибыли. Это вверху-съ, а внизу, въ отдѣльномъ нумерѣ, гдѣ вы изволите за-

всегда останавливаться, княгиня Шастунова, второй мѣсяцъ живутъ... Оченно больныя онѣ, домолвилъ онъ, принимая почему-то при этомъ таинственный видъ.

— Княгиня Шастунова? повторилъ безотчетно пріѣзжій:— молодая?

— Такъ точно: *молодыя дамы*, подтвердилъ тотъ во множественномъ числѣ отъ избытка почтительности.

— Есть кто-нибудь при ней? уронилъ прижмуриваясь Троекуровъ.

— Какже-съ; особа тутъ при нихъ безотлучна одна, окромѣ того докторъ... Второй разъ сегодня пріѣзжали, объяснялъ Татаринъ: — въ самую даже эту минуту кушаютъ у насъ въ ресторанѣ съ Владиміромъ Петровичемъ, съ господиномъ Ашанинымъ...

— Ну, и я къ нимъ пойду... А ты возьми тамъ нумеръ и разложись! обратился Борисъ Васильевичъ къ своему, соскочившему съ козелъ и суетившемуся около задняго сундука, камердинеру.

— Слушаю-съ!...

— Гдѣ они обѣдаютъ? Проведи.

Онъ вошелъ въ ресторанъ. Татаринъ, все такъ же усердствуя, широко откинулъ предъ нимъ дверь отдѣльной комнаты.

Они только-что оттрапезовали. Докторъ, не старый человѣкъ, въ золотыхъ очкахъ и съ отрощеннымъ уже порядочно брюшкомъ, стоялъ посреди комнаты со шляпой въ рукѣ. Ашанинъ, держа его за пуговицу, передавалъ ему что-то торопливо и озабоченно.

— Борисъ Васильевичъ! Вы только-что пріѣхали? воскликнулъ онъ, со мгновенно пробѣжавшимъ по лицу его смущеніемъ, кидаясь къ нему съ протянутою рукой.

— Да... И сейчасъ узналъ, что наша знакомая,—я впрочемъ это еще раньше слышалъ отъ ея свекрови,—очень больна... И, въ самомъ дѣлѣ, опасно? добавилъ Троекуровъ, учтиво поклонившись доктору и вопросительно глядя на него.

— Плоха-съ, плоха, что дѣлать! отвѣтилъ тотъ, отдавая поклонъ, и широко развелъ руками.

— Неужели такъ, что...

— Богъ великъ, будемъ надѣяться! не далъ ему кончить московскій эскулапъ, съ видомъ человѣка, которому все это смертельно надоѣло и хочется скорѣе уѣхать домой на боковую, отославъ всякія иныя заботы къ чорту.—Честь имѣю кланяться!..

И онъ исчезъ.

— Ну, разсказывайте: что̀ вы *съ нею* сдѣлали? обратился Борисъ Васильевичъ къ Ашанину, опускаясь въ кресло, между тѣмъ какъ слуга поспѣшно убиралъ со стола приборы и накрывалъ его свѣжею скатертью.

— Вы еще не обѣдали; будете? спросилъ вмѣсто отвѣта тотъ.

— Да, и очень хотѣлъ бы потолковать съ вами, если только не противенъ вамъ будетъ запахъ кушанья, отобѣдавъ сами...

— Ничего... Я самъ такъ радъ случаю видѣть васъ и разсказать все... Дайте ему уйти только! молвилъ красавецъ, кивая на офиціанта.

Онъ началъ, едва тотъ ушелъ. Троекуровъ приказалъ не входить съ блюдами, пока онъ не позвонитъ.

— Не знаю, что̀ вы думаете, Боритъ Васильевичъ, а я не виноватъ, ей-Богу! говорилъ московскій Донъ-Жуанъ съ тѣмъ комичнымъ добродушіемъ, которое входило въ самую сущность его натуры и не покидало его въ самыя патетическія минуты жизни:—Какъ пріѣхалъ я тогда къ ней отъ васъ въ городъ, не смущалъ ее нисколько, даже напротивъ могу сказать; помня ваши наставленія, молитвой отъ соблазна отмаливался, глаза отворачивалъ, повѣрьте слову!.. Порученіе ваше исполнилъ въ точности: сообщилъ ей, что нашелъ въ Москвѣ кредитъ до окончанія дѣла ея со свекровью,—и васъ не назвалъ,—такъ и до сихъ поръ не знаетъ, отъ кого привозилъ я ей деньги здѣсь... Только какъ лишь узнала она, что можетъ вырваться изъ той трущобы,—вѣдь она умирала тамъ съ тоски, Борисъ Васильевичъ!—такъ сейчасъ...

— Такъ сейчасъ, досказалъ за него Троекуровъ съ легкою усмѣшкой,—въ тотъ же вечеръ и покатила она съ вами сюда?...

— Не такъ это, не такъ! Она сутками безъ малаго послѣ меня выѣхала. А я, точно, въ тотъ же вечеръ поскакалъ взять ей тутъ нумеръ у Шевріе, да и въ контору къ вамъ успѣть съѣздить, потому она à la lettre съ трехрублевою бумажкой въ Москву пріѣхала.

— Ну-съ, а *здѣсь?* протянулъ его собесѣдникъ, пристально глядя ему въ глаза.

Плутовскіе глаза красавца, словно перепуганные мышенки, такъ и забѣгали во всѣ стороны:

— И здѣсь ничего, Борисъ Васильевичъ, пролепеталъ онъ съ такою интонаціей невинности въ звукѣ голоса, что тотъ разразился невольнымъ смѣхомъ.

Ашанинъ сложилъ на животѣ руки и установился на Троекурова съ самымъ жалостнымъ выраженіемъ въ чертахъ: „не стыдно-ль, молъ, такъ смѣяться моей истиннѣйшей правдѣ?“

— Послушайте, Владиміръ Петровичъ, вы понимаете, что я ей, какъ говорится, *ни братъ, ни сватъ*, и вызывать васъ изъ-за нея къ барьеру не намѣренъ... Дѣло только въ томъ, что, какъ я предвидѣлъ, свекровь ея, этотъ обелискъ злой глупости, знаетъ, что вы „не разставались съ *нею*“, и находитъ въ этомъ новый предлогъ...

Онъ оборвалъ вдругъ, усиленно заморгавъ вѣками, съ явною досадой на себя:

— Но это вздоръ, и не объ этомъ теперь... Вашъ докторъ улетучился такъ быстро, что я все-таки яснаго понятія не успѣлъ себѣ составить о *ея* дѣйствительномъ положеніи. Неужели въ самомъ дѣлѣ такъ скверно?... Эта Аглая говоритъ, что *она* поѣхала съ вами въ паркъ и васъ тамъ вывалили изъ коляски, вслѣдствіе чего произошла у нея une fausse couche...

— Опять не такъ! прервалъ его Ашанинъ:—я съ *нею* не былъ, а былъ при этомъ. Я съ нею никогда въ экипажѣ вмѣстѣ не ѣзжалъ... развѣ какъ-нибудь ночью, когда не рискуешь никого встрѣтить, вспомнилъ онъ и опустилъ глаза съ видомъ пристыженной дѣвочки:—потому что она очень любила эти прогулки „à la lueur des étoiles“ и всегда вспоминала ваши съ нею, Борисъ Васильевичъ, въ Петербургѣ, зимою въ трой-

кѣ, счелъ онъ нужнымъ объяснить все тѣмъ же своимъ невозмутимо-невиннымъ тономъ.—Такъ и въ этотъ разъ было. Она ѣздила кататься по вечерамъ въ паркъ, останавливаясь у музыки, и всѣ къ ней подходили, не одинъ я... Въ тотъ вечеръ стояла погода самая каникулярная, душно было, смерть! Она позабыла вѣеръ свой дома и проситъ меня—коляска ея ѣдетъ шагомъ по шоссе, а я съ Шйгаревымъ идемъ рядомъ по дорожкѣ, разговаривая съ нею, смѣемся,—проситъ она меня сорвать ей вѣтку, отмахиваться отъ комаровъ. Я къ кусту сирени, сломилъ пребольшущую, несу ей и помахиваю... И отъ этого-ль, или кучеръ ея ужь очень пьянъ былъ, вожжи выпустилъ, но въ эту самую минуту лошади разомъ приняли, понесли... Мы со всѣхъ ногъ кинулись съ Шйгаревымъ за ними... Только коляска за столбикъ, колесо пополамъ; видимъ, летитъ съ козелъ кучеръ... Ужасно, Борисъ Васильевичъ, я до сихъ поръ вспомнить не могу! воскликнулъ Ашанинъ съ поблѣднѣвшимъ внезапно лицомъ...—Ее выкинуло на траву... Она лежала безъ чувствъ, когда мы добѣжали. „Ну, на мѣстѣ!“ помню, воскликнулъ Шйгаревъ... Оказалось, нѣтъ, и даже никакого перелома нигдѣ. Пришла въ чувство, даже довольно скоро... У Шйгарева была, къ счастію, карета, въ которой мы ее сюда къ ней и привезли... Едва пріѣхала, тутъ *это* съ нею и случилось... Доктора насилу добились, часа три прошло, пока отыскали, а за это время, повидимому, крови она потеряла страхъ!

— Какъ давно этому? спросилъ Троекуровъ.

— Сегодня пятый день; въ прошлый вторникъ случилось... Въ среду, въ четвергъ даже доктора сохраняли полную надежду, и сама она была необыкновенно бодра. Вы помните Лизавету Ивановну Срѣтенскую, пріятельницу Александры Павловны? Это маленькое существо во плоти угодница Божія... Я ее на другой же день привезъ къ *ней* и водворилъ; такъ она у нея и днюетъ, и ночуетъ, безотлучно, какъ сестра родная... Только самое-то вы ее знаете: нѣтъ власти способной укротить ее, когда что-нибудь ей въ голову втемяшется. Въ пятницу показалось ей, стало ей настолько легче, что она ни за что не хотѣла оставаться въ постели: „скучно“-молъ, и

какъ ни упрашивала, ни молила Лизавета Ивановна, встала, одѣлась, прошлась по комнатѣ,—ну, и повалилась тутъ же... Пріѣхалъ этотъ Кругликовъ,—онъ спеціалистъ-акушеръ, — и объявилъ: „родильная лихорадка"... А вы знаете, что̀ говоритъ это слово!..

— Вы бывали и видѣли ее всѣ эти дни?

— Я здѣсь, въ гостиницѣ, на всякій случай комнатку взялъ, молвилъ Ашанинъ, словно извиняясь, — вѣдь никого у нея тутъ... близкаго нѣтъ. Видаю ее, когда докторъ позволитъ...

— Въ памяти она?

— Въ полной. Истощена только ужасно.

— Опасность сознаетъ?

Ашанинъ помолчалъ. На длинныхъ рѣсницахъ его повисли слезы, какъ-бы вызванныя какимъ-то внезапнымъ, острымъ ощущеніемъ печали.

— Она завѣщаніе свое написала и мужа своего... перваго, то-есть,—Ранцова, къ себѣ вызвала, выговорилъ онъ вполголоса.

— Да? съ невольнымъ любопытствомъ спросилъ Троекуровъ.—Она вамъ говорила?

— Вчера утромъ велѣла она меня позвать... На одѣялѣ у нея лежало запечатанное письмо, которое просила она меня взять и отправить немедленно по эстафетѣ въ ***, „Никанору Ильичу Ранцову", проговорила она отчетливо и какъ бы строго глядя на меня въ всѣ глаза. А глаза у нея отъ худобы и лихорадки никогда еще такіе огромные и блестящіе не бывали... У нея теперь какая-то удивительная, особенная красота, Борисъ Васильевичъ!..

— И, вы думаете, она вызываетъ его къ себѣ этимъ письмомъ?

— Знаю навѣрное. Лизавета Ивановна, писавшая подъ ея диктовку, сочла нужнымъ передать мнѣ объ этомъ, чтобы переговорить съ докторомъ: возможно-ли будетъ допустить это свиданіе при ея крайней слабости... Въ письмѣ пять словъ всего: „желаю проститься съ вами предъ смертью"; подпись и адресъ.

Онъ замолкъ. Троекуровъ отпихнулъ отъ себя недоѣденную тарелку съ ростбифомъ:

— До *** полтораста верстъ. Ранцовъ могъ получить эстафету вчера ночью или рано утромъ сегодня и, безъ всякаго сомнѣнія, сейчасъ же выѣхалъ. Онъ можетъ, слѣдовательно, быть сюда еще сегодня.

— Я такъ и разсчитывалъ, кивнулъ утвердительно Ашанинъ,—и, признаюсь вамъ,ни минуты покоя не даетъ мнѣ это ожиданіе его... Вы меня и застали *здѣсь* въ этотъ поздній для обѣда часъ, потому что я все поджидалъ Кругликова и мнѣнія его насчетъ этого свиданія... которое очевидно такъ страшно должно подѣйствовать на нее.

— Что̀-жь онъ сказалъ, вашъ Кругликовъ?

— Онъ говоритъ, что... теперь все равно, отвертываясь и надорваннымъ голосомъ отвѣтилъ красавецъ.

Въ дверь комнаты послышался стукъ чьей-то руки.

— Кто тамъ?

Въ прощели показалась сине-черная голова слуги-татарина.

— Пришла отъ княгини изъ 10 нумера горничная, просятъ васъ къ нимъ, обратился онъ къ Ашанину.

Тотъ вскочилъ съ мѣста и побѣжалъ.

III.

Sieh mich, Heil'ger, wie ich bin,
Eine arme Sünderin!
Göthe. *Erwin und Elmire.*

Ашанинъ былъ правъ: она была хороша теперь „особенною“, измѣнившею весь характеръ ея наружности, красотой.

Обшитый кружевомъ ночной чепчикъ, съ большимъ кисейнымъ бантомъ подъ подбородкомъ, обрамлялъ ея удлиннившееся прозрачно-бѣлое какъ алебастровая ваза и странно-кротко улыбавшееся теперь лицо. Затылокъ покоился на высоко взбитыхъ, одѣтыхъ въ свѣжія батистовыя наволочки, подушкахъ. Изъ рукавовъ такой же батистовой кофточки, закрывавшихъ своими кружевами руки ея до кисти, выступали тонкіе пальцы и на поверхности покрывавшаго ее блѣдно-розоваго шелковаго подъ кисеей одѣяла (погода стояла душная, всѣ окна были открыты,) перебирали свои, еле уже державшіяся на нихъ, кольца... И ото всей этой изящной и ослѣпительной бѣлизны, въ которой утопала она, отдѣлялись лишь рѣзкимъ пятномъ выбивавшіяся изъ-подъ ея чепца густыя пряди распущенныхъ волосъ, да два огромные, темно-вишневые глаза горѣли какимъ-то звѣзднымъ, ослѣпительнымъ и зловѣщимъ въ своемъ блескѣ пламенемъ.

За ширмами, приставленными къ ея кровати со стороны оконъ, стояла большая зажженная лампа; подлѣ нея на столикѣ поставлены были свѣчи подъ абажуромъ. „Я хочу свѣта, свѣта *до конца!*“ говорила она на всѣ увѣщанія Лизаветы Ивановны.

На томъ же столикѣ стоялъ бокалъ, откупоренная бутылка шампанскаго въ серебряномъ холодильникѣ и большой букетъ бѣлыхъ розъ въ фарфоровомъ кувшинчикѣ. Затѣмъ ни стклянки, ни аптекарской коробочки во всей комнатѣ, — ничего обычнаго въ покоѣ больнаго. Она не терпѣла этого и приказывала „убирать съ глазъ“ послѣ каждаго пріема лѣкарства.

Маленькая особа сидѣла подлѣ нея въ креслѣ и тоже улыбалась, улыбалась своею обычною, робкою, безконечно жалостливою и безконечно любящею улыбкой, въ отвѣтъ на что-то „смѣшное“, только-что сказанное больною.

— Владиміръ Петровичъ, тихо доложила она, увидѣвъ съ мѣста остановившагося осторожно въ дверяхъ Ашанина.

— Владиміръ Петровичъ, повторила громко та,—войдите, можно!

Онъ выступилъ изъ-за ширмъ.

Она закивала ему.

— Ну, здравствуйте!... Видите, j'ai fait ma toilette для *его* пріѣзда. Вѣдь *онъ* непремѣнно сегодня пріѣдетъ, я знаю... Вы послали ему эстафету? тревожно перебила себя она вдругъ.

— Вчера же; я вамъ говорилъ, княгиня...

— Ахъ, пожалуйста, не называйте меня „княгиней“, мнѣ это гадко теперь!... Вотъ я Лизавету Ивановну отучила...

Она повернула съ усиліемъ голову въ сторону столика, стоявшаго подлѣ:

— Хотите шампанскаго?

— Спасибо, нѣтъ! сказалъ онъ, съ нѣкоторымъ удивленіемъ взглянувъ на незамѣченную имъ до этой минуты бутылку.

— Нѣтъ, пожалуйста! И я съ вами выпью... Par ordonnance, не бойтесь: докторъ предписалъ... Они всегда даютъ это, примолвила она засмѣявшись,—когда весь ихъ собственный репертуаръ средствъ истощенъ... Нѣтъ, впрочемъ, еще *то*, послѣднее... Принесли изъ аптеки мускусъ, Лизавета Ивановна? J'en suis là! примолвила она веселымъ тономъ.

Лизавета Ивановна повела утвердительно головой.

— Вы дадите его мнѣ, когда *онъ* пріѣдетъ, а пока мы съ

Владиміромъ Петровичемъ выпьемъ du Sillery mousseux... За *прежнее*... Дайте ему стаканъ, вотъ, и налейте намъ!...

Маленькая особа подошла къ ней, приподняла ей голову и поднесла ко рту полуполный бокалъ. Она ухватилась сама за него рукою:

— Чокнемся, Владиміръ Петровичъ, подите сюда! За нашу молодость!...

Онъ подбѣжалъ, притронулся стекломъ къ стеклу.

Она выпила, прижмурилась на мигъ и откинулась назадъ въ свои подушки:

— Хорошо, живитъ!... Я всегда его любила, шампанское...

Онъ стоялъ теперь со своимъ стаканомъ у самой ея постели и глядѣлъ на нее, стараясь улыбаться, не выдать на лицѣ то, что̀ нестерпимо ныло у него на сердцѣ.

Но она не обманывалась:

— Не похожа я теперь на ту, которая чокалась такъ съ вами въ первый разъ... помните, въ Сицкомъ, послѣ *Гамлета?*... Ахъ, какъ это далеко уже! тяжело вздохнула она:— да, молодость... и вотъ, конецъ... Courte, mais bonne,—я вамъ всегда говорила, такъ и вышло...

— Ольга Елпидифоровна, ангелъ мой, воскликнула плачущимъ голосомъ Лизавета Ивановна, — что это вы себя не жалѣете и другихъ мучаете! Сказано вамъ беречь себя, много не разговаривать...

— А договорить когда успѣю?... Не долго вѣдь осталось! возразила она съ новою усмѣшкой: — Я позвала его проститься... Вѣдь вамъ нужно будетъ сейчасъ уйти, Владиміръ Петровичъ: *онъ* не долженъ васъ видѣть... Я прошу васъ скрыться отъ него, не показываться ему на глаза ни *до*, ни *послѣ*, добавила она, подчеркивая... Вы не поймете этого, милая Лизавета Ивановна, нежданно обернулась она на нее съ дрожавшими на вѣкахъ слезами, — вы агнецъ чистый, а я...

Она подняла руку къ лицу, закрылась ею на мгновеніе, уронила ее опять на одѣяло...

— Поцѣлуйте... въ послѣдній разъ, прошептала она чуть

слышно, указывая на нее глазами Ашанину,—и уходите потомъ!

— Ольга! былъ онъ только въ состояніи выговорить сквозь спиравшееся отъ судороги горло, прижимаясь губами къ этой рукѣ и не имѣя силы оторваться отъ нея.

— Помолись обо мнѣ, когда все будетъ кончено, зашептала она вновь надъ самымъ его ухомъ,—и не жалѣй!... Мнѣ не жаль; я пѣла, помнишь, „намъ жизнь для радости дана". Радости сгинули; впереди одна скука ждала бы... Нѣтъ, не хочу!... Какъ это, у Пушкина, кажется?

...Простимся-жь дружно,
О, юность легкая моя!

Простимся! Ты... ты долго еще будешь молодъ, долго...

Она вдругъ вспомнила будто, дрогнула, вскинулась.

— Довольно... довольно... Уходите!...

— Я еще увижу васъ, хочу видѣть!... воскликнулъ онъ съ отчаяніемъ.

Ее словно приподняло всю гальваническимъ токомъ; она строго вперила въ него свои огромные, сверкавшіе какъ звѣзды глаза:

— Развѣ я вамъ не говорила, развѣ не чувствуете вы: если есть на насъ обоихъ грѣхъ настоящій, такъ это предъ *этимъ* человѣкомъ!

— Владиміръ Петровичъ, голубчикъ, уходите Бога для! замолила Лизавета Ивановна.

Она его чуть не насильно выпроводила изъ-за ширмъ.

Оттуда донесся до него чрезъ мигъ голосъ больной, тотъ прежній, проницающій и смѣющійся голосъ...

— Одно вамъ дозволяется: если онъ забудетъ, — онъ будетъ *убитъ*, я знаю, и можетъ не вспомнить, — чтобъ я вся была покрыта цвѣтами въ гробу, слышите! Но сдѣлайте все же непремѣнно такъ, чтобъ онъ никакъ не зналъ, что это отъ васъ.

Ашанинъ схватился за голову и выбѣжалъ какъ сумасшедшій изъ комнаты...

— Вы, можетъ, заснете теперь, анделъ мой? убаюкиваю-

щимъ тономъ пропѣла маленькая особа, подходя поспѣшно къ постели и любовно глядя на лежавшую.

Та ласково кивнула ей:

— Да, какъ будто клонитъ... Милая, дайте мнѣ сюда зеркало изъ несессера!

Лизавета Ивановна достала его и поднесла къ ней подъ свѣтъ, падавшій изъ-подъ абажура.

— Я говорила Амаліи, чтобъ она мнѣ другой чепчикъ дала; нѣтъ, всегда упрямится! досадливо проговорила она, жадно вглядываясь въ отраженіе свое въ зеркалѣ.—И съ такимъ лицомъ жить! вырвалось у нея вдругъ и, отстраняя его безсильнымъ движеніемъ руки, она закатила голову въ подушки, болѣзненно прижмуривая вѣки...

Прошло нѣсколько минутъ.

— Вы не забудете, заговорила она снова, не открывая глазъ,—вы не забудете дать мнѣ мускусъ, когда *онъ* пріѣдетъ...

Сладокъ мускусъ новобрачнымъ,
Камфора годна гробамъ...

Откуда это, Лизавета Ивановна, не знаете?... Какой вздоръ!.. Оба такъ скверно пахнутъ...

„Бредить начала, бѣдняжечка“, подумала та, притаивая дыханіе... Но она не бредила, она засыпала...

Ашанинъ тѣмъ временемъ сидѣлъ въ нумерѣ, въ которомъ только-что водворился Борисъ Васильевичъ, и, весь еще блѣдный отъ пережитыхъ ощущеній, передавалъ ему о происшедшемъ съ невольными умалчиваніями и задержками голоса. Но тотъ угадывалъ, что̀ не рѣшался досказывать опечаленный московскій Донъ-Жуанъ.

— Да, *онъ* отличный человѣкъ, я его знаю и высоко цѣню, и видъ вашъ напомнилъ бы ему *вѣроятно*, подчеркнулъ Троекуровъ,—что-либо очень для него тяжелое. Вамъ поэтому слѣдуетъ, кажется, въ точности исполнить *ея* волю... *послѣднюю волю*, Владиміръ Петровичъ, и не показываться на глаза этому хорошему человѣку.

— А вы покажетесь? подымая голову и глядя ему въ глаза своими блестящими глазами, спросилъ его неожиданно тотъ.

По чертамъ Троекурова пробѣжало невольное смущеніе, которое онъ тутъ же постарался скрыть подъ насилованною улыбкой:

— Что̀ же, отвѣтилъ онъ, глядя въ свою очередь въ лицо своему собесѣднику съ притворнымъ изумленіемъ,—я не имѣю причинъ, какъ вы... Я даже очень буду радъ видѣть Ранцова...

„Дда... Не попался, не воръ", пронеслось въ головѣ Ашанина. Онъ замолкъ.

Та же мысль, повидимому, овладѣла теперь Троекуровымъ. Брови его усиленно сжались; заморгавшіе глаза устремились на какую-то точку въ углу комнаты и не отрывались отъ нея... Ему было вообще тяжело; онъ чувствовалъ себя крайне нервнымъ, руки и ноги его поводило тѣмъ раздражающимъ физическимъ ощущеніемъ, которое въ простонародіи зовутъ „тосковаціемъ"...

Ашанинъ вздохнулъ и поднялся съ мѣста:

— Дѣлать нечего: пойти расплатиться, и домой... Я тутъ близко живу, люди знаютъ—гдѣ. Если бы паче чаянія я оказался на что-нибудь нуженъ,—пошлите мнѣ сказать!

Тотъ быстро обернулся на него:

— Куда вы? рано еще! остановилъ онъ его (ему всего менѣе желалось остаться одному въ эту минуту):—посидите!.. Знаете что̀, душно! Спросимъ крюшонъ и... поболтаемъ...

Имъ принесли бѣлаго вина, лимоновъ, сахару, большую стеклянную кружку... Они присѣли съ питьемъ къ растворенному окну.

Ночь уже отрясала свои маки надъ безмолвствовавшею Москвой. Изрѣдка, съ Тверской или Дмитровки, доносилось дребезжаніе извощичьихъ дрожекъ или гулъ опрометью несущейся коляски какого-нибудь купеческаго сынка, проживающаго *тятенькинъ капиталъ* съ Цыганками и *дебошірами* своей масти во всѣхъ увеселительныхъ заведеніяхъ матушки-Бѣлокаменной и ея окрестностей. Насупротивъ ихъ, изъ-за крыши Корсаковскаго дома, лѣзла большая черная туча, за-

рывая въ своихъ влажныхъ клубахъ узкій золотой серпъ выплывшаго было мѣсяца.

Они заговорили. Вѣрнѣе, заговорилъ Троекуровъ: ему хотѣлось этихъ звуковъ собственнаго голоса, „болтовни", отвлекавшей его механическимъ процессомъ выбрасыванія словъ наружу отъ того, что̀ копошилось внутри его и не давало ему забыться иначе... Онъ началъ о Кавказѣ, о былыхъ походахъ по неприступнымъ высотамъ его и стремнинамъ, съ желѣзными людьми, которыхъ зовутъ *русскимъ солдатомъ*, о „Кабардинцахъ удалыхъ"... Ему какъ-то особенно просились на память теперь воспоминанія о томъ краѣ,— воспоминанія „воли дикой", беззавѣтной игры „въ банкъ на жизнь или смерть", жизни „*безъ сожалѣній* и *безъ удержу*", говорилъ онъ... Онъ достигъ своего, увлекся ими самъ; разсказы его становились все оживленнѣе, все блестящѣ. Ашанинъ со своею впечатлительною натурой слушалъ его, весь замирая отъ сочувствія и любопытства.

Было уже далеко за полночь: они опорожняли третій крюшонъ... Но вотъ со стороны Дмитровки раздался грохотъ все ближе и ближе подъѣзжавшаго экипажа. Вотъ онъ завернулъ въ Газетный переулокъ; тусклый свѣтъ фонаря озарилъ на мигъ его неказистый, тарантасный кузовъ, сидящаго въ немъ „пассажира" въ шинели и фуражкѣ... Ямщикъ затпрукалъ; лошади остановились у подъѣзда гостинницы...

— Это *онъ!* какъ бы само собою вырвалось изъ груди Ашанина восклицаніе, прерывая Троекурова на полусловѣ.

Оба безотчетно потянулись головами за окно.

Пріѣзжій выскакивалъ изъ тарантаса и окликалъ дремавшаго у воротъ дворника.

— Нумеръ есть? спрашивалъ онъ негромко и дрожавшимъ, показалось имъ, голосомъ.

— Должно̀ есть... Сейчасъ *выдутъ* вотъ, отозвался тотъ, ежась съ просонковъ въ своемъ тулупѣ, и, взбѣжавъ на ступеньки крыльца, дернулъ за колокольчикъ.

Выскочилъ тотъ же неусыпный слуга Татаринъ съ синечернымъ всходомъ волосъ.

— Пожалуйте-съ! Нумерокъ небольшой требуется? спро-

силъ онъ нѣсколько небрежно въ виду скромной колесницы, стоявшей у подъѣзда.

— Все равно!... Княгиня Шастунова, Ольга Елпидифоровна здѣсь стоитъ? послышался опять обрывавшійся на каждомъ словѣ голосъ. Пріѣхавшій стоялъ на нижней ступени крыльца, какъ бы не рѣшаясь подняться выше.

Сверху, незримые въ темени отученной ночи, собесѣдники наши прислушивались къ разговору съ напряженнымъ, захватывающимъ вниманіемъ.

— Во дворѣ, въ десятомъ нумерѣ, проговорилъ скороговоркой Татаринъ.—Пожалуйте-съ! повторилъ онъ съ явнымъ уже нетерпѣніемъ.

Тотъ поднялся на площадку и тѣмъ же обрывавшимся голосомъ:

— Что она? спросилъ онъ.

— Ничего-съ, больныя лежатъ...

Пріѣзжій словно нырнулъ теперь въ распахнутую дверь сѣней...

Шаги его чрезъ нѣсколько минутъ раздались по корридору. Онъ проходилъ въ сопровожденіи Татарина мимо двери Троекурова. Сосѣдняя дверь отворилась...

— Рядомъ со мною! шепнулъ Борисъ Васильевичъ на ухо Ашанину:—шш...

До нихъ явственно доносились слова *его:*

— На вотъ тебѣ, любезный; сходи ты сейчасъ въ тотъ нумеръ... Осторожно только, смотри, не дай Богъ шуму, не напугать!... Кто при больной тамъ, знаешь?

— Горничная ихняя, и компаньонка еще, стало быть, маленькая такая персона, безотлучно при нихъ находятся, ваше сіятельство! подобострастно послѣ подачки расписывалъ теперь Татаринъ.

— Ну, такъ вѣроятно которая нибудь изъ нихъ не спитъ. Ты постарайся увидѣть ее и скажи, что тотъ, за которымъ посылала... княгиня, пріѣхалъ... Я, то-есть, онѣ знаютъ... И чтобъ онѣ ей доложили... когда можно будетъ... А что я усердно прошу, понялъ? прошу, ради Бога, чтобъ, если можно горничная эта... Амаліей ее зовутъ?...

— Не могу знать, ваше сіятельство, а только что изъ Нѣмокъ, это вѣрно...

— Ну да, да!... Такъ вотъ чтобъ она сейчасъ зашла ко мнѣ. Очень узнать желаютъ, скажи, скорѣе про здоровье... княгини. Понялъ?...

— Понялъ, ваше сіятельство; сею минутою сбѣгаю...

Онъ быстро замахалъ по корридору своею плывущею и мягкою походкой. Пріѣзжій вошелъ въ свой нумеръ. Скрипъ его сапоговъ слышался сквозь стѣну: онъ, очевидно, лихорадочно метался по комнатѣ отъ одного угла къ другому и назадъ.

Словно прикованные, не шевелясь, не раскрывая рта, прислушивались Ашанинъ и Троекуровъ...

Прошло такъ минутъ двадцать. Шаги послышались опять: Татаринъ бѣжалъ назадъ.

Пріѣзжій выскочилъ въ корридоръ ему навстрѣчу.

— Ну что?...

— Горничную ихнюю видѣлъ, ваше сіятельство, запыхавшись докладывалъ тотъ:—„Я, говоритъ, раздѣмшись теперь и не могу никакъ иттить; а княгиня, скажи, *нездорова есть* и при ней сидитъ *Лисафетъ Ифановна*“... Злющая она очень, ваше сіятельство, самая нѣмка эфта! заключилъ морщась Татаринъ, котораго дѣйствительно раздраженная со сна Амалія только-что наградила плюхой за причиненное ей безпокойство.

— И ничего больше? вскликнулъ болѣзненно допрашивавшій.

— И того насилу-то добился отъ нихъ, ваше сіятельство!..

— Хорошо; послѣ продолжительной паузы промолвилъ *онъ*:—если... оттуда пришлютъ ко мнѣ съ чѣмъ... ты сейчасъ же бѣги мнѣ сказать... Понялъ? Сейчасъ же!

— Какъ не понять, ваше... А теперь ничего больше не требуется?

— Ничего!..

Онъ вернулся въ комнату; замокъ двери его щелкнулъ, притворяясь. Послышался стукъ отодвинутаго кресла (онъ кинулся въ него очевидно), и все замолкло затѣмъ.

Троекуровъ поднялся съ мѣста.

— Вамъ спать не хочется? негромко спросилъ онъ.

— Какое спанье! Я всю ночь не засну теперь, возразилъ съ какимъ-то невольнымъ вздрагиваніемъ Ашанинъ.

— И я тоже... вѣроятно. Хотите, пойдемъ слоняться по какому-нибудь бульвару? Зазвѣздило, кажется, и свѣжѣе будто стало...

— Пойдемте!...

Солнце давно уже встало, когда вернулся къ себѣ въ гостиницу Борисъ Васильевичъ. Онъ раздѣлся и легъ, но заснуть все-таки не могъ. Сосѣдъ его не спалъ, и немолчный гулъ его шаговъ за стѣною надрывающимъ, нестерпимымъ звукомъ отзывался въ ушахъ Троекурова...

IV.

Sieh mich vor dir unverstellt,
Herr, die sündigste der Welt!
Göthe. *Ibid.*

Qui sait sous quel fardeau la pauvre âme succombe?
V. Гюго.

Онъ заснулъ часу въ восьмомъ и проснулся черезъ часъ. Изъ-за стѣны не долетало теперь ни единаго звука.

„Позвали наконецъ къ ней бѣднягу... на новую мýку“, сообразилъ съ невольнымъ вздохомъ Троекуровъ.

Вошелъ его камердинеръ съ платьемъ. Онъ совершилъ свой туалетъ, выпилъ наскоро стаканъ чаю и, приказавъ нанять ему на день коляску и отправить ее на Покровку ожидать его у воротъ дома, гдѣ помѣщалась его московская контора, самъ отправился туда пѣшкомъ.

Сосѣдъ его тѣмъ временемъ, желтый и едва державшійся на ногахъ отъ безсонницы и душевнаго волненія, стоялъ дѣйствительно въ сѣнцахъ у нумера, занимаемаго во дворѣ княгинею Ольгою Елпидифоровною Шастуновой, и переговаривался съ выбѣжавшею оттуда встрѣчать его Лизаветою Ивановною Срѣтенскою.

Она передала ему, что больная ожидала его еще вчера вечеромъ, и „неожиданно такъ и заснула ожидаючи, и почивала покойно до самаго утра, а, проснувшись въ началѣ седьмаго, спросила первымъ дѣломъ, пріѣхалъ-ли онъ, и какъ узнала, что пріѣхалъ, всю даже въ краску кинуло ее, *сердечную*, отъ радости“...

— Я хотѣла тотчасъ же послать за вами, объясняла лѣе Лизавета Ивановна, жалостливо и нѣжно заглядывая измученное лицо слушавшаго ее,—только она подождать пр сила, „привести себя, говоритъ, въ порядокъ со сна“... О еще вчера въ ожиданіи васъ „туалетъ сдѣлала“. Ну, а ночь смялось крошечку, такъ опять заново, чепчичекъ нов и прочее... Какъ если скажемъ *суетность*, примолвила малеі кая особа робко и какъ бы извиняясь, — такъ вѣдь то̀ по мать: красавица вѣкъ была, привычку себѣ сдѣлала...

— Да еще какая, царица была! воскликнулъ, не давая кончить, и, схвативъ ея руки, жалъ ихъ до крику ея собес никъ въ неудержимомъ порывѣ.

— Та̀къ, та̀къ, милый человѣкъ, подтвердила Лизаве Ивановна, невольно морщась отъ боли:—два года тому наза помню, какъ увидѣла я ее въ первый разъ... У благодѣте ницы моей покойной, у Марьи Яковлевны у Лукояновой, черомъ разъ, изъ Петербурга онѣ въ тотъ день вмѣстѣ п ѣхали, такъ какъ вошла она, я просто ахнула... И не ви вала такой...

— А очень перемѣнилась она теперь, а?... очень? пер билъ онъ ее еще разъ обрывающимся голосомъ.

— Сами знаете, залепетала та, смущенно отворачива отъ него, чтобы не видѣть его „жалкихъ глазъ“,—отъ неду кто-жь не перемѣнится!... А только что хоть и другая, как прежде была, а все-жь красота! На чей глазъ вѣдь, анде мой, молвила уже шопотомъ маленькая особа, слегка притр гиваясь пальцами къ его рукаву и кивая ему головой какимъ-то таинственнымъ видомъ, — а Господу нашему неба, такъ я думаю, даже гораздо пріятнѣе глядѣть па н въ теперешнемъ видѣ ея, чѣмъ въ прежнемъ, потому *бл жени страждающіе* сказано...

Онъ сожмурился, подавилъ вздохъ:

— Такъ можно къ ней теперь? проговорилъ онъ усиліемъ.

— Можно, тепереча можно...

Лизавета Ивановна усмѣхнулась унылою улыбкой:

— Велѣла занавѣси спустить, лампы и свѣчи опять з

жечь у себя въ спальной. „При дневномъ свѣтѣ, говоритъ, я его испугаю“, и даже что̀ вздумала: „я бы говоритъ, готова была подрумяниться на этотъ случай, да у меня этого снадобья никогда и въ заводѣ не было; пусть же, говоритъ, такъ и до послѣдняго“...

Она словно проглотила конецъ своей фразы, быстро отворила дверь нумера и вошла, приглашая его движеніемъ глазъ слѣдовать за нею.

У входа въ спальную она остановила его такимъ же движеніемъ, а сама прошла за ширмы, своею легкою, какъ у пташки, поступью.

Онъ поднесъ безотчетно руку къ сердцу; оно билось у него невыносимо...

Больная ждала. Ея вишневые, горѣвшіе какимъ-то воскресшимъ блескомъ жизни, глаза (она за четверть часа предъ этимъ приняла пріемъ мускуса,) вопросительно устремились на Лизавету Ивановну.

Та отвѣчала утвердительно наклономъ головы.

Ольга Елпидифоровна опустила на мигъ рѣсницы, вздохнула долгимъ вздохомъ, какъ бы набираясь воздуха, уперлась сильнѣе затылкомъ въ подушку и, сомкнувъ руки на одѣялѣ, произнесла твердымъ, слышнымъ голосомъ.

— Никсъ, пойдите сюда!

Онъ показался, увидѣлъ ее, обогнулъ шатаясь уголъ кровати и, какъ былъ, повалился на колѣни, головою въ одѣяло, прижимаясь устами къ этимъ блѣднымъ рукамъ съ неудержимымъ рыданіемъ...

Лизавета Ивановна кинулась въ испугѣ къ постели.

— Ничего, ничего, остановила ее больная, кусая себѣ губы, чтобы не разрыдаться въ свою очередь,—я этого ждала... Пусть выплачется... И оставьте меня съ нимъ, милая!...

Они остались одни. Она высвободила одну изъ своихъ рукъ изъ-подъ губъ его и положила ему на голову, проведя слабыми пальцами по его волосамъ. Онъ „выплакивался“, замирая отъ горя... и отъ счастья подъ прикосновеніемъ этой бѣлой руки.

— Никсъ, ты простилъ меня? послышался надъ ни шопотъ ея дрожавшаго голоса.

Онъ поднялъ глаза и, не вставая съ колѣнъ, взгляну. съ безконечною мукой въ чертахъ въ это дорогое, въ э едва узнаваемое лицо.

— Простить! повторилъ онъ, — да развѣ я когда... единственно о вашемъ счастіи, какъ *вамъ* лучше... И ли бы вамъ теперь поскорѣе выздоровѣть, безсвязно бормота онъ, осторожно забирая холодныя какъ ледъ руки ея въ сво какъ бы съ тѣмъ, чтобъ отогрѣть ихъ всею своею кров всею теплотой своего собственнаго существа.

Она глядѣла на него, и горькая усмѣшка заиграла на опавшихъ губахъ:

— Къ чему вамъ этого желать, Божья душа? прогов рила она съ какимъ-то страдальчески-презрительнымъ выр женіемъ:—не узнали вы развѣ меня до сихъ поръ? Не знает какова я?... Вѣдь не умѣла я васъ любить... и такъ не смог бы и потомъ. Я себя не обманываю, я такая... Выздоров я, я опять начала бы... сумасшествовать... А теперь... пред концомъ, я одного тебя хочу видѣть тутъ... Я никому н сдѣлала зла въ жизни, я виновата предъ тобою однимъ, Никс я тебя... я *душу твою* поберечь не хотѣла... Такъ хоть т перь, въ послѣдніе часы, чтобъ я твоя была... безраздѣльно.

— Да что-жь это, вскрикнулъ онъ отчаяннымъ воплем вскакивая на ноги, — развѣ въ Москвѣ докторовъ нѣт средствъ нѣтъ вылѣчить тебя!... Я сейчасъ съѣзжу...

Она заметалась головою по подушкѣ. „Ахъ, не понимает онъ меня, не понимаетъ!“ тоскливо говорила она, болѣзнен сожмуривая вѣки.

Ранцовъ замеръ на мѣстѣ, какъ вкопаный.

Голова обернулась въ его сторону; глаза раскрылись:

— Средствъ *нѣтъ*, и сама я... не хочу, понимаете? Так лучше! Прежняго не вернешь, а впереди что? Вѣдь я за мужемъ, я жена этого... кривоносаго... котораго я презира болѣе всего на свѣтѣ... Что же? Оставаться такъ, или опят разводъ и вернуться къ вамъ, къ прежнему?... Она вдруг громко, почти весело разсмѣялась:—Это было бы ужь очен

оригинально, Никсенька... вѣдь самого тебя, бѣднаго, подняли бы всѣ тогда на смѣхъ... А я не хочу этого, пусть ни малѣйшаго брызга на тебѣ не будетъ, мнѣ это сладко думать... Меня въ жизни любили истинно только два человѣка,—и оба такіе же чистые: мой милый графъ и ты... Онъ умеръ, а я, безумная, изъ легкомыслія, изъ тщеславія согласилась пойти за этого...

Она расплакалась, не договоривъ, мгновенными, дѣтскими слезами:

— Онъ со своею маменькой обобрали меня, вы знаете, продолжала она, такъ же мгновенно переставая плакать, — у меня ничего не осталось, когда я вернулась въ Россію,—онъ все взялъ на уплату долговъ своихъ и любовницъ... Я здѣсь жила все время въ долгъ... Тамъ, въ городѣ, Факирскій приносилъ мнѣ двѣ тысячи „отъ неизвѣстнаго". Но я знала, что это отъ васъ было, и не хотѣла принять изъ гордости... изъ глупой гордости: меня оскорбляло тогда это великодушіе. Я предпочла принять отъ чужаго. Онъ тоже хотѣлъ остаться *неизвѣстнымъ*... Но я догадалась, кто онъ, и ты ему уплатишь, Никсъ, изъ моихъ денегъ, когда получишь... Это Троекуровъ,—вы его знаете?

— Знаю, хорошій человѣкъ, машинально примолвилъ онъ.

Она взглянула на него съ новою, странною усмѣшкой:

— Да... порядочный во всякомъ случаѣ, словно сронила она съ губъ.—У меня въ бюварѣ, начала она поспѣшно затѣмъ, — Лизавета Ивановна знаетъ, завѣщаніе мое лежитъ... формальное: нотаріусъ былъ, и все какъ слѣдуетъ... Я вамъ все оставляю, Никсъ... Богъ не хотѣлъ, и я благословляю Его за это, чтобъ я родила на свѣтъ отъ *него*... отродье... Съ *ними* у меня теперь все порвано, я все вамъ оставляю... Вамъ не нужно, но я знаю, вы употребите ихъ на добро людямъ...

Она замолкла, тяжело дыша...

— Ольга, Олечка, заговорилъ онъ, перемогая, насколько могъ, свои терзанія, — довольно говорить, вамъ вредно... успѣете!...

— Нѣтъ, дайте досказать, пока есть сила... Поклянитесь мнѣ, Никсъ, что все исполните, о чемъ я прошу васъ!

Онъ поднялъ руку, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ:

— Христомъ моимъ клянусь и... и тѣмъ, какъ я любилъ тебя всегда, Олечка! произнесъ онъ сквозь новое, душившее его рыданіе.

Она будто просіяла вся:

— Ну вотъ и хорошо! Слушайте: въ томъ же бюварѣ вы найдете готовое, подписанное письмо мое къ Государю, которымъ я прошу Его велѣть разсмотрѣть мое дѣло съ *нею*, съ этою Аглаей, и удостовѣреніе отъ посольства нашего въ Парижѣ, — я его только наканунѣ этого случая со мною получила оттуда, — что долги *его* тамъ уплачены были мною изъ собственнаго моего капитала... Я говорила здѣсь съ юристами: они сказали, что по этому документу *она* должна будетъ *все* заплатить... И я умоляю васъ, Никсъ, возьмите съ нея все, все до копѣйки! Я ее и ея сынка... я ненавижу ихъ!

Онъ сжалъ лихорадочно ея руки, которыя все такъ же держалъ въ своихъ:

— Я все исполню, а вы... Прости имъ, Оленька! зашепталъ онъ, наклонясь къ ней,—Богъ намъ велѣлъ прощать!

Темнымъ пламенемъ блеснули глаза ея; раздражительно зазвучалъ ея голосъ:

— Никогда! Умру съ этимъ грѣхомъ на совѣсти, а простить не могу!... Я всю жизнь свою пуще всего ненавидѣла глупость, а тутъ еще къ ней подлость и злость... Пусть ждетъ меня за это наказаніе, а я проклинаю и *ее*, и *его*, и тотъ день, когда я, безстыдная, согласилась быть *его* женою!

Онъ не прерывалъ ея, онъ только, словно умоляя, продолжалъ сжимать ея руки и глядѣлъ на нее съ неизъяснимою тоской...

Она затихла. Слабый румянецъ, вызванный мгновеннымъ возбужденіемъ гнѣва на ея впалыхъ щекахъ, смѣнила прежняя блѣдность; на опущенныхъ рѣсницахъ задрожали еще разъ слезы:

— А теперь послѣднее, заговорила она еле слышно: когда... когда придетъ конецъ, Никсъ, ты перекрести меня и закрой глаза!... Чтобы никто, какъ ты, слышите?...

Онъ наклонилъ лишь голову безпомощно, безнадежно... Въ

дверяхъ за ширмами послышался тихій спросъ Лизаветы Ивановны:

— Войти можно?

— Можно, милая; что̀ вамъ? отвѣтила сама больная.

На кроткомъ лицѣ маленькой особы читалась крайняя озабоченность: она входила очевидно съ какою-то вѣстью, добрый пріемъ которой представлялся для нея сомнительнымъ.

Ранцовъ обернулся на нее:

— Докторъ? поспѣшно спросилъ онъ.

— Нѣтъ еще его, отвѣтила она, подымая на него на мигъ какъ бы укоряющіе глаза, и тутъ же направила ихъ на больную: — воля ваша, анделъ мой, а пущать я къ вамъ не рѣшилась... вы и такъ, глядите, устали ужасть!

— Кого это „пускать"?...

— Да княгиня тутъ пріѣхала... свекровь ваша, пролепетала та шепоткомъ, смущенно перебирая плечами, — узнала, говоритъ, въ деревнѣ, что вы заболѣмши и...

— Аглая! вскрикнула Ольга Елпидифоровна, приподымаясь на постели, будто двинутая какою-то незримою пружиной, съ засверкавшимъ молніею взглядомъ, съ судорожною дрожью, поводившею все ея еле дышавшее тѣло,—она здѣсь?... Вонъ ее гоните, вонъ!...

— Господи, застонала, кидаясь къ ней, Лизавета Ивановна, между тѣмъ какъ Ранцовъ охватывалъ ее за спину, не давая повалиться назадъ,—чтой-то съ вами, анделъ мой! Сказала вамъ: не пустила, не пущу!... Чего-жь это вы такъ вскинулись, голубонька моя!...

Но въ то же время изъ-за ширмъ выдвинулось широкое, мясистое, подрумяненное по самые глаза лицо въ шляпкѣ съ перьями и огненнаго цвѣта бантомъ подъ подбородкомъ, и жирный голосъ возопилъ плачущимъ тономъ:

— Ma chère Olga, c'est très mal que vous ne voulez pas me recevoir! Je suis venue exprès de la campagne, ayant appris que vous étiez malade, et je vous ai même amené mon aumônier, le père Парѳенъ, pour vous parler religion...

— Амалія! кликнула отчаянно Лизавета Ивановна, — что̀ же это вы, я вамъ говорила...

Бѣлобрысая Чухонка выскользнула изъ-за перьевъ Аглаи:

— S'ist nicht meine Schuld, я говорилъ княгинь: нельзя итти, а она самъ, съ силой, отпихнулъ мене и пришла...

Она подбѣжала къ постели, запустила руки за плечи своей барыни, заставляя этимъ Ранцова принять свои... Онъ отошелъ на шагъ, вперивъ грозно раскрывшіеся зрачки въ круглые глаза незваной гостьи.

Та тупо, обиженно и жалостно поводила ими кругомъ, какъ бы ища чьего-то содѣйствія или защиты...

— Вы меня на дворъ къ себѣ не пустили, заговорила, роняя слова черезъ силу, больная, — а теперь явились сами отравить мнѣ... послѣднія минуты... какъ сдѣлали это съ Линой... съ родною вашею... дочерью *). А я прошу васъ оставить меня... умереть спокойно...

— Pourquoi est-ce que vous m'offensez comme cela, Olga? захныкала немедля въ отвѣтъ Аглая:—je suis venue en qualité de belle-mère vous exhorter à faire votre paix avec Dieu et avec moi, et vous...

Она не успѣла договорить: Ольга Елпидифоровна задвигала слабо рукою, закатила глаза—и упала безъ чувствъ головою на плечо Амаліи.

Ранцовъ, не помня себя, шагнулъ ко княгинѣ съ задрожавшею челюстью:

— Я прошу васъ, зашепталъ онъ, наклоняясь къ ней подъ самую шляпку,—прошу уйти отсюда, сейчасъ, сію секунду!

— Ah, mon Dieu, визгнула она, — cet homme veut me battre! И, какъ испуганная утка, вынырнула съ этимъ визгомъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ, высоко поднявъ ногу на ногу подъ шелковою рясой и проводя рукою по своимъ курчавымъ и припомаженнымъ волосамъ, позѣвывалъ на стулѣ, въ ожиданіи, когда позовутъ его къ больной „говорить о религіи“ ея „aumônier le père Пароенъ“.

По шуму, достигавшему до него изъ спальной, онъ догадывался о какомъ-то происшедшемъ тамъ „смятеніи“. Растрепанный видъ вылетѣвшей оттуда его патронессы далъ ему по-

*) *Четверть вѣка назадъ*. Глава предпослѣдняя.

нять, что „смятеніе“ это разрѣшилось собственно для ея особы нѣкоторымъ погромомъ.

Онъ приподнялся ей навстрѣчу.

— Они мнѣ сдѣлали тамъ une scène affreuse, батюшка, будьте свидѣтелемъ! застонала она дѣйствительно тутъ же, ухватываясь за его рукавъ:—un monsieur, котораго я не зна... Кажется, это *ея* мужъ, le прежній, съ которымъ она развелась, чтобы женить на себѣ Basilé, mon fils... Онъ кинулся на меня съ кулаками... Будьте свидѣтелемъ, батюшка! Онъ не смѣетъ этого дѣлать: я княгиня Шастунова; мужъ мой, feu Michel, былъ посланникъ, тайный совѣтникъ и вдругъ, un monsieur Dieu sait qui смѣетъ меня выгонять... Я этого не позволяю, je demande justice! Мы съ вами сейчасъ, батюшка, поѣдемъ къ генералъ-губернатору... Очень жаль, что это уже болѣе не мой старый другъ, *графъ*... но все равно, и этотъ другой должень меня защитить dans mes droits. Вы ему скажете, какъ служитель du bon Dieu, что онъ долженъ приказать, чтобы меня непремѣнно пустили къ *ней* en qualité de belle-mère, и васъ тоже, котораго я нарочно привезла сюда, съ собою, чтобъ уговорить ее au nom du Christ помириться со мной et abandonner ses prétentions d'argent.

„Le père Парѳенъ“ даже испугался той роли, которую предназначало играть ему пламенное воображеніе умной женщины:

— Позвольте, княгиня, возразилъ онъ вѣскимъ тономъ, дождавшись передышки, воспослѣдовавшей наконецъ за излитымъ потокомъ словъ,— я полагаю, что представитель администраціи никакъ не рѣшится въ нынѣшнее время вмѣшиваться въ дѣло частнаго и даже чисто семейнаго характера; а что до моего „свидѣтельства“, то, согласитесь сами, какъ я собственно не присутствовалъ при вашемъ разговорѣ и даже не видѣлъ лица, причинившаго вамъ... непріятность...

Аглая озлилась:

— Я вижу, что вы un jacobin, отецъ Парѳенъ! воскликнула она, прерывая его:—я совсѣмъ другаго ждала отъ васъ...

Но вниманіе ея отвлечено было въ эту же минуту другимъ предметомъ тревоги: изъ спальной съ перекошеннымъ

лицомъ выбѣжала Лизавета Ивановна, пронеслась какъ пуля чрезъ комнату и исчезла за дверьми въ сѣни, оставивъ ихъ въ попыхахъ открытыми...

Глухой гулъ колесъ по настланной предъ окнами больной соломѣ донесся въ то же время до слуха княгини и ея собесѣдника, а вслѣдъ за нимъ громкій возгласъ маленькой особы, встрѣчавшей пріѣхавшаго на крыльцѣ:

— Ну, слава те Господи, а я ужь хотѣла за вами посылать, господинъ докторъ... Пожалуйте скорѣе, пожалуйте!.

— Что̀, плоха развѣ очень? обрывисто и нѣсколько встревоженно говорилъ мужской голосъ.

— Чувствъ лишилась... привести въ себя не можемъ...

— Мускусъ принимала?

— Приняла... да тутъ одно обстоятельство, бормотала растерянно маленькая особа, торопливо входя опять въ комнату.

Докторъ быстрыми, маленькими шажками несъ за нею свое пухлое брюшко и поправлялъ на-ходу золотыя очки свои съ озабоченною важностью на сморщенномъ челѣ.

Аглая Константиновна какъ увидѣла его, такъ и кинулась къ нему со всѣхъ ногъ:

— Вы лѣчите... эту даму? Позвольте узнать вашу фамилію...

— Мою?... Докторъ Кругляковъ... Онъ остановился въ изумленіи.

— Я васъ очень прошу, monsieur Кру̀гликовъ, перервала она тутъ же,— приказать, чтобъ меня пустили къ ней... потому что тутъ люди, которые хотятъ помѣшать этому,—и она язвительно покосилась на Лизавету Ивановну,—а я ея belle-mère, княгиня Шастунова, и мнѣ необходимо съ ней переговорить о дѣлахъ, потому что я вижу, qu'elle est en danger de mort и нельзя время терять...

Лизавета Ивановна всплеснула руками; все ея щедушное тѣльце какъ бы съежилось и затряслось отъ ужаса; полные слезъ глаза съ неудержимымъ упрекомъ вскинулись на говорившую:

— Чтой-то вы хотите, княгиня! Ей, можетъ, голубушкѣ

отъ разговора вашего и умирать теперь приходится, а вы опять... Пожалуйте, господинъ докторъ, пожалуйте скорѣе!...

И она юркнула въ спальную.

Аглая усиленно захлопала глазами, будто по лбу ея что-то треснуло. Но она не почитала еще себя разбитою:

— Elle dit des horreurs cette femme, захныкала она немедля, ловя за руку поспѣшавшаго за маленькою особой доктора, — вы ей не вѣрьте, je vous prie, c'est une intrigue contre moi.

— Позвольте, сударыня, позвольте, меня тамъ ждутъ! говорилъ онъ, вырываясь отъ нея.

— Un seul mot, monsieur Кругликовъ! Если моя belle-fille безнадежна уже такъ, какъ говоритъ эта женщина, то ей нужно les secours de la religion... ей нуженъ священникъ, и вы скажите имъ всѣмъ тамъ пожалуйста, что я нарочно привезла съ собою для этого mon aumônier, le père Парѳенъ, que voici...

— Это не мое дѣло, сударыня, перебилъ ее, теряя всякое терпѣніе, Кругляковъ и, высвободивъ свою руку и вбѣжавъ въ спальню, заперъ за собою дверь на обѣ половинки.

Она поглядѣла ему вслѣдъ, приподняла плечи и, со вздохомъ на всю комнату, опустила грузное тѣло свое на ближайшее кресло.

„Le père Парѳенъ", расчесывая пальцами свою подстриженную бородку, поглядывалъ на нее съ едва скрываемою ироніей на лицѣ: онъ видимо потѣшался ея суетой.

Она обернулась на него:

— Вы не забудете, батюшка, надѣюсь, что̀ вамъ нужно будетъ сказать *ей?* проговорила она, значительно помахивая головою:—и скажите ей еще, что une belle-mère это почти мать, и за то, что она такъ дурно приняла меня сегодня, ее ужасно накажутъ на томъ свѣтѣ!...

— Чертямъ-то рогатымъ мало кто вѣритъ въ нашъ образованный вѣкъ, княгиня, хихикнулъ на это отецъ Парѳенъ.

Ее совсѣмъ сбило съ толку такое неожиданное возраженіе.

— Отчего вы это говорите, батюшка? воскликнула она даже испуганно.—Когда кто умираетъ, ему всегда страшно.

Потому онъ знаетъ, что его сейчасъ тамъ будутъ судить. Этимъ вы, какъ отецъ духовный, и должны воспользоваться, чтобъ она эти, вы знаете, на которыя претендуетъ она, деньги отказала въ пользу Базиля, своего мужа.

„Le père Парѳенъ“ кашлянулъ, провелъ рукой по волосамъ и ухмыльнулся.

Дверь изъ спальной отворилась и изъ нея вышелъ докторъ въ сопровожденіи Ранцова.

— Хорошо, что добились, говорилъ онъ, самодовольнымъ движеніемъ передергивая очки на носу:—въ первую минуту, признаюсь, не надѣялся: пульса совсѣмъ не было... атрофія, думаю... Вывезло на этотъ разъ!

— И... и надолго-ли теперь? замирающимъ голосомъ спросилъ тотъ.

Кругляковъ развелъ руками:

— Вторую дозу муксуса приметъ, подбодрится... а тамъ...

Онъ глянулъ съ видимымъ участіемъ въ его исковерканное внутреннею мукой лицо:

— Вы родственникъ больной? спросилъ онъ, понижая голосъ.

Ранцовъ молча поглядѣлъ только на него въ свою очередь и отвернулся...

Докторъ повернулся на каблукахъ, отыскалъ кинутую имъ на окно шляпу и вынулъ часы:

— До свиданія, я заѣду черезъ часъ... Больной необходимо полное спокойствіе! проговорилъ онъ громко и какъ бы строго, оборачиваясь въ сторону княгини, внимательно прислушивавшейся со своего мѣста къ предыдущему разговору, и направился къ двери.

— Докторъ, окликнула его выбѣжавшая изъ спальной Лизавета Ивановна,—*она* священника желаетъ.

— Что же, доброе дѣло, оглянулся онъ,—только дайте сначала лѣкарству подѣйствовать: слаба слишкомъ въ эту минуту...

Аглая Константиновна вспрыгнула съ кресла, словно кукла изъ табакерки:

— Священникъ здѣсь!... Отецъ Парѳенъ, ступайте къ моей belle fille!...

Въ первую минуту никто не нашелъ, что̀ сказать. Кругляковъ исчезъ за дверьми. Лизавета Ивановна растерянно устремила глаза на Ранцова. Онъ въ стою очередь, молча, повелъ на княгиню не то недоумѣвающимъ, не то досадливымъ взглядомъ.

„Aumônier встряхнулъ гривой и, выправляя свои аметистовыя запонки изъ-подъ рукавовъ подрясника, всталъ и направился къ спальной.

Лизавета Ивановна инстиктивно кинулась заслонить ему дорогу:

— Позвольте, батюшка, надо, слышали, погодить... да и приготовиться больной дать... Да съ вами и даровъ святыхъ нѣтъ, продолжала она, оглядывая отца Парѳена.—Къ великому таинству приступить она желаетъ, такъ какъ же такъ!

— Формальность исполнить всегда успѣемъ, а тутъ главное убѣдить больную покончить честно всѣ земные свои счеты, учительскимъ тономъ возразилъ онъ.

Она даже руками всплеснула:

— Кровь и тѣло Господни... Это вы „формальностью“ называете, батюшка! Что̀ же это такое?

Онъ нѣсколько смутился:

— Назову *обрядомъ*, такъ какъ это, надо быть, болѣе знакомое вамъ понятіе, выговорилъ онъ нѣсколько иронически;— а тѣмъ не менѣе повторяю вамъ, сударыня, что разумное наставленіе особенно важно для умирающей...

— Certainement, поспѣшно вмѣшалась Аглая Константиновна, язвительно относясь къ маленькой особѣ,—надѣюсь, что батюшка лучше васъ знаетъ, что̀ слѣдуетъ дѣлать въ этихъ оказіяхъ!...

Но та ея не слушала. Она отбѣжала къ Ранцову, прижалась къ его плечу и зашептала:

— Не годится этотъ, анделъ мой, не годится!.. Съѣздите, милый человѣкъ, сейчасъ къ Николѣ на Грязяхъ; отецъ Василій тамъ, почтенный старецъ, пастырь настоящій... Вы только скажите, онъ меня знаетъ близко, пріѣдетъ сейчасъ...

Онъ ее, голубушку, дѣйствительно утѣшитъ, напутствуетъ и примиритъ... А этотъ таинство святое „формальностью“ называетъ, прости Господи!

— Сейчасъ съѣзжу... А если какъ она да безъ меня вздумаетъ ворваться къ *ней* опять? пріостановился тронувшійся было съ мѣста Никаноръ Ильичъ, указывая ей кивкомъ на Аглаю Констинтиновну, которая со своей стороны, наклонившись къ уху своего „aumônier“, объясняла ему что-то, энергично размахивая руками.

— Это точно, закивала Лизавета Ивановна, вздыхая, — опять ее, голубушку, не дай Богъ! не пощадитъ эта барыня... И чтой-то это, Господи, за люди на свѣтѣ!.. Такъ вотъ что̀, анделъ мой: сама съѣзжу, неподалечку вѣдь, и привезу отца Василья, а вы ужь тутъ посторожите!..

Она скрылась.

Ранцовъ подошелъ къ двери спальной, осторожно притворилъ ее опять и сѣлъ на близъ стоявшій стулъ.

Аглая Константиновна оглянулась на него и, съеживъ губы кружечкомъ, въ знакъ полнѣйшаго къ нему презрѣнія, спросила съ самымъ надменнымъ и колкимъ видомъ, какой только нашелся въ арсеналѣ ея grands airs:

— Куда же ушла эта... *персона*, которая тутъ сейчасъ *распоряжалась*, и когда наконецъ *допустятъ* отца Парѳена къ моей *belle fille?*

— Она поѣхала за священникомъ... за знакомымъ больной, отвѣтилъ онъ тихо.

Аглая остолбенѣла на первыхъ порахъ, открыла ротъ и такъ и застыла. Языкъ отказывался выговорить словомъ весь тотъ накипь изумленія, испуга и злости, который приливалъ ей теперь къ горлу... Но вотъ еще мгновеніе, плотину прорвало и, вмѣстѣ съ потокомъ слезъ, полившихся полосатыми струями по ея румянамъ, понеслись *крылатыя рѣчи* съ ея судорожно-перекривившихся губъ:

— А, такъ вотъ какъ, c'est comme ça, это противъ меня интрига, un complot atroce!.. Вы съ этою женщиной, я не знаю васъ! Кто вы такіе и какъ вы смѣете дѣлать это противъ меня? Вы какой-то прежній мужъ, кажется, que perso

ne ne connaît, а я княгиня Шастунова, мой мужъ посланникъ былъ, изъ первыхъ фамилій dans l'Empire и mon fils Basile, il est en Asie et je le représente en ce moment ici, je suis la belle mère de la malade, и мнѣ никто, даже сенатъ, а не только вы, que je ne connais pas, не можетъ запретить, когда она en danger de mort, привести ей духовное лицо, чтобъ уговорить ее...

— Княгиня, подходя къ ней и сдерживаясь, насколько могъ, проговорилъ полушопотомъ Ранцовъ,—*она* можетъ услышать, вы ее чуть не уморили сейчасъ... Ей остается, можетъ быть, лишь нѣсколько часовъ жить... не кричите, умоляю васъ!..

Она замахала руками:

— Я не хочу съ вами говорить, je veux la voir!...

И она кинулась къ двери спальной.

Онъ схватилъ ее за руку, рванулъ назадъ и, блѣдный, какъ призракъ, съ безумнымъ гнѣвомъ въ глазахъ, проговорилъ сквозь стукавшіеся въ лихорадочномъ ознобѣ зубы:

— Еще шагъ и, какъ Богъ святъ, я васъ выкину вонъ изъ окна!...

— А-а! визгнула она что̀ было мочи,—батюшки, спасите!..

V.

Tout est fini, la foule se disperse...
Béranger. *Sur le tombeau de Manuel.*

...Окна мѣломъ
Забѣлены. Хозяйки нѣтъ,
А гдѣ, Богъ вѣсть, пропалъ и слѣдъ.
Евг. Онѣгинъ. Гл. VI.

Троекуровъ не долго засидѣлся въ своей конторѣ; онъ потребовалъ приходо-расходный балансъ и увидѣлъ изъ него, что въ кассѣ имѣлось въ настоящую минуту свободныхъ шестнадцать тысячъ пятьсотъ рублей, полученныхъ изъ его „малорусской экономіи“ за нѣсколько дней назадъ.

— Отвезите сегодня же эти деньги въ банкирскую контору Ахенбаха, приказалъ онъ,—и возьмите отъ нея двѣ тратты: одну въ двѣ тысячи рублей на Берлинъ, а остальныя на Парижъ... Мнѣ тамъ нужно будетъ нѣкоторыя закупки сдѣлать, добавилъ онъ, самъ не зная, для чего сказалось это имъ.

— Слушаю-съ, молвилъ конторщикъ:—на чьи адресы въ эти города послать прикажете?

Троекуровъ поморщился:

— Я самъ распоряжусь... Принесите ко мнѣ, въ гостинницу Шевріе, часу въ пятомъ; я тамъ буду обѣдать.

— Слушаю-съ... Тутъ-съ по вашему кредиту—конторщикъ развернулъ книгу,—господиномъ Ашанинымъ получено въ два пріема тысяча сто пятьдесятъ рублей...

— Хорошо! кивнулъ не глядя Борисъ Васильевичъ и всталъ съ мѣста.

— Сходите къ управляющему дома, какъ бы вспомнивъ вдругъ и небрежнымъ тономъ сказалъ онъ,—и скажите, чтобы все тамъ почистили и привели въ порядокъ... Наблюдите за этимъ сами и, когда будетъ готово, извѣстите тотчасъ же отъ себя письмомъ княжну Киру Никитишну Кубенскую во Всесвятскомъ... Она, можетъ, будетъ въ Москву и остановится тамъ...

Онъ двинулся и вспомнилъ опять:

— Не бывалъ у васъ тутъ докторъ нашъ, Николай Иванычъ Ѳирсовъ, и не знаете-ли, гдѣ онъ пропадаетъ здѣсь?

— Былъ-съ, за жалованьемъ приходилъ, и адресъ его конторѣ извѣстенъ.

— Такъ нельзя-ли его будетъ отыскать и прислать ко мнѣ?.. Только сегодня же, я завтра уѣду въ Петербургъ.

— Сегодня же исполню-съ! молвилъ конторщикъ, провожая патрона своего на крыльцо.

Нанятая Троекуровымъ коляска ждала его уже тутъ.

— Куда прикажете, ваше сіятельство? спросилъ знакомый ему кучеръ отъ извощика, радостно приподнимая только-что отпущенную ему хозяиномъ, „въ уваженіе хорошаго господина", новехонькую шляпу.

— Домой къ Шевріе!..

Коляска подъѣзжала къ гостиницѣ, когда изъ воротъ ея вышла маленькая Лизавета Ивановна, быстро перебирая ножками и ища тревожно бѣглыми глазами ближайшаго извощика.

Троекуровъ узналъ ее, окликнулъ по имени.

Она обернулась, увидала, кинулась къ нему:

— Борисъ Васильичъ... Господи, вотъ не ждала, не чаяла!.. Одни вы здѣсь?

— Одинъ.

— А сокровище мое безцѣнное, анделъ небесный, Александра Павловна, что̀?

— Ничего, въ деревнѣ, здорова, поспѣшно отвѣтилъ онъ:— а вы куда же это бѣжите? еще поспѣшнѣе перемѣнилъ онъ разговоръ.

Она завздыхала, закачала головой:

— А я за священникомъ, Борисъ Васильевичъ, за отцомъ духовнымъ... Больная у меня тутъ одна, при смерти...

— Знаю, сказалъ онъ, княгиня Шастунова... Что̀, понизилъ онъ голосъ,—у нея тамъ теперь Ранцовъ... тотъ, за которымъ она посылала?..

— И про то знаете, анделъ мой? воскликнула она, утирая верхомъ руки проступившія у нея внезапно слезы:—тутъ, при ней теперь... Убивается... любитъ ее, видать, такъ, что душу сейчасъ за нее отдать готовъ... А тутъ ей еще покою не даютъ. Княгиня эта намазанная, свекровь ея, пріѣхала, ворвалась насильно, чуть не уморила ее на мѣстѣ...

— Успѣла? невольно вырвалось у Троекурова:—и священника своего притащила къ ней, а?

— Такъ, такъ, анделъ мой, все-то это вы знаете... И на особу духовную не похожъ даже вовсе, шарлатанъ какой-то, прости Господи!...

— Вы его не пустили къ больной?

— Нѣту, голубчикъ, нѣту! Вотъ за своимъ, за настоящимъ собралась... а сердце не на мѣстѣ, потому при ней одна Амалія осталась, а *ему-то* и войти къ ней нельзя, чтобы княгиня эта опять со своимъ попомъ стриженымъ не вскочила въ спальню... Батюшка, Борисъ Васильичъ, воскликнула вдругъ маленькая особа, — она васъ больше послушается, пошли бы вы выручать Бога для, ослободить, чтобы могъ онъ тутъ при постели ея на всякъ случай быть, пока я отца Василія привезу; вы всѣхъ знаете, а онъ тутъ одинъ, съ ума вѣдь собьешься...

— Я сейчасъ пойду, сказалъ Троекуровъ,—а вы садитесь въ мою коляску и поѣзжайте за вашимъ дѣломъ. Будьте покойны, примолвилъ онъ, усмѣхнувшись:—буянить я этой „намазанной“ не позволю.

— Ну и вотъ славно, ну и вотъ прекрасно, анделъ мой! говорила Лизавета Ивановна, крестясь и усаживаясь въ экипажъ. — Къ Николѣ, неподалечку, милый человѣкъ, закивала она всѣмъ своимъ сморщеннымъ личикомъ обернувшемуся на нее за приказаніемъ кучеру...

Борисъ Васильевичъ прошелъ черезъ дворъ и вошелъ въ

сѣнцы флигеля... Донесшійся до него въ эту минуту визгъ изъ покоя, въ который направлялся онъ, заставилъ его немедленно, поспѣшно распахнуть дверь.

Читателю уже извѣстно, какое зрѣлище предстояло ему увидѣть:

Ранцовъ стоялъ посреди комнаты съ перековерканнымъ лицомъ; Аглая Константиновна неистово махала руками, свалившись головой на плечо отца Парѳена...

Она разомъ смолкла при видѣ входившаго и вытаращила на него изумленные и уже нѣсколько испуганные глаза; она по первому кинутому имъ взгляду на нее почуяла, что явился ей не союзникъ, а врагъ...

Онъ быстро подошелъ къ Ранцову, протягивая ему руку:

— Я сейчасъ все узналъ отъ Лизаветы Ивановны, проговорилъ онъ вполголоса: — ступайте къ больной, Никаноръ Ильичъ, а барыню эту я отсюда выпровожу.

Тотъ встряхнулъ головой, вспыхнулъ, торопливо пожалъ пальцы Троекурова и исчезъ за дверями спальной.

— Позвольте васъ проводить до вашего экипажа, княгиня, молвилъ тутъ же, подступая къ ней съ подвернутымъ локтемъ, Борисъ Васильевичъ.

Она уперлась въ него своими круглыми глазами, вся растерянная...

— Et pourquoi est-ce que je dois m'en aller, monsieur Троекуровъ? забормотала она съѣхавшимъ уже на квинту внизъ голосомъ.

— Потому что кто-то здѣсь такъ кричалъ сейчасъ, изысканно отвѣчалъ онъ по-французски же, — что перепуганный хозяинъ гостинницы послалъ за полиціей, а я, при томъ уваженіи, которое внушаетъ мнѣ ваша особа, желаю избавить ее отъ допросовъ квартальнаго.

— Ah, mon Dieu, quelle horreur, un квартальный! вскрикнула она... и вдругъ одумалась: — Et si vous dites exprès, pour me tromper, monsieur Троекуровъ?

Но онъ уже держалъ руку ея подъ своимъ локтемъ и не выпускалъ ея:

— Пойдемте, княгиня. Есть такая русская пословица,

можетъ быть, слышали: „насильно милъ не будешь“, а тутъ къ тому же умираетъ женщина, и производить скандалъ въ такую минуту не совсѣмъ удобно... Пойдемте! заключилъ онъ, увлекая ее къ выходной двери.

— Но какой же скандалъ, monsieur Троекуровъ? окончательно разбитая этимъ рѣшительнымъ тономъ, этою *незадуманностью* поступка, пролепетала она плохо уже повиновавшимся ей отъ страха языкомъ,—я хотѣла только, чтобы le père Парѳенъ lui parle religion...

— Мнѣ очень жаль, перебилъ онъ ее,—что „le père Парѳенъ“ не подумалъ прежде всего поговорить „о религіи“ съ самою вами.

Она какъ рыба смолкла за этимъ наставленіемъ. Онъ довелъ ее до ея экипажа, посадилъ и низко раскланялся.

Сконфуженный въ свою очередь „père Парѳенъ“ торопливо скинулъ предъ нимъ шляпу, готовясь лѣзть за своею княгиней въ карету, въ которой съ ней и пріѣхалъ. Но на что̀ былъ онъ ей теперь? Она хлопнула дверцей чуть не подъ носъ ему и крикнула въ окно кучеру: „домой!“... Aumônier такъ и остался посреди двора съ раскрытымъ отъ изумленія ртомъ.

Борисъ Васильевичъ счелъ нужнымъ „на всякій случай“ вернуться въ нумеръ больной. Онъ усѣлся въ пустой теперь передней комнатѣ, въ ожиданіи возвращенія Лизаветы Ивановны.

Дверь въ спальную была не совсѣмъ притворена, но никакого звука̀ не слышалось оттуда. „Заснула“, подумалъ онъ...

Но она не спала... Открывъ глаза послѣ обморока, она всѣхъ узнала, слабо усмѣхнулась и попросила пить. Докторъ приказалъ дать ей опять шампанскаго и новый пріемъ мускуса черезъ десять минутъ. Это „подбодрило“ ее, какъ онъ и предсказывалъ: оконечности потеплѣли, чуть-чуть заалѣли щеки. „Ахъ, какъ теперь хорошо!“ выговорила она внятно, отыскала взглядомъ маленькую особу (Кругляковъ и Никаноръ Ильичъ вышли въ это время въ гостиную,) и поманила ее къ себѣ движеніемъ головы. Та быстро наклонилась къ ней. „Нельзя-ли священника... пока я въ силахъ“, прошептала она

ей на ухо съ какимъ-то замедленіемъ и дрожью въ голосѣ... „Сейчасъ, анделъ мой, сейчасъ!“ всклинулась и полетѣла Лизавета Ивановна. Она вздохнула и закрыла глаза, какъ бы для того, чтобы не видѣть оставшейся стоять надъ нею съ приторно подтянутыми губами, въ знакъ соболѣзнованія, Амаліи...

Донесшійся до нея крикъ Аглаи Константиновны заставилъ ее инстинктивно вздоргнуть, но вѣкъ она не подняла.

— Она все еще тутъ? равнодушно спросила она только.

— Immer da, подтвердила чухонская субретка, иронически осклабляясь...

Вошелъ Ранцовъ. Она слухомъ угадала его близость и какъ бы радостно улыбнулась ему, все также не открывая глазъ. Онъ сталъ у нея въ ногахъ, погрузясь взоромъ въ ея лицо... въ призракъ прежней „Оли“...

Амалія ушла за ширмы, къ окну. Онъ опять былъ одинъ съ нею въ этомъ освѣщенномъ какъ ночью покоѣ, между тѣмъ какъ солнечный свѣтъ, какъ бы смѣясь надъ ея предсмертною затѣей, нагло прорывался сверху въ отверстіе не плотно задернувшихся занавѣсей и пробѣгалъ змѣйкой въ углу противоположной стѣны надъ головою больной...

Она не спала; на нее нашло какое-то сознательное забытье, что-то между бдѣніемъ и грезою, сладкое и томящее. Ей не хотѣлось ни говорить, ни двигаться. Какъ тучки по небу, неустанно измѣняя свои очертанія, проносились предъ нею образы, силуэты, обрывки очерковъ и мыслей... Онъ читалъ это на этихъ обострившихся чертахъ, въ движеніи увядшихъ устъ, во вздрагиваніи длинныхъ рѣсницъ, падавшихъ какою-то траурною бахрамой на прозрачную блѣдность ея кожи... Зловѣще опущенные углы губъ приподымались на мигъ, будто пытаясь сложиться опять въ тѣ знакомыя ему, неотразимыя складки молодаго, счастливаго смѣха; по сжатымъ вѣкамъ словно пробѣгали какія-то мимолетныя радужныя тѣни; легкое шелковое одѣяло колыхалось слегка отъ учащеннаго дыханія легкихъ... Но еще мигъ—и чуть слышный вздохъ вылеталъ изъ груди, губы вытягивались въ строгую, непривѣтную линію, и изъ-подъ этихъ упорно сомкнутыхъ

вѣждъ готовы были, казалось ему, брызнуть жгучія, ядовитыя слезы...

Въ его головѣ стоялъ неотступно одинъ образъ, одно воспоминаніе. Жаркій лѣтній день; онъ, еще вчера *темный* армеецъ, сегодня нежданный богачъ, въѣзжаетъ въ городъ, подъ которымъ расположено наслѣдованное имъ имѣніе. Онъ тащится, трясясь на своей перекладной, по незнакомой, длинной улицѣ, сплошь залитой отвѣснымъ свѣтомъ полудня... И вотъ изъ окна свѣтлаго домика подъ зеленою крышей вытянулась чья-то женская, обнаженная по локоть, ослѣпительно бѣлая рука съ блестящими въ ней лезвеями длинныхъ, раскрытыхъ ножницъ,—вытянулась къ кусту пунцовыхъ розъ въ полномъ цвѣту, чуть-чуть качающихся на своихъ стебляхъ въ палисадникѣ, не въ далекомъ разстояніи отъ окна,—и не можетъ дотянуться до нихъ. И все далѣе протягивается она, а за нею, вывѣшиваясь наружу до стана, схватившись другою рукой за задвижку рамы, появляется хохочущій, очаровательный обликъ темнорусой красавицы, свѣжей и пышной, какъ тѣ розы, до которыхъ не можетъ достать она своими ножницами... И съ той минуты *она* „взяла всего его, всю его жизнь“... „Оля, что̀ же они сдѣлали съ тобой?“ мучительно шепталъ онъ про себя. Онъ о себѣ не думалъ, не думалъ, что, еслибъ „они“ не *сдѣлали* этого чего-то съ нею, она не вспомнила бы объ немъ въ эти послѣдніе часы, что, какъ признавалась сама она ему полчаса тому назадъ, она „никогда не *умѣла* его любить, не *смогла* бы и потомъ“... Да развѣ онъ когда нибудь, въ самыя горькія минуты, упрекалъ ее за это? Какъ говорилъ онъ графу Наташанцеву, онъ „насчетъ своей особы никогда не обманывался и всю жизнь свою мучился тѣмъ, что *не такого*, *какъ онъ*, мужа требовалось ей“...

Такъ, безмолвно, затаивъ дыханіе, не отводя отъ нея воспаленныхъ глазъ, простоялъ онъ надъ нею съ часъ времени... Онъ вздрогнулъ отъ прикосновенія руки неслышно подошедшей къ нему Лизаветы Ивановны.

— Отецъ Василій тутъ, сообщила она ему на ухо.

Но въ то же время глаза больной внезапно и широко раскрылись:

— Просите отца духовнаго! громко выговарила она и закрыла ихъ опять.

— Душа-то, душа-то сама почуяла и взалкала, прошептала восторженно маленькая особа, схватывая Никанора Ильича за руку:—пойдемте, голубчикъ!..

Высокій, почтеннаго вида, со строгими глазами и тихою поступью, старикъ-священникъ вошелъ чрезъ минуту въ спальную. Лизавета Ивановна, выславъ Амалію, оставила его одного „съ умирающею"...

Ранцовъ, выйдя въ гостиную, повелъ унылымъ и какъ бы благодарнымъ взглядомъ на одиноко сидѣвшаго тамъ Троекурова, опустился въ кресло въ углу комнаты и, уложивъ локти въ колѣни и голову въ руки, затихъ весь, словно замеръ.

Лизавета Ивановна подошла къ окну, сложила руки и устремила взоръ въ горячо синѣвшее небо. Губы ея быстро и беззвучно зашевелились: онѣ, очевидно, шептали слова молитвы...

Такъ прошло довольно долго времени. Троекуровъ съ какимъ-то страннымъ, становившимся чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе тяжелымъ, чувствомъ ожиданія глядѣлъ прикованными къ ней глазами на запертую маленькою особой дверь спальни.

Но вотъ наконецъ тихо отворилась она, и изъ нея вышелъ старикъ-священникъ, осторожно ступая по протянутому чрезъ комнату къ сѣнямъ половику.

— Въ силахъ была, батюшка? кинулась тутъ же къ нему съ тревожнымъ вопросомъ Лизавета Ивановна.

— Вполнѣ, какъ бы напирая, медленно и вѣско произнесъ онъ въ полголоса, — а въ настоящую минуту видимо ослабла очень: одну оставить нельзя.

Она такъ и вылетѣла за дверь. Никаноръ Ильичъ шатаясь поспѣшилъ за нею.

Троекуровъ остался одинъ опять... На сердцѣ его ныла какая-то всего его охватившая теперь тоска. „За эту умирающую тутъ женщину", вспоминалъ онъ, онъ „чуть не отправилъ на тотъ свѣтъ лучшаго друга своей молодости, два лучшіе года этой молодости отдалъ онъ на любовь, на безумную любовь къ этой женщинѣ... а теперь его и не тянетъ взгля-

нуть на нее въ послѣдній разъ"... Но уходить онъ все-таки не рѣшался. „Надо дождаться *конца*", говорило ему что-то внутри его, чему онъ не повиноваться не могъ.

— Вотъ какъ сподобились, голубочка, тѣло Его и кровь принять, Спасителя Нашего, Господа, такъ и легче стало, вѣрно я говорю, анделъ мой? допрашивала тѣмъ временемъ причастившуюся маленькая Лизавета Ивановна ласкательнымъ шопотомъ, наклонившись къ самому лицу ея, по которому словно бѣжала какая-то слабая усмѣшка.

Она не отвѣчала. Глаза ея были закрыты. На нее будто опять нашло давишнее забытье. Одѣяло не шевелилось; только тонкая батистовая ткань ночной кофты еле замѣтно приподымалась и опускалась надъ грудью...

Лизавета Ивановна медленно опустилась на колѣни, приникнувъ ухомъ къ этому едва уже слышному дыханію... Ранцовъ, все также въ ногахъ кровати, судорожно ухватясь руками за ея дерево, тянулся чрезъ него всѣмъ тѣломъ, прислушиваясь въ свою очередь, съ стиснутыми до боли зубами, съ широко, безобразно раскрытыми и устремленными на нее зрачками... Слышно было лишь жужжаніе мухъ подъ невысокимъ потолкомъ, да глухой гулъ колесъ на улицѣ, врывавшійся вмѣстѣ съ солнечнымъ лучемъ въ просвѣты занавѣси въ эту освѣщенную искусственнымъ вечернимъ свѣтомъ комнату...

Вдругъ она шевельнулась. Вѣки ея дрогнули, приподнялись...

— Ну, вотъ и жизнь прошла, послышались надрывающіе звуки:—на что?..

Тусклый, стеклянистый взглядъ ея поднялся на Ранцова:

— Никсъ, помните! донеслось до его слуха какъ бы откуда-то изъ невѣдомаго пространства...

Онъ глядѣлъ костенѣя въ эти загадочно и страшно остановившіеся на немъ глаза...

— Позвольте! раздался подлѣ Лизаветы Ивановны негромкій голосъ только-что вошедшаго доктора.

Онъ нажалъ пальцами пульсъ своей паціентки, вынулъ часы...

Лизавета Ивановна, не подымаясь съ колѣнъ, откинулась головою назадъ, прижавъ крестомъ руки къ груди.

— Что̀-о? какою-то неестественною бормотой прорвалось изъ горла Никанора Ильича.

Кругляковъ отпустилъ пальцы, положилъ часы въ карманъ и только головою качнулъ...

Троекуровъ въ тотъ же вечеръ уѣхалъ съ курьерскимъ поѣздомъ въ Петербургъ.

VI.

„Высшій либерализмъ“ и „высшій либералъ“, то-есть, либералъ безъ всякой цѣли, возможны только въ Россіи.

Достоевскій. *Бѣсы.*

Méfiez-vous des dégoûtés, ce sont presque toujours des impuissants.

Flaubert.

Въ какомъ-то странномъ, не то уныломъ, не то раздраженномъ состояніи духа, вышелъ Троекуровъ изъ вагона, въ которомъ провелъ безъ сна почти всю ночь. Онъ выѣхалъ изъ Москвы подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ, болѣе тяжелымъ въ дѣйствительности, чѣмъ могъ бы онъ себѣ это представить въ воображеніи. Когда въ томъ нумерѣ отеля онъ, по приглашенію маленькой Лизаветы Ивановны, вошелъ въ комнату только-что отошедшей въ вѣчность, давно переставшей быть ему милою, женщины, его охватило вдругъ нежданнымъ ощущеніемъ чего-то подломившагося въ немъ самомъ. Въ дребезгахъ, почувствовалъ онъ, лежало предъ нимъ обезображенное чудовищною рукой смерти цѣлое прошедшее его, цѣлый міръ молодости, надъ которымъ неотразимою звѣздой сіяло это, едва узнаваемое имъ теперь женское существо, и невольно въ глубинѣ его внутренняго я подымался смутный вопросъ: не ушла ли безвозвратно на это прошедшее лучшая доля его жизненныхъ силъ, и найдетъ-ли онъ въ себѣ для новыхъ битвъ за права страсти то беззавѣтное и непреклонное мужество, съ которымъ онъ въ оны дни готовъ былъ вызывать небо на бой

изъ-за взгляда, изъ-за мимолетной улыбки этой женщины. Онъ тупымъ, словно незрячимъ, взглядомъ глядѣлъ не отрываясь въ ея недвижные глаза, между тѣмъ какъ на сердцѣ ныла у него неодолимая тоска, а въ мозгу неотвязно напрашивалась мелодія романса, когда-то пѣтаго ею:

„Придетъ пора, твой май отзеленѣетъ,
Угаснетъ блескъ агатовыхъ очей"... *)

пока дрожащая рука Ранцова, блѣднаго и изможденнаго, какъ сама усопшая, не закрыла ихъ, и самъ онъ съ глухимъ стономъ не повалился головой на ея подушку...

Троекуровъ въ продолженіе всего пути не могъ отдѣлаться ни отъ этого ощущенія, ни отъ надрывающаго звука, того единственнаго звука: „Оля", вырвавшагося въ ту минуту изъ груди Ранцова, когда онъ, закрывъ ихъ, приникъ губами къ оледенѣвшимъ вѣкамъ этихъ угаснувшихъ теперь навсегда „агатовыхъ очей"...

Видъ Петербурга,— лѣтняго, пустаго и тоскливаго, какъ канцелярское *отношеніе*,— издавна ему ненавистнаго Петербурга только подбавилъ желчи къ его дурному настроенію. На спросъ камердинера, нанявшаго ему карету и ожидавшаго у дверцы ея указанія, въ какую гостинницу ѣхать, онъ проговорилъ сквозь зубы: „Все равно" и, только отъѣхавъ уже довольно далеко по Невскому Проспекту, вспомнилъ и, опустивъ переднюю раму, приказалъ извощику везти себя къ Демуту.

Тамъ онъ первымъ дѣломъ потребовалъ коммиссіонера и съ нервнымъ помаргиваніемъ усталыхъ глазъ передалъ ему имена нѣсколькихъ должностныхъ лицъ, которыхъ нужно ему было видѣть, приказывая съѣздить на извощикѣ узнать, гдѣ и въ какіе часы можно ихъ застать въ городѣ или на дачѣ, и привезти отвѣтъ немедля. Онъ какъ бы невольно торопилъ и торопился самъ. Этотъ городъ съ перваго раза налегалъ на него своею свинцовою тяжестью, и онъ, едва пріѣхавъ, думалъ только, какъ бы скорѣе покинуть его.

---

*) Переводъ Теплякова извѣстной пѣсни Беранже: *La bonne ueille.*

Расторопный коммиссіонеръ вернулся съ отвѣтомъ минутъ черезъ двадцать. Оказывалось на счастіе пріѣзжаго, что одно изъ нужныхъ ему лицъ, „генералъ“, какъ называлъ его коммиссіонеръ, Павановъ, находилось въ это утро въ городѣ, пріѣхавъ съ дачи для пріема просителей. Ему была подана карточка Бориса Васильевича, и онъ велѣлъ его къ себѣ просить безъ четверти въ часъ.

До назначеннаго срока не оставалось и получаса. Троекуровъ поспѣшилъ перемѣнить дорожный свой костюмъ на визитный и отправился.

„Генералъ“ Павановъ весьма сильно поднялся по іерархической лѣстницѣ со времени того блестящаго костюмированнаго вечера въ Михайловскомъ дворцѣ, на которомъ мы его встрѣтили, щеголяющаго изяществомъ своей элокуціи въ бесѣдѣ съ членомъ редакціонной крестьянской коммиссіи Линютинымъ. Онъ вполнѣ *парадно* занималъ ввѣренный ему большой постъ въ тогдашней администраціи, пользовался особенною милостью въ высшихъ сферахъ и почитался представителемъ „европейскаго начала“ и „умѣреннаго либерализма“ въ общемъ характерѣ государственной политики.

Троекуровъ зналъ его еще молодымъ человѣкомъ и состоялъ съ нимъ въ нѣкоторомъ родствѣ. Они впрочемъ давно потеряли другъ друга изъ вида, такъ какъ въ продолженіе многихъ лѣтъ состояли на службѣ на противоположныхъ окраинахъ Имперіи. Рѣшеніе дѣла, по которому пріѣхалъ Борисъ Васильевичъ въ Петербургъ, не зависѣло отъ Паванова, но онъ занималъ настолько важное положеніе, что могъ, какъ говорится, „многое сдѣлать“, и *направить*, и поговорить, и повліять. Такъ по крайней мѣрѣ думалъ Троекуровъ и рѣшился поэтому прежде всего повидаться и посовѣтоваться съ нимъ, какъ-то инстинктивно отдаляя на второй планъ свиданіе съ графомъ Анисьевымъ, бывшимъ своимъ сослуживцемъ по полку, но съ которымъ еще тогда развело его совмѣстное ихъ исканіе любви все той же Ольги Елпидифоровны Ранцовой, во всей прелести молодости и красоты появившейся въ

ту пору на петербургскомъ горизонтѣ. Все это теперь уже потеряло всякій смыслъ, но на особую готовность Анисьева сдѣлать ему пріятное Борисъ Васильевичъ никакъ не разсчитывалъ.

Въ сѣняхъ большаго казеннаго дома, занимаемаго Павановымъ, облекалась въ пальто и шинели только-что вышедшая изъ пріемной сановника толпа лицъ въ мундирахъ всякаго шитья, класса и вида. Троекуровъ, невольно морщась отъ этой давно имъ невиданной петербургской „казенщины", быстро поднялся, сторонясь отъ нея, по ступенямъ, и велѣлъ доложить о себѣ.

— Пожалуйте, поспѣшно проговорилъ стоявшій тутъ курьеръ съ бляхою, и побѣжалъ впередъ, шаркая ножками, съ ужасною торопливостью въ движеніяхъ и необыкновенною озабоченностью въ физіономіи.

— Salut, monsieur le grand propriétaire! возгласилъ самъ Павановъ, идя навстрѣчу пріѣзжему изъ глубины огромнаго кабинета, въ который введенъ былъ этотъ:— j'ai abrégé d'un quart d'heure mon priemъ habituel, чтобъ имѣть возможность дать вамъ четверть часа предъ комитетомъ. La Russie est le pays des comités, comme vous le savez, — прибавилъ онъ съ величественною игривостью, — и у меня таковой собирается сегодня въ часъ пополудни... Немногочисленный впрочемъ на этотъ разъ и не обѣщающій, къ счастію, насколько я могу предвидѣть, затянуться до порога вѣчности. Prenez place, je vous prie!

Онъ былъ, *подомашнему*, въ короткой жакеткѣ, съ сигареткой въ зубахъ, но такъ же изященъ, сладкорѣчивъ и помпёзенъ, какъ если бы былъ облеченъ во всѣ свои регаліи (злые языки увѣряли, что онъ, обвязывая себѣ на ночь предъ зеркаломъ голову фуляромъ, посылалъ поцѣлуй своему отраженію въ стеклѣ и съ тою же помпёзностью произносилъ: „Monsieur l'homme d'état, j'ai bien l'honneur de vous souhaiter une bonne nuit"). Онъ глядѣлъ на Троекурова зоркимъ и нѣсколько безпокойнымъ взглядомъ, очевидно выискивая на лицѣ человѣка свѣжаго, не видавшаго еще его въ его гран-

дерахъ, то впечатлѣніе, какое производилъ на него всѣмъ этимъ своимъ офиціальнымъ изяществомъ.

Но тотъ только поклонился, сѣлъ и проговорилъ учтиво и холодно:

— Я буду вамъ очень благодаренъ за эту „четверть часа".

Павановъ повелъ еще разъ на него глазами — и остался не совсѣмъ доволенъ повидимому этою благодарностью, лишенною всякаго *пыла*. Голосъ его зазвучалъ съ примѣсью нѣкоей уже какъ бы строгости въ выраженіи:

— Я тѣмъ болѣе желалъ имѣть удовольствіе побесѣдовать съ вами, что еще очень недавно... en haut lieu,—промолвилъ онъ почтительно и таинственно,—мнѣ было говорено о васъ...

— Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ невозмутимо Троекуровъ: — чѣмъ я заслужилъ эту честь?

Сановникъ чуть-чуть усмѣхнулся и пожалъ плечами, но такъ, что весьма трудно было угадать, какой именно его мысли должно было отвѣчать это движеніе:

— Vous n'êtes pas, il me semble, dans les bonnes grâces de monsieur Hertzen, или, по крайней мѣрѣ, кореспондентовъ его въ вашей мѣстности? подчеркнулъ онъ.

— А, рѣчь все объ этомъ! засмѣялся уже самымъ откровеннымъ образомъ его собесѣдникъ:—вы поручили даже провѣрить ихъ сообщеніе обо мнѣ въ Лондонъ?

Тотъ какъ бы нѣсколько смутился и поморщился:

— Вы введены въ заблужденіе, кажется, промямлилъ онъ.

— Это совершенно естественно впрочемъ: разъ было „говорено", вы должны были навести объ этомъ справки, какъ бы въ успокоеніе его и не замѣчая его отрицанія, молвилъ Троекуровъ.—Дѣло идетъ, не такъ-ли, о томъ, что я, встрѣтившись съ однимъ господиномъ на дорогѣ, наказалъ его нагайкой по лицу?

Въ глазахъ Павановa выразилось какое-то тревожное недоумѣніе. Эта прямая, краткая, „n'allant pas par quatre chemins", какъ говорятъ Французы, нисколько, очевидно, не обращающая вниманія на его офиціальное величіе, рѣчь была такъ *мало въ обычаяхъ* того міра, гдѣ игралъ онъ свою выдающу-

юся роль! Рѣчь эта шла притомъ изъ устъ человѣка *его* воспитанія, *его* круга, независимаго, очевидно, столько же по характеру своему, сколько по состоянію, котораго ни запугать поэтому, ни купить ничѣмъ нельзя. Разговоръ съ такимъ человѣкомъ выбивалъ нѣсколько нашего сановника изъ сѣдла.

— Такъ, по крайней мѣрѣ, отвѣчалъ онъ съ примирительною какъ бы улыбкой,—угодно было передать это господину Герцену въ своемъ задорномъ, позволю себѣ назвать его, листкѣ.

— Передано совершенно вѣрно, промолвилъ Троекуровъ.

— Вы сами это подтверждаете?

— Я самъ.

— Vous m'avouerez que c'est pourtant violent! воскликнулъ Павановъ, вскидывая даже обѣ руки кверху.

— Это зависитъ... отъ нервовъ, сказалъ все съ тѣмъ же хладнокровіемъ Борисъ Васильевичъ;—а я попрошу васъ выслушать отъ меня эту исторію со всѣми объясняющими ее мотивами, и затѣмъ *буквально* передать ее туда, гдѣ интересовались ею, такъ какъ она можетъ служить лучшимъ образчикомъ того безпомощнаго положенія, въ которое ставитъ въ настоящую минуту всѣхъ людей порядка въ Россіи полное отсутствіе въ ней власти и системы въ управленіи.

Лицо сановника замѣтно удлиннилось и отучилось.

— Я васъ слушаю! вздохнулъ онъ, откидывая руку за спинку кресла и принимая живописную, не то скучающую, не то благоволяще-внимающую позу.

Троекуровъ со свойственною ему сжатостью и рѣзкою опредѣлительностью выраженія передалъ ему все, что̀ извѣстно читателю о подвигахъ Иринарха Овцына, о дерзкихъ письмахъ, адресованныхъ имъ „живущей въ его, Троекурова, домѣ молодой родственницѣ его жены“ (онъ не назвалъ ея по имени), о попыткѣ его возмутить крестьянъ и подговорѣ „бѣднаго юноши-студента, сына севастопольскаго героя Юшкова“, къ разсылкѣ возмутительныхъ прокламацій и пр., о томъ наконецъ „невѣроятномъ хаосѣ понятій и дѣйствій“, при которомъ завѣдомый агитаторъ находитъ себѣ сочувственниковъ, потворщиковъ и освободителей не только въ какихъ-нибудь *ученыхъ*

полковникахъ Блиновыхъ, но и въ тѣхъ самыхъ „чинахъ полиціи явной и тайной“, на прямой обязанности которыхъ „лежитъ огражденіе государства и общества отъ подобныхъ негодяевъ“...

Павановъ слушалъ его съ невольно возраставшимъ любопытствомъ и какъ бы съ несомнѣннымъ сочувствіемъ къ негодованію, прорывавшемуся въ словахъ Бориса Васильевича. Онъ утвердительно покачивалъ головой, приподымалъ плечи, не то уныло, не то презрительно ухмылялся и повздохивалъ: глаза его все поощрительнѣе и любезнѣе глядѣли на говорившаго.

— Живую картину нынѣшняго положенія вещей, заговорилъ онъ, едва тотъ кончилъ,—картину, которая такъ барельефно, если можно такъ выразиться, выступаетъ изъ вашего сенсаціоннаго разсказа, я уже давно рисовалъ себѣ мысленнымъ окомъ изъ тѣхъ офиціальныхъ, конечно безжизненныхъ, не одѣтыхъ, такъ сказать, въ плоть и кровь, но тѣмъ не менѣе заключающихъ въ себѣ извѣстную долю вѣрныхъ указаній, данныхъ, которыя получаются мною изъ провинцій. Картина несомнѣнно печальная и заставляющая призадуматься!— Онъ развелъ руками, сдѣлалъ длинную, многозначительную паузу и продолжалъ затѣмъ:—Я очень вамъ благодаренъ за ваше объясненіе. Les motifs qui vous ont pour ainsi dire fatalement poussé à châtier ce mauvais drôle sont parfaitement légitimes, quoique violents,—игриво домолвилъ онъ,—и я признаю, que tout gentilhomme à votre place en aurait fait autant... Но, если вы совершенно ясно для себя разумѣли, какъ слѣдовало поступать вамъ въ данномъ случаѣ, весьма замѣчательно, какъ симптомъ времени, то, что остальныя дѣйствующія лица въ этомъ эпизодѣ, этотъ господинъ ученый офицеръ, l'исправникъ e tutti quanti, поступили діаметрально противоположно тому, что̀ *ихъ* долгъ имъ предписывалъ.

Онъ замолкъ и уставился на своего собесѣдника, какъ бы предоставляя ему обсудить всю необычайную глубину выраженнаго имъ мудрствованія.

Троекуровъ въ свою очередь теперь поглядѣлъ на него съ недоумѣніемъ:

— Симптомъ совершенно понятный: люди дѣлаютъ противно своему долгу *потому*, что знаютъ, что могутъ это дѣлать безнаказанно. Все зависитъ—какъ къ этому относятся *сверху*.

Павановъ вдругъ наклонился къ нему и прошепталъ:

— Nous ne pouvons rien; le torrent nous emporte.

Кровь кинулась въ голову Троекурова.

— И это говорите вы, воскликнулъ онъ неудержимо,—вы, люди власти, которымъ теперь, послѣ освобожденія крестьянъ, предлежитъ дать камертонъ всему характеру царствованія, всей начинающейся съ него новой русской исторіи!... Вы не поняли, что, давъ волю народу, воспитанному вѣками рабства, то-есть, другими словами, совершивъ революцію правительственною рукой, вы должны были удесятерить силу этой руки въ виду хотя бы упраздненія тѣхъ „даровыхъ полицеймейстеровъ“ *), которыхъ имѣла она въ лицѣ помѣщиковъ... А вы про „torrent“ говорите! Какой это „torrent“? Не та-ли открытая проповѣдь безбожія и анархіи, которую само правительство распространяетъ по Россіи за подписью своихъ цензоровъ?... Вы, извините меня, какъ заяцъ басни, пугаетесь тѣни собственныхъ вашихъ ушей...

— Ecoutez, mon cher Троекуровъ... car nous sommes cousins, ce me semle? — вспомнилъ вдругъ кстати Павановъ, совершенно тонко разсудивъ, что въ качествѣ родственника онъ могъ выслушивать то, что̀ въ положеніи сановника не приличествовало ему терпѣть со стороны лица, въ нѣкоторой степени ему подначальнаго:—vous prêchez un converti. Не разъ пытался я заявить высказанный вами сейчасъ, безусловно правильный, принципъ въ средѣ государственнихъ лицъ, quorum pars *minima sum*,—вставилъ онъ, скромно и находчиво переиначивая къ случаю стихъ римскаго поэта;—но это былъ неизмѣнно гласъ вопіющаго въ пустынѣ. Вы требуете „силы“? Она у насъ самымъ рѣшительнымъ образомъ теперь отсутствуетъ. Le „Русскій богатырь“, comme a dit Пушкинъ,

*) Извѣстное выраженіе императора Павла I.

дѣйствительно „покоится“ pour le moment „на постели“ *). Да и была-ли она у него, pour dire vrai, когда-либо и раньше, *истинная* „сила“, у этого soi-disant „богатыря“ безъ культуры и гражданственности.

Изящныя черты сановника приняли вслѣдъ за этимъ столь категорически поставленнымъ вопросомъ чуть не гадливое выраженіе.

— „Russia is a great humbugh“ **), écrivait lord Palmerston à son frère en 1835, c'est à dire, aux plus beaux jours encore du règne précédent. Tenons-nous cela pour dit! заключилъ онъ рѣшительно и строго.

„И жить въ странѣ, управляемой людьми, презирающими ее!“ пронеслось скорбнымъ и язвительнымъ помысломъ въ мозгу бывшаго Кавказца.

— Скажите, спросилъ онъ подъ этимъ впечатлѣніемъ,— куда же можетъ притти Россія при такихъ убѣжденіяхъ ея правителей?

— La Russie marche vers l'inconnu, къ великому неизвѣстному *иксу!* счелъ даже нужнымъ перевести и приправить Павановъ, сопровождая эту фразу рисующимся движеніемъ головы и руки, какому могъ бы позавидовать знаменитѣйшій ораторъ Запада.

Борисъ Васильевичъ прикусилъ себѣ губу, чтобы не отвѣчать рѣзкостью, просившеюся ему на языкъ и которую онъ считалъ совершенно безполезною. „Тутъ ничего не подѣлаешь“, разсудилъ онъ... Ему оставалось только обратить скорѣе опять разговоръ съ почвы общихъ разсужденій на предметъ, съ котораго онъ начался.

— У меня къ вамъ просьба, сказалъ онъ торопливо и не ожидая отвѣта:—я сейчасъ передавалъ вамъ о почтенномъ человѣкѣ, единственный сынъ котораго, прекрасный по душѣ, но слабовольный юноша, соблазненъ былъ этимъ... нигилистомъ, товарищемъ его по университету, къ поступку совершенно безсмысленному, за который однако можетъ ждать его

*) „Клеветникамъ Россіи“.
**) Россія—большое надувательство.

весьма тяжелое наказаніе. Я пріѣхалъ теперь въ Петербургъ единственно съ цѣлью спасти несчастнаго, если можно... Оказавъ мнѣ въ этомъ случаѣ помощь вашимъ вліяніемъ, вы сдѣлали бы поистинѣ хорошее дѣло.

— Я всегда душевно готовъ дѣлать ихъ, насколько дозволяютъ это мои силы и средства, отвѣчалъ Павановъ (онъ былъ дѣйствительно весьма мягкосердый по натурѣ и даже не безъ великодушія при случаѣ человѣкъ);—о вашемъ юношѣ мы будемъ имѣть возможность переговорить чрезъ нѣсколько минутъ,—промолвилъ онъ, взглянувъ на стоявшіе на его письменномъ столѣ часы, — переговорить съ тѣмъ, кто въ этомъ дѣлѣ можетъ быть гораздо вамъ полезнѣе, чѣмъ я... Vous le connaissez certainement, le comte Анисьевъ? Vous avez été, je m'en souviens, son camarade de régiment aux temps heureux où vous étiz très jeune et où je l'étais *encore*, подчеркнулъ онъ съ полувздохомъ.

— Вы очень мало перемѣнились съ тѣхъ поръ, увидѣлъ себя какъ бы вынужденнымъ Троекуровъ отпустить ему въ благодарность эту любезность.

Тотъ будто только этого и ждалъ, широко улыбнулся и благодарно въ свою очередь наклонилъ голову, но тутъ же вздохнулъ опять и, приподнявъ въ видѣ опроверженія одинъ изъ своихъ великолѣпныхъ бакеновъ, подернутыхъ весьма уже замѣтною сѣдиной, процитовалъ чистѣйшимъ остзейскимъ акцентомъ изъ пролога къ Фаусту:

Ach, gieb mir wieder jene Triebe,
Das tiefe schmerzenvolle Glück,
Des Hasses Kraft, die Macht der Liebe,
Gieb meine Jugend mir...

— Вашему сіятельству! прервалъ онъ себя, не договоривъ стиха, двигаясь съ мѣста съ живописно протянутою рукой ко входившему безъ доклада графу Анисьеву:—les oreilles devaient vous tinter tout à l'heure: мы только-что упоминали ваше имя со старымъ вашимъ однополчаниномъ...

— Ахъ, Троекуровъ, какъ я радъ тебя видѣть! Сколько лѣтъ!... воскликнулъ самымъ радостнымъ тономъ тотъ, по-

спѣшно кидаясь къ нему и потрясая ему руку обѣими своими: — въ отставкѣ, мировымъ посредникомъ, ландъ-лордомъ, да? Знаемъ, знаемъ: une femme adorable, денегъ куры не клюютъ, со всякимъ честолюбіемъ распростился, „la simple fleure orne ma boutonnière“, comme dit la chanson de Béranger, — словомъ, счастливецъ, заслуживающій всякой зависти! Какъ это ты рѣшился удостоить нашу Ингерманландію своимъ посѣщеніемъ?

— Вы вѣроятно удивитесь, засмѣялся Павановъ,—узнавъ, что мы этимъ главнымъ образомъ обязаны, кажется, вамъ.

— Мнѣ? удивился блестящій генералъ:—очень радъ: чѣмъ могу служить? промолвилъ онъ съ легкою уже задержкой и зорко глянулъ въ лицо Троекурова.

Дверь кабинета отворилась еще разъ и, вслѣдъ за громко и отчетливо выговореннымъ докладомъ курьера: „статсъ-секретарь Ягинъ“, вошло новое лицо.

Это былъ господинъ малаго роста, на короткихъ ножкахъ, со шлепающими губами рта до ушей и гладко выбритымъ зеленымъ лицомъ, представлявшимъ какъ бы нарочно и тщательнѣйшимъ образомъ высортированный specimen петербургскаго гемороидальнаго субъекта. Голову этого господина покрывалъ фантастически-каштановаго цвѣта парикъ. Облеченъ онъ былъ въ вицъ-мундиръ съ двумя звѣздами, форменно застегнутый на двѣ нижнія пуговицы, и держалъ подъ мышкой новешенькій портфель, изъ такъ-называемыхъ „министерскихъ“, заключавшій въ себѣ, судя по раздутости его боковъ, не малое количество всякой писаной бумаги.

— Подземный гномъ рядомъ съ Аполлономъ Бельведерскимъ! шепнулъ насмѣшливо Анисьевъ на ухо Троекурову, пока вошедшій обмѣнивался съ хозяиномъ взаимными рукожатіями.

— У васъ комитетъ сейчасъ, и я ухожу, молвилъ ему въ свою очередь Борисъ Васильевичъ, слегка усмѣхнувшись сравненію,—а мнѣ дѣйствительно надо поговорить съ тобою объ одномъ дѣлѣ. Когда могу я застать тебя?

Тотъ не успѣлъ отвѣтить: „Аполлонъ Бельведерскій„ подходилъ къ нимъ съ „гномомъ“ подъ руку и съ какою-то по-

бѣдною улыбкой на устахъ, словно и самъ говоря; „полюбуйтесь контрастомъ!..“

— Позвольте, ваше превосходительство, говорилъ онъ ему со своимъ пѣвучимъ эмфазомъ, — познакомить васъ съ родственникомъ моимъ, Борисомъ Васильевичемъ Троекуровымъ, однимъ изъ значительнѣйшихъ землевладѣльцевъ и уважаемѣйшихъ мировыхъ посредниковъ ***ской губерніи, привезшимъ изъ своей мѣстности весьма интересныя свѣдѣнія. Я осмѣлюсь думать, что нашъ собравшійся теперь au complet комитетъ *трехъ*, коего задача состоитъ въ уясненіи причинъ распространенія между молодежью, преимущественно университетскою, антиправительственнаго и даже антиобщественнаго направленія мыслей и въ соображеніи затѣмъ о могущихъ быть пріемлемыми противъ сего мѣропріятіяхъ,—что комитетъ нашъ, говорю, можетъ почерпнуть изъ этихъ свѣдѣній указанія, весьма для себя полезныя. Они драгоцѣнны уже тѣмъ, что идутъ отъ лица, вполнѣ независимаго по своему общественному положенію, и которое вмѣстѣ съ тѣмъ, по тѣмъ офиціальнымъ обязанностямъ, кои Борисъ Васильевичъ изъ гражданскаго чувства принялъ на себя въ мировомъ институтѣ, имѣло возможность наблюдать, такъ сказать, изъ окна rez de chaussée новыя явленія выходящей нынѣ изъ купели крестьянской реформы русской общественной жизни въ нашей провинціи.

— Какъ же-съ, слышалъ, произнесъ на это глухимъ и загадочнымъ тономъ Ягинъ.

Онъ съ той минуты, какъ было произнесено имя Троекурова, и во все время, пока Павановъ изливалъ музыкальныя волны своей рекомендательной рѣчи, поглядывалъ съ какимъ-то будто недоброжелательнымъ вниманіемъ на Бориса Васильевича.

— О чемъ это именно изволили вы слышать? нѣсколько рѣзко спросилъ его тотъ. Желчь поднялась въ немъ.

— О вашей... дѣятельности, подчеркнулъ какъ бы съ легкой язвительностью Ягинъ, захватывая двумя пальцами съ каждой стороны виски своего парика и передергивая его на черепѣ.

Глаза Троекурова блеснули мгновеннымъ острымъ бле-

скомъ... Но Павановъ не далъ ему времени на отвѣтъ. Съ чуткостью и находчивостью человѣка, до тонкости вышлифованнаго долгимъ треніемъ всякихъ служебныхъ и придворныхъ отношеній, онъ тотчасъ же угадалъ, откуда могло произойти взаимное нерасположеніе другъ ко другу двухъ лицъ, встрѣчающихся теперь очевидно въ первый разъ въ жизни, и поспѣшилъ отклонить грозившее произойти отъ этого столкновеніе.

— Борисъ Васильевичъ, заговорилъ онъ опять,—изложитъ намъ, si le coeur lui en dit, весьма знаменательный, сколько я понимаю, фактъ революціонной пропаганды, начинающей появляться уже не только въ тѣсныхъ предѣлахъ Васильевскаго Острова, но и на широкомъ просторѣ весей и селъ средней Россіи... А въ связи съ этимъ, — примолвилъ онъ, подчеркивая, — мы услышимъ не менѣе заслуживающій вниманія разсказъ, какъ самъ онъ, или, вѣрнѣе, одинъ изъ его поступковъ, истекающій, такъ сказать, изо всего синтеза этого факта пропаганды, попалъ въ искаженной передачѣ въ *Колоколъ* господина Герцена...

— Которому, между прочимъ, вставилъ какъ бы en passant графъ Анисьевъ,—нанесенъ недавно изъ Москвы весьма значительный ударъ! *)

Лицо Ягина исказилось вдругъ проступившею на немъ злостью. Онъ передернулъ еще разъ парикъ свой и проговорилъ, кривя губы на сторону:

— Причемъ поступлено противу всѣхъ цензурныхъ правилъ... Петербургскимъ органамъ печати запрещено воспроизводить эту *московскую*, — ядовито отчеканилъ онъ, — незаконно появившуюся статью и говорить о ней...

— Полагаю, это совершенно безполезно теперь: впечатлѣніе свое она *произвела*, улыбаясь, но съ особенною вѣскостью въ выраженіи возразилъ Анисьевъ.

Павановъ быстро воззрился въ него и тотчасъ же понялъ, что̀ означала эта вѣскость въ устахъ блестящаго генерала.

---

*) Извѣстная статья въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (августъ 1862) противъ *Колокола*.

— Дѣльно, сильно, смѣло! поспѣшилъ онъ выразить со своей стороны одобреніе, съ Тацитовскою уже на этотъ разъ сжатостью редакціи.

— А развѣ противъ Герцена *нельзя* писать въ Россіи? спросилъ, обращаясь къ нему и принимая самый наивный видъ, Троекуровъ.

— Nous sommes censés l'ignorer, съ тончайшею ироніей отвѣтилъ онъ, слегка склоняя голову.

Ягинъ, съ подергивавшею его губы судорогой, уложилъ портфель свой на столъ и, доставъ ключикъ изъ кармана брюкъ, принялся молча отмыкать замокъ.

— Да, Троекуровъ, въ самомъ дѣлѣ, что̀ это за исторія про тебя въ *Колоколѣ:* кого ты тамъ у себя въ княжествѣ нагайкой отстегалъ? спрашивалъ между тѣмъ его графъ Анисьевъ, держась все того же добродушнаго, товарищескаго тона.

— Ну, это долго разсказывать, а я ухожу! морщась отрѣзалъ Борисъ Васильевичъ и взялся за шляпу.

— Attendez un moment, cher ami, остановилъ его Павановъ движеніемъ руки.—Je m'en vais conter cela pour votre instruction particulière, обратился онъ къ Анисьеву съ грандіозностью уже совершеннаго Олимпійца.

И съ изумительною точностью, свидѣтельствовавшею о его замѣчательной способности къ резюмированію—качествѣ, столь цѣнимомъ въ совѣщательныхъ собраніяхъ,—принялся онъ, ничего не забывая, передавать все, что̀ было сообщено ему Троекуровымъ.

Анисьевъ, сосредоточенно и внимательно покручивая свой длинный, à la Napoléon III, усъ, прислушивался къ его рѣчи. Ягинъ, отомкнувъ свой портфель и вынувъ изъ него бумаги, передергивалъ парикъ свой съ видомъ человѣка, для котораго то, что̀ его заставляютъ слушать, не представляетъ ничего занимательнаго, а еще менѣе важнаго по своему значенію.

— Д-да, залопоталъ онъ губами съ какимъ-то, не то бабьимъ, не то змѣинымъ шипѣніемъ, когда тотъ кончилъ,— очень печально, конечно, что молодой человѣкъ разсылалъ прокламаціи и попался послѣ того въ руки жандармовъ... Но

вѣдь это не болѣе какъ частный случай, изъ котораго нельзя вывести никакого общаго заключенія.

— Ваше превосходительство позволите мнѣ, надѣюсь, не вполнѣ присоединиться къ выраженному вами мнѣнію, возразилъ Павановъ:—студентъ, разсылающій и попадающійся, есть дѣйствительно фактъ акцидентальный, но фактъ нормальный—нашъ теперешній студентъ вообще, желающій заниматься не науками, а политическими утопіями.

— Онъ будущій гражданинъ, — и гемороидальное лицо Ягина озарилось при этомъ какою-то идиллическою лучезарностью:—онъ долженъ себя готовить къ этому.

— Прокламаціями? неудержимо вырвалось у Троекурова.

Тотъ скривилъ губы опять:

— Свободою, которую слѣдуетъ предоставить ему...

— Какою? губить другихъ, или самому итти въ Сибирь?

— Прежде всего утвержденіемъ свободы не учиться, пропѣлъ насмѣшливо Павановъ, — этою столь дорогою русскому человѣчеству привилегіей, которая понынѣ создавала ему завидное положеніе илота и паріи цивилизованнаго міра.

Ягинъ изобразилъ ртомъ что-то, имѣвшее очевидно намѣреніе быть принятымъ за улыбку, и зашипѣлъ опять своимъ змѣино-бабьимъ голосомъ:

— Я всегда, вы знаете, цѣню вашу аттическую соль и обширное образованіе, Алексѣй Павловичъ, — но въ этомъ вопросѣ вы придерживаетесь, къ сожалѣнію, слишкомъ традиціонной точки зрѣнія на предметъ и не желаете какъ будто признать требованій, выражаемыхъ теперь такъ громко русскою печатью. Общественное мнѣніе очевидно желаетъ либерализма и реальности, какъ основныхъ элементовъ въ дѣлѣ воспитанія будущихъ нашихъ гражданъ. Мы не можемъ итти противъ литературы и общества... Я привезъ вамъ кстати записку о предполагаемой реформѣ всей нашей системы образованія на этихъ началахъ,—примолвилъ онъ уже шепоткомъ, таинственно отводя Паванова нѣсколько въ сторону:—надѣюсь, что вы не откажете содѣйствовать намъ вашимъ европейскимъ взглядомъ...

Павановъ былъ побѣжденъ. Онъ съ умиленіемъ въ чер-

тахъ взглянулъ теперь на говорившаго, взялъ его за руку и долго трясъ ее, говоря, что онъ „отыметъ ото сна тѣ недостающіе ему, за обширностью занятій по собственному его вѣдомству, часы, которые онъ намѣревается посвятить подробному изученію этой записки; въ серьозномъ же достоинствѣ ея онъ увѣренъ заранѣе, зная, подъ чьимъ *умнымъ* и *тонкимъ* руководствомъ она составлена“ и т. д.

— Хорошъ? подмигивалъ Троекурову тѣмъ временемъ Анисьевъ, отходя съ нимъ къ окну и кивая на Ягина.

— Какъ этакіе люди попадаютъ во власть! мрачно молвилъ тотъ.

— Эвона! Точно ты не знаешь, кто за нимъ стоитъ. У насъ, милый мой, человѣкъ на мѣстѣ никогда не бываетъ сынъ своихъ дѣлъ, а всегда чья-нибудь креатура... Да,—вспомнилъ онъ,—твоего этого молодаго человѣка, Юшкова, вчера привезли. Я имѣю свѣдѣніе, что ему уже былъ данъ допросъ. Во всемъ признается, но никого изъ сообщниковъ не называетъ...

— Очень просто, потому что какіе же у него сообщники? Я присутствовалъ при арестованіи его и разборѣ его бумагъ; ничего не нашли, кромѣ клочковъ записки отъ этого негодяя Овцына, приглашавшаго его на свиданіе. Онъ просто-на-просто, какъ мальчишка, исполнилъ то, что̀ приказалъ ему тотъ, ровно ничего другаго не зная.

— Скажи, спросилъ съ любопытствомъ Анисьевъ,—этотъ Овцынъ дѣйствительно тебѣ родня?

— По женѣ: онъ ей двоюродный братъ.

— C'est un luron qui a du toupet! Онъ опять удралъ за границу и прислалъ намъ оттуда дерзкое письмо, въ которомъ говоритъ между прочимъ, что проѣхалъ чрезъ нее въ мундирѣ жандарма... Вретъ, разумѣется!...

— А я полагаю, что не только не вретъ, а что и мундиръ-то ему досталъ доброхотъ изъ того же жандармскаго вѣдомства.

Блестящій генералъ пожалъ пренебрежительно плечами:

— Что̀ ты хочешь, mon cher! Чтобъ имѣть вѣрныхъ и

способныхъ людей, нужны деньги. А въ деньгахъ министерство финансовъ постоянно отказываетъ.

— А что же, долго, думаешь ты, продержатъ этого бѣднаго юношу? Отъ него, говорю тебѣ, ровно ничего выжать нельзя, кромѣ голаго факта надписанія имъ адресовъ на конвертахъ этихъ прокламацій и сдачи ихъ въ почтовую контору, началъ опять Борисъ Васильевичъ.

— Да, придется еще ему посидѣть пожалуй, не сейчасъ отвѣтилъ Анисьевъ.

— Для чего же это?

— Для очищенія совѣсти, милый мой. Дѣломъ о распространителяхъ этихъ прокламацій очень интересовались, а захватить не удавалось пока никого. И вотъ нашелся наконецъ кто-то. Ну, само собой, съ радости и позаймутся имъ подольше... Развѣ вотъ эта полемика противъ Герцена ему поможетъ, промолвилъ онъ нежданно.

— Это какъ? воскликнулъ въ изумленіи Троекуровъ.

Тотъ улыбнулся своею многозначительною улыбкой и вполголоса промолвилъ:

— On se sent beaucoup plus fort depuis qu'on a trouvé un appui inattendu dans la presse. А при этомъ, разумѣется, исчезаетъ вниманіе къ мелочамъ, представлявшимся опасными...

— Надолго-ли же вы окрѣпли? спросилъ съ невеселою усмѣшкой Троекуровъ.

— Само собою, нѣтъ! точно обрадовавшись, засмѣялся его собесѣдникъ:—nous serons immanquablement repris par le courant...

„Да что это у нихъ: пароль и лозунгъ?“ чуть не съ отчаяніемъ подумалъ Борисъ Васильевичъ.

— J'espère, cher comte, que vous vous êtes entendus avec notre ami Troekourof? любезно спросилъ, отрываясь отъ бесѣды съ Ягинымъ и глядя на нихъ черезъ спину, хозяинъ кабинета.

— Мы съ нимъ еще увидимся... Не правда-ли? промолвилъ блестящій генералъ, горячо пожимая опять руку старому однополчанину, котораго зналъ за человѣка „характернаго“ и потому почиталъ нужнымъ „ублажить“.

— Да, сказалъ онъ съ полуусмѣшкой, — предваряю тебя, что не уѣду изъ Петербурга, какъ у васъ здѣсь ни мерзко, прежде чѣмъ не добьюсь того, за чѣмъ сюда пріѣхалъ.

— А ты, я вижу, засмѣяся Анисьевъ,—все тотъ же бѣдовый, comme dans le temps, когда, помнишь, чуть не отправилъ ad patres бѣднаго Ордынцева изъ-за beaux yeux Ольги Елпидифоровны Ранцовой, нынѣ княгиня Шастуновой... A propos, mon cher, что это за глупыя исторіи у нея съ бельмерой?..

— „Исторіи“ для нея всякія кончились, отрѣзалъ Троекуровъ:—она на томъ свѣтѣ.

— Что̀ ты?

— Умерла вчера въ Москвѣ, въ гостиницѣ Шевріе, гдѣ я останавливаюсь...

Анисьевъ склонилъ голову и раскинулъ руками:

— Finita la comedia, значитъ! А вѣдь это типъ былъ, милый мой, l'aventurière russe, a?...

Борисъ Васильевичъ, не отвѣчая, кивнулъ ему въ знакъ прощанія и направился къ двери.

Павановъ пошелъ за нимъ. Онъ, какъ это бываетъ съ хорошенькими женщинами, чувствовалъ потребность *очаровать* и *заполонить* окончательно этого родственника своего, „строптивца“, не поддававшагося, чувствовалъ онъ, легко тому обаянію, которое мнилъ онъ производить на все, до чего лишь достигала сфера его сіянія.

— Надѣюсь, до свиданія!.. Venez me voir sans façon, en cousin... en ami, звучалъ теперь сладкою свирѣлью его голосъ:—vous ne rencontrerez pas toujours ici mon collègue Ягинъ, который вамъ, я видѣлъ, рѣшительно не понравился, — шепнулъ онъ ему на ухо, ласково продѣвая руку подъ его локоть:—un homme d'esprit du reste, quelque peu... *lilas*, — une nuance du *rouge*, comme vous le savez.

И новая очаровательнѣйшая улыбка, вызванная удовольствіемъ, которое производило на него это его столь удачное собственное *mot*, разцвѣла на устахъ величественнаго сановника.

Они остановились у самыхъ дверей. Троекуровъ молча и

какъ бы разсѣянно поводилъ глазами на него, на его „коллеговъ“, ожидавшихъ конца ихъ разговора...

— Вы насъ всѣхъ *судите* въ эту минуту, я это угадываю, замѣтилъ вдругъ Павановъ:— вы давно не видали Невскую столицу, ея офиціальный міръ, и редактируете теперь въ головѣ изъ суммы вынесенныхъ вами впечатлѣній вашъ приговоръ о немъ. Je serais curieux de le connaître, votre arrêt?

— Я вамъ скажу, быстро вскидывая голову, сказалъ Борисъ Васильевичъ:—въ Россіи надѣяться можно теперь лишь развѣ на одного Господа Бога...

— Très juste! добродушнѣйшимъ образомъ согласился сановникъ и—такъ же добродушно засмѣялся: — „il y a longtemps que les fonctions du русскій Богъ ont cessé d'être une sinécure“, какъ сказалъ ce bon Тютчевъ...

VII.

Nous ne sommes jamais populaires que par le mauvais côté de notre nature; la renommée est presque toujours la part du mal dans la vie de l'homme.

Capefigue.

Геніальнаго человѣка я люблю нѣсколько глупымъ.

Достоевскій. *Бѣсы.*

оекуровъ, выходя изъ этого казеннаго зданія,—онъ чувъ себя болѣе еще, чѣмъ прежде, нервнымъ и злымъ,— ъ карету и велѣлъ себя везти въ Большую Морскую, ссо: онъ ничего не ѣлъ со вчерашняго дня и разсчи-, что его дурное настроеніе успокоится вслѣдъ за уто-ъ голода.

Дюссо въ первой комнатѣ, кромѣ какого-то одиноко по-шагося у окна рыжеватаго бакенбардиста, очевидно чанина, методически посыпавшаго каенскимъ перцомъ гую ему баранью котлету,—завтракали еще въ эту ми-за отдѣльнымъ столомъ, въ противоположномъ входной углу, трое господъ, оказавшіеся знакомыми Бориса Ва-ича.

двумя изъ нихъ читатель имѣлъ уже случай встрѣ-мелькомъ въ самомъ началѣ нашего пространнаго раз-Одинъ былъ тотъ самый меломанъ-фанатикъ съ голымъ мъ и чертами лица, напоминавшими обликъ Сократа, ъ съ которымъ сидѣлъ въ Большомъ Театрѣ Кавказецъ ровъ въ тотъ знаменательный для него вечеръ, когда,

вмѣстѣ съ вѣстью о падавшемъ ему съ неба огромномъ наслѣдствѣ, рѣшенъ былъ и вопросъ о бракѣ его съ Сашенькой Лукояновой. Звали этого фанатика Топыгинымъ.

Другой назывался Самуровъ. Это была знаменитость. Превосходный пейзажистъ прежде всего, онъ владѣлъ, кромѣ того, способностью писать жанровыя картинки, приходившіяся необыкновенно по вкусу его современникамъ. Далеко расходясь съ отсталыми понятіями какого-нибудь Гёте, такъ наивно порицавшаго въ своихъ соотечественникахъ ихъ „вѣчное исканіе *идей*, а *не впечатлѣній* въ твореніяхъ искусства“, *) художникъ нашъ, напротивъ, бился изо всѣхъ силъ провести хотя бы хвостикъ идейки въ каждомъ изъ своихъ произведеній... Самостоятельностью мышленія природа, къ сожалѣнію, одарила Самурова въ долѣ весьма несоразмѣрной съ его талантомъ, но онъ восполнялъ этотъ недостатокъ прилежнымъ прислушиваньемъ къ тому, что̀ въ данную минуту представлялось ему „злобою дня“,— вѣрнѣе къ тому, что̀ составляло въ эту минуту предметъ толковъ въ кружкахъ „прогрессивныхъ“ редакцій,—и компоновалъ соотвѣтственно сему каждую свою картину. „Злобы“ этой, благодаря артистическому своему такту, онъ впускалъ въ нее à point, какъ бы мимоходомъ, не напирая на нее, а давая чувствовать едва намѣченными бликами, тонкими, чуть не до робости иногда, штрихами. Но эта самая недописанность, эти намеки какъ бы изподтишка, при мастерствѣ его техники, обаятельной прелести его красокъ и филиграновой отдѣлкѣ деталей, доводили зрителей до восторга и заставляли ихъ предполагать въ художникѣ глубину мысли, ни съ чѣмъ не сравнимую. Крайніе изъ его поклонниковъ возводили его уже прямо въ превосходительный рангъ „носителя *народныхъ* идеаловъ“. Каждое изъ его полотенъ вызывало въ печати цѣлый ворохъ статей, въ которыхъ, по поводу все той же „идеи“, фантазія комментаторовъ разыгрывалась иногда до чертиковъ, до такихъ радикальныхъ толкованій, отъ которыхъ осторожному художнику приходилось въ

*) „Habt doch einmal die Courage euch den Eindrücken hinzugeben und denkt nicht immer, es wäre alles eitel, wenn es nicht irgend abstrakter Gedanke und Idee wäre“. *Изъ разговоровъ Гёте записанныхъ Экерманомъ.*

иныхъ мѣстахъ открещиваться и руками, и ногами, но которые втайнѣ доставляли ему величайшую отраду, укрѣпляя его въ сознаніи своего „политическаго“ значенія среди соотчичей, — о чемъ нашъ менѣе всего одаренный разумѣніемъ съ этой стороны живописецъ пресеріозно вмѣстѣ съ тѣмъ всячески старался и хлопоталъ.

Троекуровъ зналъ его давно и цѣнилъ его дарованіе, но пріязни между ними никогда не было. „C'est un poseur“, опредѣлялъ себѣ его внутренно Борисъ Васильевичъ. Самуровъ въ свою очередь, объявлявшій себя громко, да и почитавшій себя и въ самомъ дѣлѣ „демократомъ“, хотя самъ по рожденію и воспитанію принадлежалъ къ хорошему обществу и чувствовалъ инстинктивное отвращеніе къ невоспитаннымъ людямъ, испытывалъ какое-то странное, словно гнетущее, а потому вызывавшее въ немъ чуть не враждебное чувство, смущеніе каждый разъ, когда ему приходилось сходиться съ этою безспорно — онъ былъ слишкомъ артистъ, чтобы не понять этого,—*аристократическою* натурой, сильною и независимою.

Гаврилкинъ, третій изъ завтракавшихъ, былъ своего рода типъ. Чистѣйшій прежде всего продуктъ воззрѣній и обычаевъ петербургско-„западническаго“ журнальнаго муравейника сороковыхъ годовъ, забавный и изобрѣтательный на выдумки какъ баронъ Мюнхаузенъ, невоздержный на языкъ какъ базарная кумушка, онъ обладалъ совершенно французскимъ благёрствомъ и неисчерпаемою *verve* злословія. Быстроглазый и юркій, онъ былъ другъ и пріятель со всѣмъ міромъ, — и про лучшихъ пріятелей своихъ и амфитріоновъ распускалъ разсказы самаго миѳическаго свойства, нарождавшіеся разомъ тысячами, словно весной цвѣты на лугахъ, въ его необузданномъ воображеніи. Дѣлалось это безо всякаго повода, даже безъ настоящей злобы. Онъ поносилъ и переносилъ, сплетничалъ и клеветалъ, wie der Vogel singt, der in den Zweigen wohnet, изъ неотразимой потребности своей уже такъ видно устроенной гортани. И чѣмъ ближе были къ нему люди, тѣмъ старательнѣе выводилъ онъ по адресу ихъ эту свою птичью пѣсню... „Для этого у него нервъ такой ужъ особенный, феноменальный, существуетъ“, пресеріозно утверждалъ Топыгинъ, не разъ выручавшій Гав-

рилкина въ трудныя минуты жизни, и про котораго за это тотъ, клянясь и бія себя въ грудь въ подтвержденіе „святой истины“ своихъ словъ, разсказывалъ въ кругу общихъ ихъ друзей, что Топыгинъ простиралъ „мерзость своего скаредничества“ до того, что „содралъ парчу съ гроба родпаго отца и продалъ ее Жиду,—даже выискалъ для этого совсѣмъ особеннаго Жида-Шейлока, злющаго ненавистника христіанъ, чтобъ испытать при этомъ полное *сладострастіе отъ своего святотатства*“...

Троекуровъ, съ которымъ онъ былъ знакомъ, какъ былъ знакомъ со всѣмъ міромъ, возбуждалъ въ немъ еще болѣе, чѣмъ въ Самуровѣ, непріязненное къ себѣ чувство. Учтивая холодность Бориса Васильевича, его какъ бы нѣсколько брезгливая сдержанность придавливали Гаврилкина. „Не подойдешь къ этому человѣку ни съ какой стороны“, былъ онъ принужденъ уже давно сознаться, послѣ многихъ попытокъ своихъ войти съ „этимъ человѣкомъ“ въ ту интимность, которая давалась ему такъ легко съ другими, болѣе мягкими или распущенными по натурѣ, лицами одного положенія съ Троекуровымъ... Завидѣвъ въ отверстіи раскрывшейся двери его высокій обликъ, онъ обмѣнялся быстрымъ взглядомъ съ Самуровымъ и тотчасъ же быстро опустилъ глаза въ тарелку.

Топыгинъ, напротивъ, питалъ къ Троекурову нѣкоторую слабость... Это былъ *эстетикъ* до мозга костей, послѣдній, быть можетъ, изъ тѣхъ абсолютныхъ эстетиковъ Пушкинскаго періода, подобныхъ которымъ давно отказалась производить упитанная „либерализмомъ“ и „реальностью“ почва Россійскаго государства... Страстный и необычайно тонкій знатокъ „красоты“ въ обширнѣйшемъ и притомъ *языческомъ* смыслѣ этого слова („Un bien aimable payen!“ говорилъ про него Тютчевъ со своимъ прелестнымъ, незлобнымъ остроуміемъ,), онъ владѣлъ какою-то неизсякаемою способностью наслажденія, выискивая его на протяженіи всей лѣстницы явленій, отъ которыхъ можетъ ожидать человѣкъ радостей на землѣ: въ искусствѣ и природѣ, въ хорошемъ винѣ и гастрономическомъ обѣдѣ, въ философской бесѣдѣ, какъ въ запахѣ цвѣтовъ, въ женской пластикѣ, какъ въ античномъ культѣ героевъ. — Троекуровѣ

Топыгинъ цѣнилъ *кровь*, то-есть то именно, отъ чего поводило внутренно сидѣвшихъ съ нимъ теперь рядомъ пріятелей.

Онъ вскочилъ съ мѣста, едва тотъ вошелъ въ комнату, и побѣжалъ къ нему съ протянутыми руками:

— Здравствуйте, здравствуйте, country gentleman! Давно-ли вы и куда?... Да къ намъ сюда, прошу, все знакомые люди... Садитесь, sir, садитесь!...

Предложеніе въ первую минуту заставило Троекурова безотчетно поморщиться: онъ чувствовалъ себя далеко не расположеннымъ къ разговору... Но отказываться не приходилось.

— Если позволите, отвѣтилъ онъ, подходя къ столу и обмѣниваясь рукопожатіями съ сидѣвшими за нимъ.

— Сюда вотъ, любезный, сюда кувертъ! приказывалъ Топыгинъ, указывая подлѣ себя мѣсто прислуживавшему имъ Татарину, суетясь и весь расплываясь въ патоку, какъ бывало это обыкновенно съ нимъ, когда онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа,—и немедленно затѣмъ зашепталъ Борису Васильевичу:—Лѣтомъ кухня здѣсь не ахти мнѣ, но есть turbot свѣжій; спросите непремѣнно au naturel и къ нему кабульсою, а затѣмъ стаканчикъ шабли, вино здѣсь не дурно... А мы вотъ всѣ, какъ видите, завтра улетаемъ dahin, dahin, подмигнулъ онъ:—сначала на Уайтъ, а тамъ, въ октябрѣ, въ Римъ!... Петенька,—прервалъ онъ себя, обращаясь къ Самурову,—а въ Бордо по пути заѣдемъ, а? Непремѣнно заѣхать надо къ божественному Жозефу!

Онъ неожиданно ухватилъ за колѣнку сѣвшаго подлѣ него Бориса Васильевича и, наклоняясь къ нему съ совершенно масляными глазами, зашепталъ опять, словно весь замирая отъ блаженства:

— Ѣсть такъ, какъ ѣдятъ у этого Вателя, у этого Юлія Цезаря кулинарнаго искусства, могли только одни безсмертные боги Олимпа! Это dernier mot, Алкидовы столбы гастрономической науки!

Самуровъ засмѣялся и, кивая на пріятеля:

— Онъ былъ доведенъ обѣдомъ у этого Жозефа до такого азарта умиленія, что когда тотъ подъ конецъ его принесъ намъ

карту, онъ кинулся къ нему, рыдая въ голосъ, и поцѣловалъ его въ плечо.

Топыгинъ мгновенно озлился и зашипѣлъ:

— Ну и поцѣловалъ, и поцѣловалъ, что̀-жь такое! онъ этого заслуживалъ. А ты это единственно по невѣжеству твоему глумишься, потому что ты только притворяешься Европейцемъ, а на самомъ дѣлѣ предпочитаешь бокъ съ кашею всей утонченной прелести цивилизованной кухни!...

Это было такъ неожиданно, что Троекуровъ, вслѣдъ за покатившимся со смѣха Самуровымъ, готовъ былъ и самъ расхохотаться,—но сдержался и спросилъ:

— А хорошъ островъ Уайтъ? Я никогда тамъ не былъ.

— Не были на Уайтѣ! такъ и выстрѣлилъ Гаврилкинъ:— это, понимаете, Victoria regia въ цвѣту, опущенная въ Океанъ. Пріѣдешь туда—и замлѣешь, замлѣешь весь, сорокъ восемь часовъ сряду на одномъ мѣстѣ сидишь и только по̀томъ священнаго восторга обливаешься... Вы только представьте себѣ: надъ вами лазурь,—понимаете, лазурь, bleu de Prusse съ нѣжно-сѣро-фіалето-розовымъ отливчикомъ: у ногъ вашихъ Альпы,—Альпы океанскихъ волнъ, сепія-зеленыхъ, подкрашенныхъ чуть-чуть легонькою голубизною, и въ нихъ вы видите, собственными глазами видите, какъ свиваются уродливыми клубами всѣ эти морскіе гады Шиллеровскаго *Кубка*, и млатъ водяной, и уродливый скатъ... и la pieuvre, понимаете, la pieuvre, чудовище, неслыханное, въ двѣ версты, чудище Океана... А кругомъ, вся эта подавляющая васъ цивилизація великой Англіи: рододендроны, розы grandiflora,—лѣса, понимаете, сплошные, трехсаженные лѣса розъ и рододендроновъ, газоны нѣжнѣйшаго нюанса vert-pomme, подстриженные женскими туалетными ножницами... И по нимъ, понимаете, скачутъ Валтерскоттовскія Діаны Вернонъ и Флоры Макъ-Иворъ въ Рембрандтовскихъ шляпахъ съ огненными перьями... Или катитъ на васъ въ раззолоченномъ *поничезѣ* отставной какой-нибудь индѣйскій Набабъ изъ Лагора со слугою цвѣта bronze-antique на заднемъ сидѣніи, въ кисейной чалмѣ съ бриллiантомъ величиной вотъ въ эту рюмку... Сидишь, говорю вамъ — и млѣешь въ священномъ восторгѣ — а на душѣ —

тебя въ то же время такъ и воротитъ. „А ты-то, думаешь, что, Ѳедора ты глупая, голопятая, дырьемъ протыканная, въ гнильѣ взрощенная, на какого чорта проскрипѣла ты тысячу лѣтъ? А еще претензію на званіе „отечества изъявляешь, когда вся-то ты вмѣстѣ взятая, „отъ моря до моря", этого одного малаго уголка земли свободнаго и просвѣщеннаго народа не стоишь...

— Да, въ Россіи жить нельзя! проговорилъ къ этому на манеръ сентенціи Самуровъ.

Троекуровъ говорилъ себѣ чуть не то же самое все это послѣднее время, но почувствовалъ себя вдругъ точно обиженнымъ, услыхавъ отъ чужаго эту мысль, громко выраженную словомъ. Онъ прижмуренными глазами скользнулъ по лицамъ говорившихъ и обернулся къ Топыгину:

— Вы на островѣ Уайтѣ увидите вѣроятно Герцена: онъ тамъ вѣдь, кажется, лѣтомъ живетъ?

Эстетикъ какъ бы внезапно смутился:

— Не знаю, право, не знаю, увижу-ли... пробормоталъ онъ.

Самуровъ въ свою очередь прищурился теперь внимательно на Троекурова.

Тотъ усмѣхнулся и продолжалъ:

— Въ случаѣ увидите, скажите ему отъ меня...

Топыгинъ не далъ ему кончить, поспѣшно закачалъ головой и участливо зацыкалъ языкомъ:

— Да, да, вспомнилъ онъ, осторожно оглядываясь,—онъ васъ тамъ гдѣ-то задѣлъ...

У Гаврилкина даже вѣки запрыгали отъ удовольствія:

— Д-да, привздохнулъ онъ, принимая озабоченный видъ,— было что-то очень злое про васъ, помню... Это очень не пріятно; какой-нибудь вѣроятно корреспондентъ съ вѣтру сообщилъ, и вдругъ тебя по всей Россіи разносятъ... Герценъ самъ, повѣрьте, самъ будетъ жалѣть, если вы ему объясните,— причиталъ онъ какъ бы въ видѣ утѣшенія, жадно выискивая между тѣмъ на лицѣ Бориса Васильевича ожидаемый имъ признакъ смущенія;—на Герцена сердиться нельзя: это, понимаете, квинтэссенція ума, возведенная въ нескончаемый

фейерверкъ; когда онъ говоритъ, вы видите, какъ у него бенгальскіе огни въ ведро объема изъ глазъ вылетаютъ, ярко-пурпуроваго цвѣта огни, понимаете, все огни, огни безъ конца!...

Троекуровъ поглядѣлъ на него снизу вверхъ своими стальными глазами:

— Мнѣ нечего „объяснять“ этому „фейерверку“; сообщеніе про меня, напечатанное въ *Колоколѣ*, совершенно вѣрно.

Всѣ глаза такъ и впились въ него...

„Не хуже чѣмъ на Паванова эффектъ произвелъ“, подумалъ онъ, и невольно презрительный смѣхъ пробѣжалъ по его губамъ: „приходится снова-здорово разсказывать сказку про бѣлаго бычка.“

— Я дѣйствительно отхлесталъ *нагайкой*, подчеркнулъ онъ,—одного молодца, который, какъ мнѣ извѣстно, былъ у него въ Лондонѣ, а оттуда явился возмущать крестьянъ въ моемъ мировомъ участкѣ... и творить всякія иныя мерзости... Негодяя этого арестовала затѣмъ полиція и тутъ же выпустила на всѣ четыре стороны. Онъ опять за границей теперь, а за него отсиживается въ III Отдѣленіи несчастный мальчикъ-студентъ, котораго онъ подбилъ разослать по почтѣ привезенныя имъ изъ того же Лондона прокламаціи... Вотъ это самое,—заключилъ Борисъ Васильевичъ, обращаясь опять къ Топыгину,—и хотѣлъ я васъ просить передать господину Герцену въ дополненіе того, что̀ ему извѣстно обо мнѣ.

Гаврилкинъ не то недоумѣло, не то испуганно повелъ теперь глазами въ сторону Самурова; но тотъ не отвѣчалъ на его взглядъ.

— Непремѣнно передамъ, если увижу, непремѣнно! говорилъ между тѣмъ, понизивъ голосъ, Топыгинъ Троекурову;— это вѣдь въ самомъ дѣлѣ нельзя-съ, и я вотъ это даже сейчасъ ему доказывалъ,—онъ кивнулъ на Самурова,—не хорошо, говорю, Петенька, не благовидно! Въ Москвѣ совершенно вѣрно ему замѣчено: сидятъ они съ Огаревымъ безопасно за моремъ, отъ нечего дѣлать въ набатъ бьютъ, а молодые олухи здѣсь изъ-за ихъ звона сдуру въ драку лѣзутъ, бараньими лбами въ нерушимую стѣну прутъ... Вѣдь глупо, говорю, Петенька -

не оригинально и не эстетично: не революція,—каррикатура, лубочная картина выходитъ!...

— Да я съ тобой и не спорилъ, прервалъ его художникъ,— я давно уже во многомъ не схожусь съ Герценомъ. Я старый либералъ, это правда, но я и старый монархистъ, какъ бы заторопился онъ опять заявить.

Борисъ Васильевичъ вскинулъ на него глаза... и тутъ же опустилъ ихъ.

Эстетикъ за то такъ и накинулся на пріятеля (онъ не успѣлъ переварить до сихъ поръ его анекдота о Жозефѣ въ Бордо):

— И ни тотъ, и ни другой, и ничевошеньки-таки подобнаго ты изъ себя не изображаешь, отложи попеченіе! воскликнулъ онъ:—ты артистическая натура, и слава Богу, а политическаго смысла у тебя какъ у щегла...

Глаза его вдругъ увлажнились, и онъ заговорилъ опять съ какимъ-то уже будто жалостливымъ оттѣнкомъ:

— Ты, Петенька, въ своемъ родѣ Гвидо Рени, живописецъ прелестный, — не „геніальный", этому ты не вѣрь, это одни дураки съ невѣжества своего большаго про тебя пишутъ,—а милый, милый,

„Какъ первой юности грѣхи,
Какъ Богдановича стихи";—

вкусъ это у тебя, красочки деликатныя, въ мѣру, *пятна* пріятнѣйшія на взглядъ, вырисовано, а гдѣ не дорисовано,—всегда съ разсчетцемъ, ровно всегда, какъ нужно для эффекта. Ты европейскій художникъ, Петенька, и я тебя люблю и цѣню, ты знаешь, — ты наша честь и даже кумиръ... А политическаго смысла у тебя все-таки какъ у перепела, многоуважаемый, а характера и того меньше...

Гаврилкинъ, весь уйдя взглядомъ въ стоявшій предъ нимъ недопитый стаканъ, покусывалъ себѣ губы до боли, чтобы не выдать глубокой внутренней радости, возбужденной въ немъ этимъ „отчитываніемъ" пріятеля, но не выдержалъ до конца и, наклонившись къ уху Бориса Васильевича, по другой сторонѣ котораго сидѣлъ онъ, шепнулъ ему стихъ изъ сочинен-

ной имъ на Самурова эпиграммы, намекавшей на слабость не то воли, не то желудка нашего художника:

„И лавръ его—*александрійскій* листъ"...

„Гвидо Рени" отвѣчалъ между тѣмъ на выходку Топыгина самымъ добродушнымъ смѣхомъ, какъ на буффонаду, за которую разсердиться было бы смѣшно:

— Эка чѣмъ уколоть вздумалъ,—характеромъ! Да въ Русскомъ народѣ, извѣстно, на 100 человѣкъ можно навѣрно начесть процентовъ 60 умныхъ, 20 даровитыхъ, а съ характеромъ много что одного.

— Да и кто этотъ *одинъ?* поспѣшно добавилъ къ этому Гаврилкинъ,—въ какой средѣ вы его найдете? Цѣловальникъ брюханъ, высосавшій кровь изъ мужицкихъ жилъ на 20 верстъ кругомъ, да квартальный изъ *усердныхъ*, избивающій по двадцати мордъ въ сутки! Вѣдь никакой иной *силы*, кромѣ кабачества и мордобитія, не способна „Россійская земля родить!.."

— Я впрочемъ готовъ въ нѣкоторой степени оговориться, начатъ Самуровъ, многозначительно щурясь: — изъ молодаго поколѣнія выступаютъ у насъ теперь характеры, замѣчательно яркіе и съ которыми придется считаться...

Но не угомонившійся еще Топыгинъ не далъ ему продолжать:

— Это кто же такіе, Петенька, кто же такіе, ты скажи? Тѣ вотъ, можетъ быть, по-твоему, что въ Лондонъ къ Герцену на показъ себя ѣздятъ? Такъ вѣдь ты, кажется, очень хорошо знаешь, какъ онъ ихъ разумѣетъ! Человѣкъ онъ самъ все же воспитанный, культурный, — только руками разводитъ онъ, на нихъ глядя, хохочетъ: „Сбросили съ себя, говоритъ, всѣ покровы и щеголяютъ въ костюмѣ Гоголевскаго Пѣтуха, не сохраняя даже позы Венеры Медицейской"... Вѣдь ты пойми, Петенька: блузникъ на баррикадѣ, такъ въ томъ хоть живописность есть, краски...

— Раса видна, ра-а-са! вставилъ, весь заходивъ на своемъ стулѣ, Гаврилкинъ, выводя даже пальцами что-то имѣвшее повидимому изобразить собою „расу".

— А тутъ вѣдь, шипѣлъ Топыгинъ, приходя все въ бо-

лѣе и болѣе раздраженный и ядовитый паѳосъ, — тутъ семинаръ худосочный, да кадетъ-идіотъ, разночинецъ всякій недоучившійся, тупицы мѣднолобыя, чурбаны безпардонные, для которыхъ что̀ другъ другу въ харю, что̀ въ Сикстинскую Мадонну харкнуть — все единственно! Ты это пойми, Петенька! Вѣдь этакой россійскій Прудонъ въ праздничные дни руки яичнымъ желткомъ съ золою моетъ; отъ этого василеостровскаго Сенъ-Жюста селедкой съ лукомъ разитъ!...

Самуровъ, казалось, очень забавлялся этимъ потокомъ язвительной брани, изливавшимся изъ устъ пріятеля. Но прищуренные глаза его то-и-дѣло направлялись въ сторону молча прислушивавшагося къ ней Троекурова. Онъ чувствовалъ въ немъ *серьезнаго* судью „всѣхъ ихъ“, всего того круга понятій и безцеремоннаго обращенія, въ который всѣ они давно въѣлись,—и это раздражало его гораздо болѣе, чѣмъ издавна привычное ему желчное „паясничанье“ Топыгина. „Чортъ же тебя побери!“ подумалъ онъ,—„я вотъ тебя сейчасъ огорошу!“

— Блузниковъ, „la sainte canaille“, любезный другъ, я самъ видѣлъ à l'oeuvre въ Парижѣ, въ іюньскіе дни, отвѣтилъ онъ эстетику: — „живописнаго“ въ нихъ ничего не было, и „разило отъ нихъ если не „лукомъ“, такъ еще хуже, — чеснокомъ, до котораго, какъ тебѣ извѣстно, каждый Французъ такой же большой охотникъ, какъ и ты самъ, Вителлій нашихъ дней! Но для тебя, стараго, развращеннаго Римлянина временъ паденія, для тебя нѣтъ человѣческой драмы безъ театральной помпы, безъ амфоръ и куреній, безъ патриціевъ, увѣнчанныхъ розами. А я,—зашепелялъ онъ во весь ротъ, съ замѣтною рисовкой въ тонѣ и выраженіи лица,—я сынъ своего вѣка, любезный другъ, я демократъ отъ младыхъ ногтей. Я жутко и страстно, признаюсь, люблю грязныя лохмотья, подъ которыми бьется мужественное гражданское сердце. Пусть этотъ „семинаръ“, вышедшій изъ народа, не культуренъ и тупъ, но онъ піонеръ идеи, онъ несетъ, что̀ ты тамъ ни дѣлай, священный сосудъ новой правды, имѣющей напоить будущія поколѣнія. Онъ не жалѣетъ для этой идеи положить свою жизнь, и я не жалѣю о немъ. Ему такъ и суждено погибнуть,—„вѣкъ нашъ жертвъ очистительныхъ проситъ“,—онъ и

погибаетъ молча и гордо. Я не жалѣю о немъ, повторяю, онъ свое дѣло сдѣлалъ и удовлетворенъ имъ, но не могу не любоваться и не благоговѣть предъ *этою* с-с-силой, визгнулъ даже въ заключеніе „носитель русскихъ *народныхъ* идеаловъ“ отъ избытка сочувствія.

— Въ какомъ же это качествѣ „любуетесь“ вы и „благоговѣете“, спокойно спросилъ его черезъ столъ Троекуровъ:— въ качествѣ *„стараго монархиста“?*

„Гвидо Рени“ даже въ краску бросило; онъ не нашелъ отвѣта. Топыгинъ хихикнулъ, потирая руки. Гаврилкинъ растерянно повелъ глазами на Самурова, какъ бы не зная, радоваться ему или негодовать...

— Къ вамъ-съ тутъ отъ графа Анисьева чиновникъ пріѣхалъ, полугромко доложилъ Троекурову офиціантъ-Татаринъ, наклонясь къ нему.

При звукѣ этого имени, лица трехъ пріятелей, отправлявшихся на островъ Уайтъ, какъ-то странно вдругъ вытянулись и переглянулись, а глаза погрузились въ тарелки.

— Гдѣ онъ? спросилъ Борисъ Васильевичъ, подымаясь съ мѣста — онъ кончилъ завтракать,—и сдерживая улыбку, просившуюся ему на губы.

Онъ прошелъ въ первую комнату.

Ожидавшій тамъ чиновникъ (разыскавшій его здѣсь по догадкѣ,) передалъ данное ему порученіе, состоявше въ томъ, что „его сіятельство графъ Андрей Николаевичъ“, то-есть Анисьевъ, приглашалъ Троекурова откушать у него сегодня *запросто* на дачѣ на Каменномъ Островѣ въ пять съ половиною часовъ.

— Хорошо, скажите: буду! отпустилъ его тотъ и, воспользовавшись этимъ, велѣлъ слугѣ вынести ему шляпу, оставленную имъ въ столовой, расплатился у конторки и направился къ своей каретѣ.

„Кто же здѣсь кого мудрѣе и кто кому страшнѣе“, спрашивалъ онъ себя, давая теперь волю своему невеселому смѣху;— „правители или эти выразители *общественнаго* soi-disant *мнѣнія?*“...

— Претятъ мнѣ, признаюсь, эти россійскія передѣлки

англійскаго лордства! уронилъ свысока Самуровъ, какъ только остался онъ одинъ съ пріятелями (его всего коробило внутренно отъ глубоко оскорбительной для него въ ея небрежномъ спокойствіи отповѣди ему этого „россійскаго лорда“).

Топыгинъ зацыкалъ опять и закачалъ головою:

— Нѣтъ, Петенька, не хорошо, не эстетично!... Не вышло у тебя, Петенька! Все думаете — ворòны, анъ соколъ вылетѣлъ, подъ кустикъ пришлось... А еще меня Жозефомъ уязвить хотѣлъ!

— А самъ ты чтò же, возразилъ „Гвидо Рени“ съ очевиднымъ намѣреніемъ уколоть его въ свою очередь:—съ тѣхъ поръ, какъ in der Stadt Moscou Герцена развѣнчивать вздумали, въ благонамѣренность пустился?

Эстетикъ такъ и ощетинился:

— Одинъ Господь Богъ и дураки, Петенька, никогда не перемѣняютъ мнѣній, и ты только по скудоумію своему этого не разумѣешь!...

Гаврилкинъ поспѣшилъ отвести дальнѣйшую грозу.

— Я только удивляюсь, Вася, заговорилъ онъ медовымъ, подольщающимся голосомъ, — какъ это ты съ твоимъ умомъ такъ легко впадаешь въ заблужденіе! Чтò ты въ этомъ *Кабардинцѣ*—отлично расщелкалъ его Герценъ, отлично! — чтò ты въ немъ нашелъ? Герцога Девоншира разыгрываетъ изъ себя теперь господинъ, а въ свое время у Ольги Елпидифоровны Ранцовой — вѣдь вмѣстѣ мы у нея съ тобой бывали, когда былъ онъ съ нею въ связи,—по сотеннымъ бумажкамъ таскалъ, да заставилъ ее подписать за себя векселей на пятьдесятъ тысячъ...

— Ну и совралъ по обыкновенію, Ѳедя, махровую ложь сочинилъ, любезный мой! прервалъ его тотъ.

Гаврилкинъ заколотилъ себя обѣими руками въ грудь:

— Вѣрно тебѣ говорю, вѣрно! На пятьдесятъ тысячъ, ни копѣйкой меньше. Мужъ ея, звѣрь этакой, бурбонище непроходимый, исколотилъ ее за это до полусмерти и кинулъ, а тутъ подвернулся Наташанцевъ-покойникъ. Онъ эти деньги и заплатилъ, — княгиня Андомская, дочь его, кому хочешь, громко разсказываетъ... А Троекуровъ твой до сихъ поръ

денегъ этихъ не вернулъ, цинически, понимаешь, цинически отказался; жаденъ онъ до омерзенія и наглъ... Слышалъ, самъ признается: „побилъ, говоритъ, это вѣрно, нагайкой отдулъ“... Онъ, я знаю доподлинно, дѣйствительно въ гробъ заколачиваетъ людей, понимаешь, въ гробъ, собственноручно, по-русски, и если бы не его деньги, да въ другой странѣ, давно бы ему галерное ядро на ногу набили...

— Ну, тебя слушать! махнулъ на него рукой Топыгинъ— и потребовалъ счетъ.

VIII.

S'il ne te faut, ma soeur chérie,
Qu'un baiser d'une lèvre amie.
Et qu'une larme de mes yeux,
Je te les donnerai sans peine...
A. de Musset, *La nuit de mai.*

Gönnen Sie mir lieber eine Blindheit, die mich mit meinem Loos versöhnt!
Schiller. *Kabale und Liebe.*

Александра Павловна Троекурова только-что вернулась изъ дѣтской и, сидя за письменнымъ столомъ у окна своего будуара, сводила какіе-то счеты, когда къ ней вошла княжна Кира.

Съ отъѣзда Бориса Васильевича прошло всего дней шесть, но за это время весь уже строй жизни во Всесвятскомъ успѣлъ принять какой-то минорный тонъ. Тоскливымъ безмолвіемъ вѣяло въ пріемныхъ обширнаго дома; праздные слуги скучливо бродили по двору съ опухшими ото сна лицами; лишенный „поощренія“ Французъ-поваръ подавалъ невзыскательной хозяйкѣ каждый день все тѣ же „veau à l'oseille“ и „asperges en branche“. Сама она проводила съ утра до вечера время съ дѣтьми, завтракала и обѣдала въ ихъ комнатѣ, чтобъ избѣжать скуки трапезовать одной въ большой столовой со всею тою обрядностью сервировки, которая заведена была ея мужемъ и соблюдалась въ домѣ. Княжна продолжала болѣть, или сказываться больною, и выходила изъ своего павильона лишь позднимъ вечеромъ, бродя тогда одна по цѣлымъ часамъ въ

темныхъ и пустынныхъ аллеяхъ сада. Александра Павловна заходила къ ней въ теченіе дня „по чувству долга“, какъ говорила она себѣ внутренно, но посѣщенія эти были не долги: молодая женщина не могла не замѣтить, что она докучала ими своей двоюродной сестрѣ, что на заботливые спросы о ея здоровьѣ та отвѣчала не то смущенно, не то досадливо короткими періодами, или даже междометіями, отымавшими всякую охоту, чтобы не сказать возможность, продолжать разговоръ. А между тѣмъ „съ ней что-то нехорошее дѣется“, разсуждала Александра Павловна, глядя на замѣтно осунувшееся за эти дни лицо княжны, на темные круги, образовавшіеся подъ ея глазами: „и голосъ такой странный у нея сталъ, обрывистый и язвительный,—точно *оборвать* хочетъ, точно сердится... за что?“... И загадочная еще, но съ каждымъ днемъ все сильнѣе дававшая себя чувствовать тревога, вмѣстѣ съ горечью все такъ же живаго въ ней, колючаго воспоминанія о нежданной и непонятной „сценѣ“, сдѣланной ей мужемъ наканунѣ отъѣзда, обымала у ней душу у самой словно какимъ-то давящимъ кольцомъ...

Она быстро обернулась на заслышанные ею за собой шаги.

— Ахъ, Кира, здравствуй! Я вотъ кончила счеты и хотѣла къ тебѣ. Ты вышла наконецъ изъ твоей *берлоги*,—я очень рада... Что это у тебя, письмо? быстро спросила она, указывая кивкомъ на сложенную четвертушку бумаги, которую та держала въ рукѣ.

— Докторъ пріѣхалъ, молвила вмѣсто отвѣта Кира.

— Кто? нашъ, Николай Ивановичъ?

— Да.

— Гдѣ же онъ?

— Зашелъ на селѣ въ больницу; сейчасъ будетъ, велѣлъ сказать...

— Ахъ, какъ я рада, что онъ наконецъ пріѣхалъ! воскликнула Александра Павловна:—дѣти, слава Богу, здоровы и не нуждаются теперь въ немъ... Но тебѣ надо непремѣнно съ нимъ посовѣтоваться. Ты посмотри, какая ты желтая! Ты сегодня опять дурно спала?

— Нѣтъ, мнѣ лучше, отрѣзала Кира, глянула въ окно, прижмурилась какъ бы отъ солнца и, помолчавъ, промолвила чуть-чуть дрогнувшимъ голосомъ:

— Я ѣду въ Москву завтра, Сашенька...

— Въ Москву... завтра! могла только пробормотать та въ изумленіи:—для чего же это?

— Я тебѣ давно говорила,—мнѣ нужно, съ нетерпѣливымъ оттѣнкомъ въ интонаціи, все такъ же черезъ ея голову глядя въ окно и жмурясь, отвѣчала княжна:—Сережа продаетъ свой Арбатскій домъ, и мнѣ надо перевезти оттуда библіотеку мою и монеты.

— Да развѣ такъ спѣшно это... И не могла бы ты кому-нибудь поручить?...

— Нѣтъ, я рѣшилась, я хочу сама... Голосъ Киры зазвучалъ при этомъ рѣзкимъ, деревяннымъ какимъ-то звукомъ.— Докторъ прислалъ мнѣ сейчасъ вотъ *это* изъ вашей московской конторы, промолвила она мягче, протягивая ей смятую нервнымъ движеніемъ ея пальцевъ бумагу, обратившую на себя съ перваго взгляда вниманіе Троекуровой.

Та взяла ее, развернула безсознательно дрожавшею рукой и начала громко:

„По приказанію Бориса Васильевича, управляющій Покровскимъ домомъ честь имѣетъ извѣстить ваше сіятельство, что къ пріѣзду вашему покои въ ономъ домѣ состоятъ готовыми, а также очищена комната для склада книгъ и прочихъ вещей“...

— Развѣ ты говорила Борису, что думаешь... *теперь* въ Москву? быстро, не дочтя, спросила Александра Павловна, вскидывая глаза на кузину.

— Говорила... конечно, если ужь онъ приказалъ, какъ видишь...

— Когда же? Ты была больна и не видалась съ нимъ передъ его отъѣздомъ?

— Ахъ, Боже мой, прежде!... пролепетала Кира, чувствуя, что кровь подступила ей подъ самые глаза и что она ненавидитъ въ эту минуту эту, заставляющую ее стыдиться и краснѣть, женщину.

Она торопливо тронулась съ мѣста и направилась къ двери.

— Кира, куда же ты? чуть не стономъ вырвалось изъ груди Александры Павловны: — погоди немножко, я хотѣла спросить тебя...

Княжна пріостановилась, обернулась на нее:

— О чемъ?

— Да сядь, куда ты спѣшишь? молящимъ уже голосомъ проговорила Сашенька.

Та, вдумчиво сдвинувъ брови, поглядѣла на нее и, какъ бы сказавъ себѣ: „этого не избѣгнешь", опустилась въ кресло противъ нея.

— Ты меня хочешь спросить, молвила она, угадывая и предупреждая ея вопросъ:—вернусь-ли я сюда?..

— То-есть, *скоро-ли* ты вернешься? испуганно поправила Александра Павловна.

Странная, полуотчаянная, полубеззавѣтная усмѣшка скользнула по губамъ княжны:

— Никогда, *во всякомъ случаѣ!* подчеркнула она. Ноздри ея затрепетали, зеленые глаза загорѣлись и тутъ же потухли...

— Что же это значить, Кира? вымолвила Сашенька черезъ силу.

— Просто рѣшила такъ, и такъ будетъ!...

Та растерянно оглянула ее:

— Куда же ты?...

— За границу.

— Въ Женеву опять?

Княжна не отвѣчала и, опустивъ вѣки, судорожно забарабанила оконечностями пальцевъ по мозаичной глади столика, подлѣ котораго сидѣла она.

Александра Павловна воззрилась молча въ ея блѣдное, сумрачное и страдающее лицо, стараясь прочесть на немъ тотъ тайный помыселъ, въ которомъ, она понимала, слѣдовало искать разгадку такого внезапнаго рѣшенія со стороны „этой сумасбродницы", какъ называла она въ душѣ двоюродную свою сестру... И вдругъ озарило ее какъ молніею: „*Она*"— сказалось ей теперь совершенно ясно, осяза-

римо,—„она почувствовала, что влюбилась въ *него*, въ моего Бориса, испугалась этого и рѣшилась бѣжать отъ него, и выбрала нарочно это время, когда самого его нѣтъ, чтобы не было ей такъ тяжело уѣзжать. Oh, qu'elle est noble et grande!“ пронеслось въ заключеніе въ мозгу молодой женщины, по невинной привычкѣ, усвоенной еще со временъ воспитавшей ее гувернантки m-me Durand, выражать самой себѣ „высшія чувства“ не иначе, какъ языкомъ французскаго романса. И вслѣдъ за этимъ откровеніемъ и за этимъ сознаніемъ „великодушія и благородства“ Киры, она почувствовала вдругъ что тò нѣчто, чтò глухо, но мучительно, какъ зубная боль, ныло у нея на душѣ все это время, стихло вдругъ какъ по манію волшебнаго жезла, и что вся она разцвѣтала опять роскошнымъ цвѣтомъ прежняго безоблачнаго счастія. Она безсознательно вздохнула глубокимъ вздохомъ, какъ вздыхаетъ утопленникъ, возвращаясь къ жизни... И тутъ же исполнилась такой же глубокой жалости къ *ней*, къ той, „которой подобнаго счастія не дано, которая должна бѣжать на другой конецъ Европы, чтобы не видать его, не завидовать ему“...

— Кира, милая, прошептала она, наклонясь къ ней черезъ столъ, овладѣвая ея рукою и нѣжно сжимая ее въ своей,— если ты ужь непремѣнно хочешь, если ты... считаешь для себя *необходимымъ* уѣхать, я тебя не стану уговаривать. Не на вѣки же мы разстанемся. На будущій годъ мы непремѣнно поѣдемъ за границу... и тамъ я ужь непремѣнно отыщу тебя, гдѣ бы ты ни скрывалась. Но зачѣмъ тебѣ непремѣнно *завтра* ѣхать? Подари мнѣ еще нѣсколько дней! Борисъ не пишетъ, и это вѣрно значитъ, что въ Петербургѣ его удерживаютъ и что онъ не такъ еще скоро вернется... А безъ него, да еще если ты уѣдешь, я останусь здѣсь совершенно сиротой, примолвила она съ улыбкой, ласково отыскивая глазами ея глаза.

Княжна вскинула ихъ на нее на мигъ и высвободила свою руку:

— На чтò тебѣ я!.. Да и онъ на чтò тебѣ въ сущности? какъ бы неудержимо сорвалось у нея съ языка:—развѣ ты не вся дѣтьми живешь?..

— Я и мужемъ также живу, Кира! расширивъ свои большіе глаза, возразила Сашенька.

— Но развѣ дѣти тебѣ не дороже? быстро и жадно выговорила та:—развѣ ты не чувствуешь, что связь твоя съ ними неразрывнѣе, чѣмъ съ нимъ?

— Не знаю... Я не знаю, гдѣ у меня кончается любовь къ дѣтямъ и начинается къ нему, и наоборотъ.

— А онъ, какъ ты думаешь? спросила вдругъ Кира словно вызывающимъ голосомъ.

— Что̀ „онъ"? недоумѣло повторила Александра Павловна.

Княжна отвѣтила не сейчасъ: губы ея повело судорогой.

— Ты никогда не представляла себѣ, что онъ можетъ перестать любить тебя?..

— За что̀? вся перемѣняясь въ лицѣ, воскликнула Сашенька.

Та пожала плечами:

— Развѣ для этого причины нужны... развѣ кто можетъ повелѣвать своимъ сердцемъ, когда оно увлекаетъ тебя? какъ бы со злостью добавила она.

„Бѣдная!" сказала себѣ Александра Павловна: „это она себя разумѣетъ"... Но только-что смолкшая въ душѣ молодой женщины тревога заклокотала въ ней, она почувствовала, съ новой язвительною силой...

— Побѣждать себя должно... мы на то—христіане, Кира, вымолвила она вѣскимъ, непривычнымъ въ устахъ ея тономъ;— ты не сердись на меня, милая, но, мнѣ кажется, ты слишкомъ наслушалась того, что̀ тебѣ тогда еще, въ Москвѣ, проповѣдывалъ Иринархъ, ce garçon perdu...

— Иринархъ! повторила презрительно княжна:—къ чему ты его сюда приплела?

— Нѣтъ, я такъ... Я знаю, что̀ ты слишкомъ умна и честна, Кира, чтобы сдѣлать сама что-нибудь дурное... Напротивъ, ты всегда не о себѣ думала, а о счастьи всѣхъ людей... Ты только та̀къ *говоришь*, я понимаю, но въ твоихъ словахъ мнѣ послышалось то̀ же, что̀ проповѣдывалъ тогда Иринархъ о „свободѣ любви"...

Княжна прервала ее съ неудержимою горечью:

— Вообрази, какъ легко тебѣ въ свою очередь „проповѣдывать“ о самоотреченіи, — тебѣ, которой судьба *все* дала... тебѣ,—говорила она съ возрастающимъ волненіемъ,—не допускающей, чтобы человѣкъ, связанный съ тобою, осмѣлился даже мечтать о счастьи иномъ, чѣмъ то, какое способна *ты* дать ему!..

Александра Павловна подняла глаза,—и гордая княжна Кубенская безвольно и безвластно опустила мгновенно предъ ними свои, словно ослѣпленная никогда еще не виданнымъ ею выраженіемъ на поблѣднѣвшемъ теперь какъ полотно лицѣ двоюродной сестры. Въ античныхъ чертахъ этого лица сказывался ей какой-то неотразимый, строгій до безпощадности приговоръ.

— Не допускаю, Кира, это правда, проговорила молодая женщина металлически зазвенѣвшимъ голосомъ:—я этого „связаннаго со мною человѣка“, то-есть *мужа* моего, люблю болѣе жизни, но и уважаю его настолько же... А если бы когда-нибудь я потеряла это уваженіе, все между нами было бы кончено!..

Ноздри княжны дрогнули еще разъ; высокомѣрная усмѣшка зазмѣилась въ складкахъ ея губъ:

— Да, это называется эгоизмомъ... Но впрочемъ твое дѣло! уронила она, вставая, съ притворнымъ равнодушіемъ, между тѣмъ какъ руки помимо ея воли дрожали у нея нервнымъ ознобомъ:—я пойду укладываться... Прикажи, пожалуйста, чтобы лошади мнѣ были завтра утромъ къ семи часамъ готовы; я хочу пріѣхать въ Москву еще засвѣтло.

Она кивнула и вышла изъ комнаты.

Александра Павловна растерянно глянула ей вслѣдъ. Грудь ея высоко подымалась, проступившія внезапно слезы туманили глаза. Но она не умѣла бы отдать себѣ отчета въ томъ, что вызывало ихъ теперь. Въ головѣ ея было смутно, на душѣ ныла еще *безпредметная* горечь... Она прежде всего не допускала, не хотѣла допустить, чтобъ онъ, ея Борисъ, былъ здѣсь „въ самомъ дѣлѣ при чемъ-нибудь“. Кира „съ досады“, разсуждала она, кинула ей этотъ „намекъ“... Но развѣ это возможно, развѣ „этотъ благородный Борисъ“ способенъ былъ бы „на низкій обманъ“, на „то, послѣ чего *все, все было бы кончено?*.. Нѣтъ, онъ цѣнитъ умъ, познанія Киры, онъ очень былъ

радъ, когда она во время его болѣзни служила ему письмоводителемъ, „но больше ничего“... Сашенька вспоминала, какъ она въ то время „ревновала его“ къ Кирѣ. Но онъ тогда же, при женѣ, сказалъ однажды ей: „Вы чиновникъ, а не женщина, княжна!“ (Сашенька „ужасно“ обрадовалась тогда этому его замѣчанію.) А теперь, уѣзжая, „онъ былъ даже неучтивъ“, не потрудился зайти проститься къ ней, къ Кирѣ... Нѣтъ, Борисъ „чистъ какъ стекло“. Кира „нарочно“... Она тоже благородное существо и уѣзжаетъ потому, что знаетъ, что любить женатаго человѣка—преступленіе, но все же, malgré elle, хотѣлось бы ей, чтобъ и онъ хоть немножко *отвѣчалъ* ей... „Бѣдная, бѣдная, черезъ какую муку должна переходить она теперь!“ И Александра Павловна рѣшила мысленно, что ни отъ чего инаго, какъ отъ участія къ „бѣдной“ Кирѣ такъ болѣзненно ныло теперь въ собственной душѣ ея и жгли ее эти слезы, проступавшія изъ-подъ ея рѣсницъ...

— Николай Иванычъ, докторъ, нашъ бѣглецъ, прибылъ, выходя съ веселымъ лицомъ изъ двери сосѣдней съ будуаромъ спальни, доложила ей въ эту минуту Анфиса.

— Да, я знаю, быстро проводя платкомъ по глазамъ, отвѣтила ей барыня:—княжна сейчасъ здѣсь была, говорила...

— А княжна отъ себя вышли сегодня? Ну и слава Богу, поправилась, значитъ.

Александра Павловна качнула немедленно головой и вспомнила при этомъ:

— Она завтра въ Москву ѣдетъ. Скажите Скоробогатову, чтобъ ей завтра къ 7 часамъ были готовы лошади и карета.

— Ѣдутъ... въ Москву? повторила обрывисто Анфиса.

— Да.

— Надолго, изволите знать?

Троекурова подняла на нее глаза: ее поразилъ какъ бы тревожный оттѣнокъ въ тонѣ этого вопроса, а еще болѣе теперь озабоченный видъ лица, съ какимъ глядѣла на нее въ свою очередь спрашивавшая, въ ожиданіи ея отвѣта.

— Она сюда не вернется, уныло примолвила она.

— Что же-съ, въ Москвѣ останутся жить?

— Нѣтъ, она за границу хочетъ опять.

— А въ Москвѣ не въ Покровскомъ-ли домѣ думаетъ остановиться? послѣдовалъ новый, поспѣшный вопросъ.

— Да... Борисъ Васильевичъ велѣлъ ей тамъ приготовить... Вы почемъ-же это знаете? съ изумленіемъ спросила Александра Павловна.

— Барыня!... вскликнула вдругъ — и оборвала тутъ же синеглазая женщина.

— Что̀?

— Ничего, нѣтъ-съ, поспѣшно промямлила Анфиса, между тѣмъ какъ красныя пятна выступали у ней на лицѣ,—я такъ... я по своему разумѣнію такъ понимаю,—сказала она черезъ-мигъ, пытаясь усмѣхнуться,—что вмѣсто чтобъ имъ безъ толку ѣздить съ мѣста на мѣсто, выйти бы скорѣй княжнѣ замужъ надо за хорошаго человѣка...

Александра Павловна громко вздохнула:

— Ахъ, и есть такой человѣкъ, милая, и если-бъ Кира серьезно захотѣла, это бы уже давно сдѣлалось, я увѣрена... Но у нея другое на мысли, слетѣло у нея какъ-то невольно съ языка.

— То-то-съ, живо проговорила Анфиса съ тѣмъ же, озабоченнымъ видомъ: — а отъ эвтого что̀ же хорошаго окромя что несчастія себѣ и другимъ?...

— Почему вы такъ думаете?... пробормотала растерянно молодая женщина; у нея задвоилось въ глазахъ.

— Ничего я не думаю, Александра Павловна, смущенно отвѣтила та, отводя свои въ сторону,—а только-что, какъ по своей собственной жизни я судить могу, съ настоящей если дороги сбиться, такъ и въ пучину бездонную, говорится, не трудно попасть... А какъ я при княжнѣ въ услуженіи была и у васъ теперича, и ихній характеръ поняла, что очень гордыя онѣ и по своему наровятъ всегда поступать, такъ мнѣ завсегда жаль... если пагуба отъ эвтого можетъ произойтить, договорила она вздыхая.

Троекурова вся выпрямилась; большіе глаза ея засверкали:

— Вы что-то знаете, Анфиса... Говорите, говорите все, я *все* выслушаю!...

Анфиса со внезапнымъ испугомъ вскинула руки вверхъ и замотала ими:

— И ничего я не знаю, и не спрашивайте, барыня милая моя, золотая... не сплетница я, не разлучница какая-нибудь, что̀ мнѣ говорить-то! Если сдуру что̀ сболтнула теперича, такъ единственно потому, какъ вообще женщина, а того пуще если дѣвица, оберегать себя должна, сами знаете... А я даже такъ полагаю, Александра Павловна,—послѣ нѣкотораго молчанія добавила она съ очевиднымъ намѣреніемъ успокоить „милую барыню“ свою, — что сама княжна себя одумаютъ, потому очень онѣ умныя, а душа-то у нихъ большая, повѣрьте! Присмотрѣлась я къ нимъ, живучи тамъ при нихъ въ Питерѣ, во дворцѣ...

Александра Павловна пристально и безмолвно глядѣла на говорившую. Ей ничего не объясняли эти слова, но она и не хотѣла теперь объясненія. „Лучше, лучше не узнавать!“ инстинктивно чуялось ей. А сердце все такъ же нестерпимо билось у нея въ груди, и окружающіе предметы прыгали въ ея зрачкахъ словно въ какомъ-то фантастическомъ танцѣ...

— А что̀ же докторъ? быстро спросила она, вся *встряхиваясь* вдругъ, какъ говорится.

— А вотъ онъ сюда, должно̀, идетъ, отвѣтила Анфиса, взглянувъ въ окно, и отправилась встрѣчать его.

Докторъ Ѳирсовъ принадлежалъ къ породѣ веселыхъ толстяковъ; лысый добрякъ, прекрасный практикантъ и безпутный человѣкъ, онъ вошелъ въ будуаръ хозяйки, къ которой питалъ особенную нѣжность, съ комически виновнымъ видомъ, прикрывая себѣ глаза обшлагомъ рукава:

— Ну, и казнѝте, ну, и казнѝте! возглашалъ онъ: — замотался въ Москвѣ, самъ знаю, и отъ Бориса Васильевича отпущено мнѣ за то хрѣну вдосталь; а только вы и своего прибавьте, барыня, для полнаго счета,—квитъ и будемъ...

— Вы вѣдь не излѣчимы, что̀ съ вами дѣлать! промолвила она со слабою улыбкой,—вы, значитъ, мужа видѣли. Что̀ онъ?

— А что̀ онъ? Благоденствуетъ, какъ слѣдуетъ... Ручку приказалъ у васъ поцѣловать, сочинилъ докторъ.

Но у Александры Павловны даже глаза заблистали:

— Да, вспомнилъ? воскликнула она, вся заалѣвъ.

— А какъ же и не вспоминать-то ему о васъ, барыня, молвилъ Ѳирсовъ, машинальною привычкой врача переводя между тѣмъ свои пальцы на артерію руки, къ которой только-что приложился губами,—когда, едва успѣлъ я имя его произнести, а у васъ ужь во-какъ пульсъ-то участилъ?... Благополучно у васъ все тутъ? спросилъ онъ черезъ мигъ, скользя взглядомъ въ сторону прибиравшей что-то на письменномъ столѣ Анфисы, пользовавшейся не менѣе своей барыни его сердечнымъ расположеніемъ, съ примѣсью даже чего-то болѣе субъективнаго, чему онъ впрочемъ старался не давать ходу, почитая это „дурачествомъ“.

— Дѣти, слава Богу, здоровы; у Васи всѣ восемь зубковъ вырѣзались, отвѣтила на его вопросъ Троекурова; — не хотите-ли пройти къ нимъ?

— А что-жь, доброе дѣло, пойдемте!...

„Ахъ, она золотая моя, горемычная, что̀ же теперь будетъ съ нею!“ говорила себѣ Анфиса, роняя на столъ гусиное крыло, которымъ сметала она съ него пыль, и уныло глядя въ слѣдъ уходившимъ;— „не вралъ онъ, окаянный, все по словамъ его въ акуратъ выходитъ“...

Ей до самаго нынѣшняго дня все не вѣрилось, не хотѣлось вѣрить, хотя и тогда, въ разговорѣ съ Троженковымъ, поразила ее и перепугала вѣскость и опредѣлительность его предсказаній относительно плана побѣга княжны съ Борисомъ Васильевичемъ... Но теперь не оставалось для нея сомнѣній, и когда Александра Павловна сообщила ей объ отъѣздѣ княжны въ Москву и что она должна остановиться тамъ въ Покровскомъ домѣ, она, Анфиса, не удержалась въ первую минуту, вскрикнула, чуть не выдала всего, что̀ знаетъ. „Говорите мнѣ все, все!“ приказывала ей барыня. „А *все* сказать ей—зарѣзать ее, значитъ“, разсуждала теперь синеокая женщина.

Она отчаянно сложила руки. Муки и упреки собственнаго ея прошедшаго звучали въ душѣ ея въ связи съ тою язвительною „жалью“, которую вызывало въ ней чаяніе бѣды, грозившей обрушиться на этотъ „честный домъ“. Она успѣла

тѣсно сродниться съ этимъ домомъ, въ которомъ нашла пріютъ, покой и забвеніе этого своего грѣховнаго прошлаго; она сердечно привязалась ко всѣмъ обитателямъ его, большимъ и малымъ, радовалась его „мирному житію“, гордилась его „по-Божески, по-*настоящему*“ заведенными „порядками“. Ужасъ охватывалъ Анфису при мысли, какимъ „страмомъ“ долженъ былъ, вотъ-вотъ, покрыться этотъ излюбленный, этотъ дорогой ей домъ, какимъ невыносимымъ ударомъ будетъ поражена ея „золотая барыня“, которую, „по справедливости“, пріятельница ея Лизавета Ивановна называла „*анделомъ* небеснымъ“...

Она не рѣшалась обвинять ни княжну, ни Троекурова. „Мнѣ-ли судить, многогрѣшной!“ повторяла она мысленно, смиряя невольные взрывы такой хулы, возникавшіе въ ея смятенной этимъ чаяніемъ срама и ужаса душѣ... „Но ужель такъ и оставить надо?“ спрашивала она себя, медлительно покачивая головой. Неужели такъ и не попытаться даже „ближняго отъ соблазна спасти?“...

„Нѣтъ, Лизавета Ивановна пошла — сказала бы... Пойду и я!“ выговорила чуть не громко Анфиса, перекрестилась торопливо и отправилась въ павильонъ, занимаемый княжною Кирой.

IX.

Strafbar erschein'ich, und ich kann die Schuld,
Wie ich's versuchen mag, nicht von mir wälzen.
Schiller. *Wallensteins Tod.*

Freiwillig tret'ich Ihnen ab den Mann, den man mit
Haken der Höhle von meinem blutenden Herze riss.
Id. *Kabale und Liebe.*

Княжна стояла у раскрытаго бюро въ своемъ кабинетѣ-гостиной и завертывала въ бумагу всякія мелкія вещицы, которыя вынимала изъ его ящиковъ.

Она была одна въ комнатѣ и такъ была поглощена своимъ занятіемъ, что не разслышала шаговъ вошедшей, и чуть-чуть дрогнула отъ неожиданности, когда за спиной ея послышался голосъ:

— Чтой-то вы совсѣмъ собираетесь, ваше сіятельство?

— Да, совсѣмъ, отвѣтила она, машинально обертываясь.

— Сказывали мнѣ Александра Павловна, молвила Анфиса,—въ Москву... да и за границу потомъ думаете?

— Да.

Анфиса помолчала.

— Сказываютъ, вы и вовсе къ намъ сюда не вернетесь?..

— Не вернусь, нѣтъ! какъ бы досадливо отрѣзала Кира.

— Охъ, горе-то какое, горе! къ удивленію ея, громко и жалобно вздохнула на это ея бывшая горничная.

— Что̀ тутъ за „горе“ такое особенное? уронила она, нетерпѣливо пожавъ плечами.

Губы у Анфисы дрогнули:

— Сами знаете, княжна, промолвила она съ новымъ, глубокимъ вздохомъ.

Алый румянецъ вспыхнулъ мгновенно на блѣдномъ лицѣ Киры; ноздри ея широко раздулись:

— Что̀ вы говорите... что̀ я „знаю?“

— Ваше сіятельство, княжна, заговорила трепетнымъ голосомъ синеглазая женщина, складывая руки молящимъ жестомъ:— не извольте вы мои слова во гнѣвъ принимать! Какъ если осмѣливаюсь я съ вами говорить, такъ единственно изъ того, что жаль мнѣ очень...

— Чего... кого вамъ „жаль?“ прервала ее гнѣвно Кира.

— Всѣхъ, ваше сіятельство, домъ весь этотъ... барыню мою, агнца чистаго, Александру Павловну... васъ, даже, можетъ, васъ пуще еще, чѣмъ ихъ, потому...

Она какъ бы не рѣшалась продолжать; на лицѣ ея отъ волненія выступили пятна.

— Съ какого повода вздумалось вамъ вдругъ жалѣть меня? спрашивала княжна между тѣмъ, зорко глядя на нее потемнѣвшими глазами. Она дышала учащенно и слышно...

— Потому, какъ бы собравшись съ силами, заговорила снова Анфиса, — у Александры Павловны все же дѣти останутся — утѣшеніе, и неповинныя онѣ, въ законѣ, всякій пожалѣетъ ихъ и уважитъ... А что̀ вамъ, если люди правду сказываютъ...

— Люди, какіе люди? О комъ вы говорите?

— Человѣкъ тутъ одинъ есть... говоритъ, самъ слышалъ... Можетъ неправда? перебила себя внезапно Анфиса, вперяя въ княжну алчный, допрашивающій и молящій взглядъ:—потому ехидный этто человѣкъ, подлый, со злости своей врать-то на людей завсегда готовъ... Такъ скажите слово ваше, княжна, ослободите сердце мое отъ мнѣнія отъ эвтого самаго! вырвалось у нея чуть не стономъ.

— Я ничего не понимаю, пролепетала растерянно княжна:— чего вы хотите... что̀ за человѣкъ и что̀ онъ „слышалъ“?...

Анфиса какъ бы растерялась въ свою очередь, опустила глаза:

— Уговоръ вашъ, говоритъ, слышалъ...

— „Уговоръ“?..

— Съ Борисомъ Васильевичемъ... чуть слышно произнесла она.

— Гдѣ-жь онъ могъ слышать? неудержимо, помимо всякой воли, вылетѣло изъ устъ Киры.

— Въ саду нашемъ, ночью, наканунѣ какъ имъ, Борису Васильевичу, въ Петербургъ ѣхать... Онъ мнѣ на другой же день встрѣлся... человѣкъ этотъ, передалъ...

Но княжна уже не слушала ея: она опустилась со внезапнымъ изнеможеніемъ на близъ стоявшій стулъ, судорожно потирая рукой по лбу, проводя воспаленнымъ языкомъ по ссохшимся губамъ.

Анфиса испугалась даже, выбѣжала въ спальню дѣвушки и вынесла поспѣшно оттуда стаканъ съ водою:

— Выкушайте, княжна, извольте въ себя приттить...

Кира отпила, глянула на нее вскользь и махнула рукой:

— Хорошо, ступайте... оставьте меня одну!..

Та приняла отъ нея стаканъ, поставила его на столъ... Но съ мѣста она не трогалась, словно прикованная къ полу чьею-то незримою властью...

Княжна повела на нее глазами еще разъ:

— Что же вы! я вамъ сказала...

Анфису вдругъ словно что-то подняло и понесло. Она всплеснула руками:

— Только этого, значитъ, мнѣ отъ васъ и дождаться, барышня, что *вонъ поди!* Не съ тѣмъ шла я сюда, чтобы вамъ вздоромъ какимъ докучать, слуга я простая, неученая, понимаю я себя довольно хорошо, а только въ такомъ дѣлѣ я по совѣсти своей, по-христіански, душу вашу жалѣючи... что такой грѣхъ вы себѣ на душу берете...

Кира вскочила, сверкая глазами, словно раненая львица:

— Ну и пусть, пусть и отвѣчу за него, мое дѣло! вскрикнула она; вы тутъ сейчасъ говорили, что у *нея* остаются дѣти, законъ, уваженіе всѣхъ... А мнѣ—проклятіе и презрѣніе, такъ по-вашему? Ну, а если я на это иду, если хочу...

И, не договоривъ, упала опять на стулъ, нервно ломая

себѣ руки, закинувъ глаза въ потолокъ... „Что это, съ кѣмъ, для чего унижаюсь я и объясняю!“ какою-то бѣшеною волной било ей въ голову,—„такъ вотъ оно, чѣмъ съ перваго же раза приходится покупать мнѣ *счастіе!..*“

Анфиса подбѣжала къ ней, пала предъ ней на колѣни и прижалась губами къ ея платью:

— Барышня, княжна моя дорогая, какъ вижу теперича муку вашу, такъ не то, чтобы „презрѣть“, а, кажется, душу бы я всю свою вымотала, чтобы васъ успокоить... Потому сама чрезъ все то прошла и испытала, что за инаго человѣка сто смертей заразъ готова наша сестра принять съ радостью: на-те молъ, рвите на части, только-бъ мнѣ его видѣть, только-бъ моимъ онъ былъ!.. И все это понимаю я, княжна моя милая, да что въ томъ хорошаго? А какъ если изъ-за такой изъ-за любви безумной другіе погибать должны, что тогда? Какъ если здѣшнія дѣти малыя, къ примѣру, безъ отца останутся... а ваши-то, ваши собственныя, какъ если, не дай Богъ!.. званіе-то *имъ* какое будетъ?... Господи, сраму-то что одного, да грѣха! Судьѣ Небесному въ часъ смертный *чѣмъ* вамъ за это отвѣтить придется?...

Кира слушала, не прерывая и не перемѣняя положенія, съ окаменѣвшимъ будто лицомъ. Слова колѣнопреклоненной предъ нею женщины били ее какъ молотомъ въ голову... Но понимала она лишь одно: ко всѣмъ недочетамъ ея жизни присоединялся теперь позоръ. Имя ея, имя ея отца разносили грязныя уста въ переднихъ... Какъ Шиллеровскій Валленштейнъ, она несла впередъ наказаніе не за то, что „*сдѣлала* она, а за то, что *думала сдѣлать*“. И возврата нѣтъ уже теперь никакого: она *должна* бѣжать съ *нимъ*, или...

Она вдругъ, словно отъ прикосновенія электрической проволоки, скинула съ себя минутное оцѣпененіе, поднялась, обвела взглядомъ кругомъ, вздрагивая ноздрями и прижмуривая свои золотисто-зеленые глаза. Анфиса вскочила на ноги въ свою очередь, лихорадочно устремивъ взглядъ въ ея лицо,— и сердце у нея упало: лицо это дышало высокомѣрною и неумолимою рѣшительностью...

— Я попрошу васъ сослужить мнѣ послѣднюю службу, услышала она голосъ княжны.

— Что̀ прикажете? могла только пробормотать она.

— Я думала уѣхать завтра, но хочу сегодня же, черезъ часъ, если можно. Устройте мнѣ это!

Анфиса развела руками:

— Уложить же когда успѣете, ваше сіятельство?

— Успѣю! Если что̀ останется, попрошу васъ прислать мнѣ въ Москву, я оставлю вамъ на это денегъ...

— Прикажете Александрѣ Павловнѣ доложить? спросила Анфиса, не зная въ своемъ смущеніи, что̀ сказать инаго.

— Это какъ хотите, раздражительно отрѣзала княжна,— но если меня заставятъ ждать лошадей, я уѣду въ крестьянской телѣгѣ.

И, безъ дальнѣйшихъ словъ, прошла въ свою спальню и защелкнула за собою задвижку дверей.

Дѣти были въ саду съ нянькой и дѣвушкой, ея помощницей, и Александра Павловна съ докторомъ, побывъ съ ними нѣкоторое время, шли, толкуя о нихъ, обратнымъ путемъ къ дому, медленно подвигаясь по ведущей къ нему прямо большой липовой аллеѣ, когда замѣтили сбѣгавшаго со ступенекъ террассы и спѣшившаго имъ навстрѣчу слугу.

— Ахъ, Боже мой, воскликнула молодая женщина,—неужели гости?

Она не ошиблась.

— Господинъ Моховъ пріѣхали, доложилъ ей слуга.

— Господи, что̀ мнѣ съ нимъ дѣлать! воскликнула она, всплеснувъ руками съ какимъ-то забавнымъ отчаяніемъ.

Ѳирсовъ засмѣялся:

— Извѣстно что̀: изъ пустаго въ порожнее переливать; на что̀ люди въ гости ѣздятъ! Или онъ по дѣлу?

— Нѣтъ... онъ молодой, наивно возразила Сашенька.

— А-а! протянулъ комически докторъ: — бездѣльный, значитъ..

— Онъ былъ здѣсь съ недѣлю тому назадъ, объяснила

она,—и Борисъ просилъ его заѣхать, когда онъ будетъ возвращаться изъ города; ему по пути. Вотъ онъ и пріѣхалъ... А Бориса нѣтъ, Кира уѣзжаетъ, укладывается, и мнѣ приходится оставаться съ нимъ одной...

— Не волкъ, чаю, кусаться не станетъ, продолжалъ потѣшаться *толстякъ*.

Александра Павловна чуть-чуть зарумянилась и поморщилась:

— Мнѣ совсѣмъ не до разговоровъ съ нимъ... Вы ужь пожалуйста, докторъ, останьтесь съ нами, вы его хоть займете...

— Покорнѣйше благодарю, въ должность шарманщика изволили произвести!... А впрочемъ согласенъ, если это можетъ доставить вамъ удовольствіе. Только позвольте сперва къ себѣ на квартиру сходить; я какъ пріѣхалъ, разобраться еще не успѣлъ... А гостя куда-жь прикажете просить,—ждетъ вѣдь онъ, чай, томится, пока-то вы резолюцію насчетъ его не положили?...

— Просите сюда, въ садъ! поспѣшила сказать молодая хозяйка, обращаясь къ ожидавшему дѣйствительно все время этой ея „резолюціи“ слугѣ, и со скучающимъ видомъ опустилась на ближнюю скамью.

Докторъ, съ неизбѣжнымъ своимъ смѣхомъ на толстыхъ губахъ, прищурился на нее, пробормоталъ „до свиданія“ и заковылялъ вслѣдъ за слугой къ дому.

Чрезъ нѣсколько минутъ вышелъ оттуда на террасу, накрывая бѣлокурые свои волосы щегольскою круглою шляпой въ свѣжихъ перчаткахъ и лакированныхъ ботинкахъ, молодой гость и, завидѣвъ въ глубинѣ аллеи свѣтлое платье Александры Павловны, направился къ ней торопливыми какъ бы спотыкающимися въ тоже время шагами.

Онъ былъ настолько же счастливъ, насколько и смущенъ узнавъ отъ людей, что „баринъ уѣхалъ въ Петербургъ, барыня одна“... что она его „проситъ“. Въ первый разъ с тѣхъ самыхъ поръ, какъ была она просватана за Троекурова предстоялъ ему теперь случай разговора съ нею „въ вол безъ помѣхи“, случай „насмотрѣться“ на нее, заслушать ея голоса“ и „унести затѣмъ блаженныхъ воспоминаній

цѣлые годы...“ Моховъ былъ, какъ видитъ читатель, одинъ изъ тѣхъ юныхъ воздыхателей-идеалистовъ, какіе еще встрѣчались въ ту эпоху, къ которой относится нашъ разсказъ, но для которыхъ еще гораздо ранѣе злые Французы придумали прозвище „amoureux transis“.

Онъ еще за двадцать шаговъ отъ предмета своей страсти скинулъ шляпу, краснѣя во все лицо. Она въ свою очередь, весьма конфузясь внутренно, но ужасно стараясь принять наружно спокойный и самоувѣренный видъ искушенной долгимъ опытомъ свѣта хозяйки, привѣтливо кивнула на его расшаркиванья, пригласила занять мѣсто подлѣ себя и начала извиненіемъ за то, что принимаетъ его „sans façon“ въ саду, куда она вышла посмотрѣть на дѣтей, съ которыми „остается теперь одна въ деревнѣ“, такъ какъ мужъ ея уѣхалъ уже нѣсколько дней, а „Кира (и голосъ ея, произнося это имя, какъ-то странно дрогнулъ,) собирается тоже уѣхать,—и я очень боюсь, что вы соскучитесь со мною одной,“ дипломатически заключила Сашенька, („авось пойметъ, разсудила она, что мнѣ не до него и уѣдетъ до обѣда“).

Понялъ или не понялъ Моховъ, осталось неизвѣстнымъ, такъ какъ онъ на это воскликнулъ самымъ искреннимъ и невиннымъ образомъ: „Ахъ, помилуйте, напротивъ!“ а заблиставшіе глаза договорили: „съ тобою быть развѣ не рай?“

Александра Павловна нахмурила брови, опустила голову и принялась молча выводить какой-то рисунокъ на пескѣ аллеи оконечностью черепаховаго парасоля, который держала въ рукѣ.

Моховъ покраснѣлъ тутъ же вдвое противъ прежняго—и поспѣшно засунулъ руку въ боковой карманъ.

— Я вамъ письмо привезъ, пролепеталъ онъ.

— Отъ кого?

— Не знаю-съ... Перемѣнялъ я тутъ лошадей на одной станціи, Блиново называется, кажется, и въ минуту, когда я отъѣзжалъ отъ нея, какой-то человѣкъ, слуга повидимому, подбѣжалъ къ моему ямщику и отдаетъ ему, прося доставить проѣздомъ во Всесвятское. Я его и взялъ у ямщика... На ваше имя, вижу...

Онъ протянулъ молодой женщинѣ запечатанное письмо съ оттискомъ на сургучѣ какой-то рѣшетки вмѣсто герба или вензеля.

Она взглянула на адресъ и слегка усмѣхнулась:

— Какъ смѣшно: „*Госпожѣ полковницѣ* Александрѣ Павловнѣ Троекуровой"!...

— Просятъ о вспомоществованіи, объяснилъ молодой чиновникъ, весь просіявъ опять отъ этой ея усмѣшки.

— Почему вы думаете?

— Непремѣнно: писарская рука на адресѣ, по этому всегда можно узнать...

Она взломила машинально печать, но, не вскрывая письма, оставила его въ рукѣ, заинтересованная тѣмъ, что началъ въ эту минуту разсказывать Моховъ:

— На той же станціи случилось мнѣ увидѣть одну очень трогательную и печальную вещь... Вы слышали вѣроятно отъ Бориса Васильевича объ одномъ очень почтенномъ человѣкѣ, здѣшнемъ помѣщикѣ, Никанорѣ Ильичѣ Ранцовѣ, который состоитъ членомъ нашего губернскаго крестьянскаго присутствія?

— Конечно слышала, подтвердила она,—Борисъ его очень любитъ и хвалитъ... Это тотъ, котораго жена оставила и вышла за другаго, за сына Аглаи Константиновны Шастуновой?...

— Она скончалась.

— Кто?

— Молодая княгиня Шастунова.

— Господи, давно-ли?

— Четыре дня тому назадъ.

— Бѣдная, Царство ей Небесное! набожно перекрестилась Александра Павловна.—Помните, когда вы у насъ тутъ обѣдали, il y a huit jours, что говорила про нее эта ужасная Аглая, sa belle-mère? Ахъ, какая это женщина! Не знаю, что готова я была сказать ей тогда и даже сказала...

— А я вамъ всѣмъ сердцемъ вторилъ! произнесъ восторженно Моховъ, вскидывая на нее загорѣвшіеся опять глаза.

Сашенька какъ бы разсѣянно отвела свои въ сторону и продолжала.

— Она тогда поѣхала отъ насъ въ Москву съ этимъ своимъ невозможнымъ „aumônier“, помните, надѣясь заставить несчастную больную отказаться отъ денегъ, которыя та заплатила за ея сына, такого же гадкаго, по всему видно, какъ она сама.

— И, какъ кажется, не добилась этого и со злости, въ самый день, когда та умерла, уѣхала къ себѣ обратно изъ Москвы, оставивъ всѣ хлопоты и издержки на похороны на счетъ Ранцова, котораго покойница вызвала къ себѣ изъ нашего города, чтобы проститься съ нимъ предъ смертью.

— Она его вызвала? воскликнула молодая женщина, — вотъ это хорошо! Ей многое простится за это на томъ свѣтѣ.

— Да, и, вообразите, онъ, покинутый этою женой своею, которую страстно любилъ, — онъ везетъ ее теперь хоронить въ своемъ имѣніи Рай-Никольскомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Я вотъ на той станціи, о которой говорю, и наткнулся на это зрѣлище, молвилъ Моховъ: — ѣдетъ фургонъ съ ея гробомъ, а за нимъ чуть не все время отъ самой Москвы пѣшкомъ Никаноръ Ильичъ... Съ нимъ человѣкъ его, Сергѣй, очень преданный ему и хорошій слуга, — я его знаю, — такъ онъ мнѣ тутъ разсказалъ...

Александра Павловна глянула теперь прямо въ лицо молодаго человѣка мгновенно отуманившимися глазами и страннымъ въ своемъ выраженіи взглядомъ.. На ея языкѣ шевелился вопросъ: „неужели надо быть *такою* женщиной, какъ была эта бѣдная покойница, чтобы быть такъ глубоко и неизмѣнно любимой?“... Но она не выговорила его, она только вздрогнула и тихо произнесла:

— Вотъ это *человѣкъ!*...

Моховъ ёрзнулъ на скамейкѣ, на которой сидѣли они:

— Неужели вы думаете, Александра Павловна, прерывавшимся отъ охватившаго его вдругъ волненія голосомъ сказалъ онъ, — неужели вы думаете... что нѣтъ другихъ... ко-

торые могутъ любить такъ же вѣрно и... и такъ же безъ взаимности, какъ онъ?...

Онъ словно угадалъ ея мысль, словно хотѣлъ сказать этой мысли въ отвѣтъ: „нѣтъ, не однѣ *такія* женщины могутъ быть *такъ* любимы!“...

Молодая женщина испугалась, — надо было скорѣе перемѣнить этотъ разговоръ...

— А кто это пишетъ мнѣ однако, интересно? будто и не слыхавъ его взволнованнаго восклика, проговорила она, насколько могла спокойнѣе и равнодушнѣе, вынула изъ обложки письмо, оставшееся въ ея рукѣ, и развернула его.

Это „ужасное, обидное пренебреженіе“ къ нему, къ его словамъ, какъ ушатомъ холодной воды окатило бѣднаго влюбленнаго. Онъ весь перемѣнился въ лицѣ и понурился, искоса поглядывая на „жестокую“ съ нѣмымъ укоромъ во взглядѣ, со щемящею тоской въ душѣ.

Она читала между тѣмъ, — и по мѣрѣ чтенія большіе глаза ея раскрывались все шире, и краска все замѣтнѣе отливала отъ ея лица... Руки ея задрожали...

Не упрекомъ уже, — недоумѣніемъ и тревогой за нее горѣли не отрывавшіеся отъ нея теперь глаза Мохова.

Письмо вдругъ выскользнуло изъ ея рукъ... Она схватилась за голову, судорожно нажимая руками лицо, чтобы заглушить вырывавшійся у нея изъ груди стонъ...

— Господи, Александра Павловна, что съ вами? испуганно заметался молодой человѣкъ?

Все тѣло ея вздрагивало и пошатывалось, какъ бы готово вотъ-вотъ сейчасъ сорваться со скамьи и рухнуться на зем

Моховъ простеръ руку съ намѣреніемъ поддержать ее з станъ... и не посмѣлъ...

— Воды, гдѣ бы воды достать? съ отчаяннымъ видо оглядывался онъ кругомъ.

Она какимъ-то сверхъестественнымъ усиліемъ совладала собою, вскочила съ мѣста.

— Извините меня, я... я не могу... я къ дѣтямъ, про петала она и побѣжала стремглавъ въ глубину сада.

Онъ бросился было за нею вслѣдъ, — и остановил с

Громкій и какъ бы нѣсколько грубоватый окликъ мужскаго голоса раздался за нимъ:

— Что̀ это у васъ тутъ случилось?

Это былъ докторъ Ѳирсовъ, съ которымъ онъ только-что познакомился, встрѣтясь съ нимъ въ гостиной дома, и который передалъ ему приглашеніе хозяйки итти къ ней въ садъ,—Ѳирсовъ, шедшій самъ теперь туда обратно и видѣвшій издалека, какъ внезапно вскочила его „барыня“ съ мѣста, словно „ужалилъ“ ее „этотъ *франтъ*, котораго ей такъ не хотѣлось принять“... Онъ подвигался спѣшными шагами, готовый „разгромить нахала“, если бы таковымъ оказался „сей господинъ“.

Но тотъ кинулся къ нему навстрѣчу съ такимъ несчастнымъ лицомъ, что онъ остановился самъ, растерянно глядя на него.

— Александра Павловна получила какое-то извѣстіе... Я привезъ ей письмо, заговорилъ Моховъ, путаясь языкомъ, — она стала читать... и вдругъ что-то съ ней случилось...

— Какое извѣстіе? Какое письмо? пробормоталъ въ свою очередь докторъ.

— Не знаю... Моему ямщику на станціи какой-то человѣкъ передалъ... для доставки ей... Вотъ оно самое! указалъ молодой человѣкъ на почтовый листъ, выпавшій изъ рукъ Александры Павловны и оставшійся лежать на пескѣ аллеи.

Ѳирсовъ поспѣшно поднялъ его.

— Что̀ за оказія! проговорилъ онъ сквозь зубы.

— Она къ дѣтямъ побѣжала, туда, къ рѣкѣ, счелъ нужнымъ добавить къ объясненію своему Моховъ.

Докторъ, не теряя лишнихъ словъ съ нимъ, зашагалъ по означенному направленію.

„Что̀ за оказія, изъ чего это она?“ повторялъ онъ въ нѣмомъ разговорѣ съ самимъ собою, завернулъ въ боковую дорожку и остановился... „А ну его съ благоприличіемъ!“ рѣшилъ онъ, „врачъ—тотъ же духовникъ, а письмо это—тотъ же діагнозъ болѣзни“...

Онъ поднесъ его къ глазамъ и принялся читать:

„Милостивая государыня, Александра Павловна,—писала та же „писарская рука“, которою начертанъ былъ адресъ на конвертѣ,—желающій вамъ добра человѣкъ предваряетъ васъ о грозящей вамъ довольно непріятной для васъ исторіи. Вамъ, кажется, однѣмъ не извѣстно, что у васъ въ домѣ происходитъ, до того замазали вамъ глаза достойный супругъ вашъ съ многосіятельною особой, родственницей вашею. Не довольствуясь, что, при слѣпотѣ вашей, могли продолжать безпрепятственно свои амуры и подъ вашими глазами, онѣ теперь условились бѣжать вмѣстѣ за границу, забывъ, что онъ отецъ и супругъ, а она свою честь какъ дѣвица. Онъ уже попростился съ вами, а она на дняхъ попрощается и поѣдетъ себѣ въ Москву, гдѣ велѣно будетъ имъ, для принятія такой важной для сердца его персоны, приготовить аппартаментъ въ домѣ бывшемъ Акима Ивановича Остроженко, отъ котораго наслѣдовалъ, вмѣстѣ съ прочимъ богатствомъ, вполнѣ недостойный, какъ сами можете теперь видѣть, племянникъ его, а вашъ мужъ. И какъ мать его изъ того дома бѣжала съ тѣмъ, кого возлюбила отъ брата роднаго, такъ и онъ съ сіятельною родственницей ускачетъ на почтовыхъ коняхъ въ чужіе края отъ жены законной, какъ гласитъ пословица, что яблочко отъ яблони завсегда недалеко падаетъ. Въ вѣрности написанныхъ здѣсь словъ не сомнѣвайтесь, такъ какъ весьма скоро можете увидѣть исполненіе на дѣлѣ. Только тогда будетъ поздно, а теперь, какія можете, примите ваши мѣры.

„Доброжелающій вамъ“.

— Ну, воскликнулъ съ глубокимъ негодованіемъ докторъ,— попался бы мнѣ теперь этотъ „доброжелающій“, съ какимъ сердечнымъ удовольствіемъ угодилъ бы я ему всею пятерней въ физіономію!.. А милая-то барыня отъ этой мерзости въ истерику!.. Вѣдь ни на граммъ правды очевидно въ этомъ нѣту— домолвилъ себѣ Ѳирсовъ, пропадавшій три мѣсяца въ Москвѣ и судя вслѣдствіе этого о томъ, что могло происходить въ домѣ по тому состоянію *мира и благодати*, въ какомъ зналъ его до своего отъѣзда, то-есть до пріѣзда княжны Кубенской въ *Всесвятское*.

Онъ зашагалъ далѣе, хмурясь и раскидывая въ головѣ, „кто бы могъ быть тутъ мерзавецъ, рѣшившійся, здорово живешь, огорчить этою *грязью* неповиннѣйшую изо всѣхъ женщинъ?..“

Но вотъ въ сторонѣ, за большимъ сиреневымъ кустомъ, забѣлѣло женское платье. Это она. Онъ поспѣшно повернулъ къ ней.

Она не дошла до мѣста у рѣки, гдѣ гуляли дѣти. Ноги ея подкашивались; она опустилась здѣсь опять на скамью. Здѣсь по крайней мѣрѣ она была одна, „одна со своимъ горемъ...“

— Что это вы, барыня, началъ Ѳирсовъ, придавая голосу тонъ упрека,—изъ чего это взбудоражились, какъ не стыдно! Письмо анонимное отъ мерзуна какого-то получили, такъ и...

— Гдѣ оно? прервала его, озабоченно принимаясь шарить кругомъ себя, Александра Павловна,—гдѣ письмо?.. Я его уронила...

— Вотъ оно, вотъ! Лежало тамъ у мѣста, гдѣ вы сидѣли.

Она схватила его:

— Онъ видѣлъ, прочелъ?.. проговорила она испуганно.

— Кто это, гость этотъ вашъ?.. Не читалъ. А я прочелъ до строчки!

— Прочли?

— Непремѣнно. Вы бы пожалуй не показали, скрывали бы, да мучили себя тайно изъ-за этакой гадости, извините за откровенность рѣчи! Вѣдь тутъ ясно: налгалъ наглецъ отъ слова до слова.

— Вы думаете? промолвила на это молодая женщина,— и такъ странно, такъ необычно зазвучалъ ея голосъ, что Ѳирсовъ почувствовалъ вдругъ, что никакое возраженіе, ниже утѣшеніе съ его стороны немыслимо. Онъ примолкъ и только внимательно и тревожно воззрился въ ея блѣдное какъ снѣговой саванъ лицо.

Она не плакала, но глаза ея впали словно въ какую-то пещеру и горѣли оттуда какимъ-то темнымъ, глубокимъ и суровымъ пламенемъ. Въ античныхъ чертахъ прелестнаго лица сказывалась теперь не одна уже строгость *линій:* оно дышало чѣмъ-то исходящимъ извнутри, *духовно* строгимъ и скорбно рѣшительнымъ. Весельчакъ-докторъ никогда еще не видывалъ

у „милой барыни“, не подозрѣвалъ въ ней и самой возможности такого выраженія. Онъ чуть не съ испугомъ отмѣчалъ его въ своемъ впечатлѣніи.

— Ну, а сами-то вы, барыня, что̀ думаете? спросилъ онъ, все еще налаживаясь на смѣшливый тонъ.

— У меня дѣти, отвѣтила она, устремивъ недвижные глаза на стволъ клена, тихо шевелившаго лапчатыми листьями своими насупротивъ ея.

— Извѣстно „дѣти“, мурлыкнулъ докторъ, не понимая,— и дѣти у васъ, и мужъ...

Она отрицательно закачала головой.

— Мужа у меня нѣтъ!

— Ну, ужь и нѣтъ? закивалъ онъ успокоительно въ свою очередь:—вотъ я вамъ сейчасъ лавровишневыхъ капелекъ малую толику накапаю, да теплую ванночку вамъ состроимъ, такъ вы и успокоитесь, не станете... привередничать, отпустилъ онъ первое слово, попавшееся ему на языкъ.

Она горько усмѣхнулась.

— Пойдемте къ *нимъ*... Только дайте мнѣ руку, а то я упаду.

— Пожалуйте къ себѣ на диванчикъ протянуться, подхватывая ее подъ руку, молвилъ настоятельно Ѳирсовъ,—не для чего вамъ съ такимъ лицомъ дѣтямъ показываться... да и сами еще пуще разстроитесь пожалуй. Въ виду ихъ же говорю: что̀ хорошаго для дѣтей вашихъ, если вы дѣйствительно съ ногъ свалитесь?

Она молча и послушно пошла съ нимъ.

Онъ повелъ ее тѣнистою боковою аллеей, прямо по направленію маленькаго крыльца, которое вело въ ея покои со стороны дома, противоположной половинѣ, занимаемой ея мужемъ.

Не доходя до него, она остановилась и спросила:

— А онъ... Моховъ, онъ еще здѣсь?...

— Да ужь не знаю право, барыня, засмѣялся докторъ,— я такъ полагаю, что коли уменъ онъ, такъ уѣхалъ, а нѣтъ— такъ проклажается тамъ себѣ въ ожиданіи и по сю пору.

— Вы навѣрно знаете, что онъ не знаетъ, не читалъ? *тревожно* пролепетала она.

— Ровнехонько ничего! Говорю вамъ, какъ уронили вы его, такъ и лежало письмо на пескѣ; я его поднялъ и пошелъ искать васъ, а онъ и не притрогивался,—шелъ вѣдь я къ нему, видѣлъ.

— Я въ первую минуту не въ силахъ была сдержаться, продолжала она прерывающимся голосомъ, — онъ испугался даже... Я зарыдала... Онъ могъ догадаться...

— Чего ему догадываться-то! Невидаль что-ль для него какая, что у барыни нервы разыгрались; не малый ребенокъ, чай!... А не понялъ, такъ я ему объясню...

— Какъ вы ему объясните?

— Ну, извѣстно какъ: скажу ему, что... ну, совру тамъ что-нибудь! воскликнулъ, не находя ничего инаго, толстякъ.

— Нѣтъ, пожалуйста! вѣско выговорила Александра Павловна;—съ нимъ этого совсѣмъ не нужно... Я его давно знаю: онъ честный и сердечный...—Онъ любилъ меня, когда я была еще не замужемъ... и любитъ до сихъ поръ, я знаю...

Ѳирсовъ съ какимъ-то новымъ, забавнымъ испугомъ оглянулся на нее.

Что-то мгновенное, неуловимое, но отъ чего у добряка доктора стало на душѣ жутко, пробѣжало у нея по лицу и на мгновеніе вызвало на немъ слабый румянецъ... Но она тутъ же усмѣхнулась тою же своею горькою усмѣшкой.

— Скажите ему просто *отъ меня*, подчеркнула она, — чтобъ онъ *никому* не говорилъ о томъ, что̀ со мною было сейчасъ при немъ... Онъ исполнитъ, я знаю... А также,—добавила она дрогнувшимъ голосомъ,— что я прошу его, чтобъ онъ не сердился, но что *такъ надо*, что я прошу его не ѣздить сюда больше...

— Слушаю-съ! Какъ приказываете, такъ и скажу, такъ и скажу-съ, закивалъ сочувственно Ѳирсовъ.

— У меня и къ вамъ просьба, докторъ, молвила подумавъ Троекурова.

— Что̀ прикажете?

— Во-первыхъ, никому ничего про это письмо, которое вы прочли...

— Ну, еще бы я сталъ болтать! чуть не грубо прервалъ онъ ее,—вы за кого-жь меня почитаете?

— А потомъ, чтобъ и сами вы, что̀ бы ни случилось теперь или послѣ, *никогда* меня не спрашивали, никогда бы мнѣ не говорили ни о чемъ, до чего относится это письмо, договорила она черезъ силу.

Онъ пожалъ плечами:

— Что̀-жь мнѣ „говорить?“ Пустыхъ разговоровъ я и самъ не люблю.

Она повела медлительно головой сверху внизъ.

— Да!... *Мое* горе, я съ нимъ одна и справлюсь.

„Эге-ге, да какой характерецъ у тебя выходитъ!“ сказалъ себѣ изумленно Ѳирсовъ, чувствуя, что между тѣмъ какъ выражалась она такъ сдержанно и твердо, все тѣло молодой его кліентки висѣло у него на локтѣ, что ноги чуть поддерживали ее, что ей стоило нечеловѣческихъ усилій одолѣвать обымавшее ее безумное отчаяніе...

Въ эту минуту, выходя изъ павильона княжны Киры, показалась Анфиса. Она увидѣла свою барыню, словно „разбитую“, медленно подвигавшуюся подъ руку доктора, и, предчувствуя новую бѣду, поспѣшно подбѣжала къ ней:

— Александра Павловна, что̀ это съ вами, оступились никакъ?

— А вотъ вы барыню подъ ручку-то съ другой стороны поддержите, сказалъ ей докторъ, мы ее живо доставимъ!...

Они довели ее до ея будуара и бережно опустили на кушетку... Докторъ побѣжалъ въ домовую аптеку за лѣкарствомъ.

Анфиса разшнуровала ее, переодѣла въ блузу. Она улеглась затылкомъ въ подушку, прижмурила глаза...

— Вы у... у *нея* были? прошептала она чрезъ мигъ.

— У княжны, точно такъ... Онѣ хотятъ сегодня *же*... сейчасъ уѣзжать, добавила помолчавъ Анфиса.

— Что̀ же, пусть!...

— Къ лучшему это, точно, Александра Павловна, поспѣшно закивала та;—лошади имъ даже сею минутой готовы будутъ, сказывалъ Скоробогатовъ; я имъ докладывала...

Судорога пробѣжала по сжатымъ губамъ молодой женщины.

— Не придетъ... сюда? какъ бы противъ воли ея вырвалось изъ нихъ.

— Не извольте безпокоиться... Сами понимаютъ! молвила успокоительно синеглазая женщина, угадывая, что „барынѣ теперь все извѣстно“, хотя не зная еще какимъ путемъ.

Александра Павловна открыла свои большіе впавшіе глаза и глянула ей прямо въ лицо:

— Она несчастная! протянула она.

— Доподлинно такъ изволите говорить, горячо подтвердила Анфиса,—по истинѣ, что ихъ жалѣть надо!...

— Дайте мнѣ сюда столикъ, чернильницу и перо!

Она приподнялась съ кушетки, вынула изъ кармана возвращенное ей Ѳирсовымъ письмо, приписала на немъ: „Если и правда, не ты виновата. А.“ и вложила его обратно въ обложку.

— Отдайте *ей*, когда она уѣзжать будетъ...

Докторъ вернулся съ пузырьками, графиномъ и рюмкой.

— Порученіе ваше исполнилъ, барыня, говорилъ онъ, капая противъ свѣта съ прищуреннымъ однимъ глазомъ капли свои въ воду;—гостя вашего видѣлъ, передалъ и успокоилъ... Человѣкъ хорошій, видать: понялъ сразу, не разспрашивалъ и уѣхалъ; я такихъ люблю!...

Она чуть-чуть повела головой въ знакъ благодарности и уронила опять затылокъ въ подушку.

Анфиса ушла. Ѳирсовъ усѣлся въ кресло неподалеку отъ лежавшей, внимательно приглядываясь къ нервному подергиванію ея полуопущенныхъ вѣкъ.

Такъ прошло нѣсколько времени.

Вдругъ, нарушая нежданно мертвую тишину комнаты, изъ окна, открытаго въ садъ, донесся со двора гулкій скрипъ колесъ по песку и дружный топотъ скачущихъ лошадей...

— Это еще кто? спросилъ невольно докторъ.

— Это она уѣзжаетъ... къ *нему!*... вырвалось стономъ у Александры Павловны. Она быстро обернулась всѣмъ тѣломъ, забилась лицомъ внизъ въ самый уголъ кушетки—и зарыдала ничѣмъ уже теперь неудержимымъ рыданіемъ...

X.

Какъ много ты въ немного дней
Прожить, прочувствовать успѣла...
Баратынскій.

Tra il dire e il fare c'é in mezzo il mare.

Sunt lacrymae rerum...

Спустя недѣлю по отъѣздѣ своемъ изъ Москвы Троекуровъ, только-что вернувшійся изъ Петербурга, подъѣзжалъ въ одиннадцатомъ часу утра къ гостиницѣ Шевріе.

Онъ занялъ нумеръ на дворѣ, спросилъ себѣ чаю и, пока Матвѣй, камердинеръ его, поспѣшно выбиралъ изъ чемодановъ и раскладывалъ на столикѣ предъ зеркаломъ всякія туалетныя и бритвенныя принадлежности барина, опустился въ кресло съ усталымъ и недовольнымъ видомъ человѣка, которому, не смотря на всѣ его усилія, не удалось уснуть и часу добрымъ порядкомъ въ вагонѣ.

Онъ чувствовалъ, что не заснетъ и теперь, здѣсь, при всѣхъ условіяхъ комфорта и тишины, въ этомъ давно знакомомъ ему, удобномъ помѣщеніи въ глубинѣ двора, куда не достигалъ уличный шумъ... Да ему и не до сна. Его *ждутъ* (онъ вчера получилъ отъ *нея* въ Петербургѣ письмо, извѣщавшее его о ея пріѣздѣ въ Москву, въ Остроженковскій домъ), и онъ вотъ сейчасъ совершитъ омовенія свои и туалетъ, и поѣдетъ...

Его „ждутъ", и самъ онъ трепетно ждалъ этого свиданія и не могъ заснуть всю дорогу въ немолчномъ помыслѣ о немъ. Онъ измаялся въ Петербургѣ отъ тоски и желчи, отъ гнету-

щаго сознанія бездарности, немощи и пустозвонства тамошняго люда и творимаго имъ дѣла. Онъ жаждалъ скорѣе скинуть съ себя вынесенныя имъ изъ ближайшаго обращенія съ ними впечатлѣнія; „забывъ ихъ, забытый ими“, по выраженію древняго поэта, онъ рвался уйти всѣмъ существомъ своимъ въ свѣжія волны личнаго чувства, молодой любви, возраждающей и уносящей...

Но, странное дѣло, онъ рвался... и медлилъ въ одно и то же время. Голова его горѣла полымемъ при мысли, что разстояніе на какія-нибудь десять минутъ ѣзды отдѣляетъ его теперь отъ той, чаемой, блаженной минуты... но онъ не двигался между тѣмъ и недвижно, съ зажмуренными глазами, полулежалъ въ своемъ креслѣ въ какомъ-то безвольномъ состояніи полуфизическаго, полуумственнаго оцѣпенѣнія!..

„Усталость“, объяснилъ онъ мысленно, силясь превозмочь себя.

— Сходи, закажи мнѣ сейчасъ холодную ванну! обернулся онъ съ приказаніемъ къ камердинеру.

Ванна освѣжитъ его, а пока изготовятъ ее, онъ оттянетъ себѣ еще на нѣсколько минутъ бездѣйствія,—соблазнялъ его какой-то тайный голосъ.

Не надолго:

— Съ пріѣздомъ! Можно войти? донесся къ нему изъ-за полуоткрытой двери въ переднюю чей-то знакомый голосъ.

— Войдите! нехотя произнесъ онъ въ отвѣтъ.

Вошелъ Ашанинъ, красивый и оживленный какъ всегда.

— Здравствуйте, Борисъ Васильевичъ! Вы сейчасъ мимо меня проѣхали со станціи.

— Гдѣ это? машинально и лѣниво спросилъ тотъ.

— На углу Садовой и переулочка тамъ одного будка стоитъ, такъ я оттуда видѣлъ.

— Изъ будки?

— Такъ точно, — подтвердилъ Ашанинъ, принимая свой лукаво-невинный видъ,—я тамъ почитай каждый день теперь пребываю въ эту пору.

— Что дѣлать? — тѣмъ же лѣнивымъ тономъ произнесъ

— А тутъ, изволите видѣть, у самой будки заборъ, а въ заборѣ калиточка въ садъ, а за садомъ домъ, а въ домѣ живутъ старый мужъ-ревнивецъ и молодая жена. Въ домъ меня, а изъ дома *ея* не пускаютъ, вслѣдствіе чего, натурально, и она, и я испытываемъ ноодолимое желаніе соединяться какъ можно чаще для взаимныхъ жалобъ на нашу несчастную судьбу. Вотъ я и нашелъ единственно доступное намъ при такихъ враждебныхъ обстоятельствахъ, укромное мѣстечко по сосѣдству съ садомъ, куда мужъ пускаетъ ее по утрамъ „для променажа"...

— И мѣстечко это—будка?—невольно усмѣхнулся Троекуровъ.

— Будка, Борисъ Васильевичъ! — комически вздохнулъ шалунъ, глядя ему въ лицо изъ-подъ опущенныхъ имъ смиренно рѣсницъ.

Но усмѣшка успѣла уже соскользнуть съ этого лица и смѣнилась какимъ-то брезгливымъ, чуть не суровымъ выраженіемъ. Ашанинъ съ прирожденнымъ ему тактомъ тотчасъ же почуялъ, что собесѣдникъ его нисколько не былъ расположенъ къ „легкому разговору" въ эту минуту, и, слегка покраснѣвъ, поспѣшилъ перейти на другой предметъ.

— Я къ вамъ лишь на мигъ, Борисъ Васильевичъ,—сказалъ онъ,— во-первыхъ, пожать вамъ руку, а затѣмъ передать вамъ о вашемъ Всесвятскомъ; я имѣлъ извѣстіе оттуда.

— А-а!—протянулъ тотъ:—какимъ образомъ?

— Я вчера отправилъ туда нашу маленькую Лизавету Ивановну Срѣтенскую. Александра Павловна вытребовала ее къ себѣ письмомъ.

— Случилось что-нибудь?—неудержимо вырвалось на этомъ у Троекурова.

— Нѣтъ, почему вы думаете?—поспѣшилъ успокоить его Ашанинъ:—въ письмѣ Александра Павловна говоритъ только, что Лизавета Ивановна давно обѣщала пріѣхать къ ней погостить на нѣсколько недѣль, а что теперь она настойчиво проситъ ее исполнить, не откладывая, свое обѣщаніе. А такъ какъ наша Божья душа никогда изъ Москвы не выѣзжала, то и явилась вчера ко мнѣ съ просьбой „снарядить ее въ вояжъ".

Я ей нанялъ знакомаго троечника вплоть до самаго Всесвятскаго и вчера же отправилъ.

Троекуровъ молча качнулъ головой, не отрываясь глазами отъ говорившаго.

— И ничего... больше? спросилъ онъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія съ новымъ усиліемъ.

— Насчетъ чего?

— Въ письмѣ...

— Ахъ, да, въ письмѣ... Нѣтъ, ничего, — сказалъ Ашанинъ, насторожив уши (страненъ и подозрителенъ показался ему звукъ голоса спрашивавшаго),—никакихъ ни о себѣ, ни о *княжнѣ* извѣстій въ письмѣ этомъ не даетъ Александра Павловна. А, какъ вы знаете, pas de nouvelles—bonnes nouvelles...

Черты Троекурова словно потемнѣли вдругъ; онъ чиркнулъ спичкой по крышкѣ портсигара, закурилъ папироску и, откинувшись въ спинку кресла, прижмурилъ глаза.

Ашанинъ зорко вглядывался въ него. Его какъ молніей озарила вспомнившаяся ему только теперь вѣская фраза изъ этого письма Александры Павловны, которое маленькая особа давала ему читать: „я одна, и вы мнѣ очень нужны". Онъ въ первую минуту понялъ, что молодая женщина разумѣла подъ этимъ словомъ „одна"—отсутствіе мужа. „Но оно, разсуждалъ онъ теперь, могло означать и совсѣмъ другое, и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что Троекурова такъ опредѣлительно говоритъ за этимъ, что Лизавета Ивановна ей *очень нужна*. Спеціальность Лизаветы Ивановны извѣстно какая: утѣшать страждущихъ. Если она оказалась теперь такъ необходима Александрѣ Павловнѣ, то изъ этого можно заключить, что та дѣйствительно осталась *одна*, что и княжны Киры нѣтъ болѣе во Всесвятскомъ, а если это такъ, то, очевидно, это не могло произойти иначе, какъ вслѣдствіе ссоры между кузинами, — причину же такой ссоры угадать не трудно"... пылкая сообразительность московскаго Донъ-Жуана быстро зашагала по этому пути индукціи. Онъ вспомнилъ вечеръ, проведенный имъ со старикомъ Овцынымъ во Всесвятскомъ, когда въ такомъ нежданномъ для него обаяніи предстала предъ нимъ

Кира въ черной сквозной ткани лѣтняго барежеваго платья, и ту „язвительную нотку“, разслышанную его чуткимъ слухомъ въ вѣжливыхъ рѣчахъ Троекурова, когда онъ, Ашанинъ, „призанялся невольно княжной за ужиномъ“.... Ашанинъ чутьемъ чуялъ теперь „семейную драму“; онъ прозрѣвалъ ее въ обрывистыхъ вопросахъ, съ которыми сейчасъ обращался къ нему Троекуровъ, въ озабоченномъ, мрачномъ выраженіи его лица..

— На долго вы теперь сюда, Борисъ Васильевичъ? спросилъ онъ, насколько могъ естественнѣе.

Тотъ на половину приподнялъ опущенныя вѣки и процѣдилъ сквозь зубы:

— Право, не знаю...

Ашанинъ помолчалъ и спросилъ затѣмъ опять, тщательно заволакивая кипѣвшее въ немъ любопытство тономъ полнѣйшей беззаботности:

— А отсюда куда думаете: назадъ, во Всесвятское?

Но Троекуровъ былъ не тотъ человѣкъ, къ которому можно было бы относиться съ подобными допытываньями, какъ бы ни была прилична и ловка облекавшая ихъ форма. Онъ не отвѣтилъ, но, чуть-чуть отдѣливъ голову отъ спинки своего кресла, обернулъ ее къ говорившему съ такимъ *серьезнымъ*, чтобы не сказать строгимъ, взглядомъ, что тотъ не выдержалъ его и, противъ воли, съ досадой, вызвавшею новую краску на его смуглыя щеки, опустилъ свои блестящіе цыганскіе глаза.

— Ванна готова, доложилъ, входя въ эту минуту въ комнату, Матвѣй.

Баринъ его тотчасъ же поднялся съ мѣста.

— Извините! обратился онъ съ вѣжливою улыбкой къ гостю.

— Помилуйте! воскликнулъ тотъ, поспѣшно вставая въ свою очередь:—дѣло первой необходимости... Извините *меня*, что ворвался къ вамъ такъ не во-время... До свиданія, Борисъ Васильевичъ, желаю вамъ всякаго *успѣха!* чуть-чуть подчеркнулъ онъ.

— *Прощайте!* коротко сказалъ на это Троекуро-

давая ему руку: „Чай, думаетъ, у меня тоже въ мысли будка!“ оцарапало его что-то въ глубинѣ души: онъ гадливо поморщился и задумался.

„Ну, любезный мой“, говорилъ себѣ въ то же время Ашанинъ, выходя на улицу,— „почитаютъ меня, да и самъ я почиталъ себя до сихъ поръ, *ходокомъ*. Но сравнительно съ тобою, я очевидно лишь мальчишка и щенокъ!“ заключилъ онъ словами Расплюева, котораго такъ геніально изображалъ въ ту пору на московской сценѣ Садовскій.

Холодная ванна дѣйствительно освѣжила Троекурова и „привела“, какъ выражался онъ, его „нервы въ порядокъ“. Совершивъ свой туалетъ, бодрый духомъ и тѣломъ,—такимъ казался онъ самому себѣ во всякомъ случаѣ, — сѣлъ онъ въ коляску и велѣлъ везти себя на Покровку.

Былъ часъ первый пополудни. Осенній день стоялъ теплый и яркій. По Кузнецкому Мосту сновали экипажи, мелькали молодыя женскія лица...

„Quel beau jour,
Quel beau jour pour les amoureux“,

пришелъ на память Борису Васильевичу припѣвъ куплета, слышаннаго имъ въ оны дни на Кавказѣ отъ какого-то Француза, пріѣхавшаго туда волонтеромъ изъ „Африканской арміи“ и потѣшавшаго до истерики въ экспедиціи штабную молодежь своимъ неистощимымъ балагурствомъ... „Quel beau jour“, безсознательно припѣвалъ онъ теперь, поводя моргающими глазами кругомъ себя. „Да, вотъ я ѣду, и она меня ждетъ, ждетъ счастіе... и я не жалѣю ни о чемъ“,—ни о чемъ, со страстною настойчивостью повторялъ онъ себѣ въ то же время: „*тамъ* Лизавета Ивановна, утѣшительница и совѣтчица, нойдутъ акаѳисты и молебны... все обойдется прекрасно... А вотъ тутъ сейчасъ, за этимъ проулкомъ... *она*, она съ ея золотисто-зелеными глазами, со всею этою прелестью дѣвственности и страсти... Ну да, жить, жить и еще жить,—кто въ правѣ отказать человѣку въ этомъ!“ внезапнымъ порывомъ, съ какою-то злостью противу чего-то, будто отрицавшаго это его „право“,

кось у него въ головѣ

Коляска остановилась. Онъ выскочилъ изъ нея на панель и, пробѣжавъ два шага, чуть не испуганно ухватился за ручку желѣзнаго замка тяжелыхъ дубовыхъ дверей стариннаго дома,— ему представилось, что онъ сейчасъ упадетъ.

Онъ оправился, усмѣхнулся. Дверь распахнулась предъ нимъ подъ рукой сѣдовласаго, сгорбленнаго служителя въ поношенномъ ливрейномъ фракѣ, стараго двороваго Остроженковъ, доживавшаго въ числѣ другихъ, пораспоряженію Бориса Васильевича, свой вѣкъ на пенсіи въ этомъ родовомъ обиталищѣ бывшихъ господъ своихъ.

Онъ низко и робко склонилъ голову предъ „новымъ бариномъ", котораго не зналъ въ лицо, но ждалъ второй день „съ минутки на минутку" по приказанію управляющаго домомъ, „поставившаго его за швейцара" на все это время.

Троекуровъ остановился въ сѣняхъ, ласково кивнулъ ему и спросилъ: дома-ли княжна Кира Никитишна Кубенская?

— Дома, батюшка-баринъ, дома, торопливо зашамкалъ на это старикъ,—и не выѣзжали никуда. Какъ изволили третьягось пріѣхать, такъ и не выѣзжали вовсе. И карета даже нанята была имъ на случай проѣздиться пожелаютъ, а только онѣ на то согласиться не изволили, отослать приказали, потому, изволили сказать, имъ никуда не нужно. И въ сей часъ дома, въ кабинетѣ барина... Акима Ивановича, покойнаго дяденьки вашего, Царство ему Небесное! не то вопросительно, не то жалостливо подымая глаза на Бориса Васильевича, протянулъ онъ:—въ кабинетѣ ихнемъ находиться изволятъ. Пожалуйте!..

И онъ побѣжалъ впередъ беззвучными и мелкими шажками въ глубь пространныхъ, полутемныхъ, съ низкимъ сводомъ, поддерживаемымъ шестью каменными столбами, сѣней, въ концѣ которыхъ подымалась широкая каменная лѣстница съ „вальяжными", рѣзанными изъ темнаго дуба перилами, ярко освѣщенная двумя высокими, выходившими на дворъ окнами, съ огромною въ простѣнкѣ ихъ старинною картиной въ почернѣлой золотой рамѣ, изображавшею судъ Миноса у вратъ Тартара... Чѣмъ-то зловѣщимъ и враждебнымъ ему, почуялось вдругъ Троекурову, вѣяло изъ каждаго угла этихъ массивныхъ

старыхъ стѣнъ, внутри которыхъ впервые ступалъ онъ ногой, нежданный наслѣдникъ наслѣдственныхъ недруговъ своихъ!..

А старый дворовый, останавливаясь и оглядываясь на него отъ времени до времени, продолжалъ бѣжать предъ нимъ, семеня ножками, по длинной анфиладѣ высокихъ и обширныхъ покоевъ, то отдѣланныхъ подъ порфиръ и мраморъ, то отянутыхъ тяжелымъ, поблекшимъ отъ времени ліонскимъ штофомъ, съ полуоблупившеюся позолотой старинной мебели, лѣпными карнизами и фамильными портретами Екатерининскихъ и Александровскихъ годовъ... Домъ къ пріѣзду княжны, во исполненіе приказанія Бориса Васильевича, былъ тщательно приведенъ въ порядокъ, окна вымыты дочиста, мебель до пылинки выбита на дворѣ, паркеты вывощены какъ зеркало. Но еще *суше*, еще мертвеннѣе будто казалась отъ этого его старомодная, величавая и угрюмая пышность. Запахъ щелочи и тлѣнія несся проницающей струей подъ его расписными плафонами; напудренные кавалеры и темноокія дамы съ розами на низко обнаженной груди съ какою-то высокомѣрно-насмѣшливою улыбкой глядѣли, казалось, на непрошеннаго потомка со своихъ свѣже-промытыхъ полотенъ... Жуткое, раздражающее ощущеніе все сильнѣе охватывало Троекурова...

Но вотъ старикъ-слуга остановился у одной двери, занесъ руку къ золоченному замку ея и, какъ бы спохватившись вдругъ, обернулся на него:

— Доложить прикажете? прошепталъ онъ какъ бы испуганно.

— Княжна одѣта? спросилъ на это машинально Борисъ Васильевичъ.

— Доподлинно этого доложить вамъ не могу, батюшка-баринъ, весь захлебываясь отъ почтительности, зашепталъ таинственно тотъ,—потому какъ самъ я къ нимъ званъ не былъ; а только что въ сей часъ Авдѣй-буфетчикъ имъ чай носилъ, и какъ дочь моя, Аксюшкой прозывается, теперича къ нимъ, къ ихъ сіятельству, княжнѣ, значитъ, за горничную приставлена, такъ отъ нея слышалъ я такъ, что онѣ еще въ девятомъ часу встать изволили; стало-быть въ сей часъ должны быть натурально въ своемъ видѣ...

— Хорошо, ступай! прервалъ его рацею баринъ.

Онъ подошелъ къ двери и постучалъ въ нее костяжками пальцевъ.

— Войдите, кто это? донесся сквозь нея голосъ Киры.

— Я! сказалъ онъ, широко растворяя дверь.

— Борисъ Васильевичъ! дрогнувшимъ голосомъ произнесла она...

Она стояла, только-что поднявшись съ мѣста, прямо къ нему лицомъ, за большимъ письменнымъ столомъ, въ глубинѣ пространной и на три четверти темной, съ завѣшенными вплотную окнами, комнатѣ. Только тамъ, рядомъ со столомъ, одна изъ половинокъ оконной занавѣси была откинута, и дневной свѣтъ горячимъ и косвеннымъ токомъ падалъ оттуда на ея изящный и взволнованный обликъ... Она глядѣла на входившаго съ замирающимъ дыханіемъ...

Онъ стремительно зашагалъ къ ней... и остановился какъ бы въ недоумѣніи. „Развѣ она не вскинется, не бросится ко мнѣ?“ пронеслось у него въ мысли:—такъ представлялъ онъ себѣ въ воображеніи до сихъ поръ эту первую минуту ихъ свиданія здѣсь...

Но она не двигалась. Неодолимое смущеніе очевидно превозмогало въ ней радость... Истерзанная, исколотая мукой сомнѣній и самоупрековъ, назойливо врывавшихся ей въ душу съ того вечера, въ саду, когда сказала она ему: „Пойду!“— она трепетно ждала той же минуты свиданія, чая „все забыть“, воскреснуть, вспорхнуть какъ птица къ обѣтованному счастью... И вотъ онъ тутъ, и ждетъ,—она понимаетъ это, видитъ,—а у нея словно крылья подрѣзали вдругъ, и на ногахъ гири, и голосъ замираетъ въ горлѣ отъ неотразимаго чувства какого-то „безсмысленнаго“ страха...

Онъ невольно на мигъ сдвинулъ брови, подошелъ и протянулъ ей руку чрезъ столъ:

— Здравствуйте!

Она дрожащими пальцами отвѣтила на его пожатіе, опустилась на мѣсто:

— Вы... сегодня пріѣхали?

— Да, полтора часа тому назадъ... Не было возможности

раньше выѣхать, какъ ни мучило меня, что вы здѣсь однѣ, скучаете...

— Нѣтъ, пролепетала она:—я нашла тутъ въ библіотекѣ интересныя книги...

И она чуть-чуть кивнула подбородкомъ на лежавшій предъ нею на столѣ старинный фоліантъ.

Троекуровъ сѣлъ насупротивъ ея, въ тѣнь, устремивъ на нее внимательно глаза.

Легкій румянецъ заалѣлъ на ея щекахъ, ноздри дрогнули; она чувствовала себя подъ властью этого зоркаго и жгучаго взгляда, и сердце ея учащенно билось, не то отъ счастія, не то отъ новой муки. „О, сколько любви",—просилось у нея на уста,—„сколько любви долженъ ты дать мнѣ, чтобы заглушить то, что выношу я изъ-за нея!"

Но она не выговорила этого громко, она спросила чуть не равнодушно:

— Что же, успѣли вы въ Петербургѣ?...

— Успѣлъ?... въ чемъ? повторилъ онъ, все также не отрываясь отъ нея взглядомъ.

— Вы поѣхали для Гриши Юшкова?..

— Ахъ, да, на счетъ этого! Успѣлъ, дѣло кончено: юношу выпустили.

— Слава Богу! воскликнула Кира:—и съ трудомъ добились?

„Развѣ объ этомъ, развѣ объ этомъ", проносилось опять въ головѣ Троекурова, „будемъ мы, я думалъ, говорить теперь съ нею!"...

— Не трудъ, а скука, отвѣтилъ онъ ей, приподнявъ плечи досадливымъ движеніемъ,—отвращеніе имѣть дѣло со всѣми этими людьми... Къ счастію, перебилъ онъ себя тутъ же,—пріѣхала Вѣра Ѳоминишна, мать Гриши... Я составилъ для нея всеподданнѣйшее письмо: въ немъ было сказано, что есть на самомъ дѣлѣ: что увѣчный отецъ отказывается просить за сына, преступнаго противъ своего Государя, но что онъ у нихъ одинъ, одна надежда ихъ старости, и что старикъ умретъ отъ горя въ случаѣ его осужденія...

Кира качнула одобрительно головой.

— И ему простили?

— Вышла резолюція, какую можно было ожидать отъ Того, къ Кому обращена была эта просьба...

— Что именно? заторопилась она спросить.

— „Отдать сына отцу-герою; его надзоръ—лучшая гарантія въ исправленіи заблудшаго молодаго человѣка“.

— Ахъ, какъ это хорошо! всплеснувъ руками, воскликнула дѣвушка.

Троекуровъ провелъ вдумчиво рукой по лицу:

— Да, въ другое время высоко бы цѣнили эту безконечную милость! какъ бы про себя процѣдилъ онъ.

Настала минута молчанія... Они подняли одновременно глаза другъ на друга—и разомъ опустили ихъ оба...

Онъ повелъ своими кругомъ.

— Неужели же, спросилъ онъ съ насилованною усмѣшкой,—домъ этотъ, по-вашему, недостаточно мраченъ, что вы сочли еще нужнымъ занавѣсить здѣсь всѣ окна?

— Напротивъ, возразила она,—я занавѣсила ихъ потому, что при большомъ свѣтѣ здѣсь кажется еще тоскливѣе и непривѣтливѣй. Это былъ кабинетъ самого старика, дяди вашего: все такъ и осталось, какъ было при немъ... Вы вѣдь впрочемъ ничего этого еще не видѣли...

И она, подойдя къ окну, потянула за снурокъ, раздергивавшій обѣ половинки его драпри:

— Подлѣ васъ виситъ такой же снурокъ,—дерните!

— Къ чему? поспѣшно вставая, воскликнулъ Троекуровъ:—ничего любопытнаго, ни радостнаго для меня въ этомъ домѣ быть не можетъ... Чѣмъ скорѣе,—произнесъ онъ зазвенѣвшимъ мгновенно голосомъ, подвигаясь къ ней мимо стола,—чѣмъ скорѣе выѣдемъ мы отсюда, Кира, тѣмъ счастливѣе я буду!

Она неожиданно вздрогнула, перемѣнилась въ лицѣ... „Какъ, вотъ, вотъ сейчасъ!..“ Ей стало страшно опять...

Промежъ широко-раздернутыхъ ею между тѣмъ занавѣсей окна сверкающая волна свѣта влилась плашмя въ комнату длиннымъ параллелограмомъ, ударяя въ противоположную стѣну, на которой висѣла большая, въ рамѣ, отянутая синимъ

сукномъ, доска съ навѣшенною по ней на мѣдныхъ гвоздикахъ коллекціей всякихъ акварельныхъ и фотографическихъ портретовъ.

— Старикъ, заговорила поспѣшно Кира, хватаясь за первый предлогъ отдалить хоть еще на мигъ неизбѣжно предстоящій между ними „настоящій разговоръ",—старикъ любилъ собирать портреты всѣхъ молодыхъ лицъ, какія онъ зналъ. Тутъ и мой между прочимъ я нашла, промолвила она, налаживаясь на улыбку и направляясь къ той стѣнѣ.

Троекуровъ послѣдовалъ за нею.

— Вотъ онъ! указала она, останавливаясь предъ доской:— онъ выпросилъ его, я помню, у тетушки Марьи Яковлевны, когда я къ ней пріѣхала изъ-за границы въ Москву, четыре года назадъ... Перемѣнилась я съ тѣхъ поръ? спросила она вдругъ неестественно веселымъ тономъ.

Эта искусственность раздражала его; онъ нервно закусилъ усъ:

— Не особенно! нехотя уронилъ онъ въ отвѣтъ ей.

Она быстро обернулась на него, вскинула глазами прямо ему въ лицо—и бѣлые, ровные зубы ея сверкнули, словно у молодаго волка, изъ-за дрогнувшихъ и раскрывшихся губъ:

— Тутъ есть еще другая, знакомая вамъ особа, какъ бы отчеканила она.

— Кто это? досадливо спросилъ онъ.

— Узнайте! И она устремила указательный палецъ на другой портретъ.

Онъ взглянулъ... Это была фотографическая карточка его жены, шестнадцатилѣтней Сашеньки — „дѣвочки" съ ея невинно-строгимъ выраженіемъ „волоокой Геры", съ густымъ вѣнцомъ темныхъ волосъ надъ античною, словно нѣжнѣйшимъ рѣзцомъ *пробранною* по мрамору головкой,—экземпляръ той самой карточки, которую Женни Карнаухова „подъ большимъ секретомъ" прислала ему, раненому, на Кавказъ, вслѣдъ за письмомъ, въ которомъ извѣщала его, что эта дѣвочка ходитъ каждый день тайкомъ съ няней, подъ предлогомъ прогулки, къ Спасскимъ воротамъ—ставить Спасителю свѣчку о его исцѣленіи... Онъ никакъ не ждалъ увидѣть это изобра-

женіе здѣсь, въ эту минуту!... Цѣлый міръ прошлаго,—цѣлый міръ чистыхъ, лучшихъ въ его жизни грезъ и помышленій мгновенно хлынулъ, будто внезапно прорвавшійся родникъ, и зажурчалъ въ душѣ его съ неотразимою силой. Онъ замѣтно смутился, вѣки его судорожно замигали...

Лицо Киры въ то же мгновеніе покрылось смертельною блѣдностью. Она неотступно глядѣла на него, — она все замѣтила, все поняла...

Она отошла къ столу и тихо опустилась въ кресло, нажимая ладонями глаза...

Онъ успѣлъ тѣмъ временемъ овладѣть собою, обернулся, увидѣлъ ее въ этомъ положеніи и кинулся къ ней:

— Что̀ съ вами, Кира, говорите... что̀ съ вами? допрашивалъ онъ, захватывая эти руки у кистей и силясь оторвать ихъ отъ ея лица.

— Оставьте, оставьте! шептала она обрывающимся голосомъ.

Онъ понялъ въ свою очередь, отступилъ недоумѣло и молча...

Она уронила руки, откинула назадъ голову:

— Что̀ я здѣсь дѣлаю, скажите, зачѣмъ я здѣсь? вырвалось у нея взрывомъ.

Онъ хотѣлъ отвѣтить. Она не дала ему на это времени:

— Развѣ я не видѣла сейчасъ, не прочла на лицѣ вашемъ? Вы ее любите еще: я это предчувствовала!..

— Послушайте, Кира, это ребячество! возразилъ онъ морщась:—да, я любилъ ее, я женился на ней потому, что любилъ... Не знаю, что̀ могли вы „прочесть на моемъ лицѣ“, но во всякомъ случаѣ это относилось къ прошлому, къ отжитому, къ чему возврата нѣтъ. Изъ-за чего же вы волнуетесь? Развѣ между вами и мной не все порѣшено еще, развѣ я не весь вашъ теперь?...

— Нѣтъ! рѣзко выговорила она:—вы говорили: „безъ сожалѣнія и раскаянія“. А вы въ этомъ сами не властны!...

— Я не ждалъ отъ васъ этихъ упрековъ, сказалъ онъ,— вы точно ссоры ищете...

— „Ссоры?“—горько повторила она:— знаете-ли вы, что

я не сплю, не ѣмъ съ той самой минуты... когда „все порѣшено“ было, какъ вы говорите!... Вы говорили о „правдѣ любви“,— и за этимъ словомъ я согласилась итти за вами... на все. Но *правда*-ли это дѣйствительно? Не проходило еще мгновенія съ той поры, чтобы не думала я мучительно объ этомъ... Я упорствовала, я хотѣла вѣрить: „правда“ эта, увѣряла я себя, выше совѣсти, выше терзаній ея... выше тѣхъ униженій, которыя вынесла я тамъ, прежде чѣмъ уѣхала...

— „Униженія“? Отъ кого?—вскрикнулъ онъ съ засверкавшими глазами.

— Не отъ нея, успокойтесь! Она, какъ всегда, чиста и великодушна, презрительно усмѣхнулась Кира,—такъ великодушна даже, что постаралась оправдать меня въ собственныхъ моихъ глазахъ.

И, вынувъ изъ кармана анонимное письмо, полученное Александрой Павловной и переданное, по ея приказанію, Анфисой княжнѣ въ минуту ея отъѣзда изъ Всесвятскаго, протянула его Троекурову:

— Прочтите!

Онъ развернулъ письмо... Первымъ дѣломъ кинулись ему въ глаза начертанныя спѣшною и дрожавшею рукой его жены слова: „Если и правда, не ты виновата“... Виноватымъ очевидно почитала она одного его... Его словно кто ножомъ въ грудь ударилъ: вся кровь отлила ему къ сердцу. Онъ быстро обернулся, какъ бы къ свѣту, чтобы не выдать опять Кирѣ своихъ ощущеній и принялся читать далѣе съ презрительнымъ выраженіемъ на побѣлѣвшихъ и присохшихъ губахъ...

— Мерзавецъ! — вскликнулъ онъ, дойдя до конца,—это Троженковъ сочинялъ, очевидно... Но... но какъ могъ онъ узнать... о нашемъ разговорѣ?...

— Не все-ли равно теперь?—повела она на это равнодушно плечомъ.

Онъ засмѣялся нежданно громкимъ,—слишкомъ громкимъ, чтобы быть вполнѣ искреннимъ,—смѣхомъ (и Кира поняла это):

— И къ лучшему! сказалъ онъ,—этотъ господинъ избавилъ насъ отъ всякихъ другихъ объясненій: всѣ путы порваны, мы свободны теперь.

— Свободны!... на что?—глухо проговорила она.

— Уѣхать прежде всего, уѣхать скорѣе!...

— И мучиться отъ этого, и страдать обоимъ?

— Кира, перестаньте! Это жестоко или безумно,—вы это должны понять!...

— Жестоко, да! Я говорила вамъ, я это предчувствовала... И вижу ясно теперь...

— Что вы видите! перебилъ онъ ее, волнуясь и блѣднѣя:— вы выискали какой-то дѣйствительно ребяческій предлогъ мучить и себя, и меня...

— Вы знаете сами, что это не ребячество!—пылко возразила она:—вы знаете, что я не торговалась: я прямо, не задумываясь, рѣшилась итти съ вами—на преступленіе. Я понимала, что это *преступленіе*, что гублю ее, лишаю ея дѣтей отца ихъ,— и все же согласилась... Я слѣпа была, я вѣрила, повторяю, въ эту силу, въ эту вашу „правду" любви, и что предъ нею должно потонуть все, все прошлое, и мое, и ваше, что съ него начнется новая, совсѣмъ новая жизнь... какъ вотъ послѣ смерти обѣщаютъ намъ,—и ничего уже въ этой жизни не будетъ, кромѣ той же любви всепоглащающей, исключающей все прежнее, все остальное...

— Вы не ошибаетесь, горячо воскликнулъ онъ:—эта новая жизнь ждетъ насъ, ждутъ золотые дни счастія!...

Она засмѣялась теперь въ свою очередь,—засмѣялась надрывающимъ смѣхомъ.

— Поклянитесь же мнѣ, попробуйте, — я вашей клятвѣ повѣрю, — что никогда не вспомните о *ней*, не пожалѣете о томъ, чѣмъ пожертвовали для меня!.. Развѣ вы рѣшитесь дать эту клятву?.. Вѣдь я видѣла сейчасъ, я нарочно подвела васъ къ ея портрету, весь день вчера соображала я это... Да и кто знаетъ, — какою-то странною нотой зазвенѣлъ вдругъ голосъ Киры, — вы, можетъ быть, сами показались бы мнѣ гадки, если бы въ сердцѣ вашемъ не осталось ничего къ ней. Вѣдь и она же любила... и давала вамъ счастіе—какое умѣла!.. А между тѣмъ—и прозрачныя ноздри ея надменно дрогнули,— а между тѣмъ я и съ мертвою не согласна была бы дѣлиться ни единымъ помысломъ того... кого я люблю!..

У Троекурова двоилось въ глазахъ. Никогда еще ея своеобразная красота и то внутреннее содержаніе, тотъ пылъ и цвѣтъ душевный, что̀ заключались въ ней, не представлялись ему въ такомъ обаяніи, какъ въ этотъ мигъ, когда, блѣдная какъ мраморъ, съ горящими страстною энергіей глазами, безпощадно разгоняла она этою нежданною горечью рѣчи марево чаемаго—давно-ли? — ими обоюднаго счастія. Соблазнъ этого счастія снова захватилъ и повлекъ его теперь. „Нѣтъ, что̀ бы ни было, ты моя, ты должна быть моею!“ неудержимо подымалось ему къ горлу... Онъ рванулся впередъ, простирая руки... и остановился, вздрогнувъ, предъ ея внезапно испуганнымъ движеніемъ, перемогая себя сверхестественнымъ усиліемъ и чувствуя, какъ краска мгновеннаго стыда выступала на его лицо... „Ашанинъ, *будка*“, гадливо пронеслось у него опять въ головѣ...

Она повела на него съ мѣста долгимъ, лихорадочно вопрошающимъ взглядомъ:

— Я знала, вы честный человѣкъ, проговорила она тяжело дыша,—вы не дадите обѣта, котораго сдержать не можете. Вы сами обманывались! ..

— Не знаю, отвѣтилъ онъ, садясь и судорожно проводя рукой по лицу:—я былъ искрененъ съ вами, Кира, и чувство мое къ вамъ заглушало во мнѣ всѣ иныя чувства и мысли,— это вѣрно! Я шелъ къ вамъ, отрѣшившись, казалось мнѣ, ото всѣхъ оковъ прошлаго. Вы сочли нужнымъ подвергнуть меня искушенію. Я не ждалъ... Оказывается дѣйствительно, что не все то легко порывается, что̀ хочешь, договорилъ онъ тихо.

Она глядѣла на него съ широко раскрытыми зрачками, съ высоко и неровно подымавшеюся грудью подъ темнымъ лифомъ ея платья.

Жилы на лбу Троекурова замѣтно натянулись. За страстнымъ порывомъ наступила борьба...

— Я сжегъ свои корабли, вы это знаете, заговорилъ онъ послѣ тяжкаго молчанія:—но для васъ этого недостаточно... Я не упрекаю васъ за это,—поспѣшно примолвилъ онъ, какъ бы предупреждая возможное возраженіе,—не въ вашей природѣ итти на компромиссы. Все, до невозможнаго, или ничего, —

девизъ вашъ... Но я смѣлъ думать, что вы будете великодушнѣе, добавилъ онъ съ чуть-чуть слышнымъ оттѣнкомъ желчи.

— Великодушнѣе?—повторила она, не понимая.

— Да, что вы не станете въ эту минуту предъявлять вексель на мою „честность“.

— А когда же, пылко всклинкнула она на это,—когда, по-вашему, слѣдовало бы мнѣ напомнить вамъ это? Когда сама дѣйствительность потребовала бы съ васъ уплаты и обратила бы для васъ любовь ко мнѣ въ тюрьму, изъ которой вы могли бы вырваться только чрезъ смерть мою или вашу. Потому что вы сочли бы своимъ долгомъ, я знаю, не покидать меня до смерти... а я, — я была бы уже не въ силахъ разстаться съ вами, хотя бы и видѣла, и чувствовала каждую минуту, какъ гложетъ вамъ сердце червь воспоминанія и сожалѣнія о прошломъ... Вы сейчасъ сказали сами, что „не все то легко порывается, что̀ хочешь“. А понимаете-ли вы, — возгласомъ отчаянія вырвалось изъ груди Киры,—что единственное право мое на васъ и единственное мое оправданіе въ собственныхъ глазахъ, это было бы убѣжденіе, что вы не знали счастія до сихъ поръ, что я, одна я, въ состояніи дать вамъ его... Я сказала вамъ сейчасъ, что, можетъ быть, я стала бы почитать васъ дурнымъ человѣкомъ, если-бъ у васъ ничего не осталось къ *ней* въ вашемъ седрцѣ. Я солгала!... Я, можетъ быть, говорила бы вамъ это вслухъ, но въ душѣ я боготворила бы васъ за это... Но вы не можете, не можете: призракъ все это было, одинъ призракъ!...

Троекурова точно повело всего внутренно. „Призракъ“! съ вѣскою отчетливостью отпечатывалось это слово въ его мозгу, будто въ первый разъ приходилось ему слышать его... „Призракъ... Но въ какую же игру тогда играли мы оба съ нею до этой минуты?“... И глухая, но уже раздражающая боль заколола у него въ груди: лицо приняло мгновенно холодное, чуть не злое выраженіе...

— Послушайте, Кира, сказалъ онъ, — другой на моемъ мѣстѣ обратилъ бы, можетъ быть, ваше же оружіе противъ васъ и сталъ бы вамъ доказывать, что любовь прежде всего не терпитъ условій и уговоровъ, что она, какъ отъ вѣка по-

ложено ей быть, искренна только тогда, когда *слѣпа*, что нѣтъ ея тамъ, гдѣ нѣтъ безспорнаго, неограниченнаго довѣрія къ любимому предмету, довѣрія, не допускающаго страховъ о будущемъ, ни еще менѣе безполезныхъ сѣтованій за прошлое. Онъ могъ бы легко, пожалуй, вывести изъ этого, что въ васъ самихъ лежитъ зародышъ тѣхъ недочетовъ, которые, въ вашемъ понятіи, происходятъ отъ недостаточности гарантій предлагаемаго вамъ счастія... Но я къ этому оружію прибѣгать не стану. Мнѣ всегда противно было соблазнять софизмами чужую совѣсть... Да и со своею не умѣлъ я это никогда дѣлать! безвольно вырвалось у него, подъ вліяніемъ той какой-то тяжкой работы, совершавшейся въ немъ внутренно...

— Для чего это вы мнѣ говорите? со внезапною тревогой обернулась на него Кира.

— Я думалъ, это ясно для васъ, — и въ голосѣ его послышалось нетерпѣніе:—мы, какъ сказочный царевичъ, стоимъ теперь на перепутьи, не зная, куда итти, вправо или влѣво, впередъ или назадъ. Но такъ оставаться нельзя. Я послѣ того, что̀ сказано вами, не почитаю себя въ правѣ заявлять свое слово. Выборъ зависитъ единственно отъ васъ. Рѣшайте.

Сердце страшно забилось у нея, руки похолодѣли, между тѣмъ какъ кровь горячею струей кидалась ей въ голову. „Что̀ же, кинуться къ нему, въ его объятія, сказать, *голосомъ выговорить:* я твоя, твоя безъ разсужденій, дѣлай со мной, что̀ хочешь!“ зазвенѣла нежданно въ ней какая-то мгновенная сила страсти.

Она опустила вѣки въ смятеніи, охватившемъ все ея существо...

Онъ молчалъ и ждалъ...

Она приподняла опять опущенныя зѣницы, пытливо, трепетно устремилась горящими зрачками въ его глаза... и дрогнула вдругъ и замертвѣла вся:

„Поздно слишкомъ!“ прочла она какъ въ книгѣ въ этихъ стальныхъ, въ этихъ „безпощадныхъ“ глазахъ:—самъ онъ ничего уже не *хотѣлъ* теперь...

Она на[illegible] въ *себѣ* силу устоять на ногахъ, улыбнуться...

Онъ всю жизнь свою потомъ не могъ забыть этой улыбки. Въ ней было все, примѣняя сюда слова поэта:

Любовь, страданье,
Упрекъ съ послѣднею мольбой,
И безнадежное прощанье—
Прощанье съ жизнью молодой *).

Но самъ онъ словно оледенѣлъ весь въ эту минуту, и ни единаго звука не исторглось изъ груди его въ отвѣтъ на ея муку.

Она сама одолѣла ее. Отвернувшіеся отъ него глаза ея устремились неопредѣленно въ глубь комнаты; дрожавшія губы сомкнулись въ тонкую, чуть намѣченную линію, какъ въ ликахъ святыхъ на картинахъ прерафаэлитовъ. Что-то суровобезучастное слагалось на ея блѣдномъ какъ саванъ лицѣ.

Такъ прошло нѣсколько мгновеній, томительныхъ какъ зрѣлище агоніи приговореннаго больнаго...

Она еще разъ чуть-чуть усмѣхнулась:

— Вы мнѣ позволите, произнесла она твердымъ голосомъ,—объ этомъ рѣшеніи моемъ извѣстить васъ не сейчасъ?

Онъ поклонился:

— Когда же прикажете явиться за нимъ?

— Неужели вы такъ любопытны? послѣднимъ, горькимъ взрывомъ уязвленнаго чувства вырвалось у нея. Но она тутъ же поборола это чувство, встала, протянула ему руку и проговорила кроткимъ, дружественнымъ тономъ:

— Я не заставлю васъ долго ждать, Борисъ Васильевичъ.

Онъ наклонился, коснулся губами ея безжизненныхъ какъ у мертвой пальцевъ, поднялъ голову съ замѣтнымъ намѣреніемъ что-то сказать ей... но не сказалъ ничего, глубоко поклонился еще разъ и тихо вышелъ изъ комнаты.

Холодная вся и недвижимая какъ истуканъ, долго глядѣла ему во слѣдъ Кира... „Все кончено“, безсознательно произнесла она вслухъ затѣмъ и опустилась опять на свое мѣсто предъ столомъ, роняя лицо на сложенныя руки.

---

*) *Лермонтовъ. Демонъ.*

„Что же теперь?“ спрашивала себя она... Слезы подступали ей къ горлу, но она плакать не могла. „Въ родѣ нашемъ не плачутъ“, вспомнились ей слова отца ея на одрѣ смерти и та надрывавшая ей сердце улыбка, которою пытался онъ при этомъ успокоить ея тревогу. И сама она при этомъ воспоминаніи пріосанилась вдругъ и обвела безпокойно кругомъ себя глазами, какъ бы испугавшись, чтобы чей-нибудь взглядъ не подсмотрѣлъ въ нихъ выраженія „слабости ея предъ горемъ“...

Преданія этого рода, честнаго рода ея, преданія нравственной *порядочности*, воспринятыя какъ бы съ молокомъ матери, воспитаніе въ дальнемъ краю, управляемомъ строгимъ отцомъ, говорившимъ: „Noblesse oblige et pouvoir aussi“, сиротство ея затѣмъ, страстные идеалы „служенія человѣчеству“, ея петербургская дворская жизнь... и *вдругъ это, это*—все разомъ поднялось и зазвенѣло въ ея душѣ, словно набѣгомъ вѣтра на натянутыхъ струнахъ эоловой арфы. „Все кончено“: преступныя надежды, блудящіе огни недостижимыхъ для нея радостей жизни... Ладья ея безъ кормила и весла набѣжала на утесъ и поглощена пучиной, сознавала она... Оставалось *душу живу* вынести изъ кипени водъ...

Глаза ея случайно остановились на открытой страницѣ развернутаго на столѣ фоліанта, который она, въ ожиданіи Троекурова, вынесла изъ библіотеки старика Остроженка, привлеченная въ ту минуту его древнимъ, пергаментнымъ переплетомъ гораздо болѣе, чѣмъ самимъ заглавіемъ. Это было изданіе XVII вѣка *Подражанія Христу*, съ французскимъ въ стихахъ переводомъ en regard Корнеля, автора *Сида* и *Les Horaces*... *„Ama nesciri et pro nihilo reputari“* *), прочла она, побѣжала безсознательно взглядомъ къ соотвѣтствовавшему французскому тексту... и вздрогнула вдругъ вся, какъ бы отъ вѣянія чьего-то таинственнаго и живительнаго дуновенія...

---

*) Возлюби невѣданнымъ быть и слыть за ничто.

XI.

Напрасно вы бесѣдою шутливой
Мой тяжкій сонъ хотите перервать!
Пушкинъ.

Твоей душѣ покорность не возможна,
Она болитъ и рвется на просторъ.
Гр. А. Толстой.

„Призракъ, да, призракъ!“ повторялъ мысленно Троекуровъ, спускаясь по лѣстницѣ въ мрачныя сѣни дома, — „не любовь у нея, не увлеченіе, а все то же болѣзненное исканіе, зудъ безпокойнаго ума, рвущагося за предѣлы возможнаго... А я?“... Онъ не договаривалъ... На душѣ его было темно и трудно, и онъ какъ бы боялся разобраться въ наводнявшихъ ее ощущеніяхъ. Ему хотѣлось отбиться отъ нихъ, отогнать, разсѣяться какимъ-нибудь внѣшнимъ, постороннимъ занятіемъ... Онъ вспомнилъ о своей конторѣ, помѣщавшейся тутъ же рядомъ, на Покровкѣ, и, выйдя на улицу, направился туда.

Контора состояла изъ трехъ комнатъ, изъ которыхъ первая служила пріемною, вторая—„канцеляріей“, а третья, маленькая, выходившая на дворъ, съ покойною мебелью, несгараемымъ шкапомъ для храненія денегъ и письменнымъ столомъ, служила рабочимъ кабинетомъ Троекурову, когда онъ пріѣзжалъ по дѣламъ въ Москву.

Онъ вошелъ, засталъ конторщика и двухъ его писцовъ за счетами и, пройдя въ этотъ свой кабинетецъ, потребовалъ полугодовой отчетъ по сахарному заводу „съ докум

Онъ разсчитывалъ, что ему за этимъ „часа на два работы хватитъ“, и, потребовавъ какихъ-то предварительныхъ свѣдѣній отъ конторщика, выслалъ его затѣмъ изъ комнаты и погрузился въ дѣло съ карандашомъ въ рукѣ.

Ему приходилось перелистать и провѣрить страницъ пятнадцать всякихъ *статей*, исписанныхъ колоннами цифръ, но онъ не былъ въ силахъ одолѣть и одной. Цифры прыгали и путались предъ его усталыми глазами. Нервы, чрезмѣрно натянутые безсонницей и прожитыми имъ сейчасъ ощущеніями, отказывались повиноваться ему. Имъ овладѣвала неодолимая дремота. Онъ безотчетно откинулъ голову въ спинку стариннаго кресла, на которомъ сидѣлъ предъ столомъ, и тутъ же заснулъ.

Такъ прошло довольно долго времени.

Но вотъ, еще сквозь сонъ, изъ-за не совсѣмъ примкнутой двери въ „канцелярію“ донесся до него полушепчущій говоръ двухъ голосовъ:

— Къ Ахенбаху поздно, говорилъ конторщикъ:—шестой часъ въ началѣ, конторы всѣ заперты.

— Онѣ безпремѣнно просили, чтобы сегодня же, возражалъ другой кто-то,—а не то, такъ золотомъ получить, все равно.

— Это можно; мѣнялы во всякій часъ сидятъ...

— Такъ ужь потрудитесь, Иванъ Никитичъ, скорѣе. Очень просили онѣ.

Троекуровъ узналъ голосъ управляющаго его домомъ,—и открылъ глаза, прислушиваясь...

— Съ моимъ удовольствіемъ, говорилъ конторщикъ:—только вотъ какъ бы, шкапъ отворямши, барина не потревожить: започивали никакъ...

— Никитинъ! громко позвалъ его Борисъ Васильевичъ:— о чемъ у васъ тутъ!

— Изъ дому, вотъ, господинъ Пазухинъ пришли, доложилъ тотъ, появляясь въ дверяхъ,—отъ княжны Киры Никитишны съ порученіемъ.

— Что̀ такое? На счетъ какихъ-то денегъ, я слышалъ...

— Точно такъ-съ! У насъ въ кассѣ денегъ ихнихъ,

полученныхъ мною, по довѣренности ихъ, изъ казначейства, 1.600 рублей лежатъ. Такъ онѣ просятъ, чтобъ эти деньги перевести траттою на Женеву или Ліонъ, а то такъ золотомъ...

— Да, перебилъ его, кивая, Троекуровъ,—знаю... Такъ вы, пожалуйста, устройте это ей скорѣе!...

И пока тотъ, поспѣшно подбѣжавъ къ письменному столу, вынималъ изъ потайнаго ящика хранившійся тамъ ключъ отъ несгораемаго шкапа, онъ подвинулся къ столу, подкинулъ себѣ тетрадку почтовой бумаги и, обращаясь къ управляющему:

— Я сейчасъ напишу два слова княжнѣ, промолвилъ онъ, мокая перо въ чернильницу лѣнивымъ какъ бы жестомъ;— отнесите и спросите, будетъ-ли отвѣтъ?

— Слушаю-съ!...

„Я узналъ, что вы собираетесь уѣзжать, писалъ Троекуровъ,—угодно-ли вамъ будетъ видѣть меня предъ этимъ?“

Онъ запечаталъ записку, надписалъ на обложкѣ короткій адресъ: „Княжнѣ“ и отдалъ ее Пазухину.

Минутъ черезъ десять тотъ вернулся съ отвѣтомъ:

— Княжна приказала сказать, что онѣ напишутъ и пришлютъ въ контору для доставленія вамъ.

— Хорошо! кивнулъ Борисъ Васильевичъ.— Такъ когда получите, принесите ко мнѣ, къ Шевріе; я тамъ обѣдать буду, наказалъ онъ конторщику и, сдавъ ему обратно бумаги по заводу, велѣлъ подавать коляску и уѣхалъ.

Погода перемѣнилась тѣмъ временемъ. Задулъ холодный вѣтеръ, небо заволоклось тучами. Обѣденное время разогнало гуляющихъ съ Кузнецкаго Моста. Все словно посѣрѣло и закисло кругомъ... „А давно-ли проѣзжалъ я здѣсь и напѣвалъ:

„Quel beau jour,
Quel beau jour pour les amoureux?“

пронеслось въ памяти Троекурова...

— Троекуровъ, здравствуй, давно пріѣхалъ? послышался ему голосъ изъ обгоняющей его коляски.

Онъ обернулся.

Въ коляскѣ сидѣлъ Фифенька Веретеньевъ, въ лиловомъ галстукѣ и шляпѣ набекрень, и весело кричалъ ему, присвистывая въ пустое отверстіе недостававшихъ ему спереди зубовъ:

— Ты въ клубъ?

— Нѣтъ! коротко отрѣзалъ онъ въ отвѣтъ.

— Пріѣзжай, я тебя сейчасъ запишу; тамъ сегодня уха! крикнулъ еще разъ Фифенька и промчался мимо.

Троекуровъ велѣлъ кучеру своему остановиться у ресторана Шевріе, вошелъ туда, спросилъ карту и, усѣвшись въ углу за столикъ, долго разглядывалъ ее, какъ бы не зная, на чемъ остановиться, и наконецъ, къ нѣкоторому удивленію почтительно выжидавшаго его приказанія офиціанта-Татарина, кинулъ карту на столъ и проговорилъ сквозь зубы:

— Все равно, подай чего-нибудь!...

— Слушаю-съ... Вина какого прикажете?

— Вина?... повторилъ онъ, разсѣянно глядя на спрашивавшаго.

— Хозяинъ на дняхъ отличную партію бургонскаго получили, ваше сіятельство, прошепталъ, наклоняясь къ нему, тотъ, будто съ намѣреніемъ сообщить ему государственную тайну,— Шамбертень великолѣпнѣйшій!

— Хорошо, подай!...

Ѣда не шла въ горло Борису Васильевичу. Онъ отсылалъ, едва отвѣдавъ, подававшіяся ему блюда и морщился, словно принявъ лѣкарство, вслѣдъ за каждымъ проглоченнымъ кускомъ. Но предложенную бутылку Шамбертеня онъ выпилъ до дна и за послѣднимъ глоткомъ всталъ и отправился въ въ свой нумеръ.

— Письма есть? коротко спросилъ онъ вышедшаго ему навстрѣчу Матвѣя.

— Никакъ нѣтъ! отвѣтилъ тотъ, принимая шляпу и перчатки барина.

— „Il faut pourtant en avoir le coeur net“, сказалъ себѣ мысленно и почему-то по-французски Троекуровъ, опускаясь на диванъ.

Онъ скользнулъ взглядомъ по лицу своего слуги, зѣвнулъ:

— Княжна Кира Никитишна здѣсь, остановилась въ Покровскомъ домѣ; она собирается уѣзжать, неопрѣделенно проговорилъ онъ; — ты сходишь къ ней, скажешь, что я тебя прислалъ, не будетъ-ли какихъ приказаній... и все исполнишь, если что ей нужно... А какой отвѣтъ будетъ, придешь мнѣ сказать.

— Слушаю-съ. Сейчасъ прикажете?

— Само собою!....

— Вы изволите теперечa дома оставаться? осторожно спросилъ Матвѣй, зная, что баринъ „вообще не терпятъ, чтобъ ихъ спрашивали“.

Баринъ оглянулся, подумалъ...

— Я, можетъ быть, въ клубъ уѣду, въ Англійскій... Ты туда приди съ отвѣтомъ.

— Слушаю-съ!

Онъ отправился. Борисъ Васильевичъ остался одинъ. Онъ растянулся на диванѣ, прижмурилъ глаза и долго оставался такъ, погруженный въ глубокое внутреннее размышленіе.

На дворѣ наступали сумерки; полумракъ обымалъ уже углы комнаты... Троекуровъ поднялся, прошелся раза два мимо оконъ, надѣлъ шляпу, машинально взглянувъ на себя при этомъ въ зеркало, вышелъ и, кликнувъ свою коляску, велѣлъ везти себя въ Англійскій клубъ.

Тамъ, въ билліардной, прямо противъ двери, въ углу, за ломбернымъ столомъ сидѣли Фифенька Веретеньевъ, пріятель его, первый по Москвѣ игрокъ въ коммерческія игры, monsieur Lecourt, пріѣзжій изъ Петербурга Чижевскій, и такой же пріѣзжій гвардейскій гусаръ съ необыкновенно красными и толстыми губами. Они рѣзались въ преферансъ „по маленькой“. Подлѣ нихъ, на особомъ столикѣ, стояла въ холодильникѣ бутылка шампанскаго... Въ этой, извѣстной во всемъ клубѣ, „Лекуровской компаніи“ такихъ бутылокъ до перваго штрафа выпивалось играющими иногда до пятнадцати. Онѣ записывались за каждымъ, поочереди, ставившимъ ремизъ, опорожнялись и замѣнялись новыми съ неимовѣрной быстротой.

— Спасибо! кивнулъ, подходя, Троекуровъ Фифенькѣ, за-

писавшему его, подалъ руку знакомымъ и опустился подлѣ него на диванъ.

— Человѣкъ, стаканъ!... Выпьешь? спросилъ его тотъ.

— Не буду, нѣтъ!...

— Жизнь — есть пиръ! съ покатистымъ смѣхомъ проговорилъ, на манеръ лозунга, останавливаясь у стола, Мишка Тарановъ, остроумецъ и толстякъ, самъ уже нѣсколько лѣтъ промѣнявшій былое *жуирство* на отчаянные споры о „матерьяхъ важныхъ“ въ „чернокнижной“.

Онъ подмигнулъ сквозь очки на играющихъ, дружески потряхивая между тѣмъ руку Троекурова.

— Пиръ, пиръ! съ хохотомъ подтвердилъ monsieur Lecourt, бѣлокурый весельчакъ съ выбритымъ начисто и оплывшимъ лицомъ. А вотъ тебѣ и карамболь по красному, съ тѣмъ же смѣхомъ отнесся онъ къ гусару, объявившему семь въ червяхъ, и показалъ ему свои карты:—дама самъ третей, тузъ и фуршетка козырей, ставь ремизъ! Я, братъ, строгъ, но справедливъ... Слѣдующая бутылка за тобой!...

Гусаръ, уже на половину *готовый*, мотнулъ головой въ знакъ согласія, выписалъ надъ чертой пульки исполинскую цифру 20, причемъ мѣлокъ разлетѣлся въ куски подъ его здоровыми пальцами, и запѣлъ вполголоса:

А кокетка,
Какъ ракетка,
Въ мигъ взовьется, заблеститъ...
— Ахъ, морозъ-морозецъ,
Молодецъ ты русскій,

проречитативилъ въ свою очередь, сдавая карты, Lecourt: — ты бы вотъ послушалъ, какъ это Маня поетъ; косточки всѣ пробираетъ, чертовка...

— Поѣдемъ отсюда къ нимъ! поспѣшно предложилъ молодой воинъ.

— Дѣло! Чижевскій, ѣдемъ?

— Охотно; я давно Цыганъ не слыхалъ.

— Фифа, и ты?

— Не могу. У меня сегодня soirée comme il faut.

— У кого это, кого плѣнять собою будешь, Фифочка ты моя забубенная?

— У купца Подсолнухина, на Пятницкой, по случаю бракосочетанія *ихъ* съ дѣвицей Сыроѣшкиной, балъ съ угощеніемъ и avec le оркестръ Сакса, присвистнулъ Веретеньевъ и подмигнулъ:—*sans* (то-есть безъ этого), говорю ему, я дирижировать не могу.

Вся кампанія залилась смѣхомъ.

— А avec, спросилъ Тарановъ,—сколько ты у него призанялъ?

Фифенька скорчилъ жалобную гримасу:

— Вздоръ самый! Пятьсотъ всего, и то подъ вексель далъ, аршинникъ!...

— Э, братъ, какъ ты съ цѣны съѣхалъ! протянулъ Лекуръ, высовывая языкъ: — въ распродажу видно товаръ пошелъ.

Всѣ расхохотались опять.

— И вотъ какъ видишь, громко сказалъ Тарановъ, обращаясь къ Троекурову,—это у нихъ 365 дней подъ рядъ въ году, и десять лѣтъ кряду,—та же гульба и пѣсня идетъ:

Nous n'avons qu'un temps à vivre,
Amis, passons le gaiement?...

— Вѣрно! крикнулъ Лекуръ, опорожняя вино, остававшееся въ стоявшемъ подлѣ него стаканѣ, и поднялъ его надъ головой:—*дю шампань, жюска ла моръ!*

— Не зайдешь *къ намъ?*—шепнулъ Троекурову Тарановъ, разумѣя „чернокнижную“.

Это была въ тѣ дни узенькая, въ одно окно, съ единственнымъ диваномъ и тремя, четырьмя покойными креслами комната, рядомъ съ „читальною“, куда собирались клубные „мудрецы“, какъ утверждала Лекуровская кампанія, „Европу дѣлить“. Не многочисленно, но необыкновенно задорно было собиравшееся тамъ каждый вечеръ общество; гулъ споровъ, перемежаемый взрывами хохота, вызываемаго забавными анекдотами, главнымъ поставщикомъ которыхъ былъ тотъ же Тарановъ, стоялъ неумолчно въ ней, какъ дымъ в избѣ.

Тамъ уже „шли дебаты“ (все о томъ же „европейскомъ парламентѣ“, о которомъ до пѣны у рта происходили здѣсь словоизверженія каждый вечеръ,), когда пріятели вошли туда. Собралось уже человѣкъ пять. Противъ „радикала“ Сильванскаго выступалъ со ссылками на Гнейста Иванъ Алексѣевичъ Готовкинъ, почитавшійся предсѣдателемъ „чернокнижной“, бывалый, начитанный человѣкъ и кровный „тори“ по убѣжденіямъ.

Тарановъ, еще съ порога, такъ и ринулся въ преніе (шло дѣло о положеніи крестьянъ на Западѣ):

— Въ министерство 30 марта, загудѣлъ онъ своимъ зычнымъ голосомъ,—вопросъ о коммунальномъ устройствѣ...

— Позвольте,—прервалъ его озадаченный Сильванскій,— что это за министерство 30 марта?

— Второе министерство Тьера въ 1838 г., съ Odillon Barrot и Duvergier de Hauranne, слѣдовавшее за министерствомъ 2 февраля 1834 г. Гизо и Моле (онъ зналъ наизусть даты и составъ всѣхъ безчисленно смѣнявшихся министерствъ іюльской монархіи), когда оппозиція...

— „Шумимъ, братецъ, шумимъ“, перебилъ его опять выступившій тѣмъ временемъ изъ читальной и остановившійся въ дверяхъ высокій и полный джентльменъ, съ нѣсколько какъ бы надменно откинутою назадъ головой и большими пальцами рукъ, засунутыми за рукавныя прорѣзи жилета. Это былъ извѣстный своими художественно бойкими эпиграммами, дружбой съ Пушкинымъ и напускною безцеремонностью пріемовъ, библіофилъ Горностаевъ.—А наставленіе самаго умнаго человѣка у Грибоѣдова забыли? иронически спросилъ онъ.

— Кто этотъ „самый умный человѣкъ“?

— Само собою, Скалозубъ!—отвѣтилъ онъ авторитетнымъ тономъ:

Ученостью меня не обморочишь!
Скликай другихъ, а если хочешь,
Я князь-Григорію и вамъ
Фельдфебеля въ Волтеры дамъ...
— Онъ въ три шеренги васъ построитъ,
А пикнете, такъ мигомъ успокоитъ,

подхватилъ съ хохотомъ Тарановъ; — покорнѣйше благодаримъ,— nous sortons d'en prendre!

Намекъ этотъ имѣлъ огромный успѣхъ: вся „чернокнижная“ покатилась сочувственнымъ смѣхомъ.

— А вы меня, Иванъ Алексѣевичъ, нисколько не убѣдили вашимъ Гнейстомъ, — обратился къ Готовкину Сильванскій, возвращаясь къ первоначальному мотиву ихъ спора;—нѣтъ неопровержимой книги, во-первыхъ; книга затѣмъ можетъ содержать много болѣе или менѣе интересныхъ фактовъ, но по заключающемуся въ ней внутренно смыслу оказаться пустою.

Онъ не успѣлъ досказать свою мысль.

Горностаевъ, стоя все такъ же въ дверяхъ и не вынимая пальцевъ изъ прорѣзей жилета, нежданно возгласилъ басистымъ своимъ голосомъ, предъ вѣскою звонкостью котораго голосъ Тарановa могъ бы быть почитаемъ пискомъ младенца:

— Жилъ въ Вѣнѣ нѣкто Лихтенталь, остроумный человѣкъ, и—что̀ не одно и то же, замѣтьте!—писавшій остроумныя,—у насъ, разумѣется, совсѣмъ неизвѣстныя,—вещи. А между прочимъ слѣдующее: „Wenn ein Buch und ein Kopf zusammenstossen, und es klingt hohl,—ist das nicht immer im Buche“... *).

Послѣдовалъ новый взрывъ смѣха. Сильванскій, съ краской въ лицѣ, быстро поднялъ глаза на говорившаго, но тотъ, спокойно и величественно повернувшись на каблукахъ, уже направлялся опять въ читальную.

— Горностаевъ, погоди!—остановилъ его Тарановъ:—сегодня я совершенно нечаянно въ одной французской книгѣ напалъ на недурное размышленіе: „La presse quotidienne finira par appauvrir l'intelligence humaine, comme les mines du Mexique ont appauvri l'Espagne“. Аппробуешь?

Горностаевъ повелъ одобрительно подбородкомъ:

— У меня украдено. Я еще двадцать лѣтъ тому назадъ доказывалъ Мериме,—который, впрочемъ, совершенно согласенъ былъ въ этомъ со мною,—что міръ видимо глупѣетъ по

*) Когда книга и голова пришли въ столкновеніе и раздается затѣмъ *пустой* звонъ, то это не всегда въ книгѣ.

мѣрѣ увеличенія въ немъ чтенія газетъ... Я бы ихъ въ Россіи запретилъ всѣ до одной, за исключеніемъ офиціальной „Сѣверной Почты“.

Онъ повернулся еще разъ и исчезъ за дверью.

Въ ней въ ту же минуту показался одинъ изъ клубныхъ служителей. Онъ подошелъ къ Троекурову, безмолвно усѣвшемуся на диванъ и безучастно прислушивавшемуся къ предыдущему разговору, и доложилъ ему, что его спрашиваетъ его человѣкъ.

Тотъ поднялся съ мѣста и прошелъ въ переднюю.

Матвѣй, едва завидѣвъ барина, быстро пошелъ ему навстрѣчу.

— Княжна изволили уѣхать въ Петербургъ, почтительно и какъ бы таинственно прошепталъ онъ.

Троекуровъ сдержалъ готовый вырваться у него возгласъ и взглянулъ на него строго вопрошающими глазами. „Я вотъ тебя выгоню сейчасъ за это шептаніе!“ прочелъ въ нихъ не въ мѣру прыткій и усердный малый, внезапно блѣднѣя.

— Ты видѣлъ княжну предъ отъѣздомъ или нѣтъ? обрывисто и громко спросилъ его чрезъ мигъ Борисъ Васильевичъ.

— Видѣлъ-съ, какъ же! Онѣ, когда я прибылъ, въ Донскомъ монастырѣ изволили еще быть: ко князю, батюшкѣ ихнему, на могилу ѣздили, сказывали въ домѣ люди. Вернулись онѣ въ восьмомъ часу въ началѣ. Чемоданы и прочее, все это у нихъ въ акуратѣ въ сѣняхъ готово было; вышли изъ кареты, изволили приказать, что̀ куда поставить. „Сейчасъ, говорятъ, я и на желѣзную дорогу“. Я тутъ и доложилъ имъ отъ васъ, какъ изволили приказывать. „Очень, говорятъ, благодари Бориса Васильевича и скажи отъ меня извиненіе, что никакъ не успѣла написать имъ сегодня, а что какъ только прибуду въ Петербургъ, такъ непремѣнно напишу“. Очень онѣ спѣшили, чтобы не опоздать на поѣздъ; сѣли сейчасъ и поѣхали.

— Съ горничной?

— Однѣ-съ. Горничную Матрену, что̀ у нихъ во Всесвятскомъ служила, онѣ, сказывалъ мнѣ управитель, какъ пріѣхали сюда, разсчитали въ тотъ же день и отпустили, а за-

мѣсто ея въ прислужницахъ была у нихъ здѣсь одна взята изъ дома дѣвушка.

— Знаю, перебилъ его баринъ;—можешь итти!..

Онъ, теребя усы, съ нервно помаргивавшими вѣками, медленно зашагалъ обратно вдоль по длинной полосѣ ковра, тянувшагося по пространной анфиладѣ клубныхъ комнатъ. На душѣ его заныла опять раздражающая боль...

— Троекуровъ, не хочешь-ли на мое мѣсто? Лекуръ взлупилъ меня до живаго мяса. Баста! А тебя, Креза, распатронить и самъ Богъ велѣлъ, продолжалъ Фифенька, когда тотъ поравнялся съ ихъ столомъ.

— Спасибо!.. Играть, такъ ужь не въ это! отвѣтилъ сквозь зубы Троекуровъ.

— А хочешь въ *настоящую*,—поспѣшилъ заговорить Лекуръ,—пожалуй въ „инфернальную". Занесухинъ тамъ, и противъ него компанія на паяхъ собирается; тебѣ очень рады будутъ...

— Нѣтъ, въ компаніи я играть не стану.

— А коли одинъ на одинъ, такъ тѣмъ ему пріятнѣе, обяжешь!.. Пойдемъ, я сейчасъ тебѣ это устрою.

Троекуровъ кивнулъ и пошелъ за нимъ.

Толстогубый гусаръ мотнулъ головой ему вслѣдъ и подмигнулъ Веретеньеву:

— Былъ матадоръ въ свое время! Бачманову разъ въ одну ночь девяноста тысячъ проигралъ на дамѣ трефъ,—рутерки держался... Давно впрочемъ этому. Какъ женился, говорятъ, зарекался играть. А сегодня проняло, видно, опять?

Фифенька хихикнулъ:

— Qui buvé buvra! — проговорилъ онъ сентенціозно на своемъ французскомъ языкѣ испанской коровы.

Безногій генералъ Занесухинъ въ теченіе уже долгихъ лѣтъ состоялъ однимъ изъ крупнѣйшихъ игроковъ обѣихъ россійскихъ столицъ. Онъ занималъ по своему служебному положенію и случайной женитьбѣ на особѣ знатнаго и богатаго рода видное мѣсто въ Петербургѣ, гдѣ и пребывалъ обыкновенно, наѣзжая въ Москву раза два въ годъ по старой привычкѣ, въ виду все тѣхъ же игорныхъ цѣлей, хотя и вино-

силъ оттуда съ каждымъ годомъ все болѣе крѣпнувшее въ немъ и весьма для него тяжелое убѣжденіе, что „въ Москвѣ перевелись деньги“...

„Бывшіе богатыри“ зеленаго поля, золотые годы игры до десяти часовъ слѣдующаго утра и тысячныхъ штрафовъ,—все это въ Москвѣ дѣйствительно отходило давно уже въ царство тѣней, обращалось въ легенду. Въ „инфернальную“ Англійскаго клуба, полную незабвенныхъ воспоминаній о проигранныхъ въ ней баснословныхъ „кушахъ“ и „спущенныхъ“ крѣпостныхъ „душахъ“, вслѣдъ за 19 февраля дерзко

„Лѣзли изъ щелей
Мошки да букашки“,

„каротёры, пробавлявшіеся копѣечки по три point въ „пикетецъ“... Паденіе очевидно не могло итти далѣе.

Такъ, или весьма близко къ тому, разсуждалъ теперь генералъ Занесухинъ, „сей остальной изъ стаи славной“, сидя угрюмо и одиноко на диванѣ, въ ожиданіи конца переговоровъ собиравшейся выступать противъ него компаніи пайщиковъ. Онъ не то презрительно, не то нетерпѣливо поглядывалъ на уголъ, въ которомъ происходило ихъ совѣщаніе, позѣвывая и потирая рукой чрезъ сукно разчесавшуюся оконечность отрѣзанной подъ колѣнкой ноги своей.

Услыхавъ отъ Лекура о неожиданномъ ратоборцѣ въ лицѣ Троекурова, генералъ просіялъ весь отъ удовольствія. Онъ зналъ о его прошломъ, зналъ и его теперешнія средства, какъ зналъ вообще до копѣйки, *сколько* каждый играющій въ Россіи человѣкъ могъ ему проиграть... „Тутъ очевидно“, тотчасъ же сообразилъ онъ,—„при случаѣ можетъ до сотней тысячъ дойти“...

Онъ поспѣшно даже съ мѣста всталъ навстрѣчу Борису Васильевичу, протягивая ему руку, говоря, что онъ помнитъ его еще „съ пажей, что онъ „и съ батюшкой, хе, хе, игрывалъ въ старыя времена“, и что онъ радъ, очень радъ...

— Вы какъ же, спросилъ онъ тутъ же,—съ этими господами въ долѣ, или...

— Нѣтъ, заявилъ Борисъ Васильевичъ,—играю я всегда одинъ, à mes risques et périls, и если эти господа позволятъ...

— Сдѣлайте милость, мы отступаемся, рѣшила *компанія*, которую Зенесухинъ „наказалъ“ наканунѣ тысячи на три.

— Такъ пойдемте! сказалъ тотъ, направляясь къ столу въ углу комнаты.

Онъ усѣлся въ самомъ этомъ углу, спиною и лѣвымъ бокомъ къ стѣнкѣ. Къ правой сторонѣ его, согласно давно заведенному имъ и вездѣ, гдѣ онъ игралъ, извѣстному обычаю, приставлена была слугами ширма, для воспрепятствованія любопытнымъ глядѣть въ его карты и съ этой стороны.

— Почемъ? коротко спросилъ онъ.

— Почемъ хотите! небрежно отвѣтилъ Троекуровъ, за стуломъ котораго тотчасъ же столпилась галлерея.

— Рубль point, pour commencer, по десяти тузъ, и сто— комплектъ фигуръ? Обыкновенная, промолвилъ онъ, какъ бы не сомнѣваясь, что садящійся съ нимъ играть не могъ не вѣдать его „обыкновенной“ цѣны.

Борисъ Васильевичъ кивнулъ въ знакъ согласія.

Занесухинъ пододвинулъ ему одну изъ колодъ, лежавшихъ на столѣ, и самъ распечаталъ другую...

XII.

Сила въ немощи совершается.
Ап. Павелъ, 2 *Коринѳ*. XIII. 9.

Не даромъ ты металась и кипѣла,
Развитіемъ спѣша,
Свой подвигъ ты свершила прежде тѣла,
Безумная душа!
Баратынскій.

Три вечера сряду (вѣрнѣе, три ночи: они послѣ клуба отправлялись доигрывать въ гостиницу Шевалдышева, гдѣ остановился генералъ,) игралъ съ Занесухинымъ Троекуровъ. Онъ былъ уже въ проигрышѣ тысячъ пятнадцать... Игра нисколько не увлекала его, не портила ему крови, не обостряла нервовъ. Онъ искалъ въ ней лишь разсѣянія и физическаго утомленія,—и достигалъ этого. Онъ возвращался часу въ шестомъ въ свой нумеръ, ложился въ постель и засыпалъ тутъ же какъ убитый. Начинавшееся для него не ранѣе полудня *утро* убивалъ онъ кое-какъ за чтеніемъ газетъ, или отправлялсь безцѣльно бродить по московскимъ бульварамъ и невѣдомымъ проулкамъ, ѣхалъ затѣмъ обѣдать въ клубъ, а въ урочный часъ садился опять въ томъ же углу „инфернальной" противъ своего безногаго, желтаго какъ мумія противника, съ автоматичностью куклы безмолвно выкидывавшаго карты изъ своихъ старческихъ, чуть-чуть дрожавшихъ рукъ... „Животная жизнь!" прорывалось у него порою въ мысли съ какою-то внезапною потребностью и радостью самообличенія, съ мучительными проблесками воспоминаній о своей „той", иной жизни...

Но онъ упорно отгонялъ эти помыслы, какъ бы признавая ихъ *пока* еще ненужными; онъ чего-то ждалъ,—послѣ чего онъ „займется собою“, говорилъ онъ себѣ, кривя иронически губы.

Онъ ждалъ письма отъ Киры,—онъ не сомнѣвался, что получитъ его:—оно должно было окончательно „уяснить все“...

Оно пришло наконецъ. Матвѣй подалъ его барину вмѣстѣ съ первымъ стаканомъ утренняго чая... Троекуровъ взглянулъ на адресъ, узналъ руку и, не вскрывая обложки, отложилъ его на столъ.

Онъ принялся за чтеніе его, лишь когда остался одинъ въ комнатѣ...

Мы позволимъ себѣ передать письмо это читателю съ полною точностью въ его торопливомъ, не совсѣмъ связномъ изложеніи, со всѣми его по-женски подчеркнутыми или недописанными словами:

„Я сегодня пріѣхала сюда“, говорилось въ немъ, „хлопотала и разъѣзжала весь день, и пишу вамъ теперь поздно ночью, утомленная, но *рѣшившаяся* и — *безъ возврата* рѣшившись.

„Не подумайте, чтобъ это была съ моей стороны внезапная сумасшедшая выходка вслѣдствіе того, что̀ было въ Москвѣ... Нѣтъ, я давно, съ Женевы, думала объ этомъ; я тамъ встрѣтилась съ однимъ сильнымъ, убѣжденнымъ человѣкомъ. Онъ мнѣ еще тогда указывалъ путь... Но меня унесло потомъ опять, вы знаете!... А теперь я чувствую себя твердо на берегу, на надежномъ берегу.

„Въ томъ, что̀ было, я никого не виню, ни васъ, ни даже себя. Я *поняла*, что мнѣ *положено* было испытать и перестрадать и *это*, и что потомъ оно *должно было непремѣнно* кончиться *такъ*, какъ оно кончилось. Счастье, вы говорили. Никогда! Его бы не было ни для васъ, ни (для) меня, nous nous serions mutuellement mangé le coeur. Быть счастливымъ особая способность; ея у меня никогда не было. А въ васъ гордость, le péché de Satan. Лучше, гораздо лучше *такъ, какъ вышло*, Борисъ Васильевичъ! Прощайте... и простите (!)...

„Я прямо отсюда ѣду въ Ліонъ. Тамъ есть un couvent de Visitandines, я у нихъ постригусь въ монахини.

„Васъ, я знаю, ничто никогда не удивляетъ, но (вамъ), можетъ быть, покажется страннымъ именно то, que je me fais catholique. Я вамъ скажу почему. Тамъ—*узда*, тамъ—*дисциплина;* (тамъ) знаешь твердо, *чего* хотѣть и *куда* итти. У насъ (этого) нигдѣ нѣтъ, *некому себя въ руки отдать*, а въ этомъ для меня одно спасеніе... Воля—бремя, невыносимая тяжесть, когда не знаешь, какъ управляться съ нею... и вы знаете лучше всѣхъ, *что* умѣла я дѣлать изъ нея до сихъ поръ.

„Сашенькѣ я еще не имѣю духа писать, и очень мучусь этимъ... Но нѣтъ,—не могу теперь... *Оттуда* напишу—une lettre humble et contrite, какъ это мнѣ *слѣдуетъ*, какъ она этого заслужила.

„А вы, *вѣрнетесь?.. Она* не *меня* считаетъ виноватою, вы теперь знаете... Когда-нибудь, когда *все пройдетъ*, вспомните—оба (обо) мнѣ.

„Кажется, все! Не могу болѣе... Прощай (те) всѣ, прощай, Россія! Когда вы получите это письмо, я уже буду далеко отъ нея, ото всего... „К“.

Вернувшійся было въ комнату, полчаса спустя, за какимъ-то спросомъ Матвѣй засталъ Бориса Васильевича съ уткнутыми въ столъ локтями и опиравшеюся на нихъ головой, недвижно склонившеюся надъ лежавшимъ предъ нимъ листкомъ,—и „такимъ разстроеннымъ“ въ этомъ положеніи показался ему „видъ ихній“, что онъ инстинктивно попятился назадъ, въ переднюю, и исчезъ за своею перегородкой. Шустрый малый почуялъ, что собственный *видъ* его въ эту минуту могъ бы вызвать только раздраженіе въ его „*мудреномъ* баринѣ“...

Троекуровъ не даромъ ждалъ этого письма, не даромъ откладывалъ минуту „заняться собою“ до времени полученія его. Онъ внезапно теперь, сразу, охватилъ мысленнымъ окомъ и воспринялъ до боли сердцемъ всю неприглядную *суть* своего положенія:—онъ стоялъ среди развалинъ... Ледянымъ холодомъ обдало его вдругъ при этомъ неумолимо сложившемся въ немъ теперь представленіи... Онъ добровольно, безжалостно

разбилъ ту свою, чистую и честную жизнь,—разбилъ для „призрака“, для задорнаго миража беззаконнаго счастія. Изъ-за чего? Страсть?... Нѣтъ, даже не страсть: вотъ она ушла изъ-подъ его власти, ее вынесли на берегъ, увѣряетъ она, и онъ равнодушенъ къ этому, и пальцемъ не пошевелитъ, чтобы выманить ее оттуда опять на радужный пиръ жизни. Онъ самъ уже въ этотъ пиръ не вѣруетъ... „Гордость, говоритъ она,—сатанинскій грѣхъ“. Гордость, да, пожалуй, когда она *тамъ*, въ Остроженковомъ домѣ, не кинулась ему прямо въ объятія. А ранѣе?... Ранѣе и того хуже—и краска стыда выступила ему на лицо:—тщеславіе, соблазнъ битвы и побѣды надъ дѣвственнымъ сердцемъ, и та,—прежде всего *та*—распущенность воли, съ которою у насъ никто „управиться не умѣетъ“, вспоминалъ онъ опять слова ея письма...

Все видѣнное, замѣченное и испытанное имъ за послѣдніе мѣсяцы воскресало теперь въ его мозгу въ сплоченныхъ, живыхъ и говорящихъ образахъ, а съ ними возникала какая-то безпощадная ясность выводовъ и самоосужденія... „Безурядное время, бездарные люди, анархія и немощь умовъ, восходящее поколѣніе, воспитываемое на отрицаніи всякой святыни,—раздраженное и тупое поколѣніе варваровъ... А мы-то, мы-то сами, *лучшіе* изъ предшествовавшихъ ему,—сами-то мы *что?* “Эстетики“ мы были; уродство *формы* одно претило намъ въ жизни, одна *некрасивость* зла возбуждала въ насъ отвращеніе къ нему... Мы вѣрили въ „красоту“, мы „страсть“ возводили въ культъ,—и во имя ихъ все дозволяли, все извиняли; подъ ихъ флагомъ, убранные въ ихъ цвѣты, дерзко выступали у насъ всякая разнузданность, всякій преступный капризъ безудержной фантазіи...“

Предъ нимъ съ неудержимою и мучительною силой представали картины, воспоминанія столь еще для него недавняго прошлаго:—тиховѣйная лѣтняя ночь, высокая комната съ мерцающею предъ иконами лампадой, молодая мать-кормилица у кровати, потонувшей въ широкихъ складкахъ бѣлоснѣжныхъ занавѣсей... „Вся эта благодать и чистота... и уваженіе къ себѣ,—гдѣ они?“ Все это лежало въ дребезгахъ у ногъ его, *сокрушенное* его же руками...

„Чего ждать отъ дѣтей такихъ отцовъ, какъ мы?“ неслось опять въ головѣ его горячими и обрывистыми взрывами... Общество безъ устоевъ и корней, плывущее какъ облако въ пространствѣ по прихоти перваго вѣтра... Всеобщая ломка и погромъ; все долой: живые побѣги, родныя преданія, связи съ прошедшимъ, съ народомъ, съ его нерушимыми вѣрованіями... Слѣпые вожди, дешевые *мыслители*, куда ведете вы страну теперь, что тянетъ васъ: злой рокъ, fatum?... Нѣтъ, даже этого нѣтъ! „Torrent“ безсмысленный какой-то, рабство нищаго ума предъ фантасмагоріей чего-то чужаго, безъ духа жизни, безъ почвы подъ собою... Вы на этой слякоти и мрази зданіе вашихъ *реформъ* строите, *гражданскими правами* великодушно наградить насъ намѣрены... Вы прежде всякихъ правъ научите насъ *долгу*, научите *отцами* быть, вы *семью* спасите въ Россіи!“ съ горечью и злостью, чуть не громкимъ воплемъ вырывалось изъ груди Троекурова...

„Она поняла, она ушла къ чужимъ эта женская, томительно и безцѣльно алкавшая, молодая душа,—ушла за „уздой и „дисциплиной“, поняла, что лишь подъ желѣзными веригами *послушанія* уймутся вѣчная тревога и судорожно тщетныя исканія ея. „Воля—бремя, воля—невыносимая тяжесть, говоритъ она,—для того, кто, какъ всѣ мы, не умѣетъ подчинять ее высшему нравственному закону“...

Онъ всталъ, прошелся по всей длинѣ своихъ комнатъ, продолжая думать:

„Ей нужно было, она чувствовала, „отдать себя въ руки“, въ надежныя руки, а „у насъ—некому“.

Онъ остановился въ спальной, глянулъ, вдумчиво прижмурясь, въ окно... Кресты ближней трехглавой церкви сверкали сквозь его стекла въ мягкомъ сіяніи осенняго утра... Троекуровъ долго глядѣлъ на нихъ...

„Некому?“ вопросительно повторилъ онъ про себя: „ужели-жь все прежнее, крѣпкое, прахомъ пошло и разнесено вѣтромъ?“...

Онъ поникъ головой... поднялъ ее опять:

„Такъ себя-то хоть умѣй въ руки взять!“ проговорилъ онъ

мысленно,—и въ стальныхъ глазахъ его сверкнуло выраженіе какого-то мгновеннаго и безповоротнаго рѣшенія.

Генералъ Занесухинъ тщетно прождалъ весь вечеръ того дня доходнаго своего противника въ Англійскомъ клубѣ. Курьерскій поѣздъ еще разъ уносилъ Троекурова къ берегамъ Невы.

XIII.

Some rise by sin, some fall by vertue.
Shakesp. *Measure for measure.*

...Да неизмѣненъ жизни новой
Дойду къ таинственнымъ вратамъ,
Какъ Волги валъ бѣлоголовый
Доходитъ цѣлый ко брегамъ.

Языковъ.

Сентябрь стоялъ на исходѣ. Мелкій дождь шелъ съ утра, но его разогналъ поднявшійся къ полудню вѣтеръ, и пелены разорванныхъ тучъ уносились вдаль одна изъ-подъ другой по свѣтлѣвшему небу... Вотъ и засинѣло оно, выглянуло солнце и заиграло алмазною гранью по каплямъ, скатывавшимся съ широкихъ листьевъ старыхъ липъ въ большой аллеѣ Всесвятскаго. Въ сыромъ воздухѣ потянуло тепломъ. Воробьи, припрятавшіеся отъ дождя подъ крышу дома, весело чирикая, запрыгали опять по террасѣ, предъ окнами гостиной, въ чаяніи хлѣбныхъ крошекъ, которыми награждала ихъ каждый разъ, какъ выходила изъ-за стола, „Божья душа", Лизавета Ивановна Срѣтенская.

Маленькая особа уже третью недѣлю гостила во Всесвятскомъ... Съ кротко-радостною улыбкой на своихъ увядшихъ губахъ стояла она въ эту минуту у одной изъ стеклянныхъ дверей гостиной и глядѣла сквозь нее на эти разносившіяся въ небѣ облака, на волшебные тоны разноцвѣтной осенней листвы подъ засверкавшими по ней внезапно солнечными лучами, на своихъ „воробушекъ-птичекъ сѣренькихъ, благодатныхъ, ни тоски людской, ни ехидства нашего не знающихъ",

причитывала она про себя на своемъ своеобразномъ, не то пѣсенномъ, не то сказочномъ языкѣ.

— Вотъ и вёдра дождались, анделъ мой, проговорила она, полуоборачиваясь,—въ акуратъ какъ Николай Ивановичъ нашъ вчерась предсказывалъ. Какъ ежели, говорилъ, завтра къ полудню вѣтеръ подымется, такъ къ перемѣнѣ значитъ, къ вёдру, и надолго ужь пойдетъ тогда, говорилъ...

Она подняла крючокъ двери, полуоткрыла ее, быстро вытащила изъ кармана горсть кусочковъ разломаннаго сухаря и кинула ее на террасу.

— Благодать, милая, тёпло стало такъ, благорастворенiе... Надѣли бы вы, калошки, андельчикъ мой, да на воздухъ вышли...

Александра Павловна Троекурова, къ которой относились эти слова, не отвѣчала. Она медленно, механически шагала, опустивъ голову и слегка сожмуривъ глаза, по длинному протяженiю гостиной, отъ дверей въ садъ, къ окнамъ, выходившимъ на дворъ и обратно... Онѣ съ Лизаветой Ивановной за эти послѣднiе ненастные дни приняли привычку приходить сюда каждый день послѣ завтрака, и молодая мать, въ виду кормленiя Васи, регулярно совершала здѣсь, повинуясь предписанiю доктора, свой „гигiеническiй", очень наскучавшiй ей „моцiонъ".

— Право бы вышли, золотая моя, повторила Лизавета Ивановна:—Николай Иванычъ, сами знаете, „первымъ дѣломъ говоритъ, воздухомъ пользоваться надо вамъ"...

Александра Павловна все такъ же механически повернула въ ея сторону:

— Пойдемте, все равно... какъ бы нехотя выговорила она.

— А погодите-жь, анделъ мой, такъ нельзя, сыро. Я вамъ вотъ сейчасъ обуться и одѣться принесу потеплѣй...

Но въ то же время въ комнату вошла, съ ботинками на двойной подошвѣ въ одной рукѣ и бурнусомъ барыни на другой, догадливая Анфиса.

— Можетъ, въ садъ выйти вздумаете? сказала она съ улыбкой: — *бабье лѣто* зачинается, распречудесная погода сдѣлалася.

Александра Павловна отвѣтила ей благодарнымъ взглядомъ. „Какія обѣ онѣ *чудесныя*, жалѣютъ и холятъ меня“, подумала она... „Кромѣ нихъ и некому теперь“, пронеслось тотчасъ затѣмъ у нея въ мысли съ болѣзненнымъ сжиманіемъ сердца...

Она перемѣнила обувь, окуталась въ бурнусъ, прикрывъ голову капюшономъ, и вышла въ сопровожденіи Лизаветы Ивановны на террасу.

Стало дѣйствительно такъ тепло и тихо, что она капюшонъ этотъ отбросила тутъ же съ головы за спину и широко вздохнула въ себя живительную струю свѣжаго воздуха. Большіе печальные глаза ея загорѣлись на мигъ, устремившись въ даль.

— Ахъ, какъ хорошъ Божій свѣтъ, какъ бы невольно и негромко вырвалось у нея изъ груди:—одни только люди его портятъ...

— Людямъ прощать надо, анделъ мой! „Не вѣдаютъ бо, что творятъ“, сказано, робко и нѣжно воззрившись ей въ лицо, тихо проговорила ея маленькая пріятельница.

— Не могу! неудержимо и обрывисто вымолвила на это молодая женщина и спустилась съ террасы въ аллею.

Но гулять оказывалось не совсѣмъ удобнымъ: ноги ихъ вязли въ разжиженной четырехдневнымъ дождемъ почвѣ; съ падающими съ деревьевъ листьями неслись имъ въ лицо холодныя брызги... Онѣ вернулись, не пройдя и ста шаговъ.

Но итти въ комнаты не хотѣлось. Александра Павловна усѣлась на успѣвшую уже просохнуть скамью у самой стѣны дома, и погрузилась опять въ свое нѣмое раздумье.

Она не выходила изъ него теперь... Она, послѣ того какъ „узнала все“, въ одинъ изъ первыхъ дней по отъѣздѣ Киры, подъ гнетомъ нестерпимой муки, почувствовала неодолимую потребность „выплакаться предъ *родною душой*“,—и поспѣшно вытребовала къ себѣ Лизавету Ивановну... Но когда пріѣхала та, встревоженная безотчетнымъ предчувствіемъ несчастія съ ея „анделомъ небеснымъ“, Александра Павловна осталась нѣма. Она кинулась на шею маленькой особы, едва успѣла на войти въ комнату, разрыдалась истерическимъ рыданіемъ...

„Что съ вами, голубушка вы моя, золотая, ненаглядная?“ допрашивала ее та, вся дрожа отъ тревоги и жалости. Она не отвѣтила и только руками замахала, какъ бы приглашая ее не спрашивать... И такъ не узнала бы ничего Лизавета Ивановна, если бы не разсказала ей Анфиса.

„*Мое* горе, — я съ нимъ одна и справлюсь“, незыблемо стояла на этомъ рѣшеніи молодая женщина. Причина этого горя ни для кого не была тайной кругомъ нея, она знала, — но она почитала недостойнымъ себя, почитала оскорбленіемъ той святыни прошлаго, неугасаемый огонь которой помимо ея воли упорно теплился въ глубинѣ души ея, заговорить съ другими о томъ, какъ безпощадно поругана была эта святыня, какъ стыдилась теперь она своего прежняго „безумнаго“ счастія, своего „идолопоклонства“ предъ человѣкомъ, „котораго она болѣе уважать не можетъ“... Но она давно-ли свято и слѣпо вѣрила, любила этого человѣка, этого мужа, этого отца ея дѣтей, — и не могла, не хотѣла, „не должна была наконецъ“, признавала она, допустить теперь малѣйшее слово порицанія ему изъ чьихъ бы ни было устъ. „Я молчу,—уважайте это молчаніе!“ какъ бы говорилъ весь ея дышавшій теперь какою-то печальною величавостью обликъ, сказывали ея вдумчивые и строгіе глаза... Сама она никогда не произносила имени мужа и съ замѣчательнымъ тактомъ умѣла предупреждать всякій поводъ къ упоминанію о немъ другими, не принимала, подъ предлогомъ нездоровья, никакихъ посѣщеній, не допускала служить, на занимаемой ею половинѣ, никого, кромѣ Анфисы, изъ многочисленнаго персонала слугъ въ домѣ, и проводила весь день въ дѣтской, переступая за порогъ ея не иначе, какъ для предписанныхъ ей докторомъ Ѳирсовымъ прогулокъ „съ гигіеническою цѣлью“... Темныя тѣни бѣжали отъ нея на все ее окружавшее. Полный недавно движенія и звуковъ, домъ Всесвятскаго глядѣлъ теперь какимъ-то обиталищемъ мрачныхъ молчальниковъ... И только маленькая Лизавета Ивановна, помѣстившаяся въ „шкапной“ Александры Павловны, рядомъ съ комнатой Анфисы, вела по ночамъ, сидя на кровати своей синеокой „другини“, долгія и таинственныя съ нею бесѣды о „соблазнѣ, смутившемъ

мирное житіе честнаго дома сего"... „И все-то его, врага человѣческаго, рукъ дѣло, милая, и смущаегъ онъ же опять теперича грѣхомъ унынія и ея душу чистую, душу страдалицы нашей неповинной", плача и тоскуя объ этой ей дорогой душѣ, шептала она своимъ дѣтски-лепечущимъ голоскомъ...

Болѣе практическая по природѣ своей, Анфиса не ограничивалась этими слезами участія и сѣтованіями на случившееся. Она неустанно *прикидывала* въ сообразительной головѣ своей, „какъ бы этому самому горю помочь", принимая въ основаніе своихъ разсужденій и упованій на это одно „удивительное" извѣстіе, сообщенное ей управляющимъ завода во Всесвятскомъ, получившимъ его въ свою очередь изъ прямаго источника,—изъ московской конторы Бориса Васильевича. Изъ этого извѣстія оказывалось, что княжна Кира Никитишна уѣхала въ Петербургъ на другой же день послѣ пріѣзда въ Москву, и что самъ Борисъ Васильевичъ прожилъ тамъ послѣ того еще четыре дня, пока не выѣхалъ въ тотъ же Петербургъ. „Хоть и въ то же мѣсто, да не вмѣстѣ, значитъ—не въ одно время, не прямо въ собственномъ экипажѣ, за границу", какъ передавалъ ей „подлецъ этотъ", Троженковъ, соображала Анфиса, строя на этихъ данныхъ свои особыя догадки, о которыхъ изъ осторожности, не довѣряя вполнѣ говорившему въ ней чутью, лишь далекими еще намеками сообщала она Лизаветѣ Ивановнѣ. Гораздо откровеннѣе разсуждала она съ докторомъ, „съ Николай Ивановичемъ", съ которымъ установилось у нея большое дружество за послѣднее время. Она ждала чрезъ него „провѣрку себѣ". У него, говорилъ онъ, былъ въ Петербургѣ другъ и пріятель одинъ, „тонкая бестія", который „всякую-молъ штуку пронюхать можетъ", и которому онъ, по ея просьбѣ, написалъ „нѣкое", какъ выражался шутъ, „достойное дипломатическаго пера" посланіе, прося „акуратненько разузнать, находится-ли въ Петербургѣ его, Ѳирсова, *патронъ*, имя рекъ, и гдѣ именно стоитъ, а если выѣхалъ, или на выѣздѣ состоитъ, то куда именно,—а тожь узнать достовѣрно и про отставную фрейлину и княжну такую-то, примѣты коей при семъ препровождаются". Отвѣта

на это посланіе докторъ и Анфиса съ равнымъ нетерпѣніемъ ждали со дня на день, находя въ этомъ вполнѣ основательный и законный предлогъ для продолжительныхъ переговоровъ вдвоемъ, пріобрѣтавшихъ для нихъ какъ бы съ каждымъ днемъ все болѣе занимательности и значенія...

Лизавета Ивановна со своей стороны ратовала, насколько могла, противъ „великаго грѣха унынія", смущавшаго ея прежнюю, „какъ дитя малое счастливую Сашеньку". Она пользовалась всякимъ случаемъ напоминать ей о кротости душевной, о снисхожденіи къ людямъ, о прощеніи обидъ „во имя Страстотерпца-Христа Спасителя нашего"... „Не могу!" нежданно отвѣтила ей сейчасъ на это, къ глубокому изумленію ея и прискорбію, Александра Павловна,—и маленькая особа, присѣвъ къ ней на скамью, уныло поводила на нее искоса соболѣзнующимъ взглядомъ, придумывая, „съ какой стороны" возобновить съ нею разговоръ о томъ же предметѣ.

Такъ сидѣли онѣ обѣ, уйдя въ себя, тоскливыя и безмолвныя. А солнце сіяло съ голубыхъ небесъ, и послѣднее тепло увядавшей природы вѣяло на нихъ своими мягко-проницающими струями. Обрывистое колѣнце какой-то птички неслось въ гулкомъ воздухѣ изъ ближайшей аллеи...

— Пѣночка это съ радости завела... начала и не договорила „Божья душа".

Со стороны двора послышался явственно топотъ скачущихъ лошадей, и въ то же время раздались въ гостиной приближавшіеся мужскіе шаги.

— Кого-то Богъ далъ! проговорилъ докторъ Ѳирсовъ, выходя изъ нея на террасу.

— Кого это? вскрикнула тревожно молодая хозяйка.

— Не знаю. Военный какой-то, должно быть:—я фуражку издали замѣтилъ съ околышкомъ...

— Ахъ, пожалуйста, торопливо молвила она, — я никого не принимаю... не желаю видѣть...

Ѳирсовъ успокоительно усмѣхнулся:

— Такъ ему и донесутъ; чего-жь вамъ тревожиться, барыня? Приказъ вашъ извѣстенъ, слуги исполнить должны...

А только-что можетъ-быть человѣкъ за дѣломъ за какимъ-нибудь нужнымъ пріѣхалъ...

— Такъ вы тогда пожалуйста спросите... А я ничего не знаю, никакихъ дѣлъ...

— Пойду, барыня, пойду сейчасъ... Сидите себѣ тутъ на солнышкѣ, вамъ это пользительно...

И толстякъ повернулъ опять въ гостиную, направляясь къ сѣнямъ.

Навстрѣчу ему оттуда вынеслась Анфиса съ перевернутымъ лицомъ:

— Самъ... баринъ, Борисъ Васильевичъ!... задыхаясь отъ волненія, съ лучистымъ сіяніемъ глазъ проговорила она: — сказывала я вамъ, предчувствовала...

— Что это вы... гдѣ онъ? растерянно всклинкнулъ докторъ.

— Къ себѣ, къ своему крыльцу проѣхалъ... Я изъ прачечной шла, а они ѣдутъ... въ военномъ одѣты... Только я ихъ сейчасъ признала, поклонилась... и они мнѣ.,. Какже теперь съ барыней нашей быть? перебила она себя, понижая голосъ.

Изъ дверей, ведшихъ на половину Троекурова, выбѣжалъ въ то же время слуга съ громкимъ воскликомъ:

— Баринъ изволили пріѣхать... Анфиса Дмитріевна, барыня гдѣ, Александра Павловна? Имъ доложить требуется...

— Хорошо, чего кричишь, сказала она:— ступай, и безъ тебя доложутъ!...

Онъ исчезъ.

— Идите къ ней сами, Наколай Иванычъ, отнеслась она опять къ Ѳирсову,—какъ бы съ ними дурно не сдѣлалось...

— А вы вотъ на всякій случай вынесите-ка мнѣ отъ нея одеколончику. Нюхнуть дадимъ... Радость вѣдь, такъ думать надо? Живо въ томъ разѣ въ себя придетъ...

Но гулъ ихъ разговора, неясный, но слышный возгласъ слуги долетѣли уже до террасы... Александру Павловну что-то подняло вдругъ, какое-то внезапное острое ощущеніе. Кровь отлила въ ней къ сердцу. Блѣдная, съ вопрошающимъ взглядомъ показалась она въ дверяхъ, укутанная въ широкія складки своего плаща...

— Что̀ такое! кто пріѣхалъ?...

Докторъ съ Анфисой кинулись къ ней.

— Сюрпризъ вамъ, барыня, сюрпризъ неожиданный, говорилъ онъ, стараясь принять самый веселый видъ.

— Сережа, братъ? пришло ей на̀ мысль, хотя этого брата, усердно преслѣдовавшаго свои карьерныя цѣли въ Петербургѣ и котораго она не видала со дня своей свадьбы, она не имѣла никакого основанія ожидать къ себѣ во Всесвятское.

— Поближе будетъ вамъ, барыня, поближе! шутовскимъ тономъ и подмигивая произнесъ Ѳирсовъ, зорко въ то же время слѣдя за выраженіемъ ея лица.

— Борисъ Васильевичъ... вернулись, прошептала, наклоняясь къ ней въ свою очередь, Анфиса.

Ноги подкосились у молодой женщины. Она упала-бъ, если бы не поддержали ея... Но она тотчасъ же совладала съ собою, съ первымъ ощущеніемъ лихорадочной въ ней тревоги, кивнула, словно давая этимъ понять, что онъ долженъ былъ пріѣхать и что она это знала, и улыбнулась черезъ силу.

— Анфиса, сказала она съ заботливымъ видомъ хозяйки, распоряжающейся въ своей области вѣдѣнія,— пожалуйста, прикажите сейчасъ на счетъ обѣда ему: того, чѣмъ мы питаемся съ Лизаветой Ивановной, ему будетъ не довольно.

И за этими словами отправилась на свою половину, въ сопровожденіи маленькой особы.

„Пріѣхалъ... вернулся... для чего?“ недоумѣло спрашивала она себя мысленно: — „а *она* же что̀... для которой?“... Она не могла разобраться въ водоворотѣ вопросовъ, поднявшихся въ ея умѣ,— только сердце ея нестерпимо ныло отъ чувства чего-то предстоявшаго ей, страшнаго... и *противнаго*...

Она опустилась на кушетку въ своемъ будуарѣ, судорожно прижмурила глаза, какъ бы съ тѣмъ, чтобы не видѣть этого „чего-то“.

Вся похолодѣвъ отъ какого-то безсознательнаго, дѣтскаго страха, стояла предъ ней Лизавета Ивановна, широко раскрывъ глаза, съ нервною дрожью, пробѣгавшею по всему ея жиденькому, слабому существу.

Но вотъ изъ двери въ корридоръ, отдѣлявшій комнаты молодой матери отъ помѣщенія ея малютокъ, вышла Анфиса.

— Борисъ Васильичъ къ дѣтямъ прошли, доложила она.

Александра Павловна откинулась отъ спинки кушетки, подняла вѣки, задумалась какъ бы на мигъ и, не отвѣчая, повела неопредѣленно головой, будто говоря: „Хорошо, что̀ же?“

— Они васъ спрашиваютъ, сказала еще разъ Анфиса:— прикажете просить ихъ сюда?

Рѣсницы дрогнули у молодой женщины, грудь высоко поднялась; мгновенный румянецъ пробѣжалъ по лицу.

„Сюда“,—въ эту ея интимную, *собственную* комнату, свидѣтельницу былаго ея счастія и теперешней муки, гдѣ каждый уголъ словно говорилъ о какомъ-нибудь блаженномъ или скорбномъ помыслѣ о немъ, куда кромѣ его никакой еще *мущина* не проникалъ никогда,—принять его здѣсь теперь, теперь, когда...

— Нѣтъ! неудержимо воскликнула она:—скажите, что я въ гостиной и прошу его туда...

Она быстро поднялась и пошла.

Анфиса выбѣжала въ корридоръ... „Страстотерпче Іисусе Сынѣ Божій, помилуй насъ!“ пролепетала, оставшись одна, Лизавета Ивановна, быстро крестясь подъ своею шерстяною косынкой...

Александра Павловна усѣлась на маленькомъ диванчикѣ за длинною жардиньеркой съ растеніями, составлявшею искусственный, изолированный уголокъ по одной изъ стѣнъ длинной гостиной... Руки ея дрожали... „Зачѣмъ пріѣхалъ онъ... что̀ онъ мнѣ скажетъ?“—и то же чувство чего-то страшнаго и „противнаго“, предстоявшаго ей, ныло у нея нестерпимо на сердцѣ... Глаза ея не отрывались отъ двери, откуда ждала она *его* входа...

Дверь эта, слегка скрипнувъ, отворилась настежъ. *Онъ* вошелъ.

Дыханіе у нея сперлось, вѣки помимо воли потупились— и поднялись опять. „Не я, онъ во всемъ виновенъ“, пронес-

лось у нея въ мысли, и темные зрачки ея безтрепетно остановились на немъ...

Въ немъ было что-то неузнаваемое теперь, сказалось ей первымъ впечатлѣніемъ. Коротко, *форменно* остриженные волосы, военный, новосшитый, съ блестящими погонами сюртукъ, не успѣвшій еще принять складокъ тѣла, отчего весь худощавый обликъ носившаго его представлялся будто обернутымъ въ какой-то лубокъ, тѣсный и недвижный, строгое, чуть не суровое выраженіе осунувшагося лица. „Что съ нимъ, для чего эта форма, мундиръ?“ недоумѣло спрашивала себя Александра Павловна.

Онъ подошелъ къ ея мѣсту, протянулъ ей руку.

— Bonjour Alexandrine, сказалъ онъ, противъ существовавшаго у нихъ всегда обыкновенія, по-французски... Она поняла: „по-русски онъ, по привычкѣ, невольно говорилъ бы мнѣ ты, а онъ не хочетъ... или боится“...

Онъ пожалъ ея пальцы, сѣлъ бокомъ на плетеный стулъ противъ нея, оперся о спинку его локтемъ и продолжалъ на томъ же языкѣ.

— Дѣтей я нашелъ процвѣтающими (florissants). Маша, мнѣ кажется, даже выросла за этотъ мѣсяцъ, что я не видѣлъ ихъ.

— Она узнала васъ? вырвалось невольно у молодой матери.

Онъ слабо усмѣхнулся:

— Времени прошло еще не такъ много, чтобъ она успѣла забыть меня.

— Нѣтъ, я хотѣла сказать—въ этой формѣ, проговорила она нѣсколько смущенно, кивнувъ на его погоны:—вы опять поступили въ военную службу?

Онъ наклонилъ безъ словъ голову.

— Какой же это мундиръ?

— Армейскій. Я назначенъ командиромъ *** пѣхотнаго полка.

— А-а!... Гдѣ же этотъ полкъ?

— Онъ стоитъ въ Царствѣ Польскомъ, въ Люблинской губерніи.

— И вы тамъ теперь жить будете?

— Тамъ!...

Судорога пробѣжала у него по лицу; зѣницы усиленно замигали:

— Такъ лучше! проговорилъ онъ съ трудомъ и какъ бы вопросительно.

Она покрайней мѣрѣ поняла это такъ—и дрогнула всѣмъ тѣломъ. Все, все, что выстрадала она за это время, подступило ей въ эту минуту къ горлу; въ зрачкахъ запрыгали искры...

— Какъ хотите!... Но я не могу... не могу, Борисъ! Вы все *тутъ* у меня убили! воскликнула она, указывая на сердце.

Онъ обнялъ быстрымъ взглядомъ ея измѣнившуюся наружность, ея измученныя черты — и повелъ медлительно головой.

— Я знаю... проговорилъ онъ чуть слышно, глядя куда-то неопредѣленно въ уголъ.

— Я такъ любила, такъ уважала васъ! продолжала она неудержимо:—я вамъ какъ Богу вѣрила, Борисъ... И вы на *это* рѣшились, вы,—такой человѣкъ, какъ вы! Кому же, чему послѣ того вѣрить? Рѣшились на такой грѣхъ... на такую низость!

Все лицо Троекурова передернуло отъ этого слова, глаза сверкнули,—но онъ тутъ же опустилъ ихъ, закусывая усъ до боли, чтобы не выдать своего душевнаго смущенія.

Она замѣтила это. „Что я сказала ему!“ мучительно кольнуло у нея въ сердцѣ; но остановиться она была не въ состояніи:

— Я знаю, я говорю вамъ ужасныя вещи... и вы не простите ихъ мнѣ никогда... Но я не могу, я должна... не за себя даже... Гдѣ Кира, что вы съ ней сдѣлали?

Онъ усмѣхнулся мимолетною и странною улыбкой.

— Княжна въ Ліонѣ, спокойно выговорилъ онъ.

Александра Павловна растерянно глянула ему въ глаза:

— Почему въ *Ліонѣ?*

— Тамъ женскій католическій монастырь; она хочетъ въ немъ постричься.

— Въ монахини... въ католички!—И молодая женщина всплеснула руками.—Да, тамъ, я знаю, одинъ abbé Legrand,—

медленно, припонимая, заговорила она теперь:—Кира была съ нимъ въ перепискѣ... Она и прежде говорила, но я не хотѣла вѣрить... и сама она какъ бы забыла потомъ... Отчего же это теперь вдругъ, не сказавъ объ этомъ слова предъ отъѣздомъ... даже напротивъ?...

— Вы получите отъ нея письмо оттуда; оно все объяснитъ вамъ вѣроятно, молвилъ онъ на это, сдвигая брови.

— Вы ее... видѣли?

— Видѣлъ въ Москвѣ, тѣмъ же спокойнымъ тономъ отвѣтилъ Троекуровъ, глядя на нее въ свою очередь своими блѣдными глазами.

— Она долго оставалась тамъ?...

— Она пріѣхала за сутки до дня возвращенія моего изъ Петербурга и уѣхала въ тотъ же день туда съ курьерскимъ поѣздомъ.

Голосъ задрожалъ у Александры Павловны.

— Но вы развѣ?...

Онъ понялъ, чего не договаривала она.

— Я выѣхалъ опять въ Петербургъ *тремя днями позднѣе княжны*, подчеркнулъ онъ,—и пріѣхалъ туда, когда она была уже за границей.

У Александры Павловны билось сердце такъ, будто хотѣло оно выскочить у нея изъ груди.

— Но отчего же не написали вы мнѣ тогда же, Борисъ, лихорадочно заговорила она,— когда узнали, что она рѣшилась постричься?... Вы и совсѣмъ не писали, ни слова... Развѣ не понимали вы, что̀ я за му̀ку выносила въ это время!

Онъ сдвинулъ брови:

— Что̀ же было писать мнѣ? Я былъ уже осужденъ вами, тихо молвилъ онъ и, вынувъ изъ боковаго кармана анонимное письмо, полученное ею и переданное ему княжной, развернулъ его быстрымъ движеніемъ руки и положилъ на столъ.

Она узнала его, перемѣнилась въ лицѣ вся и, съ дрожавшими слезами на рѣсницахъ, сжала руки умоляющимъ жестомъ:

— Борисъ, вскликнула она по-русски, возвращаясь невольно къ обычной, дорогой ей рѣчи съ нимъ,—Борисъ, ради

Бога, если то, что̀ написано въ этомъ письмѣ, не правда,— скажи мнѣ! Я бы одному ему не повѣрила... Но сама Кира, то, что̀ она говорила мнѣ предъ отъѣздомъ, и что этотъ отъѣздъ ея вышелъ именно такъ и тогда, какъ впередъ говорило это письмо, — все это такъ очевиднымъ представилось мнѣ... Пойми, что̀ я должна была почувствовать!... Я надписала тогда эти слова... И теперь наговорила тебѣ такихъ ужасовъ... Если ты не виноватъ, скажи мнѣ одно слово,—я повѣрю тебѣ, какъ прежде; я на колѣняхъ, я не постыжусь, стану молить тебя простить мнѣ. Только скажи слово, милый, одно слово! звенѣлъ ея голосъ сквозь прорывавшіяся рыданія.

Ему было невыносимо тяжело...

— Я наложилъ на себя эпитимію, словно отрубилъ онъ, дернувъ за бортъ своего военнаго сюртука,—что̀ же еще могу я сказать!

— О, Борисъ! въ силахъ была только произнести она теперь, заливаясь слезами: ее будто кто съ горы спихнулъ опять въ бездонную пропасть.

— Я лгать не умѣю; не дѣломъ, такъ намѣреніемъ—все равно это въ сущности, — я виноватъ предъ вами... и предъ собою еще болѣе, можетъ быть, сурово досказалъ онъ, судорожно мигая и отворачиваясь.

И нота такой тоски и подавленной гордости зазвучала въ этихъ словахъ, что молодой женщинѣ стало вдругъ жутко за него. Она взглянула на мужа глазами, полными безмѣрной жалости.

— Да, ты виноватъ, Борисъ, тихо начала она,— голосъ ея обрывался и дрожалъ,—ты забылъ меня, чуть не покинулъ навсегда дѣтей... тебя *грѣхъ* попуталъ... Но ты каешься, ты мучаешься, я вижу, какъ мучилась я сама... Вѣдь я не врагъ тебѣ, Борисъ! Развѣ я... развѣ я не могу...

Онъ быстро простеръ руку впередъ, какъ бы приглашая ее не продолжать:

— Нѣтъ! твердо и хмурясь произнесъ онъ,—вы *это* легко забыть не можете... А великодушія я—не желаю!

„Это не великодушіе, Борисъ!“ чуть не крикнула она,—

и удержалась. „Онъ бы сталъ презирать меня, если-бъ я ему *теперь* простила“, сказалось у нея чутьемъ на душѣ.

— Я ѣду сегодня же; меня въ полку ждутъ... Все здѣсь остается попрежнему; кромѣ дѣтей вамъ не о чемъ заботиться. Я уже сдѣлалъ распоряженіе въ Москвѣ. Я возьму только Скоробогатова,—Матвѣя я отпустилъ, а вашъ кучеръ Алексѣй, человѣкъ не пьющій, смирный и при смирныхъ лошадяхъ... Все остальное попрежнему, прошу васъ очень!... Юшковыхъ не забудьте, кланяйтесь имъ, они на радостяхъ теперь: сына ихъ удалось вызволить... Скажите имъ, что очень извиняюсь, что не успѣлъ побывать самъ... Некогда, на службу пора, въ странѣ тамъ не совсѣмъ покойно...

Онъ оборвалъ вдругъ эту нервно срывавшуюся съ устъ его рѣчь, поднялся съ мѣста и протянулъ ей руку опять.

Она уронила въ нее свою... Онъ пожалъ ее и удержалъ на мигъ въ своей рукѣ. Подъ рѣсницами его пробѣжала какая-то мягкая струя:

— Правъ я, Alexandrine, скажите? проговорилъ онъ проницающимъ, чуть-чуть дрогнувшимъ голосомъ.

Она безъ слезъ теперь подняла на него глаза и медленно повела утвердительнымъ движеніемъ головы.

Онъ поднесъ руку ея къ губамъ, быстро опустилъ ее, двинулся съ мѣста... и остановился.

— Вы будете писать мнѣ иногда?... У насъ дѣти... промолвилъ онъ, словно извиняясь.

— Да... Я буду молиться съ ними за васъ, вамъ это теперь *нужно*...

Троекуровъ въ свою очередь теперь какъ бы утвердительно наклонилъ голову и направился на свою половину.

Она жадно устремилась ему взглядомъ въ слѣдъ... „Да, *такъ лучше*“, проносилось у нея въ головѣ:—„ему надо дать время отмучиться до дна“...

Онъ уѣхалъ въ тотъ же день послѣ обѣда.

Словно кисеей какою-то заволоклись глаза Александры Павловны, когда она вышла на крыльцо проститься съ нимъ, держа за ручку полуторагодовую дѣвочку-дочь, когда няня подняла ребенка подъ губы отца, и онъ, съ обычною ему не-

ловкою торопливостью въ этихъ случаяхъ, осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ ея кудрявую головку, а затѣмъ все такъ же поспѣшно, замѣтно хмурясь на толпу домашнихъ и слугъ, собравшихся на „проводы барина", наклонился къ рукѣ жены и молча поцѣловалъ ее, „точно учтивый гость"... Ей показалось только, что руку эту онъ сжалъ крѣпче въ своей, что уста его не такъ скоро оторвались отъ нея, какъ бы это сдѣлалъ "чужой", и сердце ея инстинктивно забилось чѣмъ-то давнишнимъ, безконечно милымъ и влекущимъ... Но въ головѣ у нея стоялъ туманъ тончайшихъ, разнорѣчивыхъ и раздражающихъ ощущеній. Когда наконецъ онъ, какъ въ предшествовавшій этому отъѣздъ его, вскочилъ въ коляску, и Скоробогатовъ, въ послѣдній разъ правя своею любимою четверкой рыжихъ, поднялъ высоко вожжи надъ крутыми и лоснящимися крупами ихъ, она какъ бы безсознательно прижмурила глаза. „Ну и пусть, и пусть, не хочу видѣть!" проносилось у нея въ мысли, между тѣмъ какъ ухо жадно прислушивалось къ мѣрному конскому топоту, уносившему его все далѣе и далѣе отъ этого „роднаго крыльца"... Маша заплакала вдругъ. „И о чемъ это, ласточка ты моя сизокрылая, папы жаль, а?" засуетилась около нея няня... Александра Павловна кинулась къ ней, схватила дѣвочку на руки и, судорожно покрывая ее поцѣлуями, побѣжала съ нею къ себѣ въ будуаръ. Но слезы душили ее самоё. Машу няня унесла въ дѣтскую, по настоянію доктора. „А не то на весь домъ такой бы дуэтъ распѣли"... говорилъ онъ, подмигивая Анфисѣ „подать ему одеколонцу на всякъ случай". Маленькая Лизавета Ивановна захватила обѣ руки молодой женщины и, прижимая ихъ къ губамъ:

— Испытаніе захотѣлъ послать вамъ Господь, анделъ мой, шептала она своимъ дѣтскимъ и растроганнымъ голоскомъ,— покориться съ кротостью и терпѣніемъ надо...

Анфиса, подошедшая къ своей барынѣ съ флакономъ въ рукѣ, многозначительно глянула ей въ лицо:

— Вы бы лучше такъ сказали, Лизавета Ивановна, протяжно проговорила она, — что терпѣнья еще крошечку имъ требуется. Потому ни на что другое какъ на радость идетъ:

не даромъ сегодня солнышко-то послѣ трехъ дней ненастья выглянуло... Окаянный сквозь землю, Господь по землѣ, такъ я понимаю.

И такъ убѣдитетьно и радостно звучали ея слова, что на душѣ у Александры Павловны мгновенно просвѣтлѣло, какъ на отученномъ небѣ того утра. Она быстро отерла глаза платкомъ, чуть-чуть усмѣхнулась и пролепетала какъ бы смущенно:

— Я всегда терпѣлива была... Пойдемте къ дѣтямъ, Лизавета Ивановна! промолвила она за этимъ, быстро подымаясь съ мѣста и направляясь, въ сопровожденіи маленькой особы, къ двери въ корридоръ.

Анфиса двинулась было за ними.

— А погодите-ка, вдовушка! остановилъ ее Ѳирсовъ.

— Чего вамъ? спросила она, оборачиваясь, съ тою дружелюбною и насмѣшливою грубостью тона, съ которою приняли они почему-то привычку бесѣдовать другъ съ другомъ въ послѣднее время.

— А вотъ чего, началъ толстякъ:—откуда это вы ума набираетесь, право? Вѣдь вотъ сейчасъ такой изумительный діагнозъ учинили...

— Чѣмъ это вы, какимъ такимъ словомъ выстрѣлили? разсмѣялась она, не понимая.

— А такимъ, отвѣчалъ онъ, глядя на нее разгорѣвшимися глазами, — что если съ него да сбудется, такъ я съ вами въ первый законный вступить готовъ...

— Что-о? полугнѣвно, полутрепетно протянула синеглазая женщина, покраснѣвъ до самаго лба.

— Нѣтъ, я это безо всякихъ шутокъ, Анфиса Дмитріевна, заторопился сказать онъ: — какъ если барыня наша дѣйствительно съѣдется съ мужемъ *на прежнее*, я въ тотъ самый день женихомъ вашимъ объявлюсь, если на то отъ васъ согласіе послѣдуетъ.

— Да что это вы, сбрендили? растерянно бормотала она:— какая я вамъ жена?..

— А такая, что на глупость на эту, жениться, только для васъ и рѣшаюсь... Вотъ, при свидѣтеляхъ говорю, воскликнулъ

онъ, указывая на вбѣгавшую въ эту минуту въ комнату за оставленнымъ тутъ Александрой Павловной платкомъ Лизавету Ивановну:—а вы, всеобщая скорбей утѣшительница, внемлите! И онъ повторилъ ей сейчасъ сказанное имъ Анфисѣ.

Маленькая особа, нисколько не удивившись этому, кинулась на шею своей совсѣмъ оторопѣвшей „другини".

— Милая, да въ такомъ случаѣ радость-то намъ всѣмъ какая, двойная радость будетъ!.. Дождаться-то скорѣе только-бъ Богъ привелъ!..

И вдругъ остренькое, завялое личико ея приняло озабоченное, почти испуганное выраженіе:

— Николай Ивановичъ?

— Что̀ прикажете?

— А вы въ Бога вѣруете?

— А вамъ на что̀? брыкнулъ онъ, нахмуриваясь.

— Какъ же безъ этого ей иттить за васъ, голубчикъ, тревожно говорила она:—душа вѣдь у нея русская, христіанская, а какъ если мужъ да этого самаго не чувствуетъ...

— Ужь это, извѣстно, послѣднее дѣло, какъ бы вырвалось въ свою очередь у Анфисы.

— Ну, чего голосить-то? Вѣрую! прервалъ ихъ Ѳирсовъ, досадливо и смущенно махнувъ рукой: — отецъ у меня священникъ былъ, человѣкъ древній, строгій... Залегло! какъ бы извинялся онъ. И тутъ же, кривя губы, обратился къ Лизаветѣ Ивановнѣ:—Да вы, смотрите, не вздумайте объ этомъ по Москвѣ-то трезвонить: по нынѣшнему времени въ нашемъ ученомъ мірѣ этимъ совсѣмъ можно репутацію человѣка уронить...

— Не на показъ у человѣка вѣра-то, голубчикъ, не на показъ, въ сердцѣ надо имѣть... Ну и, значитъ, теперь совсѣмъ по правилу, анделъ мой!—вскинулась опять она цѣловать пріятельницу.

— Да что̀ это вы! бормотала та; она все какъ бы не пришла въ себя...

— Ну, ужь это вы съ нимъ орудуйте, разсмѣялась маленькая особа,—а что вы, голубчикъ, не раньше подъ вѣнецъ итти хотите, какъ если вогда наша-то голубка-барынька слезы

лить перестанетъ, такъ за это за самое Богъ вамъ обоимъ счастіе пошлетъ!

— И она, съ платкомъ Александры Павловны въ рукѣ, сіяя вся, побѣжала въ дѣтскую.

— Такъ какъ же, Анфиса Дмитріевна? спросилъ Ѳирсовъ, глядя на нее изподлобья.

— И съ мыслями со своими просто собраться не могу, Николай Ивановичъ, тихо вскликнула она, разводя руками:— чтой-то вамъ вздумалось, право? При моемъ низкомъ положеніи... и прежней жизни, какъ вамъ извѣстно, потому я этого никогда не скрывала...

— Ну, это мы оставимъ въ сторонѣ, прервалъ онъ ее чуть не съ сердцемъ:—грѣхъ да бѣда на кого не живетъ! На то человѣку и смыслъ данъ, чтобъ это понимать... А „вздумалось“ мнѣ, весело примолвилъ онъ, — потому, говорилъ я вамъ, что очень ужь умны вы... Ну и глаза эти синіе, что̀ твои фіалки, а я ихъ съ дѣтства страсть любилъ по вёснамъ въ лѣсу собирать...

Она взглянула на него внезапно засмѣявшимися, счастливыми глазами.

— Такъ намъ, значитъ, съ вами теперича въ ожиданіи оставаться? лукаво проговорила она.

— „Въ ожиданіи“, да, осклабился съ радости толстякъ;— и долго придется ждать-то, какъ по-вашему?—спросилъ онъ уже съ безпокойствомъ.

Она какъ бы укорительно закачала головой:

— Извѣстно, съ большою они совѣстью господинъ, сказала она, разумѣя Троекурова: — такъ развѣ согласятся они послѣ *того*, да къ женѣ опять, грѣха не омывши?...

Докторъ повелъ одобрительно подбородкомъ и слегка вздохнулъ.

XIV.

Je vais sortir d'un gouffre où triomphent les vices...
Molière. *Le misanthrope.*

Юдоль молчанья роковаго,
О, передай душѣ моей
Твоихъ стремнинъ покой угрюмый!
Гр. А. Толстой. *Іоаннъ Дамаскинъ.*

Тихо и однообразно потекла опять жизнь во Всесвятскомъ. Но всѣмъ тамъ почему-то будто полегчало, на всѣхъ будто повѣяло чѣмъ-то умиряющимъ,—„елейнымъ", какъ выражался докторъ Ѳирсовъ... Молодая хозяйка все такъ же задумывалась,—но неотступно и зорко наблюдавшая за нею Лизавета Ивановна замѣчала все чаще въ эти минуты мимолетную, какъ бы откуда-то извнѣ прилетавшую на ея губы, усмѣшку и трепетный огонекъ, загоравшійся одновременно въ глубинѣ ея вишневыхъ зрачковъ. „Отъ сердца отходитъ, значитъ", объясняла Анфисѣ, которой передавала она всѣ свои „замѣчанія", маленькая особа... Синеглазая „вдовушка" и докторъ бывали особенно оживленными въ почтовые дни: они гораздо болѣе откровенно, чѣмъ сама Александра Павловна, тревожились каждый разъ о томъ, получитъ-ли она или нѣтъ письмо отъ мужа... Онъ писалъ ей не пространно, но довольно регулярно, дружескимъ, но крайне сдержаннымъ тономъ, замѣтно избѣгая всего, что̀ могло касаться его внутренней жизни и личныхъ отношеній къ ней, заботливо разспрашивалъ ее о дѣтяхъ и просилъ сообщать ему о нихъ „какъ можно болѣе подробностей". О своей служебной дѣятельности онъ точно

также говорилъ мало. Она знала только, что онъ находится съ полкомъ въ грязномъ жидовскомъ мѣстечкѣ Царства Польскаго и, кромѣ офицеровъ своихъ и солдатъ, никого не видитъ... Разъ только проскользнула у него въ письмѣ слѣдующая коротенькая, встревожившая ее фраза: „Здѣшнее населеніе прямо плюетъ въ глаза войску, а мы стоимъ l'arme au bras и благодушно утираемся". Александра Павловна съ этого дня принялась усидчиво слѣдить за „польскими дѣлами" по одной изъ петербургскихъ газетъ, получавшейся во Всесвятскомъ. Но изо всего того, что̀ она тамъ вычитывала, она могла выводить лишь то странное для нея заключеніе, что „Поляки во всемъ правы, а Русскіе во всемъ виноваты", и никакъ не могла согласовать это въ мысли съ тѣмъ понятіемъ о предметѣ, которое истекало для нея изъ упомянутой фразы въ письмѣ Бориса Васильевича. Она попробовала было заговорить объ этомъ съ докторомъ, но тотъ только крякнулъ и сказалъ: „Поляки народъ острый, намъ съ ними, извѣстно, не совладать", послѣ чего она уже не возобновляла съ нимъ этого разговора; но письма ея къ мужу съ тѣхъ поръ не ограничивались уже отвѣтами на его вопросы: она все настоятельнѣе просила теперь въ свою очередь „подробностей" о немъ, о томъ, „что̀ дѣлается въ этомъ *ужасномъ краѣ*, гдѣ, видно, ему очень не легко жить"...

Недѣли три послѣ отъѣзда его, ей принесли однажды вмѣстѣ съ иностранными газетами письмо изъ-за границы... „Отъ Киры!" вскликнула она помимо воли, узнавая почеркъ... Она не рѣшилась читать его тотчасъ, боясь инстинктивно того впечатлѣнія, какое „должно оно было" произвести на нее. Но когда она вскрыла его наконецъ, впечатлѣніе это оказалось вовсе не тѣмъ, какимъ воображала она его себѣ заранѣе.

Вотъ (въ переводѣ съ французскаго) что̀ писала ей двоюродная сестра:

Ліонъ, 14 (26) октября 1862 года.

„Завтра я вступаю au noviciat des Religieuses de la Visitation de la Sainte Vierge. Завтра я умру для міра (je serai morte au monde).

„Нынѣшній день я еще принадлежу ему, имѣю право переноситься къ нему мыслью,—и выбрала этотъ день нарочно для бесѣды,—для послѣдней бесѣды съ тобою! Тобою я покончу послѣдніе мои счеты съ міромъ. Молю мысленно всѣхъ знавшихъ меня въ немъ отпустить мнѣ мои предъ ними вины вольныя и невольныя, но предъ тобой обязана я раскрыть всѣ тайники моей души и со слезами покаянія и стыда воззвать къ тебѣ о прощеніи мнѣ, о забвеніи всего, содѣяннаго мною *намѣренно* тебѣ зла.

„Ты его заранѣе даровала мнѣ, это прощеніе, знаю; ты признала меня „невиноватою" въ такую минуту и при такихъ обстоятельствахъ, когда всякая другая на твоемъ мѣстѣ вѣроятно прокляла бы меня. Ты этого не сдѣлала,—напротивъ... Слѣдуетъ-ли даже вмѣнить это тебѣ въ достоинство? Ты не размышляла объ этомъ, не побѣдила себя подлѣ долгой и мучительной борьбы съ собою; это просто вырвалось у тебя само собой, изъ прирожденныхъ тебѣ христіанскихъ и человѣчественныхъ инстинктовъ, при которыхъ тебѣ и *воли на добро* никакой не нужно.

„У меня ихъ никогда не было. Я родилась гордою, заносчивою, завистливою, — со всѣми пороками нашего вѣка... И разъ я коснулась этого, я прямо начну съ признанія: ты постоянно и одновременно возбуждала во мнѣ два, повидимому исключающія одно другое, чувства: пренебреженіе и зависть. Ты представлялась мнѣ всегда занимающею такое ничтожное мѣсто между мыслящими существами (occuper une place si humble dans le monde des êtres pensants), и твое незаслуженное, казалось мнѣ, счастіе возбуждало во мнѣ ожесточенный ропотъ противъ несправедливостей судьбы. Да, я презирала и завидовала въ одно и то же время. Чѣмъ глубже дорываюсь я въ душѣ до перваго источника *того*, что̀ началось для меня у васъ въ деревнѣ и кончилось въ Москвѣ, тѣмъ осязательнѣе обнаруживается это для меня. Не столько страсть — безумство! — къ *нему*, къ твоему мужу, сколько злость на то, что его жена — *ты*, сколько высокомѣрная мысль, что *такая* женщина, какъ ты, не способна удовлетворить умственнымъ требованіямъ *того* человѣка, котораго при-

знавала я достойнымъ *моей* любви, побудили меня... къ тому, что̀ было... Все *умъ*, все та же гордыня, кичeніе этимъ жалкимъ умомъ въ ничтожномъ человѣческомъ муравейникѣ!

„И здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ попыткахъ и замыслахъ моей жизни, ожидало меня немедленное разочарованіе. Я хотѣла испытать *его* въ Москвѣ, подвела къ твоему портрету въ кабинетѣ покойнаго Остроженко (онъ тамъ, вмѣстѣ съ моимъ, въ его коллекціи „des beautés de Moscou", какъ говорилъ старикъ,),—и поняла все: *онъ* не могъ вырвать тебя изъ сердца, хотя ему казалось, что онъ любитъ меня. Я поняла, что съ его стороны это былъ одинъ обманъ воображенія, и что онъ никогда не простилъ бы мнѣ въ душѣ своей, если-бъ я, въ силу этого обмана, разлучила тебя съ нимъ навсегда,— поняла, что не на *умъ*, а на нѣчто другое, высшее, откликается вѣчно то, что̀ есть лучшаго въ душѣ человѣческой... Изъ этой послѣдней встрѣчи моей съ нимъ я вышла чиста, но переломана навсегда (pure, mais brisée à jamais)...

„Повторяю, я даже теперь не смѣю извинять себя тѣмъ, что я *его* дѣйствительно любила... Ты — помнишь?— все прочила мнѣ въ мужья Гундурова, и не одной тебѣ на первый взглядъ могло казаться, что для меня дѣйствительно нельзя было бы пріискать лучшаго мужа. Но я чутьемъ понимала, что онъ меня никогда не полюбитъ, точно такъ же, какъ я никогда не была бы въ состояніи полюбить его. Его кто-то въ Петербургѣ называлъ „идея на ножкахъ". Я сама была тоже бродячая идея (une idée ambulante) съ менѣе чѣмъ онъ опредѣленнымъ и стойкимъ содержаніемъ, но съ тою же жаждой неудовлетворенной личной жизни. Мнѣ вѣчно хотѣлось чего-то большаго, общаго, чего-то неизвѣданнаго и чуждаго другимъ, чѣмъ могла бы наполнить я пустоту и безплодіе моего внутренняго я... И именно потому, что Гундуровъ близокъ мнѣ по природѣ, онъ никогда не нравился мнѣ, какъ человѣкъ,— и влекло меня то̀, что есть въ *немъ*, въ твоемъ мужѣ... нѣчто не *идейное*, а жизненное, крѣпко сидящее въ сѣдлѣ (fort en selle), *хотящее* прежде всего, а размышляющее потомъ... Но во мнѣ самой этого не было: я т[illegible] дала, но *хотѣть* не умѣла; — я не была спос[illegible] ечь свои ко-

рабли до тла изъ-за одного призрака счастія,—и отъ него же требовала впередъ гарантій, что, порывая съ прошлымъ, съ тобою, въ душѣ его не останется ни раскаянія, ни сожалѣнія... Онъ понялъ въ свою очередь, и тутъ же—я прочла это въ ту же минуту на его лицѣ,—оторвалъ, отринулъ меня отъ сердца... Я не виню,—не винила его и тогда. Онъ былъ правъ. Такихъ, какъ я, любить нельзя!

„Онъ вернется къ тебѣ,—я знаю! Для такихъ, какъ онъ,—да и не для нихъ однихъ!— возможны только подруги, какъ ты: простыя сердцемъ (simples de coeur), преданныя, любящія безъ оглядокъ, ни задней мысли. „Das ewig Weibliche", справедливо говорилъ про тябя твой дядя Овцынъ. Въ тебѣ тò, на чемъ стоитъ весь человѣческій строй: семья, общество, порядокъ. Ты—покой, ты—благоуханіе, ты утѣшеніе (tu es la paix, le parfum, la consolation), какъ сказалъ В. Гюго, кажется. Ты сильна именно тѣмъ, чтò я презирала въ тебѣ,—я, растерявшая душу въ безплодныхъ исканіяхъ не подлежащихъ *женщинѣ* цѣлей!.. Въ нашемъ, русскомъ обществѣ, гдѣ добродѣтель (la vertu), гдѣ исполненіе нравственнаго долга—единственно дѣло личнаго темперамента, а не какихъ-либо твердо, общимъ сознаніемъ утвержденныхъ началъ, для такихъ существъ, какъ я, предстоятъ лишь два исхода: позоръ (la honte), или та школа тупаго и безплоднаго ожесточенія, въ которой учителями являются господа въ родѣ двоюроднаго твоего брата Иринарха.

„Я нашла третій—добровольное отреченіе отъ самой себя, отъ своего безполезнаго и постыднаго я... Твоя *православная* совѣсть (ta conscience *orthodoxe*) возмутится, я не сомнѣваюсь, мысля объ *овцѣ, бѣгущей отъ роднаго стада*. Не нахожу нужнымъ вступать здѣсь въ разсужденіе объ этомъ предметѣ... Скажу тебѣ одно: мнѣ нужна желѣзная рука, подъ которую я съ довѣріемъ и *страхомъ* (avec confiance et terreur) могла бы всецѣло отдать мою строптивую природу (ma nature rebelle). Ты скажешь мнѣ: „развѣ не отыскала бы ты такую, не покидая лона *нашей* церкви?" Можетъ быть, не знаю... У насъ воспитываются всѣ такъ мало въ познаніи ея, что я во всякомъ случаѣ не знала бы, *гдѣ* искать тò, чего алчу я, въ этой, *твоей*, церкви.

„Прости! Я покорила свою гордость и, раскаянная, клоню предъ тобою повинную голову мою во прахъ. Много слезъ, знаю, пролила ты чрезъ меня, но твои слезы изъ тѣхъ, отъ которыхъ „Божьи цвѣты разцвѣтаютъ“, какъ выражается твоя Лизавета Ивановна (напомни обо мнѣ, когда увидишь, этой доброй душѣ!), а мои лишь палили мнѣ душу, какъ огненнымъ дождемъ... Завтра выплачу я послѣднія у подножія Распятія и, стряхнувъ на вѣки ветхаго человѣка, пойду, радостная и свѣтлая, за Нимъ... за терновымъ вѣнцомъ,—его же призываю всѣми силами, всѣми голосами души моей!“

Письмо это не было подписано, но подъ нимъ стояло postscriptum съ адресомъ улицы, на которой находился монастырь des Visitandines, и словами: „A la soeur Colette“. Это было католическое имя, принятое Кирой. За этимъ слѣдовала коротенькая приписка: „Предваряю тебя, что всѣ получаемыя нашими сестрами письма отдаются имъ въ руки не иначе, какъ по предварительномъ прочтеніи матушкой-игуменьей (la mère-Supérieure)“.

Дойдя до конца, Александра Павловна выронила листокъ изъ рукъ и заплакала.

— О чемъ это, о чемъ, анделъ мой? воскликнула, входя въ эту минуту въ комнату, Лизавета Ивановна и кинулась къ ней.

— Отъ Киры... письмо вотъ сейчасъ получила, пролепетала Троекурова.

— Гдѣ она, княжна-то наша? подымая его, спросила та.

— Во Франціи, въ монастырь поступила, въ католическій...

Маленькая особа вздрогнула вся:

— Вѣру перемѣнила, Господи! Изъ чего-жь это?

Александра Павловна взяла у нея письмо и перевела ей относящіяся до этого строки.

У Лизаветы Ивановны заискрились глаза:

— „*Искать гдѣ* не знаетъ, подъ чью руку отдать себя съ довѣріемъ и страхомъ“! повторила она негодующимъ голосомъ,—и, обернувшись быстрымъ движеніемъ къ образу Спасителя въ углу комнаты, указала на него:—А Его забыла! *Его Страс*тотерпца-Господа руки ей мало!.. И вдругъ стихла

вся и словно смутилась:—А впрочемъ, анделъ мой, кійждому свое, сказано. Чтò какой душѣ требуется; ейной-то—видимо всегда это было,—подъ веригами легче, чѣмъ на своей волюшкѣ, а у насъ дѣйствительно очень ужь ослабѣло все. Вотъ и пошла она *искать* у иноплеменныхъ... А и тò сказать: чтò у насъ, чтò у нихъ—Христосъ одинъ вѣдь, анделъ мой, заключила маленькая особа, перекрестилась, и внезапная улыбка освѣтила все ея увялое личико. — Господь-то къ лучшему устрояетъ всегда, милая! Нашла, наконецъ, княжна пріютъ душенькѣ своей безпокойной, а у васъ заноза послѣдняя изъ сердца вонъ...

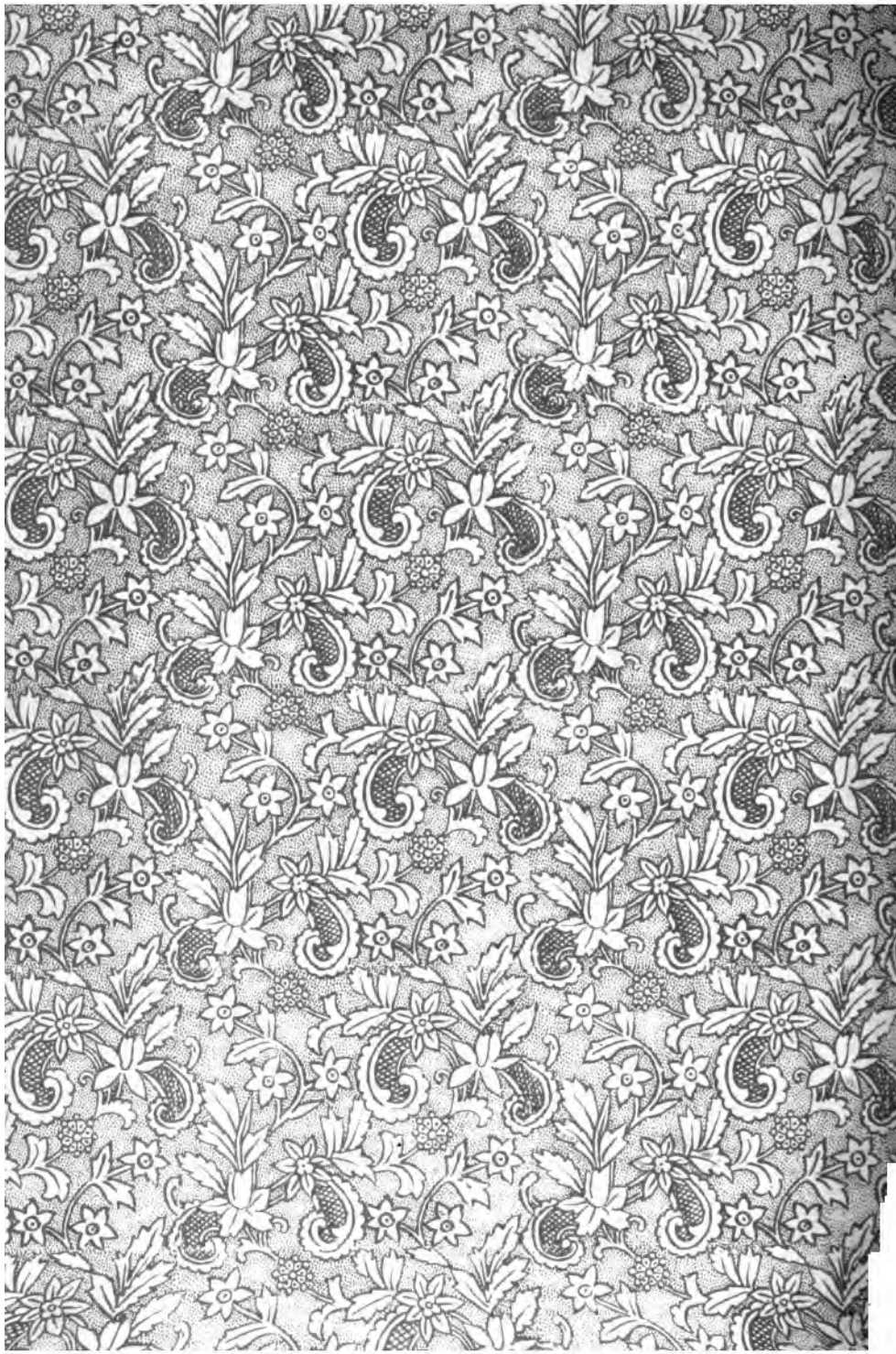
Она оборвала разомъ, какъ бы испугавшись этихъ вырвавшихся у нея словъ, и глянула тревожнымъ взглядомъ въ лицо Александры Павловны.

Но слезы уже просохли на глазахъ молодой женщины,— и свѣтились теперь эти вишневые глаза тѣмъ былымъ, тихимъ и глубокимъ сіяніемъ счастія, которое, казалось еще недавно, должно было погаснуть въ нихъ такъ же безвозвратно, какъ огонь на алтаряхъ Гомеровскихъ богинь... „*Онъ* вернется къ тебѣ, я знаю",—звенѣли въ ней слова изъ письма, лежавшаго на ея колѣняхъ,— „такихъ, какъ я, не любятъ. *Онъ* не могъ вырвать *тебя* изъ сердца... *Онъ* можетъ любить только такую какъ ты: *простую сердцемъ*... Ты для *него* покой, благоуханіе, утѣшеніе..." Послѣдняя заноза дѣйствительно была вырвана; столиственныя розы, еще пахучѣе, еще пышнѣе, чѣмъ прежнія, разцвѣтали вновь со дна выстрадавшагося существа „Сашеньки". Заалѣвшія уста шептали беззвучно слова хвалы и благодаренія, сердце билось невыразимо сладко... Онъ вернется, онъ скоро вернется,—стояло въ головѣ ея,—„онъ пойметъ, что никакой „эпитиміи" болѣе не нужно, что все прошло, все минуло, испытанія и муки, что я жду его, страстно, мучительно жду и люблю,—люблю какъ прежде, сто разъ болѣе, чѣмъ прежде. И онъ пріѣдетъ, я кинусь встрѣчать его, онъ выскочитъ изъ коляски, обоймет меня, прижметъ къ сердцу, тихо, тихо, чтобъ никто разслышать не могъ, проговоритъ мнѣ на ухо: „вотъ я опять твой, навѣки твой, навѣки"!..

Суждено-ли было осуществиться, и осуществиться именно такъ, тому, что обѣщало въ эту минуту предчувствіе Александрѣ Павловнѣ Троекуровой, о чемъ грезила она, къ чему стремилась каждымъ фибромъ своего существа,—мы этого не скажемъ теперь, и не знаемъ, скажемъ-ли когда-нибудь... Писать въ наши дни, писать о нашихъ дняхъ—тяжелая задача, благосклонный читатель! И чѣмъ ближе стала бы подходить наша *правдивая исторія* къ этимъ переживаемымъ нами днямъ, тѣмъ должна была бы она, роковою силой вещей, принимать съ каждою новою страницей все болѣе унылый, все болѣе мрачный колоритъ...

КОНЕЦЪ.

25p



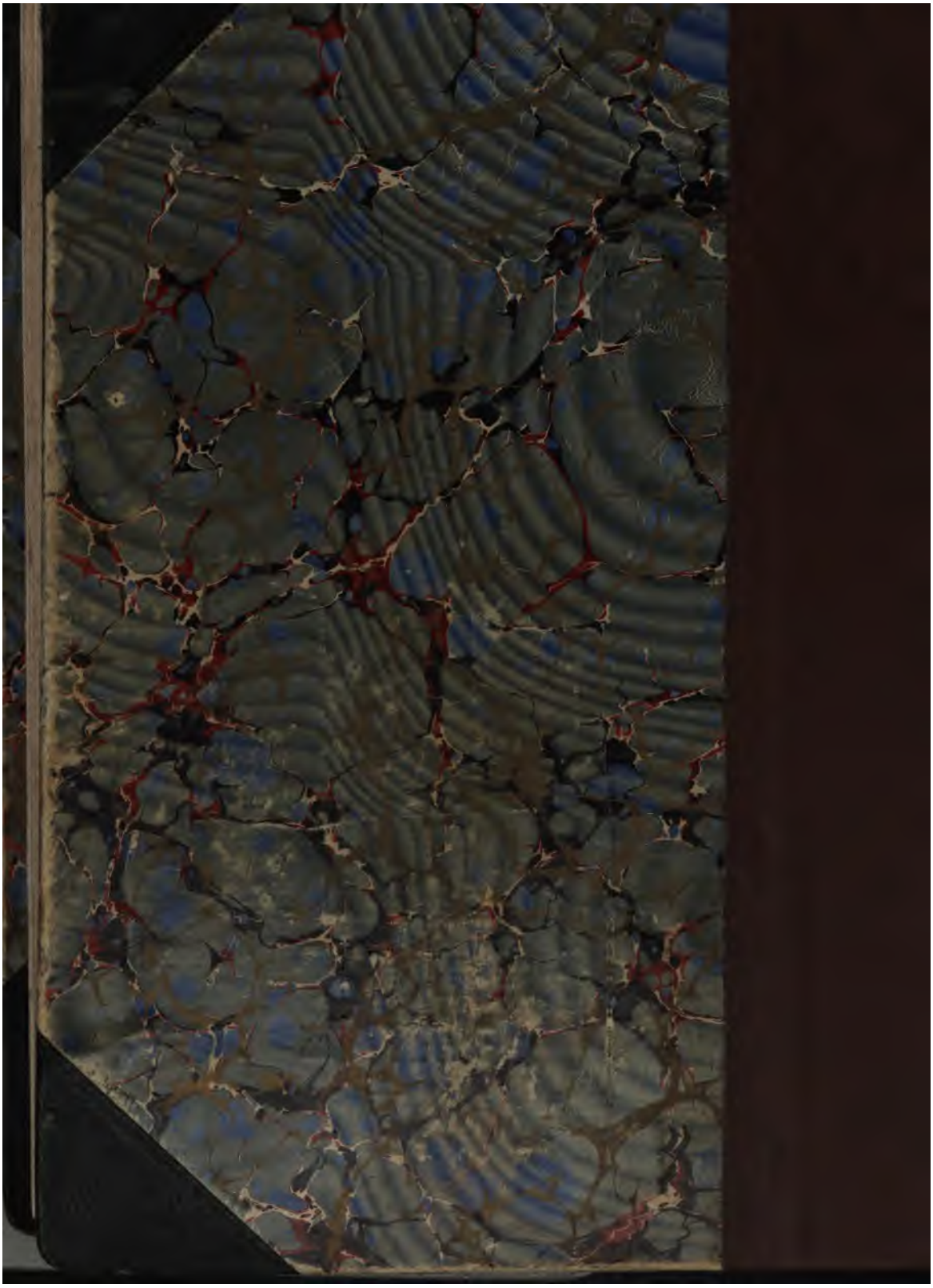
3 6105 015 012 524

PG
3467
.M327
1885
v.7

DATE DUE

STANFORD LIBRARIES

SEP 16 1987

I.L.L.

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305